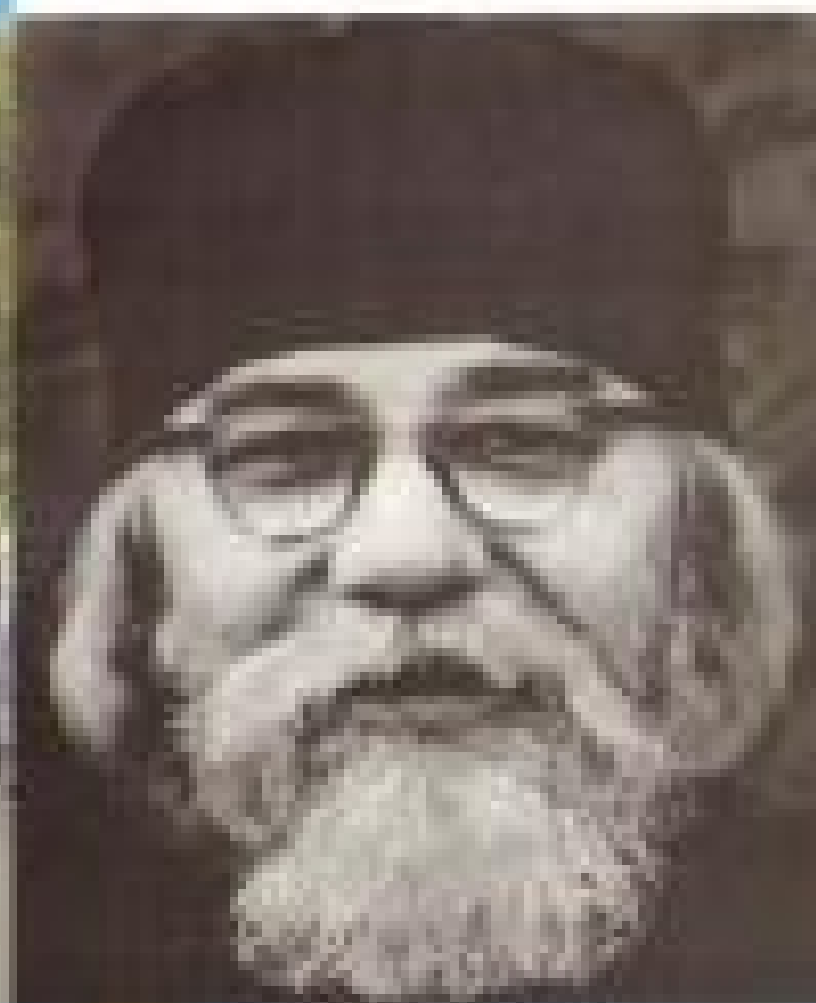
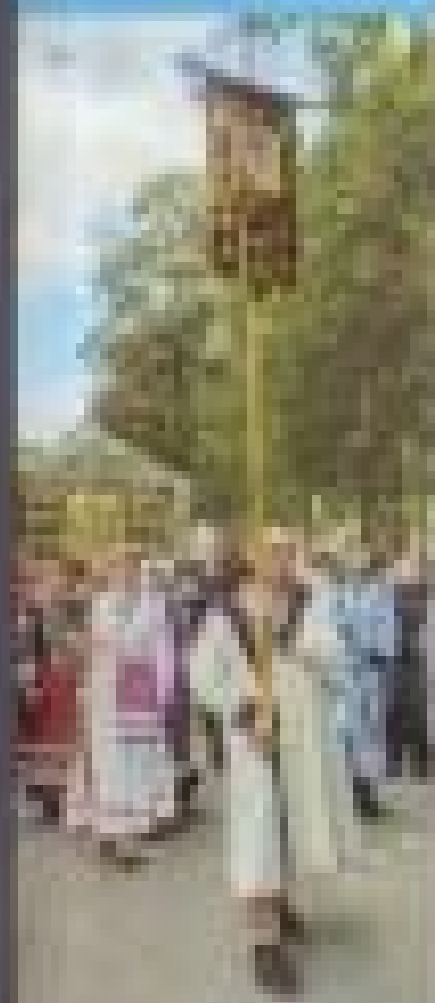

ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ОТЕЦ ИОАНН
(КРЕСТЬЯНКИН)

В. Бондаренко

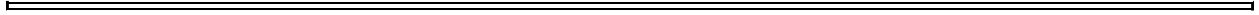
ВЕХ

Annotation

«Добрый пастырь», «земной ангел и небесный человек», «духовник всея Руси» — так называли великого старца Русской Православной Церкви архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910—2006). Почти столетняя жизнь отца Иоанна была посвящена беззаветному служению Богу и людям. Он оставил по себе настолько светлый след, что и после кончины по-прежнему остаётся нравственным камертоном, по которому сверяют себя тысячи православных по всему миру. Новая книга историка и писателя Вячеслава Бондаренко основана на архивных материалах и воспоминаниях людей, лично знавших старца, и содержит множество ранее неизвестных подробностей его биографии. Книга выходит в год 1030-летия крещения Руси и 545-летия Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где подвизался о. Иоанн.

- [Отец Иоанн \(Крестьянкин\)](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ТЕРМИНОВ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Отец Иоанн (Крестьянкин)

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1962

(1762)

Вячеслав Бондаренко

**ОТЕЦ ИОАНН
(КРЕСТЬЯНКИН)**

**И ПУТЬ, И ИСТИНА,
И ЖИЗНЬ**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2018

*Посвящаю светлой памяти
монаха Лазаря (Афанасьева, 1932—2015)*

О, какое же это счастье, ни с чем не сравнимое, —
веровать в Бога, любить Его, страдать за Него!

Преподобный Серафим (Романцов)

Православие нельзя рассказать, его
можно только показать жизнью.

Святейший Патриарх Московский

и всея Руси Алексей II

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель держит в руках биографию знаменитого подвижника православной веры — архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Первые шаги для того, чтобы обобщить жизненный и духовный опыт великого старца, были предприняты ещё при его жизни. Сначала архимандрит Тихон (Секретарёв), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где в 1967—2006 годах подвизался о. Иоанн, попросил близких к нему людей написать о нём воспоминания. Но эта затея потерпела неудачу — все, к кому обратились с просьбой, отказались на том основании, что сам о. Иоанн не одобряет «прославителей и прославательниц». Тогда отец наместник обратился к самому батюшке — и столкнулся с энергичным отпором:

— Какие ещё воспоминания? О ком это? О человеке, прошедшем всю свою жизнь на ярмарке? Обо мне одно воспоминание — поживе и умре, поживе и умре!

Зная скромность старца, архимандрит Тихон привёл другой аргумент:

— Батюшка, писать о Вас всё равно будут непременно, но именно те, кто мало что знает, но много выдумает. И тогда измышлениям о Вашей жизни не противопоставится правда. Да и возможность злонамеренно использовать Ваше имя не исключена.

Отец Иоанн задумался. После долгого молчания он перекрестился и благословил на труд, добавив одно пожелание:

— Только акафистов мне не пишите.

— Может, будет правильно подключить к работе писателя-профессионала?

— Нет, нет, сами пишите, кто был рядом, кто видел меня, и кого знал я.

А келейнице Татьяне Сергеевне Смирновой потом добавил:

— Ну уж раз говорят, что это необходимо, то делай сама, но смотри, чтобы не было выдумок и глазки-то у вспоминальщиков не блестели, но говорили лишь о том, что я дал вам видеть.

Своему духовному чаду о. Тихону (Шевкунову), ныне митрополиту Псковскому и Порховскому, о. Иоанн также дал своеобразный наказ:

— Вот, скоро я умру. Поэтому потрудись, напиши то, что ты помнишь и хочешь сказать обо мне. А то потом вы всё равно будете писать и такого можете надумать, что будет как у бедного отца Николая (о. протоиерея

Николая Гурьянова. — В. Б.), который и «котиков воскрешал», и другие небылицы. А тут я сам всё просмотрю и буду покоен.

Так начался сбор материалов для биографии о. Иоанна, впоследствии положенных в основу книг архимандрита Тихона («Земной Ангел и Небесный человек» и «Христов пастырь») и Т. С. Смирновой («Память сердца» и «Божий инок»). Их главные достоинства — личное общение авторов с о. Иоанном на протяжении длительного времени, благоговейная любовь к своему герою, масса бесценных подробностей и документов, опубликованных впервые.

Не менее важным является и другой завет, данный о. Иоанном в одном из писем: «Читайте литературу репринтного издания, а не современную, где много фантазии и даже лжи, да ещё без цензуры изданную».

Таким образом, биограф о. Иоанна находится в сложном положении — ведь старец был против изложения своей жизни на бумаге человеком, которого он не знал лично, хотел сам заверить текст написанного и к тому же весьма нелюбезно отзывался о современной литературе. Однако нрав и архимандрит Тихон: невзирая ни на что, о старце уже писали, пишут и, несомненно, будут писать ещё долгие годы. Желание постичь его загадку, осмыслить колоссальное воздействие о. Иоанна на жизнь нашей страны в XX и начале XXI века возникает у самых разных людей — и тех, кто общался с батюшкой при жизни, и тех, кто знал его лишь заочно, и тех, кто открыл его для себя после его ухода. Так что появление новых очерков, статей и книг о нём закономерно и неизбежно.

К такого рода попыткам прикоснуться к чуду о. Иоанна относится и настоящая его биография. К сожалению, автор не имел счастья знать своего героя при его жизни и общаться с ним. Поэтому при написании книги была использована вся доступная литература об о. Иоанне, созданная на данный момент, документальные фильмы о нём, материалы архива Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и других архивов, публикации в прессе и Интернете, устные воспоминания людей, лично знавших старца. В работе автор строго руководствовался рекомендацией самого о. Иоанна — не писать ему акафистов, то есть хвалебных песнопений. Смеем заверить читателя, что эта книга — не акафист, не житие святого, не словесная икона, где изображён некий идеальный образ. Отец Иоанн Крестьянкин шёл к себе самому через длинную цепь сложных испытаний — и духовных, и телесных. Тем поучительнее итог его жизни, продолжающей светить нам и сегодня. Нет здесь и фантазий, и лжи, присущих, как с грустью констатировал о. Иоанн, современной литературе: биография — не роман, и придумывать занимательные ходы для пущей «читабельности»

непозволительно, тем более что правда о жизни о. Иоанна увлекательна и поучительна сама по себе. Ряд предположений, высказываемых автором в книге, основан на имеющихся в его распоряжении фактах и не претендует на истину в последней инстанции.

Не менее важным оказался завет, данный о. Иоанном издателям его проповедей: «Молчание — тайна будущего века, и я уже ухожу в молчание. Но если кому-то будет польза от того, что говорилось мною ранее, то да благословит вас Господь на дело сие, но не нам, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113: 9). Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Её соборности». Хотя это пожелание и не относится напрямую к биографу, слова «Покажите наше время, жизнь Церкви и дух Её соборности» были тем камертоном, по которому автор старался настроить повествование.

А вот ещё один завет о. Иоанна будущему биографу: «чтобы глазки не блестели», — при всём желании выполнить не удалось. Конечно же, это пожелание неосуществимо — у всех, кто соприкасался с о. Иоанном очно или заочно, так или иначе «глазки блестят» с первых же минут. Как говорил он сам, «тот, кто попал в мою орбиту, попал в неё навсегда». Автор надеется, что с прочтением этой книги число «попавших в орбиту» о. Иоанна увеличится...

Одному из своих корреспондентов, писавших о святом праведном Иоанне Кронштадтском, о. Иоанн советовал: «Молись ему теперь и увидишь, как его предстательством сама напишется работа о нём. Тебе на радость и утешение будет труд этот». Эти слова можно применить к работе над этой книгой — труд был радостным, и особую радость доставляло общение с людьми, которые помогали сделать рассказ об о. Иоанне ярче.

Автор выражает глубокую благодарность Патриаршему Экзарху всея Беларуси митрополиту Минскому и Заславскому Высокопреосвященнейшему Павлу, благословившему его на создание этой книги и поделившемуся своими воспоминаниями об о. Иоанне; наместнику Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря в 1995—2018 годах архимандриту Тихону (Секретарёву), благословившему на беседы с насельниками обители; помощнику о. Иоанна в последние годы жизни, благочинному Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандриту Филарету (Кольцову), поделившемуся яркими и эмоциональными воспоминаниями; насельнику Свято-Введенской Оптиной пустыни иеромонаху Платону — за ценные консультации по судьбе И. А. Соколова; насельнице Свято-Введенского женского монастыря (г. Орёл) монахини Анне — за воспоминания об орловских годах семьи Крестьянкиных.

Поистине бесценным было общение с людьми, шедшими по жизни с о. Иоанном долгие годы, его духовными чадами. В первую очередь, это келейница и письмоводитель Татьяна Сергеевна Смирнова (Печоры), хранительница архива и духовного наследия старца. Бережно сохранили у себя дома все, связанное с о. Иоанном, Алексей Борисович и Марина Викторовна Ветвицкие (Москва), чья квартира была «штабом» батюшки во время его наездов в столицу. Алевтина Петровна Мизгирёва (Москва) и Антонина Алексеевна Черенкова (Ермишь) рассказали о встречах с о. Иоанном времён его служения на рязанских приходах, Ольга Борисовна Сокурова и Глафира Павловна Коновалова (Санкт-Петербург) — об общении с ним на протяжении 1970—1990-х годов.

Очень важной была добрая, вдохновляющая поддержка со стороны старших коллег по серии «ЖЗЛ» — Юрия Михайловича Лощица (Москва) и Валерия Николаевича Сергеева (Ростов Великий). Выдающийся русский искусствовед, без преувеличения великий знаток иконописи, автор неоднократно изданной в серии «ЖЗЛ» и за рубежом классической биографии «Андрей Рублёв» В. Н. Сергеев оказал автору большую честь, специально для этой книги написав обширный мемуарный очерк о своём послевоенном детстве в Измайлове и встречах с о. Иоанном в конце 1940-х годов. К сожалению, этот очерк оказался одной из последних его работ — Валерий Николаевич ушёл из жизни 29 апреля 2018 года, за два дня до своего 78-го дня рождения, на следующий день после ухода Печерского старца Адриана (Кирсанова)...

Хочется сказать слова искренней благодарности в адрес земляков о. Иоанна, знатоков истории города Орла и Орловского края — Анатолия Ивановича Перелыгина, Анатолия Константиновича Мищенко, Андрея Валерьевича Дунаева, Дарьи Юрьевны Фурманской, — каждый из которых так или иначе был причастен к появлению этой книги. Особый вклад внесли руководитель Орловского отделения Общества исторического просвещения «Двуглавый орёл» Константин Борисович Грамматчиков и краевед Александр Михайлович Полынкин (посёлок городское типа Покровское Покровского района Орловской области), любезно предоставивший в распоряжение автора обнаруженные им в Государственном архиве Орловской области материалы о роде Крестьянковых. Находки А. М. Полынкина по праву могут считаться генеалогической сенсацией, ведь они вводят в научный оборот новые данные о семье о. Иоанна.

Также автор приносит сердечную благодарность за помощь в работе над книгой Максиму Владимировичу Мисько, Александру Владимировичу

Чирко (Минск), Зиновию Александровичу Чеснокову, Денису Глебовичу Подвойскому (Москва), Юрию Вениаминовичу Гераськину, Игорю Васильевичу Евсину, Игорю Николаевичу Гребенкину, Петру Владимировичу Акулыиину, Михаилу Евгеньевичу Савостьянову, Елене Феликсовне Яшагиной (Рязань), о. протоиерею Михаилу Аблязову, Николаю Семёновичу Мишину, Надежде Николаевне Игнатовой (село Троица Спасского района Рязанской области), Римме Павловне Ларкиной (село Половское Спасского района Рязанской области), Максиму Ивановичу Кузнецову (село Надежка Ермишинского района Рязанской области), о. протоиерею Петру Сосновикову, Павлу Владимировичу Булгакову (село Борец Сараевского района Рязанской области), Галине Александровне Ларчевой, о. Сергию Правдолюбову, Александре Владимировне Правдолюбовой (Касимов), о. Симеону Правдолюбову (посёлок Сынтул Касимовского района Рязанской области), Владимиру Владимировичу Глинскому, Дмитрию Даниловичу Ковалику (Печоры), сотрудникам Центрального архива ФСБ России (Москва), Государственного архива Орловской области, Орловского краеведческого музея, Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина (Орёл), Псковской областной универсальной научной библиотеки (Псков), Странноприимного дома Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря (Печоры).

Отдельные благодарности — почётному настоятелю храма Святителя Николая Чудотворца (Касимов) о. протоиерею Владимиру Правдолюбову, поделившемуся воспоминаниями и сделавшему ряд замечаний по тексту книги; настоятелю храма Живоначальной Троицы (Троицкое-Голенищево) о. протоиерею Сергию Правдолюбову, сделавшему ряд ценных уточнений и оказывавшему автору тёплую и очень важную духовную поддержку; председателю Синодального паломнического отдела Белорусской Православной Церкви о. протоиерею Александру Ширитону за помощь в организации паломничества в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; дорогому другу, настоятелю храма Святого великомученика и Победоносца Георгия (деревня Слободка Столбцовского района Минской области Беларуси) о. Николаю Куренкову, который, несмотря на тяжёлую болезнь, нашёл время ознакомиться с рукописью и сделал ряд замечаний; Артему Юрьевичу Ефимову, благодаря которому автор впервые осознанно прикоснулся к судьбе о. Иоанна; Александре Витальевне Чистяковой, благодаря чьей бескорыстной помощи биографию украсил ряд иллюстраций; прихожанке храма Живоначальной Троицы, краеведу Ольге Сергеевне Бируле-Тиханкиной (село Троица Спасского района Рязанской

области), предоставившей ценные иллюстрации и множество интереснейших сведений, касающихся служения о. Иоанна на Рязанщине.

Книга носит заглавие «Отец Иоанн (Крестьянкин). И путь, и истина, и жизнь». На наш взгляд, эта цитата из Евангелия от Иоанна (апостола любви, в память которого о. Иоанн принял монашеское имя) как нельзя лучше отражает суть судьбы старца. Его духовный путь, непрестанно постигаемая им истина и прожитая жизнь гармонично сливались в единое целое — вдохновенное служение Господу и людям. И если благодаря этой книге читатель заинтересуется духовным наследием о. Иоанна или откроет для себя какие-либо новые черты в его образе, задачу, которая ставилась в начале работы над биографией, можно будет считать выполненной. Автор надеется, что книга станет скромным вкладом в дело канонизации о. Иоанна (Крестьянкина).

Биографию автор посвящает памяти своего первого духовного наставника и учителя в литературе — монаха Лазаря (Афанасьева, 1932—2015). Упокой, Господи, его душу.

Слава Богу за всё.

Глава 1

РОДНЫЕ МЕСТА

Наш герой родился там-то в таком-то году — так нередко начинаются жизнеописания. После зачина биограф чаще всего сразу переходит к рассказу о семье своего героя и его детских годах, торопясь привести читателя к тому главному, ради чего и затевалась книга. Мы же не будем торопиться, руководствуясь высказыванием Гёте: «Кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Под словом «поэт» Гёте, конечно, понимал «человека духа», «творца», и в таком смысле это высказывание вполне применимо к о. Иоанну Крестьянкину — чтобы понять, кем он стал и почему, нужно для начала взглянуть на карту России и найти на ней город с гордым названием Орёл.

Это середина, срединная Русь. Как писал И. С. Тургенев, «на тысячу вёрст — кругом Россия — родная земля», и это точное определение: от Орла примерно одинаковое расстояние что до северных пределов страны, что до южных. Для местных жителей равно привычны и родны и бескрайние степи, и могучие дубравы Орловского Полесья, и течение Оки, и виды, открывающиеся с покатых холмов Среднерусской возвышенности. Здесь соединяются, сплавляются воедино все особенности, характерные для русской природы разных краёв.

Сейчас Орловщина срединна, но когда-то она была южным пограничьем Руси — здесь проходил поход князя Игоря на половцев, здесь, согласно былинае, схватились Илья Муромец с Соловьём-разбойником. И сам город Орёл был основан Иваном Грозным в 1566 году именно как передовая пограничная крепость. К исконным жителям этих мест — потомкам вятичей — добавились городовые казаки, охранявшие Орловщину от набегов степняков. В начале XVII столетия сюда, на окраину, стремились люди, чем-либо провинившиеся перед государством, беглые крестьяне, будущие участники смут. Безудержная лихость и стойкость в обороне, бунтарский дух и сострадание к ближнему, умение не отчаиваться и способность найти общий язык даже с врагом — эти качества вырабатывались в местных людях столетиями.

На редкость разнообразная природа и бурная история, закалившая народный характер... Неудивительно, что именно Орловщина вдохновляла

множество писателей и поэтов, самые крупные величины из которых — Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Н. С. Лесков, Л. Н. Андреев, М. М. Пришвин, Б. К. Зайцев (это только те, кто родился в тамошних местах; писателей, которые какое-то время жили в Орле или рядом, ещё больше, и их список по праву возглавляют В. А. Жуковский и И. А. Бунин). Один из них, Николай Лесков, очень точно сказал о своей родине: «Орёл вспоил на своих мелких водах столько литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город». «Плодородное подстепье, где образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все русские писатели», — вторил ему Иван Бунин. Борис Зайцев: «Место встречи северо-средней Руси с южною, Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу в Московскую, области <...> Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людей искусства». В этом смысле именно Орёл вполне может считаться третьей, после Москвы и Петербурга, столицей отечественной литературы, а писатели-орловцы по праву причислены к наиболее тонким и чутким знатокам русского характера и мировосприятия.

Не менее интересна и духовная история здешних мест. Вятичи принимали православие медленно и как бы этапами: сначала киевский князь Владимир Святославич крестил их «лучших мужей», а главную миссию по обращению племени в христианство выполнил иеромонах Киево-Печерского монастыря Кукша — по одной из версий, бывший вождь вятичей, пленённый и постриженный в монахи Владимиром Мономахом, а затем вернувшийся к своему народу уже проповедником. Киево-Печерский патерик сохранил сведения о многих чудесах, творимых Кукшей, — он «бесов прогна, дождь с небесе сведе, езеро иссуши» (имеется в виду священное озеро язычников). По легенде, которая передавалась в Орле в начале XX века, креститель края жил в лесу недалеко от деревни Карандаково, в десяти верстах от Мценска. Там он выкопал колодец, получивший в народе название «Страдальческого святого» и сохранившийся по сей день. Там же и оборвалась его земная жизнь — в ночь на 27 августа 1113 года язычники напали на Кукшу и его ученика Никона, долго мучили их, а затем отвели к болоту и обезглавили.

Семена, брошенные священномучеником Кукшей, прорастали трудно и медленно. Несмотря на то что местная знать приняла православие, в землях вятичей новая вера долго соседствовала с язычеством, а проповедники часто становились жертвами разбойников, населявших леса. Дополнительные трудности создавала и отдалённость Чернигова, в епархию которого входила будущая Орловщина. В итоге на момент Батыева

нашествия земли вятичей так и не были полностью христианизированы, а век спустя, в 1365-м, они были захвачены Литвой. Только в 1500 году великий князь Московский Иван III закрепил западные города будущей Орловщины за Русью; 66 лет спустя был основан сам Орёл. И хотя край ещё долгое время восстанавливался после литовского владычества и набегов татар, Орловщина постепенно становилась южным форпостом православия. В 1500 году в крепости Мценск уже существовал Петровский монастырь; сразу после основания Волхова в 1554-м был создан Оптиный монастырь Рождества Богородицы, появились свои обители в Орле (Богоявленская), Ливнах (Сергиевская), Кромах (Троицкая). Смутное время начала XVII века сильно ударило по церковной жизни края, но не прервало её ход: разорённые монастыри восстанавливались под новыми названиями (мценский Архангельский стал Вознесенским, Петровский — Петропавловским) или переносились в другое место (так, орловский Богоявленский монастырь в 1640-х годах был переведён в Острог, а сорок лет спустя — на Взвозную гору с переименованием в Успенский). В конце столетия были основаны новые обители — Введенский женский монастырь недалеко от Орла, Николаевский женский в Ливнах, Троицкий Свято-Духов мужской и Ильинский женский в Новосиле.

Монастырским краем Орловщина перестала быть лишь при Екатерине II. Согласно штату 1764 года сохранялись только два орловских монастыря мужской Успенский и женский Введенский; монастыри Мценска, Волхова и Новосили были выведены за штат (то есть на собственное содержание), а прочие упразднены. Но одновременно росло число приходских храмов: если в 1755 году в Орле было 11 церквей, то в 1787-м — 22. В 1778 году в Севске заработала духовная семинария, а в Брянске и Карачеве — духовные училища. 15 сентября 1779 года такое училище было создано и в Орле, год как ставшем губернским городом. Под него был выделен третий этаж каменного корпуса Успенского мужского монастыря. Всё это причудливым образом сочеталось с отголосками лихой орловской жизни прежних времён — Орловщина была родиной скопчества, там прочно укоренилось старообрядчество (один из иерархов, побывав в Орле, писал, что «здесь почти всё дышит расколом»), время от времени возникали ереси, а священство и монашество страдало от разбойничьих шаяк, с которыми не могли сладить местные воинские команды.

В 1788 году была создана Орловская епархия, причём до 1819 года орловские архиереи имели место пребывания в Севском Спасском монастыре. В пределах епархии насчитывалось 824 храма. С конца XVIII столетия почти все древние каменные церкви в Орле перестраивались,

закладывались и новые. Так, в день коронации Павла I в 1797 году епископ Орловский и Севский Аполлос (Байбаков) заложил собор во имя Павла Исповедника (постройка этого храма затянулась до 1841 года; с 1861-го он именовался Петропавловским, в 1923-м был закрыт, в 1940-м — уничтожен; сейчас на его месте монументальное здание Орловской областной универсальной научной библиотеки имени И. А. Бунина, фасадная и боковая колоннады которой «позаимствованы» у собора), а в 1801—1817 годах на правом берегу реки Орлик был построен красивейший храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделами Святого Архистратига Михаила и Святого Иоанна Воина — он, к счастью, сохранился и радует глаз по сей день.

Дальнейшее развитие церковной жизни Орла и губернии было плавным. В 1819 году епископ Орловский и Севский перенёс резиденцию в Орёл, в 1827-м туда же переехала семинария. 1843 год ознаменовался гибелью в пожаре Введенского монастыря, который после этого был воссоздан на юго-восточной окраине Орла; хранившийся в нём список с иконы Божьей Матери Балыкинской с 1858 года почитался как чудотворный. Появлялись в губернии и новые монастыри — в 1875-м Богородично-Всехсвятский, в полуверсте от Волхова, а в 1884-м — Марии Магдалины в селе Никольском. Большими событиями для орловцев стали прибытие 25 августа 1895 года в город написанной в Киево-Печерской лавре иконы священномученика Кукши и освящение 13 октября 1902 года храма Иверской иконы Божьей Матери, заложенного в честь коронации Николая II. А 6 мая 1904-го государь встретил в Орле свой день рождения. Это посещение императором Орла превратилось в народный праздник, описание которого выглядело так:

«К приезду Царя Орёл украсили флагами, гирляндами, вензелями. Места по маршруту следования Царя были заранее распределены между учащимися, представителями сословий и корпораций. Визит Императора превратился в грандиозную демонстрацию верноподданнических чувств.

В Орле Его Величество изволил принимать депутации от города, дворянства, прочих сословий и правительственных учреждений. После приёма депутатов Государь Император отбыл в церковь 51-го Черниговского драгунского полка, где слушал Литургию и молебен. Пели полковые певчие и ученики местной церковной школы, а “Верую” и “Отче наш” были исполнены общим пением солдат и присутствующим в храме народом. По окончании богослужения священник отец Митрофан Сребрянский имел счастье обратиться к Государю Императору с приветственными словами. Поблагодарив за приветствие, Николай II

милостиво расспрашивал отца Митрофана о состоянии местной церковной школы, о певчих, выразив особое своё одобрение общему пению.

Из церкви Черниговского полка Его Императорское Величество в сопровождении Государя Наследника и Великих князей изволил отбыть в Кафедральный собор, восторженно приветствуемый по всему пути тысячными толпами народа. При входе в собор Императора встретило соборное духовенство во главе с ректором семинарии протоиереем В. А. Сахаровым со Святым Крестом. Приложившись ко Кресту, Государь изволил проследовать вперёд и выслушать краткое молебствие с многолетием. После этого настоятельница Орловского Введенского монастыря игуменья Антония удостоилась поднести Его Величеству икону Балыкинской Божией Матери. Император Николай с благодарностью принял подношение.

Затем, из собора, Государь отбыл на станцию “Орёл” для дальнейшего следования».

Меньше чем через месяц, 3 июня, Орёл посетила также великая княгиня Елисавета Фёдоровна с мужем, великим князем Сергием Александровичем. Они провожали на японский фронт 51-й драгунский Черниговский полк, августейшим шефом которого была великая княгиня. А 20 августа 1904 года в Орёл прибыл знаменитый на всю Россию о. Иоанн Кронштадтский. Это был уже третий его приезд в город, раньше он бывал там в октябре 1893-го и сентябре 1897-го. Заутреню и Божественную литургию он служил в Петропавловском кафедральном соборе, который не смог вместить всех орловцев, желавших увидеть легендарного пастыря. 21 августа о. Иоанн посетил также Введенский женский монастырь и уехал в Москву в час ночи...

Так что к началу XX столетия орловцы по праву могли считать свой край не только литературным, но и духовным средоточием России. Именно Орловщина дала стране таких выдающихся иерархов, как митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатов, 1779—1857), архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов, 1800—1857) и епископ Владимирский и Суздальский святитель Феофан Затворник (Говоров, 1815—1894). Уроженцами Орловской губернии были великие русские старцы XIX столетия — преподобные иеросхимонахи Лев (Наголкин, 1768—1841) и Макарий (Иванов, 1788—1860) и их наследники в XX веке, иеромонах Нектарий (Тихонов, 1853—1928) и архимандрит Исаакий (Бобраков, 1865—1938). Глубоко верующим было всё окружение будущего о. Иоанна Крестьянкина. Как он сам вспоминал, до четырнадцати лет — то есть до 1924 года — он не встречал в Орле вообще ни одного неверующего

человека.

Символами напряжённой духовной жизни города были его многочисленные православные храмы. К 1912 году их насчитывалось в Орле 42, из них 15 приходских, 12 домовых, пять кладбищенских, пять в Архиерейском доме, четыре во Введенском монастыре. Отдельно стоящими зданиями были 28 храмов, из которых до наших дней дошли 10. Из 18 погибших храмов шесть были разрушены в 1920—1930-х годах, четыре — во время Великой Отечественной, семь — с 1946 по 1991 год; последней, в октябре 1996-го, сгорела деревянная кладбищенская церковь Воскресения Христова. Но даже сейчас, после всех перенесённых утрат, в Орле можно любоваться как архитектурой старинных храмов, так и их расположением: в центре города, кажется, нет такой точки, откуда не был бы виден хоть один золотой крест над куполом.

А в остальном Орёл начала XX века тоже являл собою характерное для тех мест смешение возвышенного и земного, мило-провинциального и почти столичного. Во многом это был один из самых передовых городов России — в Орле появились один из первых в стране водопроводов (1863), телефонов (1881), телефонных станций (1892); 4 ноября 1898-го пошёл по улицам новенький трамвай — пятый в империи после киевского, нижегородского, курского и витебского. Железная дорога прошла через Орёл ещё в 1868-м и в начале века воспринималась уже как нечто само собой разумеющееся, а Орловско-Витебский вокзал — очень красивый, внешне напоминавший старинный замок, — был городской достопримечательностью. На улицах ещё преобладали керосиновые фонари (950 против 66 электрических), но электричество с каждым годом завоёвывало новые позиции. Действовали многочисленные, хотя и небольшие заводы и фабрики (на 1886-й — 104, на 1913-й — 178); были построены изящные металлические мосты: Мариинский через Оку и Александровский через Орлик; возводились дома, которые отлично смотрелись бы и в столицах — дом-башня Похвалинского, дом Серебрянниковых, гостиница «Берлин», Северный банк. Особенно быстро город развивался при городских головах Д. С. Волкове (1887—1893) и Н. И. Чибисове (1894—1901). Именно на переломе столетий начался резкий рост населения Орла. Если на протяжении XIX века в городе жило в среднем 25—30 тысяч человек, то в 1897-м — 69 700, а в 1914-м — уже 96 200. При этом «местными уроженцами», то есть коренными орловцами, не являлись почти 36 тысяч человек, а 44 процента населения относили себя к крестьянам. Затем численность горожан резко сократится и снова выйдет на дореволюционный уровень только в середине 1930-х.

В самом начале столетия Орёл успел пройти через бурные события. На протяжении трёх дней, с 7 по 9 октября 1905-го, по Волховской улице с пением «Марсельезы» двигались демонстрации под красным флагом. Бастовали почтово-телеграфная контора, служащие станции Орёл, типография; в здании Дворянского собрания можно было найти листовки антиправительственного содержания... Но дальше этого дело не пошло. И если не считать этого эпизода, жизнь провинциального города была размеренной и спокойной. Орловцы гуляли по плавно спускавшейся к реке главной улице — Волховской, торговали на Кромской площади, по праздникам веселились в Шредерском саду, названном в честь губернатора Николая Шредера, и в саду «Дворянское гнездо», где в 1903-м открылся бюст Тургенева, брали книги в библиотеке «Орловского вестника», фотографировались на память у Эрдмана или Вареника, покупали ткани у братьев Толстиковых, ноты — в музыкальном магазине Петикова, а лекарства — в аптеке Косовского, провожали родных в последний путь на Крестительском кладбище...

Вот в таком городе, где сливались воедино русский север и русский юг, самое современное и седая старина, где рядом мирно существовали потомки казаков и разбойничьей вольницы, «бунташных людей» и раскольников, а над ними, напоминая о жизни иной, вечной, вздымали кресты сорок храмов, жила обыкновенная семья Крестьянкиных. Эта фамилия довольно часто встречается в метрических книгах орловских храмов. Так, известный краевед Александр Михайлович Польшин обнаружил множество Крестьянкиных в метриках храма Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Там встречаются, например, сведения о рождении в 1852 году сына Ивана у 28-летнего купца 3-й гильдии Василия Ивановича Крестьянкина и его жены Марии Ивановны Лямцевой; о присоединении в том же году из раскола к православию 22-летнего купца 3-й гильдии Ильи Ивановича Крестьянкина и его женитьбе на Евдокии Олимпиевне Никитиной; о рождении в 1853-м у братьев Василия и Ильи Крестьянкиных детей — соответственно Дмитрия и Елизаветы. Скорее всего, все орловские Крестьянкины доводились друг другу родственниками и свойственниками. И, как видно, были людьми практическими, приземлёнными — и, в любом случае, небогатыми, не входившими в число «первых лиц» города и губернии. Кто-то из них выходил в низшую, 3-ю, гильдию купечества (в 1863-м её отменили), но большинство состояло в мещанском сословии.

Сейчас слово «мещанин» звучит с осуждающим обертоном, обозначая человека, живущего узкими, корыстными интересами, ограниченного и

бездуховного. Но в XIX веке никакого отрицательного смысла это понятие не несло. Тогда оно обозначало целое сословие — под «мещанами» понимали горожан, занимавшихся мелкой торговлей и ремесленничеством, владевших недвижимостью. Сословие это было наследственным, но пополнялось также за счёт отставных солдат, бывших крепостных и государственных крестьян, обедневшего купечества. В свою очередь, разбогатевшие мещане переходили в купеческое сословие, после чего могли за особые заслуги получить и личное (а позже — потомственное) дворянство. Поданным переписи 1897 года, в России проживало 13 миллионов 386 тысяч мещан, то есть предки о. Иоанна Крестьянкина входили во вторую по численности социальную группу страны после крестьянства.

15 марта 2018 года А. М. Польшин сделал в фондах Государственного архива Орловской области настоящее открытие — он обнаружил ранее бывшую неизвестной исследователям запись о рождении отца героя этой книги, Михаила Дмитриевича^[1]. До этого считалось, что М. Д. Крестьянкин родился в 1860 году, однако, как следует из архивных данных, дата его рождения — 15 октября 1862 года. Таинство Крещения в тот же день совершили о. протоиерей Николай Тихомиров (1811—1867; его перестроенный дом сохранился в Орле по сей день) с диаконом Иоанном Геденовым и причетниками Сергием Морозовым и Сергием Соломиным; спешка, с которой крестили младенца, скорее всего, была связана с его слабым здоровьем. Имя Михаил Крестьянкин получил в честь святителя Михаила, первого митрополита Киевского и всея Руси. Восприемниками были мещанин Василий Петрович Немытов (его родной дядя по материнской линии) и купеческая жена Мария Ивановна Мещеринова.

Родителями М. Д. Крестьянкина — и, соответственно, дедом и бабушкой о. Иоанна Крестьянкина по отцовской линии — были орловский мещанин Дмитрий Фёдорович Крестьянкин и купеческая дочь Анна Петровна Немытова. Венчались они 8 ноября 1861 года в Смоленском храме, поручителями по жениху были орловские мещане Пётр Михайлович Черепенинов и Пётр Афанасьевич Цыцын, по невесте — орловские мещане Стефан Иванов и Александр Афанасьевич Цуканов. Венчал деда и бабушку о. Иоанна тот же священник, который крестил его отца, — о. протоиерей Николай Тихомиров^[2]. Кроме Михаила, в семье Крестьянкиных были также сыновья Илья (год рождения которого неизвестен) и Иван, родившийся в 1865 году, а в 1896-м женившийся на семнадцатилетней орловской мещанке Елизавете Ивановне Белоусовой.

Дед о. Иоанна, Дмитрий Фёдорович, родился в 1829 году, а вот дата его смерти пока неизвестна. Супруга его Анна Петровна родилась в 1844-м и скончалась 11 сентября 1908 года в возрасте 64 лет («от старости», уточняет метрическая книга). В записи о смерти она названа вдовой. Значит, дедушка и бабушка воспитанием будущего о. Иоанна заниматься, увы, не могли.

Благодаря тем же метрическим книгам нам известны даты жизни прадеда героя этой книги по отцовской линии — мещанин Фёдор Васильевич Крестьянкин родился 8 мая 1800 года, а скончался 9 декабря 1860 года от чахотки. Почти ровесник Пушкина, он был свидетелем тех же исторических событий, что и великий поэт, — Отечественной войны 1812 года, вступления на престол Николая I, (которого, возможно, видел воочию — император бывал в Орле пять раз). Согласно ревизской сказке за декабрь 1857 года, жил Фёдор Васильевич «в 1-й части в собственном доме», то есть на южной окраине Орла, и, судя по автографу в конце документа, был не слишком «письменным» человеком («Орловский мещанин Фёдор Васильев Крестьянкин руку преложил»^[3]). Жену Фёдора Васильевича звали Евдокией Ивановной (1808—1861); кроме Дмитрия, у них были ещё дети — Василий (родился в 1834-м), Мария (родилась в 1835-м) и Пётр (родился в 1838-м). Где похоронен Ф. В. Крестьянкин, в точности неизвестно, но скорее всего на Крестительском кладбище Орла, где погребалось большинство прихожан Смоленского храма, — собственного погоста у церкви не было.

Прапрадеда о. Иоанна, появившегося на свет, видимо, в 1760-х годах, звали Василием Ивановичем. Кроме Фёдора, у него были также дети Ольга (родилась и умерла в 1798-м), Иван (родился в 1799-м, умер в 1805-м), Николай (брат-близнец Фёдора, родился и умер в 1800-м), Пётр (родился и умер в 1803-м), Ксения (родилась в 1804-м). Единственным выжившим, кроме Фёдора, ребёнком был Михаил (родился в 1791-м, умер 3 мая 1856-го «от горячки»). Его сын Иван Михайлович был женат на Хионии Никитиной и стал отцом пятерых детей — Татьяны (родилась в 1854-м), Марии (родилась в 1856-м), Екатерины (1859—1863), Пелагеи (родилась в 1863-м) и Александра (родилась в 1866-м). Все они доводились троюродными сёстрами и братом Михаилу Дмитриевичу Крестьянкину и, соответственно, четвероюродными тётками и дядей о. Иоанну.

Самым ранним точно известным нам предком о. Иоанна по отцовской линии был его прапрадед — купец Иван Семёнович Крестьянкин, умерший в Орле 10 июля 1805 года в возрасте восьмидесяти лет. Следовательно, родился он в год смерти Петра Великого — 1725-м и застал

девятерых императоров и императриц. А его отец Семён Крестьянкин, свидетель петровского преобразования России, появился на свет в самом начале XVIII столетия либо в самом конце XVII.

Все эти записи, как уже было сказано выше, относятся к метрическим книгам храма Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». Храм был возведён в Орле в 1770-х годах и функционировал до 1874 года, когда рядом с ним, на территории церковного фруктового сада уже вовсю шло строительство нового Смоленского собора, украшающего собой Орёл и поныне. Возможно, Крестьянкины, в том числе и прадед о. Иоанна Феодор Васильевич, присутствовали при закладке его фундамента, состоявшейся в 1857 году. Старый же храм был разрушен перед началом Великой Отечественной войны (колокольню снесли ещё летом 1928-го). В середине 1950-х на его месте (тогдашний адрес — улица 1-я Песковская, 23а) заработал кинотеатр «Комсомольский»...

Но вернёмся к Крестьянкиным. Отец героя этой книги, Михаил Дмитриевич, всю жизнь занимался прасольством — оптовой торговлей скотом, весьма распространённой в XIX веке. Такие торговцы покупали у крестьян коров или овец за наличные, при необходимости откармливали их на пастбищах, перегоняли в города и продавали на тамошних рынках — естественно, дороже, чем купили. Схема получалась выгодной для всех сторон: крестьян она избавляла от необходимости затратных, а зачастую и попросту невозможных в разгар сезона поездок на ярмарки и приносила «живые» деньги, прасол получал хороший процент от сделки, а клиенты на рынке — парное мясо.

Уже один выбор профессии говорит о том, что Михаил Дмитриевич Крестьянкин был человеком незаурядных качеств, ведь прасольство требовало, помимо купеческих талантов, и мужества, и лихости, и выносливости. М. Ф. де Пуле так писал о старых русских прасолах: «В занятиях и образе жизни прасола было много увлекательного, выдающегося, много было трудов и опасностей, одно преодоление которых уже закаляло характер человека. В прасольстве было много казацкого, удалого, что так нравится русскому человеку. Прасол прежде всего лихой наездник. Он вечно на лошади, на лихом донском коне, который смело перепрыгивает через овраги, плетни, через всякую деревенскую огорожу и несётся вихрем в степях. <...> Он и одет по-казацки — в черкеске и в широких шароварах, опоясан ремённым поясом с серебряными украшениями, на голове у него барашковая шапка. У него и походка и фигура чисто казацкие: сутуловатый, он ходит увальнем, с перевалкой и как бы вывернутыми ногами». «Прасол — поясом опоясан, сердце пламенное,

а грудь каменная» — такую поговорку сложили о торговцах скотом в России.

И ещё одно выражение есть в русском языке: «работать на дядю». Так вот Михаил Дмитриевич Крестьянкин работал на дядю в прямом смысле слова — на своего родного дядю по материнской линии, купца Дмитрия Петровича Немытова, брата Анны Петровны Крестьянкиной. В коммерческом плане Немытовы были неизмеримо более удачливы, нежели Крестьянкины, они по праву входили в купеческую элиту города. Призванием этого рода была мясная торговля — одна из самых успешных в Орле, что позволило семейству со временем обзавестись салотопельным, мыловаренным и свечным заводами и пенькотрепальной фабрикой, неоднократно занимать выборные должности в городском магистрате, а позднее — в управе. Благодаря изысканиям жительницы Орла Анастасии Ивановны Гринкевич, происходившей из рода Немытовых и восстановившей его генеалогию, сейчас мы хорошо знаем о предках о. Иоанна по этой линии. Его бабушка Анна Петровна Немытова (1844—1908), в замужестве Крестьянкина, была дочерью купца Петра Ивановича Немытова, а тот, в свою очередь, — сыном знаменитого в городе купца 1-й гильдии Ивана Михайловича Немытова (1786—1875). На его личности стоит остановиться подробнее, так как в истории Орла Иван Михайлович оставил светлый и неизгладимый след, поразительным образом перекликающийся с судьбой его праправнука...

В молодости Иван Немытов более чем успешно занимался мясной торговлей — он стал одним из самых богатых людей города и губернии, его состояние исчислялось миллионами рублей. Но известен он был не только и не столько своими успехами на ниве коммерции, сколько богобоязненным и благочестивым образом жизни. Протоиерей Пётр Полидоров так описывал его: «Иван Михайлович со всем жаром посвятил себя житию благочестивому, стал проводить жизнь свою в молитве, посте, трудах, бдении, воздержании, мало говорил, избегал праздности, упражнялся в чтении Священного Писания и отеческих книг, ежедневно посещал общественные молитвы. <...> Он не терпел роскоши, держался во всём умеренности и простоты и обычаев старины относительно платья, мебели, экипажа и проч.». Ещё в молодости его духовным отцом стал ученик преподобного Паисия (Величковского) — схимонах Афанасий (Захаров), в 1815—1825 годах бывший насельником Площанской Богородицкой Казанской пустыни; после его кончины духовное водительство Немытова осуществляли великий старец Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской пустыни Моисей и великие Оптинские старцы —

преподобные иеросхимонахи Лев (Наголкин) и Макарий (Иванов), под руководством которых Иван Михайлович упражнялся в умносердечной молитве. Усердию Немытова в совершении молитвенного подвига дивился даже старец Макарий; преподобный Амвросий Оптинский так пишет об этом: «Батюшка отец Макарий недоумел, что и отвечать ему, когда мирянин, ради получений совета, рассказывал старцу нашему разные состояния молитвы: и батюшка отец Макарий мог ему только сказать: “держитесь смирения, держитесь смирения”. И после с удивлением об этом нам говорил». Купец славился своей благотворительностью, щедро помогал храмам и одаривал нищих, за все успехи и неудачи в делах равно благодарил Господа, любил принимать в доме паломников, проезжавших через Орёл, сам неоднократно совершал паломничества по русским монастырям. В Орле и окрестностях купец пользовался огромным уважением и почитанием, люди шли к нему за советом, как к старцу. В возрасте 88 лет, за три недели до кончины, Иван Михайлович Немытов принял монашеский постриг и 5 мая 1875 года мирно отошёл ко Господу. Отпевал его епископ Орловский и Севский Макарий (Миролюбов) с сонмом орловского духовенства, а после смерти И. М. Немытов удостоился упоминания в «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова, содержащем справки о наиболее выдающихся людях России. Сам преподобный Амвросий Оптинский в одном из писем назвал Ивана Михайловича Немытова «великим молитвенником».

Удивительна, непостижима незримая связь между поколениями!.. Оказывается, прямым предком о. Иоанна (Крестьянкина) был человек, не просто известный в миру своим благочестием, но ученик святых, достигший в духовной жизни небывалых высот, то есть праведник. Духовным отцом И. М. Немытова был старец о. Афанасий — наследник преподобного Паисия (Величковского), основателя русского старчества. Прапрадед о. Иоанна сподобился благодати неоднократных бесед с великими старцами Моисеем, Львом и Макарием, учился у них. По свидетельству современников, ему была доступна умносердечная молитва — один из высших молитвенных подвигов. И даже мирские имя-отчество у него были те же, что и у о. Иоанна, — Иван Михайлович. Совпадения?.. Совпадений у Бога не бывает. Можно сказать, что жизнь И. М. Немытова — труднопостижимый, Промыслительный намёк на будущую жизнь его праправнука.

Память о купце-праведнике бережно сохранялась в городе, и, конечно, будущий о. Иоанн в детстве не раз слышал от родных рассказы о своём благочестивом прапрадеде. А первым точно известным предком о. Иоанна

по линии Немытовых был его прапрапрадед, купец Михаил Сергеевич Немытое, родившийся около 1761 года. Он тоже был прасолом, гонял скот из малороссийских губерний в Орёл, Москву и Петербург. Впоследствии он стал купцом 3-й гильдии и на 1793 год держал в Орле, как и трое его братьев, «менную лавку».

А вот для отца героя этой книги прасольство долгое время оставалось единственным средством заработка. Для закупок скота Михаил Крестьянкин тоже ездил главным образом в малороссийские губернии — тамошних овец и быков можно было приобрести за хорошую цену, а продать намного дороже. Эти «командировки», насколько можно судить по воспоминаниям орловских прасолов, были утомительными, а часто и опасными. Допустим, настиг в дороге проливной ливень, а укрыться негде, кругом голая степь, вот и ночуй на мокрой земле. Или весь гурт скота падёт от неожиданной хвори (иной раз путь на протяжении сорока вёрст был завален тушами павших животных). А то и разбойники грабили прасолов, отбирая и скот, и выручку. Словом, рискованное, но азартное, интересное дело, доступное далеко не каждому.

Супружескую жизнь Михаил Дмитриевич начал в возрасте тридцати одного года; видимо, до этого он становился на ноги, чтобы содержать семейство. И избранницей его стала девушка, как тогда говорили, «из простых». 10 января 1894 года М. Д. Крестьянкин женился на дочери государственного крестьянина, семнадцатилетней Евдокии Васильевне Сорокиной, уроженке деревни Монастырская Сухая Орлица (ныне — Сухая Орлица, деревня, вплотную примыкающая к западной окраине Орла, но не входящая в городскую черту). Запись о венчании сделана в метрической книге храма Святого Илии Пророка — подробнее о нём будет сказано в следующей главе; это тот же южный край города, что и приход Смоленской «Одигитрии», где венчались и крестились предыдущие поколения Крестьянкиных. Венчал молодых священник о. Андрей Левитский с диаконом о. Алексеем Орловым и псаломщиком Иваном Богдановым. Поручителями по жениху были мещане Пётр Васильевич и Дмитрий Петрович Немытовы, по невесте — мещанин Александр Михайлович Овсянников и крестьянин Покровской слободы Николай Николаевич Кошеверов.

7 декабря 1894 года у пары родился сын Александр. Но радость в молодой семье сменилась горем — восемнадцатилетняя Евдокия Васильевна не перенесла тяжёлых родов и спустя одиннадцать дней ушла из жизни. Похоронили её на Крестительском кладбище. Михаил Дмитриевич остался вдовцом с младенцем на руках. А через полгода —

новая трагедия, смерть сына: Александр умер 11 июня 1895-го.

Но жизнь всё же взяла своё, и 18 сентября 1895 года Михаил Дмитриевич женился вторично. На этот раз его избранницей стала двадцатилетняя «дочь отставного рядового из мещан города Орла» Елизавета Илларионовна Кошеверова. Венчал молодых священник о. Иоанн Жаворонков с диаконом о. Алексеем Орловым и псаломщиком Иваном Богдановым. Поручителями по жениху были его родной дядя по материнской линии (и работодатель) Дмитрий Петрович Немытов и мещанин Иван Александрович Москвитин, а по невесте — мещане Павел Ильич и Николай Илларионович Кошеверовы, соответственно её племянник и брат. Особо стоит обратить внимание на то, что вторая жена М. Д. Крестьянкина была орловчанкой, тогда как во всех посвящённых о. Иоанну публикациях местом рождения его матери назван город Волхов. На деле же семья Кошеверовых к Волхову никакого отношения не имела — в сохранившихся на данный момент метрических книгах пятнадцати болховских храмов эта фамилия не встречается ни разу. Зато она была хорошо известна в Орле и Мценске. Так, Ивана Сергеевича Тургенева в 1818 году крестили в Борисо-Глебском соборе, который построил орловский помещик Борис Матвеевич Кошеверов (этот храм был разрушен в октябре 1941-го). Братья Сергей и Алексей Кошеверовы были вхожи в московские театральные круги 1840-х, именно они познакомили своего племянника Прова Садовского с А. Н. Островским, а сын Сергея Александр Кошеверов (1874—1921) сам стал известным актёром. В XX веке фамилию прославила кинорежиссёр Надежда Николаевна Кошеверова (1902—1989), автор одной из лучших советских киносказок «Золушка».

Отца Елизаветы Илларионовны Кошеверовой (и, соответственно, деда о. Иоанна по материнской линии) звали Ларионом Григорьевичем. В ревизской сказке орловских мещан за ноябрь 1857-го он упоминается как «рекрут 1854 года»; поскольку в то время призывным возрастом был 21 год, можно заключить, что родился Ларион Григорьевич в 1833-м. Армейская его служба выпала как раз на время Крымской войны, правда, участвовал ли он в боевых действиях — неизвестно. Из той же ревизской сказки следует, что у Л. Г. Кошеверова были брат-близнец Николай, младшие братья Илья (1840 года рождения) и Иван (1844-го). Их отцом — прадедом о. Иоанна по материнской линии — был мещанин Григорий Степанович Кошеверов, рождённый в 1809 году. Жену его звали Марией Алексеевной (1814 года рождения); одним домом с братом жила также его незамужняя сестра Татьяна Степановна (1819 года рождения). Своего угла Кошеверовы к ноябрю 1857 года не нажили — ютились вшестером «в 1 части на

квартире в доме мещанина Горшешникова»^[4], то есть на той же южной окраине Орла, что и Крестьянкины.

У Елизаветы Илларионовны Кошеверовой-Крестьянкиной были братья Николай и Илья (у которого родились дети Павел, Илья, Михаил, Пелагея, Василий, Лидия, Александра и Антонина — двоюродные братья и сёстры о. Иоанна) и сестра Прасковья, в замужестве Овчинникова. К сожалению, метрические книги Ильинского храма за 1875 год не сохранились и какого числа и месяца появилась на свет мать о. Иоанна, мы не знаем.

Жили Крестьянкины на левом берегу Оки, в двух кварталах от реки, на длинной улице Воскресенской (в 1929—1961 годах она называлась улицей Безбожников, а с 21 апреля 1961-го носит имя Юрия Гагарина). Впервые на планах Орла Воскресенская улица появилась в 1842-м. Она была названа по храму Воскресения Господня, находившемуся в начале улицы (в конце 1930-х он был снесён, сейчас на его месте магазин «Бежин луг»). Улицу населяли в основном купцы (в начале Воскресенской находился, да и сейчас находится, самый большой в городе рынок) и старообрядцы (на соседней улице Черкасской с 1842-го высился храм Успения Божией Матери, возведённый на месте старообрядческой церкви). Ныне застройка улицы Гагарина разномастная, но в начале XX века это было безраздельное царство каменно-деревянных двухэтажных и деревянных одноэтажных домиков, чьи фасады и наличники украшала затейливая резьба, выполненная методом пропиловки. Множество таких домиков в разном состоянии — отличном, хорошем, удовлетворительном и умирающем — сохранилось на улице и в окрестных кварталах и сейчас. А вот маленький, ничем внешне не примечательный одноэтажный дом Крестьянкиных в два окна, увы, не уцелел — как рассказала автору этих строк двоюродная племянница о. Иоанна, монахиня Свято-Введенского женского монастыря матушка Анна, его снесли в 1980 году. Согласно воспоминаниям о. протоиерея Иоанна Троицкого (1930—2010), «в Орле моё семейство и отца Иоанна Крестьянкина были соседями. Его дом стоял там, где теперь на улице Гагарина расположен нынешний магазин “Апельсин”». Бывший супермаркет «Апельсин» ныне называется «Перекрёсток» и находится по адресу Гагарина, 51, на первом этаже построенной в 1980-м девятиэтажки.

Орловчанка Зинаида Васильевна Петрова, бывавшая в доме у Крестьянкиных, запомнила, что он был очень чистым и уютным. Сначала небольшая передняя, затем комната с печкой, которую топили дровами. В красном углу — старинные иконы Спасителя и Знамения Божией Матери. На покрытой скатертью столе лежал молитвослов с истёртыми, зачитанными страницами. Другая комната — чисто убранная спальня.

К началу XX века лихая прасольская молодость Михаила Дмитриевича Крестьянкина уже оставалась в прошлом. По меркам той эпохи в свои 47 лет был он уже почти в начальном старческом возрасте и занимался коммерческими делами в самом Орле, принимая и оценивая купленный другими скот на рынке (в автобиографии о. Иоанна 1989 года должность отца указана как «товаровед»), К сожалению, фотографий его не сохранилось; та, что опубликована в сборнике воспоминаний «Пастырь добрый», атрибутирована, увы, ошибочно — на самом деле на ней изображены не М. Д. Крестьянкин с женой, а болховский священник о. Николай Коссов (1888—1929) с супругой Глафирой.

В семье родились уже семеро детей — для того времени не редкостное исключение, а обычная картина. Правда, ранние годы семейной жизни Крестьянкиных были печальными. Первой 24 июля 1896 года появилась на свет дочь Серафима, но уже 30 октября того же года она умерла («слаба родилась», особо отмечено в метрической книге). Вторая дочь, Мария, прожила ещё меньше — родилась 7 июля 1897 года, а умерла 17 августа того же года, также «от слабости». Третьим 28 августа 1898 года появился на свет сын Александр; он всю жизнь жил в Орле, работал продавцом, имел троих детей и умер в 1965 году. Второго сына 15 мая 1900 года назвали Константином, и ему суждено было вписать яркую страницу в историю орловского театра — он стал известным художником-гримёром и скончался в 1985-м. 12 января 1903 года (а не 1905-го, как сказано во всех открытых источниках) родилась дочь Татьяна, которая в раннем детстве из-за неудачного падения стала горбатенькой. Она также прожила жизнь в родном городе, работала счетоводом в Горснабе, замуж не вышла и после смерти матери поселилась с двоюродной сестрой Марией Николаевной Овчинниковой (1890—1969), принявшей монашество с именем Евгения. Умерла Татьяна Михайловна в 1954-м и была похоронена на Крестительском кладбище Орла в одной могиле с матерью. Затем у Крестьянкиных родились сыновья Павел (27 июня 1906 года) и Сергей (25 июня 1908-го); Павел выжил, но прожил недолго, скончался в юношеском возрасте, а Сергей умер ещё ребёнком.

А 29 марта 1910 года (по новому стилю, введённому восемь лет спустя, — 11 апреля) в семье родился восьмой ребёнок, которого назвали Иваном. Был тогда понедельник пятой седмицы Великого поста, день преподобного Иоанна Пустынника — древнего отшельника, десять лет проведшего в заброшенном колодце. В его честь и назвали младенца. Но в тот же день отмечается также память преподобных Марка и Ионы Псково-Печерских. Так в самом начале жизни Вани Крестьянкина блеснуло ему его

будущее, пока никем ещё не разгаданное. А ещё оно было заложено в самих имени и фамилии. Крестьянкин — это ведь от «крестьянки», а в этом слове так же явно звучит «христианка», как и в простом мирском «воскресении» — Воскресение Христово, как в «спасибо» — «спаси Бог». А «Иван» в переводе значит «Благодать Божия».

Срединная русская природа, сочетание старины и новизны, непостижимый на первый взгляд сплав разнообразных черт национального характера, сложная и богатая история духовной жизни, благочестивые семейные традиции — вот та основа, на которой возрастал будущий отец Иоанн, вот что сделало его в итоге воплощением русского человека, живущего для Бога и людей.

Глава 2

ОРЛОВСКИЕ ГОДЫ

В день рождения Вани в доме Крестьянкиных отмечались чьи-то именины — возможно, младшего брата Михаила Дмитриевича, 45-летнего Ивана. Ждали к столу и Елизавету Илларионовну, но тут как раз начались роды, и один из гостей недовольно пошутил:

— Ну и не вовремя мальчик-то родился...

На третий день, 31 марта, Ваню понесли крестить в храм Святого Илии Пророка, или, как его называли в народе, Николы на Песках. Идти было минуты две — храм стоял на той же Воскресенской улице, что и дом Крестьянкиных, шагах в пятидесяти правее. На фотографиях эта церковь не производит впечатление особенно большой и высокой, но воочию поражает величественными размерами. Она была построена в Екатерининские времена, когда Орёл уже был губернским городом. Её заложили в 1775 году на месте бывшего выгона, где стояла часовня в память о первой деревянной церкви Воскресения с приделом Пророка Божия Илии, выстроенной здесь в 1560-х годах, во время основания Орла. В 1776-м первым освятили южный придел Святителя Николая Чудотворца (отчего и пошло народное название храма), а главное здание было готово к 1790 году. 19 сентября 1858 года, когда Орёл сильно горел, пострадали трапезная и колокольня, но вскоре они были обновлены. В 1874-м в храме установили резной золочёный иконостас, в 1898-м вокруг возвели железную ограду на кирпичном фундаменте, а чуть позднее построили две каменные часовни, до наших дней не дошедшие. На начало века прихожанами храма были 924 мужчины и 900 женщин, из них 600 мужчин и 200 женщин были грамотными; в их число входили и родители Ивана.

Наиболее чтимыми в храме являлись иконы пророка Божия Илии, святителя Николая Чудотворца и святителя Митрофана Воронежского; все они являются покровителями семьи и брака, потому в народе храм часто называли «венчальным». Начиная с 1811 года ежегодно 20 июля, в Ильин день, в храм из всех городских церквей совершался крестный ход. «Какие замечательные крестные ходы были у нас в Орле, особенно пасхальные, — уже в старости вспоминал о. Иоанн (Крестьянкин). — Кругом разливалось море огня, благовестил торжественный колокольный звон. Это были

настоящие торжества».

При советской власти храм был закрыт, но, к счастью, не снесён. На цветной фотографии, сделанной немцами в оккупированном Орле, видно, что в 1940-е годы малых куполов на церкви уже не было. После войны в ней размещалась швейная фабрика № 2, с 1963-го — филиал производственного объединения «Радуга». 4 июля 1995 года храм был возвращён приходской общине, в сентябре начались богослужения, а с марта 1996-го купола вновь украсили золочёные кресты. После открытия о. Иоанн подарил своему первому храму облачения, богослужебные книги и утварь; особо берегут в храме подаренное им Евангелие, которое ныне хранится в специальном киоте рядом с крестом, находившимся в гробе священноисповедника Георгия Коссова (о нём ещё будет речь ниже).

Храм высится на углу улиц Гагарина (бывшей Воскресенской) и Нормандия-Неман (бывшей Николо-Песковской). Сейчас вокруг разномастная застройка: с левой стороны магазин «Перекрёсток», с правой — через улицу старинные, но уже обновлённые частные домики, над которыми возвышаются два бело-бежевых с голубыми вставками высотных «столбика», порождение уже нашей эпохи; позади храм полукольцом охватывают девятиэтажки брежневских времён. А в начале XX века это была одноэтажная, деревянная южная окраина Орла. Если пойти от храма вперёд, то путник проходил мимо стоящего в глубине квартала 2-го Орловского духовного училища (сейчас в его перестроенном здании — средняя школа № 29), величественного собора Смоленской иконы Божией Матери, освящённого в 1895 году, — «родного» храма для старших поколений Крестьянкиных, — и минут через восемь достигал рыночной Кромской (сейчас Комсомольской) площади, на которой теперь разбит разрезанный дорогой пополам парк; ещё дальше — маленькая Щепная площадь, ныне застроенная многоэтажками, а левее располагалось Крестительское кладбище, окружённое стеной и усаженное в 1896 году тоненькими деревцами, — уже в конце XIX века этому погосту было сто лет. Если же идти от Николо-Лесковской вниз, то всего через квартал начиналась коротенькая Задняя Лесковская (сейчас — просто Лесковская) улица, а там уже ведущая к Брянску железная дорога, переезд с будкой, наличие которой особо отмечали старые карты, и город заканчивался. Современный же Орёл тянется и много южнее этого предела.

Ильинский храм был первым в жизни Вани Крестьянкина. Крестил младенца священник о. Николай Азбукин (он же раньше крестил Павла и Сергия Крестьянкиных); сослужил ему о. диакон Иоанн Адамов, а помогал псаломщик Евстигней. В метрической книге псаломщик сделал запись:

«Родители: орловский мещанин Михаил Дмитриев Крестьянкин и законная жена его Елисавета Иларионова. Восприемники: орловский мещанин Александр Михайлов Крестьянкин и орловская мещанка вдова Параскева Иларионова Овчинникова», то есть старший брат и родная тётка, сестра матери.

С младенчества Ваня страдал сильной близорукостью, был слабеньким, часто и подолгу болел. Доходило до того, что близкие вздыхали над его колыбелью: «Ванечку-то хоть бы Бог прибрал!» Таки произошло, но в другом смысле. Однажды, когда младенец почти умирал, до предела измученная и утомлённая Елизавета Илларионовна задремала над его кроваткой и вдруг увидела перед собой сияющую деву, в которой узнала святую великомученицу Варвару. «А ты мне его отдашь?» — спросила дева, указывая на младенца. Мать протянула к ней руки и... проснулась. На следующий день Ваня начал выздоравливать. И не было потом ни дня, чтобы он не поминал в молитве святую великомученицу, которая «прибрала» его к себе. К последней странице молитвослова о. Иоанна был приклеен бумажный кармашек, в котором лежала иконка святой великомученицы Варвары с надписью рукой батюшки: «Которая много значит в моей жизни».

3 июня 1912 года в семью Крестьянкиных пришло горе — в возрасте сорока девяти лет от воспаления лёгких скончался Михаил Дмитриевич. Елизавета Илларионовна, которой было тогда тридцать восемь, осталась одна с пятью детьми на руках (старшему четырнадцать лет, младшему — два года). Но в тяжкое время проявилась сила духа и стойкость характера этой удивительной женщины. О. Иоанн вспоминал, что по праздникам в маленький деревянный дом Крестьянкиных на Воскресенской набивалось полным-полно гостей, и для всех у матери находились и угощение, и доброе слово, а провожая людей, она ещё и снабжала их гостинцами для тех, кто не смог заглянуть на огонёк. И первые, самые простые и внятные уроки добра, милосердия, сострадания к ближнему мальчик получил именно от матери.

Что-то запоминалось на всю жизнь. Например, самовар, в котором варятся завернутые в марлю яйца к завтраку. И как только они готовы, у мамы начинается «болеть голова» (Елизавета Илларионовна и в самом деле страдала мигренями), «пропадает аппетит», и своё яйцо она отдаёт младшему, Ване. Это история из голодных лет, может быть, 1921-го или 1922-го. Тогда в доме Крестьянкиных нечего было менять даже на хлеб, оставалась только икона Божией Матери «Знамение». Но на все попытки перекупщиков получить икону и расплатиться с хозяйкой хлебом Ваня

слышал твёрдое «Нет» из уст матери. Ещё больше она укрепилась в своём решении, когда увидела сон, в котором икона уходила из её дома на небо в огненном столпе. Образ так и остался в доме... А вот Ваня подкармливает слепых мышат, и мать ограждает его от досады соседа и друга семьи, купца Ивана Александровича Москвитина: «И что ты ему разрешаешь с мышами возиться, Лиза!..» И так же надолго врежется в память материнское неодобрение, когда на Рождество 1915-го пятилетний Ваня впервые в жизни сам проехался на извозчике — на гривенник, подаренный Москвитиным. Ничего не сказал, смолчал, утаил монетку, хотя обычно её отдавал маме... Стыд за проступок — хотя, кажется, что в нём такого? — остался навсегда. Как и стыд за то, что на Пасху 1917 года, оставшись дома один, отщипнул на пробу кусочек кулича, стоявшего на столе. «Я помню до сих пор этот грех», — признавался о. Иоанн в 1970-х.

Трогательная связь между сыном и матерью сохранялась до самой смерти Елизаветы Илларионовны. Даже свой необычный почерк, напоминающий старательные детские письма, о. Иоанн унаследовал от матери.

Ваня рос не только болезненным, но и очень добрым. Над ним могли подшутить двоюродные братья, предложив полизать на морозе дверную ручку или усадив на коня без седла, но он не держал на них обиды. О мышатах уже упоминалось, а был ещё умерший цыплёнок, над которым мальчик долго плакал и которому устроил «христианское погребение». И первые его игры тоже были связаны именно с добротой, милосердием — и с церковью. Она стала для Вани родным домом с раннего детства, всё в расположенном по соседству храме для него было тёплым и притягательным. Когда Крестьянкины приходили в гости к соседям, у которых висел большой портрет некоего архимандрита, мальчик подолгу любовался его строгим величественным обликом. Воодушевлённо участвовал в венчаниях старших братьев — был «мальчиком с иконой» (много лет спустя о. Иоанн в мельчайших подробностях вспомнит эти венчания, наставляя перед браком о. Геннадия Нефедова и Ксению Правдолюбову). А насмотревшись на службы, он попросил маму сделать ему «кадило» из консервной банки, «епитрахиль» из полотенца и помогать во время «службы». Другая мать одёрнула бы сына, строго внушила бы ему, что игра и церковное таинство — несовместимые вещи. Но, видать, глубоко врождённое чувство такта Елизаветы Илларионовны сделало своё дело (а может быть, материнское сердце почувствовало, что это не просто игра). И сам о. Иоанн впоследствии, когда у него спрашивали, как относиться к такому поведению детей, отвечал:

— Это не игра! Это их жизнь. И не препятствуй им. Пусть только будет всё это серьёзно и строго. Как только заметишь какое-либо легкомыслие или улыбку — пресекай. Да они и сами перестанут «служить», когда выйдут из младенческого возраста.

Мать терпеливо участвовала в «службах» пятилетнего Вани, которые порой затягивались надолго. И можно предположить, что в своих «игральных» молитвах мальчик поминал павших за Родину на поле брани, — ведь с 1914 года Россия вела тяжелейшую войну, которую тогда называли Великой, или Второй Отечественной, и Орёл был переполнен ранеными, главным образом солдатами (всего в городе действовали 33 госпиталя, через город прошло больше 114 тысяч раненых, среди которых был и прадед автора этих строк)...

В марте 1916-го Ване Крестьянкину исполнилось шесть лет. И уже тогда было понятно, как резко отличается он от своих старших братьев и сестры. К примеру, окончивший в 1912 году Ильинскую церковно-приходскую школу Константин увлекался театром, не пропускал ни одной орловской премьеры, понемногу готовился освоить мастерство гримёра, учась у знаменитого в Орле Жозефа Рауля. А Ваня был весь сосредоточен на церкви. Вскоре он попросил у мамы разрешения самому прислуживать в храме, хотя бы недолго. В соседнем приходе, где алтарничал его ровесник, попросили стихарик, и целую неделю мальчик был счастлив, исполняя пономарское послушание. Но потом стихарь пришлось отдавать, и горю Вани не было конца — он плакал так, что утешить его не мог никто. В конце концов знакомый гробовщик Николай Соболев, сжалившись над малышом, изготовил для него первое в его жизни настоящее облачение — стихарь из золотой парчи, шедшей на обивку гробов. Именно этот стихарь, благословлённый епископом Орловским и Севским Григорием (Вахниным, 1865 — после 1919), надели на него во время хиротесии. Так шестилетний Ваня стал пономарём, впервые перешагнув порог храма Святого Илии Пророка в качестве не прихожанина, но служителя. А вернувшись домой с первой службы и барабана кулачком в двери, радостно объявил:

— Открывайте, я ризу принёс!..

На первый взгляд обязанности у пономаря не такие уж и сложные. Но это только на первый взгляд. Это человек, который помогает священнику готовиться к богослужению — готовит облачения, приносит просфоры, вино, воду, ладан, возжигание в алтаре свечи. В процессе службы пономарь возжигает и подаёт кадило, готовит теплоту, во время причащения подаёт плат для отирания уст. Если необходимо, он участвует в чтении во время службы, выполняет обязанности звонаря и свещеносца; он также следит за

порядком и чистотой в храме. Словом, это совершенно необходимый и важный участник церковной жизни. И для того чтобы чётко и правильно выполнять все пономарские обязанности, нужно хорошо знать порядок службы, относиться к делу ответственно, вдумчиво и серьёзно. Поэтому отношение к детям-пономарям у разных священников разное. Ведь ребёнок остаётся ребёнком — чего-то он просто не понимает в силу возраста, к чему-то относится поверхностно, может и полениться, и поозорничать, что-то просто забыть, с чем-то не справиться.

Мы знаем, что Ваня Крестьянкин исполнял обязанности пономаря ревностно и никаких нареканий не вызывал. Значит, он уже тогда, в шесть лет, хорошо понимал суть этого послушания. Конечно, как полагается, получил на него благословение матери и настоятеля храма. Прошёл торжественный и волнующий обряд посвящения в церковнослужители — хиротесию. И наверняка присутствовал на многих беседах, учитывал замечания, подсказки, которые ему давали. Тем более что первым его духовным наставником стал священник, который крестил его и венчан его родителей, — о. Николай Азбукин.

Протоиерей Николай Иванович Азбукин происходил из известной в Орле священнической семьи (в XX веке орловские Азбукины дали не только священников, но и учёных — ректора Томского мединститута Агафоника Павловича, врача-дефектолога Дмитрия Ивановича, одного из ведущих специалистов по телеграфии Павла Андреевича; мать философа С. Н. Булгакова также была урождённая Азбукина). О. Николай был законоучителем 3-го приходского мужского городского училища, заведовал одноклассной церковно-приходской школой при своём храме и Кирионовским домом призрения для больных священнослужителей, входил также в совет епархиального женского училища. Ване о. Николай внушал такое уважение, что и много лет спустя он помнил, как молился, глядя на его фотографию: «Господи! Быть бы мне таким, как он!» «Особенная была молитва, потому и услышана», — рассказывал об этом случае о. Иоанн.

Именно о. Николай преподавал Ване первые уроки — не только церковной жизни, но просто жизни, жизни для Бога и людей. О двух таких ситуациях о. Иоанн вспоминал уже в старости. Однажды за поминальной трапезой о. Николай и Ваня сидели рядом, но мальчик ничего не ел, отговариваясь нездоровьем. Старушка-хозяйка очень сокрушалась... и вдруг догадалась, в чём причина: на дворе пятница, постный день, а на столе скоромное. А о. Николай уже на улице объяснил маленькому пономарю, как следовало поступить:

— Ты думаешь, Ваня, что я забыл, какой ныне день? Нет. Но и я, и ты знаем благоговение хозяев, и то, что произошло, это не нарочитое забвение устава Церкви, а ошибка, которую следовало покрыть любовью.

В другой раз священник и мальчик-пономарь вместе возвращались после освящения дома. Благодарные хозяева дали обоим по конверту с вознаграждением. О. Николай спросил, отблагодарили ли Ваню, и тот протянул батюшке свой конверт. А там лежала сумма, предназначенная для священника. О. Николай ни словом не намекнул на то, что произошла ошибка, и вернул конверт мальчику. И только дома Елизавета Илларионовна поняла, что батюшка поменялся с маленьким пономарём.

Хлопот пономарское служение доставляло немало. Под большие праздники, бывало, весь дом Крестьянкиных был заставлен лампадами и церковной утварью, которую нужно было почистить и вымыть. На помощь, конечно, приходила мама. А два раза в год, на Пасху и Рождество, о. Николай обходил с Ваней прихожан на дому, служил молебны. И на рождественских службах Ванины руки согревали связанные матерью рукавички, а душу — чтение молитв, глубокий спокойный голос о. Николая, радостные лица людей, к которым они приходили. ...Последняя предреволюционная Пасха, 10 апреля 1916-го (потом о. Иоанн вспоминал, как любил забираться на Пасху на колокольню Ильинского храма и звонить; однажды, спускаясь, упал с крутой лестницы, но, к счастью, ушибся несильно)... Последнее предреволюционное Рождество... И Пасха, и Рождество 1917-го будут уже совсем иными.

Именно во время своего пономарства Ваня понял, что хочет посвятить всю жизнь служению церкви. Ведь пономарь не обязательно становится священником — можно быть и мирянином, можно прислуживать в храме всю жизнь. Он же ещё совсем малышом почувствовал, понял: найден тот единственно верный путь, по которому он пойдёт. «Я родился для того, чтобы стать тем, кто я есть», — говорил о. Иоанн в старости. Для него это становление началось ещё в том возрасте, в каком дети впервые садятся за школьную парту. Более того, очень рано пришло понимание того, что он хочет стать не просто священником, но монахом. «Моё монашество началось с послушничества в шестилетнем возрасте, и до 56 лет проходило на приходе среди волнений и забот многмятежного мира» — так напишет архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в предисловии к «Настольной книге для монашествующих и мирян».

Наверное, первыми Ваня увидел не монахов, а монахинь. В Введенской женской обители подвизалась дочь сестры Елизаветы Илларионовны, Мария (в монашестве Евгения), и монахини были

нередкими гостями в доме Крестьянкиных. Пока они пили чай с мамой, Ваня в прихожей с трепетом примерял на себя рясы и клобуки. И ещё в четырёхлетнем возрасте рассмешил гостей тем, что пообещал непременно стать монахом именно в их монастыре... Это было первое, ещё не осознанное соприкосновение с миром монашества, который затем стал для него идеалом, мечтой и к которому он будет стремиться.

Во всяком случае, по воспоминаниям орловских духовных дочерей о. Иоанна Клавдии и Веры Андреевых, когда маленькому пономарю указали на стоявших в храме, как положено, слева, девочек и в шутку предложили выбрать себе невесту («те, что поближе стоят, те побогаче, а дальше — победнее»), мальчик вполне серьёзно ответил:

— Мне невеста не нужна, я — монах.

...Если мирный довоенный уклад жизни Орла ушёл в прошлое в 1914-м, когда Ване было четыре года, то 1917 год безвозвратно переменял и уклад военный. Нет, серых шинелей на улицах меньше не стало, но на них расцвели теперь красные банты — символ разрыва со «старым режимом», осуждения низвергнутой власти государя. Полетели на мостовую двуглавые орлы — символы «поставщиков Двора Его Императорского Величества», торопливо замазывалось чёрной краской всё, связанное с прежним укладом страны. Нет сомнения, что семилетнему Ване творившееся в городе причиняло боль. Летом 1986 года в беседе с паломниками маститый старец о. Иоанн Крестьянкин с благодарностью вспоминал «воздух монархии», которого он успел глотнуть в детстве, и сожалел о том, что его собеседники не знают, что это такое. «Вы даже представить себе не можете, что это было за время! — говорил он. — И та Россия — как другая планета! Совсем всё другое, сейчас непредставимое!» «Он говорил это с какими-то возвышенными интонациями и часто поднимая вверх руки, как при молитвенных возгласах», — вспоминала слышавшая этот рассказ О. Б. Сокурова. «Мы — николаевские», — с гордостью повторял старец, имея в виду то, что принадлежит к давно ушедшей категории «дореволюционных» людей. И просил в письме: «Имей же, детка, ежедневно пред душевным взором <...> Государя нашего Императора Николая II, предавшего Россию в Руцѣ Божии и скипетр свой — Царице Небесной, а себя — палачам за неё, как жертву живую». Небольшое изображение императора всегда находилось в его келии.

Доводилось ли Ване Крестьянкину самому видеть государя?.. При жизни будущего старца Николай II посещал Орёл единственный раз — 22 ноября 1914-го. Тогда император присутствовал на богослужении в Петропавловском соборе. И вполне возможно, что в многотысячной толпе,

стоявшей у храма и приветствовавшей государя мощным «Ура», была и Елизавета Илларионовна Крестьянкина с четырёхлетним Ваней и другими детьми.

Но вернёмся в 1917-й. Тогда вместе со всей взбаламученной страной Орёл прошёл через «весеннее обострение», когда на улицах и площадях бушевали восторженные митинги во славу «свободы» и «демократии»; летнее осознание того, что какого-то волшебного мгновенного обновления жизни ждать вовсе не стоит; осеннее озлобление и опустошённость, последовавшие после разгрома «Корниловского мятежа». Царившее в обществе напряжение разрешилось октябрьским переворотом. В Орле, впрочем, новость приняли далеко не восторженно — 26 октября исполком городского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов осудил вооружённое восстание в Петрограде, а на выборах в Учредительное собрание, прошедших в Орле 12—15 ноября, за большевиков проголосовали только 7 тысяч избирателей из 25 тысяч. О перевороте напоминали лишь редкие красные знамёна на зданиях. Тем не менее 25 ноября в городе был создан военно-революционный комитет, немедленно приступивший к организации в Орле «нового порядка». 10 января 1918-го горсовет признал советскую власть единственно законной, а 21 февраля ликвидировал городскую думу и городскую управу. Так для Орла началась советская эра.

Отразились события бурного года и на церковной жизни Орла. Новации в ней начались ещё при Временном правительстве. Так, 20 июня 1917 года церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения, а 14 июля принят закон о свободе совести, декларировавший свободу религиозного самоопределения с 14 лет. С недоумением и негодованием многие восприняли такую новацию, как проведение некоего «съезда духовенства и мирян» епархии. В апреле 1917-го этот съезд рассматривал вопрос о смещении с кафедры епископа Макария (Гневушева), назначенного на должность в январе, буквально перед самым переворотом, — за то, что он «при новом правительстве тормозит переустройство церковной жизни». В мае владыка Макарий был отправлен на покой в Смоленский Спасо-Авраамиев монастырь, а 4 сентября 1918 года расстрелян (палач выстрелил владыке в лоб) за «контрреволюционную деятельность» — одним из первых церковных иерархов. В 2000 году епископ Макарий был причислен к лику священномучеников... В августе 1917-го тот же съезд избрал новым епископом Орловским и Севским владыку Серафима, временно управлявшего епархией с 27 мая (в Орёл он прибыл 3 июня).

К этому времени, видимо, относится и знакомство с владыкой семилетнего Вани Крестьянкина. С замиранием сердца он провожал взглядом экипаж епископа, когда случалось тому проезжать по улице, и бегом сопровождал его. Однажды владыка Серафим, выглянув в окно, увидел бегущего рядом мальчика и спросил, как его зовут. Услышав ответ, попросил кучера остановить лошадь и пригласил мальчика сесть к нему. «У меня дух захватило от восторга», — вспоминал о. Иоанн и восемьдесят лет спустя...

— А что, Ванечка, не хочешь ли ты прислуживать мне во время Богослужения?

— Как? В алтаре, с архиереем?!

— Да.

— Очень хочу! — от всего сердца выпалил Ваня.

Так началось его знакомство с владыкой Серафимом — одним из главных его духовных учителей.

Преосвященнейший Серафим, в миру Михаил Митрофанович Остроумов, родился в 1880 году в Москве. До Первой мировой войны он был наместником Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря в Польше, ректором Холмской духовной академии. Умный, глубоко образованный, интеллигентный, владыка Серафим внешне мог произвести впечатление мягкого человека. Но когда дело касалось принципов, он проявлял твёрдость и решительность характера. Недаром в первой же своей проповеди, произнесённой в Орле 3 июня 1917-го в Петропавловском соборе, он сказал: «В наши дни пастыри должны не только проповедовать Христа, но и исповедовать Его, то есть быть готовыми к подвигу». Твёрдо, стойко встретил он летом 1922-го непомерно жёсткий приговор — семь лет заключения. Всегда оставался подлинным управителем Орловской епархии для тех, кто сохранил веру. В декабре 1926-го владыка был вновь арестован и навсегда покинул Орёл, с которым его столько связывало. 1 ноября 1927 года он был назначен архиепископом Смоленским и Дорогобужским, в Смоленске тоже проявил себя как мужественный и твёрдый архипастырь. И так же твёрдо он смотрел в лица своим палачам 8 декабря 1937 года в Катынском лесу под Смоленском... В 2014-м там был установлен памятник прославленному в лике священномучеников владыке.

...Настоящие испытания для верующих Орла и всей России начались с установлением советской власти. Новое правительство один за другим выпускало декреты, призванные подорвать влияние Православной Церкви на паству. Декрет «О земле» 26 октября 1917 года объявлял все церковные и монастырские земли народным достоянием, 11 ноября из ведения Церкви

были изъяты все учебные заведения, 16 декабря был принят декрет «О разводах», а 18 декабря — «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», лишавший Церковь возможности регулировать юридические отношения в семье и аннулировавшие действительность церковного брака и развода. 23 января 1918 года был опубликован декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (в дальнейшем переименован в декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»), который лишал Церковь всякого юридического статуса и права на собственность. 25 января Поместный Собор указал, что этот декрет «представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против неё гонения». Дополнительное возмущение верующих вызвали введение григорианского календаря (после 31 января 1918 года сразу наступило 14 февраля) и реформа правописания (10 октября 1918 года).

Светлым лучом в этом царстве тьмы была для православных весть о восстановлении в России патриаршества (28 октября 1917 года) и избрании Патриархом Московским и всея Руси митрополита Тихона (Беллавина, 1865—1925) (21 ноября). Первые же действия Патриарха вселяли надежду на то, что Церковь сумеет отстоять свои права в новом государстве. 19 января 1918 года Патриарх Тихон выступил с посланием, в котором призвал всех православных встать на защиту Церкви, а тех, кто участвовал в беззакониях, жестокостях, расправах, грабеже церковного имущества, отлучил от Таинств и предал анафеме. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, — говорилось в послании. — Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной».

В руководстве для действия епископу Орловскому и Севе кому Серафиму от 15 марта 1918 года разъяснялось, что отлучение могло накладываться как на отдельных лиц, так и на целые общества и селения. В случаях нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние Патриарх советовал «призывать православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. п.». Для защиты святынь предполагалось при всех церквях создать «союзы» из прихожан. В крайних случаях эти союзы могли заявлять себя собственниками имущества. Кроме того, документ призывал «всеми мерами оберегать от поругания и расхищения» священные сосуды и другие принадлежности богослужения во избежание попадания их в руки атеистов или иноверцев.

В знак протеста против гонений на Церковь 21 января 1918 года в

Петрограде и 28 января в Москве верующие провели крестные ходы. В Орле был тоже устроен крестный ход. Благословляя его проведение, епископ Серафим заявил: «По примеру Петрограда и Москвы предполагается устроить торжественный крестный ход из всех церквей, в котором должны принять участие все от мала до велика, чтобы многотысячная церковная процессия явилась внушительным свидетельством отношения верующего русского народа к нынешней противохристианской политике большевистского правительства». Был и непосредственный повод — 1 февраля крупные силы Красной гвардии и милиции разогнали толпу прихожан, мешавшую снимать с колокольни Покровского храма двуглавых орлов. Наследующий день, несмотря на мороз и то, что в Орле было объявлено военное положение и запрещены «всякие демонстрации и уличные шествия», на улицы вышли 20 тысяч человек — треть населения города. Среди них был и семилетний иподиакон епископа Серафима Ваня Крестьянкин, шедший рядом с владыкой во главе огромной колонны. Крестный ход с пением «Христос воскрес из мёртвых» и «Воскресение Христово видевше...» прошёл от храма Иверской Божией Матери до Петропавловского собора, где была отслужена литургия. Затем на кадетском плацу владыка Серафим отслужил молебен, а наместник Волховского Троицкого Оптиного мужского монастыря иеромонах Даниил (Троицкий, 1887—1934), по свидетельству следившего за действием чекиста, «произнёс публичную клятву, сводящуюся к тому, что он и всё духовенство от церкви никогда не отойдут и, несмотря ни на какие репрессии, от своих взглядов не откажутся». В ответ все присутствующие ответили громким «Клянёмся!».

Несмотря на сильную, по свидетельству очевидцев, «наэлектризованность» участников, крестный ход прошёл спокойно и закончился, к счастью, без инцидентов. А вот в Туле в тот же день произошла трагедия — местный крестный ход власти в упор расстреляли из винтовок и пулемётов, 8 человек были убиты, 11 ранены.

Усиление репрессий против верующих орловцев не заставило себя ждать. В тот же день, 2 февраля, большевистские солдаты под командой матроса ворвались в Орловское епархиальное училище и учинили обыск, причём инспектор училища и его жена были зверски избиты. 9 февраля был захвачен епархиальный свечной завод. 14 марта был заключён под домашний арест епископ Орловский и Севский Серафим, его дважды допрашивали, запретили получать корреспонденцию. 6 июля представители губернской ЧК обыскали Архиерейский дом, епархиальное собрание было разогнано под угрозой расстрела, епископ Елецкий

Амвросий (Смирнов) арестован, а для владыки Серафима на тот день пришёлся уже второй в его жизни арест. 1 сентября было захвачено также здание духовной консистории, а бесценный архив, хранившийся там, выброшен на улицу и погиб.

Чёрное время настало и для монастырей Орловщины. В Ливенском уезде в ноябре 1918-го был полностью разорён местными крестьянами женский Марии-Магдалининский монастырь, такая же участь постигла Предтеченский монастырь в Кромском уезде. Всего у губернских монастырей было изъято 378 500 десятин земли. Представители власти вскрыли и осквернили усыпальницы святителя Тихона Задонского и преподобного Макария (Глухарёва). В Мценске древнюю резную скульптуру святителя Николая Чудотворца бросили в реку Зуша... И такие новости приходили почти каждый день, одна страшнее другой.

Но самое страшное было в том, что в городе и губернии, как и по всей стране, начался настоящий террор против священнослужителей. Пока он не носил планомерного характера, скорее это были отдельные случаи, скромно именовавшиеся на языке той эпохи эксцессами. Но в прежней России и одного такого случая было бы достаточно для того, чтобы повергнуть общество в шок, а теперь они становились обыденностью. Первым, ещё в начале сентября 1917-го, погиб духовник Орловской духовной семинарии о. Григорий Рождественский. 26 апреля 1918 года в селе Усть-Нугрь Волховского уезда отряд красноармейцев совершил налёт на дом священника о. Иоанна Панкова, убил его самого и его сыновей, офицера-фронтовика Петра и семинариста Николая, а также двух случайных свидетелей. Также погибли наместник Брянского Свенского монастыря игумен Гервасий, елецкий священник о. Михаил Тихомиров, священник села Сетного о. Василий Лебедев, священник села Дровосечное о. Василий Осипов, многие другие иереи и монахи. С убийствами священников смыкались дикие погромы помещичьих усадеб Орловщины, зачастую сопровождавшиеся чудовищными бессмысленными зверствами.

Так, 28 ноября 1917-го во время погрома усадьбы Добрунь помещиков Подлиневых крестьяне разбросали и сожгли останки покойных владельцев усадьбы; в другой раз живьём содрали шкуру с быка, облили керосином живую лошадь и подожгли — за то, что животные были «буржуйскими»...

Не раз и не два казалось орловцам в то время, что установившиеся осенью 1917-го порядки не продержатся долго. С волнением горожане следили за событиями на южном фронте Гражданской войны, многие с нетерпением ждали прихода белой Добровольческой армии. В марте 1918-го Орёл уже узнал, что такое бой (тогда красные с помощью

броневых автомобилей и артиллерии умирляли вышедший из-под контроля отряд анархиста И. П. Сухоносова), но в зоне настоящих боевых действий город оказался осенью 1919-го. Окраины Орла горели от артиллерийского огня, было много убитых и раненых. Вечером 13 октября 1919-го, когда красные под натиском трёх Корниловских ударных полков и бронепоезда «Единая Россия» оставили Орёл, жители высыпали на улицы, а городские храмы ударили в колокола. Этот радостный трезвон на фоне пасмурной ветреной погоды запомнился многим мемуаристам: «Гудели колокола, духовенство в праздничных облачениях стояло около церквей»; «Над землёй расплывается непрерывный радостный Пасхальный звон. Невозможно было удержаться от слёз. Так встречал нас простой люд окраин»; «Льётся радостный, ликующий звон. Как волны, звоны начинаются с окраин и льются дальше, в середину, наполняют весь город. Общий восторг растёт и крепнет». Нет сомнения, что и семья Крестьянкиных участвовала в радостной встрече добровольцев, присутствовала на молебствии, которое проходило 14 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы, на городской площади. Тогда же горожане впервые увидели танки — три машины английского производства приняли участие в параде. Но белые оставались в городе недолго, всего неделю. Поздним вечером 19 октября добровольцы оставили Орёл, а днём 20-го в город без боя вернулись красные. Надежда на восстановление прежнего порядка рухнула. В доме Крестьянкиных окончательно сняли со стены столовой портрет государя Николая II, и он ещё долго напоминал о себе большим белым пятном на выгоревших обоях...

Но и после окончания боевых действий напасти не оставляли город. Весь 1920 год Орёл терзали эпидемии различных болезней — то сыпной тиф, то возвратный, то оспа, то грипп. Тогда в городе переболели 14 500 человек, многие умерли. А в начале 1922-го на Орёл обрушился топливный кризис — как-то разом, одновременно не стало дров. Именно тогда пошли под топор старинные сады и парки, украшавшие губернский город до революции...

Словом, на рубеже 1910—1920-х годов Орёл пережил больше событий, чем за много лет до того. И сложно, почти невозможно сейчас представить, через какую душевную смуту довелось пройти семье Крестьянкиных вместе с другими орловцами. Конечно же, они не могли оставаться в стороне от бурлившего вокруг водоворота, ведь жизнь менялась не в частностях, а кардинально, помимо чьих-то желаний и нежеланий. Сохранять в душе чистоту и спокойствие посреди набравшего обороты хаоса было нелегко. Спасала молитва, близость родного храма,

память о том, что на всё воля Божия. И, конечно, примеры людей, которые и в новых условиях продолжали жить так, как им велел Господь. Их образы глубоко запали в душу Вани Крестьянкина и запомнились навсегда. «Время не стёрло из памяти почти всех, служащих в то время в орловских храмах, так они были все значительны и богомудры — Божии служители», — уже в глубокой старости написал о. Иоанн.

«Маститым старцем, глубоко любимым и почитаемым орловчанами» запомнился ему настоятель храма Иверской Божией Матери о. протоиерей Аркадий Оболенский. Он родился в 1864 году в селе Рождественском на Орловщине. О. Аркадий стал одной из первых жертв новой власти в Орле — был арестован в марте 1918-го и заключён в каторжную тюрьму. Затем освобождён и служил в своём храме до 1923 года, после чего был арестован вторично и выслан в Витебск. Там был арестован за то, что «устраивал у себя на квартире нелегальные собрания граждан с целью обработки их в антисоветском духе», в 1928-м выслан обратно в Орёл и после этого ещё многократно арестовывался, в последний раз — в 1937-м, когда и погиб... Огромным авторитетом в городе пользовался и о. протоиерей Всеволод Ковригин. Относительно молодой (родился в Петербурге в 1893-м), он принял сан священника после окончания историко-филологического факультета столичного университета, в 1918-м, и служил в Введенском храме. В Орле о. Всеволод завоевал общее уважение как даром проповедника, так и непримиримой позицией, занятой по отношению к обновленчеству. В 1923-м он был арестован за сопротивление изъятию церковных ценностей и выслан из Орла, затем арестовывался ещё дважды — в 1925 и 1929 годах.

Но самое глубокое впечатление на Ваню Крестьянкина произвёл о. Георгий Коссов, или, как его звали в народе, Егор Чекрыковский. О. Георгий (1855—1928) родился в селе Андросово Орловской губернии, окончил Орловскую духовную семинарию, некоторое время преподавал в сельской школе, а с 1884 года до самой смерти был священником в селе Спас-Чекряк недалеко от Волхова. Принял о. Георгий крошечный запущенный сельский приход, а оставил после себя каменный храм, пять школ, странноприимный дом, училище, рассчитанное на 150 сельских девочек, кирпичный завод, библиотеку, слесарно-токарную и столярную мастерские, пасеки, сады... Ещё в юности о. Георгий побывал у преподобного Амвросия Оптинского (Гренкова, 1812—1891). Молодой священник в то время проходил через тяжёлое испытание — прибыв в свой приход, где было тогда 14 дворов и ветхий деревянный храм, он тяжело заболел (кашлял кровью), пал духом и думал просить у всероссийски

известного подвижника благословения на переход в другое место. В Оптину пустынь, за 60 вёрст от Спас-Чекряка, о. Георгий пришёл пешком, со страннической котомкой, и стоял в толпе народа, далеко от дверей келии о. Амвросия. Великий старец не знал его лично и никогда о нём не слышал. Но неожиданно через головы других паломников обратился прямо к нему:

— Ты, иерей, что такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, кто иереев-то ставит? А ты — бросать?! Храм, вишь, у него стар, заваливаться начал! А ты строй новый, да большой каменный, да тёплый, да полы в нём чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь! Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю.

Поражённый о. Георгий послушался, но вскоре начались для него новые испытания — одолевала смертная тоска, днём и ночью он слышал голос, который твердил ему: уходи, ты один, и тебе не справиться. Молодой священник снова отправился в Оптину и услышал от о. Амвросия следующее:

— Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое.

— Как же это так, батюшка?

— Христос Бог да ты — вот и выходит двое! А враг-то — он один. Ступай домой, ничего впереди не бойся. Да храм-то, храм-то большой, каменный, да чтоб тёплый, не забудь строить! Бог тебя благословит.

Так и вышло: и храм в Спас-Чекряке в 1903 году появился каменный, тёплый, и полы в нём были деревянные, и больных к о. Георгию начали привозить со всей России — слава о его прозорливости и духовной мощи вышла далеко за пределы Орловской губернии, настолько далеко, что сам святой праведный Иоанн Кронштадтский выговаривал орловским паломникам, зачем они едут к нему, если у них есть благодатный о. Георгий. Он стал старцем — первым, которого встретил в своей жизни Ваня Крестьянкин.

«Старец» — отнюдь не синоним старика. Старец в православии — это наставник, духовный водитель. Как правило, это иеромонах, опекающий братию своей обители и паломников-мирян. Обычно это человек в годах, но не обязательно: преподобный Амвросий Оптинский начал старчествовать в 38-летнем возрасте. «Возраст старости есть житие нескверное» (Прём. Сол. 4: 9), то есть «старцем» может быть и мудрый, сдержанный юноша, равно как и старик летами может представлять собой такого «вечно молодого, вечно пьяного»...

Основателем русского старчества считается преподобный архимандрит Паисий (Величковский, 1722—1794), подвизавшийся в

молдавских обителях, на Афоне и в румынской Нямецкой лавре. От Паисия протянулись невидимые, но прочные нити к двум брянским пустыням — Площанской Богородицкой Казанской и Брянской Белобережской Иоанно-Предтеченской. Первая может считаться прародительницей старчества в России — ещё в 1746 году там подвизался иеромонах Иоасаф (Медведев), духовными наследниками которого были иеромонахи Пафнутий, Серапион и Адриан. Какое-то время в Площанской пустыни находился и преподобный иеросхимонах Василий (Кишкин, 1745—1831), затем перешедший в Белобережскую. Именно в Белобережской пустыни в 1805 году был составлен строгий монастырский устав, который послужил основой для монашеского жития по всей России. Учениками о. Василия были преподобный иеросхимонах Лев (Наголкин, 1768—1841), основатель старчества в Оптиной пустыни, и архимандрит Моисей (1772—1848), в 1824—1848 годы наместник Белобережской пустыни, при котором она пережила наивысший расцвет. Учеником преподобного Льва, в свою очередь, был преподобный иеросхимонах Макарий (Иванов, 1788—1860). А наследником старца Макария стал Амвросий Оптинский. Интересно, что с преподобными Василием, Моисеем, Львом и Макарием, как мы помним, был тесно знаком и учился у них прапрадед о. Иоанна Крестьянкина, И. М. Немытов, которого Амвросий Оптинский называл «великим молитвенником»...

Старец — это не просто чрезвычайно опытный в духовной жизни человек. Он прозорливец, но это не главное его качество, ведь люди, служащие тёмным силам, а не Богу, тоже могут предсказывать будущее. Главное в старцах — это смирение, дар рассуждения и Божественная любовь, явственно ощущаемая другими. Таких людей на пути Иоанна Крестьянкина встретится несколько. Таким человеком со временем станет и он сам...

Ваня Крестьянкин совершил паломничество к о. Георгию в 1920 году — первом году своей жизни, когда Пасха совпала с его днём рождения, 11 апреля (следующие такие совпадения придутся на 1999 и 2004 годы). Путь был неблизкий — пятьдесят пять вёрст от Орла до Волхова, затем ещё десять вёрст по Большой Козельской дороге и шесть — по просёлочной. Добраться до Спас-Чекряка непросто и сегодня, что уж говорить про годы Гражданской войны...

Позднее о. Иоанн вспоминал об этом так: «Ранним летним утром трое мальчуганов отправились пешком из Орла в село Спас-Чекряк. По дороге резвились и много смеялись, шутки были безобидные, но настроение мало соответствовало понятию паломничества. Первая остановка с ночлегом

была у отца Иоанна — брата чекряковского батюшки Георгия. Отец Иоанн, строгий подвижник-аскет, к ребятам не вышел, но ночевать у себя оставил. В доме царила благоговейная тишина, как в церкви, и паломники притихли и остепенились. А вечером самый маленький из них залез на деревянную перегородку и в щель между ней и потолком увидел молящегося подвижника». «Самым маленьким» был сам Ваня. И зрелище сосредоточенного на молитве батюшки настолько впечатлило его, что сон ещё долго не шёл к мальчику. А когда он наконец задремал, то увидел во сне о. Иоанна с ножницами в руках. «А теперь вот я твой язычок-то и подрежу», — строго произнёс священник. Ваня проснулся в испуге и до рассвета ворочался с боку на бок, раскаиваясь в своём согрешении...

Когда, преодолев семьдесят вёрст, добрались до Спас-Чекряка, там уже яблоку негде было упасть. После службы о. Георгий распределял паломников по сельским домам. Конечно, особой честью было ночевать у самого батюшки. И каково же было изумление Вани, когда о. Георгий пригласил к себе именно его и самую старую монахиню. Неделью маленький паломник прожил в доме одновременно простого и удивительного сельского батюшки, словно напитываясь духом этого человека.

Михаил Пришвин так описывал о. Георгия в то время: «И лицо, и фигура отца Георгия соответствуют его кипучей деятельности. Лицо его — сильное, почти грозное. Очень выразительные глаза, искрящиеся, добрые-добрые, окладистая борода. Роста он немного выше среднего, широкоплеч. Держался он очень прямо, с плавными движениями, вдаль смотрящим взглядом и мягким тембром голоса. Во всём у него какое-то спокойствие и неторопливость, и уверенность в том, что он делает».

Ваня воочию убедился в том, насколько велика известность о. Георгия. Странноприимный дом был переполнен людьми, жаждавшими получить у батюшки совет, благословение, наставление. Те, кому не хватило мест, ночевали прямо на телегах или под ними. И для всех у священника находилось тёплое, единственно нужное слово. В Волхове без его совета редко кто женился, выходил замуж или открывал своё дело. Общавшийся с ним С. А. Нилус свидетельствовал: «Тайна моей души читалась им, как в открытой книге, и речь простая, исполненная теплотой и ласковой задушевности, лилась целительным бальзамом, врачую незажившие раны, бодря мою усталую душу».

О. Георгий не раз прозревал будущее не только отдельных людей, но и всей страны. Так, в марте 1914-го он сказал:

— Мы живём пока тихо, но это ненадолго. Всё зальётся кровью, и

трупов будет, как поленьев, будут и голод, и болезни, о которых мы сейчас и не думаем. Ну что ж, Его святая воля. Пройдёт немного ещё времени — и ещё больше будет трупов, целые горы и великая скорбь.

Особенно прославил о. Георгия дар целительства: по его молитвам пропадали опухоли, лихорадка, пьяницы становились трезвенниками. При этом о. Георгий всегда называл себя многогрешным и скромно говорил: «Господь и через недостойных священников помогает по вере».

Осенью 1918-го в Спас-Чекряк прибыли чекисты — арестовать священника. Но тот встретил незваных гостей так приветливо и дружелюбно, так трогательно успокаивал расстроившуюся матушку, так стойко держался на допросах, что его просто... отпустили. Отпустили, опасаясь, что обожавшие его люди поднимут мятеж. А вот дело, которому он служил, продолжало привлекать к себе пристальное недоброжелательное внимание власти. Его хозяйство превратили в артель, запретили брать новых сирот в приют, ставили на учёт самых активных прихожан...

Неделя в доме о. Георгия Коссова осталась в сердце и душе Ивана Крестьянкина навсегда. Как он сам писал в 1997-м орловской исследовательнице жизни о. Георгия Л. Н. Ивановой, «это счастье продолжалось всего несколько дней, но память о нём согревает меня всю жизнь». Он увидел силу молитвы, изгонявшей бесов из одержимых, которых с трудом удерживали несколько сильных мужчин. Осознал, как многое может праведный человек, чьё призвание — служить Богу и людям... «Отец Георгий получил для служения полуразрушенный храм и совсем умирающий, запущенный приход и стал молиться, — вспоминал о. Иоанн. — Сначала один, и сегодня, и завтра один, и неделю один, и месяц. И не заметил, как за его спиной его молитва собрала паству. А благословение оптинского старца Амвросия открыло в семейном приходском батюшке — старца-целителя, изгоняющего бесов из страждущих. Только молитва и горение духа могут восстановить и стены храма и, главное, нерукотворные храмы — души заблудших и вернуть их Богу ожившими».

Как о. Георгий Коссов был преемником преподобного Амвросия Оптинского по старчеству, так о. Иоанн Крестьянкин станет в своё время преемником о. Георгия. Вот фрагмент из Жития оптинского старца: «Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Лёгким, никому не заметным намёком он указывал людям их слабости и заставлял их серьёзно подумать о них». А вот что писали духовные чада о. Георгия: «На все

запросы, на всякий крик сердечного, давно наболевшего горя, у отца Егора находилось слово привета, утешения, совета. В каждом его слове, в каждом совете его чувствовалось такое знание человеческого сердца, такое проникновение в самую глубь народного быта, душевной жизни народа, что ни один подходивший, иногда подступавший к нему с глазами, красными от невысохших слёз, не уходил от него с лицом непросветлённым. Чувствовалось, что каждый получал от него утешение именно то, которого жаждала и без отца Егора не находила его скорбная, измученная душа». Оба этих фрагмента позднее безоговорочно можно будет отнести и к духовнику всей России — старцу Иоанну Крестьянкину...

Скончался о. Георгий от рака желудка 8 сентября 1928 года. На его отпевании присутствовало столько народу, что в храм было невозможно войти. А фотография спас-чекряковского батюшки висела в келии о. Иоанна задолго до 2000 года, когда о. Георгий был прославлен в чине священноисповедника. И надгробие на его много раз разоряемой властями могиле было установлено именно стараниями о. Иоанна. Сейчас мощи о. Георгия Коссова находятся в величественном Спасо-Преображенском соборе Волхова. Этот храм находится на холме и словно осеняет собой маленький древний город, расположенный на высоких берегах узкой, но быстрой Нугри.

К сожалению, теперь в Спас-Чекряке от наследия о. Георгия остались только заложенные им колодец и купальня — всё остальное давным-давно снесено, разорено и заброшено. Часовня в память о. Георгия, которая стоит сегодня, — уже новая, она освящена в декабре 2004-го, через четыре года после обретения мощей святого. Но народ стремится в Спас-Чекряк по-прежнему, память о святости этого места жива и продолжает жить.

Были в Орле тех лет и свои юродивые. Сейчас истинное значение этого слова забыто, и под юродивыми обычно понимают назойливых нищих, которые досаждают туристам у старинных храмов. Между тем истинное юродство было подвигом во имя Христа. Таким подвижником был Афанасий Андреевич Сайко, которого знал и любил весь город.

Родился Афанасий Сайко в 1887-м или 1890 году в Волынской губернии и до 1919-го жил внешне обычной жизнью — окончил школу солдатских детей в Варшаве, потом Варшавскую консерваторию, овладел несколькими музыкальными инструментами. В 1904—1905 годах служил в драгунском полку, потом работал в нотариальных конторах писцом и ремингтонистом, на Первой мировой воевал в пехоте. В 1919 году его арестовали на Волыни и отправили в Орловский концлагерь принудительных работ. Так Афанасий Сайко попал в Орёл, где и остался

после освобождения. С конца 1920 года он жил на колокольне Богоявленского храма, четыре года спустя по благословению о. Всеволода Ковригина тайно принял монашество, при этом оставшись жить в миру.

Выглядел Афанасий Андреевич представительно — высокий, плечистый, с окладистой чёрной бородой, острыми пронизательными глазами. Одевался он в рубаху, грубые штаны и свитку, на ногах — калоши с носками. Поверх одежды носил нательный крест и будильник, шею повязывал полотенцем, а то и втыкал в картуз птичьи перья. Ходил по улицам Орла с метлой, подметал пыль с мостовых и постоянно сурово приговаривал:

— Кайся, кайся, окаянный грешник!

Встречным людям Афанасий Андреевич давал разные мелкие предметы — щепочки, фантики от конфет, спички, стекляшки, камешки, вырезки из газет. Каждый из таких даров имел скрытый смысл, который подчас открывался людям далеко не сразу. Афанасий Сайко обладал удивительным даром: знал невысказанные мысли и чаяния, мог предупредить о чём-то, но не напрямую, а иносказательно.

Например, однажды к Афанасию Андреевичу пришёл сам председатель Орловского горисполкома — высокомерный и самолюбивый чиновник. Он снисходительно расспрашивал юродивого о том о сём, а в конце разговора насмешливо попросил угадать, что у него в кармане. На это Сайко ответил: «Там взятка, триста рублей. А дома тебя ждёт большое горе». Ответ оказался точным — взятка и в самом деле была в кармане, а дома в это время повесился единственный сын чиновника...

Дальнейшая судьба юродивого была драматичной. В апреле 1931-го его арестовали «за пропаганду против вступления крестьян в колхозы», но уже в октябре перевели в психиатрическую клинику недалеко от Орла. Там Афанасий Сайко провёл десять лет, с 1932 по 1942-й. Во время войны находился в Орле, где его дар провидения спас не одну семью от гибели во время бомбёжек. В дальнейшем его ещё дважды запирали в психиатрички — в 1948—1950 и 1950—1955 годах, причём во второй раз он содержался уже вдали от ставшего ему родным Орла — в Томске. Но и в больницах люди шли к нему чередой, передавали продукты, записки с просьбами о молитвах и вопросах. Последние годы жизни юродивый провёл на станции Снежеть Брянской области. Там он и умер 5 мая 1967 года, а к его могиле на Крестительском кладбище Орла — высокому деревянному кресту, установленному в 2005-м, — народ идёт за советом и исцелением до сих пор; недаром на погосте даже выставлен специальный указатель с надписью: «Афанасий Андреевич Сайко».

Несмотря на то, что в начале 1920-х Афанасий Андреевич был уже хорошо известен среди орловцев и за ним часто буквально ходили толпы жаждущих услышать хоть словечко, Ваню Крестьянкина Сайко выделял из общей массы. И одарил мальчика не щепочкой или фантиком, а...

скрипкой. Он же, вероятно, дал ему первые уроки по владению этим инструментом. И, конечно, Ваня не раз слышал от юродивого его любимую приговорку:

— Привыкай решать задачи, ищи родственность между предметами.

Задачи приходилось решать не только духовные, но и самые обычные, школьные. После реформы образования в Советской России была введена так называемая единая трудовая школа, но занятия шли с большими перерывами. Ваня поступил в среднюю школу-девятилетку № 8 «с уклоном учётно-финансового профиля», но в 1921 году школа закрылась. Возобновил занятия Ваня только четыре года спустя, в 15 лет, причём поступил сразу в седьмой класс. Во время учёбы он увлекался астрономией, а ближе к окончанию учёбы подумывал над тем, чтобы стать юристом. Какое-то время учился игре на скрипке. Но подлинной школой для него продолжал оставаться храм, где шло своим чередом его пономарское послушание.

А через страну продолжала катиться волна новых гонений на Церковь. Под предлогом помощи голодающим Поволжья из храмов Орловщины изымали «церковные ценности». В Орле эта кампания началась в конце апреля 1922-го, и с 1 мая по 1 июля из городских храмов было изъято более 169 пудов 22 фунтов серебра, 2 фунта 3 золотника 50 долей золота, 18 фунтов меди, 25 фунтов 93 золотника 40 долей жемчужного шитья, 147 алмазов. Один из главных теоретиков большевизма Николай Бухарин ликовал по этому поводу: «Мы ободрали церковь как липку, и на её “святые ценности” ведём свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим».

Многие храмы попросту закрывались и приспособлялись под иные нужды. Например, Введенскую церковь отдали под клуб «Кожтреста», церковь бывшей «малой семинарии» — под клуб 5-й больницы, Иверскую — под железнодорожную школу, Петропавловский собор передали Окружному архивному бюро, летнюю половину Михаиле-Архангельской — музею религиозных искусств. С 1917 по 1923 год в Орловской губернии было закрыто 26 православных храмов, из них 17 — в Орле.

18 мая 1922 года в Москве был заточен под домашний арест Патриарх Тихон. Это послужило сигналом для начала «церковных процессов» на периферии, в том числе и в Орле. В июне 1922-го губернский

революционный трибунал за сопротивление изъятию церковных ценностей приговорил епископа Орловского и Севского Серафима к семи годам лишения свободы, а епископа Елецкого Николая — к трём годам. В сентябре 1922-го, как было сказано выше, арестовали и о. Всеволода Ковригина, и о. Аркадия Оболенского. Кроме них, тогда же были арестованы о. Иоанн Дубакин, о. Павел Святицкий, бывший ректор Орловской духовной семинарии о. Всеволод Сахаров, церковные старосты двух храмов.

Для Вани Крестьянкина особым потрясением стал арест и показательный суд над владыкой Серафимом. Знакомство Вани с ним, как мы помним, состоялось летом 1917 года, а окрепло, как можно предположить, благодаря друзьям-соседям — братьям Василию и Александру Москвитиным, детям купца Ивана Александровича Москвитина, бывшего поручителем по жениху на свадьбе Крестьянковых. Это с ними Ваня ходил в 1920-м в паломничество к о. Георгию Коссову. И Василий, старше Вани на пятнадцать лет, и Саша, старше его на четыре года, служили иподиаконами при епископе Серафиме. Скорее всего, именно они устроили так, что Ваня тоже начал нести послушание при владыке — сначала келейником, затем жезлоносцем и, наконец, иподиаконом.

Хиротесия в иподиаконы во многом стала определяющей для дальнейшей судьбы мальчика. Ведь в этот день он крестообразно опоясался орарём в знак того, что «он с настоящего времени смирением, целомудрием чресл своих и чистотою должен стяжать себе одежду чистоты духовной: почему и не может после этого вступать в брак». Обязанностей у иподиакона немало. Он должен облачать архиерея, прислуживать ему во время богослужения, готовить облачение и священные сосуды к священнодействию (он может касаться только порожних священных сосудов, когда в них не содержатся Святые Тайны), содержать в чистоте покровы и светильники на престоле и жертвеннике, зажигать светильники на престоле... Надо заметить, что, согласно решению Трулльского собора, иподиаконы не могут быть моложе двадцати лет, однако на практике от этого правила часто отступали.

Владыка Серафим стал одним из главных учителей Вани Крестьянкина. «Умнейший, добрейший, любвеобильнейший — не счесть хвалебных эпитетов», — так в старости вспоминал владыку о. Иоанн. И описывал случай, произошедший в марте 1922 года: «В Прощёное Воскресенье этот Божий Архиерей изгоняет из монастыря двух насельников, игумена Каллиста и иеродиакона Тихона, — за какой-то

проступок. Изгоняет их принародно и властно, ограждая от соблазна остальных, и тут же произносит слово о Прощёном Воскресенье и испрашивает прощение у всех и вся. Моё детское сознание было просто ошеломлено случившимся именно потому, что всё произошло тут рядом: и изгнание — то есть отсутствие прощения, и смиренное прошение о прощении самому и прощение всех. Понял тогда одно только, что наказание может служить началом к прощению, и без него прощения быть не может. Теперь-то я преклоняюсь пред мужеством и мудростью Владыки, ибо урок, преподанный им, остался живым примером для всех присутствующих тогда, как видите, на всю жизнь».

Показательный суд над владыкой, через который он прошёл 18—20 июня 1922 года в клубе железнодорожников «Броневик», поверг Ваню Крестьянкина в ужас и недоумение. К этому времени епископ Серафим был для Вани не просто главным духовным начальством губернии, но по-настоящему близким и родным человеком. И в переполненном зале суда, при виде владыки, бесстрастно слушавшего приговор, подступили вопросы, на которые не было ответа. Почему на владыку возведены такие горы клеветы, такие тяжкие обвинения?.. Почему он никак не отвечает на них, не оправдывается — ведь он не виноват?.. Почему он на целых семь лет будет оторван от своей паствы?.. Где же справедливость на свете?..

Ещё одним способом подрыва влияния Церкви на народ стало так называемое обновленчество, или «Живая церковь». Обновленцами называли себя священники, полностью поддерживавшие советскую власть, не подчинявшиеся Патриарху Тихону, ратовавшие за упрощение и модернизацию Церкви. Этот проект был затеян весной 1922 года и пользовался покровительством ГПУ (тот же Бухарин так и писал: «При ГПУ мы воздвигли свою церковь»), В краткий срок, к концу 1922-го, обновленцы смогли захватить две трети из 30 тысяч российских храмов. Мемуарист А. Э. Краснов-Левитин, сам бывший обновленческим диаконом, так описывал живоцерковников: «В общем священнослужителей-обновленцев можно разделить на 4 группы: первая — самая многочисленная группа <...> серые батюшки требоисправители <...> Вторая — прохвосты, присоединившиеся к обновленчеству в погоне за быстрой карьерой, спешившие воспользоваться «свободой нравов», дозволенной обновленцами. <...> Почти все они были агентами ГПУ. Третьи — идейные модернисты, искренно стремившиеся к обновлению церкви. Эти жили впроголодь, ютились в захудалых приходах, теснимые властями и своим духовным начальством и не признанные народом. Они почти все кончили в лагерях. Четвёртая — идеологи обновленчества.

Блестящие, талантливые, честолюбивые люди, выплывшие на гребне революционной волны». 29 апреля 1923 года на «Втором Поместном соборе» в храме Христа Спасителя обновленцы «лишили сана» арестованного ещё год назад Патриарха Тихона, объявили о переходе на григорианский календарь и закрытии монастырей.

Верующие Орла болезненно переживали раскол. Обновленческую Орловскую епархию в октябре 1922-го возглавил престарелый архиепископ Леонид (Скобеев). 11 декабря 1922-го в храмах Орла и губернии было запрещено помянуть «бывшего патриарха Тихона», так как «помяновение имени бывшего патриарха уже не является актом церковным при существующих условиях, а явной и публичной политической демонстрацией». Согласно постановлению «собора», продублированного пленумом Орловского горсовета, 22 февраля 1923 года в Орле закрылись монастыри, которые не были добиты на рубеже десятилетий. Вселившиеся в Введенский женский монастырь рабочие-железнодорожники на общем собрании постановили «впредь называть женский монастырь городком железнодорожных рабочих», а «висящие на стенах патриархальные поповские атрибуты — иконы и кресты — снять, как оскорбляющие социалистические чувства рабочих». Почти всё православное духовенство города и губернии, кроме Волхова и Ельца, перешло в обновленчество. Растерянным, сбитым с толку людям казалось, что таким образом Церковь удастся сохранить от полного уничтожения.

Как реагировал на смуту 1922 года Ваня Крестьянкин? Понимал ли он вообще, что происходит? Конечно же понимал, ведь ему было уже двенадцать лет. И твёрдо сделал выбор — ведь не случайно же оплот прежней, «тихоновской» Церкви разместился в то время не где-нибудь, а на Черкасской улице, в скромном храме Успения Божией Матери, буквально по соседству с домом Крестьянкиных. Но раскол не смог не затронуть его душу. С болью в сердце подросток наблюдал, как рушится привычный церковный уклад Орла, как движутся по улицам подводы с монахинями-старицами упразднённого Введенского монастыря (тогда вынуждена была покинуть монастырь и его 33-летняя двоюродная сестра, монахиня Евгения), как втягиваются близкие ему люди в распри и ересь обновленчества. Разорение древних обителей, ограбление храмов, издевательства над Церковью и Патриархом, арест владыки Серафима, отступничество тех, кто ещё вчера клялся в верности (родной ему Ильинский храм тоже перешёл в обновленчество) — всё это порождало в душе уныние, разочарование, отчаяние. Даже он, с младенчества не представлявший себе жизни без храма, задавал себе ядовитый вопрос: как

молиться Господу, если он допускает подобные беззакония?..

Елизавета Илларионовна, видя, что с сыном творится неладное, пыталась успокоить его: «Сыночек, так Богу угодно. Видно, так надо. Бог плохо не сделает». Но это бесхитростное объяснение вызвало ещё больший протест. В жизни Вани Крестьянкина наступила, в сущности, первая серьёзнейшая «развилка», на которой ему предстояло решить, как жить дальше.

Может быть, именно отчаяние, нежелание иметь дело с внешней жизнью, в которой творилось непотребное, толкнуло его на просьбу, с которой он обратился в октябре 1922 года к епископу Елецкому Николаю. Владыка Николай, в миру Алексей Николаевич Никольский, родился в 1879 году и был земляком Вани, коренным орловцем. Вместе с владыкой Серафимом прошёл через показательный суд, но уже в октябре 1922-го был освобождён. Убедившись в том, что обновленчество в губернии почти победило, владыка Николай рискнул создать «самоуправляющуюся автокефальную Елецкую Церковь», которой подчинялись также и «тихоновские» приходы Орла. Но в конце ноября того же года по обвинению в «поддержании устоев тихоновской церковной политики, которая своими деяниями поддерживает как русскую, так и заграничную контрреволюцию», владыку Николая снова арестовали и выслали в Воронежскую губернию.

Именно в октябре 1922 года, когда владыка Николай после освобождения уезжал из Орла в Елец, и произошла сцена, которая предопределила будущее Вани Крестьянкина. Вокруг владыки толпились прихожане-«тихоновцы», и 12-летнему иподиакону тоже захотелось получить благословение. Чтобы обратить на себя внимание епископа, он осмелился коснуться его руки. Наклонившись к Ване (роста тот был небольшого), владыка ласково спросил:

— Ну а тебя на что благословить?

— Я хочу быть монахом.

Окружающие примолкли. Напомним: стояла осень 1922 года, разгул обновленчества в России, когда, казалось, «тихоновская» церковь побеждена окончательно и скоро уйдёт в подполье, как в древние времена. Одним из главных пунктов обновленцев была борьба с монашеством, и на своём «соборе» они подтвердили это, одним махом упразднив множество древних обителей. Так что слова «Я хочу быть монахом» в том году звучали дерзко, упрямо, самоотрешенно, звучали наперекор всему, что творилось вокруг. Ваня Крестьянкин прилюдно просил благословить его не просто на будущую личную судьбу, но на подвиг во имя Церкви, возможно — на

мученичество. И одновременно отрекался от того хаоса, который царил вокруг и мешал сосредоточиться на главном — том, ради чего он родился на свет... А от возможной своей «светской» судьбы, от брака он отрёкся ещё тогда, когда стал иподиаконом.

Владыка Николай молчал, положив руку на голову Вани и глядя куда-то вдаль. Наконец он медленно проговорил:

— Сначала окончишь школу, поработаешь, потом примешь сан и послужишь, а в своё время непременно будешь монахом.

Так оно и произошло. Никогда больше в жизни Ивана Крестьянкина не было тревог о будущем. «Не планируй сейчас свою жизнь, — писал о. Иоанн в старости, — молись: Скажи ми, Господи, путь, в онъже пойду, яко к Тебе взяв душу мою. И увидишь чудо Божиего водительства по жизни. Главная цель — богоугодие ради любви к Богу, из него возрастает спасительный плод. А как, какой дорогой, по каким ухабам пройти придётся, — это дело Божие».

«Чудо Божиего водительства» Ваня увидел вскоре воочию. В марте 1923 года позиции обновленцев в Орле начали колебаться — архиепископа Леонида лишили кафедры, прошедшие 12 марта перевыборы епархиального собрания показали, что «тихоновцы» не собираются сдаваться. А 15 мая в Орле произошёл инцидент, продемонстрировавший силу духа тех, кто не изменил Патриарху. В тот день, когда в Никольском храме обновленцы начали свою службу, прихожане стали уходить из церкви с криками: «Долой! Нам не надо наёмников, пусть будут старые священники, а вы должны служить для коммунистов». К храму спешно прибыл начальник городской милиции во главе большого отряда, но прекратить беспорядки не удалось, и служба обновленцев была сорвана.

А 26 июня 1923-го вышел на свободу и сам Патриарх Тихон, который немедленно выступил с заявлением о своём возвращении к управлению Церковью. Большинство верующих признало Патриарха своим законным главой. Временный «обморок» массового обновленчества, которым была поражена Церковь во второй половине 1922-го, закончился так же быстро, как и начался.

И — надо же было такому случиться — вскоре церковный староста Пётр Семёнович Антошин отправился по делам в Москву и взял с собой Ваню Крестьянкина. Ещё недавно он и мечтать не смел о том, чтобы самому увидеть Патриарха. А ведь увидел, более того — получил от него благословение после службы в Донском монастыре. Уже в старости о. Иоанн говорил о том, что до сих пор чувствует ладонь Патриарха на своей голове...

Шестьдесят шесть лет спустя, 9 октября 1992-го, о. Иоанн Крестьянкин так сказал в своей проповеди в день памяти святителя Иоанна Богослова и святителя Тихона: «Гонение новых богоборцев XX века подвергло Святейшего Патриарха Тихона мучениям несравненным. Он горел в огне духовной муки ежечасно и терзался вопросами: доколе можно уступать безбожной власти? Где грань, когда благо Церкви он обязан поставить выше благополучия своего народа, выше человеческой жизни, притом не своей, но жизни верных ему православных чад? О своей жизни, о своём будущем он уже совсем не думал. Он сам был готов на гибель ежедневно».

После освобождения Патриарха влияние обновленчества начало стремительно сокращаться, и уже к концу 1923 года множество обновленцев, принеся покаяние, вернулись в Патриаршую Церковь. Если осенью 1925-го в СССР насчитывалось 9093 обновленческих прихода (30% от общего числа), то к зиме 1926-го — уже 6135 (21,7%), а к зиме 1927-го — 3341 (16,6%). И хотя обновленческие храмы продолжали действовать в стране до второй половины 1940-х (оплотом обновленчества оставались Краснодарский и Ставропольский края), в целом «Живая церковь» как явление потерпела крах, оставшись в истории приметой смутного времени, одним из болезненных экспериментов постреволюционной эпохи и одновременно — расчётливых проектов власти по взрыву Церкви изнутри.

А в апреле 1924-го орловцы-«тихоновцы» радостно передавали друг другу ещё одну светлую новость — по амнистии вышел из тюрьмы владыка Серафим. 29 мая он был возведён в сан архиепископа и поселился на Черкасской улице, соседней с Воскресенской, на которой жили Крестьянкины, в доме архимандрита Пантелеймона (Филиппова, 1877—1932), духовника Введенского женского монастыря. Владыка и служить стал на Черкасской, в храме Успения Божией Матери — и служил так, что храм был полон всегда. По субботам, воскресеньям и праздничным дням он произносил там проповеди. А хор, состоявший из монахинь разорённого в 1923-м Введенского монастыря, быстро приобрёл славу лучшего в городе... К сожалению, Успенский храм в 1932-м был закрыт, после войны снесён, и сейчас на его месте находятся производственные корпуса «Легмаша».

Именно службы владыки Серафима, его доброта, стойкость, мягкое, но непреклонное мужество окончательно вернули покой в душу его иподиакона Вани Крестьянкина. «Ничто так не может увлекать и одушевлять, как наглядный пример, — вспоминал он. — И ни от кого нельзя так легко и радостно научиться жить по-христиански, как от того,

кто сам искренне и радостно работает Христу». Уверенности и сил придавало и то, что владыка живёт на соседней улице. Однажды, когда Крестьянкины собрались отмечать день рождения Вани и на столе уже появились аппетитно пахнущие пирожки, в окно дома раздался негромкий стук. Это сам владыка Серафим пришёл поздравить мальчика с праздником. Можно представить, какой радостный переполох поднялся в доме!.. А подарок, сделанный архиепископом, мальчик по праву считал драгоценным. Это была фотография в простой деревянной рамке, на которой были запечатлены владыка Серафим и владыка Николай. На обороте — надпись: «От двух друзей юному другу Ване с молитвой, да исполнит Господь желание сердца Твоего и да даст Тебе истинное счастье в жизни. Архиепископ Серафим». Один из друзей, владыка Николай, в это время уже был в заключении...

Эту фотографию о. Иоанн бережно хранил всю жизнь. А когда в 2000 году решался вопрос о прославлении владыки Серафима в лике священномучеников, снял её со стены своей келии и отдал, чтобы приобщить к материалам о канонизации. Решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2001 года имя погибшего в годы репрессий владыки Серафима было включено в Собор Святых Новомучеников и Исповедников Российских XX века.

...Шли годы, а гонения на Церковь не прекращались, напротив — они принимали всё новые и новые формы. Власть действовала самыми разными методами — как лобовыми, нахрапистыми (создание в 1925 году Союза безбожников, с 1929 года — Союз воинствующих безбожников), так и внешне вполне нейтральными и даже «логичными». Так, в циркуляре НКВД РСФСР №351 от 19 сентября 1927 года было сказано, что в качестве причин для закрытия храмов могут быть выдвинуты такие, как «отсутствие служителей культа», «отсутствие своевременного ремонта», а то и «постановление общего собрания граждан». То есть не ремонтировался храм несколько лет, арестовали настоятеля — значит, можно закрывать. Нечего и говорить, что такие причины стали находиться в избытке. В апреле 1928-го в Орле закрыли Богоявленский храм, 13 июля начали разбирать колокольню старого Смоленского (того, где крестились и венчались предки Вани), 1 ноября окружному музею была передана часовня Георгиевской церкви, а 4 ноября — часовня Михаило-Архангельской. 20 мая 1929 года закрыли Крестовоздвиженскую церковь и передали её под клуб завода имени Медведева, а под столовую того же завода была передана бывшая Покровская церковь. В Преображенский храм въехал антирелигиозный музей, в Борисо-Глебский —

производственные мастерские педагогического техникума, в Лутовский храм — армейский клуб... По состоянию на 15 июля 1929 года в Орле было закрыто 17 церквей, 2 монастыря, 9 часовен и молитвенных домов. Действующими оставались 18 храмов.

Конец 1929 года ознаменовался борьбой с колокольным звоном. 6 декабря 1929-го НКВД РСФСР дал указание своим органам на местах запретить «так называемый трезвон, или звон во все колокола», оставив только «звон в малые колокола установленного веса и в установленное время по просьбе религиозных организаций». Зимой 1929/30 года «по требованию трудящихся г. Орла» большие колокола с храмов города были сняты «и реализованы порядком, установленным для госфондимуществ». Именно тогда умолк громогласный звон, которым так славился Орёл... В памяти о. Иоанна это событие совпало с упразднением городских монастырей, которое состоялось на шесть лет раньше. Но и это было ещё не всё. Новый удар по орловскому православию пришёлся на 1930—1931 годы. К маю 1931-го в Орле осталось 15 действующих храмов, из которых пять, в их числе родной для Крестьянкиных Ильинский, были обновленческими.

К этому времени в жизни Ивана Крестьянкина произошло несколько заметных перемен. В 1929 году, в возрасте 19 лет, он наконец окончил школу-девятилетку. Поскольку во время учёбы ему хорошо давалась математика, после школы он поступил на курсы бухгалтеров и после их окончания без труда нашёл работу счетовода в Орловском районном сельскохозяйственном кооперативном союзе. Работал на совесть и даже стал своеобразным «рационализатором», предложив директору для выправления запущенной бухгалтерии создать две группы — одну для обработки «свежих» финансовых документов, вторую для обработки старых. Но всё это было внешнее. Подлинная жизнь молодого человека продолжала протекать в храме.

И сразу же начались трудности с совмещением мирского и церковного. В том же 1929-м в СССР произошла реформа календаря, и вместо традиционной недели 1 октября была введена так называемая «непрерывка», где все рабочие дни были разделены на пять групп, названных по цветам (жёлтый, розовый, красный, фиолетовый, зелёный), причём каждая группа имела свой собственный выходной день в неделю. А 1 декабря 1931-го непрерывку сменила шестидневка, где день отдыха приходился на 6, 12, 18, 24 и 30-е число каждого месяца. Понятно, что главной причиной этих новаций было желание поломать устоявшийся веками уклад верующих людей, сделать их послушными «винтиками»,

которые между храмом и работой без сомнений выбирали бы работу. «Воскресенья» в традиционном смысле этого слова ушли в прошлое (вернутся они только летом 1940-го с введением семидневной рабочей недели). Отголосок шестидневки остался в печально-ироничном стихе: «Спасибо партии родной *За доброту и ласку*, Что отобрали выходной / И обо...ли Пасху».

Но православные, как и можно было предположить, свой календарь менять не собирались. И когда однажды бухгалтера Ивана Крестьянкина вызвали на работу в воскресенье, которое согласно новым мирским правилам было рабочим днём, объяснив это тем, что случился очередной «аврал» и его надо ликвидировать, юноша ответил коротко и чётко:

— Я не причина вашей отсталости, я и не жертва её ликвидации.

На следующий же день он прочёл приказ о своём увольнении...

Поскольку мама, Елизавета Илларионовна, к тому времени уже начала прихварывать, каждая копейка в домашнем бюджете имела существенный вес. Начались обивания порогов других орловских контор, но очень быстро Иван понял — уволили его с «волчьим билетом», сделав в личном деле какую-то пометку. Во всяком случае, в отделах кадров сразу же начинали смотреть на него как на зачумлённого.

Впрочем, была возможность устроиться в орловский театр, где гримёром работал старший брат Ивана Константин. Он воодушевлённо расписывал младшему перспективы:

— Представляешь, как будет здорово смотреться в программках — за парики отвечает Крестьянкин К., а за костюмы — Крестьянкин И.!

Но на это Иван серьёзно ответил:

— Нет, брат. Спасибо, но у меня в жизни своя цель — я хочу стать священником и монахом.

Увольнение получалось скрывать около месяца. По утрам Иван исправно «шёл на работу», а отсутствие зарплаты удалось скрыть с помощью продажи подарка юродивого Афанасия Андреевича — скрипки. Футляр от неё юноша оставил себе на память.

Но всё тайное рано или поздно становится явным. Мама узнала и об увольнении, и о том, что другую работу в Орле найти невозможно. И тогда в доверительном разговоре сына с матерью прозвучало: Москва. Ваня ещё раз рассказал, какое глубокое впечатление на него произвели поездка в Москву в 1923-м, встреча с Патриархом. Может быть, стоит попробовать счастья в столице?.. Тем более что православный Орёл гибнет и пустеет буквально на глазах. Выслали из города любимого владыку Серафима, и даже родную Воскресенскую улицу 14 мая 1929-го переименовали,

страшно сказать, в улицу Безбожников. Как на такой жить?.. А Москва не провинция, полностью разорить её будет трудно даже неистовым врагам Церкви... Да и закадычные друзья-соседи уже перебрались туда — Александр и Василий Москвитины жили в Москве с конца 1920-х.

В ответ прозвучало неожиданное:

— Сынок, а ты спроси совета у матушки Веры. Как она скажет, пусть так и будет.

Матушку Веру, Веру Александровну Логинову, хорошо знал весь православный Орёл. До 1923 года она была насельницей Введенского женского монастыря, а до пострига — женой генерала. Высокую, статную, с суровым лицом, матушку Веру часто можно было видеть проезжавшей по улицам города в конном экипаже. Она обладала особым даром знания, кому именно нужна её помощь, и сама появлялась у людей дома.

К старице отправились вдвоём. Она встретила Крестьянкиных приветливо, Ваню помнила ещё шестилетним пономарём. И вот перед ней стоял 21-летний юноша, собиравшийся покидать родное гнездо.

Ваня был готов к любому ответу матушки Веры, но всё же удивился, когда она без колебаний благословила его на переезд в столицу. Матери объяснила, что все происходящие с ним неприятности временны, бодрому духу они не вредят. А потом загадочно добавила, снова обращаясь к Ване:

— А встретимся мы с тобой через много лет на псковской земле. Бог провожает, Бог и встречает. И слава Богу!

Над смыслом этой фразы Иван задумываться не стал: раз старица сказала, значит, рано или поздно всё прояснится. И домой возвращался одновременно в грустном и приподнятом настроении. Жаль было расставаться с родным городом, прощаться с матерью, братьями и сестрой. Но нужно было двигаться дальше. В Москву, в Москву, в Москву...

Самым ценным, что увозил он из дома, была икона Божией Матери «Знамение» — та самая, которую мать отказалась продать в голодном 1922-м. Елизавета Илларионовна благословила его этой семейной реликвией. И последний орловский храм, который он видел из окон поезда, тоже был посвящён иконе Божией Матери — Иверской. Красивейший этот храм хоть и был закрыт при обновленцах, но не снесён, и его одиннадцать золотых куполов ярко сияли на солнце, как в старые времена... Бог действительно провожал его.

Глава 3

МОСКВА ЗЕМНАЯ И МОСКВА НЕБЕСНАЯ

Курский вокзал в начале 1930-х по традиции многие ещё называли Курско-Нижегородским. Именно на его перрон вышел из орловского поезда невысокий кудрявый юноша в очках, навьюченный большим чемоданом, несколькими узлами и... пустым футляром от скрипки (подарок Афанасия Сайко Иван взял с собой).

Куда он, уставший после пятичасовой вагонной тряски, отправился с дороги?.. Можно предположить, что к друзьям-орловцам Москвитины, которые уже вполне могли считаться столичными жителями. Старший, Василий, работал в торговле, а Александр, почти Ванин ровесник, после окончания учётно-экономического института трудился старшим счетоводом в 3-м конном парке. Несмотря на внешнюю встроенность в светскую жизнь, оба брата Москвитины продолжали вести и церковную. Так, Александр в 1930-м принял в Смоленске тайный иноческий постриг с именем Афанасия, а Василий — постриг с именем Владимира. После почти повсеместного разгрома монастырей тайное монашество стало одной из форм церковной жизни в СССР. Внешне монах в миру ничем не отличался от окружающих, и его сослуживцы не подозревали о его постриге.

Конечно, присутствие земляков-друзей сильно помогало на первых порах, ведь в начале 1930-х «зацепиться» в Москве приезжему провинциалу было отнюдь не легче, чем сейчас. Конкуренция за рабочие места соседствовала с множеством ограничений, и главным была прописка. С 1925 года каждый гражданин СССР должен был быть прописан по месту жительства, штамп об этом ставился в удостоверение личности. После того как в декабре 1932 года ввели паспортную систему, штамп ставился уже в паспорт. Без прописки находиться где бы то ни было и тем более получить работу было невозможно. Так что самыми главными хлопотами для новоявленного москвича стали поиски жилья и прописки.

Жилищный вопрос разрешился довольно скоро — в Большом Козихинском переулке нашлась некая старушка по имени Анастасия Васильевна, которая согласилась сдать парню из Орла угол в комнате на первом этаже. Но по поводу прописки решительно воспротивилась:

«Приведёшь мне тут девку, и что я с ней делать буду?» В конце концов нашлась возможность прописаться в другом месте. А московская жизнь Ивана Крестьянкина началась здесь, в Большом Козихинском, дом 26, квартира 1^[5], — бывшей дешёвой гостиничке, в 1901 году принадлежавшей Ивану Ильичу Шапошникову, а в 1917-м — разбогатевшему крестьянину Сергею Степановичу Виноградову...

Это самый центр Москвы, но до сих пор тихий. Переулок идёт от Большой Бронной к Садовому кольцу параллельно Малой Бронной. По соседству, всего в одном квартале, находятся Патриаршие пруды (в 1924-м они были переименованы в Пионерские, но название не прижилось, и в обиходе их продолжали звать по-старому). Таким образом, приехавший из Орла юноша поселился в одном из самых «булгаковских» мест столицы — Берлиоз попал под выдуманный Булгаковым трамвай примерно напротив 42-го дома по Малой Бронной, то есть буквально в двух минутах ходьбы от 26-го номера в Большом Козихинском, если идти напрямую через двор; и, по идее, истерические женские крики и свистки милиции, огласившие место происшествия, должны были быть хорошо слышны в комнате Вани Крестьянкина. Но в те годы никаких ассоциаций с героями «Мастера и Маргариты» у москвичей это место не вызывало, ведь и сам роман ещё не родился на свет. Да и Ивана, узнай он об этом, такое соседство, конечно, не обрадовало бы.

Время от времени, как любая московская улица, Большой Козихинский переулок нёс потери — на месте старых домов появлялись либо новоделы, либо просто пустоты, поджидающие застройщика. На месте дома № 26 сейчас как раз такое поросшее деревьями «пустое место», к которому слева примыкает величественный доходный дом постройки 1913 года, принадлежавший А. А. Волоцкой и возведённый автором первого московского небоскрёба Эрнстом Нирнзее (современный адрес — Трёхпрудный переулок, 11/13). В 1930-х пустота была занята сразу двумя не сохранившимися ныне домами — № 26 и 24. Напротив, через переулок, и сейчас высится монументальная пятиэтажка № 27, построенная в 1911-м в стиле «модерн» В. И. Рубановым для домовладельца А. И. Себрякова. В этом доме жили создатель общества «Бубновый валет» художник Аристарх Лентулов и дочь основателя Спасо-Влахернского женского монастыря Ирина Головина.

Сам по себе Большой Козихинский ещё с конца XIX столетия продолжал нести отчётливый богемно-студенческий отпечаток. Когда-то здесь в непрезентабельных доходных домах, которые без лишних церемоний называли «Адом», снимали квартиры бедные московские

школяры, а потом их понемногу сменили актёры. Самым знаменитым уроженцем переулка был поэт Аполлон Григорьев, а самым знаменитым жильцом — «Бетховен русского театра», звезда Малого, глухой актёр Александр Остужев (жил в доме № 12; в 1959—1993 годах переулочек носил его имя).

Жилище Вани было, откровенно говоря, убогим. В углу — покрытая салфеткой тумбочка, табуретка и сундучок, служивший жильцу постелью. В изголовье сундучка — канализационная труба, начинавшая работу в пять утра. Нашли своё место многочисленные привезённые из Орла иконы, футляр от скрипки Афанасия Сайко. От остального пространства комнаты угол отделяли ситцевая занавеска и шкаф. После родного дома такие условия могли показаться спартанскими кому угодно, но Иван не роптал. В конце концов, в подобных (или ещё похуже) условиях тогда ютились и многие москвичи, не говоря уж о жителях других городов и весей.

С помощью братьев Москвитиних работу молодой бухгалтер нашёл сравнительно быстро. Спрос на профессионалов в финансовой сфере был стабильным, особенно на небольших предприятиях, которых в Москве начала 1930-х хватало. Итак, отныне он — счетовод финансово-счётного отдела Московского областного союза потребительских обществ, как сокращали в справочниках тех времён, — МОСПО. Размещался МОСПО на Мясницкой, 43, в изящном одноэтажном особняке постройки конца XVIII столетия — доме князя А. И. Лобанова-Ростовского, где нередко бывал в своё время Пушкин. Далековато от Большого Козихинского, но что поделаешь. Правда, в мае 1935-го в быт москвичей вошло метро, а от станции «Кировская» (нынешние «Чистые пруды») до 43-го дома на Мясницкой (в то время улицы Кирова) идти уже не очень долго.

С получением работы разрешился ещё один немаловажный вопрос — продовольственный, ведь Москва до 1935-го продолжала жить по карточкам, и свою законную норму (хлеб — 400 граммов в день, мясо — 100 граммов в день, крупа — 750 граммов в месяц, селёдка — 250 граммов в месяц, сахар — кило в месяц) Иван мог получать, только будучи прикреплённым к «своему» магазину. Конечно, можно было покупать продукты и на рынках, но для обычного служащего поход на базар был невообразимой роскошью. А ведь нужно было доставать ещё и носильные вещи. Пару ботинок тогда можно было раздобыть за 30 рублей, пальто, если повезёт, — за 70. А зарплата московского счетовода не превышала сотню рублей. Правда, с годами Иван понемногу «рос» в должностях (бухгалтер, затем помощник главного бухгалтера), но «хлебной» его работу по-прежнему назвать было сложно.

Впрочем, на самых первых порах московской жизни все мытарства переносились легко. Во-первых, Иван Крестьянкин всегда был крайне неприхотливым в быту; в одном из писем он писал: «Я с самых первых, ещё юношеских лет усердно тружусь и всегда, довольствуясь своим честным трудовым заработком, не позволял себе ничего излишнего сверх требуемого для поддержания физической жизни. Я всегда стремился помогать другим чем только мог, и при этом сам всячески избегал того, чтобы жить за счёт труда других. Такова моя принципиальная жизненная установка». А во-вторых, в юности вообще любые тяготы переносятся легче, а Ваня Крестьянкин был молод, всё вокруг было для него новым и необычным, и вчерашний орловец не избежал самого простого человеческого очарования огромным городом, в котором поселился. Конечно, в первую очередь он посетил все православные святыни Москвы (многих уже не было — Иверскую часовню снесли в июле 1929-го, храм Христа Спасителя — в декабре 1931 -го, а сколько было других разрушенных храмов и монастырей!). Но были ведь и музеи, и старинные здания, и расположенный по соседству сад «Аквариум», где недавно начал работу театр оперетты... Вспоминая себя в молодости, о. Иоанн с улыбкой говорил, что «был франтом». Не раз бывало так, что молодой человек в начищенных зубным порошком белых парусиновых туфлях возвращался с прогулок по столице далеко за полночь. Но эту практику быстро прекратила квартирная хозяйка. И, поразмыслив, Иван был ей только благодарен за это. Ведь искушения и соблазны светской Москвы могли завести его куда угодно.

Вообще отношения между Анастасией Васильевной и её постояльцем сложились своеобразные. Хозяйка скоро удостоверилась, что никаких грехов, за вычетом поздних возвращений, за юношей не водится — «девки» в его углу не гостевали, спиртным и табаком постоялец не баловался. Но и другими делами, которыми, по её мнению, должны были увлекаться молодые люди, Иван не занимался: не слушал радио, не работал в спортивных секциях и кружках, даже не был комсомольцем и членом МОПРа. Рано уходил на работу, а когда возвращался — читал и молился. Мягко отказывался от попыток хозяйки свести его с какой-нибудь достойной москвичкой... Убедившись в его домоседничестве, старушка начала досаждать Ване «задушевыми» разговорами, особенно по вечерам. Могла обратиться к нему когда угодно — и во время молитвы тоже, причём нередко срывала на юноше свои усталость и злобу, накопившиеся за день. Но тот выслушивал монологи Анастасии Васильевны спокойно и даже с улыбкой, за что получил от неё раздражённое прозвище «чурбан с

глазами».

А вот на новом месте службы Ивана никто чурбаном и чудаком из провинции не считал. Коллектив в финансовосчетном отделе МОСПО был маленький, в основном женский, и кое-кто из барышень быстро положил на новичка глаз. По фотографиям, сделанным в 1930-е годы, видно, что Иван хотя и не вписывался в общепринятые стандарты мужской красоты — не был ни мужественным лётчиком, ни рослым физкультурником, — вполне мог обратить на себя внимание девушек одухотворённостью лица, мягкой улыбкой, каким-то особым ясным светом, исходившим от него. Но орловец всё же сумел дать понять сослуживицам, что он для них — не более чем коллега. Причём сделал это настолько деликатно, что никого не обидел, более того — женщины прониклись к нему уважением и доверием. Его, 22-летнего, начинают называть по имени-отчеству, Иваном Михайловичем, и это не знак насмешки. Впервые в жизни Ивана Крестьянкина к нему потянулись люди за помощью и советом, причём не только в рабочих делах.

Чем же смог подкупить этих издерганных, замороченных трудным московским бытом женщин скромный кудрявый юноша в очках, который точно так же, как они сами, просиживал дни за столом с замызганными счётами и массивным арифмометром «Феликс»?.. Может быть, тем, что он умел внимательно слушать. А может быть, тем, что они инстинктивно чувствовали в нём «человека духа», разительно не похожего на других мужчин эпохи — нахрапистых, наглых, не верящих ни в Бога, ни в чёрта. Можно предположить, что Иван уже тогда, в ранней мирской молодости, обладал даром рассуждения — даром отличать добро от зла, понимать и принимать волю Божию и поступать в соответствии с ней. Рассуждение — не просто дар, это Дар Даров, величайшая добродетель, доступная даже далеко не всем праведникам.

Вот как говорил о даре рассуждения преподобный Симеон (Желнин): «Много ещё имеется добрых дел, но одно — высшее всех — это рассуждение, или духовная мудрость, о которой не все знают. Она достигается через молитву и смирение — временем и опытностью <...> Духовную же мудрость можно приобрести через вопрошания и беседы со старцами и духовниками, то есть с духовно мудрыми отцами, через чтение священных книг, особенно святоотеческих и старческих, через посещение храма Божия, где проповедуется Божие слово».

Преподобный Антоний Великий определял рассуждение как «око души и её светильник, как глаз есть светильник тела». И первыми, кто увидел свет «очей души» Ивана Крестьянкина, были его коллеги,

прибегавшие к сослуживцу, как им казалось, просто поплакаться на мужей, любовников или вконец заевший быт, а на деле шедшие за духовным вразумлением, за тем, чтобы получить ответ на главный вопрос, который столько раз зададут впоследствии великому старцу о. Иоанну: *как жить?*

О. протоиерей Владимир Цветков так писал об «очах души» о. Иоанна: «Как проявлялся батюшкин дар рассуждения? Когда человек приходил к нему с какой-то проблемой, то он подробно выспрашивал его об обстоятельствах дела или ситуации. Вникал в них, проникал в них. А потом спрашивал о пожеланиях, чувствах и мнениях самого человека. При этом был так внимателен, что казалось — он полностью перемещается в твою душу. Даже физически это выражалось: батюшка садился рядом с тобой на диванчик, а потом придвигался всё ближе и ближе. И в конце концов, так близко, что уже дальше и двигаться-то было некуда, мог обнять, голову на плечо положить, ухо своё к губам подставить.

Так батюшка вникал в Промысл Божий о человеке. Но после этого он редко давал чёткое указание. Это было скорее объяснение, совет. При этом батюшка давал его в виде воспоминаний о различных историях, касающихся подобного рода проблем, чтобы человеку самому стало понятно, как поступать. Он давал ключ к решению проблемы, то есть действовал опять-таки в соответствии с опытом святых отцов. Как сказано у того же Иоанна Кассиана: “Бог дал человеку свободу, а Сам располагает обстоятельствами”».

Но это будет много позже, а тогда, в 1930-х, невысокий кудрявый юноша в очках просто внимательно слушал собеседника, поощрительно улыбаясь карими глазами. Советовал — ненавязчиво, мягко. Казалось бы, во многих из тех ситуаций, в которые его посвящали, смог бы разобраться только многоопытный мужчина, тёртый и битый жизнью, а не только что переехавший в Москву 22-летний юнец. Но вскоре женщины с изумлением обнаруживали, что именно совет, данный этим юнцом, и помог им выйти из сложного положения, наладить отношения с мужем, сестрой, свекровью, понять что-то главное в жизни. И снова бежали к безотказному Ивану Михайловичу, который отодвигал в сторону «Феликс» и всем своим видом выражал готовность выслушать...

Иной раз женщины даже пугались, особенно когда речь заходила об интимных вещах:

— Ой, что это я перед тобой как перед попом разоткровенничалась?..

Но потом успокаивались. Они знали: с «доктором души» можно и нужно быть откровенными. А ему хоть и корбило душу слово «поп», но от людей не отталкивало. Он знал — им трудно и они ждут его помощи...

Добрые отношения с сослуживцами очень помогли Ивану — ведь в стране до 1940 года действовала шестидневка, а значит, воскресенья в мирской жизни не существовало, даже это «поповское» слово было заменено нейтральным «общевыходным». Поэтому, например, Светлое Христово Воскресение в 1930-х можно было спокойно отметить лишь в 1931, 1932 (тогда Пасха совпала с выходным 1 мая), 1933 и 1936 годах — в прочие годы праздник выпадал на рабочий день, а прогул службы грозил увольнением. Но сотрудники Ивана с удовольствием «прикрывали» его отсутствие — они знали, что в случае чего он с такой же радостью поработает за них.

...Обычный советский человек, как правило, существовал в круговерти «дом — работа — дом». Для Ивана Крестьянкина на первом месте, естественно, стояло посещение храма, а на втором — время, проведённое с близкими по духу людьми, с которыми можно было откровенно обсудить то, что волновало, да и просто поговорить на одном языке. В первую очередь, конечно, это были братья Москвитины. Оба, как говорилось выше, уже приняли тайный постриг, и, возможно, Иван даже завидовал им немножко: ведь монашество тоже оставалось его мечтой. Но он твёрдо помнил напутствие епископа Николая: сначала школа, потом работа, сан и только потом — монашество. И шёл по жизни, руководствуясь этим наставлением-видением...

Братья Москвитины ввели Ивана в маленький дружеский круг молодых москвичей, которые даже в годы гонений неуклонительно жили православной жизнью. Общим наставником и духовным отцом этих молодых людей был о. протоиерей Александр Воскресенский (1875—1950), настоятель храма Святого Иоанна Воина на Якиманке — единственной действующей церкви в этом районе. Поистине удивительно было, что этот храм в самом центре Москвы, недалеко от Кремля, построенный при Петре I (и, по преданию, по чертежу самого царя), никогда не был обновленческим и никогда не закрывался.

Один из молодых людей, которые составляли окружение о. Александра позже, в 1940-х, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев, 1926—2003), так вспоминал своего наставника: «И внутренний мир, и внешний облик о. Александра можно выразить одним словом: “устремлённость”. Он был высок, до последних лет жизни — строен, без свойственной возрасту полноты, хотя и не худощав. Вертикальную устремлённость фигуры подчёркивали мягкие формы его одежды, фетровая шляпа или высокая остроконечная скуфья. У него были очень выразительные руки — исхудавшие, старческие, но необыкновенно живые,

подвижные, с удлинёнными пальцами, а все движения — чёткие, с непередаваемым изяществом. При благословении он иногда пожимал протянутую руку, — этим выражалось какое-то особое сочувствие или отеческая ласка. У него была тонкая трость с загнутым концом, — он и на трость опирался с каким-то своеобразным изяществом. Если крестился, всегда снимал шляпу — в этом тоже была особая мера благородства. <...> Черта внутренней, если так можно сказать, духовной грации сопутствовала ему во всём. Вспоминается эпизод, когда один молодой человек пустился в рассуждения о богословии, ещё о каких-то высоких материях, о. Александр, держа в левой руке чашку на блюдце, осторожно постучал по его краю и мягко сказал: “Отец, поменьше философии”. А в другой подобной беседе зашла речь о беспорядке в многолюдной службе. “То ли дело — процессии в античное время!” — сказал кто-то. О. Александр мягко, но строго заметил: “Так можно говорить, потому что не знаем”. Никто не мог вспомнить ни одного резкого слова, которое сказал бы о. Александр своему собеседнику. Но вместе с тем он был неукоснительно строг, прежде всего, к себе, а затем к тому, кто заслуживал этого».

Был о. Александр не только добр и мудр, но и мужествен. Так, он был единственным в столице СССР священником, который никогда не надевал обычное «штатское» платье, а всегда ходил в рясе. В те годы это вызывало самую неожиданную реакцию — могли запустить в спину камнем, крикнуть что-нибудь оскорбительное. Но в Замоскворечье все прекрасно знали батюшку, любили и уважали его. Никто не видел в нём «вымирающего сторожа аннулированного учреждения», как презрительно назвал священников Маяковский. И даже незнакомые люди, далёкие от веры, преклонялись перед ним. Так, уже после войны был случай, когда в трамвае какой-то офицер, восхищенный величественным и благородным видом о. Александра, при всех встал перед ним на одно колено и поцеловал край его рясы, как знамя.

Во второй раз после о. Георгия Коссова видел Иван священника, который столь беспредельно отдавал себя людям. Казалось, что любящие прихожане (и не только его храма — к о. Александру ехали со всей Москвы) постоянно окружают его толпой в ожидании ответа на какие угодно вопросы: от «Стоит ли продавать корову?» до сложнейших богословских. Матушка Екатерина Вениаминовна сердито выговаривала мальчикам, ограждавшим батюшку от прихожан, но всё было тщетно: его призванием было быть среди людей. Даже в старости, когда о. Александру уже физически трудно было принимать посетителей, он ответил уговаривающим его «сбавить темп» евангельской фразой: «Грядущего ко

мне не изжenu вон». А «близкому кругу», в который вошёл и Иван Крестьянкин, с улыбкой признавался:

— Когда я был мальчиком, я хотел построить большой-большой дом и собрать туда всех, кого знаю.

Таким домом для многих москвичей стал храм Святого Иоанна Воина. Туда шли и ехали на службы пожилые москвички — ничего не боявшиеся, готовые в случае надобности принять смерть за веру, — обломки старых замоскворецких купеческих семейств, профессора МГУ, известные писатели, монахи упразднённых обителей и настоятели закрытых храмов...

Ближних к о. Александру молодых людей он принимал на колокольне, в комнатке, предназначенной для сторожа. Кроме братьев Москвитиных и Ивана, там собирались врач Василий Серебrenников (1907—1996, в будущем старец-протоиерей), Владимир Родин (в будущем иерей) и другие; позже, уже во время войны, приходил студент Константин Нечаев. Молодые люди, летевшие «на огонёк» о. Александра, были разными по уровню образования и происхождению; вовсе не обязательно дети и внуки священников; они тем не менее были глубоко верующими, не поколебленными в своей вере внешними обстоятельствами. Но, конечно, эпоха приучила этих юношей к осторожности, и внешне они ничем не выделялись среди сверстников.

Долгие беседы на разные темы с о. Александром были той живой водой, в которой так нуждались молодые православные люди в Москве начала 1930-х. А поговорить было о чём. Многих верующих в те годы смущало положение Церкви в советском государстве. После кончины Патриарха Тихона (апрель 1925 года) и ареста Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского, декабрь 1925-го) в исполнение обязанностей местоблюстителя вступил митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский, 1867—1944). Отношение к нему среди части верующих было настороженным — они помнили, что владыка в июне 1922-го публично признал обновленчество и принёс покаяние Патриарху лишь спустя год с лишним. Это отношение ухудшилось в 1927-м, когда Сергей выступил с заявлением о том, что «мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи <...> мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством». Многие восприняли тогда декларацию Сергея как откровенную капитуляцию перед советской властью.

Правовой и юридический статус Церкви в СССР был урегулирован

постановлением Президиума ВЦИК «О религиозных объединениях», изданным 8 апреля 1929 года. Говоря кратко, это постановление разрешало Церкви только одно — «удовлетворять религиозные потребности граждан» в молитвенных зданиях. Всё прочее запрещалось. Фактически Церковь становилась неким «гетто», где верующие люди запирались без малейшей надежды на контакт с окружающим миром и возможности в него встроиться. Обществу же предлагалось непрерывно атаковать это «гетто» всеми способами вплоть до его полного разрушения. Так, нарком просвещения СССР А. В. Луначарский на XIV Всероссийском съезде Советов заявил, что «культурное строительство должно сопровождаться борьбой со всевозможными церквами и религиями в каких бы то ни было формах», а М. Горький призвал делегатов II съезда Союза безбожников отнестись к работе «с огоньком, а не как к какому-нибудь обычному делу, ибо речь идёт о выкорчёвывании того, что веками внедрялось в сознание людей». Делегаты совету вняли — на съезде в название союза было добавлено говорящее само за себя слово «воинствующих».

Гонения на религию в СССР вызывали протесты во всём мире. 2 февраля 1930 года с резким осуждением антирелигиозной политики Советов выступил папа Римский Пий XI, его поддержали представители англиканской церкви, протестанты, не говоря уже об эмигрировавших из России православных иерархах. В Москве встревожились не на шутку — дело пахло серьёзным внешнеполитическим кризисом, который мог сорвать планы вступления СССР в Лигу Наций. Поэтому было спешно организовано так называемое интервью митрополита Сергия и других высших православных иерархов прессе, увидевшее свет 16 февраля 1930 года в «Правде» и «Известиях». В нём, в частности, говорилось:

«— Действительно ли существует в СССР гонение на религию и в каких формах оно проявляется?

— Гонения на религию в СССР никогда не было и нет. <...> Последнее постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. совершенно исключает даже малейшую видимость какого-либо гонения на религию.

— Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?

— Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения... Безбожники в СССР организованы в частное общество, и поэтому их требования в области закрытия церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными.

— Верно ли, что священнослужители и верующие подвергаются репрессиям за свои религиозные убеждения, арестовываются, высылаются и т. д.?

— Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния».

Спустя три дня это интервью, уже за подписью одного владыки Сергия, было опубликовано агентством ТАСС для зарубежной прессы (этот вариант был специально «заострён» против папы Римского, которого в феврале—марте 1930 года советские газеты атаковали с особенным рвением). Нечего и говорить, в какой ужас интервью повергло верующих как в СССР, так и за рубежом.

А между тем, читая «Правду» и осуждая Патриаршего местоблюстителя, люди и не подозревали, что на самом деле читают интервью... Сталина. В 2008 году историк И. А. Курляндский, проанализировав оригинальный текст интервью 1930 года, убедительно доказал, что ни митрополит Сергей, ни другие иерархи не имели к нему ни малейшего отношения. Никто не задавал им никаких вопросов, и они ничего не отвечали на них. И вопросы, и ответы этого интервью были составлены главой Союза воинствующих безбожников Емельяном Ярославским (Губельманом), после чего тщательно выправлены Молотовым и Сталиным. Более того, правка Сталина была настолько существенной, что его с полным правом можно считать главным автором интервью. Например, изначально ответ на вопрос: «Допускается ли в СССР свобода религиозной пропаганды?» — звучал так: «Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей». Сталин же дописал издевательское примечание: «(только, к сожалению, мы сами подчас не особенно усердствуем в этом)». Ответ на вопрос: «Верно ли, что безбожники закрывают церкви, и как к этому относятся верующие?» — сначала звучал так: «Да, действительно, некоторые церкви закрываются. Но производится это закрытие не по инициативе власти, а по желанию населения... Безбожники в СССР организованы в частное общество». Сталин дополнил ответ Ярославского уточнением — «и поэтому их требования в области закрытия церквей правительственные органы отнюдь не считают для себя обязательными», то есть лицемерно дистанцировался от деятельности Союза воинствующих безбожников.

Никаких свидетельств того, что владыка Сергей и другие церковные

иерархи были заранее знакомы с текстом того, что вышло в «Правде» и «Известиях» от их имени, не сохранилось. Скорее всего, их просто заставили признать это интервью «своим». Но в 1930 году эти нюансы не были известны верующим. Под интервью стояло имя митрополита Сергия, и этого было достаточно. Духовенство и миряне выражали недовольство тем, что на ектениях было запрещено помянуть ссыльных и арестованных пастырей и вводилось обязательное поминовение властей. Дошло до того, что с 1927 года в Церкви существовала группа иерархов, не подчинявшихся Патриаршему местоблюстителю. Их возглавил митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых), объявивший владыку Сергия узурпатором высшей церковной власти. В августе 1929-го иосифляне (они же «непоминающие», так как они не поминали власти во время служб) были объявлены раскольниками. В целом, иосифлянство вместе с немногочисленными родственными ему ветвями раскола как направление в Православии продержалось до второй половины 1940-х годов, после чего сошло на нет; многие иосифляне были прославлены в 2000 году в числе Новомучеников и Исповедников Российских.

В Москве оплотом «непоминающих» в 1927—1931 годах был храм святителя Николая Чудотворца «Большой Крест» на Ильинке. В 1931-м он был закрыт (три года спустя взорван); община совершала тайные богослужения ещё год, прежде чем была арестована вместе с настоятелем.

Собиравшиеся на колокольне храма Святого Иоанна Воина москвичи тоже во многом не понимали, как относиться к происходящему. С молодой горячностью высказывали свои суждения о. Александру, просили совета, сочувствия... Участвовал в этих обсуждениях-осуждениях и Иван Крестьянкин. И, судя по сохранившимся свидетельствам, юноша был весьма решительно настроен против владыки Сергия. Митрополиту Тихону (Шевкунову) о. Иоанн рассказывал, что ходил на службы владыки Сергия очень редко, «только когда больше было некуда», тайно исповедовался и причащался у иосифлянских священников. В Москве последний легальный храм иосифлян закрылся в 1933-м, и с тех пор они молились на дому, в комнатах, где собиралось по 20-25 человек; приходили на службы на рассвете, пускали в дом по условному знаку — стуку по водосточной трубе, молились шёпотом. Возможно, что и Иван Крестьянкин участвовал в таких тайных службах...

Так продолжалось до тех пор, пока однажды в своей камерке в Большом Козихинском не увидел сон. Сам о. Иоанн так описывал это сонное видение митрополиту Тихону (Шевкунову):

«Однажды я вижу сон. Я стою в Елоховском соборе, и мы ждём входа

митрополита Сергия. Я стою где-то в самом начале, и иподиаконы уже раздвинули народ, чтобы освободить проход для архиерея. Я в первом ряду.

Заходит митрополит Сергий, его облачают в мантию, он идёт по этому коридору людей. И вдруг останавливается около меня, поворачивается ко мне и с таким горьким-горьким выражением лица, с печальным и виноватым немножко видом говорит: «Я знаю, ты меня осуждаешь. А ведь я каюсь». И пошёл в алтарь, и алтарь озарился светом совершенно неземным. Я проснулся. С тех пор у меня изменилось отношение. Я понял, что это лично для меня ответ на какие-то мои внутренние терзания».

Действительно, сложно представить, через что довелось пройти владыке Сергию в конце 1920-х — начале 1930-х, через какие терзания и скорби. На освящении памятника владыке на его родине, в Арзамасе, в августе 2017 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так сказал о своём предшественнике: «Он прожил очень трудную жизнь, и не только потому, что много различного рода физических тягот было возложено на него, но потому, что он жил в эпоху, когда тяжелейшие тяготы обрушились на всю Русскую Православную Церковь. И встав во главе Церкви, он должен был забыть о самом себе, о благополучии земном, о безопасности своей и даже о добром имени своём, чтобы только Церковь русская продолжила своё историческое бытие». Уже в конце 1950-х о. Иоанн получил от архиепископа Рязанского Николая (Чуфаровского) бесценный дар — епитрахиль и поручи Патриарха Сергия. И бережно хранил их на протяжении тридцати лет...

А что до неосуждения, то в проповедях о. Иоанн неоднократно говорил о том, что это — кратчайший путь к спасению. А между тем мы, как сказано в одной из его проповедей, «поднимаемся своим мнением и судом и над ближними, и над дальними, и над малыми, и над великими. Мы судим, когда знаем много, мы судим и тогда, когда ничего не знаем; мы судим со слов других». И даже когда «милость Божия уже стёрла рукописание грехов, а мы всё ещё продолжаем помнить и судить. Но это уже суд не над человеком, а над Богом, помиловавшим и простившим».

...Мимо неслись, грохотали, пульсировали 1930-е годы. Москва росла на глазах, сносила храмы и прокладывала улицы, отменяла карточки, то закрывала, то открывала для общедоступного посещения рестораны, пускала троллейбусы и метро, меняла открытые «газики» на новенькие М-1 и ЗИС-101, приветствовала челюскинцев и чкаловцев, после девятилетнего перерыва в 1936-м снова начала праздновать Новый год, веселилась на ночных карнавалах в ЦПКиО имени Горького, с волнением следила по картам за линией фронта в далёкой Испании, проклинала врагов народа... И

крохотной клеточкой этой огромной разнообразной жизни была жизнь бухгалтера Ивана Михайловича Крестьянкина, который уже с полным правом мог называть себя москвичом.

Как мог чистый душой, верующий, бесхитростный юноша выжить в городе, где в прямом и переносном смысле правили бал Воланд и его соратники? Не опошлиться, не соблазниться, сохранить себя и свои ценности от наседающей со всех сторон реальности?.. С одной стороны, Ивану было невероятно труднее, чем современным православным людям, не испытывающим гонений за свою веру и внушающим современникам уважение. Вот какие реалии тогдашней Москвы запечатлел мемуарист А. Б. Свенцицкий: «В школе учили вирши Демьяна Бедного: “У Николы сшибли крест, стало так светло окрест! Здравствуй, Москва — новая, Москва — новая, бескрестовая!” Яркими красками на корпусах “антирелигиозных” трамваев, оборудованных художниками РОСТА и авторами ЛЕФа, были нарисованы неприличные карикатуры на Иисуса Христа, Богоматерь». Видеть всё это, сталкиваться ежедневно было, понятно, невыносимо тяжело. А если задуматься, с другой стороны, в чём-то было и проще. Ведь Москва 1930-х ещё хранила огромное количество примет старого, не добитого ни революцией, ни последующими ломками. Людям, которым в 1917 году было по 20 лет и которые успели хлебнуть воздуха прежней эпохи, в 1937-м исполнилось всего 40, что уж говорить о более старших поколениях. Соответственно, жили (пусть и не на переднем плане) и многие «старые» понятия, взгляды, убеждения, не говоря уж о тех иррациональных вещах, которые обычно не учитываются статистикой, но составляют тем не менее важный фон «духа времени». Не смущали слух и зрение повсеместные Интернет, телевидение, реклама, не было разливанного моря дёргающей в разные стороны прессы и литературы. Гонения на веру лишь укрепляли её. Легче было сосредоточиться на душе, отгородившись от чуждого мира. Да, кроме того, мир ведь никогда и не был Ивану Крестьянкину чуждым. Он всегда — и в юности, и в старости — был встроен в жизнь, более того, проникал её настолько глубоко, что за советом и наставлением к нему спешили и люди, казалось бы, знающие вокруг все ходы-выходы. Но, как всякий верующий человек, он мерил окружающее Божией меркой и видел в реальности, если воспользоваться выражением Юрия Трифонова, *другую жизнь*. Поистине вокруг него были две Москвы — Москва земная и Москва небесная. Для чистого всё было чисто...

«Я очень хорошо помню довоенное время, — вспоминал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). — Москва в те годы сохраняла ещё многие старые традиции и обычаи. Уклад, который

формировался веками на основе строгого соблюдения церковного устава, перешёл в быт и трансформировался в радушие, приветливость, столь характерные для старых москвичей. И эта атмосфера приветливости ещё сохранялась, несмотря на очень сложные, трудные времена. <...> Тогда в наших коммунальных квартирах, в условиях чрезвычайно трудных социальных, политических перемен, ломок, оставались непререкаемыми основные ценности: достоинство личности, которая в скудности создаёт свой духовный мир, и законы общежития, которые позволяли людям с разными характерами, разными способностями, но одухотворённым одной идеей совместного родового, племенного, семейного, просто человеческого совыживания сохранить Русь — также, как и в погромном тринадцатом веке, и в Смутное время, и в переломный, страшный век двадцатый».

А другой мемуарист, филолог А. Ч. Козаржевский, оставил такую зарисовку церковного быта Москвы 1930-х годов: «Довоенные прихожане в большинстве своём успели получить минимум духовных знаний ещё до семнадцатого года. Хорошо знали церковную службу, держались своего прихода, хорошо знали друг друга, у каждого было привычное место молитвы. <...> Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожилые женщины в скромных тёмных платьях и белых косынках следили за порядком богослужения, ставили свечи, опраправляли лампы, подводили детей и немощных к Чаше, кресту, иконам, ходили с блюдом для сбора добродетельных даяний. <...> Время богослужения было рассчитано на работающих людей, а не только на пенсионеров. Будничная литургия совершалась в половине седьмого утра, вечернее богослужение — в половине седьмого вечера».

В Орле Ивану доводилось бывать в эти годы нечасто, и поводы эти были грустными: мать продолжала болеть, сказывался возраст — к середине 1930-х Елизавете Илларионовне было уже за шестьдесят, по меркам той эпохи — бесспорная старость. Мать и сын регулярно переписывались, сохранились фотографии Ивана с трогательными надписями, адресованными маме. Уже в 1950-х батюшка рассказал своим рязанским прихожанам об одном случае из своей московской юности. Как-то он подхватил воспаление лёгких, врачи предписали усиленное питание, а был как раз пост. Иван написал об этом матери и получил ответ: «Сынок мой родной, умирай, а Закон Божий чти». «Стал он молиться о своём спасении Божией Матерью и Спасителем своей горячей молитвой, кушал картошечку и масличка подсолнечного, когда можно было, вот и спасся», — вспоминала жительница рязанского села Троица Мария Андреевна Коровина-Попова, слышавшая этот рассказ от самого батюшки.

Самым печальным оказался приезд в родной город в августе 1936-го. Мама болела тяжело, а отпуск заканчивался, нужно возвращаться в Москву. Что делать?.. Молитва облегчения не приносила, и Иван в смятении отправился к матушке Вере Логиновой, той самой, которая благословила его на переезд в столицу. Но старица на этот раз ограничилась загадочной фразой:

— Иди к доктору Ананьеву, он всё тебе скажет.

Ананьев?.. Конечно, этот аптекарь, знаменитый на весь Орёл своими клетчатыми штанами и пристрастием к велосипеду, был знаком Ивану, но чем он может помочь?.. Всё же, памятуя о прозорливости матушки Веры, молодой человек зашёл в аптеку. И точно, Ананьев, куда-то торопившийся, на ходу выписал какую-то микстуру и отделался отговоркой:

— Завтра... — он взглянул на часы, — ...ну допустим, без двадцати час придёшь ко мне и всё скажешь.

Назавтра, 20 августа 1936-го, ровно в 12.40. сердце Елизаветы Илларионовны остановилось. Скончалась она, как указано в свидетельстве о смерти, от воспаления кишечника. 23-го состоялись похороны на Крестительском кладбище, на котором собрались все братья Крестьянкины и сестра Татьяна. Могила Елизаветы Илларионовны находится недалеко от кладбищенского храма; сейчас она зажата со всех сторон позднейшими захоронениями, и попасть к ней можно, только изрядно попетляв в «лабиринте» из металлических оградок.

И снова понеслись московские будни. Снова были желанные встречи на колокольне у о. Александра, общение на близкие темы, чтение и обмен литературой. В то время достать какую-либо духовную книгу дореволюционного издания было почти невозможно — в букинистических магазинах они не продавались, их можно было купить только «из-под полы», с рук, у человека, распродававшего свою (или чужую) библиотеку. Именно в 1930-х у Ивана Крестьянкина появились первые богословские труды, изданные в начале века. В свободное время он внимательно штудировал их, стремясь пополнить образование. Это был целый мир, даривший успокоение и разительно непохожий на официальщину, которая насаждалась повсеместно.

Тетрадь за тетрадью заполнялась выписками из этих книг. «Желаешь ли ты, человек малый, обрести жизнь? Сохрани веру и смирение, потому что ими обретаешь милость и помощь. Желаешь ли обрести сие, то есть причастие жизни? Ходи пред Богом в простоте, а не в знании. Простоте сопутствует вера, а за утончённостью и изворотливостью помыслов следует самомнение, за самомнением же — удаление от Бога». Это «О вере и о

смирennemудрии» преподобного Исаака Сирина. Этого древнего аскета, которого впервые перевёл на русский язык преподобный Паисий (Величковский), всегда особо почитала Русская Церковь; святитель Феофан Затворник даже составил отдельную молитву этому святому. Глубоко ценил труды преподобного Исаака Сирина и о. Иоанн Крестьянкин...

Особую радость приносили и поездки-паломничества, в которые иногда отправлялись верующие молодые москвичи. Например, в деревню с необычным названием Старый Ужин на берегу озера Ильмень. Там в простой деревянной избе жил монах Досифей (Принцев) — почти ровесник Ивана, 1906 года рождения. С восьми лет у отца Досифея были парализованы обе ноги и рука. Но никто никогда не слышал от него ни стоны, ни жалобы. Знавшие его говорили, что лицо парализованного монаха было озарено таким внутренним светом, такой любовью к Господу, что естественное чувство жалости к калеке у пришедшего быстро переходило в благоговение, восторг, умиление. Мгновенно понимая, с какой именно бедой к нему пришли, о. Досифей с улыбкой говорил: «Жаладный (желанный), не грехи больше». А если было нужно, возвышал голос, твёрдо говорил грешнику о необходимости покаяния.

Другую болящую, которую навещали Иван Крестьянкин с друзьями, звали Зинаидой. Без ногтей и зубов, вся покрытая язвами, она была неподвижна уже на протяжении тридцати лет. Можно предположить, что бывали друзья и у Матроны Дмитриевны Никоновой, легендарной слепой чудотворицы Матроны Московской, прославленной в лике святых в 2004 году; своего угла у неё в столице не было, и она скиталась по Москве от Пятницкой до Сокольников, от Вишняковского переулка до Петровско-Разумовского — кто приютит, у того и жила.

Сейчас даже представить сложно, как именно протекала духовная жизнь молодых православных москвичей в конце 1930-х годов, когда религия была не просто отодвинута на периферию жизни, осмеяна и проклята, но и просто опасна, смертельно опасна для жизни. Пиком репрессий считается 1937 год, но верующих арестовывали и раньше, и позже — кампания против Церкви в той или иной форме не прекращалась никогда, так как сама суть православия входила в противоречие с планами советской власти. Открыто верующий человек в то время не мог состояться как политический, общественный деятель, сделать карьеру в армии или на государственной службе — ему были уготованы если не тюремные нары, то дно жизни без всяких надежд на внешний успех. Официальная позиция власти по отношению к православию была изложена в 46-м томе Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1940 году: «Великая Октябрьская

социалистическая революция нанесла православной церкви последний удар. Но церковь пробовала бороться. Церковники открыто поддерживали контрреволюцию, орудуя в качестве агентов белых “правительств” и иностранных интервентов. <...> Когда под руководством Ленина и Сталина была разгромлена белая контрреволюция, православная церковь вступила в полосу окончательного разложения. <...> Превратившись в мелкие, замкнутые организации, не имеющие опоры в массах, обломки православной церкви, как и других религиозных организаций, вступили на путь шпионажа, измены и предательства. Такова последняя позорная страница истории православной церкви».

Собственно, уже на основании этой статьи любой православный в СССР мог быть априори арестован как потенциальный шпион, изменник и предатель. Но даже если воспринимать эту позицию как «перегиб» отдельно взятого автора (белорусского историка академика Н. М. Никольского), всё равно Церковь и вера считались в те годы чем-то настолько отсталым, устаревшим, враждебным и вредным, что нужно было быть поистине героическим человеком, чтобы твёрдо, без колебаний жить по своим убеждениям и Божиим заветам в мире, где гремел из репродукторов «Марш энтузиастов», а в стенах чудом уцелевших храмов размещались архивы или зернохранилища.

О грандиозности замыслов руководства СССР в отношении религии говорит размах так называемой «безбожной пятилетки», объявленной главой Союза воинствующих безбожников Емельяном Ярославским в 1932-м. Согласно этому плану, к 1933 году в СССР должны были закрыться все храмы всех конфессий, к 1934-му — исчезнуть религиозные представления, привитые литературой и семьёй, к 1935-му — молодёжь должна быть охвачена всеобщей антирелигиозной пропагандой, в 1936-м — ликвидированы последние священнослужители, а к 1 мая 1937-го от религии в любых её формах должно было остаться одно воспоминание. Для выполнения этой «пятилетки» были приложены колоссальные усилия. Так, только в 1932 году в Советском Союзе было снесено 95 процентов православных храмов, уцелевших в предыдущих кампаниях сноса. В Москве к 1936 году осталось 53 действующих храма (вшестеро меньше, чем в 1917-м). Во многих городах были закрыты или взорваны вообще все храмы. Так, в родном для Ивана Крестьянкина Орле последнюю церковь, кладбищенскую Афанасьевскую, закрыли 25 июня 1941 года, а во всей Орловской области остались два действующих храма — в Волхове и селе Лепёшкино. Особо «помогла» гонителям православия Главнаука, выдвинувшая критерии оценки архитектурной ценности храмов: те, что

построены до 1613 года, объявлялись неприкосновенными памятниками, в 1613—1725 годах — могли перестраиваться «в случае особой необходимости», в 1725—1825-м — сохранялись только фасады, постройки же после 1825 года архитектурными ценностями не считались. Именно «благодаря» этим нормам, утверждённым в 1928-м, в СССР сохранилось так мало храмов, построенных в XIX—XX веках...

Но даже этот чудовищный вал, катившийся по стране, не смог поколебать тысячелетние устои нации. Церковь жила — жила даже во время, которое сейчас у большинства ассоциируется с репрессиями, а раньше — с Днепрогэсом, Магниткой и стахановцами. Во время общесоюзной переписи населения, проведённой 6 января 1937 года, из 98 миллионов 600 тысяч совершеннолетних жителей страны православными верующими назвали себя 41 миллион 200 тысяч человек. Для сравнения — членов ВКП(б) тогда насчитывалось 1 миллион 453 тысячи. Это могло говорить только об одном — «безбожная пятилетка» потерпела крах. Не сотни, не тысячи, а десятки миллионов людей открыто заявили о своих религиозных убеждениях переписчикам — несмотря на риск того, что эти данные могут в дальнейшем послужить поводом для преследований или ареста. Проводившие опрос счётчики зафиксировали такие ответы: «Сколько нас ни спрашивай о религии, нас не убедишь, пиши: верующий», «Хоть и говорят, что верующих будут увольнять со стройки, но пиши нас верующими». По всей видимости, реальный процент православных в СССР был ещё выше, потому что около миллиона опрошенных на вопрос, веруют ли они, ответили, что «ответственны только перед Богом», а другие заявили, что «только Богу известно, верующие они или нет». Интересен и тот факт, что, согласно той же переписи, большинство верующих тех лет — вовсе не необразованные старухи, как утверждала антирелигиозная пропаганда, а грамотные мужчины в возрасте от 30 до 39 лет и грамотные женщины в возрасте от 20 до 29.

В числе миллионов советских людей, открыто признавших свои убеждения, был и московский бухгалтер Иван Крестьянкин. К счастью, Бог хранил его: чёрные 1937 и 1938 годы прошли мимо, испытания, назначенные ему, были ещё впереди. А вот среди тех, кто погиб в это время, был один из главных духовных наставников о. Иоанна, архиепископ Серафим.

...В 1939 году произошло событие, которое во многом изменило жизнь Ивана Крестьянкина. Вернувшись однажды со службы в храме, он обнаружил, что дверь в комнату заперта изнутри. Взобравшись на подоконник (квартира № 1 размещалась на первом этаже), Иван увидел

через стекло распростёртую на полу хозяйку. Приехала «скорая помощь», дверь взломали. Уходя, врач коротко сказал молодому человеку:

— Молитесь, мой дорогой, чтобы она не завалилась — у неё паралич.

«Завалиться» Анастасии Васильевне не было суждено — через три дня она умерла. Поскольку родни у старушки не было, на кладбище её провожал Иван. А когда вернулся, с изумлением увидел, что у двери его комнаты сложены в кучу многочисленные узелки. Это бабушки со всех окрестных домов принесли ему свои похоронные котомки с записками — в случае чего проводить их в последний путь так же достойно, по-христиански, как и Анастасию Васильевну...

Дальнейшая судьба жилища Ивана повисла на волоске. Но домуправление неожиданно разрешило проблему само: Крестьянкина, снимавшего угол уже семь лет и зарекомендовавшего себя образцовым жильцом, прописали на освободившейся жилплощади. Отныне у него была собственная комната в коммуналке в центре Москвы — по меркам тех лет неслыханное богатство. Один в одной комнате!.. Тысячи москвичей даже мечтать о таком не могли. Как вспоминал потом о. Иоанн, «когда получил возможность жить один в отдельной комнате, убрал всё чистенько, хорошо, сел посередине: “Господи! Неужели я один? — Один, один, один!” И такое было счастье!»

А воздух эпохи между тем сгущался. После кровавого вала 1937-го, когда общество захлёстывали шпиономания и доведённая до болезненности подозрительность, «гайки» начали закручивать всё туже. В декабре 1938-го были введены трудовые книжки, урезали пособия по болезни, был сокращён декретный отпуск. 26 июня 1940-го ввели 7-дневную рабочую неделю и 8-часовой рабочий день, запретили самовольный уход с предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия или учреждения на другое. Рабочие и служащие, самовольно ушедшие с работы, получали тюремные сроки от двух до четырёх месяцев. За прогул без уважительной причины (а к нему приравнивалось, например, опоздание на работу на двадцать минут, а также опоздание после обеда, посещение в рабочее время заводской поликлиники или больницы) рабочие и служащие карались не увольнением, как это было раньше, а исполнительно-трудовыми работами по месту службы на срок до полугода с удержанием до четверти заработной платы. За вторую половину 1940 года за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания было осуждено более двух миллионов человек.

Тревожно было и в мире. Слова «Хасан» и «Халхин-Гол» сменились на первых полосах газет названиями финских городов. В сентябре 1939-го

началась война в Европе, после разгрома Польши в состав Советского Союза вошли Западные Украина и Белоруссия, в 1940-м — Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, была создана Карело-Финская ССР. С нацистской Германией формально установились почти дружеские отношения, но в том, что рано или поздно с немцами начнётся война, никто не сомневался. Официально время считалось мирным, а вот о том, каким оно было на самом деле, красноречиво говорит число награждённых медалями «За трудовую доблесть» и «За отвагу»: если главной трудовой медалью СССР в 1938—1941 годах было награждено около 8 тысяч человек, то главной боевой — 26 тысяч.

И всё же сообщение, прозвучавшее по радио в полдень 22 июня 1941-го, ударило как обухом по голове. Выступал нарком иностранных дел Молотов, а не Сталин, как все ожидали. И хотя финальные слова речи — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» — звучали уверенно, люди, которые слушали речь наркома, отчётливо понимали: начинается новая полоса испытаний, гораздо более страшных, чем все предшествующие.

Глава 4

ВОЙНА И НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ

Патриарший местоблюститель блаженнейший митрополит Московский и Коломенский Сергей узнал о нападении на Советский Союз так же, как миллионы его сограждан, — по радио. А выслушав выступление Молотова, сел за стол в кабинете своего дома в Бауманском переулке, взял в руки перо и бумагу. И словно сами собой начали складываться слова обращения ко всем православным людям:

«Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти и по вере... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. Господь нам дарует победу».

Эти простые, мужественные и одновременно возвышенные слова впервые прозвучали 23 июня 1941 года. Они внушали веру в победу, в свои силы. 26 июня владыка Сергей служил в Богоявленском соборе молебен о даровании победы, и с тех пор такие молебны служились во всех храмах Московской патриархии.

Дворы военкоматов заполнились призывниками. 31-летний Иван Крестьянкин, конечно, подлежал бы призыву в армию, если бы не сильная близорукость. Не отправился он и в эвакуацию.

Война вторгалась в жизнь столицы медленно и как-то странно. 24 июня было введено военное положение, тогда же вышел за подписью

комбрига Фролова «Приказ по местной противовоздушной обороне», в котором предписывалось «полностью затемнить жилые здания, учреждения, заводы, исключить все световые рекламы, внутриворобое освещение, привести в готовность бомбоубежища и газоубежища». На следующий день вышло постановление Совнаркома о сдаче населением радиоприёмников. 30-го был создан Государственный Комитет Оборобы. Ввели специальные пропуска на въезд в Москву для всех, даже для самих москвичей. Были отменены отпуска, запрещалось фотографировать виды Москвы, ходить по городу с полуночи до четырёх утра и писать письма больше, чем на четыре страницы. 2 июля было приказано в двухдневный срок наклеить на окна домов крестообразные полосы из материи, целлофана или марли.

Но одновременно, параллельно продолжалась и какая-то странная мирная жизнь, то казавшаяся вызывающе неуместной, то внушавшая надежды на скорый конец войны. Например, за 11 дней так и не выступил по радио Сталин. На Петровке, в летнем театре «Эрмитаж», продолжал петь Козин, в ЦПКиО имени Горького работал цирк шапито, на улицах продавали мороженое и газировку. А по сводкам Совинформбюро, которые передавали днём и вечером, можно было судить о том, что Красная армия не оставила противнику ни одного города, а в Румынии так и вовсе наступает.

«Всерьёз» для Москвы война началась после выступления по радио Сталина 3 июля. 17 июля были введены карточки на продукты. А начиная с 22 июля немцы начали бомбить столицу. Правда, «Вечерка» написала о первом налёте только через пять дней. Потом были бомбёжки 2, 4, 6, 7, 10, 11, 12 августа... Появились первые разрушения, на которые сначала ходили смотреть, как на диковинку. Так, 3 августа тонная бомба снесла с постаментa памятник Тимирязеву у Никитских ворот (шрамы от осколков на его постаменте видны и сегодня). А потом горящие дома и выбоины в асфальте перестали удивлять. От бомб сгорели Центральный, Ваганьковский, Тишинский и Зацепский рынки, попали под удары Большой и Вахтанговский театры, Третьяковская галерея, заводы и фабрики — и гиганты наподобие ЗИСа и «Красного Пролетария», и мелкие, вроде «Метширпотреба» или завода патефонных иголок. И, конечно, жилые кварталы.

К налётам Москва готовилась заранее, поэтому уже в конце июля все более или менее значительные объекты в городе были замаскированы. Зелёные крыши делали коричневыми, золотые купола соборов скрыли под брезентом, на проезжей части улиц рисовали крыши, на стенах Кремля —

окна и двери. Самое приметное для лётчиков место, излучину Москвы-реки, прикрыли баржами, на которых были построены макеты домов.

В жизнь москвичей быстро вошли правила поведения во время бомбёжки. Сначала все вели себя инстинктивно и потому неправильно: жались к стенам домов и прятались в подъездах и воротах, то есть там, где быстрее всего и заваливает обломками здания. Но очень быстро все выучили элементарное: если тревога застала в трамвае или троллейбусе, нужно бежать в метро, бомбоубежище или траншею в ближайшем дворе; если дома — нужно сперва выключить газ, затушить печь или примус, закрыть в посуде или завернуть в клеёнку продукты (а вдруг сбросят химическую бомбу?) и только после этого бежать в убежище. Быстро научились и различать звуки артобстрела от бомбёжки: звук падающей бомбы менялся от низких тонов к высоким, а звук уходящего вверх зенитного снаряда — от высоких к низким.

9 октября Иван Крестьянкин услышал в сводке Совинформбюро о том, что Красная армия оставила его родной Орёл. 12 октября был оставлен Брянск, 13-го — Вязьма. «Гитлеровские орды угрожают жизненным центрам страны», — написала в тот день «Правда». А 15-го москвичи прочли в газетах ещё более страшные слова: «Кровавые орды фашистов рвутся к жизненным центрам нашей Родины, рвутся к Москве». Это было уже по-настоящему жутко. До этого война для многих сводилась к авианалётам, карточкам, затемнению... Теперь же было понятно, что фашисты идут на Москву и на пути у них не стоят ни мощные крепости, ни высокие горы.

16 октября в городе и вовсе началось что-то странное. На Арбатской площади, у здания Наркомата обороны, сгрудились десятки грузовиков, в которые красноармейцы усаживали женщин и детей. Остановились заводы и фабрики — рабочим выдали зарплату за месяц вперёд и по пуду муки сверх нормы и распустили по домам. Застыли на рельсах трамваи, перестало действовать метро, закрылись булочные, поликлиники и аптеки, в продовольственных перед закрытием начали раздавать проходим продукты... Посреди утреннего радиосообщения Совинформбюро ни с того ни с сего заиграл фрагмент немецкого марша «Хорст Вессель». Никаких объяснений никто не давал. Люди жили слухами: правительство эвакуируется в Куйбышев, заводы, вокзалы, мосты, электростанции и метро будут взрывать (причём взрывчатку заложили ещё 10-го), из мавзолея вывезли тело Ленина, немцы уже находятся в пригородах и рассматривают Кремль в бинокли... И самое главное — собирается уезжать в тыл Сталин. И тогда в городе началась паника.

Правда, продолжалась она недолго — уже к началу 20-х чисел октября порядок был восстановлен. Прошедший 7 ноября на Красной площади парад внушал москвичам уверенность в том, что город не будет сдан врагу. А в декабре в битве за Москву наступил перелом. И хотя бомбёжки города продолжались (последние бомбы упали на Москву в июне 1943-го), опасность, нависавшая над столицей, отпала.

Вместе со всеми горожанами Иван Михайлович Крестьянкин прошёл через тяготы и невзгоды военных лет. Переживал бомбёжки в метро и томился в очередях, чтобы отоварить карточки, прыгал на подножки переполненных трамваев и участвовал в субботниках по уборке мусора, укрывался в подъездах от барабанивших по крышам осколков зенитных снарядов, вслушивался в сводки Совинформбюро и радовался победным салютам, первый из которых был дан в честь освобождения его родного Орла... А самым запоминающимся случаем стала встреча с его двоюродным племянником — двадцатилетним Вадимом Овчинниковым.

С Вадимом случилась беда — он отстал от своего заводского эшелона, эвакуировавшегося на восток. В соответствии с законами 1940-го это расценивалось как дезертирство и в военное время каралось расстрелом. Единственным человеком, к которому Вадим мог обратиться в Москве, был Иван. Что делать, он и сам толком не знал, но для начала накормил родича и укрыл его... в сундуке, который когда-то служил ему постелью. Чтобы Вадим не задохнулся, в сундуке просверлили дырки. А сам Иван три дня и три ночи на коленях выстаивал перед иконой святителя Николая Чудотворца, прося у него вразумления. В конце концов решение пришло — идти в комендатуру Москвы с заявлением об обстоятельствах, в которые попал племянник. В заявлении решили написать, что он контужен. Это было отчасти правдой — в соседнем квартале как раз разорвалась бомба, а Вадим от переживаний выглядел совершенно больным.

Вскоре из комендатуры в Большой Козихинский приехал некий генерал. Ему предложили чаю без сахара, Иван откровенно рассказал о беде родственника. Генерал посмотрел на многочисленные иконы, на лампадку перед образом святителя Николая, на скудные съестные припасы (полкило хлеба и три картофелины) и, сказав, что через несколько дней будет решение, уехал.

Через четыре дня с посыльным действительно пришла повестка. В комендатуру родственники отправились вместе. Вердикт, который они выслушали, потряс обоих: Вадима направляли в госпиталь для лечения, а Ивану выдали воинский паёк. Не напрасны были молитвы святителю Николаю... О нём о. Иоанн говорил впоследствии так: «Мы своим

религиозным опытом знаем о нём не только по свидетельству Церкви, не только по преданию, но по живому его участию в жизни нашей. И в сонме чтимых святых не много таких, кто предстал бы нашему сознанию столь живо. Собственными свойствами святой души святителя Николая стало умение любить, умение снисходить ко всякому человеку, к разным людям и дать каждому именно то, что ему нужно». По свидетельству о. Иоанна, в его жизни не было ни одного обращения к святителю Николаю, которое не было бы услышано.

Вадим Васильевич Овчинников пережил войну, стал архитектором, в Орле и сейчас стоят возведённые им здания (например, Технологический институт имени Поликарпова на Московской улице). Скончался он в Орле в 1993 году и похоронен рядом с матерью, сестрой и старшим братом о. Иоанна.

...В обстановке военной угрозы заметно ослабли гонения на Церковь. Уже в первые месяцы войны в СССР начали стихийно открываться закрытые прежде храмы. В городах и сёлах собирались сходки верующих, на которых избирали исполнительные органы и уполномоченных по ходатайствам об открытии храмов. В сельской местности такие сходки часто возглавляли председатели колхозов, исполкомы ходатайства удовлетворяли. Всё это побудило советское руководство официально разрешить открывать храмы на территории, не оккупированной немцами. Начались освобождения арестованных ранее священников, которые назначались настоятелями вновь открытых храмов.

В Москве большой радостью для верующих было разрешение властями празднования Святой Пасхи. В 1942 году она приходилась на 5 апреля. И когда 4 апреля в 6 часов утра по радио прозвучало неожиданное сообщение — комендант Москвы разрешал свободное движение по городу в Пасхальную ночь, — счастье было безмерным.

Москвич Андрей Стрешнев так описывал Пасхальную ночь 1942 года:

«Город отвык выходить на улицу в этот поздний час, и даже в большие государственные праздники соблюдается строгий режим военного города, города, куда из окрестной тьмы неустанно, настойчиво тянутся силы врага, его тяжёлые бомбовозы.

Но в эту ночь, может быть на одну только ночь в году, разрешено ходить по всему городу всю ночь напролёт, ибо, по древнему русскому обычаю, в пасхальную ночь весь город открыт народу, двери церквей раскрыты настежь и сердца людей раскрыты друг перед другом: это первая ночь весны, когда мёртвое зерно трогается в рост навстречу свету из земной могилы, когда умерший Иисус встаёт из гроба, поправ мрак и

смерть. И по глухим переулкам Замоскворечья, оступаясь о груды неубранного снега, люди идут к заутрене. <...>

Сейчас, в эту пасхальную ночь войны, так тесно в церкви, что нет возможности протиснуться вперёд.

Утренняя ещё не началась, а запоздавшие уже не могут сами отнести и зажечь свечи перед теми образами, к которым лежит сердце. От паперти, от конторки, где продают свечи, запоздавшие просят передать эти свечи дальше, и вместе со свечами от ряда к ряду переходит просьба верующих:

— Зажгите одну Воскресению, другую Невскому.

— Одну Воскресению, другую князю Владимиру, третью Ольге <...>

Вся тысячелетняя борьба народа вспоминается здесь в ожидании часа, когда раскроются врата алтаря и хоры грянут заутреню. Тесно.

Хор негромко вторит священнику. В церкви ещё полусвет, свечей ещё недостаточно, чтобы преодолеть огромную, сводчатую византийскую высоту.

Но близится час Воскресения Христа. Священник обращается к верующим:

— Братья! Город наш окружён тьмой, тьма рвётся к нам на вражеских крыльях. Враг не выносит света, и впервые наше Светлое Воскресение мы встречаем впотьмах. Тьма ещё стоит за порогом и готова обрушиться на всякую вспышку света. Мы сегодня не зажжём паникадил, не пойдём крестным ходом, как бывало испокон веков, окна храма забиты фанерой, двери глухо закрыты. Но мы зажжём свечи, которые у каждого в руках, храм озарится светом. Мы верим в воскресение света из тьмы. Свет, который внутри нас, никакой враг погасить не в силах. Воинство наше — мужья, братья, и сыновья, и дочери — в этот час стоит на страже нашей страны против сил тьмы. Храните в себе свет, веруйте в победу. Победа грядёт, как светлое воскресение.

И, перебегая от свечи к свече, по храму потекла сплошная волна света. Зажигая друг у друга тонкие восковые свечи, каждый стоял с огнём, когда раскрылись врата и священник поднялся, весь золотой, сверкающий.

Полный сияния, храм начинал заутреню 1942 года, и хор откликался хору, и нежные гирлянды цветов на иконостасе и на клиросах, и весь воздух содрогнулись от весеннего клика: “Христос воскрес!”

И каждый понял, что хоть он и тёмен снаружи, как этот храм, но внутри себя ни разу не чувствовал ни тьмы, ни сомнения, что всё пройдёт, что затаённая во мраке правда живёт, не угасает. Что день воскресения близок. Что воинства не допустят германскую тьму в нашу светлую жизнь, что с нами вместе и Невский, и Владимир, и Сергей, и древние воины, и

древние просветители — всё прошлое и всё настоящее нашего народа, слитые воедино, победят во имя будущего, для сохранения навеки неугасимого света нашей родины и нашей культуры».

Само собой, за проявлением «религиозных чувств и верований» пристально наблюдали те, кому положено. По итогам Пасхальной ночи начальник управления НКВД по Москве и области старший майор госбезопасности М. И. Журавлёв отчитывался своему начальству:

«В ночь с 4 на 5 апреля, а также утром 5 апреля 1942 г. в связи с религиозным праздником Пасхи во всех действующих церквах г. Москвы и Московской области проходило богослужение.

Основной состав верующих, присутствующих на богослужениях, — женщины в возрасте 40 лет и старше.

Количество верующих, посетивших церкви г. Москвы, колебалось примерно от 1000 до 2500, кроме отдельных церквей, таких, как:

1. Церковь Богоявления (Елоховская пл.) — 6500 человек.
2. Церковь Знамения (Переславская ул.) — 4000 человек.
3. Церковь Ильи Обыденного (2-й Обыденский пёр.) — 4000 человек.
4. Церковь Преображенского кладбища (Преображенская площадь) — 4000 человек.
5. Церковь Ризположения (с. Леонове) — 3500 человек.
6. Церковь Воскресения (Русаковская ул.) — 3500 человек.

Всего по городу Москве в 30 действующих церквах присутствовало до 75 000 человек.

В церквах Московской области количество верующих, присутствующих на богослужениях, колебалось примерно от 200 до 1000 человек, за исключением некоторых церквей, как-то:

1. Церковь Загорье (г. Коломна) — 2500 человек.
2. Церковь в селе Железо-Николовское, Высоковского района — 2200 человек.
3. Церковь в селе Зятьково, Талдомского района — 2000 человек.
4. Церковь в г. Подольске — 1700 человек.
5. Церковь в селе Зачатье, Лопасненского района — 1700 человек.
6. Церковь Акима и Анны (г. Можайск) — 1700 человек.
7. Церковь в г. Кашира — 2000 человек.

Всего по Московской области в 124 действующих церквах присутствовало на богослужениях около 85 000 человек.

Из поступивших материалов в Управление НКВД видно, что верующее население и духовенство в связи с религиозным праздником Пасхи, а также полученным разрешением беспрепятственного хождения населения г.

Москвы и районов Московской области в ночь с 4 на 5 апреля реагировало положительно, о чём свидетельствуют следующие высказывания:

“Вот все говорят, что советская власть притесняет верующих и церковь, а на деле получается не так: несмотря на осадное положение, разрешили совершать богослужение, ходить по городу без пропусков, а чтобы народ знал об этом разрешении, объявили по радио. Если бы было такое положение в Германии,— разве этот бы изверг разрешил нам ночью ходить без пропусков и свободно молиться,— конечно, нет. Гитлер, наверное, издевается над своим народом так, как и с нашими, которые попадают к ним в плен. За такое их отношение всех солдат в плен брать не надо, а их надо всех уничтожать” (Кузьмина — домохозяйка, проживает в Филях).

“Боже мой, наш Сталин разрешил нам ходить всю ночь под Пасху. Дай ему Бог здоровья. Это ведь нужно же всё помнить, даже о нас, грешных” (Ревина М. И., проживает по Покровской улице, д. № 2/1).

“Вы слышали, т. Сталин разрешил хождение по Москве в пасхальную ночь всем беспрепятственно. Подумайте только, как т. Сталин заботится и думает о нас. Дай Бог ему здоровья” (Саводкина М. П., проживает по ул. Баумана, д. 6).

“Господи! Какой сегодня радостный день! Правительство пошло навстречу народу и дали Пасху справить. Мало того, что разрешили всю ночь по городу ходить и церковную службу служить, ещё дали сегодня сырковой массы, масла, мяса и муки. Вот спасибо правительству!” (Никитина, проживает по Ленинградскому шоссе, д. 55).

“Советское правительство поставило бедных наравне с другими людьми, а при царе они были втоптаны в грязь. Советская власть дала людям учение, защиту на работе, матерям и беременным помогает. Много нам правительство хорошего сделало, а Гитлер проклятый нашу жизнь искалечил. Прости, Господи, что на Пасху сквернословлю” (Каштанова А., домохозяйка).

На последнее замечание Каштановой другая верующая, Белякова, возразила ей и со своей стороны заявила:

“Гитлера ругать не грех и на Пасху, потому что он не от Бога, а от дьявола. Он предан дьяволу, а поэтому и делает такие преступления. У Гитлера душа чёрта, а поэтому и ругать его можно и на Пасху, так как дьявола ругать никогда не грех”».

Нет сомнений, что в числе москвичей, радостно встречавших в ту ночь 1942-го Светлое Христово Воскресение, был и Иван Михайлович Крестьянкин...

Чем дальше отбрасывали врага от Москвы, тем, казалось, свободнее становилось дышать тем, кто не изменил православной вере. Но до 1943 года все уступки Церкви были, в общем, не так уж и значительны. Только когда наметился окончательный перелом в ходе войны, советская власть пошла на кардинальное изменение церковной структуры. Митрополит Сергей, с октября 1941-го находившийся в эвакуации, был возвращён в Москву и 8 сентября 1943 года на Соборе епископов избран Патриархом Московским и всея Руси. Интронизация Патриарха состоялась четыре дня спустя в Богоявленском соборе; на этом важнейшем для верующих событии наверняка присутствовал и Иван Крестьянкин. Но быть в сане Патриарха владыке Сергию было суждено недолго — 15 мая 1944 года он скончался в возрасте 77 лет. Его сменил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский, 1877—1970), который до 2 февраля 1945 года был Патриаршим местоблюстителем, а затем избран Патриархом.

Внешнее «примирение» власти с Церковью — воссоздание Священного Синода, открытие богословского училища, возобновление закрытого в 1935 году «Журнала Московской Патриархии» и т. п. — было воспринято многими верующими с энтузиазмом, породило надежды на какое-то принципиальное обновление государства. Лишь немногие проницательные люди увязывали тогда «возвращение к старому» с двумя обстоятельствами — политикой нацистов на оккупированных территориях и стремительным продвижением Красной армии на запад. Известно, что немцы в захваченных ими Белоруссии, Украине, Молдавии, Литве, Латвии, Эстонии, западных областях России весьма лояльно относились к Православной Церкви — открывали закрытые большевиками храмы, привлекали к сотрудничеству духовенство (что вовсе не помешало им варварски разрушить 1670 православных храмов). И теперь, когда Красная армия стояла на пороге Украины, Белоруссии и Прибалтики, Сталин прагматично отказывался от прежнего лобового неприятия религии. Ведь население освобождаемых территорий нужно было не оттолкнуть, а плавно встроить в советские реалии. Да и западным союзникам требовалось показать широту взглядов, демократизм и приверженность к традиционным ценностям... Весьма ёмко и исчерпывающе о причинах потепления Сталина к религии сказано в мемуарах разведчика П. А. Судоплатова: «Подготовленные нами материалы о патриотической позиции Русской Православной Церкви, её консолидирующей роли в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах и неофициальные зондажные просьбы Рузвельта улучшить политическое и правовое положение Православной Церкви, переданные через Гарримана

Сталину, очевидно, убедили его пойти навстречу союзникам и вести по отношению к Церкви менее жёсткую политику». А о том, что никаких серьёзных реформ в отношении Церкви советская власть не задумывала, свидетельствует отказ от идеи введения общесоюзного закона «О положении церкви в СССР», проект которого был подготовлен в январе 1944 года. Даже после того как было принято постановление «О порядке открытия церквей», власти шли навстречу верующим крайне неохотно — из 3045 поданных за январь—июнь 1944 года верующими заявлений об открытии храмов было рассмотрено 1452, из которых отклонено 1280. В итоге открыли всего 152 храма.

Но тогда, в конце войны, всё это списывалось на «перегибы на местах», а неожиданный «роман» государства с православием воспринимался на фоне предыдущих гонений как великое благо, возможно — начало возрождения прежней России. Ведь не только появился Патриарх — в армии и других ведомствах ввели погоны, учредили ордена, посвящённые Александру Невскому, Суворову, Кутузову, Ушакову, Нахимову, вернули слово «офицер»; в составе бронетанковых войск воевала колонна «Димитрий Донской», средства на строительство которой были собраны верующими; линкорам «Марат» и «Парижская коммуна» вернули исконные имена «Петропавловск» и «Севастополь», а городам Красногвардейску и Слуцку — старые названия Гатчина и Павловск; больше не был гимном СССР «Интернационал»; ушли в прошлое Коминтерн и КИМ (Коммунистический интернационал молодёжи); ввели раздельное обучение мальчиков и девочек в школах, как это было в дореволюционных гимназиях... В январе 1944 года произошло небольшое, но поистине ошеломляющее событие — сразу четырём городским объектам Ленинграда были возвращены названия, связанные с храмами. Тогда площадь Воровского стала, как и до 1923 года, Исаакиевской, площадь Плеханова — Казанской, проспект Нахимсона — Владимирским проспектом, улица Розы Люксембург — Введенской улицей. Наконец, тихо и бесславно почил Союз воинствующих безбожников (формально его упразднили в 1947-м). Казалось, страна возвращается к самой себе — истинной, подлинной.

Именно на этом радостном фоне Иван Михайлович Крестьянкин всё чаще и чаще вспоминал пророчество епископа Николая: окончишь школу, поработаешь, примешь сан, послужишь, а потом непременно будешь монахом... Ну что же, первые два пункта были им выполнены. Он был уже не юношей и даже не молодым человеком — 34 года... Совета, по обыкновению, спрашивал в молитве. А получил его во сне, как это уже

бывало раньше.

Вернее, снов этих было два. Один он увидел ещё в 1941-м — ладью с тремя крестами, и догадался, что число крестов — это годы, которые предстоит ещё прожить в миру. А потом ему приснилась Оптиная пустынь. Иван узнал преподобного Амвросия Оптинского — самого великого старца за всю историю Русской Церкви. Старец принимал паломников, но на Ивана не обращал никакого внимания. И вот когда ушёл последний посетитель, старец подошёл к Ивану, обнял его и, обратившись к послушнику, произнёс: «Принеси два облачения, мы с ним вместе служить будем». И повёл Ивана внутрь незнакомой старинной церкви. На этом сон и закончился. Был он настолько ярким, что Крестьянкин в полуяви начал было объяснять старцу, что не рукоположен и потому служить с ним не может... Тут-то и проснулся окончательно.

Стоял жаркий июль 1944-го. Москве этот месяц запомнился «парадом» пленных немцев, которых провели через город 17-го числа. Красная армия наступала в Латвии, Литве, завершила освобождение Белоруссии и, форсировав Буг, гнала оккупантов из Польши. Почти каждый вечер, а то и несколько раз за вечер гремели над Москвой победные салюты. 20 июля в Германии группа антинацистски настроенных генералов и офицеров совершила неудачное покушение на Гитлера. А в Москве в этот самый день скромный помощник главного бухгалтера Иван Михайлович Крестьянкин получал расчёт на своём предприятии. Прощай, арифмометр «Феликс» и чёрные нарукавники, прощайте, милые женщины-сослуживицы!.. На душе было немного грустно, но и радостно. Радостно от того, что начиналась новая жизнь, та жизнь, к которой он стремился уже давно, к которой готовился, просиживая ночи над старыми книгами. Под праздник Казанской иконы Божией Матери Иван Крестьянкин был назначен псаломщиком в храм Рождества Христова в Измайлове.

С 1935 года село Измайлово, когда-то бывшее вотчиной бояр Романовых, считалось районом Москвы, но этот район ещё сохранял ярко выраженный деревенский уклад. Добираться до места службы из центра, как выяснилось, было довольно сложно. Можно было ехать автобусом от Преображенской заставы до начала большого рабочего посёлка Калошино, расположенного вдоль Стромынского (с 1960 года — Щёлковского) шоссе, а оттуда пешком выходить к задам Измайловского кладбища; или доехать до конца Калошина, там пересесть на автобус, шедший вниз по булыжной Никитинской улице (старожилы ещё звали её Колдовкой), выйти через две остановки и идти пешком примерно метров триста. Был и более современный, хотя и более долгий путь: как раз недавно, в январе 1944-го,

на Арбатско-Покровской линии открылась станция с длинным названием «Измайловский парк культуры и отдыха имени Сталина» (с 1947 года — просто «Измайловский парк», а с 2005-го — «Партизанская»), На ней нужно было выйти, немного проехать на трамвае 14-го или 22-го маршрута, шедших в сторону Посёлка НКПС, а потом долго идти вверх — сначала берегом Серебряно-Виноградного пруда, а потом по улице Хохловке, окаймлённой с обеих сторон сельскими избами, среди которых довоенное кирпичное, в четыре этажа, здание школы № 437 выглядело ошеломляюще современным. В конце Хохловки нужно было свернуть направо, на проложенную незадолго до войны Советскую улицу, и сразу опять налево, в безымянный проулок. Сейчас трасса улицы проходит левее, а тогда пешеход выходил прямо «в бок» Христорождественского храма. Если же продолжать идти по Советской вправо, то путник скоро упирался в Никитинскую, за которой Измайлово заканчивалось. Дальше высились лишь корпуса Измайловской прядильно-ткацкой фабрики, да ещё в отдалении можно было рассмотреть одинокие дома вдоль трассы будущей Верхней Первомайской улицы, севернее которой вплоть до Стромьинского шоссе простирался гигантский всхолмлённый пустырь с редкими свалками и овощебазами колхоза «Красная Гряда» и совхоза «Измайлово». Облик современного Измайлова был сформирован позже, в конце 1950-х — начале 1960-х, и сейчас там можно увидеть и монументальные «сталинки», и «хрущёвки», и втиснутые между ними брежневские семнадцатэтажки. Но Хохловка ещё очень долго, до начала 1970-х, сохраняла свой деревенский вид.

Выдающийся русский искусствовед, без преувеличения великий знаток иконописи, автор неоднократно изданной в серии «ЖЗЛ» и за рубежом классической биографии «Андрей Рублёв» Валерий Николаевич Сергеев (1940—2018), чьё послевоенное детство прошло в Измайлове, в созданном специально для этой книги мемуарном очерке писал:

«Измайлово тех лет представляло собой типично деревенское захолустье, расположенное далеко за пределами тогдашней городской черты, с сельскими избами, но с прекрасной белой церковью Рождества Христова 1676 года, в которой меня, двухлетнего, в 1942 году крестили.

К северу и востоку от церкви располагается обширное кладбище с братской могилой погибших в войну лётчиков, на которую в Пасхальные дни прихожане приносили многие сотни, а может быть и больше, яиц — христосовались с воинами, на поле брани живот свой положившими.

Тогда ещё разрешалось духовенству служить на могилах краткие заказные панихиды с принятой таксой — дьякону 1 рубль, священнику — 3

(до реформы 1947 года это были сущие гроши).

К западу от церкви начинался пустырь с лежащим сразу за церковной оградой большим камнем-валуном».

Рождественский храм сразу показался новому псаломщику похожим на его родной Ильинский в Орле, но, приглядевшись, он понял, что московская церковь приземистей, крепче, тяжеловеснее орловской, да и Измайловское кладбище подступает к нему слева и сзади вплотную, чего нет в Орле. К тому же история Рождественского храма началась на век раньше, при юном царе Фёдоре Алексеевиче. Строился храм осенью 1676-го — летом 1677 года, а освящён он был Патриархом Московским и всея Руси Иоакимом в конце 1678-го или начале 1679-го.

Возводила Рождественскую церковь артель каменщиков Спиридона Харламова, состоявшая из крестьян села Рождествено (ныне Рождествено-Суворовское Мытищинского района Московской области). Храм пятиглавый, с тремя ярусами кокошников, с двумя приделами. Иконостас в 1678 году создал костромич Сергей Рошков. В 1744-м, при Елизавете Петровне, иконы поновили — эту работу выполнил иконописец Егор Иванович Грек; в 1761-м построили каменную колокольню. В середине XIX столетия иконостасы украсили резьбой. С 1804 года в храме находился Измайловский список иконы Божией Матери «Иерусалимская», написанный в 1679-м и почитаемый как чудотворный. Он очень большой, выше роста человека, и расположен перед правым клиросом. Другими почитаемыми иконами были Владимирская с частицей мощей апостола Фомы, «Благодатное Небо», «Спас Нерукотворный», «Спас Смоленский», великомученика Пантелеймона, написанная на Афоне, Иоасафа Белгородского и мученика Трифона с частицами мощей.

По воспоминаниям В. Н. Сергеева, «подходя к храму с южной стороны, идущий видел церковные ворота, в правой стороне которых — большая икона под стеклом (не помню уже, какой иконографии), взойдя в ограду, справа — жёлтая пристройка к трапезной — сторожка и свечная лавка, а за ней, впереди, большая высокая паперть. Слева — небольшой домик, кладбищенская контора с пристройкой для отдыха духовенства».

На главном входе в храм и сейчас можно видеть массивные металлические двери, поставленные в 1894 году на средства измайловского фабриканта-благотворителя И. В. Бутюгина. Внутри храм напоминает старинные царские палаты — просторный, широкий, с невысоким, затейливо расписанным потолком и стенами. Эта роспись производит впечатление древней, но на самом деле она выполнена в 1905—1906 годах знаменитым московским художником, первым реставратором рублёвской

«Троицы» Василием Павловичем Гурьяновым, который в своей работе ориентировался на роспись Владимирского собора в Киеве. Сразу после войны потолки и стены поновил художник Никита Иванович Степанов — баптист, в конце жизни принявший православие. Он писал по старым контурам, только освежая краски.

При советской власти храм не закрывался, хотя прошёл через множество испытаний. Так, в мае 1922-го из него было изъято 196 предметов «церковных ценностей»; с чудотворной иконы Иерусалимского образа Божией Матери при этом сорвали и топтали ногами драгоценную ризу. А в 30-х были репрессированы четверо служивших в храме священников, о. Павел Анисимов был расстрелян. Во время войны недалеко от храма неоднократно падали немецкие фугаски, но ни одна из них, по молитвам прихожан и священников, не взорвалась.

Ступив внутрь храма, Иван Крестьянкин на некоторое время замер: он узнал церковь из своего недавнего сна. Именно в ней он встречался со старцем Амвросием... В тот же день, 20 июля, на вечерней службе в Коломенском управляющий Московской епархией митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) ввёл нового псаломщика в алтарь и благословил на служение. В обязанности псаломщика входило исполнение пения и чтения на клиросе и сопровождение священника во время исполнения им треб на дому (в XIX веке псаломщик вёл также и документацию храма — метрические книги, клировые ведомости, финансовые документы и т. п.). О московских псаломщиках послевоенной эпохи вспоминал А. Ч. Козаржевский: «В храме служили, как правило, превосходные псаломщики: они читали чётко, с осмысленными мелодическими паузами и ударениями, не впадали ни в равнодушное бормотание, ни в нарочитую, чисто светскую выразительность. О том, что они безупречно знали церковнославянский язык и служебный обиход, и говорить не приходится».

Иван Крестьянкин быстро полюбил «свой» храм. Всё в нём уже казалось родным — от образа Иерусалимской Матери Божией до врезанной в стену и сохранившейся до наших дней чёрной таблички «Говорить шопотом. Благоговейная тишина»; от примыкавшего к храму кладбища с могилами тех, кто служил под сводами храма давным-давно, до лиц постоянных прихожан. И неудивительно: это была старая московская церковь, видевшая царей и патриархов, пережившая всё на своём веку, настоящий духовный оазис в пустыне, — храм, из которого не хотелось уходить. Такое ощущение охватывает и сегодня, когда переступаешь его порог.

С настоятелем храма, митрофорным протоиереем о. Михаилом

Преферансовым, у Ивана Крестьянкина сложились хорошие отношения. О. Михаил был уже более чем в почтенных летах (ему исполнилось 82) и за годы советской власти прошёл через два ареста — в 1929 и 1938-м. Немолодыми были и другие священники прихода — о. протоиерей Николай Архангельский (1872—1949) и земляк Ивана, уроженец орловской деревни Вязки о. протоиерей Алексей Дёмин (1888-1983).

Конечно, общение со столь опытными сослуживцами не могло не пойти на пользу молодому псаломщику. А отец настоятель присматривался к новому служителю — как читает, как общается с людьми, достаточно ли внимателен и усерден... На первых порах его смущал несолидно высокий голос псаломщика, про себя он даже назвал манеру чтения Ивана «писком». Но, как выяснилось, всё это было неспроста.

Через полгода служения в измайловском храме, в январе 1945-го, Ивана депешей вызвали к самому управляющему Московской епархией. В Бауманский переулок к митрополиту Крутицкому Николаю псаломщик ехал не без трепета в душе. И точно, ещё до того, как Иван успел произнести «Молитвами святого Владыки нашего...», владыка встретил его суровым вопросом:

— Что ты там натворил?

Иван в смущении молчал. Никакой вины за собой он не знал и не чувствовал.

— Я тебя спрашиваю — что ты там натворил? — ещё более грозно спросил митрополит.

— Не знаю, Высокопреосвященнейший владыко...

И тут лицо митрополита неожиданно осветила улыбка:

— Впервые за всю мою архиерейскую службу ко мне пришёл настоятель храма с ходатайством рукоположить во диакона псаломщика, который ещё и года не прослужил. И сказал отец Михаил следующее: владыка, рукоположите его, пусть пищит... А вот эта пачка, — митрополит взял со стола стопку писем и показал смущённому гостю, — всё о том же: чтобы тебя поскорее рукоположить.

Митрополит Крутицкий (с 1947 года — Крутицкий и Коломенский) Николай стал одним из тех иерархов Церкви, которым было суждено сыграть в судьбе о. Иоанна особую роль. Он родился в 1891 году в Ковно (ныне литовский Каунас) в семье потомственных священников белорусского происхождения, учился на физмате Петербургского университета, откуда перешёл в Духовную академию. В 1914-м принял постриг, как полковой священник участвовал в Первой мировой. В 1922-м был хиротонисан во епископа Петергофского, был одним из преданных

сторонников Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, противодействуя как обновленчеству, так и иосифлянству. В начале Великой Отечественной войны был митрополитом Киевским и Галицким, с января 1944-го управлял Московской епархией. Наиболее сложный период деятельности владыки Николая был впереди — в 1946—1960 годах он возглавлял Отдел внешних церковных сношений, проявив себя на этом ответственном посту и как тонкий дипломат, и как принципиальный человек.

Под руководством владыки Николая Иван Крестьянкин стал диаконом, а затем священником. Митрополит Николай пристально наблюдал за судьбой своего «крестника» и в дальнейшем, помогал во время его невзгод — вплоть до того, что, когда о. Иоанн голодал (а такое случалось нередко), присылал к нему свою келейницу с судками еды. Именно благодаря митрополиту появились ныне широко известные постановочные фотографии о. Иоанна, сделанные в день хиротонии. А сам батюшка с сыновним почтением и любовью относился к владыке и когда тот находился в относительном фаворе у государства, и когда в конце 1950-х стал «нежелательным». Как дорогую реликвию он берёг подризник митрополита Николая. О том, что батюшка иногда давал его поносить, вспоминает о. протоиерей Олег Тэор.

...День 14 января 1945 года выдался в Москве солнечным и морозным. Позади были необходимые приготовления к хиротонии — пост и генеральная исповедь (исповедь за всю жизнь), принесённая о. Александру Воскресенскому. Рано утром Иван Крестьянкин приехал на Ваганьковское кладбище, в старый, построенный при Александре I храм Воскресения Словущего, ещё год назад бывший обновленческим. Несмотря на торжественный день, одеться в парадное он не мог за отсутствием такового. Даже на ногах были обычные опорки, подвязанные верёвочками.

Хиротонию Ивана Крестьянкина во диакона совершал митрополит Крутицкий Николай. Вокруг престола его водил 59-летний о. архидиакон Сергей Туриков — прошедший через две ссылки, славившийся на всю Москву своим замечательным голосом. С ним о. Иоанн впоследствии будет поддерживать дружеские отношения до самой его кончины в 1962-м, а потом и внуки о. Сергия станут приезжать к нему в монастырь...

Таинство подошло к завершению. Сразу же за архидиаконом новопоставленный диакон подошёл к Святому Причастию, а после того как Святые Дары были перенесены на жертвенник, о. Иоанн вышел на амвон и, как положено, произнёс ектению «Прости приимше». После отпуска диакон заторопился к дверям храма, провожая митрополита, и вдруг

услышал за спиной смущённый голос одной из прихожанок:

— Отец диакон, отец диакон, хвостик-то подберите.

Какой ещё хвостик?.. Оказалось, что завязки на опорках расплелись и волоклись по дорожке. И смех и грех.

Первый день диаконской службы незабываем в жизни любого священнослужителя. У о. Иоанна он пришёлся на день преставления преподобного Серафима Саровского — 15 января 1945 года. С волнением он вглядывался в худые, бледные, измождённые лица тех, кто слушал в тот день его чтение Евангелия от Луки. И когда прозвучали слова из главы 10, диакону показалось, что они обращены именно к ним, прошедшим страшную войну жителям московской окраины:

— Идите! Я посылаю вас как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого по дороге не приветствуйте. В какой дом войдёте, сперва говорите: мир дому сему; и если будет там сын мира, то почиет на нём мир ваш, а если нет, то к вам возвратится...

В этот момент ему показалось, что все в храме услышали, поняли, впитали эти вечные слова. Так начиналось его Служение...

В первое время батюшка продолжал жить у себя в Большом Козихинском, 26. По Большой и Малой Бронным выходил на Тверской бульвар, спускался по Никитскому к Арбатской площади, садился в метро на «Арбатской» и отдавался тряске в вагоне метро («Площадь Революции» — «Курская» — «Бауманская» — «Электrozаводская» — «Сталинская» — «Измайловский парк имени Сталина»), потом — трамвай, а потом вверх по Хохловке, на свет маячившей над деревенскими избами колокольни храма Рождества Христова. Но быстро выяснилось, что тратить столько времени на разъезды попросту не получается: из храма батюшка выходил далеко за полдень, а там и вечерня, и каждое утро подъём до зари, устаёшь уже за время дороги; да и опасно было, улицы освещались плохо, а преступников развелось множество. Поэтому о. Иоанн снял комнату в доме тёщи диакона о. Владимира, рядом с храмом. Теперь Измайлово стало ему домом в полном смысле слова, а в Большом Козихинском хранились вещи и многочисленные книги.

Как и везде, жизнь обитателей Измайлова в то время была трудной. Большинство мужчин находилось на фронте. Никаких привычных для современного обывателя удобств — газа, горячей воды, телефона; радио — только в виде репродуктора «Рекорд», он же «тарелка», по которой передавали военные сводки. По карточкам получали лишь необходимый минимум, с едой было откровенно туго. По воспоминаниям В. Н. Сергеева, за роскошь считался такой обед: «Судки с картофельным супом с

небольшим кусочком свинины, с гречневой кашей или серыми макаронами, и жидким ярко-красным киселём из брикета». Но на такую еду могла рассчитывать только измайловский врач, обслуживавшая огромный район с несколькими расположенными в нём предприятиями и принимавшая по сто человек в день. От каждого предприятия врачу и полагалась порция такого обеда, которым она делилась с соседями... А измайловским мальчишкам, чтобы подкормиться, приходилось проявлять чудеса изворотливости. «Умудрялись тырить на конюшне льняной, гороховый и — самый вкусный — подсолнечный жмых, — вспоминал В. Н. Сергеев. — Иногда нам удавалось проникнуть в огромный подвал-склад, где на запасённом ранней весной льду хранились разные лабораторные препараты, а главное, основная цель наших проникновений, — пачки гематогена, которым мы объедались до одури». Иногда добиралась до Измайлова и лендлизовская помощь: «Ярко-жёлтые большие вощёные коробки с яичным порошком, фруктовые консервы, мясная тушёнка и сгущённое молоко». Вместе с ними, кстати, «приезжало» в СССР и напечатанное на русском языке Евангелие — маленькие книжечки, которые расходились по сельским семьям.

Но, несмотря на все эти трудности, весна 1945-го выдалась в столице весёлой. Все уже понимали — война идёт к концу, долго немцу не продержаться. В апреле Москву основательно готовили к близкой Победе — чистили дворы от слежавшегося мусора и грязи, убирали подъезды, мыли пыльные окна. Вечером 2 мая город салютовал войскам, взявшим Берлин. 6 мая москвичи праздновали Светлое Христово Воскресение (в пасхальных богослужениях тогда приняли участие 140 тысяч человек). Ну а после того как в ночь на 9 мая Левитан объявил по радио о капитуляции Германии, спать уже никто не ложился. Несмотря на холодную погоду, москвичи поздравляли друг друга, пели и танцевали прямо на улицах, обнимали военных. Конечно, ликовало и Измайлово. А все московские храмы служили праздничные молебны. В майском номере «Журнала Московской Патриархии» было размещено слово Патриарха Алексия: «Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, — дня, в который изрёк Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, — и Православная Русь, после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа, вставшего как один человек на защиту Родины и не щадившего и самой жизни ради спасения Отечества, — ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно взывая к Самому Источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру». 24

июня на Красной площади состоялся Парад Победы, совпавший с Троицей.

...Диакон — первая, низшая степень священства. Священник и без помощи диакона может совершать службы и требы, и в дореволюционной России, к примеру, диаконы в храмах состояли лишь в том случае, если сам приход решал брать на себя их содержание. Соответственно, о. Иоанн вёл себя скромно, чётко выполняя положенные ему функции и никоим образом не стремясь затмевать священника. Но, видимо, на общем фоне он всё же выделялся, ибо вскоре ему довелось пройти через настоящее искушение.

Усердной прихожанкой храма Рождества Христова в то время была 63-летняя Людмила Александровна Кедрова, матушка покойного протоиерея о. Сергия Кедрова. Храм она посещала ещё начиная с 1920-х, когда о. Сергей тяжело болел тифом. Матушка Людмила дала обет ежедневно ходить к чудотворной Иерусалимской иконе Божией Матери в Измайлове — за 25 километров — и молиться о выздоровлении супруга. Тогда матушка спасла мужа — о. Сергей выздоровел, а вот в 1937-м он был арестован и расстрелян. И вот восемь лет спустя матушка Людмила начала усиленно зазывать о. Иоанна к себе домой на чаепития. Каждое такое гостевание заканчивалось неожиданным подарком: из шкафа доставались вещи покойного о. Сергия и вручались молодому диакону. Все попытки смущённо отнекиваться сразу же пресекались. Так о. Иоанну достались подрясник, ряса, почти новенькие сапоги... Высоко чтя память мученически погибшего о. Сергия и испытывая уважение к его вдове, недоумевающий диакон принимал эти подношения, но искренне не мог взять в толк, с чего вдруг матушка Людмила так пылко его опекает. До тех пор, пока его не представили дочери о. Сергия, Любове, которая была на два года старше о. Иоанна...

Ситуация получилась как в водевиле, вот только нисколько не забавная. Умирая от стыда, о. Иоанн начал объяснять матушке то, что она и без того должна была знать: человек, принявший священный сан безбрачным, жениться не может, правило это действует ещё с 1869 года. А сам он определил свой безбрачный жизненный путь ещё подростком, становясь иподиаконом. И в ответ наткнулся на... негодование:

— И слышать ничего не желаю. Вы и Люба — замечательная пара...

Снова и снова молодой диакон убеждал матушку Людмилу в её неправоте. И наконец она сдалась, хотя и весьма своеобразно и безапелляционно:

— Тогда оплатите стоимость всех полученных вами подарков.

Оплачивать было нечем. Поэтому подрясник, ряса и сапоги о. Сергия вернулись на своё место в платяном шкафу. А диакон не без облегчения

надел свои древние парусиновые туфли и вконец вылинявший чёрный подрясник...

В сентябре 1945-го настоятель храма о. Михаил неожиданно остановил на церковном дворе спешившего по делам диакона и в лоб задал ему неожиданно грубоватый вопрос:

— А ты хочешь быть попом?

Слово «поп» ударило, словно плёткой. При советской власти неверующие пренебрежительно называли так священнослужителей вообще, любого ранга. Про себя о. Иоанн счёл вопрос неуместным, но промолчал. А старый настоятель и не требовал немедленного ответа. Просто проницательно взглянул диакону в глаза и отпустил его.

Но через несколько дней сцена повторилась. О. Иоанн снова смолчал. Промолчал он и в третий раз. Сердце подсказывало: совсем уже близко то, о чём пророчествовал в далёком уже 1922-м епископ Елецкий Николай. Но быть «попом» вовсе не хотелось. Что же означал вопрос умудрённого годами о. Михаила?..

За ответом диакон отправился в храм Святого Иоанна Воина, где продолжал служить о. Александр Воскресенский. И его мудрое слово помогло так же, как помогало в начале 1930-х, когда только что переехавший из Орла Ваня Крестьянкин, протестуя против «соглашательства» митрополита Сергия, посещал иосифлянские службы. Много лет спустя старец о. Иоанн в письме внучке о. Александра Воскресенского напишет: «Дедушка Ваш ведь был моим духовником, и его подпись стоит на моей священнической грамоте. Его молитва и напутствие поставили меня на радостный путь служения Богу». О. Александр принял исповедь диакона Иоанна Крестьянкина перед его хиротонией в священнический сан.

Итак, ответ на внешне грубоватый вопрос о. Михаила прозвучал. Да, он хочет быть священником — но не «попом». Подготовка к предстоящему экзамену была очень серьёзной. На столе диакона — раскрытый том «Лекций по богословским наукам» о. Петра Заведеева, 1908 года издания. Старая книга зачитана до дыр ещё лет десять назад, но тогда это был скорее умозрительный интерес, сейчас — сугубо практический. Одновременно с ним готовились к экзаменам его друг Василий Серебренников и земляк-орловец, монах Афанасий (Москвитин).

Экзамены за курс духовной семинарии были назначены на 7 октября 1945 года. Хорошо знакомые стены и башни Новодевичьего монастыря. За столом — внушающая трепет комиссия во главе с епископом Можайским Макарием (Даевым). И хотя волнение экзаменуемого было вполне

понятным, испытание он сдал на «отлично». А когда для поздравления поднялся ректор Московского Богословского института, бывший обновленческий митрополит, а после покаяния — о. протоиерей Тихон Попов, прозвучали слова, которые у всех присутствующих вызвали улыбку:

— Дорогой отец Иоанн, будьте священником, а не попом...

И только о. Иоанну было не до улыбок. Неужели настоятель его храма знал об этом заранее?.. Но сам о. Михаил при встрече ничем не выдал своего тайного знания, только усмехнулся чему-то в седую бороду.

24 октября митрополит Крутицкий Николай служил в храме Рождества Христова в Измайлове всенощную. Он торжественно благословил о. Иоанна Иерусалимской иконой Божией Матери. А 25 октября 1945 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий в Богоявленском соборе в Елохове рукоположил диакона Иоанна во священника. Вокруг престола его водил многолетний настоятель собора протопресвитер о. Николай Колчицкий.

От волнения о. Иоанну казалось, что на него смотрит вся православная Москва. Торжественно звучала из уст Патриарха совершительная молитва:

— Божественная благодать, всегда немощная врачующи и оскудевающая восполняющи, проручествует Иоанна, благоговейнейшего диакона во пресвитера. Помолимся убо о нём, да приидет на него благодать Всесвятаго Духа.

— Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! — трижды отозвался огромный собор.

— Господу помолимся, — как всегда, отчётливо и громко провозгласил о. Николай Колчицкий. А Патриарх возложил руку на голову о. Иоанна и начал читать тайную молитву «Боже безначальный и бесконечный», в то время как протопресвитер вполголоса начал мирную ектению...

И вот наконец самый торжественный момент рукоположения — вручение новопоставленному священнику епитрахили, пояса, фелони и Служебника. «Аксиос!» («Достоин!») — возгласил Патриарх, и то же трижды повторил хор. О. Иоанн поцеловал вручаемое, затем — омофор и руку Патриарха, потом поцеловал в рамена (плечи) участвовавших в таинстве священников, выражая тем самым братское общение, которое теперь соединяет их.

После освящения Святых Даров Патриарх подал о. Иоанну верхнюю часть Святого Хлеба со словами:

— Приими залог сей и сохрани его цел и невредим до последнего твоего издыхания, о нём же имаши истязан быти во Второе и страшное Пришествие Великаго Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

О. Иоанн поцеловал руку Патриарха и, встав позади престола, углубился в чтение 50-го псалма: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие моё...» Перед возгласом «Святая святым» он вернул Святой Хлеб Патриарху.

К Причастию новопоставленный священник подошёл первым после протопресвитера — в знак того, что он только что получил благодать священства от Божественного Духа. А перед отпуском о. Иоанн читал заамвонную молитву.

Специально к празднику о. Иоанн приобрёл белый подризник и холщовую рясу. Купил с рук что продавали, выбирать было не из чего. Облачение ему досталось с какого-то очень высокого и плотного по комплекции батюшки. Пришлось пустить в ход булавки и закалывать ворот рясы на спине. Но это ничего не значило, равно как и серая, промозглая, с ранним снегом погода. Прохожие, шедшие по Басманной, с удивлением смотрели на почти бежавшего по тротуару невысокого молодого священника в очках. А у него пела душа. Господи, неужели начинается та самая жизнь, ради которой он и родился на свет?..

Глава 5

ХРАМ В ИЗМАЙЛОВЕ

Следующий день тоже был праздничным — Иверской иконы Пресвятой Богородицы (точнее, день встречи списка иконы, который в 1648 году прислали в Москву с Афона). Старшие священники, настоятель о. Михаил Преферансов и о. Алексей Дёмин, ушли на молитву в храм Воскресения Христова в Сокольниках, где с 1929-го находилась самая почитаемая икона Москвы. А о. Иоанну предстояла первая самостоятельная служба, к которой он, что и говорить, приступал с трепетом. Но всё тогда, 26 октября 1945 года, прошло по чину и благоговейно. Это была первая литургия из семи, которые новопоставленный священник должен отслужить подряд — в соответствии с семью дарами Святого Духа, от Которого он принял благодать священства...

После завершения литургии к молодому батюшке подошла староста и сказала, что пришла мать, просит окрестить младенца. И вот на руках у о. Иоанна — новорождённая Ольга. Звучали под низкими сводами старинного храма слова чинопоследования, со счастливой молитвой прикладывалась к образу Иерусалимской Божией Матери мать младенца, заходила в отчаянном крике маленькая Оля. А молодой священник улыбался, ведь впервые под его служением человек родился для Царства Божиего.

И крестины эти были далеко не последними. Как вспоминал о. Иоанн, после войны в его храме крестили ежедневно по 50 человек, по воскресеньям — по 150, а в праздники — и по 300. После чудовищного напряжения военных лет измученные люди приникали к Церкви как к живительному источнику. В храмы шли далеко не только те, кто помнил дореволюционные времена, а таким людям было всего-то лет по 45-50, — шли те, кто родился и вырос после 1917 года, воспитывался в атеистической советской школе, с детства слышал о том, что религия — опиум для народа. Шли прошедшие фронт солдаты и офицеры, студенты, рабочие, матери приносили маленьких детей. Шли переехавшие в Москву крестьяне из деревень, где не были снесены храмы. Шли венчаться молодожёны. Шли, зная о том, что старосты храмов сообщали в райисполкомы о всех крестившихся и венчавшихся. Это не останавливало людей.

Как вспоминал Валерий Николаевич Сергеев, «церковь наша, как и другие тогда, буквально ломилась от прихожан и в праздники, и в будни. Публика в церкви была самая разная, но в основном бедно одетые простые старушки, много было тогда мужчин во всём чёрном. Помню щегольски одетого в костюме с ярким галстуком знакомого молодого хирурга Василия Макаровича Шаталова, которого скоро здесь же отпоют двадцатипятилетним... В общем, большая тёмная масса на фоне сверкающих облачений духовенства, особенно в холодное время года. На женщинах помню тёмные жакеты, цветные вязаные кофты. Прихожане были не только измайловские, но из всех окрестных деревень — Калошина, Черницына, нашего закрытого поселения Раисина, из села Гольянова, где была закрытая церковь Зосимы и Савватия, теперь действующая (из неё в Измайловской, помню, было на престольное Евангелие со вкладной записью).

В церкви молился всё больше простой, бедный народ, много нищих, в том числе инвалидов. Интеллигенции почти не было — неверующие, или боялись. Кроме грудных, почти не было детей — запрещалось.

Уже на улице и по всей паперти с двух сторон сидело множество нищих, которым прихожане подавали небольшими кусочками чёрный хлеб. Это были действительно изголодавшиеся люди — помню, как в день отпевания моей бабушки они в минуту поглотили громадную миску рисовой с изюмом кутьи, едва не подравшись при этом».

Сам же о. Иоанн так вспоминал начало своего служения: «В послевоенное время народу в храмах на службах была тьма. Великим постом особенно храм был переполнен людьми, многие не могли войти, молились на улице. Начнёшь службу в семь часов утра, а закончишь где-то в пятом часу. И всё это время на ногах стоишь. По окончанииходишь в алтарь, закрываешь завесу, в изнеможении опускаешься на стул и тотчас впадаешь в забытие. А уже через полчаса раздаётся звон к вечерней службе. Вскрываешь как ни в чём ни бывало, полный бодрости и сил. Будто и не стоял на ногах весь день. С благодарностью к Богу начинаешь вечернюю воскресную пессию...

Вот тогда-то я и понял, что Господь даёт силы для служения Ему... И живое рвение к служению ходатайствовало обо мне пред Богом и людьми как о духовнике, а в то послевоенное время это было очень ответственно, серьёзно и даже опасно. Но я отдавался этому служению полностью».

Уже в глубокой старости о. Иоанн рассказал игумену Мелхиседеку (Артюхину) о том, как прошла самая первая неделя его служения в измайловском храме:

— На первой неделе получилось так, что отец настоятель заболел и должен был прийти только на воскресную всенощную. И я в субботу отслужил литургию, потом молебен, потом панихиду, потом покрестил, потом кого-то пособоровал. И так всё это совершил по полной программе, буква в букву, как было написано в требнике и как было написано в уставе. И когда я зашёл в алтарь, чтобы немножко передохнуть и присесть, вдруг увидел, что в алтарь зашёл отец настоятель. И тогда он удивился, и глядя на меня, говорит: “Отец Иоанн, а ты уже здесь?” — “Да. Я уже здесь. Я ещё и не уходил”. И когда мы посмотрели на часы, то часы показывали без пятнадцати пять вечера, то есть уже начиналось всенощное бдение. И вот так я с утра до вечера всё отслужил по полной программе, но потом у меня ко всенощной почти отваливались ноги».

В этом кратком воспоминании о. Иоанн не упомянул о служении, которое совершалось вне храма. А ведь после службы он ещё безотказно совершал требы на дому у своих прихожан. Причём денег за это не брал. Об этом упоминал в своём очерке Валерий Николаевич Сергеев — когда его дед в феврале 1946 года советовался в храме, кто бы мог совершить требу, какая-то старушка посоветовала ему договариваться с о. Иоанном и уточнила: «Только учтите, что он какой-то странный и ни с кого не берёт денег за требы».

В. Н. Сергеев вспоминал:

«Дедушка <...> отправился на поиски этого “странного” священника, и вернувшись, сказал маме, что тот придёт завтра, и что батюшка “очень худой и заморённый”, и его хорошо бы как следует угостить.

В то время было очень трудно с продуктами, но мама в тот же день достала где-то по благу большого судака, которого решено было подать заливным. Под вечер следующего, очень холодного и промозглого дня в дверь нашего деревянного жилища постучали, и на пороге появился весь продрогший, худенький, небольшого роста темноволосый священник в каком-то лёгоньком, “подбитом ветром” пальтишке, с маленьким меховым воротничком “шалькой” (в то время духовенство обычно одевалось уже добротнo и даже богато в меха, драпы и габардины).

Пришедший батюшка по своей худобе и “прозрачности” показался мне очень молодым, хотя, как теперь понимаю, ему было далеко за тридцать. Таким я впервые увидел отца Иоанна Крестьян кина.

Всё наше довольно большое семейство ютилось тогда в одной-единственной комнате, где лежала больная бабушка. Пока отец Иоанн совершал долгое соборование, мы все сидели в узком коридоре на расставленных в ряд стульях.

По окончании таинства была предложена трапеза, но батюшка, выпив стакан чаю с одним сухариком, от рыбы вежливо, но твёрдо отказался — должно быть, мои взрослые не учли, что время было постное. <...>

На Пасху 1946 года мы с дедушкой вдвоём пошли на утреннее богослужение в нашу церковь и увидели там бледного как тень, исхудавшего от поста отца Иоанна. Совершая каждение храма, он с трудом шёл, держась одной рукой за стену и едва не падая...»

Однажды произошёл такой случай: батюшку пригласили причастить больную старушку, но пока о. Иоанн шёл к ней, больная скончалась. Вместо принятия Святых Даров служилась первая заупокойная лития. Священник был опечален, хотя дочь старушки и рассказала ему, что перед смертью она ежедневно причащалась. А когда о. Иоанн шёл назад, у калитки увидел плачущую женщину. Естественно, подошёл к ней расспросить, что случилось. А та с рыданиями рассказала о том, что у неё умирает сын, который ни разу в жизни не исповедовался и не причащался. Такая откровенность была тем более удивительна, что заподозрить священника в батюшке можно было разве что по длинным волосам (поверх ряссы он носил пальто). Услышав рассказ матери, о. Иоанн попросил познакомить его с больным и вскоре уже сидел у его постели — не как священник, а просто как добрый прохожий. Завязался разговор, который становился всё более откровенным. Умиравший юноша с искренней горечью рассказывал незнакомцу о своих ошибках и грехах и в конце концов проговорил: «А как хорошо было бы причаститься!» И тогда о. Иоанн, на удивление собеседника и его матери, снял пальто, представ перед ними в полном обличье священника — в епитрахили, со Святými Дарами на груди. Исповедь не понадобилась — ею был рассказ больного. Прозвучала разрешительная молитва... На следующий день молодой человек скончался, успев очистить душу перед смертью. Вот так получилось, что шёл о. Иоанн к старушке, а на самом деле — к умиравшему юноше.

Ещё одна история. На последней неделе Великого поста, после выноса Плащаницы, о. Иоанн сосредоточенно готовился к чину Погребения. И в этот момент кто-то тронул его за руку. Перед ним стояла бедно одетая юная девушка. Еле выговаривая слова и чуть не плача, она рассказала, что собирается идти делать аборт (конечно, подпольный — в 1936—1955 годах аборты в СССР были запрещены), но решила перед этим, сама не зная зачем, зайти в храм.

Взяв холодную ладонь девушки в свои ладони, священник заговорил с ней — убеждённо, ласково, с болью в голосе. И говорил до тех пор, пока не

увидел, что незнакомка отказалась от намерения совершить грех детоубийства. История эта получила продолжение, вернее, даже два. Первое — когда мать, родившая мальчика, позвонила из роддома и попросила приехать за ней: забрать её оттуда было некому. Тогда батюшка велел старосте храма отправить за девушкой такси. А ещё через некоторое время произошло и второе продолжение. Юная мать появилась у о. Иоанна с младенцем на руках и грубо швырнула его на диван со словами: «Вот вам ваше благословение, а мне оно не нужно». И даже в этой ситуации нашлись у священника нужные слова для того, чтобы образумить мать, заставить её со слезами прижать сына к груди...

Весна 1946 года принесла в жизнь молодого московского священника большую перемену. Его мечта о монашестве, казалось, начала приобретать реальные очертания. К Пасхе Церкви был возвращён Успенский собор одной из величайших русских обителей — Свято-Троицкой Сергиевой лавры, закрытой ещё в 1920-м. Тогда же были обретены мощи преподобного Сергия Радонежского. Наместником обители стал возвращённый из Самарканда архимандрит Гурий (Егоров, 1891—1965). Чтобы восстановить монашескую жизнь в обители, требовались люди — прежних насельников лавры уже не оставалось. И одним из первых монахов предстояло стать о. Иоанну. Провожая его в лавру, митрополит Николай сказал:

— Не бойся ничего, но Духом Святым приими силу и надежду. Веруй, что рука Божия с тобою.

Путешествие от Москвы было совсем недалёким — лавра находится в 52 километрах от столицы. В 1930 году город Сергиев, где размещался монастырь, был переименован в Загорск — в честь революционера Загорского, в 1919-м погибшего от взрыва брошенной анархистами бомбы. Здания лавры, почерневшие от времени и пережитых невзгод, даже под хмурым апрельским небом показались о. Иоанну прекрасными. Ещё бы! Ведь это было одно из самых святых мест России, где молился преподобный Сергей, где благословлял он на Куликовскую битву Дмитрия Донского, откуда ушли на смертный бой воины-иноки, преподобные Пересвет и Ослябя, где ещё не прославленный тогда в лике преподобных Андрей Рублёв писал свою великую «Троицу» (сама икона с 1929-го находилась в Третьяковской галерее, а иконостас Троицкого собора украшали две копии), а Симон Ушаков — «Спас Нерукотворный»...

Вместе с о. Иоанном приехали поднимать лавру из руин иеромонах о. Иоанн (Вендланд, 1909—1989, в будущем митрополит Ярославский и Ростовский), о. иеродиакон Александр (Хархаров, 1921—2005, в будущем

архиепископ Ярославский и Ростовский Михей), архимандрит Нектарий (Григорьев, 1902—1969, в будущем митрополит Кишинёвский и Молдавский). Пономарём в Успенском соборе стал иподиакон архимандрита Гурия Игорь Мальцев (1925—2000), впоследствии известный и любимый в Саратове и Ярославле священник.

В лавре о. Иоанна назначили ризничим — ответственным за место, где хранятся богослужебные облачения и церковная утварь. Жить в лавре было ещё негде, приходилось ежедневно ехать в Загорск утренней электричкой и вечерней возвращаться в Москву. Но и без того обычно быстрый на ногу новоиспечённый ризничий летал по лавре как на крыльях. Всё вокруг вдохновляло и радовало — начиная с самого факта возвращения лавры верующим (хотя вернули-то только один собор и две комнаты в корпусе у Святых ворот, где разместились кухня и трапезная) и заканчивая тем, что близился желанный постриг. Среди многочисленных поручений, которые пришлось выполнять о. Иоанну тем летом, было и необычное — его благословили сопровождать мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия из Москвы в Вильнюс. Мощи были вывезены из Вильны митрополитом Тихоном, будущим Патриархом, в 1915-м, во время приближения к городу германцев. В 1920-м в Москве прошёл издевательский судебный «процесс виленских угодников», на котором был вынесен вердикт: «Так называемые мощи виленских угодников, а в действительности мумифицированные трупы, передать в музей древности». И вот теперь из Московского музея атеистической пропаганды они возвращались в Виленский Свято-Духов монастырь. Батюшка благоговейно и радостно готовил раку для мощей, облачал их. 26 июля 1946 года самолёт, на котором летел о. Иоанн, благополучно приземлился в Вильнюсе. Это было первое, но далеко не последнее в жизни батюшки воздушное путешествие... День обретения мощей святых Антония, Иоанна и Евстафия ежегодно торжественно отмечается в древней обители, расположенной в самом центре Вильнюса.

Архимандрит Гурий не мог не порадоваться на деятельного ризничего. Он даже назвал имя, которым будет наречён новый постриженник — Сергей. (Вообще это было нарушение правил, монах узнаёт своё новое имя только при постриге). И видел в нём первого инок, который примет постриг в возрождающейся лавре... Но человек предполагает, а Бог располагает. На праздник Успения Пресвятой Богородицы, в конце августа 1946-го, после четырёхмесячного пребывания в лавре, о. Иоанна неожиданно отозвали обратно в Москву, на тот же самый измайловский приход. Постриг не состоялся.

Сам о. Иоанн не оставил воспоминаний о том, что довелось ему пережить в те дни. Но нет сомнений, что терзания и скорби были отпущены ему сполна. Душа бунтовала. Ведь её подвели к желанному, показали, поманили, пообещали... и бросили. Из строгого монастырского уклада нужно было вернуться в нервную, хлопотную атмосферу окраинного московского прихода. Лишь неустанные молитвы помогли вновь обрести себя. Не время — значит, не время, на всё воля Божия. И со временем тяжесть, которая легла на душу, истончилась, а там и исчезла без следа, оставив тёплые, задушевные воспоминания о нескольких месяцах, проведённых в лавре.

Снова началась уже привычная приходская жизнь в Измайлове. Снова без устали он славил имя Господне и нёс с алтаря Его слово исстрадавшимся, отчаявшимся людям... И по загруженности своей не замечал, как незаметно росло и без того немалое число прихожан, как из уст в уста передавалась по Москве молва о невысоком батюшке в очках, который не ходит, а будто летает над землёй.

Насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря иеромонах Никон (Горохов) в своих воспоминаниях об о. Иоанне писал: «Господь говорил: от того, кто вкусит от Духа Святого, потекут реки воды живой, скачущей в жизнь вечную. Не знаю, когда это началось у отца Иоанна, то есть когда потёк от него поток чистой живой воды благодати и когда к нему потёк православный народ, а ведь народ наш очень чуткий. Как почувствует, что у кого-то открылся этот “источник вечной жизни”, так и бежит к тому сломя голову и обступает его толпой и жаждет прикоснуться, почерпать, вкусить, напиться, насладиться и утешиться от этого источника. И тогда уж точно не будет покоя для носителя сего дара ни днём ни ночью». Подмечено чрезвычайно точно. «Реки воды живой» о. Иоанна в первые послевоенные годы омыли сначала жителей Измайлова, а затем чуткий народный слух воспринял молвь об «источнике вечной жизни» без всякой рекламы, без радио, телевидения и Интернета, без публикаций в прессе. Сейчас можно удивляться тому, как росла и ширилась известность скромного священника с московской окраины. Это происходило как бы само собой, легко и естественно. И так же естественно будет распространяться слава о. Иоанна во всех местах, где ему будет суждено находиться. На его «огонь» люди летели сами, летели, чувствуя исходящую от него светлую и радостную силу...

Ценнейшее свидетельство о служении о. Иоанна в Измайлове оставила Галина Тимофеевна Волгунцева (1914—2009) — уроженка Челябинска, дворянка по происхождению и художник по образованию. Она впервые

увидела о. Иоанна вечером 8 июня 1946-го в Троице-Сергиевой лавре, куда приехала с сестрой на Троицу:

«Вечером после всенощной обратили внимание, как худенький, очень бледный, среднего роста батюшка с чёрными локонами по плечам не ходил, а как-то порхал, будто ноги его не касались пола, он украшал храм Божий берёзками. Как-то сразу он вошёл в наши сердца, несмотря на то, что мы были духовными детьми лучшего проповедника в мире, митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича), и всё же хватило в сердце места и для батюшки, и поселился он в наших сердцах до сего дня.

Окончив украшение храма, он начал исповедовать без общей исповеди, а выслушивал каждого в отдельности. Многие плача отходили от него и, что-то подумав, снова возвращались к нему и шептали в ухо. Мы с сестрой улыбались, говоря, что теперь старушки наговорят о себе, что было и не было, лишь бы постоять рядом и набраться благодатной силы.

Узнав, что он служит в Измайлове, обрадовались и в следующее воскресенье были около него. Служил батюшка очень хорошо, иногда покачиваясь от слабости. Было жаль его, но это ещё больше усугубляло наши молитвы, так как мы почувствовали, что он, как и владыка Николай, — ангел во плоти. В проповеди он уступал только владыке Николаю. Он говорил так горячо, с такой любовью к Богу и к нам, падшим людям, что хотелось, чтоб было скорее гонение на христиан, как в первые времена, чтоб можно было добежать до Красной площади и положить голову на плаху. Такая в нём была необычайная сила духа.

Иногда приду в церковь уставшая, разбитая, думаю, хоть немножко постою, но раздавался голос отца Иоанна — и мгновенно усталость пропадала. И вместо того, чтоб скорей ехать домой, мы молча ходили за ним, смотрели, как он крестит детей, как отпевает покойников, как будто бы усопший человек самый близкий и любимый им. И даже хотелось умереть, чтобы батюшка отпел.

Одно отпевание мне особенно врезалось в память — покойника сопровождало много народа, видимо, сослуживцев. В ожидании с ироническими улыбками они переговаривались, осматривая иконы. Нам так было обидно, но от батюшки ничего не скрылось.

Он вышел в чёрной рясе, держа перед собой золотой крест, лицо бледное, одухотворённое, взглядом скользнул по толпе и понял, что здесь будет больше глумления, чем молитв. Началось трогательное отпевание, как будто бы усопший — его отец, исчезли улыбки, в глазах любопытство и ещё — страх. И вот батюшка заговорил негромко, но постепенно голос его повышался, зазвучали нотки негодования и уже с жаром слышались

громкие, угрожающие слова: “Верите ли вы или не верите? Хотите ли вы этого или не хотите, ибо близится Страшный Суд, и мы получим по заслугам...” — и прочее. Уже не стало улыбок, кое у кого появились слёзы...

Вошли они как победители, а уходили с поникшими головами, как побеждённые. Вот как батюшка вразумлял, врачевал заблудших. За то и пострадал. Однажды некий пьяный вошёл в церковь — и прямо в алтарь. Откуда взялась сила у батюшки? Он кинул его в толпу, ну а старушки не дремали, заработали кулаками, пока он бежал из храма. Водворилась тишина, и батюшка продолжал службу. <...>

Однажды мы слышали, что батюшка болен. Узнав его адрес, по узкой снежной тропиночке пришли к дому гостиничного типа, где он снимал у старушки крохотную комнатку.

Лежал батюшка на спине в старом подряснике, закинув руки за голову, с порванными локтями. Я сообщила об этом владыке Николаю — он прислал своего врача. Батюшка хоть и встал, но был очень слаб, просто таял на глазах.

Когда он приходил из церкви, старушки его встречали: “Батюшка, помолимся!” — и батюшка всё забывал и ещё несколько часов молился. А покормить батюшку забывали или нечем было, время было тяжёлое. Сам же он, получив зарплату, сразу, выходя из церкви, всю раздавал. Его окружали верующие и просили: кто на ремонт дома, на лечение, на корову. Батюшка щедро всем раздавал и оставался без копейки. За требы он ничего не брал, говоря: “Мне не нужны бумажки”.

Но случилось чудо: приехала из Иркутска Галина Черепанова к сестре-студентке навестить её. В первую очередь мы повели её на службу к владыке Николаю, она была потрясена. Потом в Измайлово. Увидела она нашего бледного худого батюшку, да мы ещё рассказали ей о рваных локтях, и поняла Галина Викторовна, что поле деятельности для неё обширно. По натуре это была евангельская Марфа. Начала она заботиться о питании, потом узнала, что у него есть комната, но одна стена упала, и закипела работа. Квартирку его она превратила в рай: чистота, белизна, красота. Батюшка переселился, она ему готовила. Он заметно стал поправляться. Адрес его никому не говорили, чтоб не тревожили его.

Прошёл год. Галина Викторовна без прописки жила у духовной дочери отца Иоанна Матроны Георгиевны Ветвицкой, у которой был сын двенадцати лет. Матрона Георгиевна работала портнихой по мужским вещам и всех кормила.

Как будто бы всё хорошо: батюшка ухожен, сыт, даже иногда в пост в кашу украдкой от него подкладывали сливочное масло. Грех на себя брали.

А батюшка ел кашку и хвалил, что такой каши вкусной он ещё не ел. Но вот парадокс: как-то я не могла скрыть восторга от его квартиры. Вдруг он стал грустным и сказал: “Если бы ты знала, как меня всё это тяготит!” И показал мне фотографию: голая комната, стол, ничем не покрытый, на котором стояла кружка с водой и кусок хлеба. А на скамейке сидел монах. “Вот моя мечта!” — с грустью сказал он».

Масса уникальных деталей — начиная с продранных локтей рясы батюшки (самому залатать, конечно, просто не хватало времени) и заканчивая его грустью при виде фотографии монаха. Это наверняка были ещё не изжитые эмоции по поводу четырёх лаврских месяцев. А помощь Матроны Ветвицкой (1903—1994) и Галины Черепановой (1910—1992) действительно была бесценной. Это о них о. Иоанн писал: «Я знаю людей, которые живут в Москве, и она для них если не рай, то преддверие его. Они живут верой деятельной, живой, и никакие “чудеса” новой Москвы их не трогают. Святые с ними, и святые московские укрепляют дух». На истории взаимоотношений этих двух глубоко верующих женщин стоит остановиться подробнее, так как они стали для о. Иоанна настоящими ангелами-хранителями на годы вперёд.

Уроженка маленькой (сейчас там около тридцати жителей) тульской деревни Болотово Матрона Георгиевна Новикова была духовной дочерью епископа Серпуховского Арсения (Жадановского, 1874—1937) — одного из виднейших деятелей так называемого «мечевского» уклона «непоминающих». Мужем её стал выпускник Вольского кадетского корпуса, участник Первой мировой войны в чине прапорщика Борис Михайлович Ветвицкий (1898—1939), перед смертью принявший монашеский постриг (его родным племянником был хорошо знакомый о. Иоанну по Троице-Сергиевой лавре Игорь Мальцев). После смерти мужа Матрона Георгиевна осталась с сыном Алексеем. Даже в годы самых страшных гонений на Церковь в доме Ветвицких постоянно теплилась лампада перед иконами, а сама Матрона Георгиевна была знаменитой на всю Москву церковной портнихой — шила облачения для священнослужителей, в том числе для Патриарха. О. Иоанна она впервые увидела во время проповеди в измайловском храме.

И там же, у храма, осенью 1946-го она познакомилась с Галиной Черепановой — вернее, просто увидела горько плачущую женщину и подошла к ней узнать, что случилось. Выяснилось, что незнакомка — иркутянка. В Иркутске её долгие годы преследовали за помощь заключённым священнослужителям, требовали дать расписку о сотрудничестве с органами. Когда девушка в очередной раз отказалась, в

кабинет следователя НКВД вместе с конвоирами вошли четверо уголовников и сорвали с неё, девственницы, одежду... Чтобы избежать насилия, Галина дала требуемую подписку, о чём сразу же рассказала всем друзьям и знакомым. Многие после этого отвернулись от неё. Вскоре девушку разбил паралич, и в НКВД на неё махнули рукой — толку от такого агента не было.

А на Пасху 1946 года к лежащей Галине прибежала подруга с радостной вестью: открылась Троице-Сергиева лавра, у преподобного Сергия Радонежского звонят колокола. В ответ на это Галина произнесла одну фразу:

— Преподобный зовёт! — И встала с постели. После чудесного исцеления ноги у неё болели только в непогоду.

В Москву Галина приехала к родной сестре, надеясь немного пожить у неё, но получила отказ. Вот она и плакала — ночевать в столице было негде. Матрона Георгиевна не задумываясь пригласила Галину Викторовну к себе, и с тех пор она постоянно жила у Ветвицких, став для них родным человеком.

В квартирке Ветвицких в Шубинском переулке батюшка принимал духовных чад, молился, соборовал. С особым трепетом он относился к святыне, вывезенной Галиной из Иркутска, — простому деревянному кресту святителя Иннокентия Иркутского (Кульчицкого).

Всегда радостно, с благоговением принимали батюшку в измайловском доме Голубцовых на Лесной улице (ныне Измайловский проспект). Там в трёх комнатках с 1942 года обитала семья библиотекаря ВАСХНИЛ Николая Александровича Голубцова (1901—1963) и его жены Марии Францевны (1904—1972), лютеранки, под воздействием мужа перешедшей в православие. Семья воспитывала четырёх приёмных детей. Николай, сын профессора Московской Духовной академии Александра Петровича Голубцова, ещё в юности прислуживал в алтаре, но, по совету старца о. Алексия Зосимовского, не спешил с принятием священного сана, а исполнял в храме Рождества Христова обязанности пономаря и чтеца. Только в августе 1949-го он сдал экстерном экзамены за курс духовной семинарии, 1 сентября был хиротонисан во диаконы, 2 и 3 сентября служил с о. Иоанном в измайловском храме; 4 сентября состоялась священническая хиротония о. Николая Голубцова, который со временем стал одним из самых уважаемых и любимых в Москве священников, многими почитался как старец. А его измайловский дом оставался всегда открыт для батюшки вплоть до смерти гостеприимного хозяина. В «будочке» — специальной беседке, построенной в примыкавшем к трамвайным путям саду, — о.

Иоанн и о. Николай провели немало времени за беседами на духовные темы...

Другими преданными друзьями стали супруги Козины — Алексей Степанович (1908—1977) и Пелагея Васильевна (1909—2003). Оба были земляками, выходцами из села Сосновка Саратовской губернии; до войны жили в Баку, где Алексей работал слесарем и бурильщиком на нефтяной вышке. В 1942—1945 годах Козин был на фронте в звании гвардии сержанта, воевал в 30-й гвардейской механизированной бригаде 9-го гвардейского механизированного корпуса, заслужил медаль «За отвагу», был несколько раз ранен, из-за чего одна его рука почти не действовала. Но, несмотря на увечье, Алексей Степанович был мастером от Бога — чинил и делал по хозяйству всё, что требовалось. А Пелагея Васильевна, как и Матрона Ветвицкая, великолепно шила церковные облачения. С батюшкой измайловцы Козины познакомились в 1948-м, и тоже в храме: зашли и остались надолго.

«С утра до ночи не уходил батюшка из храма, — вспоминала П. В. Козина. — Кроме него, были ещё отец Виктор и отец <...>, настоятель, который и предал его. Те оба были семейные, они отслужат — и по домам, а батюшка всё заботился о храме, о людях. Никогда не отпускал после службы без проповеди, без благословения: всё учил и назидал. Однажды Великим постом сказал проповедь о назидании, все плакали навзрыд. Всё видел и всё знал.

В храме не было воды, возили воду на санках с 1-й Советской. Все собирались и возили. Староста Иосиф Николаевич возглавлял работу. На санки ставили несколько баков и везли. Возили в холод, батюшка тоже принимал в этом участие. Если освящённая вода кончалась, её не доливали, батюшка освящал заново. Для себя не жил: всё для храма и людей.

Необыкновенный молитвенник. Как-то я стояла перед иконой Божией Матери и молилась о чём-то. Вдруг я почувствовала, как от иконы в моё сердце вошёл горячий луч, и мне стало радостно и хорошо. Я обернулась — за мной стоял батюшка, видимо, он молился вместе со мной и за меня. И Матерь Божия по его молитве утешила меня».

Ещё одним преданным духовным чадом батюшки стала Анастасия Лаврентьевна Иванникова, в 1946-м — 18-летняя учащаяся школы фабрично-заводского обучения, переехавшая в Москву из Воронежа: «По воскресеньям и праздничным дням я ходила в церковь на две литургии для того, чтобы не пропустить ни одного батюшкиного слова. Батюшка очень вдохновлял нас службами, проповедями, исповедями.

После всех служб батюшка выходил из алтаря к людям, где его ждала

большая очередь. Выстаивала эту очередь и я, чтобы взять благословение. Пока батюшка всем ответит на вопросы, времени уже три или четыре часа дня, а вечером опять он служит акафист по очереди — когда Матери Божией, когда Спасителю.

В наш храм со всей Москвы съезжались, чтобы послушать батюшкину проповедь. Часто можно было видеть у прихожан слёзы. Обычно в храм собиралось очень много людей». Осиротевшей на войне Александре батюшка отчасти заменил родного отца, и иногда ей достаточно было просто пройти следом за о. Иоанном по улице: «Он давал силы жить, я им жила».

Другое свидетельство принадлежит Клавдии А.: «Земля слухом полнится. В 1947 году я услышала от верующих, что в Измайлове служит какой-то необыкновенный батюшка. Я сразу же поехала посмотреть на него. К счастью, он служил раннюю литургию. И такой радости, какую я испытала во время молитвы за богослужением этого молодого священника, у меня не было никогда. Я подумала: это земной ангел. С этого дня я стала постоянной прихожанкой Измайловского храма. Исповедовалась только у него. Я была замужем за старообрядцем. Отец Иоанн утешал меня, обещая, что однажды сможет нас повенчать. Сумел он своей молитвой склонить супруга к нашей Церкви, а потом и повенчал нас. Радости нашей не было предела. Однажды в отсутствие отца Иоанна принесли в храм покойницу. У неё не было родных, и платить за отпевание было некому. Старенький священник, который был в это время в храме, отказался отпевать, то ли по немощи, то ли по какой-то другой причине. К счастью, в этот момент вернулся отец Иоанн. Заметив наше смущение, он спросил о его причине. “Да вот, привезли покойницу, она бедная и безродная, её отпевать не хотят”. “А мы сейчас сделаем её богатой”, — весело сказал батюшка и ушёл. Смотрим, открываются Царские врата. Загорелось паникадило, и в полном облачении выходит отец Иоанн, с амвона обращается ко всем: “У кого есть время, останьтесь, помолимся вместе и проводим в Царство Небесное рабу Божию”. Это отпевание наполнило храм благодатной силой Божией любви, а наши души — радостью».

Сохранились и бесхитростные воспоминания певчей измайловского храма Ольги Алексеевны Воробьёвой: «Семья многодетная, муж Владимир — хороший сапожник — всё пропивал со своими товарищами. Батюшка в проповеди говорил: не надо ругать их, а с работы с любовью встретить и к обеду рюмочку для аппетита; жена послушалась, стала так делать, и он стал приносить получку, и в семье всё наладилось.

Как-то у одних родителей пропал мальчик шести лет. Они обращались

всюду и очень плакали, а батюшка говорил: жив он, Божия Матерь вернёт его. И через несколько лет привезла женщина-азербайджанка, которая пожалела его (он потерялся и плакал) и взяла с собой. А когда прочитала, что семья ищет ребёнка, привезла его по адресу с ним, и сколько радости было, и служили благодарственный молебен».

Из показаний свидетелей по делу о. Иоанна мы знаем, что уже тогда, в конце 1940-х, он начал пользоваться у прихожан не просто любовью, а настоящим почитанием. Та же Александра Иванникова вспоминала, что «выстраивалась большая очередь к нему после проповеди: выяснить вопросы, получить благословение на что-то. Отвечая на вопрос кому-то, наставлял сразу всех, так как это всех касалось, так впоследствии было и в Печорах. Отвечал на вопросы с любовью, юмором, мудро, просто. Речь его была простая, язык хороший, не брезговал никем — какие бы люди ни приходили, он всем уделял внимание. Слушать его было полезно всем, особенно молодым. Молва о добром пастыре пошла по Москве, началось духовничество».

Благодаря протоколам допросов о. Иоанна в МГБ, известно, с какими именно вопросами и проблемами подходили москвичи конца 1940-х годов к священнику. Так, родители, желавшие воспитать детей в православной вере, спрашивали, можно ли дочери или сыну вступать в пионерскую организацию. Молодёжь интересовалась, противоречит ли религиозным убеждениям членство в комсомоле, обязательно ли венчаться при вступлении в брак. Множество молодых людей в возрасте 16—20 лет желало принять таинство крещения. Несмотря на тяжесть послевоенной жизни, было много желающих пожертвовать на храм. «Кто дал много — не жалеет, кто дал мало — не скорбит, — с улыбкой приговаривал батюшка, обходя паству с тарелкой для сбора. — Когда мы идём в квартиру, мы сначала ремонт делаем, а тут смотрите, как запущено — надо обновлять, престол освежить... Это Божий дом». «И тогда вороха наваливали денег», — вспоминала измайловский врач М. Е. Дроздова, затем принявшая монашеский постриг с именем Мария.

В это время батюшка начал приобретать славу не просто доброго деятельного пастыря, но прозорливца, человека, наделённого огромной духовной силой. Это следует из показаний священника, служившего с о. Иоанном в одном храме: «О Крестьянкине как о “прозорливом” “святom” человеке и “исцелителе” мне приходилось слышать как от верующих, так и от сослуживцев. Кроме того, я сам видел, как он в церкви села Измайлово в августе месяце 1948 года проделывал какие-то движения с чашей в руке над женщиной средних лет, которая была больна. Своими молитвами он

как бы исцелял её от болезней. <...> Часто в церковь приезжают неизвестные лица и спрашивают, в том числе и у меня: “Где тут батюшка Иван, который бесов изгоняет”. Причём, к Крестьянкину, как к “прозорливому” неоднократно в 1949 году приезжала неизвестная мне женщина из гор. Ленинграда». Значит, известность батюшки уже вышла за пределы Москвы.

Валерий Николаевич Сергеев вспоминал об о. Иоанне, что «за те пять лет, что он прослужил в Измайлове, среди верующего народа всё больше распространялась слава о его абсолютном бесребренничестве, постнических и молитвенных подвигах. Среди прихожан Рождественского храма о нём ходили легенды, иногда, быть может, и вздорные. Так, священники-целибаты были тогда для многих в диковинку, и про отца Иоанна рассказывали, будто бы он кровью подписал клятву умирающей матери никогда не жениться. Подобные слухи (сам слышал) распространяли досужие старухи, сидя на скамейках в церковном дворе». А Александра Баранова запомнила отношение к батюшке измайловских детей: «Дети, которые были тогда, когда он служил в Измайлове, им было 5—7—10 лет, ходили в храм и тоже очень любили батюшку. Не уходили домой, пока не получают благословение, и вечером после всенощной приезжали домой в 11 часов вечера. Теперь некоторые из них, пенсионеры, вспоминают, как они за ним бегали по селу Измайлово, если не получили благословения, и до сего дня называют его “наш батюшка”, хотя с тех пор с ним не встречались, но забыть не могут».

24 февраля 1947 года в приходской жизни произошло горестное событие — в возрасте восьмидесяти трёх лет отошёл ко Господу старый настоятель храма, о. протоиерей Михаил Преферансов. И вскоре случилось так, что он уже после смерти своей спас о. Иоанна от грозившей ему беды. А было вот что: захотела принять крещение шестилетняя дочка крупных советских чиновников. Как именно она узнала о Таинстве, почему захотела креститься — неизвестно, но стояла на своём маленькая девочка не по-детски осознанно и твёрдо, и родители не смогли ей отказать. О. Иоанна привезли на квартиру к родителям ночью — днём было опасно. Малышка была одета в белое платье, с белым бантом в волосах; видно было, что её клонит в сон, но она терпеливо ждала батюшку — и дождалась... Впрочем, ночные тайны родителям не помогли — то ли соседи расстарались, то ли сослуживцы, но началось расследование дела, и нити его неизбежно привели к храму Рождества Христова в Измайлове. Спасло то, что расследователи так и не сумели установить, какой именно священник из храма крестил девочку. Тут-то «вину» на себя и «взял»... покойный о.

Михаил: именно к его чёрномраморному надгробному памятнику, расположенному против алтарной части храма, подвели тех, кто расспрашивал. Мол, крестил недавно скончавшийся батюшка, а с него взятки гладки, на нет и суда нет. Так «дело» было закрыто.

Чуть позже произошёл ещё один эпизод, который свидетельствовал о том, что имя вроде бы обычного приходского священника с далёкой московской окраины приобрело широкую известность в столице. В храме раздался телефонный звонок: скончался брат известного советского деятеля, и его последняя воля — чтобы его отпели по православному обычаю^[6]. Выбор пал на храм Рождества Христова и о. Иоанна Крестьянкина. Поздно вечером к храму подъехали автомобили — несколько «побед» и чёрный ЗИС-110. Гроб с покойным в храм внесли крепкие люди с замкнутыми лицами. Один из них распорядился «кратко» отпеть покойного. Никто из вошедших не осенял себя крестным знаменем. Среди приезжих священник узнал и знаменитого брата усопшего.

Но когда о. Иоанн раздал вошедшим поминальные свечи, взяли их все. А потом началась служба. Не «краткая», а полным чином, истовая и вдохновенная. Молодой священник, будто забыв о том, что он не один, молился над усопшим так, словно в гробу лежал его родственник... И лица вошедших постепенно изменились. Из надменных, каменных они стали живыми, разными — растерянными, угнетёнными, растроганными, возвышенными, задумчивыми. Когда служба закончилась, к о. Иоанну подошёл брат покойного и молча пожал ему руку.

А уже когда священник запирает двери храма, к нему вдруг обернулся один из тех, кто нёс гроб, — высокий мужчина лет пятидесяти. И неожиданно горячо прошептал прямо в лицо:

— Батюшка, как мне замолить свои грехи, как снять камень с души? Я ведь когда-то закрывал и разорял храмы...

После краткой паузы батюшка ответил таким же шёпотом:

— Сохраните в тайниках души веру в Бога и веру в Его милосердие. И Господь оградит вас в будущем от подобной беды.

...В 1947-м о. Иоанн получил благословение на заочную учёбу в Московской Духовной академии. Она была недавно преобразована из Богословского института, открывшегося летом 1944-го, и действовала на территории Новодевичьего монастыря. Многие студенты приходили в аудитории во фронтовых шинелях и гимнастёрках. Разброс в возрасте среди них был очень большой — поступали в академию и мужчины под шестьдесят, в основном старые, опытные псаломщики, и

восемнадцатилетние юноши.

Занятия в Академии принесли о. Иоанну не только глубокую душевную и духовную радость, но и друзей — не на время учения, а навсегда. Причём среди них были как ровесники батюшки, например, Павел Голубцов (младший брат о. Николая Голубцова, будущий архиепископ Казанский и Марийский Сергей, 1906—1982), так и люди значительно младше его возрастом, родившиеся в начале 1920-х, — хорошо знакомый по общему кругу общения в храме Святого Иоанна Воина Константин Нечаев (будущий митрополит Питирим), Анатолий Мельников (будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний, 1924—1986). Все они мечтали о монашестве, все так или иначе были связаны с Троице-Сергиевой лаврой. Выдающийся реставратор церковной живописи Павел Голубцов принял постриг в лавре в апреле 1950-го, Анатолий Мельников — в июле 1950-го, Константин Нечаев — в апреле 1959-го. Рядом с единомышленниками в душе о. Иоанна крепла уверенность в том, что и его рано или поздно всё же обязательно ждёт монашеская стезя, что «неудача» в лавре 1946-го была важным уроком смирения и подчинения своей воли воле Господа и всё в его жизни идёт так, как и должно.

Вообще тот послевоенный набор академии дал немало ярких имён. Одновременно с о. Иоанном учились доктор богословия Алексей Бувеский (1920—2009), о. протоиерей Дмитрий Дудко (1922—2004), митрополит Херсонский и Одесский Сергей (Петров, 1924—1990), митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко, род. 1929). И как же по-разному сложились судьбы этих людей!.. Так, митрополит Филарет в 1990-х провозгласил себя «патриархом Киевским и всея Украины», за что был лишён сана и отлучён от Церкви; после 2014-го он неоднократно поддерживал украинскую сторону в братоубийственном конфликте на юго-востоке страны, а в 2017-м обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с письмом, в котором призывал «забыть распри». А один из самых талантливых учеников, Евграф Дулуман (1928—2013), стал печально знаменитым в СССР пропагандистом атеизма, автором вышедших в конце 1950-х книг «Почему я перестал верить в бога» и «Почему я перестал верить в Христа».

Преподавательский состав послевоенной академии также был очень пёстрым, с разными подходами к ученикам и манерами преподавания. Так, о. Николай Колчицкий, читавший литургику, любил делиться подробностями своей богатой церковной биографии; о. Тихон Попов на лекциях импровизировал по памяти, так как был слеп; Николай Семёнович Никольский, читавший апологетику, основное богословие, еврейский язык

и церковную археологию, мог спокойно заявить студентам о том, что «так называемая Большая Советская Энциклопедия — это дрянь, а вот Брокгауз и Ефрон — это действительно энциклопедия». Запоминались и изречения духовника академии, архимандрита Зосимы (Иджилова, 1899—1961), болгарина по происхождению, прошедшего в 1930-е через два ареста. Он почитался студентами как старец и, предостерегая их от греха, говорил так:

— На красный свет можно проехать. Но проскочишь раз, проскочишь два, а если всё время так ездить, авария неизбежна.

Среди преподавателей академии был и сосед о. Иоанна по Большому Козихинскому переулку, живший в доме напротив, — Анатолий Васильевич Ведерников (1901—1992). Выходец из простой крестьянской семьи Тверской губернии, Анатолий Васильевич был одним из образованнейших богословов страны и читал курс истории русской религиозной мысли. Такой предмет отсутствовал в дореволюционных академиях, Ведерников разрабатывал его сам, «с нуля». В 1948-м его отстранили от преподавания и уволили из академии, но, к счастью, не посадили, и вскоре митрополит Крутицкий и Коломенский Николай нашёл ему работу в издательском отделе Московского патриархата. В гостеприимном благочестивом доме Ведерниковых о. Иоанн не раз бывал, в 1949-м в подмосковном селе Гребнево венчал сына Анатолия Васильевича — Николая, который впоследствии стал известным священником и духовным композитором.

Один из новых друзей-соучеников, о. Сергей Орлов (1890—1975), пригласил о. Иоанна в подмосковное село Акулово, где жил. Орловы были потомственными священнослужителями — в Акулове служили также дед и отец о. Сергия. Самому ему выпала сложная и извилистая судьба. В молодости он увлекался социализмом, штудировал «Капитал» Маркса, но быстро пришёл к выводу, что «там всё филигранно расписано, только в жизни всё наоборот». Учился в Варшавском университете и Киевском политехническом институте. До войны работал преподавателем и директором средних школ в Москве и области, в июле 1946-го, уже в немолодом возрасте, был рукоположен во диакона, а через несколько дней — во иерея. Очень образованный и эрудированный, о. Сергей был тем не менее чрезвычайно скромным, простым и добродушным человеком. Почти никто не знал о его тайном постриге — в монашестве его имя было Серафим. Возможно, с о. Иоанном его свёл Анатолий Мельников, который был духовным чадом о. Сергия.

Маленький домик о. Сергия в Акулове был в буквальном смысле слова православной сокровищницей. Там хранились святыни упразднённого в 1927 году Серафимо-Дивеевского Троицкого монастыря. Ежедневная

строгая, неспешная и благолепная молитва о. Сергия — непревзойдённого в Церкви знатока богослужебного устава — поддерживала в домике ту атмосферу, при которой, казалось, вот-вот отворится дверь и появится сам преподобный Серафим Саровский.

Именно совместные моления с о. Сергием, долгие разговоры с ним о монашестве подтолкнули о. Иоанна к пристальному изучению жизненного и духовного пути великого старца Серафима. Настолько пристальному, что именно его фигуру он избрал предметом для дипломной работы в академии. Эта работа — «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени» — впервые была опубликована в 2008 году в приложении к книге «Божий Инок».

Нет сомнения, что в ходе написания дипломной работы о. Иоанн стремился многое понять не только про старца Серафима, но и про себя самого. Он увидел важную параллель между духовным состоянием общества начала XIX века и современностью; в работе эта параллель проиллюстрирована яркой цитатой из «Беседы на гробе младенца о бессмертии души...» Е. И. Станевича (1818): «Христианство у многих стало не тем, чем оно есть по существу, но чем кому угодно, смотря по тому, у кого какое сердце. О Церкви же и говорить не для чего; у всякого стала своя внутренняя, где молятся какому-то Господу, о котором, если судить по наружным их действиям, производящим одни опустошения, то сей Господь должен быть духом разрушения и разорения». Произошёл полный разрыв между интеллектуальной и духовной жизнью народа, и позднейшие авторы наивно удивлялись, почему два величайших символа эпохи — Серафим Саровский и А. С. Пушкин — не только никогда не виделись, но даже и не слышали друг о друге. На самом деле такая «невстреча» была глубоко закономерна: русские интеллектуалы пушкинской эпохи были как никогда далеки от подлинной Церкви, в лучшем случае заменяя её искренними попытками «прорыва» к вере собственными силами (деятельность Библейского общества; теоретизирования В. А. Жуковского, которые о. Иоанн, кстати, высоко ценил; паломничества в Иерусалим П. А. Вяземского и Н. В. Гоголя; творчество князя С. А. Ширинского-Шихматова, в монашестве Аникиты, А. С. Норова и А. Н. Муравьева). «Так далеко было это общество от живых истоков русской религиозной мысли, — пишет о. Иоанн, — что в 1836 г., спустя 3 года после кончины преподобного Серафима Саровского, Чаадаев скорбно произнёс приговор над религиозным развитием России, заявив, что единственным носителем света Христова в европейском обществе является римско-католическая церковь».

Именно оттуда протянулись незримые нити в XX век. Ведь богоборчество первых революционных лет возникло не на пустом месте, и люди, с радостью бросившиеся в разгромы храмов или, в лучшем случае, в обновленчество, росли во вполне благопристойной внешне духовной обстановке. Но именно что *внешне*. На самом же деле в стране на массовом уровне была безвозвратно утеряна *суть* христианства, состоящая в готовности подвига во имя Христа: «Даждь кровь, приими Дух».

Старец Серафим привёл о. Иоанна к ещё одной важнейшей мысли, которая на практике уже легла в основу его собственной судьбы: «По учению Святых Отцов и подвижников Православной Церкви необходимым средством достижения реального соединения с Богом является деятельное общение с ближними». Такие пастыри, носители серафимовского духа, уже встречались на жизненном пути Ивана Крестьянкина — о. Георгий Коссов из Спас-Чекряка, о. Александр Воскресенский из храма Святого Иоанна Воина. Теперь таким священником — никогда никому не отказывающим, всегда готовым прийти на помощь — был и он сам. Но как совместить «деятельное общение с ближними» с заветной мечтой — монашеством?.. Пытаясь постичь эту науку, о. Иоанн общался как с теми, кто всей душой стремился к монашеству, — друзьями по академии, — так и с опытными монахами. Наряду с о. Сергием в этот период в его жизни возник ещё один необычный человек — о. Иоанн (Иван Александрович) Соколов (1874 или 1880—1958). И это, без сомнения, было самое загадочное знакомство в жизни батюшки.

В кругу московских верующих о. Иоанн Соколов считался (и сейчас считается) одним из последних оптинских старцев, о его прозорливости ходили легенды. У о. Иоанна Крестьянкина после знакомства с ним также не возникло никаких сомнений в том, что перед ним — маститый, много повидавший в жизни игумен, и именно в таком качестве батюшка всю жизнь и воспринимал Соколова. На его надгробном памятнике высечены слова «Игумен Оптиной пустыни Иоанн Соколов». Но в действительности И. А. Соколов таковым не являлся. В процессе подготовки статьи «Из опыта изучения биографий братьев Оптиной пустыни» (2009) историк Церкви иеромонах Платон (Рожков) изучил большой массив документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), и пришёл к однозначному выводу: ни в одном документе пустыни имя Ивана Александровича Соколова не упоминается и в игуменский сан он никогда не возводился. Более того, из архивных материалов следует, что сам Иван Александрович вовсе не был «подвижником благочестия» и «живым преподобномучеником», которым считал его о. Иоанн...

«Житийный» вариант биографии Ивана Соколова (его можно найти в Интернете и православной печати) гласит, что родился он в сентябре 1874 года в богатой московской семье, получил прекрасное образование (знал четыре языка), благодаря бабушке рано потянулся к монастырской жизни, в 16 лет поступил трудником в Оптину пустынь, затем принял там постриг, стал иеродиаконем, иеромонахом и игуменом. После закрытия пустыни вынужден был скрываться, некоторое время служил в московских храмах, затем трижды арестовывался, много лет провёл в ссылках, тюрьмах и психиатрических больницах, где на нём испытывали новейшие лекарства. Согласно другой вариации «жития» И. А. Соколова, в Оптиной пустыни он провёл 22 года в качестве трудника, принял тайный монашеский постриг с сохранением имени и в сентябре 1915 года, окончив по 2-му разряду Калужскую духовную семинарию, был определён священником в храм Святых Петра и Павла посёлка Дугненский Завод. После 1918 года о. Иоанна выслали с прихода, некоторое время он нелегально скрывался в Москве, а потом начал странническую жизнь. Когда его арестовывали — юродствовал, изображал из себя «абсолютно невежественного, тёмного деда» (именно так он охарактеризован в одном из протоколов). То есть согласно этой версии, оптинским игуменом он не был, но в священном сане состоял. Стоит заметить, что среди выпускников Калужской духовной семинарии 1915 года Иван Соколов действительно значится.

Но основные данные об «о. Иоанне Соколове», кочующие сейчас из статьи в статью и из книги в книгу, основаны исключительно на немногочисленных свидетельствах его духовных чад. А между тем сохранившиеся архивно-следственные дела Ивана Александровича содержат в себе немало подробностей, которые развенчивают благостный образ непрестанно страдавшего за веру «игумена».

Так, на допросе в 1927 году И. А. Соколов заявил: «Официально монахом или иеромонахом я нигде не был». Из того же протокола следует, что родился он в Москве в 1880 году в семье типографского наборщика; после того, как дом отобрали за долги, до 1925-го жил на квартире, после чего перебрался в подмосковное село Ромашково, где о нём пошла слава как о прозорливце и целителе. В 1927-м Соколова приговорили к трём годам ссылки, откуда он бежал и с конца 1937-го жил с чужим паспортом в деревне Липуниха. Во второй раз его арестовали в 1940 году. Тогда на допросе Иван Александрович пытался выдать себя за некоего «композитора» из Калуги и заявил, что церковь не посещает, ни в каком монастыре не был и священного сана не имел. Вскоре следствие выяснило, что владелец его паспорта, о. протоиерей Георгий Извеков, расстрелян в

сентябре 1937-го, а сам «композитор» не знает нотной грамоты, после чего Соколов изменил показания — начал утверждать, что с 1897 по 1924 год находился в Оптиной пустыни, где в 1914-м был возведён в сан игумена. В итоге его осудили на пять лет ссылки в Казахстан. А во время третьего ареста, в 1950 году, Иван Александрович рассказывал о себе уже, что он «в школе учился только два года. Затем был “мальчиком” в магазине, а с 17-летнего возраста работал дворником в типографии в течение семнадцати лет». Далее следует фраза: «С 32-летнего возраста, по его словам, занимается деятельностью священнослужителя в старообрядческой общине». 11 августа 1950 года Соколова признали невменяемым и определили в психиатрическую больницу.

Заметим, что все три раза И. А. Соколова арестовывали за «антисоветскую деятельность», сводившуюся к тому, что он на частных квартирах раздавал бутылки с целебной водой, масло, предсказывал скорое падение советской власти, а иногда читал акафисты. О том, как формировалась легенда о нём как о священнослужителе, свидетельствуют его собственные показания: «В 1935 г., когда я стоял на паперти в греческой церкви, одна из женщин узнала меня и назвала о. Иоанном. Позже обратил внимание на меня и настоятель греческой церкви о. Иоанн, который, узнав, что есть игумен Оптиной пустыни, пригласил меня ему прислуживать. В большие праздники я помогал о. Иоанну в церкви, как это подобает по канону священнику в алтаре. Таким образом, я служил нештатным священником». Там же приводится свидетельство одной монахини, которая сообщает, что молебнов и прочих служб на дому Соколов не отправлял, да и вообще «у него не было рясы». Зато в 1940 году он постриг двух человек в монахи, причём один из постриженников, 15-летний подросток, в монашестве был наречён... Серёжей.

Конечно, встаёт вопрос: насколько можно доверять протоколам допросов, которые, как известно, нередко фальсифицировались и заполнялись самими следователями?.. По мнению о. Платона (Рожкова), в данном случае речь о фальсификации не идёт. «Судя по церковной терминологии, которую Соколов использовал в своих показаниях, его словарному запасу и грамотности в совокупности со всем вышесказанным, есть основания предполагать с большой долей вероятности, что Соколов не имел священного сана и едва ли мог быть монахом, — пишет исследователь. — По нашему мнению, псевдорелигиозная деятельность являлась для него средством к существованию, что оказалось возможным лишь в условиях разорённой церковной жизни, когда Церковь подвергалась гонениям, храмы по большей части закрывались, контроль

священноначалия и связь прихожан с ним часто отсутствовали».

Спрашивается, как же о. Иоанн Крестьянкин не разглядел в новом знакомом его тёмную сторону? О. Платон (Рожков) отвечает на это вполне убедительно: «Нужно учитывать краткость их знакомства и личную доброжелательность мемуариста (о. Иоанна. — В. Б.), не замечавшего ничего худого в других людях. Неизвестно, каким было бы мнение покойного старца, если бы он узнал о закрытых подробностях жизни Соколова, но и в этом случае духовники и старцы крайне редко дают публичные отзывы негативного характера».

Кем же был Иван Александрович Соколов на самом деле? Самозванцем, присвоившим себе высокий сан игумена? Юродивым с тёмным прошлым? Священником, пережившим падение и так и не сумевшим подняться? Или в нём уживались все эти личности сразу?.. Вряд ли это удастся установить точно. Нам важно, что в жизни о. Иоанна Крестьянкина И. А. Соколов, кем бы он ни был, сыграл положительную роль. Судя по сохранившимся свидетельствам, этому человеку действительно был присущ дар прорицания, что позволяло поддерживать образ «старца в миру». А тень на о. Иоанна его знакомство и общение с Соколовым бросить не может. Для чистого всё было чисто, и, вероятно, батюшка видел в Иване Александровиче то высокое, главное, что, безусловно, присутствовало в этом изломанном, грешном человеке...

С о. Иоанном Соколов познакомился в качестве «оптинского игумена». О нём батюшке рассказали прихожане измайловского храма. Желание познакомиться с оптинцем было, конечно, велико, но... в те годы за такового мог выдать себя кто угодно, в том числе и агент МГБ, собиравший данные о «церковниках». Поэтому о. Иоанн послал к незнакомцу «разведку» в лице своей духовной дочери, певчей измайловского храма Ольги Воробьёвой. Составил для неё целый вопросник и долго наставлял — мол, если человек ответит на них так-то и так-то, то это подлинный старец, а если нет — то нет. Когда Ольга пробиралась огородами к домику в Филях, где жил Соколов, душа у неё от страха уходила в пятки. А Иван Александрович между тем стоял на крыльце домика и ещё издали с улыбкой сказал:

— Олюшка приехала, да сомневается. Не бойся, проходи, радость моя. А уж отец-то Иоанн, отец-то Иоанн — какие хитрые вопросы придумал!

Тут же пересказал оторопевшей Ольге все «проверочные» вопросы и добавил:

— А отец Иоанн пусть приезжает, благословляю.

Так и познакомились отец Иоанн и Иван Соколов.

Был Иван Александрович маленького роста, горбатым, сильно хромал — как он сам уверял, в юности, расшалившись, спускался с колокольни в Оптиной через две ступеньки и неудачно упал. Но основные свои увечья он приобрёл много позже, во время странствований по ссылкам. Арестовывался он, как упоминалось, в 1927 и 1940 годах и возвращался почти инвалидом — с переломанными руками-ногами, без зубов, с выбитым глазом. Об этом глазе он только и вздыхал иногда: «Вот фонарь-то у меня один остался и светит плохо». Но это не мешало ему быть чрезвычайно проницательным человеком. «Придёшь к старцу, и вдруг мгновенно тот озарит тебя светом, уже неземным, благодатным, он заглянет внутрь и начинает разговор. До сих пор приходишь в трепет от этого воспоминания», — говорил о. Иоанн Крестьянкин о своих встречах с «о. Иоанном Соколовым», без всяких сомнений называя его «профессором Небесной Академии».

У нового знакомого о. Иоанн тоже оставил по себе доброе впечатление. По воспоминаниям одной из духовных чад батюшки, как-то Соколов после ухода о. Иоанна высказался о нём так: «Дивный батя! Постник, как древние». А ещё так: «Ой, всю жизнь будет крутиться, себя не жалеет». А в глаза звал его Ванечкой, наставлял по-своему, с приговорками: «Ничего не скажу, что я могу сказать, ведь я простой мужик-указник, так, плету кое-что...» (Люди, наверное, думали, что «оптинский игумен» говорит так по скромности, а это была чистая правда — он ведь и был «простым мужиком»...)

Обычно наставления Ивана Александровича Соколова были не всегда понятны тем, кто их получал. Он говорил, к примеру:

— Ванечка, будь посамолюбчивей.

Или:

— Ванечка, прошу и молю, не давай за всех поручительства.

Или:

— Ванечка, не будь везде хозяином.

Вот и гадай, что имеется в виду. После размышлений приходили ответы: «быть самолюбчивей» означало уделять хоть самое малое время себе, не разбрасываться временем и силами с чрезмерной щедростью; «не давать за всех поручительства» — быть осмотрительнее в высказываниях и поведении, ведь люди кругом разные, ручаться за всех нельзя. А пожелание «не быть везде хозяином» не затрагивало ли желание молодого священника, пусть неосознанно, следить за всеми процессами, происходившими в приходе, быть в курсе всего?..

Задал батюшка Ивану Александровичу и вопрос по поводу своего

поступления в монастырь (видать, мысли о лавре всё-таки не давали ему покоя, возвращались время от времени). И услышал в ответ взволнованно-неясное:

— Куда? В какой монастырь? Там нынче везде сквозняки.

Что имелось в виду под сквозняками, стало понятно уже совсем скоро.

...В 1969 году в келии о. Иоанна (Крестьянкина) в Псково-Печерском монастыре пятеро молодых людей встречались со старцем. Тогда была сделана запись удивительного рассказа о. Иоанна о самом себе. Говорил он отчасти иносказательно, в третьем лице, но нет сомнения в том, что речь шла о его собственном духовном опыте.

«Прошло только три года, как он принял сан, и благодать священства носила его на крыльях. Ежедневно спозаранку приходя в храм и приложившись к престолу, он бежал к большому распятию, у которого изливал просьбы за себя и за всех, с кем сводила жизнь. В один из дней, по обыкновению припав лбом к стопам Спасителя, он услышал от Креста вопрос:

— Можешь ли ты любить Меня, как они?

Порывисто вскочив, священник обернулся. Храм был пуст, но вокруг Креста Христова, обступив его, стояли кресты разных размеров. Не возьмусь передать, что произошло в сердце собрата. Взмолившись, он впился взором в лик Спасителя. Крест безмолвствовал.

Память об увиденном тревогой преследовала его целый день. К вечеру он добрался до старца-духовника. Это был монах, уже прошедший лагерные мытарства, живой преподобномученик (имеется в виду И. А. Соколов. — В. Б.). Рассказывать о случившемся подробно не пришлось.

— Что ответило Господу твоё сердце? — прервал повествование вопрос старца. Только тогда священник поверил, что увиденное было не обольщением. Через короткое время видение повторилось с той лишь разницей, что на некоторых крестах были люди, дорогие его сердцу, погибшие в революционное лихолетье. Сердце батюшки сжалось от страха и жалости к ним и к себе. И вопрос, снова прозвучавший с Креста:

— Любишь ли ты Меня, как они? — опять остался без ответа.

Время шло. Мучительно болела душа за измену священной памяти отцам, за своё малодушие.

Всё навязчивее, всё ближе подступали и страхования. Враг бесчинствовал помыслами. Оставаясь в храме один, он в изнеможении лежал у Распятия. Всё тщетно. Освобождения не наступало. Мрак полонил душу.

Но однажды, уже почти повергнутого в отчаяние, прямо в алтаре его

обступили кресты с вознесёнными на них страдальцами. Лиц он не узнавал, но они сияли так, что больно было смотреть, видел только протянутые к нему руки и чувствовал ток благодатной силы, изливающийся в его изнемогающую в искушении душу. Батюшка опрометью бросился в храм к Распятию Спасителя и, не дожидаясь вопроса, рыдая, взмолился:

— Господи, Ты знаешь, знаешь, Ты видишь, что я люблю Тебя. Укрой мою немощь!

Тотчас внутри всё ожило. Господь принял его слёзное исповедание в любви и сотворил чудо».

Гадать о смысле произошедшего с ним не было надобности. Его ждал свой Крест, и ждал в ближайшем будущем. Тучи над о. Иоанном начали сгущаться примерно через три года его служения в измайловском храме, и если он и не знал об этом напрямую, то, безусловно, догадывался.

Во второй половине 1940-х краткий «роман» государства с Церковью подошёл к концу. Война закончилась, и советская власть больше не видела необходимости в такой массовой поддержке и лояльности верующих, как прежде. Над церковной жизнью был установлен жёсткий тотальный контроль, из Церкви стремились сделать некое «ведомство» под управлением Совета по делам Русской Православной Церкви во главе с генерал-майором МГБ Г. Г. Карповым.

За деятельностью этого совета, в свою очередь, пристально следили всевозможные «проверщики», и идеологические, и экономические. В среду прихожан и священничества активно внедрялись осведомители и агенты МГБ. Открыто исповедовать «религиозные взгляды» по-прежнему значило загубить себя в политической, общественной и служебной жизни — быть православным и гордиться этим не могли позволить себе ни министр, ни депутат, ни офицер, ни чиновник, ни школьный учитель, ни врач, ни писатель.

Во многом такой поворот был связан с крахом честолюбивого проекта, задуманного в Кремле, — созыва в СССР Всеправославного Собора, подчинившего бы Русской Православной Церкви все прочие поместные Церкви и придавшего Московской Патриархии статус Вселенской. Это позволило бы Советскому Союзу противостоять влиянию католицизма в мире и оказывать дополнительное политическое воздействие на Болгарию, Югославию, Румынию и Грецию. Но этот проект не осуществился из-за того, что влияние Москвы на Восточные Патриархаты после послевоенной эйфории успело сильно ослабеть. Московское Совецание глав и представителей поместных Православных Церквей, прошедшее 8—18 июля 1948 года, продемонстрировало, что «давить» на Грецию и

Югославию СССР не сможет, а в экуменическом движении, на которое также возлагались определённые надежды, уже лидируют американцы. Проект был признан нецелесообразным, и в связи с этим роль Церкви в жизни государства начала стремительно уменьшаться. Внешне это выразилось во всевозможных запретах и ущемлениях. Так, в 1948-м запретили проводить церковные сборы на патриотические цели, молебны в поле во время сельскохозяйственных работ, духовные концерты в храмах вне богослужений, крестные ходы из села в село, увеличили налогообложение храмов и епархий; все священнослужители были обязаны подписаться на государственные займы. В 1949-м были запрещены вообще все крестные ходы, кроме Пасхальных. Священникам больше не разрешалось обслуживать одновременно несколько приходов и «превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божьего для детей». С 1950-го на службу в армию призывали учащихся духовных семинарий, не имевших священного сана. Число монастырей в 1947—1948 годах сократилось со 104 до 85, в 1949—1953 годах было закрыто 1055 храмов, а многие насильственно переделаны под зернохранилища. Новые храмы и раньше открывались очень неохотно — так, в 1945-м в Москве была открыта всего одна новая церковь, в 1948-м — две, а многочисленные ходатайства об открытии отклонялись под любыми предлогами: ветхость здания, невозможность его переоборудования из склада, наличие рядом (в 15 километрах) другой церкви, неправильное оформление ходатайства. А после 1948 года в стране не было открыто вообще ни одного нового храма, монастыря или духовной школы, хотя ранее планировались учреждение духовной академии в Киеве и семинарии в Новосибирске.

Возобновились, хотя и в меньшем объёме, чем прежде, и аресты духовенства. В 1946-м был арестован митрополит Нестор (Анисимов), в 1948-м в седьмой раз был арестован и осуждён на 10 лет архиепископ Мануил (Лемешевский); о. протоиерей Дмитрий Дудко тоже получил 10 лет лагерей. В 1949-м был приговорён к высылке в Казахстан инспектор Московской Духовной академии архимандрит Вениамин (Милов). Арестовывались и «рядовые» приходские батюшки — о. Александр Колчев, о. Михаил Годунов, о. Валериан Николаев, о. Павел Максимов, о. Николай Харьюзов и другие.

Под пристальным наблюдением находилась и скромная церковь Рождества Христова в Измайлове. «Первый звонок» для неё прозвенел в ноябре 1948-го, когда были арестованы служившие в измайловском храме о. Виктор Жуков и о. иеродиакон Порфирий Бараев. О. Виктор служил в храме два года, а вот о. Порфирий был его «старожилом», диаконствовал с

1933-го. С ними у о. Иоанна были прекрасные отношения. Обоих выслали в Канск Красноярской области (оба, к счастью, вернулись; о. Виктор в 1957—1971 годах был настоятелем храма). В феврале 1949-го в храме сменился весь клир, после смерти о. протоиерея Николая Архангельского пришёл новый священник, летом — новые настоятель и диакон, тогда же поступила в хор новая певчая... Все эти люди в ближайшем будущем сыграли в судьбе о. Иоанна зловещие роли.

Не исключено, что назначение в храм новых «благонадёжных» людей было непосредственно связано с Пасхой 1949 года (в тот год она отмечалась 24 апреля). Тогда о. Иоанну пришла идея украсить Пасхальный крестный ход иллюминацией. За помощью он обратился к прихожанам — недавним фронтовикам, знавшим толк в пиротехнике. И те постарались от души: когда крестный ход под трезвон, с пением стихир «Воскресение Твоё, Христе Спасе, ангели поют на небесех...» показался в дверях храма, в небе над ним засияло... огромное изображение Христа Спасителя в полный рост! Такая иллюминация и сегодня привела бы людей в восторг, что уж говорить про тогдашнее, не избалованное зрелищами время. И вполне возможно, что именно эта дерзкая «демонстрация» привела к тому, что за о. Иоанном была начата слежка, а в храме вскоре сменился настоятель...

Когда о. Иоанн пришёл к И. А. Соколову и рассказал об этой перемене, Иван Александрович охарактеризовал нового настоятеля так: «Да это же Шверник и Молотов в одном лице...» Звучало это многозначительно: Николай Михайлович Шверник в то время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР, то есть формально первым лицом страны, а вот Вячеслава Михайловича Молотова недавно, в марте, сняли с поста министра иностранных дел; тем не менее всеми он продолжал восприниматься как опытный ветеран советской политики, ближайший соратник Сталина. Так или иначе, предупреждение было понятным: с новым настоятелем ухо стоит держать остро. В. Н. Сергееву, в то время девятилетнему мальчику, этот настоятель запомнился как «импозантного вида священник из обновленцев, при котором в церкви пошли новые порядки: возрос до неприличия интерес к церковным доходам, сильно стало сокращаться богослужение. И дедушка, хорошо его знавший (в молодости он пел в церковном хоре), и я вместе с ним, всё реже посещали этот приход».

Имя этого священника мы называть здесь не будем. А вот биография у него была весьма колоритной. Сын военного священника, в Гражданскую войну служившего у белых, моложе о. Иоанна на два года, он был одним из «долгожителей» обновленчества — уйдя в раскол ещё ребёнком в 1917-м,

принёс покаяние только в 1946-м. Именно ему выпала печальная честь служить последнюю вечерню с акафистом перед закрытием и взрывом храма Христа Спасителя. Затем он служил в Ленинграде и Колпине, где в мае 1934-го был арестован по статье 58-10 и на три года заключён в лагерь. Но уже к концу 1940-х он был, что называется, «в порядке» — об этом можно судить хотя бы по наличию собственной «Победы» (в Москве личные машины были тогда только у двенадцати священнослужителей, включая Патриарха и митрополита Николая). Уже после храма Рождества Христова в Измайлове занимал высокие должности в Патриархии, входил в ближайшее окружение Патриарха Алексия, а затем больше тридцати лет был настоятелем храма на юго-востоке Москвы, имевшего сомнительную славу «неообновленческого». В 1988-м одним из первых в СССР совершил панихиду по жертвам сталинских репрессий и в следующем году умер...

Сложная, тяжёлая судьба, изломанная русским XX веком. Воспоминания об этом человеке различны. Кто-то помнит доброго, внимательного, любимого прихожанами пастыря, кто-то — совсем другое. Но — нам ли оспаривать давно уже вынесенный приговор самого высокого Суда?.. Забегая вперёд, скажем, что о. Иоанн не держал зла на этого человека, искалечившего ему жизнь.

...21 мая 1949-го имя о. Иоанна Крестьянкина было впервые упомянуто во время допроса одного из постоянных прихожан Богоявленского собора в Елохове. Этот человек не был осведомителем — его арестовали за его убеждения и сломали на следствии. Рассказывая о своих «церковных» связях, он вспомнил, что «с Крестьянкиным я познакомился впервые в 1935 году во время посещения одной из московских церквей. Он тогда ещё обращал на себя внимание особой религиозной настроенностью. Впоследствии я его увидел только в 1945 году, осенью, в церкви с. Измайлово, где он был посвящён в сан священника. В 1946 году я неоднократно встречал Крестьянкина в Загорске в Лавре и в 1947—48 гг. в церкви с. Измайлово. Встречаясь с Крестьянкиным в 1945—1948 годах, я отметил одну особенность — он был очень усерден в службе, весь отдавался ей».

Казалось бы, что тут такого, мало ли в Москве усердных в службе священников с «особой религиозной настроенностью»?.. Но, по-видимому, данные были сочтены интересными, так как следователь начал усиленно «давить» на подследственного, выбивая из него новые данные о Крестьянкине. В итоге сломленный человек заявил, что «проповеди Крестьянкина привлекали большое количество верующих, которые становились его почитателями. Все его проповеди и беседы носили

характер призывов к верующим об укреплении веры, он объяснял религиозные канонические правила и молитвы и всем своим поведением выдавал себя за праведника, призванного укреплять веру в народе». На вопрос относительно политических взглядов и настроений о. Иоанна подследственный заявил: «Я думаю, что если Крестьянкин считает своим духовным руководителем епископа Серафима Остроумова, восхищается им до настоящего времени, который был известен своими крайне реакционными взглядами, можно предполагать, что лояльность его советскому строю крайне сомнительна. Во всяком случае, он старательно избегал разговоров о его истинных взглядах».

Что именно здесь действительно было сказано подследственным, а что придумано и написано его следователем — уже не установить. Ясно лишь, что о. Иоанн никогда не мог сказать в ответ на вопрос, почему он не остался в лавре в 1946-м, следующее: «В Лавре, в монастыре я очень ограничен, не могу научиться точному исполнению церковных обрядов и самое главное не могу проповедовать, к чему особенно стремлюсь». Как было сказано выше, возвращение из лавры стало одним из самых тяжёлых испытаний для батюшки, с которым он не сразу смирился...

Но так или иначе, сбор информации об о. Иоанне ширился. «Помог» своим будущим гонителям и он сам, честно ответив на вопросы анкеты, связанной с потенциальным переводом в Иерусалимскую миссию. Первым среди своих духовных отцов он упомянул в анкете владыку Серафима, расстрелянного десять лет назад. Значились в этом списке имена и погибшего в лагере архимандрита Пантелеймона, и о. Всеволода Ковригина. «Донос на себя я написал сам», — говорил потом о. Иоанн, имея в виду именно эту, «пригодившуюся» следователям анкету.

Начались и откровенные провокации. В храм зачастила молодая женщина с ребёнком, которая заявляла, что отцом младенца является о. Иоанн, и требовала денег. По воспоминаниям Анастасии Иванниковой, «батюшка со смирением давал ей деньги. Это была тайна, которую старались не распространять». Но история всё же раскрылась: Валентина Козина вспоминала, что незнакомка «потом созналась, что ей хорошо заплатили, чтобы оклеветать батюшку». Были и другие печальные случаи. А. Иванникова: «Какой-то мужчина вошёл в алтарь в головном уборе (шляпе), когда батюшка служил всенощную. Это видели все прихожане, в том числе и я. Все очень взволновались, но батюшка подошёл к нему, попросил снять шляпу и выйти из алтаря».

На душе от всего этого было тяжело, не всегда помогала и молитва. Во время одной из встреч с Патриархом Алексием (Патриарх приезжал в

измайловский храм служить перед Иерусалимской каждый год 25 октября), о. Иоанн откровенно попросил у него совета — как правильно реагировать, как поступать, «когда внешние и внутренние смутьяны требуют хождения вослед их»?.. Патриарх ответил встречным вопросом:

— Дорогой батюшка, что я дал вам при рукоположении?

— Служебник.

— Так вот всё, что там написано, исполняйте, а всё, что за сим находит, — терпите. И спасётесь.

23 февраля 1950-го скончался о. протоиерей Александр Воскресенский. Последние два месяца он тяжело болел и уже не выходил из дома. На отпевании о. Александра в последний раз собрался его «ближний круг», молодые люди, которые когда-то слетались на его огонёк, встречались на колокольне храма Святого Иоанна Воина... Похоронили его на Введенском кладбище, а на надгробном памятнике высекли слова, произнесённые им за несколько дней до смерти: «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Могилу о. Александра о. Иоанн непременно посещал, бывая в Москве.

Шли дни. 8 апреля 1950-го, накануне Пасхи, батюшка смог раздобыть для своего храма очень красивые свечи — восковые, обвитые золотыми лентами. В те годы, когда каждый предмет, предназначенный для богослужения, считался редкостью, это была настоящая удача. Радостно, с благоговением батюшка установил свечи в семисвечник за престолом и отлучился по другим делам. А когда через несколько минут вернулся, застал дикую сцену — настоятель, в ярости бормоча что-то, ломал эти красивые свечи и буквально выдирал их из семисвечника. Всё было ясно без слов... Праздничная радость в душе померкла, несмотря даже на приезд родных людей из Орла — сестры Татьяны и двоюродной сестры, матушки Евгении. И сама Пасха была в том году холодная, на дворе, несмотря на апрель, было всего два градуса тепла — словно предчувствие грядущего долгого холода.

Татьяне и Евгении, пошедшим познакомиться с «о. Иоанном Соколовым», прозвучало в те дни ещё одно предвестие грядущего. Татьяне Крестьянкиной Иван Александрович сказал, что брата она больше не увидит, и тут же добавил:

— Пишут, пишут, уже вот сколько написали. — Он показал руками толщину тетради и продолжил: — Вот-вот постучат. Отложили до мая.

Женщины тогда ничего не поняли. А ведь всё сбылось — и «написали» за год уже много, и «постучали» в самом конце апреля... И Татьяна Крестьянкина не увидела своего брата — умерла в 1954-м, когда он

был в заключении.

Догадывался ли батюшка о том, что его ждёт? Безусловно. Атмосфера вокруг него сгущалась, и после дикого случая с пасхальными свечами в том, как именно она разрядится, он не сомневался. Дошло до того, что новый настоятель откровенно пригрозил ему:

— Ты что-то много молодёжью занимаешься, отправлю тебя отдыхать на Лубянку...

Помнил ли отец настоятель о том, что в середине 1930-х сам «отдыхал на Лубянке»?.. О том можно только догадываться.

О другом эпизоде вспоминал позже сам о. Иоанн: «Захожу в храм, уборщица усердно метёт пол, пыль столбом. Поздно заметив меня, смущённо заизвинялась. Говорю: мети, мети, мать, скоро меня так же выметут отсюда». Предупредил о недобром и друг по академии Анатолий Мельников, услышавший в алтаре Богоявленского собора диалог двух священников: «Крестьянкина сдавать надо». — «Сдавай только после Вознесения, а то сейчас его заменить нечем».

В 1950 году Вознесение Господне приходилось на 18 мая. Но срок о. Иоанна настал гораздо раньше — 29 апреля, на двадцатый день после Пасхи. Видимо, что-то сдвинулось в планах, или нашлось, кем его заменить... Прокурор Москвы А. Н. Васильев поставил подпись под ордером на арест, и вечером 29-го возле дома № 26 по Большому Козихинскому переулку остановилась «победа». Соседи по коммунальной квартире № 1 молча смотрели на то, как офицер в погонах с синими просветами стучит в дверь комнаты священника. Они знали, что это значит, и ничему не удивлялись.

Батюшка должен был в тот день ехать к Ивану Соколову. Тот ждал его допоздна, а потом неожиданно сказал своим духовным чадам:

— А Ванечку уже взяли. Он ведь как свеча перед Богом горит.

Скоро «взяли» и самого Соколова — уже в третий раз в жизни — и 11 августа на три года заточили в ленинградскую тюремную психиатричку...

Галине Волгунцевой запомнилась служба в храме Илии Пророка в Черкизове 30 апреля 1950-го, на следующий день после ареста батюшки. Службу возглавлял митрополит Николай (Ярушевич). «Заметили: что-то с владыкой случилось, — вспоминала Г. Т. Волгунцева. — Решили, что он заболел, и атмосфера в церкви была необычной, как будто бы все чего-то ждали. Вышел владыка с проповедью — совсем другой, чем обычно, всегда он был бодрый, весёлый, а здесь столько грусти было в его глазах, таким мы его ещё не видели. Говорил он на тему о том, как всё призрачно в жизни, как всё непостоянно, что счастливы те, кто покинул грешную

землю. А мы ещё должны продолжать свой путь в слезах и страданиях (конечно, владыка не так говорил, как написала я, но своей проповедью он вызвал у нас слёзы). Кончилась проповедь нашего Златоуста; как всегда, он всех с улыбкой, с какой-то на этот раз жалкой улыбкой, благословил и уехал.

Не помню кто сообщил: “Сегодня ночью был арестован отец Иоанн Крестьянкин”. Что это было? Это не гром среди ясного неба, это нечто другое, какой-то мрак затмил всё, какая-то безысходность».

Весть об аресте батюшки мгновенно облетела его паству. О том, кто именно его предал, знали все. П. В. Козина вспоминала: «Через два дня было воскресенье. Служил настоятель отец <...> На службу не пришло ни одного человека».

А для о. Иоанна начался новый этап учёбы в Небесной Академии. И если он и жалел о чём тогда, так это разве о том, что неоконченной осталась его дипломная работа о преподобном Серафиме Саровском.

Глава 6

«ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ! ИДУ ДАЛЬШЕ!»

Дело на священника Ивана Михайловича Крестьянкина получило номер 3705. Словесный портрет коротко описывал арестованного:

рост — средний (165-170 см),
фигура — средняя,
плечи — горизонтальные,
шея — короткая,
цвет волос — чёрные,
цвет глаз — карие,
лицо — овальное,
лоб — низкий,
брови — дугообразные,
нос — большой,
рот — малый,
губы — тонкие,
подбородок — прямой,
уши — большие,
особые приметы — нет,
прочие особенности и привычки — нет.

Квитанций на изъятые вещи и деньги в следственном деле нет. Но есть свидетельство о наличии в личной библиотеке батюшки 347 книг религиозного содержания. Это — то, что было бережно собрано на протяжении 1930—1940-х годов, куплено с рук у стариков и старушек, спасено из разоряемых храмов, найдено из-под полы у частных букинистов. Сейчас всё это извлекалось из опечатанных мешков, встряхивалось, просматривалось, перелистывалось — нет ли спрятанных писем, адресов, денег...

Владимир Кабо, тогда 24-летний студент МГУ, арестованный одновременно с о. Иоанном и позже встретившийся с ним в лагере, так описывал первые впечатления от Лубянки: «Лестницы, проволочные сетки, коридоры... Руки назад, идите... Человек с голубыми погонами крепко держит меня сзади... Лестницы, сетки, коридоры... Лифт... Крошечная

комната, глухая, без окна, ярко освещённая электрической лампой, белёные стены, скамья... Потом я узнаю, это называется бокс. И вот я — один. Сколько проходит времени? Другая такая же комната, со столом. Человек в сером халате, лицо-маска, молчаливый и отчуждённый, как служитель потустороннего мира. Короткие команды, методичные, уверенные движения. Разденьтесь... Все мои вещи падают на пол... Снимает с брюк ремень, вытаскивает шнурки из ботинок, отрезает металлические крючки, распарывает подкладку. Приходит другой такой же в халате. Парикмахерской машинкой, теми же методичными, отработанными движениями, он снимает мне волосы с головы, и они тоже падают на пол... Потом меня куда-то ведут, приказывают сесть на стул, передо мной — ящик фотоаппарата: фас, профиль... Снимают отпечатки пальцев, плотно прижимая их к листу бумаги. Потом уводят, и снова я — один... Эти люди-призраки — как обитатели иного, кромешного мира... Потом опять куда-то ведут. Лестницы, сетки, коридоры, двери... И этот странный, жуткий язык служителей ада, на котором они переговариваются между собой, когда ведут меня по всем этим лестницам и коридорам — ни одного человеческого слова, только птичий клёкот, громкое перещёлкивание языком или пальцами — большим и средним, и все эти звуки гулко разносятся под сводами и замирают вдали...»

Через всё это довелось пройти и о. Иоанну, с той только разницей, что его не стали стричь. А ведь это — один из первейших ритуалов, через которые проходят заключённые. Кто, почему решил сохранить священнику волосы — поди догадайся. Жизнь в узилище начиналась с небольшого чуда.

(Впрочем, чудо это имело вполне логичное объяснение. Согласно правилам, арестованный священник имел право сохранять свою внешность в неприкосновенности. Так, в 1945 году успешно отстоял своё право не стричь бороду и не бриться о. Виктор Шиповальников, причём в конфликте с парикмахером лагерное начальство приняло сторону батюшки).

Сам о. Иоанн так вспоминал первую ночь за решёткой: «Когда меня взяли в тюрьму, оформление там долгое и тяжёлое — водят туда-сюда, и не знаешь, что ждёт тебя за следующей дверью. Обессиленный бессонной ночью и переживаниями первого знакомства с чекистами, я совершенно измучился. И вот завели меня в какую-то очередную камеру и ушли. Огляделся: голые стены, какое-то бетонное возвышение. Лёг я на этот выступ и уснул сном праведника. Пришли, удивлённо спрашивают, неужели ты не боишься? Отвечать не стал, но подумал: а чего мне бояться? Господь со мной».

Первый допрос был помечен датой 29 апреля 1950 года. Значит, опомниться, отоспаться арестованному не дали, повели сразу. Следователь представился — капитан МГБ Жулидов Иван Михайлович. Это не могло не вызвать невольную улыбку у о. Иоанна — полный тёзка, да ещё и одноклассник примерно. Только вот судьбы у двух Иванов Михайловичей были разные, как и взгляды на жизнь.

На первом допросе следователь спросил, верно ли, что во время богослужений о. Иоанн допускал «антисоветские выпады». На это батюшка твёрдо ответил:

— В моё сознание никогда не входила мысль, чтобы сан священника использовать для проведения антисоветской агитации... Я прошу следствие это моё заявление проверить путём допроса моих сослуживцев по церкви, настоятеля, священника и диакона, которые всегда присутствовали при отправлении мною богослужения и в отношении меня ничего предосудительного сказать не могут.

Здесь необходимо сделать пояснение. Дошедшие до нас протоколы — только отголосок живого голоса о. Иоанна. По многим из них становится очевидно, что протоколы эти заполнялись человеком, ничего не смыслящим в церковной жизни и вообще малограмотным. Поэтому воспринимать эти стенограммы как слова, буквально произнесённые арестованным на допросе, не стоит. На живую, простую основу «наматывались» косноязычные бюрократические формулировки, не говоря уже о том, что многое просто придумывалось следователем.

Второй допрос, 5 мая, начался с того, что следователь упрекнул арестованного в неискренности, а затем добавил:

— Вот вы сами просили допросить ваших сослуживцев и были уверены, что они подтвердят вашу невиновность. Мы допросили их, и они дали показания против вас.

На самом деле показания эти были даны свидетелями ещё до ареста о. Иоанна — 14 апреля (певчая), 19-го (священник-сослужитель) и 20-го (диакон). Причём настоятель храма, тот самый «Шверник и Молотов в одном лице», остался «за кадром». Стало ли для батюшки откровением то, что его братья во Христе следили за ним и оклеветали его?.. Вероятно, да, ведь на первом допросе он искренне полагал, что ничего плохого о нём они не скажут. А уже на втором допросе понял, что оправдываться бессмысленно — его дело в любом случае доведут до суда. Значит, нужно было, смирившись с неизбежностью приговора, достойно обороняться, не прибегая притом ко лжи, чтобы облегчить свою участь, но и не усугубляя её излишней откровенностью.

На третий допрос узника вывели 12 мая 1950 года. Лия Круглик, общавшаяся с о. Иоанном в конце десятилетия, запомнила его рассказ: «На допросы, как правило, вызывали по ночам. Накануне кормили только селёдкой, пить не давали. И вот ночью следователь наливает воду из графина в стакан, а ты, томимый жаждой и без сна несколько суток, стоишь перед ним, освещённый слепящим светом ламп».

Под этим слепящим ледяным светом узнику было предъявлено обвинение по печально известной статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года — пункт 10, часть 1. В кодексе она звучала так: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...> а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой *лишение свободы на срок не ниже шести месяцев*». В сокращении этот пункт статьи называли АСА — антисоветская агитация.

Отвергая это обвинение, на допросе 12 мая батюшка заявил (снова напомним, что протокол зачастую очень далёк от живой речи, а приводится он с сохранением особенностей орфографии оригинала):

— Виновным себя признаю в том, что я как священник, исполняя религиозные обряды и в частности при произношении мною с церковного амвона публичных исповедей, при которых разъясняются «заповеди закона божьего» и при чтении так называемых проповедей, где освещается история религиозных праздников или текст содержания Евангелия, допускал такие высказывания, которые по своему содержанию носили антисоветский характер и прихожанами церкви могли быть восприняты как антисоветские проявления, хотя сознательного намерения проведения антисоветской агитации среди верующих людей у меня не было.

Перечитывая текст перед тем, как заверить его подписью, о. Иоанн задержался взглядом на части фразы «...по своему содержанию носили антисоветский характер...». И твёрдо сказал: «Пока не исправите, не подпишу». Ничего подобного он не произносил, так как такое признание могло очень серьёзно «утяжелить» приговор. Это следователь Жулидов истолковал сказанное им нужным ему образом — и внёс в протокол.

Начался длительный — трёхчасовой! — поединок двух волей. На стороне капитана МГБ — грубость, жестокость, насилие. На стороне арестованного священника — непоколебимая уверенность в том, что правда за ним. И конечно же, вера в Бога.

Поединок окончился в пользу о. Иоанна. Через три часа следователь всё-таки согласился вычеркнуть из протокола фразу «...по своему

содержанию носили антисоветский характер...». Лишь после этого на странице появилась подпись арестованного священника.

Потом наступила длительная пауза — следующий после 12 мая протокол датирован 4 июля. «По замыслу ли следственного дела или стечением обстоятельств, а скорее милостью Божией между третьим и четвёртым допросами больше месяца меня никуда не вызывали, — вспоминал о. Иоанн. — Я был один, молился. Иногда в моё уединение вторгался колокольный звон, извещая о начале Божией службы. Бог был рядом со мной и в этом мрачном безбожном месте». Обратим внимание — «больше месяца», то есть во второй половине июня снова начались вызовы к следователю. Сохранились квитанции о конвоировании арестованного Крестьянкина, а вот протоколов этих допросов нет. Может быть, такие протоколы и не велись. Красноречивее всяких бумаг выглядела левая рука о. Иоанна — пальцы на ней были перебиты и срослись с большим трудом. А на вопрос одного послушника Псково-Печерского монастыря, как научиться молиться, о. Иоанн многие годы спустя ответил:

— Да я и сам теперь молиться не умею. Вот когда в тюрьме молотком по голове били, выбивали показания, — тогда я молился...

Что именно выбивал молотком из арестованного капитан Жулидов на этих допросах, осталось тайной. Возможно, показания на других священнослужителей, на того же «о. Иоанна Соколова» или на братьев Москвитиных. Но, несмотря на пытки и издевательства, о. Иоанн никого не «потацил» за собой. В его следственном деле встречается единственная фамилия — его собственная.

1 июля 1950 года заключённого в замаскированном под хлебный фургон автозаке перевезли из внутренней Лубянской тюрьмы в Лефортово, где держали в камере-одиночке. Но и там была радость — в камеру отчётливо доносился звон близстоящего храма Святых Апостолов Петра и Павла. О том, как горячо молился он под этот звон, батюшка много лет спустя рассказал о. Михаилу Правдолюбову.

Время от времени в камеру подсаживали стукачей-«наседок», назойливо вызывавших батюшку на откровенные разговоры. Один из этих стукачей завёл даже «учёную» беседу на актуальную тему — только что, 20 июня, в свет вышла книга Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где был подвергнут уничтожающей критике давно покойный лингвист академик Н. Я. Марр. О. Иоанн в этой «дискуссии» стойко защищал взгляды Марра, несмотря на то, что такая позиция, доведённая до следователя, могла сильно ухудшить его положение.

4 июля — новый допрос. На этот раз батюшка довольно подробно

говорил о том, что привёл в храм много молодёжи, советовал девушкам и женщинам посвящать жизнь Богу, крестил молодых людей и в храме, и на дому, родителей, желающих воспитать детей в христианском духе, отговаривал отдавать детей в пионеры и комсомольцы и обличал падение нравов при советской власти. Но не нужно думать, что под воздействием пыток священник оговаривал сам себя. Рассказывал он чистую правду — всё вышеперечисленное действительно имело место, и следовательно об этом знал из показаний свидетелей. Никого не оговаривая и даже не упоминая, о. Иоанн просто «замыкал» следствие на себе самом, по-прежнему отказываясь признавать свои проповеди антисоветской агитацией.

Кстати, выдержки из этих проповедей сохранились в показаниях свидетелей, и именно благодаря им мы можем сегодня попробовать представить живой голос 40-летнего отца Иоанна, обращающегося к прихожанам:

— В древние времена христиане строили свою жизнь на любви друг к другу, к своим ближним, к Христу, а в настоящее время вся наша жизнь проходит в пороках. У нас повсюду обман, ложь и предательство. Люди без стыда и совести предают друг друга. Нет больше святой семьи. Мы видим нравственное падение женщин и девушек, которые ведут развратную жизнь. Молодёжь наша развращена. У нас поругано и обесчещено таинство брака и акт рождения детей. Мы видим повсюду пьянство и распущенность. Какое падение морали и нравов! И всё это потому, что сеется безбожие, что люди забыли Бога. Не обольщайтесь земными благами, не бойтесь жизненных испытаний. Будьте твёрдыми в вере, несмотря на то, что вам ставятся великие преграды.

Горькое и, увы, вполне справедливое обличение. Нравы в послевоенное время были действительно весьма свободными, и о. Иоанн видел тому множество примеров. Но в глазах следователя это была не проповедь, а «клевета на советскую действительность», достойная строгого наказания.

1 августа 1950 года — очная ставка. И на ней о. Иоанн увидел в следовательском кабинете... того самого священника храма Рождества Христова, который 20 апреля дал против него показания, заявив, что «Крестьянкин настроен антисоветски», «перед верующими выдаёт себя за «прозорливца» и «исцелителя», а потому верующие говорят о нём как о «святом». (Кстати, основой для такого утверждения, скорее всего, послужил реальный случай, когда в измайловский храм зашла некая орловская жительница, бывшая по делам в Москве, и радостно закричала на всю церковь: «Ой, да это же наш Иван Михайлович! Он святой, он

прозорливец!») О. Иоанн уже был знаком с этими показаниями, знал о том, что его предали. И, прямо направившись к священнику... искренне, от души обнял его, по-братски приветствуя троекратным лобызанием. Следовательно замер от изумления. Ничего не понимая, переглядывались конвоиры. А священник внезапно тяжело осел в объятиях о. Иоанна. Как оказалось, от потрясения он упал в глубокий обморок.

Уже многие годы спустя, когда люди спрашивали у него, как же можно было искренне приветствовать павшего брата, о. Иоанн с грустью произнёс:

— И священник-то он был хороший, и семьянин — кормилец чад своих... А ты-то знаешь ли, как поведёшь себя в подобной ситуации, если ещё и угрожать будут не тебе, а твоим детям?

О том, что о. Иоанн простил предавших его, свидетельствует его поведение уже лагерных времён. В лагере он получил письмо от прихожан измайловского храма, которые писали, что настоятель, донёсший на него в МГБ, — тот самый обладатель «победы» из обновленцев, — служил в пустой церкви, никто к нему даже не подходил. В ответ батюшка передал на волю записку, где просил своих чад посещать службы настоятеля и сообщал, что простил его.

...Шестичасовой допрос 3 августа был посвящён двум проповедям о. Иоанна — «О блудном сыне» (начало февраля) и «О прощёном воскресенье» (19 февраля). На допросе священник категорически отказался признать обе проповеди антисоветскими и терпеливо разъяснял следователю, какой именно смысл вкладывал в них. По-видимому, эти моменты были для о. Иоанна принципиально важны, так как он настаивал на своём толковании, невзирая на то, что предреши́нность приговора ему уже была давно понятна.

На том же допросе всплыло имя схимонахини Марии (Щедриной) — духовной дочери о. Александра Воскресенского, которая после его смерти перебралась на Первомайскую улицу в Измайлове и окормлялась у о. Иоанна. Снова вопросы об «антисоветских разговорах», которые священник якобы вёл с монахиней (причём в протоколе её упорно называют «Щерединой»; Щередина, Щедрина — велика ли разница?..). Кое-что следователь даже цитировал, что не оставляло сомнений — дом духовной дочери о. Иоанна прослушивался, «вели» его плотно, возможно, затем и дали это понять: всё равно не отвертишься, всё про тебя знаем...

7 августа следователь поинтересовался, есть ли у арестованного заявления либо ходатайства. Ответ был следующим:

— Заявлений у меня нет, я имею одно ходатайство, сводящееся лишь к

тому, что я не отрицаю и признаю, что совершил преступление, за которое должен нести определённую ответственность, однако я просил бы, чтобы мне была предоставлена возможность окончить четвёртый курс московской духовной академии, где я учусь, и просил бы разрешить проживать на это время при академии в общежитии, а затем, по окончании её, просил бы дать возможность мне выехать в Почаевский монастырь на постоянное жительство.

Разумеется, такой возможности ему не предоставили. 19 августа о. Иоанна перевели из Лефортова в Бутырскую тюрьму, где и содержали до этапа в одной камере с уголовными преступниками. Девятью днями раньше было составлено обвинительное заключение, вменявшее в вину Крестьянкину Ивану Михайловичу то, что он, «будучи враждебно настроенным к советскому строю, проводил антисоветскую агитацию. Клеветнически отзывался о государственном строе, обрабатывал советских граждан в рёв акционном направлении». 22 августа, когда он уже четыре дня как сидел в Бутырках, был утверждён приговор — семь лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) строгого режима. По меркам той эпохи срок относительно небольшой (по таким же обвинениям люди получали и по 15 лет, а лагерным «стандартом» начала 1950-х была «десятка», 10 лет), но и немалый. Осмыслить предстояло многое, и не раз во время прогулок в тюремном дворе с вышки по громкоговорителю грозно предупреждали:

— Заключённый номер 13431, гуляйте без задумчивости!

...Среди выписок, сделанных о. Иоанном из подвижников благочестия, есть одна, которая удивительным образом объясняет всё, что творилось на душе несправедливо осуждённого священника. Вот эта выписка:

«Несправедливости от Бога никогда не приходят, но попускаются они Богом во благо тому, на кого попускаются. Истинно во благо!

Это не простая фраза, а настоящее дело. Но тому, на кого падают, претерпеть их надо. Вот эта надобность терпеть и нас встретила. И извольте благодушно терпеть, что бы у вас там ни было. Того хочет от нас Бог для нашего блага.

Коль скоро так настроитесь, всем беспокойствам конец.

Теперь вы заботитесь о себе и все случайности хотите устроить и поворачивать по-своему. А как всё не клеится, то вы и мучаетесь: что-то не так, другое не этак. А когда всё предадите Господу и будете принимать как от Него исходящее и для вас благопотребное, то никакого беспокойства иметь не будете, а только будете посматривать кругом, чтобы увидеть, что посылает Господь, Богу угодить стараясь, а не по своему желанию удовлетворить напрягаясь. Вникните хорошо, о чём говорю, и положите

достигнуть такого настроения. Облекитесь верою и терпением.

Переменится и то, что вас тяготит. Настанут дни, когда свободно будете дышать».

Это цитата из святителя Феофана Затворника, земляка о. Иоанна и его любимого духовного автора (святитель Феофан родился в Орловской губернии и окончил Орловскую духовную семинарию). И в другом месте, уже своими словами: «Помышлял ли я о таком проявлении воли Божией? Конечно нет. Но по опыту скажу, что чем скорее мы сердцем примем Богом данное, тем легче будет нести благое иго Божие и бремя его лёгкое. Тяжёлым оно становится от нашего противления внутреннему».

Именно так, как к тяжкому, но необходимому кресту относился батюшка к постигшей его беде, старался из всего извлечь урок смирения, понимания, любви. Яркий пример — он до конца своих дней молитвенно поминал своего следователя Жулидова. Когда 18 декабря 2004 года у о. Иоанна спросили о том, помнит ли он ломавшего ему пальцы капитана МГБ, он с улыбкой отозвался:

— Хороший был человек, хороший, да жив ли он? — И тут же ответил сам себе: — Жив, жив, но очень уж старенький.

А на вопрос, хотел бы батюшка с ним встретиться сейчас, поспешно ответил:

— Нет, нет, Боже упаси. А вот альбом-то «Встреча со старцем» — бывшим его пациентом я бы ему послал в напоминание о делах давно минувших дней и о том, что я-то вот всё ещё жив милостью Божией.

Что увидел о. Иоанн в следователе, который калечил ему плоть и пытался искалечить дух? Узнал ли в нём простую, хотя и изувеченную безбожием и злобой душу, заключённую в оболочку кителя? Прозрел ли искреннее покаяние, накрывшее человека с головой, когда он оглянулся на свою жизнь — и ужаснулся ей?.. Неизвестно. Но случай с Жулидовым, которого о. Иоанн действительно молитвенно поминал до смерти, как никогда ярко свидетельствует о том, что батюшка по опыту знал смысл заповеди: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5: 43—45).

В «Опыте построения исповеди» о. Иоанна об этом сказано так: «Ваш ближний пал! Но знаете ли вы его историю? Знаете ли вы, какие заблуждения окружали его, какие обольщения обуревали, какие искушения застилали ему свет, загромождали ему путь? Знаете ли вы, что в роковой

час падения ему не доставало братской руки, могущей его поддержать и спасти, и эта рука могла быть вашей?

Ваш ближний пал!.. Но знал ли он то, что знаете вы? Было ли у него прошлое, полное благословений и чистых влияний, могущее его предохранить? Изведал ли он, подобно вам, от своей колыбели молитвы, слёзы, предостережения матери-христианки? Было ли ему открыто Евангелие с самого начала? Видел ли он на своём пути Крест, простиравший к нему надежду спасения? Слышал ли он многочисленные предостережения, в которых никогда не нуждались вы?

Итак, в глазах Бога, взвешивающего всё на Своих весах, кто из вас виновнее? Кому Он дал больше талантов? К кому Он будет требовательнее?

Вот, братие, первое впечатление от падения одного из наших ближних: оно должно явиться скорбным обращением к самому себе, искренним смирением перед Богом. Первое побуждение влечёт другое: это действительное и глубокое сострадание к тому, кого постигло зло».

Действительное и глубокое сострадание о. Иоанн испытывал и к другим насельникам камеры в Бутырской тюрьме — уголовным преступникам. А те относились к священнослужителям по-разному. Или люто ненавидели и жестоко измывались, или, наоборот, всячески почитали и ограждали от неприятностей. Батюшке, к счастью, выпал второй вариант. Но как «выпал»?.. В жизни ничего никуда не «выпадает». Это был Промысл Божий, который вёл о. Иоанна вперёд, к изначально предназначенной ему участи. По чистоте и возвышенности своего сердца он видел в уголовниках не столько жестокою безбожную шпану, сколько тех самых павших ближних, кому не хватило в своё время дружеской руки и молитв матери. И даже самые отпетые, видимо, почувствовали такое к себе отношение.

...8 октября 1950 года эшелон с заключёнными повёз о. Иоанна с Ярославского вокзала Москвы на север, в Архангельскую область — в Каргопольлаг. Это была настоящая лагерная «страна», основанная в августе 1937-го и состоявшая из множества ОЛПов (отдельных лагерных пунктов), словно нанизанных на ветки железнодорожных линий, по которым в Архангельск текли потоки вырубленной заключёнными древесины. Каргопольлаг заготавливал все её разновидности — строительный лес, пиловочник, шпальник, рудничную стойку, пропс, баланс, дрова. При каждом ОЛПе — два-три лагерных пункта по две-две с половиной тысячи человек. «Столицей» Каргопольлага был посёлок Ерцево, а его общее «население» на январь 1950-го составляло 20 237 заключённых. Царём и богом этого «государства» ещё с довоенной поры был полковник МГБ

Максим Васильевич Коробицын. Одновременно с о. Иоанном в Каргопольлаге отбывали заключение в будущем знаменитые философ Григорий Померанц, филолог Елеазар Мелетинский и историк Исаак Филынтинский и уже имевший статус знаменитости драматург Александр Гладков.

Сейчас, десятилетия спустя, территория бывшего Каргопольлага почти мертва. Посёлки и деревни, входившие в его структуру, заброшены, на месте лесов — болота, железная дорога разобрана, действует только 18-километровый участок до Мостовины, где находится колония-поселение КП-23. Разве что рыбаки по бывшему железнодорожному полотну ездят на озеро Боже. Да ещё в Ерцеве действует исправительная колония строгого режима ИК-28. Но семьдесят лет назад на всём 130-километровом пространстве от Ерцева до Южного кипела жизнь, хотя и весьма своеобразная.

Путешествие началось с того, что в набитом до отказа купе тюремного вагона (в нём ехали, как правило, человек десять-пятнадцать) кто-то украл у батюшки очки в блестящей оправе. Для близорукого человека отсутствие очков — катастрофа. Но о. Иоанн и это перенёс со свойственной ему стойкостью. Мир вокруг был подернут размытым туманом, но в этом тумане скрылись мерзости, которые, может быть, душа переносила бы с трудом. Кормили в поездке своеобразно: то селёдка без воды, то вода без селёдки. Так прошли шесть дней.

С 14 октября по 3 ноября 1950-го о. Иоанна с другими новоприбывшими содержали в Ерцеве. Оттуда он даже успел отправить близким письмо в день пятилетия своей хиротонии: «Я по милости Божией жив и здоров. Памятный для меня день провёл в духовной радости и мысленно-молитвенном общении со всеми вами. Слава Творцу за все Его благодеяния к нам недостойным!» 3 ноября заключённого на два дня отправили в ОЛП № 5 (посёлок Волокит), затем на месяц — в ОЛП № 9 (посёлок Чужга). И лишь 3 декабря определилось его постоянное место пребывания в лагере. Это был ОЛП № 16 в посёлке Чёрный.

Сам посёлок представлял собой две перпендикулярно пересекающиеся улицы, на которых стояли шесть четырёхквартирных домов, два барака, казарма, столовая и клуб. Не считая взвода охраны, в посёлке жили всего около семидесяти человек. Самому батюшке это место запомнилось как Чёрная Речка, так он и называл его всегда. Речка в посёлке действительно была, звалась она Лаповка — приток Ваеньги, которая, в свою очередь, является притоком Северной Двины. С Лаповкой был связан яркий эпизод в биографии о. Иоанна:

«Мост через бурлящий глубоко внизу поток был редко настлан шпалами, на которые narосли гребни льда. Очевидно, по этому настилу частенько проходили пополнения новых насельников. Конвой с собаками шёл по трапу рядом с этим зловещим мостом. Заключённые, уставшие от долгого пути, с котомками за плечами прыгали по шпалам. Двое шедших впереди до меня сорвались на глазах у всех, но это не обеспокоило охрану. Это были плановые убытки. Река принимала жертвы в свои ледяные объятия. Я прощался с жизнью. Зажмурив и без того невидящие глаза (очков-то не было), позвал на помощь святителя Николая, он уже не раз спасал меня. "Господи, благослови!" И оказался на другом конце настила на твёрдой земле. Сердце приникло к защитнику. Он, только он перенёс меня, даруя жизнь».

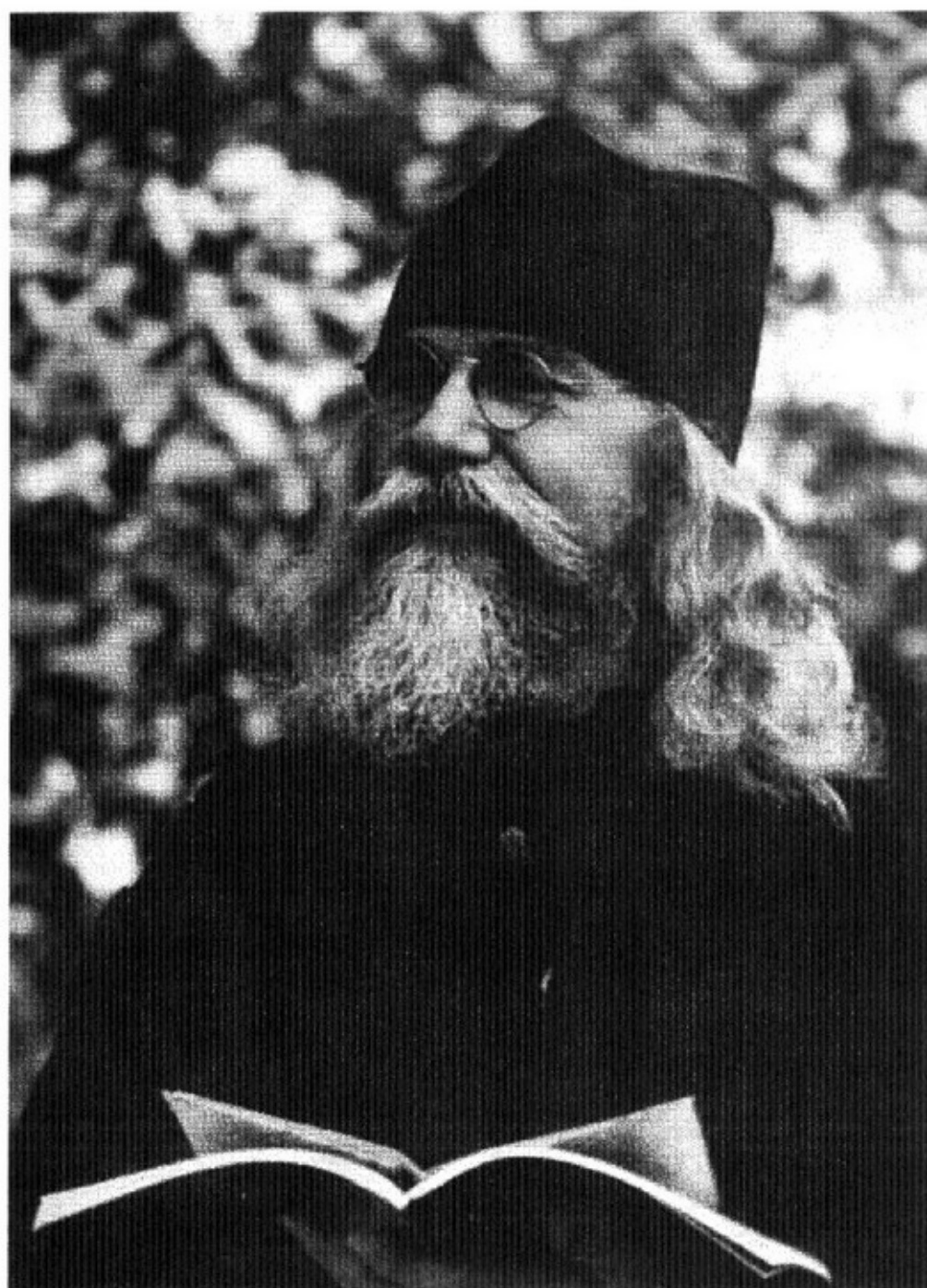
Наконец, дошли, построились. И не успели отдышаться, как ожил прикрученный к столбу репродуктор. Из него донеслись всего лишь три фразы, но все они касались именно о. Иоанна:

— Внимание! В этапе есть священник. К его волосам — не прикасаться!

Снова изумлённые вопросы: как? Почему именно он?.. Но, так или иначе, уже второй раз за время заключения по Божьей милости он избегал унижительной стрижки. Так и ходил весь срок — с пышной тёмной шевелюрой, где уже просверкивали ниточки седины.

Когда заключённых распределяли по командам и речь зашла о Крестьянкине, уголовники неожиданно дружно начали кричать: «Это наш батя, наш!» Но распределили «батю» всё-таки к политическим, к 58-й статье. Барак был рассчитан на триста человек. Внутри — трёхъярусные железные нары, «шконки», говоря по-тюремному. Большая печь с трубами, на которых сушатся портянки. Обилие блох. Первые знакомства, первые рассказы о себе и своём «деле»... Благодаря Александру Михайловичу Поламишеву (1923—2010), профессору ВГИКа, а в 1950-м — молодому заключённому Каргопольлага, у нас есть возможность «увидеть» первое появление о. Иоанна в бараке:

«Сижу как-то на нарах вечером после работы, вдруг конвой вводит человека: тоненький, тёмные кудри, бородка, прямо юноша лет 16, хотя ему было 40. Видно, батюшка. Вошёл, всем поклонился, поискал глазами красный угол, перекрестился, нашёл свободное место на нарах, сел. Я подошёл к нему, сел рядом, и от него такой душевный свет исходил, и я сразу привязался к нему и полюбил этого батюшку. Впрочем, к нему были расположены все: воры, убийцы, рецидивисты, интеллигенты. Открытый, отзывчивый, он очень располагал».

Св. Иоанн (Христьянин)

Орёл, улица Воскресенская (ныне Юрия Гагарина). Слева — храм Святого Илии Пророка, справа — собор Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия». *Фото начала XX в.*

Дом на Воскресенской улице, в котором в 1910 году родился Ваня Крестьянкин

Елизавета
Илларионовна
Крестьянкина —
мать о. Иоанна

Ваня Крестьянкин
в детстве

Орёл.
Храм Святого
Илии Пророка,
где крестили
Ваню
Крестьянкина
и где он был
пономарем.
Фото автора

Архиепископ
Орловский
и Севский Серафим
(Остроумов)
и епископ Елецкий
Николай
(Никольский).
*Фотография,
подаренная
15-летнему
Ивану Крестьянкину*

Афанасий Андреевич
Сайко

О. Георгий Коссов

Москва, Большой
Козихинский переулок.
Место, где находился
дом 26, в котором
Иван Крестьянкин жил
в 1932—1950 годах.
Фото А. В. Чистяковой

«На память мамочке
от любящего ее сына
Вани. Москва, 6.1.34.
Фотография —
мой повтор»

Москва. Храм
Рождества Христова
в Измайлове,
где о. Иоанн служил
в 1945—1950 годах.
Фото автора

О. Михаил
Преферансов

О. Иоанн Крестьянкин
в день рукоположения
во священника.
*Москва,
25 октября 1945 г.*

О. Александр Воскресенский
с сыном Юрием

О. Иоанн Крестьянкин,
Анатолий Мельников
(в будущем митрополит
Ленинградский
и Новгородский Антоний)
и Павел Голубцов (в будущем
архиепископ Казанский
и Марийский Сергей) —
соученики по Московской
Духовной академии.
Москва, июль 1949 г.

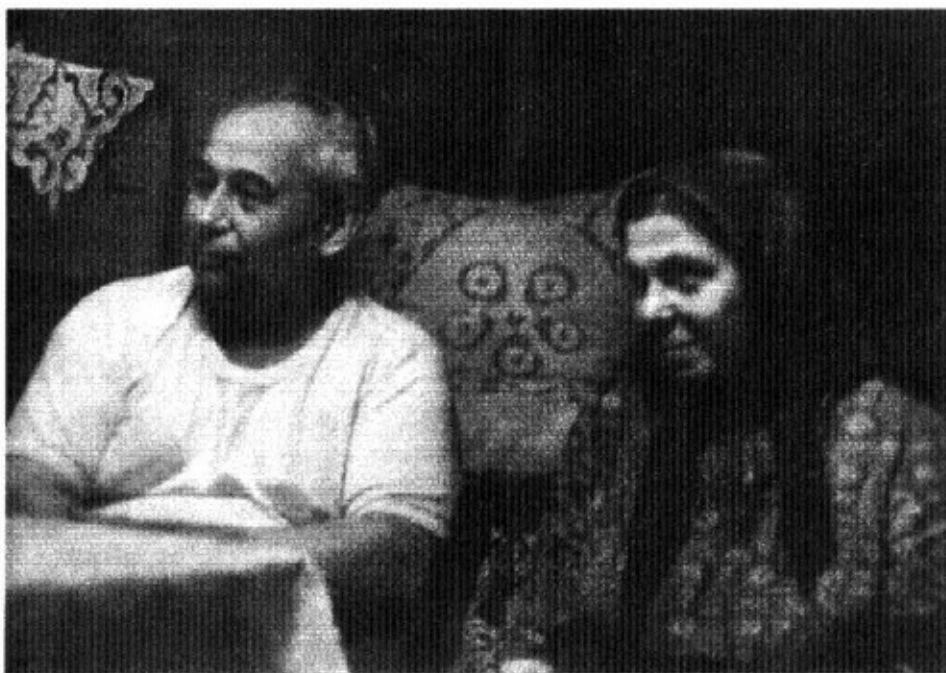
Иван Александрович Соколов

О. Сергей Орлов

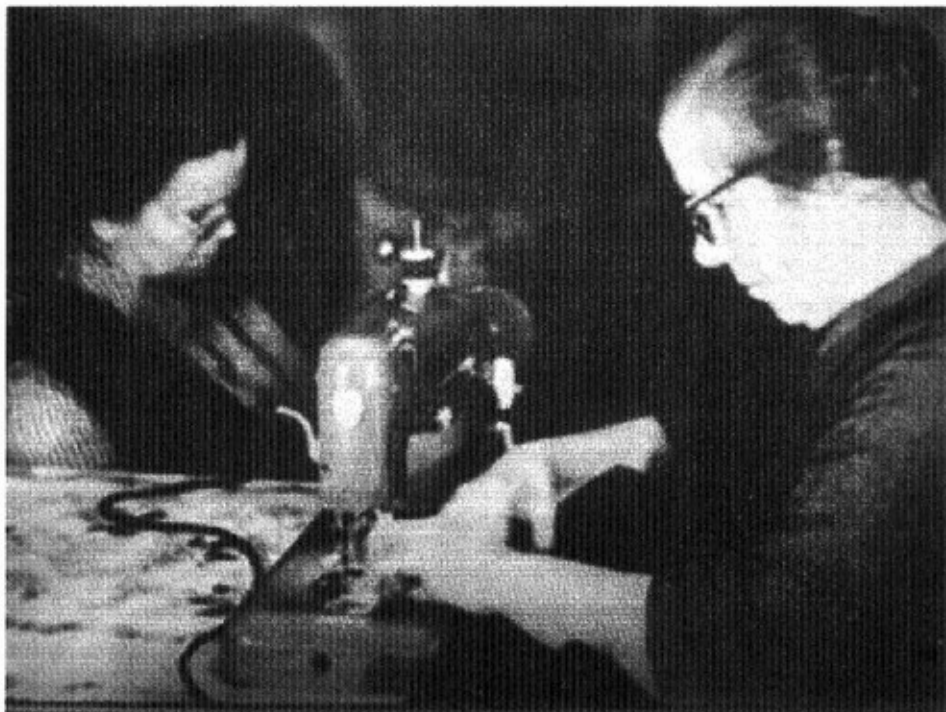
О. Иоанн Крестьянкин и о. Виктор Шиповальников.
Рязань, 1957 г.

Алексей Степанович и Пелагея Васильевна Козины

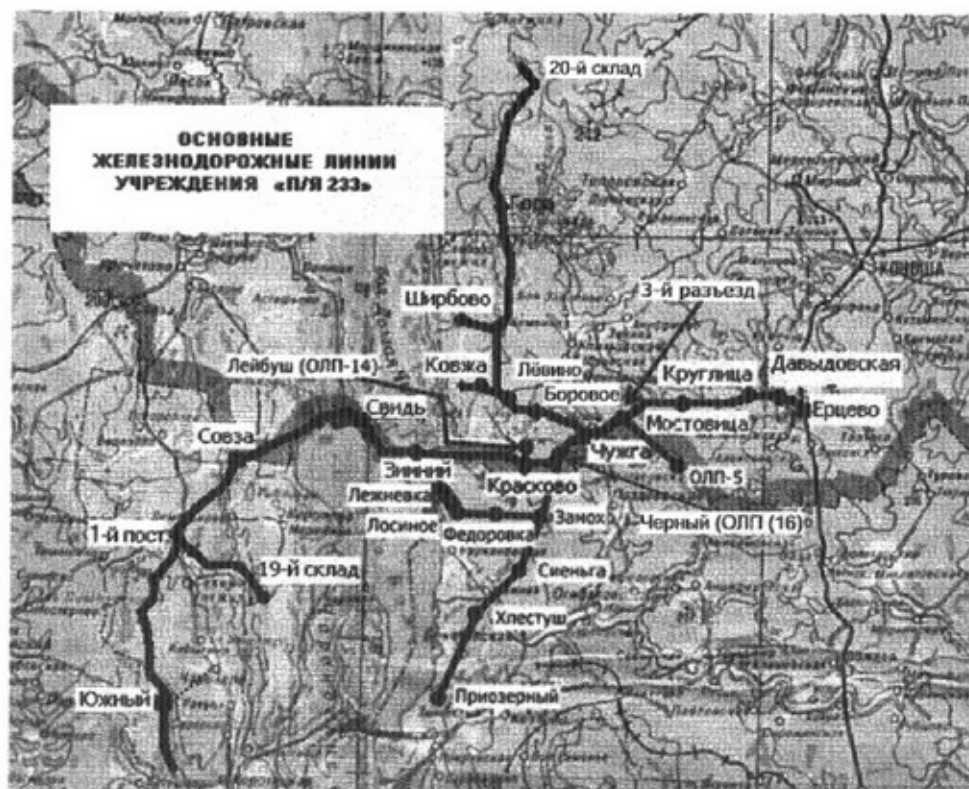
Галина Викторовна Черепанова (слева) и Матрона Георгиевна
Ветвицкая. Фото из семейного архива А. Б. и М. В. Ветвицких.
Публикуется впервые

О. Иоанн Крестьянкин. Фото из следственного дела. 1950 г.

Карта железнодорожных путей Каргопольлага.
Стрелкой отмечен отдельный лагерьный пункт № 16,
где в 1950—1953 годах находился в заключении о. Иоанн

О. Иоанн Крестьянкин в лагере.
Февраль 1953 г. Портрет
неизвестного художника

Митрополит Крутицкий
и Коломенский Николай
(Ярушевич)

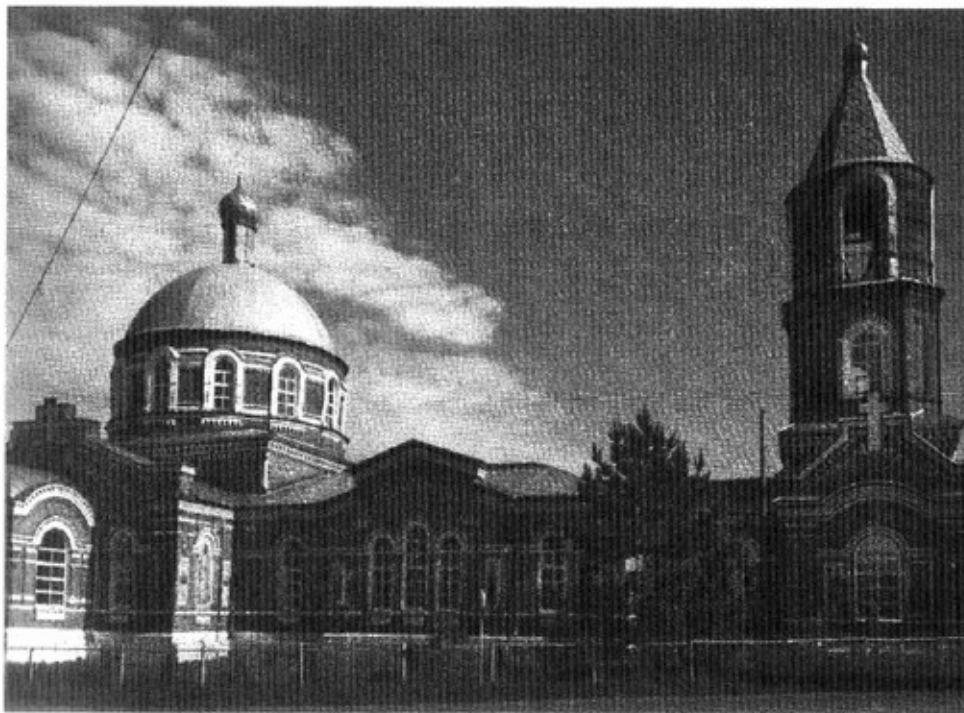
Псков. Свято-Троицкий кафедральный собор,
где о. Иоанн служил в 1955—1956 годах. Фото автора

О. Иоанн Крест'янкин и иеромонах Всеволод (Баталин)
в Свято-Троицком соборе. Псков, 1955 г.

Храм Живоначальной Троицы в селе Троица (Спасский район Рязанской области), где о. Иоанн служил в 1956—1959 годах. *Фото автора*

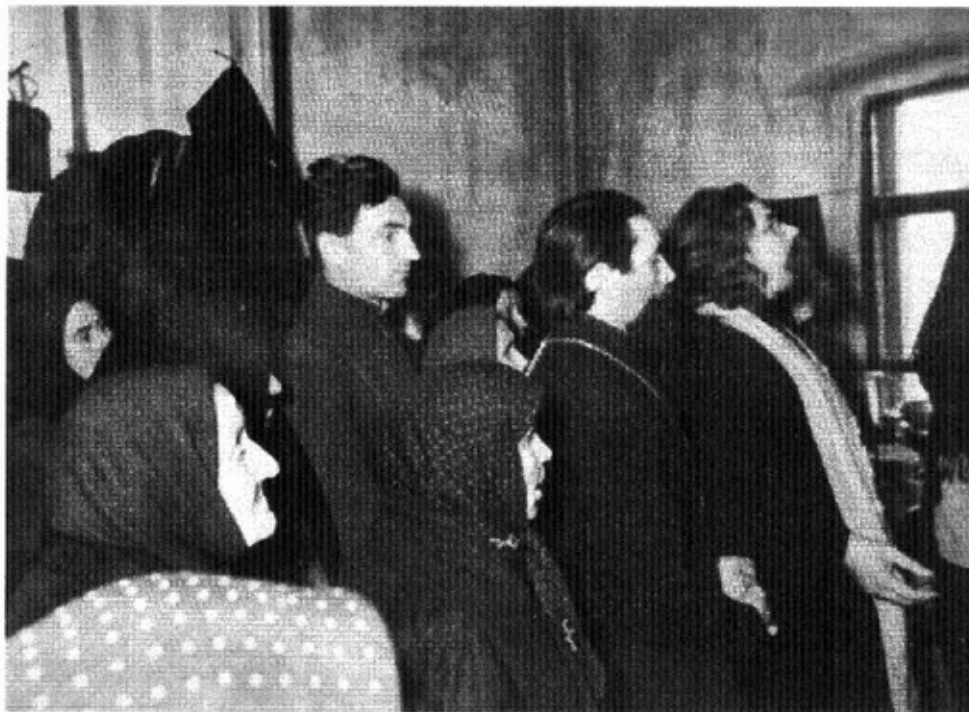

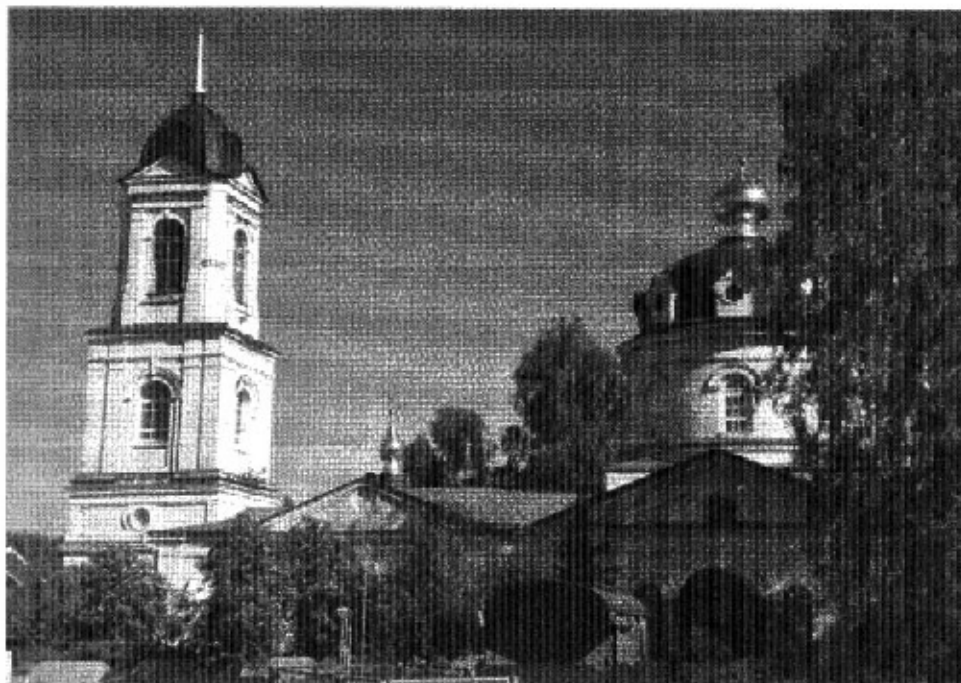
Игумен Дорофей (Смирнов).
 Фото конца 1950-х гг.
 Публикуется впервые

О. Иоанн Косов.
 Фото 1962—1965 гг.
 Публикуется впервые

О. Иоанн Крестьянкин (справа) и о. Иоанн Косов служат заупокойную
 литию в доме Селянских. Троица, 1959 г. Публикуется впервые

Храм Святых Космы и Дамиана в селе Лето́во (Рыбновский район Рязанской области), где о. Иоанн служил в 1959—1962 годах. *Фото автора*

О. Иоанн Смирнов (слева) и о. Иоанн Крестьянкин служат заупокойную литию на кладбище села Лето́во. 1960 г.

Храм Рождества Христова в селе Борец (Сараевский район Рязанской области), где о. Иоанн служил в 1962—1964 годах. Справа — дом, где жил о. Иоанн. *Фото начала 1960-х гг. из архива храма. Публикуется впервые*

Храм Рождества Христова в селе Борец. *Современный вид. Фото автора*

Храм Святителя Николая Чудотворца в селе Некрасовка
(Ермишский район Рязанской области),
где о. Иоанн служил в 1964—1966 годах. *Фото М. И. Кузнецова*

С Савелием Ямщиковым в Некрасовке. 1965 г.

Место для батюшки отвели на верхнем, почётном ярусе нар, где было теплее. А наутро — начало лагерной эпопеи, и наверняка даже страшно было представить, что вот *так*, в таком «послушании» пройдут следующие семь лет жизни.

Подъём в лагере в пять утра. Заключённых (лагерное сокращение «з/к», придуманное в конце 1920-х на Беломорско-Балтийском канале, уже было общераспространённым) строили на плацу и пересчитывали по «пятёркам». Стояли при этом в том, в чём спали, — тёплые вещи на ночь сдавались на «прожарку» от паразитов. После нудной процедуры проверки следовал завтрак — перловая каша с селёдочными головами и кусок ржаного хлеба. Перед завтраком давали кружку противного на вкус настоя от цинги. Затем выдавались наряды на работу, и колонну несколько километров вели пешком на лесоповал. Идти нужно было строго по маршруту — отклонишься немного в сторону, и конвой стреляет без предупреждения (а мог и спровоцировать з/к, чтобы нарочно вышел из строя: за пресечение попытки к бегству конвоиры получали отпуск). Началом рабочего дня считался час, когда заключённые приходили на место работы.

Работали бригадами по 25 человек, в каждой были два-три опытных лесоруба-инструктора. Каждая бригада получала участок, который определялся зарубкой, сделанной на дереве. На следующий день валили лес начиная с того места, где закончили работу накануне и, таким образом, вальщики либо приближались к лагерю, либо удалялись от него. Работа состояла из множества этапов. Если зима, то сначала нужно вытоптать вокруг деревьев снег, который часто лежал по грудь. Этим занимались инвалиды — однорукие или безрукие. Затем намеченные деревья начинали пилить — конечно, не механическими пилами (по-лагерному они назывались «балиндрами») и не бензопилами (до выпуска знаменитой «Дружбы» оставалось пять лет), а двуручными, попарно. Сначала делали подпил с той стороны, куда дереву предстояло падать, а затем — основной рез с другой стороны. Сваленные деревья нужно очистить от сучьев, распилить на брёвна, сложить в штабеля. И так 12 часов подряд, с перерывом на «обед» — так называлась порция ячневой каши на воде и дневная «пайка» хлеба, её размеры зависели от норм выработки — от 300 до 700 граммов.

Нормы выработки на лесоповале были непосильно высокими. Рассчитывал их бригадир — смотрел на толщину и длину брёвен и вычислял, сколько «кубиков» леса бригада свалила за день, при этом

учитывались глубина снега и порода дерева. От этого и зависело количество хлеба. Причём тому, кто не мог выполнить норму из-за истощения, пайку не добавляли, а уменьшали. Поскольку Каргопольлаг был на хозрасчёте, лесорубам платили деньги за вырубку, но всерьёз к тому, чтобы «ударничать» и таким образом заработать побольше, никто не относился.

Летом было полегче. Если делянка размещалась далеко от лагеря, в лесу устанавливали палатки для ночлега, можно было и подкормиться грибами-ягодами. Зато мешал жить гнус, от которого не спасали никакие сетки-накомарники. Бывала на севере и жара. «Пить из дорожной колёи да из ржавой консервной банки я не смог, а все пили, такая была жажда от жары и от голода», — вспоминал о. Иоанн лагерное лето.

Выходных заключённые не знали, исключений было два — 1 мая и 7 ноября. Привыкшие на воле к физическому труду и молодые выдерживали на лесоповале дольше, те, кто постарше и послабее, — два-три месяца. Первыми от непосильного труда, голода, холода и болезней погибали интеллигенты — врачи, писатели, артисты, учителя.

Возвращались, как и уходили, уже затемно. Вечером валящихся с ног от усталости лесорубов опять пересчитывали. В 23 часа звучала команда «Отбой». А в пять утра снова подъём, и так — год за годом...

Конечно, определи бригадир о. Иоанна в пильщики, и его похоронили бы уже в конце 1950-го. Но его поставили на лёгкую, с лагерной точки зрения, работу. Когда срубленное дерево падает, ему нужно задать верное направление, чтобы оно не рухнуло на самих лесорубов или окружающих. Вот этим батюшка и занимался. Обязанности его только внешне казались лёгкими. Попробуй в одиночку задать направление столетней ели, чей ствол обхватом в три тебя!.. Ошибёшься — покалечишь, а то и убьёшь кого.

Но опыт на лесоповале приобретается быстро. И вскоре о. Иоанн уже знал, что главное в процессе падения дерева — это направляющая щепка, недопил между основным резом и подпиллом. Допиливать щепу до конца нельзя, иначе траектория падения дерева будет непредсказуемой. А вот если оставить примерно пять"сантиметров, ствол относительно легко пойдёт в нужном направлении. Если в дереве есть незамеченное дупло, оно при падении трескается и распадается на большие щепки, от которых запросто можно погибнуть. Знал вальщик стволов и то, что в любой момент кто-то из з/к может нарочно шагнуть под падающий ствол — чтобы свести счёты с опостылевшей жизнью или покалечить себя и хоть немного «отдохнуть» в лагерной «больничке». За этим тоже нужен был глаз да глаз.

«Лагерники подпиливают, — вспоминал батюшка, — а в мою задачу

входило повиснуть на дереве и повалить его в нужном направлении. И вот я висну на нём да молитву дею. Со стороны кричат: "Давай, батя, давай!" — а дерево ни с места. Вот такая была школа молитвы».

Интересно, что даже в этой тяжелейшей работе (лесоповал заслуженно считался лагерным «жупелом») можно было при желании найти свои плюсы. Об этом вспоминала заключённая Е. Н. Фёдорова, сама прошедшая валку леса: «Масса работ есть тяжелее и нуднее лесоповала. Та же корчёвка пней, или земляные работы, да даже и полевые — утомительные своим однообразием.

На самом деле если бригада дружная, если пилы и топоры острые, если деревья толстые — из каждого больше кубометра древесины выходит — и если люди не истощены до крайности, лесоповал вовсе не самая страшная и тяжёлая работа.

Лесоповал — работа, на которой вполне можно сделать норму и даже больше, а главное — это работа разнообразная и по-своему даже интересная. Во всяком случае, не чисто механическая — в ней участвует и голова.

Надо сообразить, с какой стороны выгодней подрубить сосну, сколько её надо пропиливать, чтобы не соскочила с комля и не перебила бы людей, падая не на ту сторону, на какую надо. Решить, где упереться баграми, чтобы лучше расшатать и повалить подпиленное дерево. Кроме того, надо определить, на какую древесину пойдёт ствол — на «баланы» или на деловую древесину, ведь десятник не всегда под рукой. Надо разметить и начать пилить так, чтобы не застряла и не сломалась пила. Надо также суметь раскопать вчерашний костёр, занесённый снегом, и раздуть тлеющий уголёк. Надо заставить гореть огромные сырые заснеженные ветви».

Но так или иначе, сил после рабочего дня оставалось ровно настолько, чтобы кое-как дотащиться до барака и рухнуть без сознания на нары. И первое время о. Иоанну казалось, что дни его сочтены — он не выдержит режима, просто упадёт как-нибудь в снег на делянке, как падали люди десятками и сотнями — от постоянного голода и недосыпа...

Кроме непосильного графика, невыносимо тяжёлым был и сам лагерный быт. Грязь, скученность, голод, холод, отсутствие нормальной одежды. Старенький подрясник скоро пришёл в негодность, пришлось переодеться в чёрную арестантскую робу. С обувью тоже было худо: из старых автомобильных покрышек вырезали по ноге резину, под неё накручивали портянки — вот и готово. Неимоверно тяжело было слышать постоянную, тупую, утомительную матерщину, которая лезла отовсюду. И,

конечно, страшно было становиться свидетелем воровских поножовщин, вспыхивавших там и сям по любому поводу. О. Иоанн с содроганием вспоминал один такой эпизод: «Несут его, он уже мёртвый, а лес рук тянется ещё и ещё вонзить нож, чтобы утолить разбушевавшуюся в душе стихию зла».

Но именно в такой страшной обстановке открылись ему истины, которые были непостижимы на воле. У него была вера, были молитвы. И именно там, на дне человеческой жизни, он впервые по-настоящему осознал, какую силу несут в себе вроде бы бесхитростные, написанные много веков назад слова, как могут они выстраивать то, что, казалось бы, безнадёжно разрушено... Батюшка вспоминал, как в беседах с о. Сергием Орловым, друзьями по академии пытался понять — возможно ли постичь блаженство монашеского служения в миру, когда нет ни путеводителя, ни спутников, а вокруг множество соблазнов? «И теперь Господь ответил на этот вопрос: ”Да, да, возможно! Иди за Мной, иди по водам житейского моря дерзновением веры, держась крепко за ризу Мою“.

Господь потребовал, чтобы я отринул в себе всякое представление о монашеском пути по примеру уже прошедших им. И принял путь, начертанный Его Божественным перстом.

И я преклонил главу, всем своим существом желая служить Единому Богу. И вместо молитвенного уединения в полумраке монашеской кельи, где трепетный огонёк лампы дыханием Божиим наполняет душу, я получил “затвор” в антихристианской среде, за колючей проволокой, в бараке на 300 человек. Именно эта обстановка открыла мне смысл духовного покровительства святого Иоанна Пустынника, данного мне при крещении. Ещё в юности я пытался понять сродство этого союза, но жизнь хранила от меня это в тайне. Только теперь всё стало понятно. И лагерь для меня — “египетская пустыня”, а душа должна стать глубоким кладёзем, куда не могли бы проникать волнения, тьма и злоба безбожного мира. Там, на глубине, всё свято и мирно, светло и молитвенно.

Там — Бог! И чем страшнее бушевало житейское море на поверхности, тем ощутимее была близость Божия и Его дыхание на глубине. Сила Божия надёжно ограждала мою немощь».

Батюшка не раз и не два свидетельствовал — таких горячих и чистых молитв, как в лагере, он не творил больше никогда. Молился и на лесоповале, и в заброшенном бараке, и просто накрывшись с головой одеялом, чтобы не слышать окружающего людского гула. Одному из братий Псково-Печерского монастыря о. Иоанн рассказывал: «Вот, помню, в лагере: забежишь в сарай, поднимешь голову — и молитву льёшь и льёшь...

Сейчас такой молитвы у меня нет». А ещё говорил:

— Это были самые счастливые годы моей жизни, потому что Бог был рядом! Почему-то не помню ничего плохого. Только помню: небо отверсто и Ангелы поют в небесах!

Сила веры священника была настолько явственной, что люди потянулись к нему, словно бабочки к свету — и верующие, и неверующие. Ему помогали прятать во время «шмонов» Евангелие, просили окрестить. А. М. Поламишев вспоминал: «В лагере батюшка своим теплом и любовью перевернул моё сознание, и я стал вместе с ним молиться. Мы молились на нарах, на улице. Утром по солнцу определяли, где восток, и молились на восток». Исповедовались у о. Иоанна во время прогулок. За углом барака, чтобы не видела охрана, он быстро накрывал человека полкой своей арестантской робы и читал разрешительную молитву.

Свидетельств, описывающих быт о. Иоанна в первый год заключения, почти не осталось. Одно из немногих — воспоминания журналиста Б. А. Дьякова «Повесть о пережитом», вышедшие в издательстве «Советская Россия» в 1966 году (журнальная версия — в № 7 «Октября» за 1964-й). Это была одна из «последних ласточек» оттепели — книг, посвящённых жертвам репрессий; после этого на двадцать лет эта тема была изгнана из литературы и журналистики. На страницах «Повести о пережитом» имя о. Иоанна встречается несколько раз (фамилия слегка изменена — Крестьянинов), и, по-видимому, это первое упоминание о нём в советской печати вообще.

«Рядом двигались с досками Рошонок и Крестьянинов. У Рошонка под очками — ко всему безразличные глаза. Видимо, приготовился так жить все десять лет. А Крестьянинов ещё больше вытянулся, чёрные усы, борода и лицо — как у Иисуса. Нёс доску, словно крест для распятия. Шептал молитву...»

«Священник Крестьянинов получил десять лет за проповедь, в которой призывал верующих повышать нравственность, и тем самым якобы утверждал безнравственность советских людей...»

«Нарядчик переписал “спецов”. Прошёлся по бараку. Вскинул глаза на Крестьянинова.

— Ты, отец святой, тоже поедешь медведям обедню служить!»

Другое свидетельство оставил союзник о. Иоанна, о. протоиерей Вениамин Сиротинский: «В леденящие до самой глубины морозы святили мы тайно с ним на Крещение воду, а потом этой водой и молитвой успешно лечили заключённых. Однажды дошёл слух, что у начальника лагеря смертельно заболела дочка. Врачи предсказывали скорую смерть и заявили,

что ничего нельзя сделать для выживания. В отчаянии начальник послал за нами, мы попросили всех выйти, сокращённым чином окрестили ребёнка, дали выпить освящённой воды, помолились, и — чудо! — на другой день ребёнок был здоров... Дух Христов осиял душу отца Иоанна, потому в лагере он был утешением для многих отчаявшихся людей».

Стал о. Вениамин Сиротинский и свидетелем сцены, которая говорит о том, как тяжело было о. Иоанну: «Однажды в порыве нечеловеческой усталости и изнеможения отец Иоанн упал на снег и взмолился: “Матерь Божия! Возьми меня! Не могу больше!” И вдруг явилась ему Матерь Божия и сказала: “Нет, ты ещё людям будешь нужен”». Об этом о. Вениамин вспоминал в 1974 году.

Сохранились письма, которые батюшка посылал своим духовным чадам на волю. По лагерным правилам, в месяц можно было отправлять два письма и одну посылку, и неизменными адресатами о. Иоанна, кроме родной сестры Татьяны, стали Галина Черепанова и Матрона Ветвицкая. Арест о. Иоанна вызвал смятение в умах и душах тех, кто уже не мыслил своей жизни без него. Батюшка чувствовал это и пытался мягко сгладить горечь расставания, одновременно наставляя своих чад. «Не могу, мой дорогие, не поскорбеть о том, что все вы, дети мои, очень душевные, но ещё не совсем духовные, — писал он 6 декабря 1950 года. — А последнее совершенство, конечно, выше первого. Совершенствуйтесь!» Задача совершенствования была непростой, и ещё не раз о. Иоанну приходилось подробно разъяснять Галине Викторовне и Матроне Георгиевне правила жизни для Бога, давать советы и им, и другим верующим москвичам, которые не забывали своего духовного отца. И как же были счастливы они получить хотя бы краткий и зашифрованный (иначе было опасно) привет в письме, подписанном «Н/и И-н» — «Недостойный иерей Иоанн»: «Приветствую и благословляю Ел. Серг. с сестрой (пусть не унывает), Ан. Матв. (пусть бодрствует), Евг. Серг. с семьёй (благодарите за любовь и внимание), Лелю с семьёй (поздравьте Левочку с днём Ангела)»; «О Любе будем молиться Небесному Врачу душ и телес наших, чтобы Он облегчил её бол. страдания. Ел. Ант. благословляю на новое жительство в Москве <...> о. С. Ор-ву ещё передайте от меня отдельный земной поклон и глубокую сердечную благодарность за его искреннюю любовь ко мне, грешному. Приветствую всех-всех своих бывших сокурсников по Академии». А как светло, радостно звучало поздравление с Рождеством: «Христос родился! <...> Дорогие мои, семья моя, дети мои! Кто и что может отлучить нас от любви Христовой, кто и что может поколебать нашу любовь, рождённую во Христе!»

Такие поздравления, приветы, письменные благословения передавались в Москве из уст в уста, их ждали, на них надеялись. «Нам не было известно, в чём батюшку обвинили и сослали в лагерь, — вспоминала прихожанка измайловского храма Анастасия Иванникова. — Только уже после его ареста мы, молодые девушки, которые так любили батюшку, очень осторожно где-то встречались, передавали друг другу, где находится батюшка, как его самочувствие, и молились за него». Негласным местом встреч прежних «измайловцев» стал теперь Богоявленский собор в Елохове. Из конспирации о. Иоанна называли при этом не батюшкой, а дедушкой, друг другу тоже придумали прозвища — Настя-ткачиха, Вера-бегунок и т. п. А. Иванникова: «Встречались, общались, дружили по-прежнему, но очень боялись “стукачей”, доносов, слежки».

Особенно трогательно сегодня читать письма, которые о. Иоанн адресовал своим младшим друзьям — детям духовных чад. Так, Алексея Ветвицкого он благословил на продолжение учёбы в старших классах школы (тогда оно было платным), советовал вести «жестокую борьбу со своей ленью и легкомыслием, в плену у которых он, как юноша, сейчас находится, и тогда все его труды увенчаются победой». А одиннадцатилетнему сыну Ольги Воробьёвой Льву писал: «Радуюсь за проявленный тобой особый интерес к изучению литературы. Старайся больше изучать классиков. Читай только такие классические произведения, которые предназначены для детско-школьного возраста и могут служить духовной пищей как для твоего ума, так и для сердца. Уделяй должное внимание чтению душеполезной литературы. Постепенно приготавливай себя к поступлению в Духовную семинарию. <...> Все пробелы в своих знаниях по математике нужно немедленно ликвидировать, т. к. в старших классах будет ещё труднее одолевать её (алгебру, геометрию, тригонометрию). <...> Все языки — при их серьёзном изучении — требуют ежедневного (систематического) занятия по 1-2 часа, а не урывками <...> Прежде всего, надо каждый день упражняться в чтении, чтобы уметь правильно читать и произносить иностранные слова, а потом уже запоминать грамматические правила. Будешь стараться так делать, тогда все трудности останутся позади, и ты с помощью Божией окажешься победителем».

В том же письме батюшка давал мальчику и несколько главных советов: «Будь послушен во всём своим горячо любящим тебя родителям и всем старшим. Украшай себя кротостью и нежностью. Твоё поведение, как дома, так и в школе, всегда должно служить образцом для всех детей, а всех родных, близких и учителей радовать и утешать. Всех люби! Никого не осуждай! “Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром” (Рим. 12:

21). Чаще утешай мамочку своим пением. Береги своё здоровье, планомерно распределяй как часы своих учебных занятий, так и часы своего отдыха. Не ленись. “Лень — мать всех пороков”. Молись и трудись. Приобретение глубоких знаний всегда достигается упорным трудом. Будь строг и требователен к самому себе».

О себе «Н/и И-н» если и писал, то мельком. 6 декабря 1950-го, в преддверии Рождества Христова, он скромно просил прислать «лично для меня свечечки ёлочные с подсвечниками и ёлочный дождичек». 24 апреля 1951-го скупно описал, как отметил свой 41-й день рождения: «11 /IV с. г. я провёл, слава Богу, хорошо. Вспоминал в этот день всех своих родных и друзей и — мысленно — был среди них. <...> В данный момент я жив и здоров, и у меня всё по-прежнему обстоит благополучно, чего от души желаю всем, всем вам. <...> Для меня вполне достаточно будет того, если вы изредка будете иметь возможность присылать мне немножко сухариков, чая и сахара. Ничего другого присылать мне не надо».

А вот если дело касалось других людей, тут о. Иоанн проявлял и обстоятельность, и настойчивость, нагружая своих «жён-мироносиц» многочисленными заданиями. «Материал для туфель (две пары), краски для художника (по ранее посланному заказу) с указанием их стоимости; струны для гитары 10 комплектов (с указанием стоимости); лекарство — желудочный сок»; «Пришлите, пожалуйста, календулы и арники для полоскания горла и что-либо особое целебное от ревматизма и кашля, который при простуде многих мучает»; «а) крестики со шнурочками, б) иконочки мал. размера, в) богоявленскую Воду “агисма”, г) Евангелие мал. размера на русском языке»; «Купить ниток мулине для супруги начальника охраны, такой же добросердечной, как и он сам»; «Приготовить лекарственный состав для юноши, страдающего туберкулёзом, чтобы ему легче было перенести весенний период времени <...> не забудьте положить самую элементарную славянскую азбуку и краткий словарь, нужные одному филологу во временное пользование». Наверное, самой экзотической просьбой, которую высказал батюшка своим чадам, было раздобыть... жидкость для сведения татуировок. И Галина с Матроной, выполняя послушание, бегали по всей Москве в поисках словарика и ниток мулине, лекарств от туберкулёза и гитарных струн. Вскоре безотказностью о. Иоанна и добротой «мироносиц» начала пользоваться и лагерная администрация, «размещая заказы» на «бумаги писчей 3000 л., скрепок, кнопок, лент для пиш. машин 10, счётных линеек 5 шт., арифмометров». И женщины безропотно везли из Москвы в Ерцево эти ленты и арифмометры. Причём ехали на двух товарных поездах, в кабинах паровозных

машинистов, а потом ещё пересаживались на узкоколейку и добирались пешком — несколько километров, увязая по колено в снегу. В обмен они получали возможность хоть ненадолго увидеть любимого батюшку — через колючую проволоку, в присутствии конвоира. А батюшка извинялся: «Простите меня как неисправимого, но моя излишняя отзывчивость к просьбам и нуждам людей снова понуждает меня просить вас»...

Присылали «мироносицы» и продукты, которые батюшка неизменно делил на маленькие «паечки» и угощал ими всех желающих. Единственным исключением был случай, когда в посылке оказался свежий помидор. «Разделить его было невозможно, отдать целиком стало жалко», — честно признавался батюшка, вспоминая момент искушения. Наконец он решил съесть помидор один, лёг на нары, накрылся с головой одеялом, надкусил и... тут же поблизости раздался голос:

— Кто-то ест свежие помидоры!

«Для меня же исчез и аромат, и вкус. Давясь, я проглотил помидорину, чтобы скорее исчезло о ней всякое напоминание». Но память об этом случае не изгладилась, она продолжала жечь стыдом и много позже.

Весной 1951-го перед о. Иоанном замаячил было соблазн сильно сократить себе срок — желающих начали отбирать на лесосплав, где день шёл за два. Искушение было велико, но по размышлении батюшка всё же отказался. Как выяснилось, решение было единственно верным: все, кто согласился работать на лесосплаве, погибли от непосильного труда, утонули или покалечились. А у него тем временем от тяжёлого авитаминоза катастрофически ухудшалось зрение: «Пишу и читаю только с помощью лупы, т. к. никакими очками моя близорукость не корректируется. Но при всех моих скорбях я постоянно благодумствую и преизобилую духовной радостью, делясь ею со всеми ищущими её. За всё благодарю Господа, укрепляющего и утешающего меня, раба Своего». Он намеренно избегал в письмах горьких и тяжёлых подробностей, чтобы не пугать близких. И только в октябре 1951-го кратко проговорился: «Я во всём, кроме праведности, подобен Иову»...

К счастью, весной следующего года в его лагерной жизни наметились перемены. «В настоящее время я жив и здоров, но зрение моё очень слабое и отрицательно сказывается на общем состоянии моего слабого организма, — писал о. Иоанн 19 февраля 1952-го. — Имеется надежда на перемену рода моей работы в ближайшее время, которая должна будет облегчить напряжение моих больных глаз». И надежда не обманула — ровно через месяц, 19 марта, батюшку перевели с лесоповала в бухгалтерию, одновременно переселив в так называемый административный барак. Здесь

было неизмеримо легче — работа в помещении, за столом, при хорошем свете, в тепле. Да и обязанности бухгалтера хорошо знакомы.

Именно в это время о. Иоанна впервые увидел Владимир Рафаилович Кабо (1925—2009), на момент ареста — студент истфака МГУ, в прошлом фронтовик, а в будущем — видный советский и австралийский учёный-этнограф. В своих воспоминаниях «Дорога в Австралию» он так пишет о знакомстве с о. Иоанном:

«Познакомился я с ним весной 1951 года (на самом деле — 1952-го. — В. Б.), когда отца Иоанна сняли по состоянию здоровья с общих работ. Помню, как он шёл своей лёгкой стремительной походкой — не шёл, а летел — по деревянным мосткам в наш барак, в своей аккуратной чёрной куртке, застёгнутой на все пуговицы. У него были длинные чёрные волосы <...> была борода, и в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Особенно поразили меня его глаза — вдохновенные глаза духовидца. Он был чем-то похож на философа Владимира Соловьёва, каким мы знаем его по сохранившимся портретам. Иван Михайлович — так звали его в нашем лагерном быту, так звал его и я — поселился рядом со мной, на соседней “вагонке”. Мы быстро и прочно сблизились. Одно время даже ели вместе, что в лагере считается признаком взаимной симпатии. Когда он говорил с вами, его глаза, всё его лицо излучали любовь и доброту. И в том, что он говорил, были внимание и участие, могло прозвучать и отеческое наставление, скрашенное мягким юмором. Он любил шутку, и в его манерах было что-то от старого русского интеллигента. Много и подолгу беседовали. Его влияние на меня было очень велико. <...> Я встречал немало православных священников и мирян, но, кажется, ни в одном из них <...> не проявилась с такой полнотой и силой глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: “Бог есть любовь”. Любовь к Богу и к людям — вот что определяло всё его поведение, светилось в его глазах, вот о чём говорил он весь, летящий, устремлённый вперёд...»

Когда в 2007-м, незадолго до смерти, Владимир Кабо уже глубоким стариком прилетел из Австралии в Россию, он подтвердил, что «два человека всегда шли со мной рядом по моему жизненному пути — это моя мама и отец Иоанн Крестьянкин, хотя его я видел последний раз в 1976 году». А на вопрос, как относились лагерники к о. Иоанну, Владимир Рафаилович ответил:

— К нему все без исключения относились хорошо. Я не могу припомнить, чтобы было как-то иначе. Этот необыкновенный человек обладал способностью привлекать людей, возбуждать к себе любовь. И это потому, что он сам любил людей. В каждом человеке он стремился

разглядеть его духовную природу. Достоинство личности было для него высшей ценностью. Человека, способного принять и понести в себе Божественный свет, он видел и в закоренелом преступнике. Эту черту отца Иоанна я наблюдал много раз, видел, с какой открытостью, любовью он говорит с профессиональным вором, с человеком, несущим на себе тяжёлый груз прошлых преступлений.

Тогда же В. Р. Кабо рассказал историю, случившуюся с о. Иоанном в 1952-м. Лагерное начальство поручило ему, уже сотруднику бухгалтерии, раздать заключённым их мизерную зарплату. А чемодан с деньгами у батюшки «увели». Наказание было неотвратимым — новый срок в добавление к старому. Но когда о беде о. Иоанна узнал местный «пахан», чемодан мгновенно «нашёлся», причём из него не пропало ни копейки, а принёс его священнику сам «пахан», что было знаком особого уважения.

Другим человеком, на которого о. Иоанн оказал огромное влияние, был Всеволод Алексеевич Баталин (1903—1978). Уроженец сибирского Сургута, до ареста он был аспирантом Ленинградского института языкознания и одновременно школьным учителем. В декабре 1933-го его посадили на 10 лет по статье 58-10 — за то, что мимоходом назвал Троцкого хорошим оратором, — потом срок добавили. И вот теперь, в лагере, о. Иоанн так вдохновил немолодого уже ленинградского филолога своей верой и непреклонностью, что Всеволод дал себе обет — когда выйдет на свободу, посвятит жизнь Богу, и не где-нибудь, а в Псково-Печерском монастыре (рассказы о. Иоанна об этой обители ему особенно запомнились). Так оно и случилось, но об этом речь ещё впереди.

...После перевода в бухгалтерию у батюшки появилось время для чтения. Письма в Москву начинают наполняться просьбами о присылке книг: «Необходимо прислать два Евангелия (Новый Завет) малого размера, книгу о Христе — изложен, в письмах дочери (еврейки) со своим отцом, членом Синагедриона, Библию, такого образца, как у выпускников д. семинарии, напечатан, очень ярким чёрным шрифтом, в обмен на имеющуюся у меня, т. к. читать её мне очень-очень трудно, даже с лупой. Глаза тупеют. “Краткий курс Ц. истории” — Малицкий, “Чинопоследование Бож. Литургии” — Георгиевский А. Изд. М. П. 1951 г. Краткий толковник на книги Свящ. Писания В. и Н. Завета». Некоторые книги он оставлял у себя, а другие после прочтения возвращал в Москву в обмен на другие. «Уже несколько дней, как я люблюсь книгами, Вами присланными <...>, — благодарил он духовных чад. — Теперь радуюсь одновременно за книги, за что, что есть на белом свете хорошие люди и что ещё творятся чудеса, но жалею, что пришлось Вам много ходить и

трудиться, чтобы удовлетворить желания какого-то “буквоеда”. И это своего рода “дуализм”. Деньги не обязуют. С деньгами легко рассчитаться, и я надеюсь это сделать. Но я чувствую себя обязанным за ваше бескорыстие, отзывчивость и благодушие, которые обязуют, как каждый благородный поступок».

С переводом в бухгалтерию появилась и другая возможность — заняться выращиванием цветов. «Посаженные цветочки, хотя медленно, но растут — напрягая все свои силы, — радуется о. Иоанн в письме. — Надеемся, что и у нас они будут цвести во славу Божию и нам на утешение. Заниматься их разведением доставляет огромное удовольствие. Они нам о многом напоминают, а главным образом, о высочайшей премудрости их Творца и нашего общего Создателя». Засушенные им цветы о. Иоанн отправлял в Москву, духовным чадам. А когда была возможность, посылал и съедобные гостинцы — «баночку лесной брусники (пересып, песком) и маленький бидончик с вареньем из лесной малины. Всё приготовлено лично мною и послужит вам в утешение. Посылаемое прошу вас принять с любовью. Хоть оно и не очень высокосортное, но зато приготовлено с большим усердием и в условиях необычной жизни».

Зрение его между тем продолжало ухудшаться. К этому добавились ещё и нарастающие проблемы со слухом, и 12 сентября 1952-го о. Иоанн был освобождён и от бухгалтерской работы. Его перевели в дезинфекционную камеру — «прожаривать» одежду от паразитов. В конце осени батюшка так описывал своё новое жилище: «По милости Божией с 22 ноября я уже проживаю (вдвоём) в отдельной маленькой комнатке, расположенной при дезкамере, где я, как инвалид, помогаю своим посильным участием в повседневном труде: очистка снега на небольшом участке и различные другие мелкие, вполне посильные послушания. Жить в новом, довольно уютном уголке гораздо спокойнее и тише. Его мы постепенно привели в надлежащий порядок, после чего он начал напоминать нам собой монашескую скромную келью <...> Занавески, клеёнка, а главное, ёлочка должны придать нашему уголку ещё более праздничный вид».

В. Р. Кабо так описывал новое жилище о. Иоанна: «Я спустился по нескольким ступеням вниз в небольшую комнату, слабо освещённую через окно под самым потолком. Стены обшиты деревянными плахами, двухэтажные нары, столик, покрытый клеёнкой, тумбочка. Икон не помню, их скорее на стенах и не было, чтобы не волновать начальство. Необыкновенная чистота, порядок, уют. Надо сказать, что Иван Михайлович, в каких бы условиях ни находился, умел создать вокруг себя

особую атмосферу опрятности и “благолепия”. То, что я увидел, была настоящая подземная келья — явление в условиях советского концлагеря поразительное».

В этой «келье» о. Иоанну предстояло провести около года. Здесь он впервые в заключении причастился — Матрона Ветвицкая и Галина Черепанова привезли ему Святые Дары, вложенные в освящённый хлеб. Причём батюшка подробно разъяснил в письме, что сможет причаститься только с благословения «дорогого Дедушки» (так он называл митрополита Крутицкого и Коломенского Николая), так как «из-за необычной жизненно-бытовой обстановки, окружающей меня со всех сторон, в которой почти все люди, за исключением немногих отдельных лиц, позволяют себе беспрерывно курить табак, сквернословить и допускать многие другие виды невоздержания, я вынужден был, конечно, с глубокой скорбью питать свою душу только лишь агиасмой и артосом». И лишь после благословения владыки Николая он приобщился Святых Даров.

Огромную радость принесло Рождество 1952 года. О. Иоанн так писал об этом: «Спешу, другини мои, поделиться с вами и своею духовною радостью, которой меня удостоил Сам Господь. В этом году, впервые за всё время моего пребывания в изгнании, я имел возможность — хотя отчасти — встретить великий праздник Рождества Христова в более подобающей обстановке, которая возможна в условиях лагерной жизни. Своим духом и сердцем я, конечно, был в храме Божием и среди своих духовных детей, с которыми в продолжение пяти недавних лет я, недостойный, проводил в пламенной молитве эти святые незабываемые ночи.

В своём же небольшом, дарованном мне Богом уютном уголке я в Святую полночь стоял в коленопреклонённом состоянии на молитве к Господу за себя, многогрешного, за всех моих духовных чад, за всех заключённых (тружеников и мучеников) и за весь мир, значительная часть которого погружена в глубокий сон, позабыв Творца и Его святую волю.

По окончании молитвы я вышел во двор, и при нежном свете луны и мерцании множества звёзд, при полной ночной тишине, я — убогий изгнанник — призвал на всех Божие благословение, нас ради Рождашагося, и послал мысленное приветствие с Высокоторжественным Праздником, исшедшее из глубины моего сердца и быстро полетевшее в сердца всех любящих и помнящих меня, недостойного.

После этого была зажжена ёлка, и началась праздничная трапеза вдвоём. Мы были объаты невыразимым простыми словами духовным восторгом и праздничным ликованием.

В продолжение всего первого дня праздника я почти беспрерывно

принимаю приветствия от верующих и сам взаимно приветствую и утешаю их. Посылаю вам ещё поздравительных открыток, изготовленных художником по моей просьбе. Пусть порадуются дети Божии. Вам же, мои дети, посылаю веточку со своей прекрасной ёлочки».

...Март 1953-го принёс в жизнь страны огромные перемены — умер Сталин. В. Р. Кабо вспоминал: «Я встретил отца Иоанна около нашего барака, он, как всегда, не шёл, а словно летел, в его руках была газета. “Вот, смотрите, Сталин в гробу — мечта русского народа”. Услышав это, я подумал: кто-кто, а Иван Михайлович знает свой народ. И он не мог быть равнодушен к происходящему в мире, в своей стране, но дела земные он понимал в каком-то высшем смысле, смотрел на них в отношении к Богу и вечности».

Смерть Сталина породила в среде з/к вполне понятное волнение — ожидали амнистии. И действительно, вскоре начались досрочные освобождения. «Много-много людей с радостью и любовью, с напутственным Божиим благословением я проводил домой, — писал о. Иоанн в Москву. — А над оставшимися, в том числе и над мною недостойным, да будет воля Господня. Утешаю и ободряю всех своих односельчан».

«Жёны-мироносицы», разумеется, тоже волновались, предпринимали какие-то шаги, чтобы ускорить процесс освобождения батюшки. На это он терпеливо вразумлял их в письмах: «Напомню всем вам слова Священного Писания: “Многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека — от Господа” (Притч. 29: 26). Не от уст ли Всевышнего происходит бедствие и благополучие? “...Ибо не навек оставляет Господь. Но послал горе, и помилует по великой благодати Своей” (Плач 3: 31, 32). “Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа” (Плач 3: 26). Он даёт утомлённому силу и изнемогшему даёт крепость. Утомляются и ослабевают и юноши, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновляются в силе, поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся». Не унывайте, мои дорогие!»

В сентябре 1953-го переписка с о. Иоанном внезапно оборвалась. Галина Викторовна и Матрона Георгиевна успели порядком понервничать, когда от батюшки пришла весточка уже с другим обратным адресом: «Я здоров. Всё обстоит вполне благополучно. Только зрение моё несколько не улучшается: оно по-прежнему очень слабое. С 12 по 21 сентября я находился в пути следования на новое место жительства». Этим «новым местом жительства» для узника стал лагерь Гаврилова Поляна в Куйбышевской области. Отъезд из Ерцева был таким скорым, что о. Иоанн

не успел даже забрать из «кельи» свои книги, о чём очень горевал.

По прямой между 16-м ОЛПом и Гавриловой Поляной — чуть больше тысячи километров. Но лагерный эшелон тянулся через Москву, оттуда — на Сызрань, где этап прошёл через местную тюрьму, а уж оттуда пароходом по Волге до Куйбышева (так в 1935—1990 годах называлась Самара). В памяти о. Иоанна осталась такая сцена: «Помню, как вели нас, колонну арестантов в Куйбышеве, навстречу детишки маленькие. Ещё всех букв не выговаривают. А миловидная и юная воспитательница хорошо поставленным голосом повторяла детям бессмысленный для них урок политграмоты, говоря про нас: “Вот, детки, враги народа идут”, а они глазёнки таращат, и, подхватив за ней непонятные страшные слова, вразнобой и картавя, выкрикивали: “Вляги, вляги”, при этом ласково и приветливо улыбаясь проходящим мимо взрослым. Каковы теперь эти выросшие дети и их милая воспитательница? Вразумила ли их жизнь, доросли ли они до понимания, кто друг, кто враг, где истина, где ложь?»

Лагерь, куда этапировали батюшку, размещался на правом берегу Волги и имел необычную историю. До войны в селе Гаврилова Поляна возвели четырёхэтажное каменное здание в стиле модного тогда функционализма. Молва прочно увязала эту постройку с именем Сталина — мол, готовился то ли запасной командный пункт на случай войны, то ли личная дача вождя, то ли штаб округа ПВО. Последнее больше похоже на правду, так как в доме не было ничего особенно выдающегося — ни размаха, ни полёта архитектурной мысли. Но потом планы изменились, и в итоге в 1939-м четырёхэтажка превратилась в административный корпус лагеря, бараки которого выросли вокруг, словно ядовитые грибы. Кроме того, за колючей проволокой высились двухэтажный цех кожевыделки по изготовлению хромовой кожи, валяльный цех для производства валенок, швейный, где шили рукавицы для строителей ГЭС, прядильный, где изготавливали верёвки, и сетевязальный, где плели сети и корзины, мастерская для поделок из дерева и камней, делавшая, в частности, пресс-папье. Заключённые работали также на лесопилке, лесоповале, мощении дорог, обжиге извести, известковых и каменных карьерах.

У Гавриловой Поляны была одна особенность — все её з/к были тяжелобольными. Сюда со всей страны переводили тех, кто покалечился, вконец одряхлел либо просто находился при смерти от разнообразных хворей. В основном это были «политические», уголовников в лагере было мало. Задача восстановить здоровье заключённых перед охраной, понятно, не ставилась, поэтому Гаврилова Поляна по праву могла считаться одним из самых захудалых лагерей в царстве ГУЛАГа, лагерь-богадельней. О.

Иоанн попал туда тоже не просто так, а потому что в архангельском лагере заработал туберкулёз. Плюс к этому он считался ещё и инвалидом по зрению.

Каждый барак Поляны вмещал около двухсот человек. Внутри — двухъярусные нары, две бочки-печки и жуткая теснота: если в других лагерях нормой считалось два квадратных метра на человека, то в Поляне — метр, а то и 70 сантиметров. Спали на голых досках, соломенный матрас был счастьем. Клопов и вшей было столько, что не помогали четырёхдневные окуривания серой. Зимой на стенах выступал иней.

С едой тоже было худо. Отбывавший срок в Поляне И. И. Долгов писал своим близким: «Каша из “магарной” крупы. “Магар” растёт где-то на Дальнем Востоке, из стеблей его плетут метёлки. Эта каша не питательная, только желудок набиваешь... В супах и каше не видно было ни одной звёздочки масла. Баланда была всегда жидкая, если попадут стебельки крапивы, свёклы, то это было счастье. Бушлаты, телогрейки и стёганные брюки выдавали нам худые, а на складах их было много. В войну бараки не топили, а дрова увозили в Куйбышев для начальства. Сколько заключённые выращивали арбузов, помидоров и огурцов — всё увозили в Куйбышев. Как только ни обманывали “зэка”. Вследствие этого умирали от голода, холода и болезней. Умрёт один или тысяча заключённых, от этого никто из начальства не страдает».

А вот взгляд на лагерь, так сказать, с вышки — воспоминания местного жителя В. А. Ефимова, служившего в вооружённой охране Гавриловой Поляны в 1946—1949 годах: «Из политических здесь были и узбеки, и таджики, и афганцы, и молдаване. Смертность у заключённых была жуткая. Мой отец хоронил их у Каменного озера и вдоль дороги до села Подгоры. Штабелями на телеги складывали трупы. Не знаю точно, но тысячи две за три года умерло. В основном умирали от голода. Давали на каждого заключённого в день 500 граммов хлеба и баланду. Хлеб плохой, как глина. Нам, охранникам, и то хлеба не хватало — понятно, мы кормились за их счёт, так что некоторые заключённые получали по 200 граммов в день, а то и меньше. Нормы выработки были непосильными, большинство заключённых норму не вытягивали. Была в лагере и санчасть, но медики за заключёнными не смотрели, если только у последних не был туберкулёз».

Одновременно кое в чём Поляна была и какой-то извращённой, странной пародией на санаторий. Она находилась в живописнейшем месте — из лагеря открывался прекрасный вид на Волгу и Жигулёвские горы. Дорожки на территории были аккуратно вымощены камнем, перед

бараками устроены клумбы с цветами. Многие заключённые перемещались по лагерю свободно. Иногда для населения Гавриловой Поляны, которое пропускали со старшим от лагеря, давали концерты лагерной самодеятельности, ставили спектакли.

И хотя о. Иоанну было тяжело снова оказаться в смрадном галдящем бараке после своей «кельи» на 16-м ОЛПе, он воспринимал эту перемену как школу смирения и молитвы. «Место, куда мы прибыли вчера, по природным и климатическим условиям значительно лучше. Слава Богу за всё! Порядок посылки писем остаётся прежний. На волжском побережье установилась чудная погода: тёплая и солнечная. Русская золотая осень радует и ободряет всех. У меня всё благополучно. Радуюсь, благодушествую и за всё благодарю Господа», — писал батюшка 21 октября 1953 года. И в других письмах: «На Волгу люблюсь ежедневно, конечно, издали. Впечатление от всего окружающего могло бы быть гораздо больше, если не препятствовало бы этому моё крайне слабое зрение. Но ничего. Надо всегда всем быть довольным и за всё благодарить Бога, милующего и утешающего нас»; «Скорби, скорби! Когда же они кончатся или ослабнут? Но надо ли им кончатся? Не в них ли сокрыта тайна моего спасения? Опять пред взором спасительный Крест, и слышен голос: “Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмёт крест свой, и по Мне грядёт”. Да, всё при мне. Спаситель со мной! А скорби и страдания земной жизни, они до конца, они и свидетельствуют о правильном пути, о пути, начертанном Христом. Господи, благослови! Иду дальше!»

Как и в архангельском лагере, в Гавриловой Поляне о. Иоанн быстро снискал общую любовь и уважение. Он не был единственным священником в лагере — с ним отбывали сроки о. митрофорный протоиерей Павел Мицевич, о. Александр Бородий и иеромонах о. Паисий (Панов), два ксёндза-литовца, армянский священник, — но именно он стал «общим духовником», человеком, к которому в первую очередь обращались за советом и помощью.

В феврале 1954-го в Поляну прибыл ещё один заключённый — Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов (1915—1991), до 1946-го диакон-обновленец, получивший свою «десятку» за то, что в разговоре назвал Сталина «обер-бандитом». Несмотря на то что Левитин-Краснов искренне считал «сергианцев» мракобесами и черносотенцами, о. Иоанн даже этому изломанному сложному человеку пришёлся по душе. В мемуарах «Рук Твоих жар» Левитин-Краснов оставил выразительную зарисовку и самого лагеря, и о. Иоанна:

«Надо перебраться через Волгу, забраться на довольно высокую горку. Переехали мы туда в феврале. Река замёрзла. Перевозили нас через Волгу на грузовиках. Приехали. Своеобразное это место — Гаврилова Поляна. Место исключительно живописное, на возвышенности, вид на Волгу. Когда-то это было любимое место для пикников самарского губернского общества. Теперь здесь инвалидный лагерь... Огорожен забором с вышками. Деревянные бараки. Сюда посылают инвалидов абсолютно неработоспособных. Я попал сюда по своей старой каргопольской инвалидности <...> Две больницы; туберкулёзники, блатные; один так называемый полустационар, где обитали эпилептики, кретины, старики под восемьдесят лет. В бараках инвалидов — тоже старики, по 58-й статье, выражаясь по-лагерному “доходяги”. Лагерь заброшенный. Почти не кормят. Никаких удобств. Вскоре как лагерный медицинский работник я пристроился в туберкулёзный стационар. Потом оттуда вышибли. После этого стал заведовать “полустационаром”. Здесь много было религиозных людей — погрузился опять в духовную среду. Много колоритных типов. Прежде всего, духовенство. Наибольшей популярностью пользовался среди заключённых отец Иоанн Крестьянкин. Человек по натуре весёлый, добродушный, несказанно мягкий, всё мирское ему чуждо. Он священник и инок с головы до пят. Этого достаточно и для прихожан, и для властей. Для прихожан — чтоб в короткое время стать одним из самых популярных священников в Москве; ну а для властей этого тоже вполне достаточно, чтобы арестовать человека и законопатить его на много лет в лагерь. Если представить себе человека, абсолютно чуждого какой бы то ни было политики и даже не представляющего себе, что это такое, — то это будет отец Иоанн Крестьянкин. В 1950 году он действительно был арестован. Обвинения, которые ему предъявлялись, были смехотворны даже для того времени. Так, по народной молве, ему ставилось в вину, что он на отпуске поминал Александра Невского святым благоверным князем. (Видимо, по мнению следователя, надо было назвать его — “товарищем”). Это было квалифицировано как “монархическая пропаганда”. В лагере он возил на себе, впрягшись в санки, воду. Много молился. Всё лагерное население к нему сразу потянулось, для многих из них он стал тайным духовником. Начальство без конца его допекало и грозило тюрьмой. Приставили к нему специального наблюдателя — толстого здорового “придурка” из проворовавшихся хозяйственников. Запомнилась мне на всю жизнь почти символическая картина. Сидит на скамейке проворовавшийся хозяйственник, читает газету — он к тому же ещё культторг в бараке. А за его спиной по площадке, окаймлённой кустарником, бегают взад и вперёд

отец Иоанн. Только я понимаю, в чём дело. Это отец Иоанн совершает молитву. Он близорукий. Глаза большие, проникновенные, глубокие. Несколько раз, приходя в барак, заставал его спящим. Во сне лицо дивно спокойное, безмятежное. Как ребёнок. Не верится, что это взрослый мужчина. Несколько раз, якобы гуляя с ним по лагерю, у него исповедовался. Чистый, хороший человек».

Между тем духовные чада о. Иоанна на фоне общего «реабилитанса», начавшегося в стране после ареста и расстрела Берия, продолжали хлопотать об освобождении батюшки. В том же самом феврале 1954 года ходатайство о его освобождении начала в Орле Татьяна Михайловна Крестьянкина — и вскоре получила отказ. Матрона Ветвицкая и Галина Черепанова, рассказав в письме батюшке об инициативе его сестры, просили его самого подать заявление о помиловании, так как теперь такие заявления рассматривались довольно быстро и ответ вполне мог быть и положительным. На это он 26 февраля отвечал: «Хлопоты, предпринятые моей сестрой, я считаю излишними, а какое-либо добавление к ним со своей стороны — совсем ненужной затеей. Полагаю, что я не ошибаюсь. Вооружимся лучше ещё большим терпением, приносящим огромную пользу для каждого из нас, и несомненным упованием на нашего общего Ходатая и Утешителя. Да простит Он всех нас, а мы друг друга от всего своего сердца, и да увенчает полным успехом все наши надежды, возлагаемые нами на Него с истинной верою... Она научает нас приносить Богу жертву любви, всю жизнь и в радости, и в горе предавая Богу. Она научает нас принять и хранить Божии откровения, Божии обетования, страхом Божиим она оградит нас от потопа зла и нечестия, захлёстывающего мир. Вера станет нам спасительным ковчегом, где кормчим будет Сам Господь, который приведёт нас к вратам праведности. И исчезнет страх, с которым взираем мы в завтрашний день, ибо что такое он, этот завтрашний день, если верующему в Бога и живущему в Боге обещана вечность... Заранее и преждевременно не составляйте никаких планов или предположений на будущее время. Да будет на всё воля Господня! Ибо Им сказано: “...Кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею”. “Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего”. Время и сроки от нас сокрыты. Поэтому усердно прошу всех вас словами святого апостола Павла “подвизаться со мною в молитвах за меня (и моих братьев к Богу)”... “дабы мне в радости, если Богу угодно, прийти к вам и успокоиться с вами”. “Буди, Господи, буди”».

Любящие о. Иоанна женщины, душой понимая Божескую правоту его

слов, всё же продолжали добиваться человеческой правды. Они решили навестить Ивана Александровича Соколова и попросить у него благословения на дальнейшие хлопоты. Но за чаем Соколов объяснил, что писать никуда не нужно, и по обыкновению не вполне внятно добавил:

— Просите верховную верхушку. В неявности придёт.

«Ушли мы от него расстроенные, больше обращаться было не к кому», — вспоминала Галина Черепанова. Под «верховой верхушкой» поняли верховную власть, но писать на имя Ворошилова, Маленкова или Хрущёва тогда не решились.

А 14 марта неожиданно пришло из Орла известие о смерти Татьяны Михайловны Крестьянкиной. Будто предчувствуя свою кончину, она испрашивала для брата освобождение... О. Иоанну передали, что перед смертью сестра говорила: «Солнышко, солнышко, кругом солнышко...» Был Татьяне 51 год. «Весть о кончине милой Танечки меня ещё раз убедила в том, что Господь знает нужду каждого из нас прежде нашего прошения, — писал о. Иоанн. — Ибо, посетив меня, находившегося в необычных условиях жизни, очередной скорбью, одновременно тотчас же и утешил меня тем, что все мои сердечные желания Он вложил в сердца тех, кто с любовью, абсолютно добровольно, исполнили всё то, что должен был сделать я, провожая свою любимую сестричку в последний путь». Той же весной в жизнь о. Иоанна вошла ещё одна потеря — на 16-м ОЛПе была жестоко убита уголовниками жена начальника режима, многодетная мать, верующая женщина, работавшая в бухгалтерии и прекрасно относившаяся к заключённым. «Её кончина не была мирной и безболезненной, — писал батюшка. — Но Господь, чадолюбивый Отец наш, зная все извилины её бессмертной души, светлой и доброй, соизволил допустить такую мучительную кончину, которой убелились и украсились её одежды, восполнились пробелы её внутренней духовной жизни, дабы соделать её достойной наследницей Своего Небесного Царства».

...7 февраля 1955 года заседавшая в Москве Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления во главе с Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, рассмотрев дело Крестьянкина Ивана Михайловича, постановила оставить его без изменения. То есть даже «вегетарианское» правосудие хрущёвских времён сочло приписанную ему вину вполне обоснованной и доказанной!.. А вот дальнейший поворот событий был, если судить человеческими мерками, абсолютно нелогичен и даже абсурден — уже 15 февраля, в день Сретения Господня, о. Иоанн был... освобождён из заключения. То есть 7 февраля постановили не выпускать, а 15-го выпустили!.. Причём сюрпризом для

батюшки эта новость не стала: накануне к нему явился во сне преподобный Серафим Саровский и произнёс два слова — «Будешь свободен».

На самом же деле это была классическая ситуация из разряда «левая рука не ведает, что Делает правая». Как оказалось, за батюшку настойчиво хлопотал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, и хлопоты его увенчались успехом: 12 февраля 1955 года народный суд Молотовского района Куйбышевской области освободил о. Иоанна на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 года «О введении условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы». О постановлении московской комиссии, вынесенном четырьмя днями раньше, в Куйбышеве, разумеется, никто не знал. Так что освободили узника именно на «местном» уровне. Потом, может, и спохватились, но было уже поздно... Важно подчеркнуть, что досрочное освобождение — не реабилитация: судимость с о. Иоанна никто не снимал, ему запрещалось селиться в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и в радиусе 100 километров вокруг этих городов. Так что сбылось пророчество Ивана Александровича Соколова: освобождение пришло «в неявности», вроде как выпустили, а с другой стороны — не очень-то...

День освобождения запомнился на всю жизнь — ослепительно-солнечный, яркий, с крепким морозцем. У ворот лагеря стояли сани. Провожавший к воротам батюшку начальник лагеря (он принял от о. Иоанна крещение), видимо, решил предостеречь бывшего узника от дальнейших невзгод:

— Батюшка, вы поняли, за что сидели?

— Нет, так и не понял, — улыбнулся о. Иоанн.

— Надо идти за народом, а не народ вести за собой... Что вы сейчас будете делать?

— Пойду в Патриархию, я ведь священник. И подчинюсь тому, что там скажут. А сам не знаю, чем буду заниматься. Может, и там меня заставят таскать в гору вёдра с водой.

Начальник насупился — последним лагерным «послушанием» о. Иоанна как раз и было колодезное, 40 вёдер воды в день на верх горы...

Застоявшийся конь резво рванул с места, заскрипели полозья. Позади осталась колючая проволока, мрачный четырёхэтажный корпус администрации, смрадный барак... Подставив лицо морозному ветру, о. Иоанн горячо молился. И первое место, куда он направился в Куйбышеве, конечно же, была церковь. С весны 1950-го, почти пять лет, не переступал он порога храма!

Тогда в Куйбышеве действовали всего две церкви — кафедральный

собор Покрова Божией Матери и Петропавловская. Куда отправился после прибытия в город о. Иоанн, в точности неизвестно, но можно предположить, что в Петропавловский храм, причём сразу по двум причинам — он располагался ближе к вокзалу и там было меньше шансов столкнуться с соглядателями. Храм был пуст, служба уже закончилась. О. Иоанн застыл посреди церкви, наслаждаясь ни с чем не сравнимыми чувствами. Он так ушёл в молитву, что не сразу расслышал обращённое к нему тихое слово:

— Пройдите...

Вздрагнув, он обернулся. Сколько раз за пять лет слышал он это слово от конвоиров!.. Но сейчас от сердца сразу же отлегло. Перед ним стоял улыбающийся батюшка — настоятель храма иеромонах Серафим (Полоз, 1911—1987). Распознав в бывшем з/к собрата по служению и по участи (о. Серафим сам в своё время отбыл шестилетний срок в лагере), он пригласил его к себе домой, накормил ужином и снабдил одеждой, чтобы можно было продолжать путь, не привлекая к себе излишнего внимания внешним видом.

А назавтра поезд «Куйбышев — Москва» уносил странника туда, откуда начались его пятилетние мытарства. Курс Небесной Академии был окончен успешно...

Глава 7

НА ПРИХОДАХ.

ПСКОВ И РЯЗАНСКИЙ КРАЙ

Москва!.. Первой её святыней, к которой приложился о. Иоанн по возвращении из изгнания, был чудотворный образ Божией Матери «Взыскание погибших» в храме Воскресения Словущего на Успенском вражке (эту икону он почитал особенно, а 18 февраля 1955-го как раз совершалось её празднование). А первой знакомой, которую случайно встретил в метро, была Пелагея Козина. «Стою на перроне, жду поезда, — вспоминала она. — И вдруг вижу, прямо на меня идёт Батюшка. Я не поверила сначала, как он может здесь быть?! А он подходит ко мне и говорит: здравствуйте, Пелагия Васильевна. Тут и радость, и слёзы».

Не могли скрыть слёз радости и другие духовные чада — Матрона Ветвицкая и Галина Черепанова, столько сил приложившие для того, чтобы облегчить участь батюшки в неволе. Радостно встретили освобождённого Иван Александрович Соколов, сам два года как вышедший из тюремной психушки, и о. Сергей Орлов. Конечно, повидал он и братьев Москвитиных — о. Афанасия, служившего настоятелем храма в Солнечногорске, и о. Владимира, тоже недавно прошедшего через лагеря. Встречался с друзьями по академии, был на Введенском кладбище на могиле о. Александра Воскресенского. Повидал и старого знакомого по Орлу, юродивого Афанасия Андреевича Сайко, который тоже был только что освобождён из Томской психиатрички и жил в Москве у знакомых. Бывшая свидетельницей их встречи Лидия Семёновна Кручинова вспоминала:

«Какой красивый был о. Иоанн! Мне даже странно было представить, что он только что был в заточении. У него были великолепные тёмные волосы, и выразительностью своего облика он был схож с Афанасием Андреевичем. Они обнялись при встрече. Я залюбовалась на них. Оба высокие, статные, с одухотворёнными лицами. Меня поразило, как прекрасны могут быть люди. И теперь, когда Афанасий Андреевич как бы на время снял маску юродствующего, его вид был неотразим. Они разговаривали о вере. Но я не вслушивалась в их слова, я любовалась ими».

Все разъезды по Москве были сопряжены с немалой опасностью —

ведь находиться в городе ему было запрещено. После пятилетней разлуки в столице у о. Иоанна не осталось ничего — ни жилья, ни прописки, ни места служения. Совсем как в начале 1930-х, когда он впервые приехал туда. Долго оставаться в Шубинском переулке у Ветвицких было опасно — могли пострадать и хозяева, и сам батюшка.

Дальнейшую судьбу о. Иоанна определял человек, хлопотам которого он был обязан своим досрочным освобождением, — митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Владыка принял его в своём деревянном домике в Бауманском переулке — стоя, опираясь на посох. Как положено, батюшка произнёс «Молитвами святого Владыки нашего, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас», совершил крестное знамение на иконы в красном углу, подошёл к архиерею и попросил его благословения. А затем почтительно спросил, куда Его Высокопреосвященство благословит его на дальнейшее служение. Владыка задумчиво смотрел некоторое время куда-то вдаль и наконец медленно произнёс:

— В Псково-Печерский монастырь.

Псково-Печерский монастырь... Конечно же, о. Иоанну была хорошо знакома его история. Ещё в лагере он рассказывал об этой древней обители ленинградскому филологу Всеволоду Баталину. На 1955 год Псково-Печерский был одним из двух действующих на территории РСФСР монастырей, прочие были закрыты. Но почему туда? Что именно прозрел владыка Николай, когда молча всматривался в будущее?.. Или просто хотел укрыть любимого ученика от дальнейших гонений, отправив в далёкую провинцию?.. Так или иначе, о. Иоанн воспринял новое назначение с присущими ему смирением и радостью.

Ехать нужно было поездом до Пскова, а оттуда больше часа автобусом до Печор. Сопровождать о. Иоанна в путешествии вызвался его младший друг по академии Константин Нечаев, рукоположенный во священника в декабре 1954-го.

Вечером 9 апреля 1955 года, за два дня до своего 45-летия, о. Иоанн впервые приехал в Печоры — маленький (в то время около пяти тысяч жителей) городок на стыке России и Эстонии. Тогда этот стык был условным — между республиками СССР меж пролегли формальные. Но совсем недавно проходила здесь и настоящая граница. После Гражданской войны, в 1920 году, Печоры были переданы в состав независимой Эстонии и переименованы в Петсери. В составе населения начали преобладать эстонцы. И только в августе 1944-го город снова вернулся в Россию.

Именно благодаря тому, что Печоры двадцать лет были эстонскими, в

городе сохранился в неприкосновенности легендарный Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Он не был осквернён ни обновленчеством, ни ограблением храмов, ни гонениями 1930-х годов — единственными смутными периодами, через который монастырь прошёл в XX веке, были 1917—1919 годы и 1941—1944-е, время германской оккупации.

Апрель на Псковщине в 1955-м был очень холодным, вечерами термометр показывал минус пять. Сойдя с жёлто-красного автобуса, отцы двинулись по скупому освещённым улицам скромного городка, больше похожего внешне на прибалтийскую провинцию, чем на русскую. Большинство домов были одноэтажными, деревянными, кое-где зияли пустые места — следы страшного пожара 24 мая 1939 года, остановленного только благодаря молитвам монастырских насельников; немногочисленные каменные строения, возведённые с потугами на европейскую архитектурную моду 1930-х, ещё хранили следы бомбёжек и жестоких боёв за освобождение Печор. Миновали высокую краснокирпичную водонапорную башню, стоявшую посреди Октябрьской площади, и за торговыми рядами, где ютились многочисленные магазинчики, повернули направо. Слева увидели мощную белую колокольню храма Сорока мучеников севастиийских; рядом с ним — скромный деревянный храм Святой великомученицы Варвары, к которому подходили печеряне — представители народности сету в ярких национальных костюмах, сочетавших элементы русского и эстонского; это был их приход... И вот уже видны серые стены монастыря-крепости, знавшей не только духовные, но и воинские подвиги. Заканчивалась Лазарева суббота, и со всех сторон городка к монастырю стекались местные жители с ветками вербы в руках. От зрелища многочисленного людского потока, шедшего отмечать Вход Господень во Иерусалим, на душе становилось теплее.

У Святых врат путники сотворили Иисусову молитву, и привратник, седобородый инок Аввакум, ответил «Аминь».

Сразу за воротами монастырь как был разделялся на два уровня. Если идти прямо, то впереди, в перспективе небольшой площади, виднелся круглый купол Михайловского собора, построенного по проекту итальянского зодчего Луиджи Руска в стиле традиционного для церковной архитектуры начала XIX века классицизма. Но священники сразу же повернули налево и вдоль древней, сильно обветшавшей крепостной стены спустились к Никольскому храму с иконой Божией Матери «Одигитрия» над входом. Низкая старинная арка открывала путь в расположенную под храмом часовню, которая одновременно служила проходом на нижний уровень монастыря. Оттуда на дно глубокого оврага спускалась

вымощенная камнем дорога, в перспективе которой виднелся старейший храм обители — Успенский, с пятью выстроившимися в ряд затейливыми главами, напоминавшими уничтоженный в 1941-м Успенский собор Киево-Печерской лавры. Как гласит мемориальная надпись в соборе, «сей первоначальный в Псково-Печерской обители храм ископан в горе и устроен преподобным отцем нашим Ионою и освящён по благословению архиепископа Новгородского Феофила священниками Псковского Троицкого собора 15 августа 1473 года. Возобновлён и приведён в настоящий вид в память празднования четырёхсотлетнего юбилея его существования Настоятелем Преосвященным Павлом, епископом Псковским и Порховским в 1873 году». Отец Иоанн знал, что этот храм представляет собой, в сущности, выкопанную в склоне оврага огромную полость, укреплённую затем каменной кладкой. Рядом — характерная для Псковщины звонница постройки 1565 года, с колоколами, расположенными в одну линию, над которыми виднелись деревья Святой Горки; ещё левее — построенное в конце XVII столетия здание ризницы, где находятся также склад и библиотека. По левую сторону площади — Сретенский храм, сооружённый в 1870 году из бывшей трапезной, и белокаменный корпус для братии 1827 года, благодаря колоннаде напоминающий дворянский особняк. Справа — дом наместника постройки 1883 года, стоящий на некотором возвышении. Все здания выглядели сильно потрёпанными и требовавшими ремонта, кое-где на них виднелись шрамы от осколков авиабомб. Строения окаймляли небольшую Успенскую площадь, через которую, сердито бормоча что-то, струился ручей Каменец. Несмотря на минусовую температуру, он выглядел уже вполне по-весеннему, разлился широко и бурно, на полплощади, так что братия и паломники вынуждены были переходить через него по специально проложенным мосткам.

Успенская площадь уже была подернута вечерней дымкой. Молча чертили в высоте над монастырём птицы. Над журчащим Каменцом склонились плакучие ивы. Сквозь голые ветви деревьев высоко наверху, справа, отчётливо просматривался купол Михайловского собора, к которому с нижнего уровня вели лестницы. И во всём были разлиты такие спокойствие и радость, что о. Иоанн и о. Константин окончательно перестали чувствовать апрельский холод. Казалось, что время не властно над этой вечерней площадью, этими храмами. Хотелось скорее туда, к главам собора...

О. Иоанн не знал, что несколькими годами ранее вдохновлённый этой же картиной наместник монастыря архимандрит Пимен, в будущем Патриарх Московский и всея Руси, посвятил обители такие стихотворные

строки:

Летом здесь всегда прохладой веет.
И особенно в вечерний тихий час
Вековых деревьев крона зеленеет
И лучи заката утешают глаз.

Тишина спускается в Обитель,
Лишь порой вечерней у ворот
Застучит засовом старый житель,
Провожая до дому народ.

И согбенный, с длинной бородою,
Звякая ключами по пути,
Жизнь проживши, встретившись с бедою,
Продолжает к свету он идти...

По прибытии в обитель о. Иоанна сразу же пригласил к себе священноархимандрит монастыря, епископ Псковский и Порховский Иоанн (Разумов, 1898—1990), приехавший из Пскова служить всенощную. С ним о. Иоанн был знаком с 1946-го, со времён своего недолгого нахождения в Троице-Сергиевой лавре — владыка был назначен её настоятелем за три недели до того, как священника вернули в Москву. И в ходе их разговора быстро выяснилось, что это пребывание в монастыре тоже будет кратким.

— Человек я в Псковской епархии новый, назначен только в ноябре, — прямо сказал владыка. — Дел кругом много, а верных людей нет, опереться не на кого. Необходимо поднимать Свято-Троицкий кафедральный собор — там вместо лампад ведь консервные банки висят. Так что нужно вам ехать в Псков и о нём позаботиться...

Владыка рассказал, что во время оккупации Псковская церковная миссия открыла в епархии 127 храмов. После войны их число сократилось, но и теперь на Псковщине 93 храма и около ста священников. Самой епархией до прошлого года управлял престарелый епископ Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), который в основном занимался внешнеполитическими делами Церкви, постоянно находился в разъездах... Уже звонили ко всенощной, а владыка и о. Иоанн всё ещё говорили и

говорили — откровенно и вдумчиво. Епископ ни на чём не настаивал, но батюшка понимал — нужно исполнять его волю.

Наконец оба заторопились на службу. И в Сретенский храм о. Иоанн вошёл как раз в тот момент, когда на всеобщей громогласно звучало величание:

— Величаем Тя, Живодавче Христе, Осанна в вышних и мы Тебе вопием — Благословен Грядый во Имя Господне!

Священники-москвичи скромно встали поодаль, но внезапно один из братии, рослый монах богатырского телосложения, радостно бросился к о. Иоанну прямо во время службы, стиснул в объятиях и приподнял над полом. Это был его давний знакомый, эконо́м монастыря иеромонах Сергей (Люсяков, 1892—1968), бывший партизан, принявший постриг в 1944-м. К своему изумлению и радости, среди братии монастыря о. Иоанн увидел и старого знакомого по лагерю — Всеволода Баталина. После освобождения в 1953-м он сдержал данный Богу и себе обет и принял постриг в Псково-Печерской обители, которую полюбил заочно по рассказам батюшки.

В ту Лазареву субботу о. Иоанна впервые увидела его будущая духовная дочь Сусанна Дмитриевна Валова (1928—2017), тогда — ленинградский инженер: «В субботу, придя в комнату келейницы отца наместника Сергия, куда меня поселили, я увидела сидящих за столом — будущего наместника отца Августина, тогда ещё послушника, и будущего архимандрита Ириней, тоже пока послушника. Все слушали приезжего батюшку, речь шла о том, каким должен быть священник». Сусанну, тяжело переживавшую недавнюю смерть своего духовника, знаменитого петербургского протоиерея о. Бориса Николаевского (1884—1954), поразило, как незнакомый священник похож внешне на о. Бориса. Она показала о. Иоанну фотографию своего духовника, и батюшка, помолчав, сказал:

— Да, сходство поразительное, но он-то орёл, а я — всего-навсего воробей.

«В тот мой приезд в Печоры мы жили с отцом Иоанном через тонкую перегородку, — вспоминала С. Д. Валова. — Встречались утром у рукомойника, висящего в коридоре. И он тепло со мной здоровался, называя меня по имени».

И вот Светлое Христово Воскресение, 17 апреля. Всю Страстную седмицу батюшку одолевали вполне понятные размышления. Псково-Печерский монастырь уже входил в его жизнь, уже становились родными и его стены, и святыни; он уже успел и помолиться у мощей праведников в Богом зданных пещерах, и погулять по Святой Горке, и привыкнуть к

весеннему гулу ручья Каменца, бежавшего прямо через обитель... И, конечно, прикоснуться к удивительным людям, населявшим монастырь. Можно предположить, что в тот, первый приезд самое большое впечатление на о. Иоанна произвёл иеросхимонах Симеон (Желнин).

Родился Василий Иванович Желнин 1 марта 1869 года в деревне Яковлевская Псковской губернии, в крестьянской семье. Ещё в детстве он, подражая преподобному Серафиму Саровскому, начал молиться в поле на камне, а вскоре выказал твёрдое желание быть монахом, и именно в Псково-Печерской обители. Родители юноши не хотели об этом и слышать, даже специально выстроили для него дом, чтобы удержать в семье, но в 1896 году он всё же осуществил свою мечту — поступил в монастырь послушником, а четыре года спустя принял постриг с именем Вассиан. К середине 1920-х авторитет о. Вассиана был уже так велик, что его предполагали сделать наместником. В своих автобиографических заметках он писал: «Видя, что это послушание мне не под силу, стал отказываться; да к тому же я очень устал — и на этом основании стал просить схиму, в чём мне впервые отказали, и всё же настаивали, чтобы я принял наместничество. Но я наотрез отказался от этого ещё ввиду внутреннего внушения принять схиму». 3 апреля 1927-го о. Вассиан принял великую схиму с именем Симеон и с тех пор исполнял обязанности духовника братии. Наместник, епископ Иоанн (Булин), привёл его в сырую мрачную келию, выкопанную в склоне оврага рядом с Успенским храмом, и произнёс: «Вот тебе келия, здесь и умрёшь». Так оно и произошло.

Молитвенный подвиг старца Симеона продолжался несколько десятилетий. Он ежедневно молился на ранней литургии, днём принимал многочисленных паломников, а ночью исполнял келейное правило схимника. И даже в глубокой старости был на многочисленных послушаниях: трудился в столярной мастерской (столяром был великолепным), на пасеке, в фруктовом саду, делал оконные рамы, киоты для икон, обрамлявшие дорожки цементные столбики, ступени для лестниц и многое другое. По всей стране шла слава о нём как о целителе (описано множество случаев того, как он исцелял больных) и прозорливце. Но сам старец по своему смирению отзывался о своём даре скромно. В 1952 году он так говорил о себе:

— Да совсем я не прозорливец. Великий дар прозрения даёт Господь избранным Его, а тут просто долголетие мне помогает — зашёл в дом раньше других, вот и порядки его лучше знаю. Приходят ко мне люди с горестями и сомнениями, а взволнованный человек подобен ребёнку, он весь на ладони... Случилось с человеком несчастье, вон он и точность

душевных очей теряет, впадает либо в уныние, либо в дерзость и ожесточение. А я и мирской круг хорошо знаю, и жизнь прожил долгую, и сам Господней силой ограждён от бед и соблазнов, и как же мне в меру малых сил моих не поддержать брата моего, спутника на земной дороге, когда он притомился раньше, чем я?

Монастырская характеристика, данная о Симеону в декабре 1957 года, гласила: «Иеросхимонах Симеон по своему глубоко старческому возрасту (свыше 88 лет) олицетворяет образ древних монастырских старцев — “печальников по Бозе” как монашествующих обители, так и мирских лиц, а посему он и выполняет очень большое и трудное послушание, являясь духовником-старцем не только братии монастыря, но и абсолютного числа верующих, приходящих на богослужение в обитель. <...> По характеру отец Симеон кроток и незлобив, имеет зоркий духовный глаз и здравомыслящий практический ум и рассуждение. Пользуется всеобщей любовью как братии монастыря, так и богомольцев-паломников».

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время своего посещения Свято-Успенской Псково-Печерской обители 18 августа 2010 года так вспоминал старца Симеона: «В первый раз я увидел старца Симеона, будучи 6-летним младенцем (в 1952 году. — В. Б.); это было, когда мы вместе с мамой и папой пошли к нему в келью. Прошли узким коридорчиком, где справа от входа располагаются окна, затем вошли в комнату. В комнате было сыро и темно. И, видимо, сам день был не очень солнечным. Там никого не было, нас попросили подождать. Мы стояли у входа и ждали.

И вдруг в эту комнату вошёл старец в светлом сером подрясничке с удивительно светлым лицом. Я как сейчас помню его лучистые светлые глаза, источающие, действительно, свет. Вся его внешность источала этот свет. И как-то в комнате сразу стало светло. И что самое главное — радостно.

И вот тогда я понял, что такое святой человек. Святой человек — это не тот, кто хмурит брови и шарахается от других, а тот, кто живёт в любви и образ этой любви в виде света Фаворского носит на своём лице и на своей внешности».

Многомудрому старцу достаточно было одного взгляда на человека, чтобы понять, кто именно перед ним. И, взглянув на о. Иоанна, в душе которого светлая радость от пребывания в обители мешалась с грустью от предстоящего расставания с ней, о. Симеон дал батюшке, наверное, самое точное определение, которое когда-либо ему давалось:

— Это земной ангел и небесный человек.

(Прозвучало это в беседе с келейницей старца, матушкой Александрой. Она собиралась ехать по святым местам, на что о. Симеон сказал: «Ну зачем ехать куда-то, здесь же у нас много святынь, ты помолись им и поклонись, а ехать никуда не надо». Но услышав, что келейница хочет заехать к о. Иоанну Крестьянкину, старец оживился: «Хорошо, вот к нему-то съезди. Он земной ангел и небесный человек».

Сама эта фраза — цитата из акафиста преподобному Сергию Радонежскому: «Радуйся, земный ангеле и небесный человече» (Икос 9). Этот акафист был составлен в 1650 году князем Семёном Ивановичем Шаховским. В дальнейшем это выражение было употреблено также в книге схиигумена Серафима (Толстошеева) «Сказания о жизни старца Божия иеромонаха Серафима, пустытника и затворника Саровской обители», первое издание которой вышло в Петербурге в 1849 году. Там так сказано о преподобном Серафиме Саровском: «...во всём выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным ангелом и небесным человеком»).

Услышь о. Иоанн о себе такое — смутился бы, замахал руками или отшутился. Но великий старец говорил это абсолютно серьёзно. И был прав.

Впрочем, о. Симеон придумал для о. Иоанна и ещё одно прозвище, уже шутовское, — «усатый». Так он назвал его за пышность тёмных усов и — на контрасте — скудость бороды. Тогда она почему-то росла у батюшки плохо, и он подшучивал над собой: «Каждую волосинку своей бороды берегу!» Но со временем он обзавёлся вполне представительной бородой, в которой рано начали просверкивать седые нити.

В записях о. Иоанна сохранились слова, сказанные ему о. Симеоном в 1955-м. Это было своеобразное завещание великого старца своему преемнику:

— Спаситься невозможно тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Живи для других и сам спасёшься. Будь у всех под ногами.

...И десяти минут достаточно, чтобы Псково-Печерская обитель навсегда вошла в твою жизнь, а земному ангелу и небесному человеку в 1955-м был отпущен целый месяц. Но теперь жизнь снова, как девять лет назад, уводила его от монашества. Неужели снова не время? Неужели того, через что он прошёл в лагерях, было недостаточно?.. Или Господь уводит его из этого места, чтобы привести в другое?.. На ум приходила Глинская пустынь (сам о. Иоанн так вспоминал свои тогдашние сомнения: «Если бы я был свободен, то постригаться поехал бы в Глинскую пустынь. Там лучше всего сохранился дух монашества, и есть у кого поучиться»). Но

снова и снова мысли смирялись перед главной истиной: слава Богу за всё. «Жизнь наша подобна плаванию. И всё происходящее в ней всегда совершается по благовому Промыслу Божию», — это он написал духовным чадам из заключения. Его плавание продолжалось, и Псково-Печерскому монастырю пока не было суждено стать гаванью...

На Пасхальной всенощной наместник монастыря, владыка Сергей, неожиданно поставил его возглавлять службу. Между двумя маститыми старцами — 85-летним иеросхимонахом Симеоном и 81-летним игуменом Исаакием — священник, которому только исполнилось 45, чувствовал себя скованно, смущался. И вот неожиданно о. Симеон обратился к нему:

— Где поставлен, там и стой. Молись!

Эти негромкие, но твёрдые слова, строгий взгляд старца из-под куколя многое прояснили и выровняли. «Где поставлен, там и стой» — эти слова можно было считать главным наставлением для монаха. И если владыка Иоанн «ставил» его сейчас на служение в Пскове, значит, «стоять» надо было именно там.

Впоследствии батюшка делился своим опытом с начинающим священником: «Сам я всегда имел такую установку в жизни: “Ничего не просить и ни от чего не отказываться”. Принял в своё время и сан, как естественный ход событий в жизни (было с детства устремление к Церкви), принял как от Бога и отстранение на семь лет от служения, и был возвращён к служению по воле Божией ранее определённого срока. Всё Им, всё от Него, все к Нему — так и живём. И вот теперь, к концу жизненного пути, свидетельствую я, что лучшего и вернейшего пути нет, как жить по воле Божией. А волю Божию нам так ясно являют обстоятельства жизни».

Последнее искушение последовало от самого владыки Иоанна. Казалось бы, вопрос с переводом в Псков уже решён, но неожиданно во время литургии, перед самым Великим входом, владыка обратился к батюшке с вопросом:

— Когда будете постригаться?

«Что я мог ответить в такой момент? — вспоминал батюшка. — Благословите, владыка, ведь Вы меня сами направили в Псков».

Одну из последних служб о. Иоанна в монастыре — 7 мая 1955 года — описала Сусанна Валова: «На именины, в Неделю жён-мироносиц, я опять вырвалась на денёк в монастырь. Служба в Сретенском храме. Он тогда был скромный и очень молитвенно тёплый. Вечерню я стояла почти у самого амвона и снова увидела отца Иоанна. Он служил. По окончании службы вышел с крестом и начал говорить проповедь о жёнах-

мироносицах. И опять замерло сердце, из глаз полились слёзы, которые нечем вытереть: ожил отец Борис, его обороты, его ссылки на Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова). Слёзы ручьём, удержать не могу. Спрятаться некуда — до амвона с проповедником метра полтора.

Храм опустел, почти все вышли, а я прощалась с любимыми иконами, пора уезжать. Из алтаря выходит отец Иоанн и направляется прямо ко мне: “Сусанночка, с днём Ангела! Как диплом?” Я опешила от неожиданности. Как он запомнил моё имя, меня, мой диплом? Почему такое неподдельное ко мне участие?! Отвечаю на вопросы, прошу молитв, говорю, что вскоре предстоит защита. С большим участием и любовью благословляет меня отец Иоанн. Я сбивчиво прошу прощения и пытаюсь объяснить, почему плакала на проповеди. А он отвечает: “Да я и не видел вас, у меня ведь зрение плохое”».

14 мая 1955 года епископ Псковский и Порховский Иоанн издал указ № 1284: «Настоящий Указ выдан Священнику Иоанну Михайловичу КРЕСТЬЯНКИНУ в том, что он НАЗНАЧЕН 2-М СВЯЩЕННИКОМ ТРОИЦКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА города ПСКОВА и по оформлении гражданской регистрации должен приступить к исполнению своих обязанностей».

До свиданья, обитель!.. Уезжая оттуда, о. Иоанн не загадывал — вернётся или нет. Но монастырь уже жил в его сердце, отныне и навсегда...

...Свято-Троицкий кафедральный собор Пскова сразу же поразил воображение своей суровой мощью, величием. Он высился в центре Псковского кремля, под защитой крепостных стен, и сам выглядел настоящей крепостью православия. Потрясала высота красивейшего резного иконостаса — 73 метра!.. Это был уже четвёртый собор на этом месте, он был построен в 1699 году. Первый воздвигла ещё в X веке княгиня Ольга, во втором молился перед Ледовым побоищем святой благоверный Александр Невский. В 1935-м собор закрыли; открыли его немцы во время оккупации, в 1941-м, и с тех пор служение уже не прерывалось. Во время отступления в 1944-м оккупанты заминировали собор и вывезли из него всё, что только могли.

Но не меньше поразило и то, что за минувшие со дня войны одиннадцать лет собор так и не был приведён в сколь-нибудь приличный вид. В 1948-м он был отремонтирован снаружи, а вот внутри напоминал настоящее стоячее болото — вместо лампад висели консервные банки и даже пудреницы, ризница в запустении, нет облачений и икон, полное небрежение к благолепию гробниц с мощами святых благоверных князей Довмонта-Тимофея и Всеволода-Гавриила, преподобномученика Иоасафа

Псковского и юродивого Николы Салоса. Казалось удивительным, что главный храм Пскова и Псковщины пребывает в таком ужасающем состоянии. Возможно, связано это было с тем, что в начале 50-х весь клир собора был из бывших обновленцев.

К счастью, кроме о. Иоанна, в соборе в то время служил ещё один деятельный, энергичный пастырь, горевший желанием возродить духовную жизнь своего прихода. Настоятелем собора назначили его доброго друга — того самого иеромонаха Всеволода (Баталина), который вместе с о. Иоанном прошёл через лагеря и с которым он встретился в монастыре. «Сидельцем» был и староста храма. В шутку о. Иоанн называл эту троицу единомышленников «букетом моей бабушки» (так называлась популярная марка мыла). Будучи годами лишены любимого служения, теперь они с жаром восполняли упущенное.

Чтобы не уходить из храма в город, поселились там же, в кремле. Где именно — не очень ясно: в одних мемуарах речь идёт об отдельно стоящей колокольне собора, в других — о «старинном кирпичном доме, где им были предоставлены две комнаты и общая кухня. Большая комната служила столовой, и там ещё стояла кровать старицы, прислуживавшей отцам. В маленькой обитали отец Иоанн и отец Всеволод». Можно предположить, что местом жительства о. Иоанна была всё же колокольня, так как служивший в том же соборе в начале 1951 года о. Виктор Шиповальников с семейством жил именно там («Квартирный вопрос очень сложен, живём в колокольне вверху без самых необходимых удобств, при постоянных сквозняках и сырости», — докладывал он митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию).

Но в любом случае священники приходили домой из храма лишь ночевать. И начали они с о. Всеволодом с того, что попросили выдать им зарплату за три месяца вперёд и всю её потратили на приобретение лампад для собора. Внучатый племянник о. Всеволода Геннадий Тимофеев вспоминал: «Дедушка рассказывал, как они с батюшкой отцом Иоанном занимались восстановлением Троицкого собора во Пскове. Как им пришлось жить тогда в какой-то каморке на полу в закутке. И его всегда восхищало то постоянно радостное, даже восторженное состояние духа отца Иоанна все эти дни, и особая сосредоточенность и отрешённость во время службы — он как бы будучи здесь и не был здесь, а где-то там, словно он вообще беседовал с Самим Господом».

Сусанна Валова, приезжавшая к о. Иоанну в Псков, вспоминала: «Батюшка с отцом Всеволодом! Как они дополняли друг друга. Какая это была пара священников! <...> Богатый жизненный опыт отца Иоанна

выливался в живых рассказах, а отец Всеволод очень красочно комментировал и литературно обрабатывал их. Батюшка так и говорил: “Мне бы рассказывать, а отцу Всеволоду — писать”». Двух священников связывала трогательная дружба. Сусанна Валова запомнила, что однажды навещала о. Всеволода в больнице, а ему как раз принесли в передаче апельсины — большую редкость по тем временам. Как их есть в общей палате, при всех, он не знал, и решил позвонить другу — посоветоваться. В ответ в трубке раздался весёлый голос:

— Старый каторжник, и не знаешь, как надо поступать в таких случаях? Да дай ты каждому по апельсину, а остальные, сколько тебе угодно, ешь сам!

В августе 1955 года в Псков приехала Мария Николаевна Соколова (1899—1981) — духовная дочь праведного о. протоиерея Алексея Мечёва (1859—1923), иконописец и реставратор Троице-Сергиевой лавры, а в конце жизни — тайная монахиня Иулиания; с ней батюшка был знаком с 1946-го. Он с глубоким восхищением относился к трудам Марии Николаевны и уже много позже писал о ней: «О матушке можно и должно вспоминать не как о иконописце только, но как о человеке-христианине, жившем Богом не только своей специальностью — но всеми своими проявлениями. А это в наше время становится исключительной редкостью, и это блески Руси, уходящей Святой Руси».

А сама М. Н. Соколова оставила такие воспоминания о встрече с батюшкой 14 августа 1955-го: «Отец Иоанн встретил нас радушно. Мы много разговаривали, он рассказывал, что старается разбудить в людях уснувшее религиозное чувство и стремление к благолепию Дома Божия. Смущало батюшку, что в память духовной покровительницы Псковщины святой равноапостольной княгини Ольги не было не только храма, но даже и придела. Он начал молиться, чтобы Господь помог ему: ни средств, ни возможности осуществить это желание не было. “Святая равноапостольная Ольга, ты сама позаботься об этом деле”, — из глубины души вздыхал он, припадая к её иконе. Вскоре он услышал о старых иконостасах, оставшихся в закрытых под Псковом церквях. С невероятными трудностями ему удалось их вывезти (вывозил о. Иоанн, конечно, не сами иконостасы, а иконы из них. — В. Б.). Но когда он привёз иконы, то неожиданно услышал: “Стоило ли за такой рухлядью ездить и так мучиться?” Отец Иоанн делился с нами своей печалью о том, что нет ни материалов, ни средств, ни художников».

На Марию Николаевну произвела неизгладимое впечатление та энергия, с которой Действовал отец Иоанн: «Батюшка бегал туда-сюда: то в

алтаре он требуется, то в конце галереи, то зовут его к мощам. Во всём соборе кипела работа». Причём работа зачастую физически очень тяжёлая — так, когда удалось раздобыть грузовик кровельного железа, батюшка разгружал машину один. При этом успевал ещё и шутить:

— В Москве старались меня упрятать в дальний монастырь, чтобы ни слуху ни духу обо мне не было. А я опять в собор вылез, чижик такой.

По Пскову быстро разнеслась молва о деятельном и добром священнике. Московские друзья — Ветвицкие, Козины, Вера Язвикова, Мария Дроздова и другие — привезли необходимые для ремонта собора краску, ткани, лампадное масло и многое другое. Появились и новые духовные чада. Чтобы батюшка не ютился в соборе, ему помогли снять комнату в частном доме на берегу реки Великой. Скоро оказалось, что комната сырая, а после лагеря о. Иоанн легко простужался. Но менять жильё на более комфортное он не согласился: «Куда Бог определил, там и оставайся до конца».

Сусанна Валова вспоминала:

«В те времена креститься было опасно. Записывались паспортные данные и крещаемых, и родителей, и восприемников. А потом о состоявшемся крещении сообщалось по месту работы или учёбы, что имело определённые последствия, вплоть до увольнения. Но мне не раз приходилось заставлять отца Иоанна крестившим целые семейства в своей комнате в коммуналке. Вся мебель сдвинута, посреди комнаты стоит купель, а вокруг неё ходят человек шесть во главе с отцом Иоанном, воспевающим “Елицы во Христа крестистесь...” По тем временам это был подвиг мужества и веры.

В один из приездов, где-то в ноябре—декабре (1955 года. — В. Б.), погода жуткая: ветрище холодный, темень непроглядная, с неба сыплет косой дождь. Город-то провинциальный, освещение только по центральным улицам. Дело к ночи. Звонок. И в комнату входит пожилая женщина, вся мокрая: “Батюшка, помогите! Дочь родила двойню, детишки чуть живы. Врачи говорят: не выживут. Пошли, батюшка, скорее со мной, как бы не умерли некрещёнными”. Отец Иоанн немедленно одевается и идёт в эту жуткую бездну...

Через некоторое время спрашиваю:

— Как ребятишки, которых Вы пошли тёмной ночью крестить?

— Замечательно! Вчера мать приносила в храм причащать. Два богатыря — Игорь и Олег. Один на одной руке, другой — на другой у счастливой мамы!

Приезжаю. Обычная добрая встреча. Отец Всеволод, настоятель,

“жалуется” на батюшку: “Посмотрите, Сусанна, в угол. Видите — икона. Несколько десятилетий висит тут в углу. Подумайте только: кто-то заказал молебен этим святым. В соборе их иконы не оказалось. Так отец Иоанн прибежал домой, взял лестницу, с трудом снял икону со стены и бегом в собор служить молебен. Этого можно ждать только от отца Иоанна!”

И опять “жалоба”:

— Подумайте, привезли отцу Иоанну из Москвы тёплое нижнее бельё (в те годы — большой дефицит). Я порадовался за него. Пошли в очередной раз мыться — опять какие-то обноски одевает.

— А где же бельё?!

— Да вот тут приходил один...

И так всегда, и всю жизнь».

...Политикой как таковой отец Иоанн никогда не интересовался, поэтому внешние перемены, происходившие с советской властью, волновали его мало. Избрание первым секретарём ЦК КПСС Хрущёва (сентябрь 1953 года), отстранение от должности председателя Совета министров Маленкова и назначение его преемником министра обороны маршала Булганина (февраль 1955-го), XX съезд КПСС, на котором был разоблачён культ личности Сталина (февраль 1956-го), пленум ЦК, где была заклеяна «антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» (июнь 1957-го) — все эти составлявшие важный фон эпохи события были для него не более чем газетными страницами, которые назавтра уже сменялись другими. Внешне советская реальность выглядела куда более мягкой и раскованной, чем при Сталине; в обиход даже вошло пущенное писателем Ильёй Эренбургом слово «оттепель». Но для Церкви готовились времена не менее трудные, чем в 1930-е годы. Уже 7 июля 1954-го вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В нём отмечались оживление деятельности «церкви и различных религиозных сект» и рост числа граждан, отправляющих религиозные обряды. В связи с чем партийным, комсомольским организациям, учреждениям образования и профсоюзам предписывалось проводить антирелигиозную работу «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям». И хотя уже 10 ноября того же года новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осудило административное вмешательство в деятельность религиозных организаций «вместо развёртывания систематической кропотливой работы по пропаганде

естественно-научных знаний и идейной борьбы с религией», сам факт появления таких документов говорил о том, что власть готовится к новой масштабной атаке на Церковь.

Основным государственным органом, контролировавшим в СССР её деятельность, оставался созданный в 1943 году Совет по делам Русской Православной Церкви. В каждой области страны имелся свой уполномоченный этого совета, который подчинялся председателю облисполкома и был своеобразным «министром по делам религии» областного масштаба. Чаще всего это были выходцы из госбезопасности. Права уполномоченных были очень широкими, фактически именно они, а не местные архиереи, и представляли собой церковную власть на местах. Так, без ведома уполномоченного не могла быть зарегистрирована ни одна церковная община, отремонтирован храм или рукоположен священник.

Конечно же, самые популярные, любимые паствой, равнодушные к своему делу священнослужители находились под пристальным вниманием уполномоченных. 8 декабря 1955 года Совет по делам Русской Православной Церкви разослал своим представителям на местах циркуляр, где предписывалось выявить «лояльное» духовенство, которое могло бы помочь со сбором информации о священниках и мирянах. О. Иоанн, понятно, к таким не относился. В 2015 году в Государственном архиве новейшей истории Псковской области насельником Сретенского монастыря иеродиакон Феофаном был обнаружен документ за подписью псковского уполномоченного, 51-летнего в ту пору Александра Ивановича Лузина. Он содержит очень интересные сведения об о. Иоанне, каким видели его в те годы представители государства:

«Прежде всего, отличается от всего духовенства фанатичностью. Служит в соборе третьим священником. В соборе четыре священника и служат понедельно, но Крестьянкин в соборе проводит всё время. Не ограничиваясь только проповедничеством во время богослужения, проводит беседы с отдельными верующими, которые к нему обращаются; от себя не отпускает до тех пор, пока его не поймёт собеседник.

В Рождественное богослужение он служил раннюю Литургию с 5 часов утра. После окончания, давая крест, он каждого поздравлял с великим праздником. После окончания ранней, вместо того чтобы идти домой, остался сослужить позднюю. Из собора ушёл последним, около 3 часов дня, а в 4 часа опять пришёл в собор для подготовки к вечерней службе. Иногда даже забывает поесть».

В другом отчёте содержится упоминание о конфликте, который возник у о. Иоанна с уполномоченным по поводу старых могил священников на

Мироносицком кладбище. Поскольку эти могилы закрывали вход в часовню, где собирались работать реставраторы, заброшенные надгробия собирались переносить. Но о. Иоанн категорически запретил это делать и обратился к владыке. В итоге оба отправились к уполномоченному: «Ко мне приехали оба, епископ и священник Крестьянкин, последний в взволнованном состоянии стал мне доказывать неправильность действия архитекторов. Я ему спокойно ответил, что напрасно по такому пустяку беспокоил епископа, надо было бы обратиться непосредственно ко мне, и вопрос был решён. Просьба была удовлетворена, так он для проверки ежедневно посещал кладбище и следил, чтобы архитекторы-реставраторы не нарушили могил его собратьев. С каждым днём его слава растёт как наставника и проповедника среди верующих».

В общем, принципиальный и «слишком активный» священник у местного надсмотрщика за Церковью был что бельмо на глазу, и Лузин не раз и не два недовольно выговаривал епископу Псковскому и Порховскому Иоанну о nepзволительной деятельности досрочно освобождённого батюшки. Самому священнику, конечно, об этом никто не докладывал, но в начале 1956-го о. Иоанн получил письмо из Москвы от Ивана Александровича Соколова, в котором тот прямо предупреждал, что на него готовится новое дело: «Мы молимся, чтобы оно не имело хода, но вы с отцом Всеволодом из Пскова исчезните. Иначе вы попадёте туда, где уже были». Сомнений в прозорливости Соколова у о. Иоанна не было. Позже настоятель псковского храма Святого благоверного князя Александра Невского о. протоиерей Олег Тэор со слов о. Иоанна вспоминал: «Их действительно хотели арестовать, приписать расхищение государственного имущества (а их же люди по приказу “власть имущих” из собора вынесли ценные украшения)».

Разумеется, «исчезнуть» просто так было нельзя, требовался весомый повод. И здесь «на помощь пришло» подточенное лагерем здоровье батюшки: в псковском климате обострился его туберкулёз, подлеченный было на Гавриловой Поляне. 6 марта 1956 года на имя владыки Иоанна второй священник Свято-Троицкого собора подал следующее прошение:

«С прискорбием для себя, по состоянию моего расстроенного здоровья, я вынужден почтительно просить Ваше Преосвященство об увольнении меня за штат с пребыванием вне Вашей епархии.

По определению Московского Научно-Исследовательского Туберкулёзного института, у меня — очаговый туберкулёз лёгких, вследствие чего мне рекомендован длительный отдых с пребыванием в условиях тёплого климата.

Прошу не отказать в моей просьбе, вызванной настоятельной необходимостью».

Увольнительная грамота за подписью владыки была получена уже 14 марта. Грамота свидетельствовала, что священник «под запрещением и судом не состоит и препятствий к его переходу в другую епархию не встречается. Освобождён от занимаемой должности согласно личного прошения». Уже вдогонку, 30 апреля, указом епископа Псковского и Порховского о. Иоанн был удостоен иерейского наперсного креста «за его ревностное служение алтарю Господню и особое усердие в чистоте и благолепии храма Божия, проявившееся во время ремонтно-реставрационных работ в Псковском Кафедральном Троицком Соборе».

К этому времени о. Иоанн был уже далеко от Пскова. Выполняя волю своего духовника, который приказал ему при отъезде взять все постельные принадлежности, батюшка уехал из города, уложив в большие мешки бельё, подушку, одеяло и даже матрац. И в два часа ночи, прямо с поезда, появился в Шубинском переулке в квартире Матроны Ветвицкой. Духовные чада, увидев неожиданно приехавшего батюшку, заахали, усадили отпаивать его чаем и кормить. Тут же пришло решение: пока не уляжется надвигающаяся гроза, немедленно уехать как можно дальше. Сказано — сделано. Галина Черепанова назавтра же послала телеграмму в Иркутск, откуда была родом, архитектору Татьяне Павловне Евфратовой, глубоко верующей и отличавшейся к тому же редкой смелостью — все знали, что она исповедуется и причащается, но никто ей в этом не препятствовал. К Богу Татьяна Павловна пришла после сноса в 1932 году красивейшего Казанского кафедрального собора, на месте которого строился иркутский Дом Советов (сдан он был только в 1959-м). Одним из авторов проекта этого здания и была Татьяна Евфратова. Закончив работу, она полностью отошла от мирских дел.

На телеграмму Галины Татьяна Павловна отозвалась быстро — ждёт, гостям будет рада. Уезжали с Ярославского вокзала не по-весеннему жарким днём; на прощание сын Матроны Георгиевны Алексей купил уезжавшим по порции мороженого и в шутку сказал:

— Батюшка, привезите мне из Иркутска невесту.

— Привезу, Лёшенька, обязательно привезу, — похлопав молодого человека по плечу, так же весело отозвался о. Иоанн. И, как выяснилось, не шутил: летом 1962-го Алексей действительно женился на иркутянке Марине, батюшка их и повенчал.

До Иркутска добирались поездом неделю, и это было самое длинное путешествие в жизни батюшки — больше четырёх тысяч километров.

Евфратова встретила московских гостей и повезла их в большой (около трёх тысяч жителей) посёлок городского типа Листвянка, что в 60 километрах от города. Листвянка как бы зажата между двумя сопками, они вплотную примыкают к посёлку, а его улицы сбегает вниз, к берегу Байкала, давшего жизнь этим местам (изначально село Лиственничное было пристанью; «поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы *Ялта*», — так описывал эту пристань Чехов). Там, на берегу великого озера, в апреле ещё покрытого льдом, стоял двухэтажный деревянный дом, принадлежавший Татьяне Павловне. А на окраине посёлка, почти примыкая к сопке, высился красивый деревянный храм святителя Николая Чудотворца, выстроенный в 1840—1850-х годах местным купцом Ксенофонтом Серебряковым в благодарность за спасение во время шторма на Байкале. В 1953-м, когда из-за строительства Иркутской ГЭС менялась береговая линия озера, храм собирались снести, но Татьяна Павловна организовала его перенос вглубь берега, в так называемую Крестовую Падь. Сейчас недалеко от него находится могила Татьяны Евфратовой...

Утро москвичей в Листвянке начиналось рано. После общей молитвы уходили на весь день в тайгу, на близлежащую сопку, со склонов которой была хорошо видна покрытая отдельными льдинами поверхность Байкала. С собой брали Евангелие, запас воды и еды, в том числе, конечно, знаменитую листвянскую черемшу. День за молитвой и чтением Книги Книг пролетал незаметно. Ужинали на террасе, ёжась от набивавшего к вечеру силу ветра бережника, дувшего с берега на озеро. После трапезы батюшка подолгу беседовал с хозяйкой и духовными чадами. По субботам и воскресеньям он служил в храме вместе с о. Владимиром Георгиевским — священником-инвалидом, курянином, прошедшим через лагеря. Молились в том числе и перед иконой святителя Тихона Задонского, чудом спасённой из взорванного в Иркутске Казанского собора. На службах неизменно присутствовал староста храма Федот Иванович, могучий 70-летний старик из ссыльных «кулаков».

На берегу Байкала прошли три месяца. Но вечно скрываться от властей невозможно, необходимо было понять, что делать дальше. И снова Москва, где появляться было запрещено, снова полуподпольные выходы на улицу и хлопоты о новом месте служения. Духовные чада батюшки прилагали все силы, чтобы раздобыть ему московский или хотя бы подмосковный приход. Понимали, что это нереально, но — действовали. «О. Иоанна устраиваем в Серпухов», — писал 16 августа 1956 года о. Николай Голубцов своему брату, епископу Старорусскому Сергию. В

Серпухов — потому что туда уже удалось пристроить вернувшегося из ссылки о. Виктора Жукова, с которым о. Иоанн служил в измайловском храме в 1946—1948 годах. Но, увы, этот вариант не прошёл, несмотря даже на хлопоты владыки Николая. Не состоялся и предполагавшийся перевод батюшки в тёплый климат, на Украину.

Окончательно всё стало ясно после того, как ходатаи записались на приём к высокому должностному лицу, которое могло повлиять на ситуацию. Но приёма не получили, вместо этого секретарь внушительно произнёс по телефону: «Он не прощён, а только помилован». Услышав об этом, батюшка только и произнёс, показывая на небо:

— Там бы быть прощёным...

В итоге священника определили в Рязанскую епархию. Её управлял епископ Рязанский и Касимовский Николай (Чуфаровский), который давно знал о. Иоанна и прекрасно относился к нему. Церковная жизнь в епархии была активной, там действовали 76 храмов (в 1944-м было 26), служили 135 священников, ежегодно посвящалось в духовный сан от шести до десяти человек и поступало 100—150 ходатайств от жителей об открытии новых храмов. Был и ещё один важный момент — Рязань находилась в радиусе так называемого «101-го километра» — зоны, где разрешалось селиться недавно освободившимся из мест заключения, при этом Москва была относительно недалеко.

С определением в Рязанскую епархию помог давний и добрый друг о. Иоанна — о. протоиерей Виктор Шиповальников (1915—2007). Познакомились они в мае 1948-го в Измайлове. Над о. Виктором постоянно висел дамоклов меч — во время войны он побывал в плену, а окончил духовную семинарию и принял сан в 1943-м в оккупированной румынами Одессе. В марте 1945-го его арестовали за «измену Родине», во время следствия жестоко пытали — таскали за волосы, били раскалённой кочергой по спине. В итоге он получил пять лет лагерей, но был освобождён через два года — так же, как и о. Иоанн, по ходатайству митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. Несмотря на житейские невзгоды, о. Виктор оставался человеком лёгким на подъём, доброжелательным, с тонким чувством юмора, что роднило его с о. Иоанном. Кроме того, оба близко дружили с будущим Патриархом Пименом (Извековым, 1910—1990), называя друг друга не без иронии: «Ванечка, Витечка и Владыченька». По воспоминаниям сына о. Виктора, Алексея Викторовича Шиповальникова, «они обычно начинали серьёзный разговор, потом постепенно появлялись вкрапления шуток. Если собиралось много людей, то начинался вечер юмора и сатиры. Причём сами

они этого не замечали. Для них это было естественно».

О. Виктор и о. Иоанн даже в одних и тех же храмах служили, правда, в разные годы: в 1951-м о. Виктор тоже прошёл через псковский Свято-Троицкий собор и Космодамианский храм в селе Летоно. А с 1953-го он служил в Борисо-Глебском кафедральном соборе Рязани — сначала ключарём (как и будущий Патриарх Пимен), потом настоятелем. Рязанский дом Шиповальниковых на улице Яхонтова стал для о. Иоанна родным; он часто бывал у друзей в гостях, крестил младшего сына Шиповальниковых Василия. А о. Виктор ездил к о. Иоанну на Байкал, в Листвянку.

Сын о. Виктора Алексей так вспоминал о дружбе своего отца с о. Иоанном: «Было очень весело смотреть на папу с о. Иоанном, потому что они были разного темперамента. <...> Мой папа мог рассердиться, особенно когда в службе кто-нибудь наврал, что-нибудь не то прочёл. Ух, тут только искры летят! А отец Иоанн — нет, он всё принимал смиренно и всегда с улыбкой. Поэтому они были очень разные, но потрясающе интересно было на них смотреть, когда они вместе. Они любили беседы какие-нибудь вести за столом, какая-нибудь тема пойдёт интересная. И всё просто, с юмором, а на самом деле о серьёзных вещах. Они очень любили друг друга».

О первом появлении о. Иоанна в Рязани сохранились воспоминания Алевтины Петровны Мизгиревой: «Наша знакомая (тётка Агафья), жившая в частном домике на окраине города около вокзала, ждала возвращения из заключения знакомого священника, отца Всеволода (на самом деле о. Всеволод, как мы помним, после освобождения успел принять постриг в монастыре и год послужить настоятелем Свято-Троицкого собора в Пскове. — В. Б.). Точное время его возвращения не было известно, но срок его уже подходил к концу.

И вот как-то поздно вечером прибегает она к маме и говорит, что приехал отец Всеволод, да не один, с ним ещё один священник, отец Иоанн. Времена были опасные, всё делалось так, чтобы соседи ничего не заметили. Мы пошли с мамой, взяв с собой что можно из еды (тогда каждый приносил что мог — с питанием было трудно). Но вскоре меня отослали обратно за квашеной капустой и картофелем, и я вернулась уже с младшей сестрой Аней. Так мы впервые оказались в обществе двух прекрасных духовных отцов.

Оба батюшки были худыми, истощёнными и плохо одетыми, подкашливали. Нам с сестрой не разрешалось брать со стола что было повкусней и дефицитным — всё это было для гостей. Но получилось так, что батюшка всё вкусное перекладывал на наши тарелки и подкармливал

нас с сестрой. Несмотря на сложную ситуацию и неопределённость положения (неизвестно, куда ехать, где устраиваться), батюшка шутил, рассказывал что-то интересное и весёлое, и за столом установилась сразу лёгкая и благодатная атмосфера, всем стало легко и радостно. Все сразу почувствовали высокую духовность и какую-то светлую радость, которой нам так не хватало в то тяжёлое время. Мы сразу полюбили батюшку». Сестре Алевтине, Лии, тоже запомнилось, что и о. Всеволод, и о. Иоанн «были необыкновенно радостны, приветливы и с любовью беседовали с нами», а во время молитвы «с большим воодушевлением и чувством они пропели молитву “Царице моя преблагая” на Печорский распев».

В Рязани пути друзей-священников разошлись навсегда — о. Всеволод получил назначение в Ставрополь, а о. Иоанн отправился в большое село Троица, в храм Живоначальной Троицы. От Рязани туда было около часа езды по железной дороге. Село стояло на берегу родной для о. Иоанна Оки, берег в тех местах заканчивается высоким обрывом, как говорят местные жители, — яром.

В документах Троица впервые упоминается в 1567 году, но, скорее всего, основана она была раньше. До 1929 года село называлось Троица-Пеленица — когда-то, согласно преданию, на этом месте была вынесена на берег Оки икона Святой Троицы, лежащая на пелене. Позднее там был основан Троицкий Пеленицкий монастырь. Близлежащая деревня и станция, находящаяся в самой Троице, носят название Ясаково, поэтому иногда в литературе об о. Иоанне встречается и это название. Местные крестьяне никогда не были крепостными — сначала принадлежали монастырю, а по его упразднении были переведены в разряд государственных. На 1886 год в Троице было 260 дворов и 2053 жителя, там действовали земская школа, фельдшерский пункт, кирпичный и сенопрессовальный заводы, в 1892-м открылась железнодорожная станция Ясаково.

Обширный Троицкий храм построили в 1896—1903 годах на месте сгоревшей деревянной церкви; фундамент колокольни заложили в 1903-м, а достроили к 1918-му. В 1940-м храм закрыли и приспособили под зернохранилище (иногда пишут, что под клуб или место для содержания скота, но это не так). В военные годы Троицкий храм вновь открылся. Наискось от него, за деревянным забором, в одном из бывших церковных строений размещалась двухэтажная сельская школа. Ныне её здание выкупили частные владельцы.

Храм — настоящий центр села Троица, её средоточие. Если подняться на колокольню, оттуда открывается прекрасный вид на полноводную Оку,

её обрывистые берега-яры и окружающие село пойменные луга, которые весной заливают вышедшая из берегов река (в такие дни Троица отрезана от райцентра). На горизонте можно увидеть храмы соседних сел — Собчакова, Половского, Панина, а если приглядеться, то и города Спасска-Рязанского, что на другом берегу Оки. В XIX столетии на праздники перекличка их колоколов раздавалась на много вёрст вокруг, но в конце 1950-х уже много лет колокольни молчали — звон был запрещён, на Троицкой колокольне даже проёмы забили досками.

Настоятелем Троицкого храма был о. игумен Дорофей (Смирнов, 1918 — конец 1970-х). Родом он был из Рязани, жил с матерью Анастасией на улице 1-й Безбожной (она и сейчас так называется). До войны Дмитрий Васильевич Смирнов работал учителем начальных классов, затем получил инженерное образование. Как сложилась его фронтовая судьба — вопрос загадочный. С одной стороны, сохранились сведения о том, что краснофлотец Смирнов служил на Северном флоте; с другой — житель Троицы Н. М. Мишин, друживший с о. Дорофеем в конце 50-х и помогавший ему, уверенно говорил автору этих строк о том, что на фронте Дмитрий Смирнов был командиром разведчиков, лично притаскивал в расположение своей части «языков» и закончил войну в звании подполковника, кавалером многих наград. А обет посвятить себя Богу дал во время тяжелейшей операции, когда погибли почти все из девяти подчинённых ему разведчиков. И данное себе и Богу слово сдержал. Мать, намеревавшаяся женить сына и уже нашедшая ему невесту, упала в обморок, когда увидела вчерашнего офицера в монашеском одеянии... На войне Дмитрий Смирнов дал и ещё один обет — поклялся умирающему от ран другу воспитать как своего собственного его сына Виктора. Так или иначе, прошлое у него было боевым, а на память о войне остались раны — в живот и ноги.

Был игумен Дорофей знатоком церковного устава, прекрасным проповедником, служил благоговейно, был строг и к себе, и к прихожанам — по воспоминаниям знавших его, в храме при нём «муха не смела пролететь», а тех, кто шушукался во время службы, он без лишних слов ставил на колени, каяться. Человеком о. Дорофей был горячим, вспыльчивым, жёстким (его приёмный сын Виктор не раз сбегал от него обратно в Петрозаводский детский дом), и общение с ним стало для о. Иоанна хорошими «практическими занятиями» по смирению. Однажды его духовные чада, желая облегчить участь батюшки, даже написали архиерею жалобу на излишне нервного настоятеля, после чего тот обрушил на голову ничего не понимавшего о. Иоанна настоящие громы и молнии. Но,

разобравшись в ситуации, просто велел больше не пускать москвичей в село. А о. Иоанн с горечью написал своим: «Я два года любовью и заботой согревал отца Дорофея, а вы по неразумию и своеволию разрушили то, что мне удалось достичь большим душевным трудом». И даже на полгода отлучил Галину Черепанову от общения.

Но до этого было ещё далеко. Пока же предстояло обустроиваться на новом месте. Помещение в храме, где поселились о. Дорофей и о. Иоанн, сохранилось до сих пор. Это две довольно обширные, но очень скромные комнатки с низкими потолками, расположенные на втором этаже, подниматься в них нужно по узкой лесенке. В одной, разгороженной ширмой надвое, спали, в другой трапезничали. Потом жили постоем в сельских домах, а когда был закончен ремонт колокольни, перебрались туда, в обширные, ныне пустующие келии.

А почти сразу же по приезде в Троицу батюшка предпринял большую паломническую поездку в Рождества Пресвятой Богородицы Глинскую пустынь, которая в то время его особенно привлекала. Основанная в XVI веке в селе Сосновка Курской губернии (ныне Сумская область Украины, в 8 километрах от границы с Россией), пустынь уже в XIX столетии славилась на всю страну традициями старчества. В 1922-м пустынь закрыли, воссоздана она была двадцать лет спустя на оккупированной территории. Но прежний благостный дух монастыря был бережно сохранен и умножен старцами XX века. В конце 1950-х в Глинской пустыни подвизались такие подвижники благочестия, как схиархимандрит Серафим (Амелин, 1874—1958), схиигумен Андроник (Лукаш, 1889—1974), но наибольшее впечатление на о. Иоанна произвёл иеросхимонах Серафим (Романцов), с которым его, скорее всего, познакомил о. Виктор Шиповальников.

Иван Романович Романцов родился 28 июня 1885 года в курской деревне Воронок в крестьянской семье и поступил в Глинскую пустынь послушником в 1910-м, после смерти родителей. В 1914-м был призван в армию, воевал на Первой мировой, был ранен. В 1919-м принял монашеский постриг с именем Ювеналий. После закрытия Глинской пустыни в 1922-м переместился в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, где четыре года спустя был рукоположен в иеромонаха и принял великую схиму с именем Серафим. Когда закрылась и Драндская обитель, о. Серафим некоторое время жил отшельником в Кавказских горах, а затем перебрался в Казахстан, в окрестности Алма-Аты, где стал сторожем пасеки. В 1930—1934 годах отбыл лагерный срок на строительстве Беломорканала, после чего подпольно жил у своих духовных

чад в Киргизии. В 1946—1947 годах служил в Ташкенте, в последние дни 1947-го вернулся в родную Глинскую пустынь и был назначен братским духовником. В 1960-м, уже после знакомства с о. Иоанном, был возведён в сан схиигумена.

Безусловно, это была ещё одна живая веха на пути о. Иоанна Крестьянкина — после архиепископа Серафима, о. Георгия Коссова, о. Александра Воскресенского и иеросхимонаха Симеона (Желнина). Батюшка уже видел псково-печерских и валаамских старцев, но именно о. Серафим наиболее полно показал ему, в чём состоит суть старчества — высшего монашеского достижения. Жил он на втором этаже невысокой башни, в крохотной, три на три метра, келийке, где помещались только иконы, кровать, стол, два стула и умывальник. Поднимался в два часа ночи, исполнял келейное правило, неопустительно участвовал в богослужении, а затем занимался своими обязанностями: распределял богомольцев на жительство, исповедовал, отвечал на вопросы. Ночью переписывал для духовных чад отрывки из писаний Святых Отцов и отвечал на бесчисленные письма. И при этом глинский старец всегда был ровным, внимательным, приветливым ко всем, никогда не подчёркивал своего положения, не стеснялся признаться, что чего-то не знает. Мог быть и строгим, но только, что называется, по делу. А в письмах к духовным чадам неизменно подписывался как «Недостойный Серафим».

О. Сергей Правдолюбов, трижды встречавшийся со старцем Серафимом в 1960-х годах, так описал автору этих строк своё впечатление от общения с ним: «Совершенная простота и смирение, неброскость, спокойная тихая речь, всегда ровное и благодатное настроение, тайная постоянная молитва». О. Владимиру Правдолюбову запомнилось немногословие старца: «Отец Иоанн всегда был многоречив, а старец Серафим говорил коротко и решительно: это так, это — вот так». Выше всего о. Серафим ценил смирение. «Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, — писал он, — но это — величайший дар Божий, и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. (Далее следует точная цитата из наставлений о. Симеона (Желнина). — В. Б.) Истинно смиренный всех как себя любит, никого даже и мысленно не осудит, всех жалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божиим, но не предаётся отчаянию или унынию, а твёрдо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно

смиранный если имеет от Бога какие дарования — молитву, или слёзы, пост, то всё оное тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль, всё изъедает».

Благодать общения с о. Серафимом о. Иоанн бережно увёз с собой, на берега Оки. Знал ли он тогда, что пройдут годы, и именно этот спокойный, строгий глинский старец совершит над ним желанный монашеский постриг?.. Может быть, и знал. А пока он начал бывать в Глинской пустыни ежегодно. Таких поездок было четыре — до тех пор, пока 13 июля 1961 -го пустынь не была закрыта вторично.

В Троице между тем ожидали хозяйственные заботы — храм был очень запущенным, давно не ремонтировался. Отцы сами чистили его, тачками вывозили изнутри мусор. А поскольку любой ремонт в храме можно было делать только с соизволения уполномоченного, священники зачастили к нему в центр Рязани, на улицу Ленина, 12. Сначала отказ шёл за отказом.

— Напротив церкви школа стоит, тоже с текущей крышей, ещё и забор надо ставить вокруг, — заявил уполномоченный С. И. Ножкин. — На это средств нет. А вы тут свой храм вздумали ремонтировать?

— Так мы можем заодно и школе крышу подлатать, и забор вокруг поставить, — предложил о. Дорофей.

— Вы что, забыли, что церковь отделена от государства?!..

В конце концов с великим трудом выбили разрешение хотя бы побелить стены. Каково же было удивление местных жителей, когда после ремонта они увидели не только побелённые стены, но и написанные в нишах новые фрески-иконы!.. Это было дело рук московской девушки-художницы, которая днём для отвода глаз делала безобидные пейзажные этюды, а ночами работала в храме. Теперь огромные живописные изображения святых в полный рост смотрели прямо в окна сельской школы. Уполномоченный рвал и метал; он выгнал священников из кабинета криком «Пошли вон!», но в итоге всё осталось как есть — а о. Дорофею и о. Иоанну того и надо было. Сейчас эти фрески уже поновлены, но одна из них, изображающая святителя Василия Рязанского, сохранилась в первоначальном виде.

Пришла очередь протекавшей крыши. Кто-то предложил для кровли авиационный алюминий, скорее всего, «уведённый» с рязанского 360-го авиаремонтного завода. И вот тут о. Иоанна разобрали настоящие сомнения. Купить металл официально не было никакой возможности, только «левым» путём. А вдруг это провокация?.. Ведь могут и посадить, а храм — закрыть (такие случаи бывали: храмы закрывали только за то, что

настоятель без разрешения уполномоченного перестелил пол в сторожке). Сомнения помогла разрешить молитва. И вдвоём с помощником из Москвы Алексеем Степановичем Козиным принялись за работу. Причём по совету опытного Алексея крыли так, что новую кровлю снаружи не было видно.

Через месяц в храм явились представители МВД в поисках незаконно купленного алюминия. Батюшка коротко ответил: «Ищите». Искали, но не нашли ничего. А уже много лет спустя о. Иоанн раскрыл загадку новой крыши. Оказывается, они с Алексеем клали алюминий под старую кровлю, так что внешне храм выглядел по-прежнему убого. А проверщики не рискнули лезть на крышу по вконец гнилой лестнице. Так и убереглись. Уполномоченному же, опасаясь его реакции, просто ничего не сказали.

Хотя, если разобраться, Сергей Иванович Ножкин был далеко не самым плохим вариантом уполномоченного. О. Владимир Правдолюбов описывает его как человека «ласкового», который впоследствии сам начал посещать храм, а уходя в 1963-м на должность замначальника управления культуры Рязанского облисполкома, сказал: «Слава Богу, по моей вине ни одна церковь не закрыта, ни один священник не уволен». А вот следующего рязанского уполномоченного, подполковника КГБ в отставке Павла Савельевича Малиева, «трясло при виде священника и при одном упоминании о священнослужителе». Впрочем, так было вначале, в 1970-х Малиев начал относиться к своим «подопечным» почти сочувственно.

В скором времени приходская жизнь в селе забурлила. Умолкли скептики, иронично говорившие при виде высоко запрокидывавшего голову во время службы о. Иоанна: «Какого-то дурачка к нам прислали». В храм потянулись не только местные, но и население окрестных деревень, люди специально ехали в Троицу из Рязани. Письма о. Иоанна московским друзьям были переполнены списками того, что необходимо привезти: розовые облачения на престол и жертвенник, 15 метров золотой бахромы, краски, багет, гвозди... И вскоре Трещина платформа (так ещё с войны в народе называли железнодорожную станцию Ясаково) стала хорошо знакома батюшкиным духовным чадам.

В 1957 году в Троицком храме был восстановлен и освящён престол во имя Пресвятой Богородицы и освящены новые престолы — во имя Рождества Христова, Святого великомученика Димитрия Солунского и Святой великомученицы Параскевы Пятницы. Новая роспись, сделанная в церкви в тот год, напоминает росписи храмов Псково-Печерского монастыря. Вполне возможно, что это — своеобразный ответ первого посещения батюшкой обители весной 1955 года.

Жители Троицы до сих пор хранят благодарные воспоминания об о.

Иоанне, которые передаются из уст в уста, как предания. Мария Коровина-Попова: «Однажды к празднику убрали мы храм, батюшка подошёл и говорит: “Родные мои, убирайте чисто, Матерь Божия чистоту любит”. А потом мы уже слышим наверху, где колокольня, батюшка так красиво запел: “Воскресение Твоё, Христе Спасе, ангели поют на небесех...”, — и так запел, что нам показалось, что ангелы святые поют». Любовь Дианова: «Пройдёт, бывало, батюшка к нам, всех своим добрым словом согреет, утешит, погладит своей ладошкой, незаметно денежку положит».

Жительница села Половского Римма Павловна Ларкина, в девичестве Митрохина, подробно рассказала о том, как о. Иоанн венчал её 20 января 1958 года:

— Перед венчанием я ходила за благословением в храм, где на колокольне проживали батюшки. Я попросила, чтобы их позвали, батюшки спустились и долго беседовали со мной. Потом о. Иоанн пригласил меня наверх, и мы продолжили разговор. Был он связан с тем, что меня ожидает в замужестве и как жить в чистоте и благодати Божией во время семейной жизни, как воспитывать будущих детей. Урок старца усвоила на всю жизнь. Мы с мужем прожили 53 года в мире и согласии. У нас родилось четверо детей. Первая родилась в 1958 году Людмила, я ещё не знала, что беременна, а батюшка моей маме сказал уже, что будет ребёночек. Батюшка уже тогда был прозорливым.

Свадьба была красивая. Поехали венчаться на тройке с бубенцами, с гармошкой. Гостей было много. И в храме во время венчания было красиво, торжественно. По обычаю на второй день свадьбы у нас в селе идут гости кругом села, все ряженные, кто в чём, порой переодеваются в образы разные. Я перед свадьбой очень боялась этого мероприятия, так как боялась, что на свадьбе нам могут навредить, это бывало. Батюшка выслушал мой вопрос и дал совет: «Деточка, пусть гости идут веселятся, а вы оставайтесь дома и никуда не ходите. Оставайтесь с Богом и друг с другом».

И о. Дорофей, и о. Иоанн деятельно занимались спасением икон из окрестных заброшенных и разрушенных храмов. Многие из них находили своё место на стенах Троицкого. По воспоминаниям местных жительниц, священники украшали храм иконами, «как невесту»: «Прикрепит одну о. Иоанн, отойдёт, полюбуется, и другую прикрепляет». Во время одной такой поездки произошёл случай, память о котором хранится в Троице до сих пор. Несколько местных парней взяли помочь выгрузить спасённые образа из машины, и одного из них бес попутал шутовски покружиться по улице с иконой в руках. Каков же был ужас всех, когда у парня тут же отнялись ноги!.. Только после трёхдневной молитвы о. Иоанна к юноше

вернулась способность ходить.

На Рождество и Пасху о. Дорофей и о. Иоанн сами обходили всё огромное село, и не открывали двери им только три дома — председателя сельсовета, директора колхоза и директора школы. Да и то жёны их приходили извиняться. А в остальных домах (было их около трёхсот) батюшки были желанными гостями. В одно Рождество о. Иоанн простудился, но всё равно пошёл по селу с праздничным молебном — в промокших кожаных сапогах, по сугробам... А через месяц на рентгене в Рязани обнаружилось, что он на ногах перенёс двустороннее воспаление лёгких. Врачи удивлялись, как он вообще остался жив.

П. В. Козина вспоминала: «Как-то раз мы со знакомой шьём (церковные облачения. — В. Б.), а его всё нет и нет. Уже вечер, темно, а он и на обед не приходил. Потом пришёл с какой-то женщиной, открыл какую-то книгу, что-то читал ей, убеждал. Тогда она сказала:

— Даю слово — этого не сделаю.

Оказывается, утром батюшка убирал храм, женщина пришла к нему и сказала, что у неё что-то случилось, и она больше не хочет жить и сегодня покончит с собой. Он её целый день убеждал и умолял, пока она не дала слово, что ничего с собой не сделает. Когда она ушла, я сказала: “Батюшка, уже ночь на дворе, неделя-то сплошная, а Вы целый день голодный”.

— Вся моя жизнь сплошная — утешать человека, чтобы у него всё было хорошо. Теперь я знаю, что она спокойна — это и есть моя пища».

Бывали в Троице и трагические случаи. Как-то на Пасху о. Иоанн пригласил петь в правом приделе храма хор из села Красильниково, где когда-то был старинный храм Преподобного Сергия Радонежского. Кадило с трёхсвечником вызвался подавать местный тринадцатилетний паренёк. Из Москвы к празднику приехала Галина Черепанова, из Ленинграда — Сусанна Валова. Но когда пришло время хору петь пасхальный канон, певчие по громогласной команде регента дружно запели... ирмосы. Выяснилось, что канонов они просто не знают. Пришлось петь каноны самому батюшке на пару с Сусанной. Галина, расстроившись, пошла в пономарку готовить трапезу, но печь неожиданно зачала на весь храм. Вдобавок батюшка во время каждения с размаху попал кадилом по лбу пономарю, а когда в конце литургии попросил трёхсвечник, выяснилось, что малолетний пономарь не выдержал и уснул. В довершение всего регент хора, подходя к кресту, попросил у о. Иоанна «на бутылочку» за пение... Словом, это была Пасха из ряда незабываемых.

В те окрестные сёла, где храмы были разрушены в 1920—1930-х, священники ездили служить молебны, панихиды, принимать исповеди,

причащать. Это было сопряжено с немалыми опасностями, поэтому приходилось идти на хитрости. Так, четверых водителей-«дальнобойщиков» из соседнего села Половского о. Иоанн крестил на рассвете, на дому местной старицы Ольги Сергеевны, окуная парней в огромные бочки. А о другом визите в дальнее поселение, где священника не видели 30 лет, батюшка с юмором вспоминал: «Приехал и смутился: всё село дышит праздником, все разодеты, никто в этот день на работу не вышел, а была страда, лето. Пронеслись мысли: “Ну, не миновать мне новой беды, дома будет ждать меня у крыльца ‘чёрный ворон’”! Время-то было какое!»

И хотя в тот раз обошлось, «чёрные вороны» уже не летали вовсю, как прежде, но время действительно было «такое». Когда о. Дорофей и о. Иоанн, посоветовавшись, решили перестать брать мзду за требы, популярность прихода, и без того высокая, взлетела до небес. Но эта новация вызвала понятное недовольство среди многодетных священнослужителей в округе — отменишь плату за требы, так ведь как семью тогда прокормить, как детей поднять?.. Кроме того, окрестный народ, бросая свои приходы, потянулся в Троицу, и два священника просто перестали справляться с наплывом треб. Видимо, уже тогда о. Дорофея «взяли на заметку». А потом и вовсе спровадили не только из храма, но и из епархии. Невольным виновником этого стал о. Иоанн. Когда в храме закончилось лампадное масло — огромный дефицит по тем временам, — он поручил покупку новой партии малознакомому человеку из Рязани, а тот взял деньги и пропал. О. Дорофей, возмущившись, начал расследование и вскоре нашёл жулика, который оказался членом КПСС. Но уполномоченный представил дело так, будто «церковники» вовлекли честного коммуниста в свои махинации. В итоге о. Дорофея лишили регистрации и перевели в Калужскую епархию. О. Иоанн страшно переживал по этому поводу, но о. Дорофей не остался на него в обиде, и священники ещё несколько раз после бывали в гостях на приходах друг у друга.

Дальнейшая судьба игумену Дорофею (Смирнову) выпала трудная. Прихожане не раз просили, чтобы его вернули из Калуги в Троицу, но в этом им было отказано. В 1967-м о. Дорофей служил в Свято-Троицком храме Лиепайи, а в самом конце 1960-х — в Кировске Мурманской области, где страдал от тяжёлой болезни ног. В 1971-м был оклеветан и два года провёл в тюрьме. После освобождения уехал в Великие Луки, а умер в Туле в конце 1970-х. К сожалению, обнаружить его могилу пока не удалось...

В Троице же начал служить о. Иоанн Косов (1931—2004). Изначально

обычный прихожанин Троицкого храма, он под руководством о. Иоанна в октябре 1957-го был рукоположен во диакона, а 1 июля 1958-го — во иерея. Двух отцов Иоаннов, Косова и Крестьянкина, местные начали звать соответственно «молодым» и «стареньким». Прихожанки сначала роптали на нового священника — мол, и тридцати ещё нет, неопытный, даже «Отче наш» без молитвослова не прочтёт, а раньше вообще был сапожником. Но о. Иоанн Крестьянкин строго поставил их на место:

— Деточки, да кто вы такие, что со своего куриного насеста разглагольствуете о делах орлиных, будто уже поднялись на их высоту и имеете обзор орлиный на всё происходящее? Это же равносильно суду над Промыслом Божиим. Вы ещё и в своих-то делах не всегда можете разобраться и их понять. Апостолы были простые рыбаки, безграмотные, а благодать Божия совершила их апостолами вселенной!.. Так и наш сапожник будет хорошим священником.

Так оно и получилось. О. Иоанн Косов стал верным учеником о. Иоанна Крестьянкина, обращался к нему во всех трудных случаях и тогда, когда батюшка был уже на других приходах. С 13 марта 1967-го о. Иоанн Косов служил в Никольском храме города Касимова, откуда с месяц как уехал о. Иоанн Крестьянкин. И это не было случайностью — приходской совет попросил перевести его в храм именно как ученика о. Иоанна. В Никольском храме Касимова о. Иоанн Косов служил до 2004 года — года своей смерти...

Во время служения в Троице о. Иоанн не раз бывал в ближайшем районном центре, городе Спасске-Рязанском. Там произошло одно из самых важных знакомств в его жизни — с о. протоиереем Анатолием Правдолюбовым (1914—1981), в то время благочинным Спасского округа и настоятелем небольшого Вознесенского храма, стоящего на местном кладбище. Представитель старинного, закалённого многими невзгодами священнического рода, прошедший через лагеря ещё в 1930-х, тяжело раненный на фронте во время освобождения Пушкинских Гор, о. Анатолий был настоящим духовным светочем Спасска. Дома у священника постоянно звучала классическая и духовная музыка — пластинки он заказывал по почте, семеро его детей составляли небольшой хор, а сам он играл на фисгармонии, пианино, виолончели... О. Анатолий и сам сочинял духовную музыку — песнопения Всенощного бдения и литургии, встречу архиерея. Иногда домашними концертами «угощали» и о. Иоанна; дочь о. Анатолия Лидия запомнила, с каким удовольствием тот слушал «Кирие элейсон» из 149-й кантаты Баха.

Отцы быстро сдружились, причём их отношения приняли характер

взаимного духовного водительства — уважительного и деликатного. Все важные решения в большой семье Правдолюбковых начали приниматься только после благословения о. Иоанна. А он, в свою очередь, давал совет после того, как узнавал, что младшие Правдолюбковы получили на это родительское благословение.

О. Иоанн благословил о. Анатолия вести дневник, сказав ему:

— Пока ты будешь собираться написать что-то великое и солидное — время уйдёт. Благословляю тебе писать в дневник всё, чем обладаешь и чему научился за всю жизнь твою от общения с богомудрыми пастырями и угодниками Божиими.

В июне 1958 года о. Анатолий Правдолюбков был переведён из Спасска в Покровский храм рабочего посёлка Сынтул Касимовского района Рязанской области. Дружеское общение священников прервалось — как мы увидим, на время.

Тот же 1958 год был отмечен "для батюшки горестной потерей — 5 июля в Москве ушёл из жизни Иван Александрович Соколов (оптинский игумен Иоанн Соколов, каким считал его батюшка). Во время последней встречи с о. Иоанном он предсказал, что именно ему будет суждено проводить его в последний путь. Смертный час Соколов встретил в восьмиметровой комнатухе на Детской улице в Богородском, единственным предметом «роскоши» в которой могла считаться печка-буржуйка. Умирал он мучительно, от рака печени. Но по-прежнему называл всех «детками», всем на дорогу давал кусочек белого хлеба или несколько завёрнутых в бумажку рафинадин... Стараниями о. Иоанна на могиле И. А. Соколова было воздвигнуто красивое надгробие, у которого долгие годы собирались те, кто искренне, как и батюшка, считали «оптинского старца» живым преподобномучеником.

...В сентябре 1959-го о. Иоанн получил перевод в храм села Летова, расположенного в Рыбновском районе Рязанской области.

Ситуация в стране к тому времени сильно изменилась. После того как Хрущёв прибрал к рукам не только партийную власть (первым секретарём ЦК КПСС он был ещё с сентября 1953-го), но и правительство (стал председателем Совмина вместо Булганина в марте 1958-го), он, наконец, получил возможность осуществить свою давнюю мечту — масштабную атаку на Церковь, причём не ограниченную никакими прагматическими соображениями, как в сталинские времена, а идейную. От физического уничтожения священства отказались, цель была куда более размашистой — в преддверии победы коммунизма (а она была запланирована на 1980 год) стереть с лица земли духовную оппозицию как таковую. Начало борьбе

положило секретное постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 года «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”».

Войну с Церковью, по традиции, начали с её ограбления — снова ввели отменённые в 1945-м налоги со строений, земельную ренту, резко повысили налог на доход свечных мастерских, что вынудило храмы продавать свечи себе в убыток. Запретили детские и женские собрания при храмах, приходские кружки, санаторно-лечебную помощь духовенству, официальные экскурсии, приходские библиотеки. В ноябре 1958-го началась кампания по борьбе с «паломничеством к так называемым “святым местам”», святые источники засыпали мусором или устраивали рядом с ними свалки.

В октябре 1958-го появилось постановление «О монастырях в СССР» — очередной удар по и без того небольшому количеству уцелевших обителей. Если в 1959-м в Советском Союзе было 63 монастыря и скита (40 на Украине, 16 в Молдавии, 4 в прибалтийских республиках, 3 в Белоруссии и 2 в России), то к 1965-му осталось 16 монастырей с полутора тысячами монашествующих. Некоторые обители верующие успешно отстаивали. Так, в июне 1959-го насельницы Речульского Богородице-Рождественского женского монастыря в Молдавии вместе с местными жителями не дали закрыть обитель, причём дело дошло до настоящих боевых действий — один человек из числа защитников монастыря был убит, несколько — ранены.

Снова началось массовое закрытие храмов. С марта 1961-го их разрешалось закрывать решением не Совета министров союзной республики, а областного или краевого исполкома, что сильно упрощало процедуру закрытия. Многие храмы, чудом пережившие лихолетье 20—30-х годов и Великую Отечественную войну, в том числе и бесценные памятники архитектуры, варварски разрушались. Эта кампания приняла поистине чудовищные размеры. Например, в Белоруссии в 1959—1963 годах было закрыто или уничтожено 599 храмов из 968 функционировавших. В некоторых больших городах число действующих церквей снова оказалось на предвоенном уровне (в Минске и Саратове по два храма, в Смоленске и Новгороде по одному). Всего с 1958 по 1964 год в СССР был закрыт или уничтожен 5541 храм и молитвенное здание.

В тех храмах, что уцелели, была проведена кардинальная управленческая реформа. С 18 июля 1961 года управление приходами осуществляли так называемые «двадцатки» — выборные органы от прихожан, состав которых, естественно, был согласован с властью. Отныне

настоятели храмов лишались административных полномочий, полностью попадая под контроль приходского совета, в том числе и в финансовых вопросах. Фактически священник становился неким наёмным работником, которым управляла община во главе с «идеологически проверенным» старостой. О том, что при желании могли натворить такие старосты, вспоминает о. протоиерей Владимир Правдолюбов: «В Касимове у ящика (имеется в виду церковная касса. — В. Б.) стояла очень властная (особенно по отношению к священнослужителям) и умная женщина — Клавдия Ивановна Потапова. Однажды она чуть не отправила за штат нашего настоятеля (такие права были даны приходскому совету), отца Василия Романова. Через некоторое время то же ждало и нашего диакона, осмелившегося сделать какое-то замечание подруге Клавдии Ивановны. Так что мы жили как в осаде и ждали от неё любого подвоха».

С лета 1961 года штрафовались или лишались регистрации священники, работавшие с детьми, служившие требы (Евхаристии тяжелобольных, молебны, отпевания, панихиды, освящения домов), строившие при храмах подсобки или покупавшие для ремонта стройматериалы. Специальные комиссии изучали степень влияния Церкви на юношество, выявляли и преследовали молодых людей, желающих поступить в семинарии, изучали содержание проповедей, пресекали попытки крестить детей без согласия обоих родителей.

Тяжёлый урон понесли учебные заведения Церкви: из действовавших в 1947 году восьми духовных семинарий уцелели лишь Московская, Ленинградская и Одесская. Если в 1958 году в стране насчитывалось 11 010 священников, то в 1963-м — 7236. Не менее сотни священников были осуждены, чаще всего — по надуманным обвинениям в экономических злоупотреблениях; им давали по три-четыре года лагерей. Арестовали и двух архиереев — архиепископа Казанского и Марийского Иова (Кресовича) в июне 1960-го и архиепископа Черниговского и Нежинского Андрея (Сухенко) в октябре 1961-го; последний после тюремного заключения повредился рассудком.

Начались, хотя и не повсеместно, дикие антирелигиозные выходки, больше всего напоминавшие 1920-е годы (это и неудивительно: ведь идеалом Хрущёва был возврат к «ленинским нормам»). Так, на Пасху 1960 года атеисты врывались в православные храмы Киева, Риги, Таллина, били стёкла, стреляли в окна из охотничьих ружей. Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай описал случай, когда на Украине во время службы группа комсомольцев внесла в храм голую девушку, попыталась пронести её через царские врата и уложить на престол. Прихожане тогда

вышвырнули кощунников из храма и вызвали милицию. На Пасху 1965 года, как следует из рапорта уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Москве и Московской области А. А. Трушина, «праздношатающаяся молодёжь вела себя очень шумно, а около некоторых храмов (Елоховского, в Новодевичьем монастыре, Всехсвятской церкви), кричали, визжали, а во время “крестного хода” оглушительно свистели». В Вербное воскресенье 1 апреля 1961 года прямо в Богоявленском соборе было совершено покушение на Патриарха Алексия — во время всенощной на него напал вооружённый ножом мужчина; как писал сам Патриарх председателю Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедову, «лишь благодаря тому, что в моей левой руке был высокий посох, удар был нанесён не в голову, а в плечо».

Валерий Николаевич Сергеев так вспоминал начало 1960-х: «Молодёжь ловили на улицах при подходах к храмам и отправляли в милицию. Пережил лично, как на Пасху в Покровский храм Московской Духовной Академии с трудом проник через деревянные, как на войне, надолбы, с дежурившими за ними семинаристами, а заутреня началась с того, что провокаторы принялись раскачивать молящихся в битком набитом храме. За год до того в Лавском Успенском соборе на Пасху они пытались проникнуть в алтарь и зверски избили преградившего им путь архимандрита Платона (Лобанкова), впоследствии епископа Воронежского. По всей стране — персональные дела родителей, крестивших в церкви детей. Из Эрмитажа был уволен научный сотрудник, венчавшийся в церкви».

Широко выплеснулись на прилавки книжных магазинов мутные потоки свежей антирелигиозной литературы — от журнала «Наука и религия» до альбомов шаржей француза Жана Эффеля «Сотворение мира»; от повести «Чудотворная» В. Тендрякова до рассказа «Верую!» В. Шукшина. С высоких трибун выступали лекторы, красноречиво рассказывающие о «поповском обмане»; среди них выделялись Евграф Дулуман и бывший протоиерей Александр Осипов. Режиссёры торопились снять фильмы на злобу дня — так появились «Иванна», «Тучи над Борском», «Конец света», «Грешница», «Исповедь», «Анафема», «Грешный ангел», «Армагеддон». Хотя большинство из них бичевали разнообразных сектантов, православным доставалось тоже. И даже во внешне безобидные комедии то и дело вставляли едкие «шпильки» в адрес Церкви. Помните батюшку, который объявляет отправление собственного автобуса в «Королеве бензоколонки»; или отплясывающую монахиню в «За двумя зайцами»; или посещение главным героем храма в «Я шагаю по Москве»?..

Причём происходило это уже и в послехрущёвские времена — это и крайне далёкий от реальности Андрей Рублёв в одноимённом фильме Андрея Тарковского; и то, какими изображены священники в «Двенадцати стульях», «Новых приключениях неуловимых» и «Свадьбе в Малиновке»; и диалог главного героя «Пяти невест ефрейтора Збруева» с батюшкой-попутчиком (которого ефрейтор величает «сектантом» — велика ли разница!..); и фрагмент Пасхального богослужения в «Бриллиантовой руке». Впрочем, как ни парадоксально, для многих зрителей в то время это была едва ли не единственная возможность прикоснуться к величию и красоте православной службы...

Именно для борьбы с религией в 1960-х начали массово и активно внедряться в жизнь новые праздники и ритуалы, не связанные с Церковью. Рождество предполагалось окончательно вытеснить Новым годом, Пасху — неким праздником Музыкальной весны, Троицу — Днём русской берёзки. Появилось даже специальное постановление Совета министров РСФСР от 18 февраля 1964 года «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Особое значение придавалось бракосочетанию, которое должно было полностью подменить собой венчание. Именно поэтому по всей стране начали спешно возводиться красивые современные Дворцы бракосочетаний, они же Дворцы счастья (первый открылся в ноябре 1959-го в Ленинграде, а массовое их строительство пришлось на 1962-й). Эта мера оказалась действенной: к примеру, в Москве в начале десятилетия на 70 тысяч заключавшихся ежегодно браков приходилось всего 500 венчаний. Но останавливаться на достигнутом советские идеологи не собирались, бороться было с чем. Ведь в то же самое время на 94 тысячи рождений в Москве приходилось 40 тысяч крещений, а на 49 тысяч смертей — 28 тысяч отпеваний.

Но вернёмся к концу 1950-х. Не осталась в стороне от нового витка гонений и Рязанская область. Старт был дан 8 октября 1958-го, когда в Тумском районе районный прокурор и начальник милиции трактором разрушили деревянный храм села Ветчаны. В 1959—1962 годах были закрыты 11 приходов, число храмов сократилось с 76 до 65. Но местное население всеми силами сопротивлялось этому процессу. Так, в 1962-м жители сел Лунино и Большое Самарино открыто встали на защиту своих храмов, и в обоих случаях, как признавал уполномоченный, «представители местных властей вынуждены были покинуть село». «Религиозные обряды» жители области также соблюдали усердно, не поддаваясь новациям: так, в нескольких районах Рязанщины крестили более 50 процентов всех новорождённых, а в Касимовском районе — даже

70 процентов.

Саму Рязань, по-видимому, предполагалось сделать своеобразной «столицей атеизма» Центральной России, так как именно там обосновался главный филиал Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС. Вовсю работало общество «Знание», разместившееся в здании Ильинского храма (туалет был в алтаре), во всех рязанских вузах действовали клубы с красноречивым названием «Атеист»... Но верующие города держались стойко, группируясь вокруг двух уцелевших в Рязани храмов — оба они были переполнены. Так, в Борисо-Глебском кафедральном соборе литургия ежедневно служилась с пяти до семи часов утра — чтобы люди успели на работу. О. Иоанн не раз бывал в этом величественном храме, расположенном в тупиковом ответвлении Сенной улицы; можно предположить, что этот собор напоминал ему внутренним убранством увеличенный в размерах измайловский храм Рождества Христова, ведь Борисо-Глебский собор являлся его «ровесником» (освящён в 1685 году) и был возведён в похожей стилистике. Благодаря настоятелю, о. Виктору Шиповальникову, в 1950-х собор активно реставрировался и поновлялся — палехские мастера братья Блохины делали новые росписи, резчики по дереву — ограждения для клиросов, промывались и покрывались лаком старые иконы, создавались новые. Не мог не восхищаться уникальный иконостас из голубого фаянса, установленный в приделе святителя Василия Великого; в своё время его спасли прихожане разорённого храма села Ижевского, закопав в земле...

Сын о. Виктора Шиповальникова Алексей Викторович так вспоминал службы середины 50-х: «К пяти утра огромный собор наполнялся почти полностью. В будние дни дружинники не караулили у дверей храма, поэтому многие приходили именно в будни. Я очень хорошо помню эти службы на рассвете. Помню, например, что у правой колонны часто стоял Солженицын (А. И. Солженицын в 1957—1962 годы работал школьным учителем в Рязани. — В. Б.) <...> Причастников было немного, люди просто молились во время литургии. Но что важно — приходили только те, которым это действительно было нужно. Посещать богослужения в те годы было не модно, это было опасно. И какую же удивительную атмосферу создавали эти несколько сотен человек в храме. Люди, которые молятся! Не свечи ставят, не воду набирают, а молятся! <...> Когда люди собирались в храме, я, маленький мальчик, даже физически чувствовал эту силу — веру людей, которые пришли в храм молиться, после лагерей, после войны, после немыслимых испытаний, которые они преодолели». С 1956 года в соборе, во избежание тесноты за службой, ежедневно совершались две

литургии — ранняя и поздняя.

Дружинники, упомянутые в этом отрывке, хлеб даром не ели — на большие праздники они просто не пускали в храмы детей и молодёжь. Поэтому епископ Рязанский и Касимовский Николай, к примеру, сажал детей в свой ЗИМ, укрывая полами рясы, и подвозил к боковой двери алтаря, куда ребята и прошмыгивали прямо из машины.

Активности, с которой на Рязанщине проводилась антирелигиозная кампания, способствовало ещё и то, что в конце десятилетия область находилась в центре внимания советской прессы. В январе 1959-го первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионов (кстати, очень многое сделавший для послевоенного развития города и области) взял на себя высокие обязательства по поставкам мяса — 150 тысяч тонн в год вместо обычных 75 тысяч. Инициативу Ларионова широко разрекламировали, назвали «Рязанским чудом», а область авансом наградили орденом Ленина. И план был выполнен, но чудовищной ценой: на Рязанщине забили весь скот, скупили мясо у населения, закупали его в соседних областях, причём на деньги, предназначенные для ремонта дорог и школ. Ларионову присвоили звание Героя Социалистического Труда. Но вынудили взять на следующий год ещё более высокие обязательства — 180 тысяч тонн мяса. А в 1960-м вконец обескровленная область смогла заготовить только 30 тысяч тонн. Когда Ларионов понял, что обман неизбежно будет раскрыт, он покончил с собой. «Рязанское чудо», о котором трубили газеты, обернулось трагедией.

Вот на таком невесёлом фоне приступал о. Иоанн к служению в Летове. На душе, безусловно, было тревожно, в особенности после того как завершилось его пребывание в Троице.

Последнюю службу в Троице вспоминала Сусанна Валова: «Праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября 1959 года. — В. Б.). На аналое крест, украшенный ветками кустарника с крупными снежными белыми плодами. У аналая в облачении стоит отец Иоанн, грустный, помазывает своих, уже бывших, прихожан. Хор поёт “Крест начертая Моисей...” Прощай, Троица-Пеленица. В храме ощутима общая скорбь расставания, у многих на глазах слёзы». Сейчас о служении о. Иоанна в Троице напоминает мемориальная доска на здании храма и прекрасно оформленный краеведом О. С. Бирулей-Тиханкиной информационный стенд в притворе. А настоятель о. протоиерей Михаил Аблязов бережно хранит старые облачения, в которых служили в 50—60-х годах, — вполне возможно, что и о. Иоанн тоже...

Летово располагалось даже ближе к Рязани, чем Троица, но не к югу

области, а к северу, практически на границе с Московской областью. Это есенинские места: родина Сергея Есенина, Константиново, — всего в нескольких километрах. Недалеко и знаменитый Свято-Иоанно-Богословский Пощуповский монастырь, в то время занятый складами. Из Рязани — с полчаса езды электричкой, а дальше от платформы Истобники (это официальное название, но местные часто говорят и «Истодники») пять километров пешком до села. Дорога очень живописная — поля, луга, берёзовые рощицы, холмы, — но после дождей и зимой практически непроходимая. Сейчас до Летова добираться проще: сначала маршруткой из Рязани до Рыбного, а оттуда маршруткой до Летова; правда, ходит она только дважды в день, в 6.40 и в 12.00; можно доехать и на электричке.

Даже и по городским меркам немалый каменный храм в память бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана был построен в Летова в 1900—1902 годах на средства ярославского мещанина Игнатия Верёвкина (могилу его матери Матроны Георгиевны, умершей в 1877-м, и сейчас можно видеть у храма). В 1937-м храм был закрыт. В марте и июле 1944-го верующие Летова подавали в Рязанский облисполком два заявления об открытии церкви, но оба раза им отказывали. Тогда летовцы написали в Совнарком РСФСР, и 28 августа 1944-го приказом из Москвы постановление облисполкома отменили — храм вернули верующим. Как и большинство церквей, к концу 50-х Космодамианская подошла давно не знавшей ремонта, почерневшей от времени; внутреннее убранство было не скромным и даже не бедным, а скорее нищим: стёкла в окнах местами выбиты, престолы покрыты пеленами из марли. Зато стоял храм на холме, и его было видно издалека. От села его отделял обширный овраг, сейчас заросший высокими берёзами, а в конце 50-х ещё «голый». Через овраг был перекинут довольно длинный мостик (тогда деревянный, теперь металлический), а дальше — околица, берёзы, пшеничное поле, лес на горизонте. Красивейшие места!..

О. Иоанн сразу же принялся за обихаживание нового прихода. Порадовало, что его староста, занимавшая должность третий год Клавдия Илларионовна Галицына (1916—2014), — деятельный, рассудительный и глубоко благочестивый человек (в конце жизни она приняла постриг с именем Клавдиана). Верной помощницей по хозяйству стала Агриппина Павловна Беляева, у которой батюшка снимал половину «финского» домика дачного типа.

Как прежде в Псков и Троицу, в Летова московские духовные чада повезли всё необходимое для ремонта — олифу, краску, ткани, многое другое, вплоть до гвоздей и шурупов. Чаще всего возили на себе —

поездом, потом электричкой, — но иногда помогал знакомый Ветвицких Василий Григорьевич, у которого была собственная «победа». Её нагружали так, что машина проседала почти до земли, но до Летова добирались успешно. Работа кипела почти непрерывно. Сохранилось имя одной из местных добровольных помощниц батюшки — 35-летней Марии Мурашовой: она «украшала новой краской кресты и колокольни, и храма, меняла цвет куполов, белила колокольню и храм, красила иконостасы и стены храма, помогала в постройке зданий и подсобных помещений, рыла землю, охорашивала огород, всего перечислить невозможно».

И уже вскоре о. Иоанн добился того, что на службы в Летово начали приезжать люди не только из Рязани, но и из Москвы, Ленинграда, его родного Орла. Добирались с предосторожностями — если видели местных, то пережидали в лесочке, кустах, а то и в стоге сена прятались. Но все эти трудности возмещались красотой и благолепием служб, совершаемых батюшкой. Особенно торжественно проходила служба на Успение Богородицы, 28 августа. Благодаря о. Иоанну в сельском храме начал совершаться и чин Погребения Богородицы. Эта красивая, торжественная служба, распространённая в Русской Православной Церкви в средние века, к XX столетию стала относительно редкой, но батюшка очень любил её и практиковал ещё во время служения в Измайлове. В русских традициях были две вариации отправления службы — вечером 27 августа (как в Киево-Печерской лавре) или вечером 29 августа (как в Троице-Сергиевой лавре); отец Иоанн придерживался второго варианта.

Вспоминает Лия Круглик, в те годы студентка Рязанского радиотехнического института, отчисленная с последнего курса «за религиозные убеждения»: «Мы (я и сестра) старались каждое Успение быть у батюшки, где бы он ни служил. В сельских храмах чин погребения Плащаницы (правильно — чин Погребения Божией Матери. — В. Б.) до батюшки не совершался. С помощью своих духовных чад (они приезжали из Москвы, Питера, Рязани, Орла) специально изготовлялась резчиками-краснодеревщиками сень для Плащаницы. Сама Плащаница рисовалась и вышивалась (аппликация и бисерное шитьё) девушками. На подставке вокруг Плащаницы ставили 11 вазочек (не 12, а 11, так как не было апостола Фомы), а между ними синие или зелёные лампадки. Вазочки делали так: кефирные бутылки наполняли влажным речным песком (для устойчивости), обтягивали белыми бумажными салфетками, которые привязывались к бутылкам белой тесьмой. Получались белоснежные стройные одинаковые вазочки. Настоящих тогда невозможно было купить, их попросту не было. В вазы ставились белые гладиолусы: по два цветка

спинка к спинке плюс зелень спаржи. Всё это смотрелось строго, торжественно, симметрично. На особой подставке в отдельной вазе ставилась пальмовая ветвь и кадила — в изголовье Плащаницы. Пальмовые ветви мы, девчонки, привозили из Рязани, выпрашивая срезать ветви либо в библиотеках, либо в сберкассах, где росли финиковые пальмы. Девушки приезжали на праздник в белых платьях и волосы заплетали в одну косу. Так подсказывал батюшка».

Сестра Лии Круглик, Алевтина Мизгирёва, дополняет: «Батюшка очень любил, чтобы во время службы вокруг плащаницы стояли дети и молодёжь, желательно в светлых одеждах с цветами и со свечами. Несмотря на усталость в связи с приготовлениями к празднику, вечером стояли мы вокруг плащаницы такие одухотворённые и радостные, что многочасовая служба проходила как один счастливый миг. Батюшка служил один, он просто летал, а помощником ему была одна матушка-алтарница и кто-нибудь из местных жителей».

Расходиться никому не хотелось. И даже когда служба заканчивалась, о. Иоанн выходил из алтаря, в белом подряснике вставал на колени перед Плащаницей, подымал руки к небу, и опять звучали песнопения: «Апостоли от конец...», «В молитвах неусыпающую Богородицу», величание. «Мы от него домой летели как на крыльях, буквально припрыгивая, радуясь той радостью, которой напивались за батюшкиными службами, — вспоминала Лия Круглик. — Не имело значения расстояние — 5-10 километров. И, оглядываясь, видим: стоит батюшка на крылечке сторожки и всё благословляет нас». «На службу приходили не только из Летова, но и из окружающих сел и деревень, пешком по 6-10 километров возвращались люди домой, но тихая внутренняя радость и духовность были на их лицах», — дополняет Алевтина Мизгирёва.

Те сёла, где храмы были разрушены в 20—30-х, батюшка окормлял сам. В каждом таком селе у него появились свои «уполномоченные» — старушки, готовившие к службе свои дома. Начиная службу о. Иоанн с молебна святому, которому был посвящён некогда снесённый храм. Затем совершали исповедь, соборовались, причащались. Ярко пылали свечи, установленные в тазу с песком. Хор старческих голосов звучал нестройно, но истово, а каюсь в грехах, старушки плакали как дети.

Служение в отдалённых деревнях часто было связано с немалыми опасностями. Об одной такой батюшка вспоминал не без юмора: «На одном из приходов я освящал деревенский дом. Шёл по дому с крестом и кропил в руках, окропляя святой водой комнаты, и не заметил, что за занавеской одной из них — открытый люк в подвал. Я сделал шаг за эту

занавеску и сразу даже не понял, что произошло: я провалился в этот подвал, оказавшись на самом его дне — на земле. Так и лежал, распростёртый, на дне подвала, в облачении, с кропилом и крестом в руках, как святитель Николай, — так изображают его на иконах. И ничего!»

К сожалению, с лета 1961-го все требы на дому, кроме причащения и соборования тяжелобольных, были запрещены. Но сельчане нашли выход: около больного человека под видом его родных собирались те, кого нужно было причастить и соборовать. Иногда, в особо надёжных случаях, освящались и дома. Проговорись кто-нибудь, донеси — и о. Иоанна лишили бы регистрации.

Есть такая пословица: «Не стоит село без праведника». И таких праведников на Рязанщине были в то нелёгкое время десятки. Так, в селе Ялтунино Шацкого района жили три сестры Петрины — Анисия, Матрона и Агафия. Своей мудростью и духовным авторитетом они славились настолько, что к ним приезжали за советом архимандриты. А в селе Захарово жила блаженная Пелагея, которая задолго до войны предсказала и её начало, и конец, и разрушение храмов, и восстановление их. В разгар хрущёвских гонений на Церковь она уверенно говорила о скором падении самого Хрущёва. Правда, лично с ней о. Иоанн знаком не был («я не знал её, и то, что пишут о моих с ней отношениях, — совершенная неправда», — подчёркивал он в письме), но слышать наверняка слышал. Да и другие, незначительные подвижницы запоминались священнику надолго. Одна такая бабушка пришла в Летово ранним морозным утром — в дальней деревне умирал человек. Собрались, пошли. Где-то на полпути бабушка Авдотья приостановилась и сокрушённо сказала: «Вот, отец Иоанн, на племя оставлять некого. Вырождаются люди». Эту фразу батюшка часто вспоминал потом.

Были и другие случаи, помогавшие понять, что значит любовь-слово и любовь-дело. В один из вечеров батюшка сидел в своей комнатке, полностью сосредоточившись на составлении проповеди о любви. В дверь несколько раз стучали, но он решил не отвлекаться от работы. И только закончив проповедь, вышел на улицу. А навстречу попалась соседка, которая смущённо произнесла:

— Благословите, батюшка! Вас дома не было, а я вас жду, чтобы занять денежку — хлеба не на что купить...

Проповедь так и осталась произнесённой. Говорить о любви «в теории» в то время, когда он не проявил её «на практике», о. Иоанн не смог.

В другой раз прихожанка опустила в кружку для пожертвований трёхкопеечную монетку. И чуть не сгорела со стыда, увидев, что о. Иоанн

заметил это. Но батюшка так пылко и искреннее поблагодарил её за лепту, что от смущения не осталось и следа.

Но были в летовском храме и другие случаи. Одна женщина, специально приехавшая в Летово и увидевшая о. Иоанна после долгого перерыва, во время службы с улыбкой неотрывно смотрела на священника. А тот потом не допустил её к исповеди и объяснил, что на службе нужно вести себя скромно, без улыбки, и не позволять себе, чтобы священник, пусть даже любимый и уважаемый, затмевал собой образ Христа. Запомнился всем и разнос, который о. Иоанн устроил нарушившей слово прихожанке. Это была женщина, над которой он произнёс разрешительную молитву после того, как она сделала аборт. И вот она снова пришла на исповедь каяться в том же грехе.

— Как же так, ты ведь слово давала, крест целовала! — негодовал о. Иоанн. — И, нарушив обещание, вновь совершила тяжкий грех детоубийства!..

Это был чуть ли не единственный случай, когда батюшка пришёл в настоящий гнев. Хотя сам считал его одним из главных пороков: «Вот вы все люди, а в ярости можете покусать друг друга. Да-да, именно покусать. Пусть не зубами, а словами. Но по слову Иоанна Златоуста, “гораздо хуже кусающихся те, которые делают зло словами. Первые кусают зубами тело, а последние угрызают словами душу”. Молю вас: не кусайте друг друга!»

В других же обстоятельствах он запомнился летовцам как ласковый, обходительный, деликатный. С пониманием относился к тому, что у молодых матерей редко бывает возможность выбраться в храм:

— Да, у тебя есть причина, силы у тебя на ребёночка уходят. Но ты не переживай, его ангел за тебя молится. А в храм всё же старайся приходить как можно чаще, без этого сердце может зачерстветь. И если готовишься привести детей к Причастию, не убеждай их, что оно сладкое, что оно медок. Грешно говорить, что Святое Причастие вещественно. Да и детишек нельзя обманывать. Говорите им истину, по Божьему вразумлению они всё поймут.

Своим прихожанкам о. Иоанн советовал быть для детей не просто мамами, но близкими подругами. А по возможности баловал местных ребят сладостями, которые ему привозили из Москвы или Ленинграда. Например, как-то духовные чада решили угостить его сушёными бананами — для начала 1960-х вещью невиданной. Естественно, лакомство тут же досталось летовским ребятам и привело их в восторг. Когда девочка, которой он отдал угощение, изумлённо спросила, откуда это у батюшки, тот с улыбкой ответил:

— Как откуда? Да с моего стола!

Певчая летовского храма Татьяна Ермолаева вспоминает, что о. Иоанн помогал многодетным деревенским семьям и деньгами. Летовцы тоже не оставались в долгу. Много позже батюшка рассказывал о. Филиппу Филатову: «Утром встану, гляжу, а на окне уже кринка с молоком стоит. Ночью после молитвы спать ложился — в домике напротив свет ещё горел — Марьюшка, соседка, по хозяйству хлопотала. Огород, коровка, дом, семейство. На рассвете на молитву встаю — а у неё уже свет горит. Да и обо мне она не забыла — молочко свежее уже ждёт. И когда она, моя умница, всё успевает, а отдыхает-то когда? Священник на Руси никогда голодным не останется. С ним последним куском добрые люди поделятся, от себя отнимут, а батюшку накормят».

Благодаря усилиям о. Иоанна Летово как-то незаметно стало центром духовной жизни не только Рязанщины. Из воспоминаний Нины Варницкой: «В хрущёвские годы, когда храмы закрывали, я была в монастыре (Свято-Троицком Браиловском; упразднён 13 октября 1962 года. — В. Б.). Ну и наш монастырь разогнали. Наша игуменья матушка Арсения благословила нас вдвоём с инокиней Марией ехать в Летово. Провели Страстную седмицу. После Радоницы подошли благословиться на отъезд к отцу Иоанну. А он спрашивает:

— А вам здесь нравится?

— Очень! — выдохнули мы обе разом.

— Аминь, аминь. В Летово вам и оставаться!

Помог он нам с жильём. Я стала управлять хором, Мария пела и читала вместе с отцом Иоанном каноны. А он ещё канонаршил. Так у нас монашеский хор собрался. Ещё монастырские сёстры подъехали. Опять вроде монастырей негласный открылся. Да с таким духовником и в такое время! Монашеский дух в миру хранили. Среди людской толчеи монахами жили. Службы были особенные, все как пасхальные. Душа исполнялась радостью и сладостью. И этого состояния хватало на целую неделю. Паломников приезжало много из Москвы и её окрестностей, из Питера и из Рязани». Упомянутая в этом отрывке матушка Мария в 1968 году стала келейницей о. Иоанна. С любовью и теплом относился он и к другим браиловским матушкам, каждая из которых выполняла своё послушание: Евдокия шила, Платонида пекла просфоры, пожилая Еннафа была певчей на клиросе. Еолос у неё с годами ослаб, но, чтобы не обижать монахиню, батюшка благословил её читать в алтаре записки о здравии и упокоении и даже поставил в уголке специальное кресло, чтобы можно было отдохнуть. Все десять браиловских монахинь жили в церковной сторожке и на

квартирах в Летове. Ныне их могилы находятся за алтарной частью летовского храма...

Во время летовского служения, по свидетельству очевидцев, о. Иоанн снова явил свой дар прозорливца, которым был наделён, но который не склонен был афишировать. Жительница села Половское Римма Ларкина, которую батюшка венчал в Троице в 1958-м, специально приехала в Летово к нему три года спустя — крестить вторую дочь Марину: «Дорога была дальняя, автобусом, перекладными, потом пешком. Зашли в храм, стоим в дверях, идёт служба. Батюшка в алтаре упоминает о здравии, мы ещё не успели записать своих имён, а батюшка в алтаре уже упоминает нас о здравии, я даже расплакалась». А жительница Рязани Мария Ермолаева, прихожанка летовского храма, вспоминала, что в юности дружила с молодым человеком: «Он приехал из Азербайджана и был мусульманином. Ни он, ни я не придавали никакого значения разнице наших верований. А мама моя заволновалась и поехала за советом к батюшке. И он вдруг сказал: “Придёт такое время, когда все страны будут сами по себе, Союз распадётся. И Машенька захочет остаться жить в России, а муж будет стремиться на свою родину. Пусть она об этом подумает”. От такой неожиданности мне и думать не понадобилось — как это я из Рязани родной уеду?!» Можно себе представить, как звучало пророчество о. Иоанна в 1960 году, когда существование СССР казалось всем незыблемым. А оставался Союзу между тем всего-то 31 год.

В Летове во второй раз со времени хиротонии о. Иоанну довелось служить под началом человека, который был к нему недоброжелателен. 30 мая 1960-го настоятелем храма был назначен о. Иоанн Смирнов (1913—1987), рукоположенный в священники три года назад. Поскольку он был высокого роста, а о. Иоанн — небольшого, прихожане прозвали их Иван-большой и Иван-маленький. «Опять мне не повезло, — шутил по этому поводу батюшка, — в Троице был я Иван-старенький, а в Летове стал Иваном-маленьким».

О. Иоанн Смирнов был родом из огромной (11 детей) семьи священника. После окончания средней школы работал инженером на заводе керамических труб, изобрёл уникальный пресс, за что был даже выдвинут на Сталинскую премию, а впоследствии разработал систему вентиляции для Троице-Сергиевой лавры. Но душа звала его к принятию духовного сана. В 1957—1958 годах он уже служил в летовском храме и завоевал такое уважение верующих, что они добились возвращения священника на приход.

Сам о. Иоанн Смирнов так описывал первую встречу с о. Иоанном

Крестьянкиным: «Это было под Троицкую родительскую субботу (3 июня 1960 года. — В. Б.). Я вошёл в алтарь. Отец Иоанн стоял за престолом. Увидел меня, лицо его просияло доброй улыбкой. Мы обнялись и подарили друг другу братский троекратный поцелуй. Я заметил, что у отца Иоанна загорелись глаза. Мне говорили, что с такими горящими глазами бывают люди с пылкой натурой.

Прошло несколько дней нашего сослужения, мы быстро сроднились, и я заметил, что он действительно одарён пылкой натурой и стремительным характером в деле устройства вверенного ему храма и верующих людей».

Но именно эта «пылкость», по-видимому, и не нравилась новому настоятелю. На его взгляд, проповеди о. Иоанна длились слишком долго: «Мог говорить их полчаса, час, а то и более часа. Часть прихожан иногда тяготилась такой пространной в общей сложности службой, так как приходили в церковь издалека». Кроме того, он счёл, что второй священник оттесняет его на задний план, ведёт себя чересчур самостоятельно: «Отец Иоанн любил всегда быть в приходе вторым священником, но деятельность свою проявлять первостепенную, а поэтому создавалось впечатление у всех людей, которые имели отношение к нему и к церкви, что о. Иоанн старше настоятеля как по возрасту, так и по опыту деятельности. В устройении хозяйственных и церковных дел мой сослужитель не очень прислушивался к настоятелю, поступал самостоятельно, несмотря на то, что достаточного опыта к тому не имел, а поэтому эти самостоятельные дела часто совершались не планомерно, а стихийно и не приносили должной пользы».

По чести сказать, высказанные о. Иоанном Смирновым в этом отрывке претензии довольно странны. «Любил» батюшка быть именно вторым священником или «не любил», к делу вообще не относилось — он служил там, куда его назначили (это всё равно как в армии рассуждать, любит капитан командовать ротой или нет). Что касается возраста и опыта, то в то время о. Иоанн Крестьянкин и в самом деле был старше о. Иоанна Смирнова как по возрасту (на три года), так и по опыту (рукоположен на 12 лет раньше и много где успел послужить). Так что, похоже, настоятель просто ревновал о. Иоанна к его популярности у прихожан.

Об этом писала и близко наблюдавшая отношения двух священников Сусанна Валова: «Ревность, странная ревность к сослужителю у престола. <...> Деспотичный характер настоятеля был очевиден всем. Он требовал от всех, начиная с нашего батюшки и прочих помогающих в храме, абсолютного послушания. <...> Зная отношение отца настоятеля, никто в его присутствии не решался оказать и малейшего внимания отцу Иоанну. Привезут гостинцы, тайком, через Агриппину, внесут к нему в келью, а он

потом тайком же одаривает нас ими. Заболеет батюшка, сляжет с большой температурой в своей комнатухе, встаёт вопрос, как передать ему лекарства, уж не говоря о том, чтобы поставить ему горчичники или погреть ноги в горячей воде. При настоятеле отце Иоанне-большом всё это было невозможно».

Неприязнь эта доходила до того, что настоятель мог грубо толкнуть второго священника прямо перед выходом на полиелей — так, что камилавка с головы летела. Но о. Иоанн знал о том, что у настоятеля тяжело хворает любимая жена, матушка Варвара (30 ноября 1960-го она умерла в возрасте 43 лет), больна и дочь-подросток Людмила, а сам он страдает стенокардией. Знал, что его отец был арестован и расстрелян, а старший брат-священник сгинул в лагерях без вести. Всё понимал, жалел его и — прощал. А вот когда гнев настоятеля коснулся его духовных чад, немедленно встал на их защиту. Невольным свидетелем этой сцены стала Сусанна Валова:

«Однажды мы с хозяйкой, где я всегда останавливалась, пошли на кладбище, на могилки её родных. Храм в Летове стоит на кладбище. Подходим, и из-за кустов и деревьев слышим голоса батюшек. Они на кладбище и разговаривают очень громко и напряжённо. Немирствие слышно в тоне обоих. Мы боялись отца Иоанна-большого и залегли в кустах, боясь выдать своё присутствие даже шорохом. Слышим, настоятель требует, чтобы никто и ниоткуда к отцу Иоанну не ездил. Слышим в ответ твёрдый и решительный голос батюшки: “Отец Иоанн, если Вы запретите моим духовным чадам приезжать сюда — меня здесь не будет. Запомните это — меня здесь не будет!” — несколько раз громко и твёрдо повторил отец Иоанн. На время разговор затих, и мы ползком попятимся из-за кустов, благо они были густые, выползли с кладбища, так и не подойдя к своим могилкам, и припустили домой».

Однажды батюшке во сне было видение: он трижды увидел в келии настоятеля светящийся жезл. Рассказал об этом сослужителю и объяснил смысл увиденного:

— Ты станешь монахом, а потом архиереем.

Тогда о. Иоанн Смирнов не поверил — о монашестве он не помышлял. Но пройдут годы, и предсказание сбудется. И в мае 1976-го, поздравляя пять дней как принявшего монашество епископа Глеба с назначением на Орловскую кафедру, о. Иоанн напишет ему: «Все годы, прошедшие с тех пор, как разошлись наши жизненные пути, я вспоминал Вас в своих убогих молитвах, а в оставшиеся мои дни жизни буду молиться о Вас как архипастыре. Я также молюсь о здравии дщери Вашей и о упокоении

усопших родителей». Кстати, в годы служения на родине о. Иоанна (1976—1987) владыка Глеб был едва ли не единственным в СССР архиереем, который в День Победы устраивал торжественное шествие духовенства к памятнику освобождения Орла от фашистов. А после смерти он вернулся в Летоно — согласно своему завещанию, был погребён за алтарной частью храма, ставшего частью его жизни...

Так или иначе, несмотря на все сложности личных взаимоотношений, в главном настоятель и второй священник всё же могли найти общий язык. О. Иоанн Смирнов вспоминал: «За период нашей совместной службы были установлены более чёткие в уставном отношении богослужения, порядок и последовательность в совершении таинств и исполнении церковных треб не только в храме, но и в домах близлежащих селений, примерно в радиусе пятнадцати километров. Нашим общим стремлением было обставлять церковные службы как можно торжественнее: иметь хорошие новые облачения из парчи или шёлка, чтобы престолы, жертвенники, богослужебные столы и аналои покрывались красивыми пеленами, цвет которых должен был соответствовать празднику. Чтобы были красивые светильники... Стало вменяться в практику украшение храмовых и праздничных икон живыми цветами не только в летнее, но и в зимнее время. Надо сказать, что при помощи Божией нам с отцом Иоанном удалось достичь многого».

Летом 1960-го о. Иоанн на несколько дней предпринял паломническую поездку в Пюхтицкий Успенский монастырь. Эта женская обитель в Эстонии была основана в 1891 году и никогда не закрывалась. Особую известность среди насельниц Пюхтиц имела блаженная монахиня Екатерина (1889—1968) — дочь генерал-лейтенанта русской армии В. В. Малкова-Панина, в годы Первой мировой — сестра милосердия. В обители она подвизалась с 1922 года и слыла юродивой. Летом носила чёрный хитон и белый апостольник с чёрным платком поверх, зимой на хитон надевала кацавейку, обувалась в галоши или просто в тапки. Обладала даром прозорливости, и люди шли к ней нескончаемой чередой. Но с посетителями мать Екатерина вела себя по-разному: кому-то прямо говорила, что его ждёт, с другим прибегала к аллегориям, а кого и сразу выставляла за порог келии.

Встреча о. Иоанна со старицей прошла удачно, мать Екатерина приветила его. А вот когда батюшка пришёл прощаться, старица неожиданно начала грубо браниться с искажённым от злобы лицом. Уезжал о. Иоанн расстроенный. Было очевидно, что матушка предупреждает его о какой-то большой беде, но о какой именно?..

На обратном пути батюшка, конечно же, не преминул заехать в Псково-Печерскую обитель, где не был пять лет. В монастыре с тех пор произошли изменения — больше не бежал через Успенскую площадь бурлящий ручей Каменец, был построен Архиерейский дом, отремонтирован Михайловский собор. В тот приезд о. Иоанн познакомился с новым наместником монастыря игуменом Алипием. К сожалению, уже не застал маститого старца иеросхимонаха Симеона, отошедшего ко Господу 18 января. О. Иоанну рассказали, что старец... отложил собственную кончину. По откровению от Господа он ожидал смерти 15 января, но когда навестивший его наместник заметил, что в таком случае будет омрачено Крещение, старец смиренно ответил ему:

— Хорошо. Ты наместник, а я послушник, пусть будет по-твоему.

И почил в Крещенский сочельник, а хоронили его через день после Крещения. За три дня до смерти, как рассказали о. Иоанну, старец поблагодарил стоявшие у него в келии часы за то, что точно показывали, когда нужно идти на службу (эти часы и сейчас можно видеть в его келии, они идут до сих пор). А потом трогательно обратился к Господу и Божией Матери:

— Господи, Пресвятая Богородица! Я верой и правдой служил Вам в обители шестьдесят четыре года. Вы во всём мне помогали. Вы всегда были со мной. Я любил Вас и святую Вашу обитель. Теперь я перехожу в неведомый мир. Как Вы меня примете? Как Вы меня примете?..

В день смерти старец до последнего вздоха принимал паломников. Его келейница матушка Александра вспоминала: «Время от времени батюшка говорил, что смерть подходит всё ближе и ближе к груди. Но люди всё шли и шли на благословение, и он их всех благословлял. Около 10 часов утра голова у батюшки совсем склонилась, и он <...> лёг на кровать лицом к аналою, подложив левую руку под щёку. В это время постучали в дверь; вошли две женщины по разрешению матушки и подошли к батюшке под благословение. Батюшка положил руку на голову сначала одной, а затем и другой, глубоко вздохнул и утих».

О. Иоанн с благоговением помолился в скромной келии старца, где ему несколько раз являлась Богородица с апостолами. С 2005 года эта келия открыта для посещения паломниками; выглядит она так же, как в момент смерти старца, — его кровать, стулья, этажерка, многочисленные иконы, схимнический куколь, тапочки... Всё это создаёт впечатление, что старец Симеон отлучился куда-то и вот-вот вернётся.

Познакомился о. Иоанн и с валаамскими старцами, которые подвизались в обители с 1957-го. Это были последние насельники Спасо-

Преображенского Валаамского монастыря, в 1940-м эвакуированные в Финляндию в связи с началом советско-финской войны. Потом семеро из братии выразили желание переехать в СССР. Схиигумен Лука, иеросхимонахи Михаил и Иоанн, схимонахи Николай и Герман, игумен Геннадий, монах Сергей — общение с каждым из них было настоящим духовным праздником, радость от которого оставалась в сердце надолго, если не навсегда.

А в день отъезда его пригласил к себе митрополит Вениамин (Федченков, 1880—1961) — некогда епископ белой Русской армии, благословивший П. Н. Врангеля на оборону Крыма, а с 1920 по 1945 год находившийся в эмиграции. В монастырь он удалился в 1958-м, после того как занимал последовательно Рижскую, Ростовскую и Саратовскую кафедры. Разговор был тёплый и длительный. Чувствовалось, что владыке Вениамину не хочется отпускать гостя от себя. Они уже и благословились, и расцеловались на прощание, но владыка всё медлил. Наконец он удалился к себе, а когда вернулся, протянул о. Иоанну полоску бумаги, на которой было что-то написано. Обнял гостя за плечи и, глядя ему в глаза, проговорил:

— Пора нам всем понять, что мы являемся существенной ненужностью никому, кроме Бога.

Эту заповедь владыки Вениамина о. Иоанн затем многократно повторял своим посетителям, а листочек бумаги с этой фразой бережно хранил в своей келии. С митрополитом они больше не виделись — тот скончался 4 октября 1961 года. Сейчас их могилы в Богом зданных пещерах разделяют буквально несколько шагов...

Возвращался на Рязанщину через Ленинград и Москву. В Ленинград батюшка заезжал специально, принимала его Сусанна Валова, запомнившая, как уговаривала о. Иоанна надеть в Русский музей не рясу, а обычный костюм. Но батюшка тогда не уступил — и вызвал у посетителей интерес не меньший, чем знаменитые картины. Превращённый в музей Исаакиевский собор восхитил его:

— Если бы я жил в этом городе, я бы каждый день ходил сюда молиться. Произнеси сейчас «Благословенно Царство...», и всё тотчас оживёт: эти иконы, эти стены. Собор вспомнит своё величие, он ничего не забыл.

По собору о. Иоанн ходил молчаливый, сосредоточенный; видно было, что он погружен в молитву. На выходе обнаружили за собой слежку, но Сусанна Валова, отлично знавшая свой город, смогла сделать так, что от «хвоста» быстро оторвались.

Посетили Смоленское кладбище, помолились у стен закрытой тогда часовни блаженной Ксении Петербургской. Батюшке предложили бутерброды, но он отказался есть на кладбище. Сусанна заговорила о том, что не в каждом храме молиться легко, не везде чувствуется благодать.

— Благодать Божия во всех храмах, — живо возразил о. Иоанн, — это у кого душа огрубела и лёгкие нездоровые, тому и молиться тяжело, и дышится трудно. А мне вот везде хочется молиться, и во всех храмах, и на природе. А уж какая молитва была в лагере! Теперь о ней осталось только воспоминание.

Московская часть ежегодного отпуска о. Иоанна всегда была наиболее хлопотливой, насыщенной встречами и событиями. Он останавливался в измайловском доме о. Николая Голубцова, который в конце 50-х служил в храме Ризоположения на Донской (именно там он тайно крестил дочь Сталина Светлану Аллилуеву, которая в своих воспоминаниях отзывалась о нём с огромной теплотой и уважением). Вторую половину дома занимал о. Виктор Жуков (1904—1979), который, как мы помним, сослужил о. Иоанну в измайловском храме в 1946—1948 годах, а после возвращения из ссылки в 1957-м стал настоятелем храма. Во встречах неизменно участвовал и о. игумен Порфирий (Бараев, 1900—1972), сосланный в Канск вместе с о. Виктором, а с 1954-го служивший в Богоявленском соборе в Елохове. К сожалению, с годами дружеский круг редел, «Москва небесная», которую о. Иоанн хорошо знал и любил, уходила в вечность...

Но были и неизменные друзья, те, чья забота сопровождала батюшку всю жизнь. После 1963-го он останавливался в московской квартире Ветвицких, переехавших из Шубинского переулка в район «Мосфильма», на улицу Пудовкина, в новенькую «хрущёвку» (сейчас она уже снесена). В этой скромной двухкомнатной квартирке батюшка принимал духовных чад, которые шли к нему нескончаемой чередой. К счастью, никто из соседей не проявлял излишней бдительности, а то хозяевам и о. Иоанну могло бы сильно не поздоровиться. Бывал он и на даче Ветвицких недалеко от Загорска. В свою очередь, Ветвицкие наезжали в Летоно, а 15 июля 1962-го батюшка повенчал там сына Матроны Георгиевны Алексея Борисовича с той самой иркутской невестой, которую он обещал ему шесть лет назад, — Мариной. Как рассказывали автору этих строк Алексей Борисович и Марина Викторовна Ветвицкие, электричка тогда мчалась из Рязани в Летоно с необычно высокой скоростью, словно несла их навстречу счастью, а когда вышли из поезда, начался летний ливень, будто омывший с жениха и невесты все прошлые грехи. Само венчание было обставлено торжественно и красиво, а на выходе из храма молодожёнов встретили

пением монахини Браиловского монастыря, осыпавшие их зерном и цветами.

...Служба в Лето́ве, как было сказано выше, шла на фоне разнузданной антирелигиозной кампании. Снова к борьбе с «опиумом для народа» привлекали комсомольцев, которые устраивали шумные гулянья рядом с церквями, а то и забрасывали окна храмов бильярдными шарами. Дальше больше — о. Иоанн начал получать анонимные письма с угрозами. Одно из них содержало такие строки: «Знайте, толстопузому архиерею мы кишки выпустим, а ты, очкарик, не задавайся, тебя мы с кривой Авдотьей на одном столбе повесим». Ниже стояла подпись: «Честное комсомольское».

Терпеть подобное о. Иоанн не был намерен. Когда с письмом в руках он приехал к рязанскому уполномоченному Ножкину, тот сокрушённо вздохнул: мол, анонимка, что с неё взять. На это о. Иоанн возразил:

— Какая же это анонимка, если на ней стоит адрес государственной молодёжной организации? Вот, пожалуйста — «честное комсомольское». Вполне точный адрес.

Ножкин обещал разобраться, и угрозы, адресованные о. Иоанну, прекратились. Зато анонимщики начали бомбардировать посланиями рязанские церковные власти. 23 марта 1961-го Ножкин сообщал начальнику милиции Рыбновского района: «В Рязанское епархиальное управление на имя секретаря Гаврилкина Константина Михайловича поступило анонимное письмо, содержащее угрозы в адрес священника с. Лето́во Крестьянкина. Автор письма предупреждает Крестьянкина, чтобы он ушёл из Лето́ва, иначе он будет убит. Посылая Вам письмо, прошу принять соответствующие меры».

Без сомнения, 1961-й остался в жизни батюшки одним из самых тяжёлых. Не скрасили его даже возведение его в сан протоиерея, свершившееся на Пасху, 9 апреля, и летняя паломническая поездка с Шиповальниковыми и священником Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры о. Александром Козловым (1933—1987) на Валаам, организованная Сусанной Валовой. 13 декабря в Москве скончался митрополит Крутицкий и Коломенский Николай — «крестный отец» батюшки в его священстве, заступник, освободитель. В последние годы он был в большой немилости у властей, поскольку не скрывал своего недовольства политикой Хрущёва в отношении Церкви, и, будучи главой Отдела внешних церковных сношений, всячески противился вступлению Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей. В итоге принципиального владыку 16 июня 1960-го убрали с этого поста, лишили возможности служить в московских храмах и отправили на покой. Смерть

митрополита Николая, скорее всего, не была случайной — хотя его состояние после приступа стенокардии улучшилось, из больницы его не выпустили, а смерть наступила после того, как ему сделали укол... 15 декабря о. Иоанн присутствовал на отпевании владыки в Троице-Сергиевой лавре, которое возглавлял Патриарх Алексий.

А завершился год и вовсе кошмарным случаем, свидетельствующим о том, что разнузданная антирелигиозная пропаганда может привести к каким угодно последствиям. Причём незадолго до него батюшке неведомо с чего вспомнился давно забытый им эпизод, случившийся в юности. Как-то на улице Орла его остановил незнакомец и произнёс:

— Юноша, тебя ожидает трагическая смерть от ножа. А произойдёт это в домике недалеко от железной дороги.

Со временем неприятная встреча изгладилась из памяти, но вот — почему-то вспомнилась. Из окон дома, где батюшка жил в Летове, можно было видеть железную дорогу, отчётливо слышны были гудки паровозов и электричек. А тут ещё эти анонимки с угрозами... Исповедуясь у о. Виктора Шиповальникова, о. Иоанн просил молиться за него.

Наступила ночь с 28 на 29 декабря 1961 года. Было уже далеко за полночь, когда в летовский дом о. Иоанна проникли трое преступников в масках. Кроме самого священника, в доме находились хозяйка, тяжелобольная старушка Агриппина Павловна Беляева, гостя из Москвы Мария Михайловна, Алексей Степанович Козин, помогавший батюшке с ремонтом храма, и ещё двое резчиков по дереву (настоятель в тот день уехал к дочери в Рязань). Угрожая оружием, преступники связали людей и направились в комнату батюшки. Сонного его стащили за бороду с постели; разодрав на груди подрясник, приставили к телу нож, к виску — пистолет. На требование выдать ключи от храма и деньги о. Иоанн ответил, что у него нет ни того ни другого. Жестокие побои и издевательства ни к чему не привели. Тогда бандиты решили убить свидетеля и швырнули его связанным на пол перед иконами — «вымаливать себе рай». Лёжа на боку, со стянутыми за спиной руками и связанными ногами, о. Иоанн возвёл ничего не видящие без очков глаза к образу апостола Иоанна Богослова и начал читать себе отходную. А вскоре потерял сознание от боли.

Очнулся он утром от того, что Алексей Козин раскручивал электрический провод, которым были связаны его руки. Выяснилось, что бандиты, заметив фронтальные шрамы на теле Алексея, «пожалели» его — связали слабее, чем остальных. Именно это позволило Козину освободиться самому и развязать других узников. В комнате царил хаос — ночные налётчики искали деньги. Наскоро прибрались, повторяя вслух:

«Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде». А потом батюшка служил благодарственный молебен, поминая грабителей, не ведающих, что творят. Теперь ему было понятно, о чём предупреждала его старица Екатерина в Пюхтицах. Ведь бандиты, избивая, поносили его точно такими же страшными словами, что и монахиня-прозорливица... Позднее о. Иоанн говорил, что это была единственная в жизни литургия, которую он служил без приготовления. Он специально каялся в этом перед епископом Рязанским и Касимовским.

23 января 1962 года священник отправил на имя С. И. Ножкина заявление, где просил выдать ему новую справку на право служения в летовском храме взамен украденной. Нашли грабителей только через несколько лет, когда о. Иоанн уже находился в монастыре. Причём один из нападавших все 1960-е прожил по украденному им у батюшки паспорту.

Сложно удержаться от того, чтобы не провести параллель с любимым о. Иоанном преподобным Серафимом Саровским. Ведь на него в 1804 году тоже в поисках денег напали разбойники, и было их тоже трое. Но, к счастью, для о. Иоанна ограбление и избиение завершилось всё же не такими тяжёлыми последствиями, как для Саровского старца, который после нападения ходил только согбённым, с палочкой. Да и напавшие на преподобного Серафима крестьяне потом сами пришли к нему в слезах с покаянием, чего нельзя сказать о летовских бандитах.

Увы, беда не ходит одна. На Успение, 28 августа 1962-го, в Летове умерла тяжелобольная домашняя хозяйка о. Иоанна, Агриппина Павловна Беляева. Перед смертью она попрощалась со всеми, а молодую послушницу, певчую Машу, крепко обняла и сказала: «А вот тебя-то я бы взяла с собой». Тогда на слова умиравшей внимания не обратили, а были они со смыслом. Именно Машу отправили в Истобники на почту, послать телеграмму с печальной вестью в Москву, сестре покойной. Она ушла... и пропала. Нашли Машу только через несколько дней в лесу, заваленную хворостом. Она была изнасилована и жестоко убита (следователь прокуратуры сказал: «Я сорок лет на своём месте, но такого зверства ещё не видел»). По благословению игумении послушницу Марию отпевали монашеским чином, как инокиню.

Но ещё до этой трагедии, в июле 1962-го, о. Иоанн Крестьянкин был переведён на третье место службы на Рязанщине — в храм Рождества Христова в селе Борец Сараевского района (во многих источниках он неправильно называется храмом Вознесения Христова). Вернее, не переведён, а сослан. Дело в том, что при о. Иоанне под видом его духовного чада «работал» агент-осведомитель, исправно сообщавший куда

следует о деятельности батюшки. А поскольку и Троица, и Лето́во быстро стали знаменитыми на весь Рязанский край духовными центрами и местами паломничества, было решено упрятать не в меру активного священника в такую глухомань, куда и местные-то добирались с трудом, а не то что москвичи. В итоге выбор пал на Боре́ц.

Владыка Николай этому переводу противодействовать не мог. А отчасти видел в этой ссылке и Промысл Божий. Ведь в том месте, где появлялся о. Иоанн, духовная жизнь, пусть даже почти замершая, вновь оживала. Поэтому старый архиепископ вместе со своим неизменным «спасибо за труды и поты» передавал для батюшки и ещё одно наставление: «В этом приходе народ отогрел, отогревай и дальше»... А делегации летовских прихожан, приехавших в Рязань умолять о том, чтобы о. Иоанна оставили на прежнем месте, владыка Николай сказал так:

— Вот вы повидали настоящего священника, теперь пусть и другие узнают, каким он должен быть.

Несмотря на внешне «революционное» название, Боре́ц назывался так ещё в XVII столетии. Происхождение этого названия до сих пор неясно: местные, конечно, уверены, что оно дано в честь некоего борца-силача, а вот филологи говорят о том, что имелся в виду не то маленький лес, не то другой «борец» — сборщик дани в пользу князя. Уже в конце XIX столетия в Борце насчитывалось больше трёх тысяч жителей, в селе было 515 домов и 27 лавок. Процветал Боре́ц и при советской власти, главным образом за счёт основанного в 1933-м рыбхоза — в Зеркальных прудах выращивали карпов, которые уходили на столы москвичей. Сейчас рыбхоз «Пара» продолжает успешно работать, к карпам добавились толстолобики, амуры, щуки, лини и форель, а вот число жителей в селе сокращается, их меньше семисот.

В отличие от Троицы и тем более Лето́ва, Боре́ц был расположен в отдалённом юго-восточном углу области — путь до Рязани занимал не меньше пяти часов, а райцентр, пятитысячный посёлок городского типа Сараи, находился в 22 километрах. Ехать к новому месту служения пришлось на телеге местного почтальона, но даже в хорошую погоду по дороге попадались почти непроходимые участки. Сейчас автобус преодолевает расстояние от Рязани до Сараев побыстрее, за три с лишним часа, а вот дороги в районе по-прежнему оставляют желать лучшего. Зато окрестные пейзажи радуют глаз просторами — они преимущественно полевые, с вкраплениями всхолмлённых лесов.

Впервые увидев «свой» храм, встречавший каждого въезжавшего в Боре́ц, батюшка некоторое время молча стоял перед ним в изумлении и

восхищении. По сельским меркам это был настоящий колосс, да и в любой столице он украсил бы собой что площадь, что главную улицу. Средств на постройку в 1885 году местные купцы явно не пожалели (в основу строительства легли, по преданию, серебряные слитки, отбитые местными уроженцами у французов во время Отечественной войны и долгое время хранившиеся в Борце). Итог вышел более чем эффектным: величественная, хотя и несколько тяжеловесная архитектура, 30-метровая колокольня, прекрасный золочёный иконостас, уходивший ввысь, под высокий купол..*. Иконы храма были старинными, так, образ Пресвятой Богородицы «Целительница» был написан на Афоне в 1897-м — выполненную золотом надпись, свидетельствующую об этом, и сегодня можно видеть на оборотной стороне этого образа. Другой почитаемой храмовой иконой была также афонская «Достойно есть». Как и большинство храмов на Рязанщине, борецкий состоял из «летней» и «зимней» половин, разделённых двумя высокими застеклёнными перегородками.

Дальнейшая история храма была стандартно печальной: в 1922-м из него изъяли «церковные ценности», в апреле 1940-го закрыли, решив разместить там школу. Но с началом войны в храме заработал склад зерна. Часть икон разобрали по домам местные жители, а прочие были уничтожены — их пустили на изготовление мерок и вёдер. Тогда же хотели сорвать крест с колокольни, но не сумели — уж больно высоко. Сбросили только колокол; настоятель храма, о. протоиерей Пётр Сосновиков, ныне бережно хранит единственный его уцелевший осколок с ликом Богородицы.

Открылся храм в 1946-м. Пятнадцать лет спустя у него был обычный для того времени вид — красные язвы кирпичей, растущая на крыше молодая берёзка, выбитые стёкла в многочисленных окнах. В огромном здании действовал только правый придел. Местные жители явно не прилагали усилий для того, чтобы возродить свой храм, не хватало сил для этого и настоятелям (одним из предшественников о. Иоанна был, в частности, иеромонах Амель (Македонов, 1927—2006), впоследствии настоятель Свято-Иоанно-Богословского Пощуповского монастыря; в Борце он служил в апреле—декабре 1960-го). Знакомство с церковным старостой было красноречивым: он молча поставил перед батюшкой большую бутылку водки и положил на стол петуха...

Фасадом храм выходил на окраинную сельскую улицу. Все власти — сельсовет, колхозное правление, милиция — находились по соседству, незамеченным в храм войти было нельзя. Во время знакомства председатель сельсовета сразу же предупредил:

— Чтобы никаких приезжих. Посторонних в церкви быть не должно. И ещё: каждое выступление священника должно быть изложено на бумаге до произнесения и лежать на моём столе.

— Речь идёт о проповедях? — уточнил батюшка.

— Сказано — каждое слово, без исключений!

Очевидно, после Троицы и Летова об активном характере духовных чад о. Иоанна уже было известно. Поселили священника в стоявшем чуть правее храма деревянном домике, где от летнего ветерка шелестели отставшие от стен обои, а по полу туда-сюда шныряли мыши и тараканы. В соседней комнатке жили две старушки, которые пели и алтарничали в храме. Сейчас этот домик не существует, его можно видеть только на старой фотографии.

Как «поднять» огромный полумёртвый храм в одиночестве, без средств и помощников, под пристальным недоброжелательным надзором?.. Но глаза боятся, а руки делают. Начал батюшка с того, что обустроил в храме второй придел. Небольшой иконостасик разработал и сделал самостоятельно. Появилась и затянута ситцем рама для алтарной преграды. А потом в село добрался верный помощник — Алексей Степанович Козин, мастер на все руки, прошедший с батюшкой и через Троицу, и через декабрьское нападение бандитов в Лето́ве. Москвича в Козине заподозрить никто бы не смог — так, обычный деревенский мужичок в ватнике. В руках у Алексея Степановича всё горело, он и столярничал, и слесарничал, и плотничал, и за выходные успевал сделать столько, на что у другого ушла бы неделя, а то и две. И вот уже в умиравшем храме-гиганте появились царские врата и боковые алтарные двери (они простояли до 2014-го, когда были поновлены). На стенах в специальных нишах были написаны цитаты из Священного Писания. Местные понесли сбережённые во время войны иконы. И даже нервная женщина-регент, которая при каждом удобном случае напоминала о том, что она «семь раз резаная», то есть прошла через семь операций, искренне старалась сдерживать себя и выполнять послушание... Активность нового священника вызвала в жителях Борца искреннее уважение и симпатию. Несмотря на то что в округе были и другие церкви, в Сараевском районе быстро появилась негласная традиция — крестить детей в Борце, у о. Иоанна.

У борецких прихожан родилась добрая шутка о скором на ногу священнике: «У нас храм пятиглавый и батюшка пятиглавый». На что о. Иоанн со свойственным ему самокритичным юмором отвечал:

— У вас храм пятиглавый, а батюшка — безглавый.

Тайно потекли в Борец и паломники из других мест — Троицы, Летова, Рязани, Москвы, Ленинграда. Везли кто что мог: богослужебные книги из давно разрушенных храмов, ткани, свечи... Что мог, привозил и сам батюшка из поездок в Москву (до ближайшей станции он добирался в кабине трактора, тянувшего по непролазной грязи цистерну с местными карпами). Жизнь понемногу налаживалась. К одному только не мог привыкнуть о. Иоанн — к обычаю местных охотников стрелять в воздух из ружей на Пасху. Палили прямо во время крестного хода, заглушая пение «Воскресение Твоё, Христе Спасе...», зачем, почему — неизвестно.

Самыми тяжёлыми в Борце оказались зимы. Первая, 1962/63 года, ещё туда-сюда, а вот вторая, с 1963 на 1964-й, выдалась лютой. Морозы заворачивали под тридцать градусов, и огромный, насквозь пронизанный сквозняками храм настывал так, что руки священника прилипали к Чаше с замёрзшей водой, а на голове появлялись фурункулы. Не помогали одолеть мороз и огромные кирпичные печи, к которым жались во время службы прихожане (печи эти разобрали только в 2006-м, когда в храме было проведено газовое отопление). Лютый холод царил и дома, стены комнатёнки были покрыты инеем. В таких условиях снова начало расшатываться здоровье — напоминало о себе сердце. «Гонца» с лекарствами, приехавшего из Москвы, местные власти быстро заметили и приказали убраться в течение суток. Невольно вспоминались лагерные времена десятилетней давности. Как признавался потом о. Иоанн, «третью зиму служения в Борце я бы не выдержал».

Но третьей зимы не случилось. Ранним летом 1964-го пришёл неожиданный новый перевод — в село Некрасовку. На сей раз инициаторами назначения о. Иоанна на этот приход оказались местные жители — они были наслышаны о чудесном батюшке и слёзно просили епископа перевести его к ним. Уполномоченный был против, и владыка уламывал его целых три месяца. Всё это время службы в Некрасовке не проводились.

Если Борец был отдалённым краем Рязанщины, то Некрасовка — настоящим «медвежьим углом»: это самый восток области, на стыке с Горьковской и Мордовией. Поблизости не было даже некрупных городов, самый значительный населённый пункт в округе — четырёхтысячный посёлок городского типа Ермишь, районный центр. Добраться до Некрасовки можно было либо попуткой (шесть часов езды по ухабам в кузове грузовика), либо самолётом — из Рязани в Ермишь раз в день, и то в хорошую погоду, летал десятиместный «кукурузник» Ан-2. Дорога эта занимала час и запоминалась всем, кто её одолел, невероятной болтанкой,

от которой потом долго нужно было приходить в себя. А там ещё восемь километров по полям и оврагам, — повезёт, так лошаадьми, а нет, так пешком, — прежде чем появлялись крыши Некрасовки, маленького, окружённого лесами и болотами сельца. Но это опять-таки только в хорошую погоду, а в весеннюю и осеннюю распутицу и сильные снегопады Некрасовка была полностью отрезана от остального мира. Да и сейчас добраться туда из облцентра можно только кружным путём, через всю Рязанскую область. От Рязани на восток, к Касимову, потом на юг, к Сасову, и снова на север, в Ермишь — в общей сложности шесть с половиной часов. Расстояние можно было бы срезать, но мешают сильно петляющая Ока с многочисленными притоками и густолесистая местность, в которой до сих пор почти нет проезжих дорог.

Первая же встреча с районным руководством порадовала о. Иоанна. Ему твёрдо заявили:

— Вот что, батюшка. Храм в Некрасовке существовал и будет существовать. Вы должны поддерживать его и быть на высоте своего положения.

На фоне творившегося в стране антирелигиозного шабаша это звучало более чем смело. Впрочем, разгул затеянной Хрущёвым кампании уже подходил к концу. А 14 октября 1964-го, на Покров Божией Матери, и самого «дорогого Никиту Сергеевича» бесславно отправили на пенсию. Первым, а с 1966-го — генеральным секретарём ЦК КПСС стал почти ровесник о. Иоанна (родился в 1906 году) Л. И. Брежнев, при котором откровенные гонения на Церковь были свёрнуты. Воинственная атеистическая пропаганда сменилась научно-атеистической, был взят курс на встраивание Церкви в партийно-государственную машину, хотя её участие в патриотической или благотворительной деятельности было по-прежнему запрещено. В целом Церковь в представлении лидеров СССР тех лет должна была выполнять функцию некоей чётко регулируемой «картинки», призванной успокаивать зарубежное общественное мнение, создавать видимость разнообразия советской жизни, а также участвовать в «борьбе за мир во всём мире».

...Храм, освящённый в честь одного из любимых святых о. Иоанна, святителя Николая Чудотворца, был построен в Некрасовке в 1912 году — деревянный, относительно небольшой и очень уютный. Электрическое освещение в нём отсутствовало, как и в самой Некрасовке. Средств тоже не было — не на что даже свечей купить, и в храме использовали старые огарки, а паникадило зажигали лучиной. На клиросе «кто в лес, кто по дрова» пели две местные старушки. Предыдущий настоятель, как

рассказали батюшке, попивал с тоски... О. Иоанну снова в одиночку нужно было поднимать приход, находившийся на грани закрытия.

Первую службу на новом месте о. Иоанн служил 11 июня 1964 года, на отдание Святой Пасхи. Местная прихожанка Клавдия Енгальчева вспоминала: «В тот день я сама себе говорила, что в церкви “Христос воскрес” кончилось, а у нас только начинается — такая радость была!»

Как всегда, начали с хозяйственных забот. В Ермишь зачастили гонцы от о. Иоанна — раздобыть кирпичи, олифу, железо. Возили это всё на телеге, по ночам, чтобы никто не видел. Слова начальства — одно, а как оно будет на самом деле, никто ведь не знал. И в скором времени произошло очередное чудо — Некрасовка будто расцвела. Снова на огонёк, зажжённый батюшкой, потянулись люди, снова работал народный «телеграф», извещающая о том, где можно послушать слово о. Иоанна. «Как он, дорогой наш, о людях заботился! — вспоминала староста Никольского храма София Федотовна Ульяновкина. — Церковная сторожка при церкви была, ему бы в ней и жить, так он из неё сделал ночлежный дом, в котором ночевали богомольцы, приходящие на службы из дальних деревень. Оборудовал в этом же доме и крестилку. Крестил тайно по вечерам, венчал в церкви ночью. И это всё тайно, тайно. Одним словом, жили мы при отце Иоанне по Божиим законам. Мир да любовь, да труд. Люди отвечали на любовь отца Иоанна своей любовью».

Впервые с незапамятных времён зазвучали в Некрасовке полные службы Страстной седмицы, чин Погребения Спасителя и Матери Божией. Студент Ленинградской духовной академии Дамиан Круглик побывал в Некрасовке со своей невестой Лией на Успение 1965 года. Служба поразила его своей красотой, чинностью, благолепием. Не меньше поразил и сам о. Иоанн: «Я впервые увидел священника идеального, такого, каким должен быть каждый из нас. <...> Я видел всё в идеале: и за богослужением, и в домашней обстановке, и в его отношении с прихожанами при совершении таинства Исповеди и певчими на клиросе. <...> Напутствуемые батюшкиными молитвами и благословением, мы уезжали из Некрасовки как на крыльях. Мой путь предстоящего священства был определён».

То же Успение 28 августа 1965 года запомнила и сестра Лии Круглик, Алевтина Мизгирёва: «От Рязани до Ермиши летели на самолёте, а до Некрасовки ещё 8 километров добирались на лошадке. Мы везли корзину цветов к празднику. В храме вокруг плащаницы поставили белые гладиолусы по паре, и двенадцать лампад звёздочками мерцали среди зелени. Богомольцев собралось множество: местные и из дальних деревень. Удивили дети. Их было так много, и все они с цветами и свечами. Отец

Иоанн поставил их вокруг плащаницы. Ещё до начала службы в храме чувствовалась атмосфера праздника. Сама служба прошла на одном дыхании, люди не хотели расходиться. Слышу разговоры: “Такой службы не помним, на небесах были!” Храм опустел, погашены все лампы, кроме двенадцати вокруг плащаницы. И дал мне Бог увидеть продолжение молитвенного предстояния отца Иоанна. Нас, четверых приезжих девушек, он оставил в маленькой комнатке при храме. За полночь мне захотелось пойти к плащанице, но я тут же тихонько вернулась. Перед плащаницей в слабом свете лампад на коленях стоял и молился отец Иоанн. На рассвете он позвал и нас помолиться вместе. Из храма мы вышли, когда занималась заря».

Не забывали о. Иоанна и его духовные чада из прежних приходов. Свидетельствует Сусанна Валова: «По мере передвижения батюшки по Рязанщине его духовная семья всё разрасталась. Вот однажды сидим за столом. Открывается дверь, и на пороге древняя-предревняя старушка из Летовского прихода. Стоит и счастливо улыбается беззубым ртом. Батюшка ей:

— Да как же ты добралась-то?

— На шамолёте, батюшка, на шамолёте.

Вот так любили отца Иоанна, что в 90 лет на “шамолёте” до него долетали!»

Из Летова в Некрасовку на постоянное место жительства переехали три браиловских матушки — регент хора мать Арсения, инокиня Мария и послушница Нина Топчий. Они составили маленький, но «правильный» хор, сменивший прежний.

Стремилась люди в Некрасовку и в обычные, будние дни. Надежда Мизгирёва вспоминала, что, приезжая днём из Рязани, молодёжь не упускала случая побродить с о. Иоанном по лесу, слушая рассказы о святых и пытаясь представить себе Саровскую обитель — она находилась относительно недалеко к востоку от Некрасовки, Саровские леса видны были на горизонте. «После трудового дня беседовали с батюшкой, сидя на больших брёвнах около его домика под звёздным августовским небом. Отец Иоанн устраивал нам экскурсии по небу. Он, оказывается, хорошо знал астрономию. А сколько драгоценных назиданий получено от него в то далёкое время — на всю жизнь хватает!» А сын о. Виктора Шиповальникова Алексей, проживший в Некрасовке половину лета, запомнил, как о. Иоанн, сидя в тенёчке, судил... футбольные матчи местных мальчишек.

Как всегда, о. Иоанн окормлял не только некрасовских прихожан, но и

жителей окрестных селений. Анна Тимофеевна Циблинова вспоминала: «С отцом Иоанном мы близко познакомились, когда стали возить его по деревням к пожилым людям. То причастить просят, то пособоровать кого-то надо, а то и ребёнка слабенького покрестить на дому — везти в церковь рискованно, больно далеко. А то и отпевание подоспеет. Увезёт его в дальнюю деревню муж мой, оставит там, а сам домой возвращается, утром ему на работу. Глядишь, дело к ночи, стук в окошко. Батюшки ты мои светы! Ведь это из такой дали отец Иоанн пешком пришёл. Уставший, но всегда довольный. Оставляем ночевать, до Некрасовки-то ещё одиннадцать километров. Утро вечера мудренее, завтра порану муж отвезёт. За самоваром и разговорами вся усталость — куда денется. Его посещение для нас такой радостью бывало, не передать. О жизни своей погорюем, о вере и Боге поспрошаем. И так всё было просто. Жили-то мы бедно, и порой смущалась я, чем дорогого гостя покормить. Еда-то у нас одна: чудно дивный картофель да капуста с огурцом, ну, ещё яблоки мочёные. Поставлю на стол горячую картошку в “мундире”, он чистит её да радуется, и столько похвал этой картошечке преподнесёт, что и мне начинает казаться, что вкуснее её ничего нет. Всегда-то батюшка был благодарен Богу и нам, что привечаем его. Жалеем до сих пор, что мало послужил отец Иоанн у нас, родным он стал для нас человеком».

В то время с батюшкой познакомился Савелий Васильевич Ямщиков (1938—2009), тогда начинающий реставратор и искусствовед: «В 1964 году мы работали в экспедиции в Рязанской области, ставили на учёт уникальные иконы, находящиеся в действующих церквях. Работа была рутинная — открытых церквей было немного, от одной церкви к другой иногда приходилось добираться в течение многих часов. Зачастую мы встречали или равнодушных священников, или очень подозрительных батюшек, которые, несмотря на все наши бумаги за подписью министра культуры, сообщали о нашем прибытии в милицию. То есть мы работали сами по себе и нам практически никто не помогал.

Но вот однажды мы приехали в деревню Некрасовка Ермишинского района Рязанской области. Вдруг нам открылась какая-то идиллическая картина. Красивая деревня, посередине пруд, а рядом стоит свежепокрашенная деревянная церковка XIX века. Мы увидели служку около церкви и сказали, что хотели бы видеть настоятеля. Вышла некая женщина и ответствовала: “Я уже доложила, сейчас батюшка переоденется и к вам выйдет”. Ждать пришлось довольно-таки долго. Грешным делом у нас закралось подозрение: не хочет ли батюшка от нас скрыться, как бывало, увы, в некоторых приходах.

Но в какой-то момент нам навстречу из врат храма удивительной лёгкой походкой — как будто не шёл он, а парил в воздухе, — с доброжелательной улыбкой вышел сияющий радостный батюшка. Глаза его искрились любовью, как будто к нему приехали не чужие незнакомые люди, но его близкие родственники».

Завязался разговор. Услышав о научных задачах приезжих, батюшка сказал, что очень рад их видеть, и привёл в пример митрополита Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого, 1862—1936), основавшего Новгородский историко-церковный археологический музей. Осведомлённость и эрудиция сельского священника поразили московских гостей.

«Рассказывая о том, что и сам он собирал иконы из закрывающихся моленных домов и подлежащих разрушению церквей, он ввёл нас в храм, — вспоминал Савелий Ямщиков. — Переступив порог церкви, мы замерли. Устоявшийся запах восковых свечей и ладана дохнул на нас живой благодатной силой. Основной иконостас был церкви родным. Зато на стенах висело около семи десятков икон, спасённых священником. Отец Иоанн радовался, что иконы будут поставлены на учёт и не пропадут».

Три дня, проведённых тогда в Некрасовке, запомнились Савелию Васильевичу на всю жизнь: «Для тогда ещё совсем молодых людей встреча с отцом Иоанном была грандиозной находкой и важным уроком. Он порастил нас своим тактом, элегантностью, доброжелательностью. Мы встретили священника высочайшей духовной наполненности и преданности Богу и Церкви».

В Некрасовке прошли 1964—1965 годы. 19 января 1966 года в Никольском храме состоялось первое после огромного перерыва «явное», торжественное венчание. Жительница посёлка Ермишь Антонина Алексеевна Черенкова в беседе с автором этих строк с нескрываемой радостью вспоминала, как придумал батюшка поздравить её и жениха с праздником — он наказал прихожанам выстроиться в две шеренги на входе в храм со снежками в руках, а звонарю Василию Кузнецову бить во все колокола: «Пусть все знают, что у нас первое венчание, и оно укажет дорогу в храм и другим парам». Так и получилось — стоило молодым подойти к храму, как на них под радостный колокольный трезвон обрушился град снежков. А сияющий батюшка возвестил с паперти:

— Дай Бог, чтобы жизнь ваша была, как этот чистый крещенский снег!..

Эта торжественная служба была для батюшки одной из последних в Некрасовке. Из епархии поступил очередной указ — на этот раз о. Иоанна

переводили в Никольский храм города Касимова. Сам он к переводу отнёсся со смирением («Даже если коммунист-уполномоченный будет переводить тебя с прихода на приход, воспринимай это как волю Божию», — наставлял батюшка о. Олега Тёра годы спустя). Но когда новость узнали некрасовские прихожане, горю их не было конца. Некоторые даже порывались всё бросить и ехать с любимым пастырем на новый приход. О. Иоанн терпеливо разъяснял чадам:

— Оставайтесь на месте, никуда не рвитесь, у вас теперь другой батюшка. Это меня переводят, а не вас!

Но провожать о. Иоанна в Рязанскую епархию из Некрасовки всё же отправилась целая делегация, которая со слезами передала батюшку «с рук на руки» старосте касимовской церкви — Клавдии Ивановне Потаповой, которая, как оказалось, и «выбила» о. Иоанна для своего храма.

В Касимов прибыли вскоре после Сретения, в три часа дня 18 февраля 1966-го. На фоне предыдущих мест служения о. Иоанна 30-тысячный Касимов выглядел большим и шумным городом, к тому же необыкновенно красивым — утопающим в зелени, плавно спускающимся по крутому левому берегу к родной для о. Иоанна Оке. В своё время в Касимове было два монастыря и двенадцать храмов, которые горделиво высились над примыкавшими к реке домами «бережан» — богатых купцов, стилизованными под дворянские особняки. Касимов славился великолепным колокольным звоном; тон в нём задавал шестнадцатитонный соборный колокол, низкий бархатный «голос» которого был слышен на 15 вёрст вокруг и служил ориентиром для сельских приходов.

Каменный храм, посвящённый любимому о. Иоанном святителю Николаю Чудотворцу, был возведён в 1705 году на территории Николаевского монастыря, семьдесят лет спустя упразднённого; в 1867-м к нему пристроили колокольню. В XX веке храм не миновали обычные для России горести: изъятие «церковных ценностей» в 1922-м, закрытие в 1941-м. Но в марте 1943-го храм был открыт и с тех пор уже не закрывался. До 1990-го это была единственная действующая в Касимове церковь, имевшая к тому же статус второй по значимости в епархии (его она сохраняла до 2002-го). Так что в некотором смысле это был перевод с повышением. Тем более что духовный отец о. Иоанна старец Серафим (Романцов) любил повторять: «Касимов — святой город, держись его, и спасёшься». Ведь именно в Касимове в 1933-м служил один из величайших страдальцев за дело Церкви епископ Георгий (Садковский, 1896—1948), там учился знаменитый в будущем архимандрит Кирилл (Павлов, 1919—2017), а до переезда в Рязань в 1956 году жил великий старец иеросхимонах

Макарий (Ерёменко, 1859—1963), с которым о. Серафим в 1920-х разделял иноческое житие на Кавказе. Да и после переезда в Рязань старец Макарий на лето переселялся в Касимовский район — в деревню Даньково, где находился летний скит; туда к нему приезжал о. Серафим. Со старцем Макарием о. Иоанн не раз встречался на Скорбященском кладбище Рязани, где находилась келия старца, а в день его погребения, по воспоминаниям о. Владимира Правдолюбова, взял себе на память его тапочки.

Чего уж греха таить, перевода из села в город о. Иоанн немного страшился. О. протоиерей Владимир Правдолюбов вспоминает: «Истощённый физически от непосильных трудов, он хорошо знал, какие трудности ждут его там. В это время была от властей установка: не давать разрешения на рукоположение новых священников. А старые-то, их было большинство, умирали, и скоро служить будет некому. Когда я начинал, то был четвёртым, потом стал третьим — и последним, потом вторым — и последним. Ко времени перевода отца Иоанна я остался первым — последним. От этой беды избавил наш храм отец Иоанн своим согласием. Да не очень-то и спрашивали его желания. Церковь святителя Николая в Касимове была единственной на весь город и его округу. Дел много.

Отношения с уполномоченным были у нас трудными. Да и староста наша к священникам жестоко относилась. По слову архиерея, она на священников смотрела гордым оком, а на церковный ящик несытым сердцем. Но с приходом отца Иоанна староста изменилась совершенно».

Вспоминает архимандрит Афанасий (Культинов), в 1966 году — истопник Никольского храма: «Помню, как к нам отец Иоанн (Крестьянкин) приехал. Вот что любопытно: когда он появился в нашем храме, я в смущении пошёл к отцу Иакову (протоиерею о. Иакову Цветкову. — В. Б.): “Батюшка, приехал священник, католик”. Маленькая борода. Крест даёт целовать особо. Руки целовать не даёт. И только потом, когда я уже стал отцу Иоанну прислуживать, я понял, кто пришёл».

По приезде в город о. Иоанн сразу же направился в «свой» храм — приложиться к святыням. И только после пошёл к единственному священнику, о. Владимиру Правдолюбову (род. 1931), к которому приехал тогда и служивший в посёлке Сынтул его старший брат о. Анатолий. «Очень радостной была встреча, — вспоминала дочь о. Анатолия Лидия. — Папу отец Иоанн обнимал, целовал и очень радовался. Маме говорил: “Матушка! Как я рад, как я рад!” Этот первый вечер продлился до двух часов ночи. Много-много тогда было обговорено, о многом вспоминалось. Во многом сошлись вкусы и церковные традиции. Например, отец Иоанн, как и папа и отец Владимир, не любил в храме

электрического света. Любил лампадки, да чтобы огни их светились за стеклом каждая своим светом. Говорили о многом. Оказалось ещё, что отец Иоанн — духовный сын схиархимандрита (в то время ещё схиигумена. — В. Б.) Серафима (Романцова), Сухумского старца. Кто-то из старших сказал тогда, что отец Серафим собирает своих духовных детей вместе, поближе друг к другу. Отец Серафим окормлял и наших старших — отца Анатолия, отца Владимира, их маму и сестёр».

Большая священническая династия Правдолюбых, уже в начале ХХI века давшая «своих» святых, не случайно стала для о. Иоанна близкой во время его служения в Касимове. Правдолюбых чем-то напоминали самого батюшку — одарённые многими талантами, духовно стойкие и светлые, прошедшие через тяжёлые испытания, но широко открытые навстречу людям, они не жили, а горели верой. Большую семью Правдолюбых о. Иоанн в шутку называл «Синодом», любил говорить о них: «У нас одна душа». Верным помощником о. Иоанна в Никольском храме был второй священник о. Владимир Правдолюбов, в 1967-м ставший его преемником в должности настоятеля и остававшийся таковым до 2004-го. Не раз бывал о. Иоанн в гостях и у старшего брата о. Владимира, протоиерея о. Анатолия Правдолюбова, с которым подружился ещё в 1956-м в Спаске-Рязанском. На именинах о. Анатолия, 16 июля 1966-го, его 16-летний сын Сергей, ныне протоиерей, своей «Сменой-8» сфотографировал батюшку за столом, поставив перед ним высокую стопку кусков чёрного хлеба. Увидев этот снимок, о. Иоанн с улыбкой сказал: «Вот какие мы, современные постники». С любезного согласия о. Владимира Правдолюбова эта фотография впервые полностью воспроизводится в настоящей книге. Она тем более ценна, что о. Иоанн вообще не любил фотографироваться. Как рассказала автору этих строк Алевтина Петровна Мизгирёва, у него была полушутливая-полугрустная приговорка: «Есть только две фотографии — в фас и в профиль». Понятно, какого происхождения.

Семья Правдолюбых в полном составе быстро подключилась к бурной деятельности нового настоятеля. «Приезд в Касимов отца Иоанна стал особенным событием в жизни города и ближайших к нему сел. Всё пришло в движение и неустанную деятельность. Во всём был какой-то подъём и горение духа. Из обрывочных записей моего дневника видно: то и дело мы, всё бросая, отправлялись в Касимов. Стояли на службе отца Иоанна. Спали все на полу в доме бабушки, чтобы утром быть на службе здесь же», — вспоминает о. протоиерей Сергей Правдолюбов.

Для младших Правдолюбых о. Иоанн быстро стал главным духовным ориентиром, наравне с отцом. В семье батюшка начал

почитаться как старец. Вспоминает о. протоиерей Сергей Правдолюбов: «Он целый год служил, и мы были вокруг него! И вся жизнь наша прошла вокруг него! По всем жизненным вопросам вся наша семья ездила за благословением к отцу Иоанну. И это такая милость Божия, которую вообще трудно себе представить! Мой отец его чтил с таким благоговением, как к святителю Николаю относился к отцу Иоанну. Папа лучше нас понимал, кто такой отец Иоанн Крестьянкин, потому что прошёл через лагерь, как и отец Иоанн. Они ведь были почти ровесники. Это отношение моего отца к отцу Иоанну очень большую давало силу, очень большую духовную поддержку и, конечно, ориентир».

А сестра о. Сергия, Лидия, описала трогательную сцену общения о. Иоанна с младшим поколением Правдолюбовых:

«Однажды нас, детей, батюшка пригласил к себе домой. В одной из комнат был кабинет, куда он нас и привёл, там было много икон и лампад перед ними. В полумраке, только с огоньками лампад, батюшка благословил нас прикладываться к святыням, их у него было много, помазывал нас священным елеем, кропил святой водой и говорил слова, которые остались, думаю, на всю жизнь в наших тогда ещё совсем юных сердцах.

“В жизни у нас две лесенки: одна вверх, другая вниз. Так вот, каждый день надо хоть на одну ступеньку стремиться подняться повыше. И запомните: всё истинно большое и важное, а тем более великое — совершается в тишине”. Притча, которую он поведал нам в той незабываемой обстановке, стала ориентиром в жизни: “Спросили мудреца, задав ему три вопроса: какое самое важное время в жизни? Какой самый значительный человек в твоей жизни? Какой поступок важнее всего совершить? И ответ был таков. Самое важное время в жизни — это настоящее мгновение, потому что прошлое минуло, а будущее ещё не настало. Самый значительный человек в твоей жизни — это тот, кто сейчас перед тобой и которому ты можешь сделать или добро, или зло. Самое важное дело в твоей жизни — в это самое мгновение человеку, который перед тобой, дать всё, что можешь ему дать”.

Тогда же пришла мысль, что сам-то он именно так и поступает по жизни. Мы уже видели, как люди к нему шли, ехали отовсюду со своими горестями и печалью. Шли в любое время дня и ночи. Он принимал всех, несмотря на плохое уже тогда здоровье и отсутствие свободного времени. Мы удивлялись тогда, каким образом ему хватало сил. Этот год служения у нас, в Касимове, отца Иоанна был особенно важным для всех, особенно для нас, молодых. Это было настоящее Духовное Училище.

После проникновенного разговора с нами, детьми, в другой комнате отец Иоанн усадил нас за стол и угощал арбузом — лакомством совершенно не по сезону».

В гостеприимном доме Правдолюбовых каждый приход о. Иоанна был настоящим праздником. И сам он любил бывать в гостях у друзей. Осматривал деревянный Покровский храм, поражающий любого посетителя Сынтула своими величественными размерами, прекрасным иконостасом и росписью потолка. С благоговением молился перед домашними иконами, любовался совместным снимком двух старцев — Макария (Ерёменко) и Серафима (Романцова), долго рассматривал фотографию, подаренную в 1924 году Патриархом Тихоном протоиереям о. Анатолию и о. Сергию Правдолюбовым — деду и отцу о. Анатолия и о. Владимира. Называл их дом «землёй обетованной», говорил:

— Дом у вас крепкий, в переднем углу столько мощей святых угодников Божиих... и мы с Богом молитвами святых и молитвами ваших родовых кровно близких молитвенников будем в нём жить. Но хранить нужно не стены, нет, не стены, а сам дух уходящей теперь Святой Руси. Дорогое родительское гнездо, родная церковь рядом, незримое присутствие дорогих сердцу ушедших людей...

Во время гостеваний в Сынтуле батюшку усаживали за стол между о. Анатолием и о. Владимиром. О. протоиерей Сергей Правдолюбков рассказал автору этих строк, что угощали дорогого гостя «самой простой едой, какую можно было купить в самом простом магазине в городе или даже в нашем посёлке. Никаких деликатесов мы не знали и приобрести их где-нибудь было невозможно. Мы и не пытались, да и денег не было, мы жили очень скудно, почти бедно. Никаких предпочтений у о. Иоанна не было. Именно так: как всё и как у всех». За трапезой отцы беседовали, а остальные собирались вокруг и старались не упустить ни единого слова из разговора. Все понимали, что о. Иоанн — не просто настоятель касимовского храма, что это — «величайшее для нас чудо», ценить в общении с которым нужно каждый момент.

«Его души хватало на всех, — вспоминала Лидия Правдолюбова. — Он был всегда светлым и радостным. Но всегда при этом предельно собранным и внутренне строгим. Он как будто всегда обладал знанием недоступных для нас высоких сфер, он как будто всегда благоговейно и бережно в них пребывал, оставаясь при этом внимательным и искренне открытым для окружающих. <...> В движениях он был быстр и лёгок, подвижен и стремителен, но в обрамлении благородства и глубокого внутреннего такта. Он и в помощи людям всегда был необычайно тактичен

и осторожен. Никогда не диктовал, больше советовал. Когда он не произносил своё мнение по вопросу определённо, он как будто слегка касался вопроса. Его помощь человеку могла заключаться всего в нескольких словах, сказанных иногда как бы и не тебе вовсе. Отец Иоанн в наизидание мог говорить будто о другом человеке, мог приводить примеры из жизни или высказывания святых отцов, мог говорить иносказательно, иногда с лёгкой и радостной шуткой. И это была реальная духовная помощь, просто в разных формах. Всегда человек уходил от отца Иоанна утешенным, лёгким и радостным, получив ответы на волновавшие вопросы».

...В Касимове о. Иоанн поселился в начале Комсомольской улицы, в одноэтажном деревянном доме (современный адрес — Комсомольская, 4). Комнату, которую ему предоставили сначала, он отверг по причине тесноты — ведь с ним приехали две помощницы, Анастасия и Анна, им тоже нужно было где-то жить, — и для батюшки подготовили помещение побольше. «Дом старинной постройки, потолки высокие, — вспоминает о. Сергей Правдолюбов. — Никакой особенной обстановки с мебелью не было. Всё как у всех. Всё крайне просто и обычно, никак не выделяясь от тех людей, какие жили в таких же домах в Касимове». До храма было рукой подать — нужно было выйти на Комсомольскую, пересечь улицу Дзержинского, а там полугородскими-полусельскими дворами буквально минуты две ходьбы. Обратная дорога занимала обычно намного больше времени — о. Иоанна обступали после служб люди, которым требовалась скорая духовная помощь, а отказывать в ней было не в его правилах.

В Касимове, как и на предыдущих приходах, нужно было начинать дело почти с нуля. Новый настоятель первым делом обратил внимание на вконец закопчённый алтарь, потолок и стены храма — давало себя знать печное отопление. Требовалось подновлять и стены, и колокольню. И снова, как и прежде, вокруг о. Иоанна собрались его духовные чада (хотя их приезд был ограничен из-за откровенной слежки), закипела работа. Сам батюшка, с подвязанными рукавами подрясника, орудовал кистью на лесах. За трапезой не было никаких разговоров, обедали торопливо: поели — и снова за работу. На просьбы поисповедовать о. Иоанн коротко отвечал: «Только вечером». И исповедовал, уже стоя на коленях — ноги не держали от накопившейся за день усталости...

Мало-помалу Никольский храм менялся, свежел, хорошел. Летовские монахини пошили облачения тех цветов, которых не доставало в храме — их и сейчас именуют Иоанновскими. Москвички привозили для Плащаницы живые цветы — левкои в горшках, — и этот обычай со

временем прижился во всех касимовских храмах. Вместо печей начали проводить современное отопление. Сначала хотели делать калориферное, из Москвы даже приезжал специалист, но потом выяснилось, что калориферы ежегодно нужно будет прочищать, и в итоге остановились на водяном отоплении (правда, довести до конца эту работу при о. Иоанне не успели — батареи только завезли и установили, но не подключили, и печи в храме просуществовали ещё десять лет).

В новинку для касимовцев были и общие елеосвящения, введённые в практику о. Иоанном. Он убедил сослуживцев в том, что в нынешние времена вряд ли сыщется хоть один совершенно здоровый человек, а потому раз в год можно собороваться всем желающим. Впервые такая церемония прошла в феврале 1967-го в доме матери о. Анатолия и о. Владимира Правдолюбых, затем повторилась в храме, а потом начала совершаться ежегодно, дважды в год: Великим и Успенским постами.

Касимовцам запомнились бесстрашные, без оглядки на власть проповеди настоятеля храма. «Помню его грозные проповеди о безбожниках: “Ладонью солнце хотят закрыть, веру похоронить! Но она-то жива и будет жить, а тех, кто против неё, уже хоронят!”», — вспоминает о. Владимир Правдолюбов. Архимандрит Афанасий (Культинов): «Я увидел и почувствовал, как он проповедует. Он брал книжку, вроде, читал... но, думаю, он брал её просто для того, чтобы свою силу укрывать. Брал книгу и своей проповедью поднимал тебя туда, в небеса, и делал страшное. Он возносил твои разум и сердце... Под тобой пропасть — думаешь, сейчас упадёшь с такой высоты, разобьёшься! Так он мог человека поднять и возвысить». В проповеди, обращённой к женщинам, сделавшим аборт, прозвучала такая фраза: «Придёт время, и чашу с кровью убитого младенца дадут выпить матери-убийце». Конечно, такое запоминалось навсегда.

Но и обычные службы о. Иоанна запечатлевались в памяти. Лидия Правдолюбова вспоминала: «Служение отца Иоанна поразило открытостью и искренностью. Он всецело открыт был Богу, которому служил, и открытость эту доверял людям. Все слова, которые он произносил, он произносил “в слух уха Божия”. И в то же время он предстоял, он как будто слышал молитвы окружающих его людей и, собирая, нёс их своим сердцем к Богу. И не заботился при этом о форме. Это было совершенное содержание. Это было сердце в словах молитвы».

Вслед за о. Иоанном в Касимов пришла и слава о нём как о «провидущем». Архимандрит Афанасий (Культинов) оставил ряд свидетельств прозорливости о. Иоанна, явленной им в Касимове: «Пришёл к нам однажды какой-то монах, бесноватый, может. Собрал этот монах тех,

кто был в церковной сторожке, и разделил кусочек хлеба: “Вот это благодать, причаститесь к ней”. “Ах, прозорливый...” — припали к нему все, кто там был: прислужные, уборщицы. Отец же Иоанн вечером приходит, говорит: “Толюшка, ты зачем к нему подошёл? Человек это больной. Надо быть осторожнее...” А он ведь не был при этом, и ничего ему не рассказывали. Ну, а эти наши уборщицы неоднократно видели, как, когда отец Иоанн заходил в храм, на амвоне лампы внезапно сами зажигались.

Потом мне было попущено такое испытание: у меня в ушах начало шуметь, видно, враг напал, и помыслы пошли. Я отцу Иоанну сказал — он помазал, и всё прошло. А потом какие-то нападения на меня начались, другие помыслы: “Не спасёшься... Погибнешь...” — и всё такое прочее. Он подходит ко мне и говорит: “Сам спасёшься, и семья спасётся!” — прямо на помыслы ответил».

А Правдолюбовы запомнили, как уезжал от них о. Иоанн 16 июля 1966-го, после именин о. Анатолия, когда его сфотографировали со стопкой кусков хлеба. От посёлка Сынтул до шоссе, по которому шёл автобус из Гусь-Железного в Касимов, нужно было идти два километра по дороге, проложенной в красивейшей берёзовой роще. Все нервничали: можно опоздать, автобус ведь ждать не будет. И только о. Иоанн совершенно спокойно сказал: «Водитель подождёт». Так и вышло: вместо секундной остановки автобус ждал пассажиров минут десять...

...Через полгода служения в Касимове батюшка отправился к своему духовнику — глинскому старцу Серафиму (Романцову). Глинская пустынь не существовала с июля 1961-го, причём её разорение власти планировали как полноценную военную операцию. Ещё летом 1960-го напротив имён монахов уполномоченным по делам Русской Православной Церкви по Сумской области УССР были сделаны пометки: «Склонить через родственников к выходу из монастыря», «Удалить по возрасту», «Поместить в больницу для престарелых»... Напротив имени о. Серафима стояла пометка: «Скомпрометировать и удалить». Но в итоге решили просто закрыть пустынь. 14 июля 1961 года её окружили, и монахов, которым запретили брать с собой вещи, деньги и продукты, грузовиками начали вывозить на ближайшую станцию Локоть. О. Серафиму богомольцы собрали деньги на билет, и он смог уехать со станции...

После разорения пустыни глинские старцы частью отправились в Троице-Сергиеву лавру, частью — в Почаев; кто-то оказался в Одессе и Тбилиси. А некоторые нашли приют в Абхазии, где сильны были традиции тайной монашеской жизни в отшельничестве. Там образовалось сразу

несколько таких общин — в Цебельде, Амткеле, Двуречье, Азанте. Пустынники находились в горах по благословению епископа Степанованского Зиновия (Мажуги, в прошлом тоже глинского монаха) и с ведома католикоса-патриарха всея Грузии Ефрема II. А руководил общиной схиигумен Серафим, поселившийся сначала в приморском городке Очамчира, а потом в Сухуми, на улице Казбеги (ныне Черкесской).

Положение общины в Абхазии было очень опасным. Согласно приказу из Москвы сотрудники КГБ и милиции время от времени устраивали на отшельников настоящие облавы — горы облетали на вертолётах, куда монахов заталкивали силой, а потом судили их за тунеядство. Приходилось строить келии под кронами пихт, так как зимой дым костров, разведённых под этими деревьями, рассеивался и монахов нельзя было выследить. К старцу Серафиму они приходили в город на исповеди только по ночам.

Краткие, на несколько дней, визиты к о. Серафиму в течение 1962—1965 годов были для о. Иоанна настоящими праздниками. Он бывал у старца и один, и вместе с о. Виктором Шиповальниковым и его семьёй. Останавливались на даче владыки Ефрема, сопровождали о. Серафима утром на службу в Благовещенский кафедральный собор и наслаждались каждой минутой общения. Неоднократно бывали и в Команах — селе, расположенном в получасе езды от Сухуми. Там, следуя в ссылку, скончался в 407 году святитель Иоанн Златоуст (его гробница до 1990 года хранилась в Сухуми), а четыре с половиной века спустя произошло третье обретение главы Иоанна Крестителя. Там о. Иоанн служил литургии на переносном престоле вместе с монахом Вонифатием.

Нечасто, но случались и ответные визиты о. Серафима в Касимов. Благодати, которой можно было напиться от глинского старца, хватало на целый год. Правда, летом 1965-го в Сухуми о. Серафим вместо обычной приветливой встречи сурово нахмурил седые брови, заведя священников с Рязанщины:

— А что это вы к нам приехали?

О. Иоанн и о. Виктор смутились:

— В отпуск... Отдыхать.

— Приехали отдыхать, а сами небось опять будете с утра до вечера трудиться со мной в храме? — усмехнулся о. Серафим. — А ну шагом марш на море!

Конечно, наказ старца выполнили. Для купания облачились в белые кальсоны, белые балахоны, длинные волосы заплели для удобства в косички. В таком экзотическом виде оба отца сидели в воде у самого берега (плавать ни тот ни другой не умели), шлёпали ладонями по волнам и

беседовали. О. Виктор говорил с другом громко, а о. Иоанн по привычке, оставшейся с лагеря, возражал ему вполголоса. «И вот они сидят рядом, папа что-то там говорит громогласно, а отец Иоанн — “ну, Витечка...”, и ничего не слышно. И ладошками так плюх-плюх. Два дитяти таких сидели, два совершенно невинных существа, ангелоподобных», — с юмором вспоминал сын о. Виктора Алексей.

Но был, конечно, не только отдых. Вместе со старцем о. Иоанн навещал абхазских отшельников в их скитах. Перед такими походами постились, исповедовались, причащались, брали с собой еду и воду. И уходили в горный лес по карте и компасу, без дорог и тропинок. Путешествие было опасным: в горах запросто можно было встретить, к примеру, настоящего удава, не говоря уже о медведях, барсах и волках. Одних только горных речек нужно было пересекать 33, а в некоторых местах проявлять альпинистские способности. То и дело слышалось, как батюшки переговариваются меж собой:

— Витечка, ну подожди, ты опять побежал!

— Ванечка, это ты очень медленно идёшь!

Зато и впечатления были потрясающими. Сын о. Виктора Шиповальникова Алексей на всю жизнь запомнил, как «служили литургию со старцами на камне в пять утра, когда всходило солнце. Я никогда не забуду этого ощущения присутствия Бога».

Конечно, были и сокровенные беседы с духовным отцом. Следы этих бесед сохранились в тетрадях о. Иоанна. «Понимание своей немощи и смирение твёрже всякой иной добродетели, — записывал он сказанное ему о. Серафимом. — Учись переносить приятное с благодарением, неприятное — с молитвой покаяния, всё же вообще — с преданностью Богу и благодарением, повторяя: Слава Богу за всё!». Несколько раз батюшка заводил со старцем речь о своём предполагаемом постриге в монашество, но о. Серафим пресекал разговоры на эту тему. Как именно — мы не знаем, но сохранились свидетельства реакции старца на просьбы о постриге другого его духовного чада, о. Виталия (Сидоренко). «Даже и не спрашивай! — строго отвечал ему о. Серафим. — Я знаю, когда тебя постричь, и не подходи». Возможно, нечто подобное говорил он и о. Иоанну. И батюшка смирялся, предоставляя себя духовному руководству старца. Не время — значит, не время.

Но в 1966-м о. Иоанна подвигло навестить старца Серафима не только чувство любви и почитания к нему, но и тяжёлая болезнь. Ещё после борецких зим у него начались приступы стенокардии, а приступ 21 мая 1966-го, настигший его прямо во время литургии, был таким тяжёлым, что

врачи опасались летального исхода. 16 июня о. Иоанн подал на имя епископа Рязанского и Касимовского Бориса (Скворцова) прошение: «Ваше Преосвященство, как Вам уже известно о том, что в продолжение второй половины апреля и первой половины мая месяца у меня были три приступа стенокардии, а 21 мая был четвёртый по счёту в самой сильнейшей форме, потребовавшей постоянного врачебного наблюдения и строгого постельного режима, длившегося до 12.VI. включительно. В настоящее время по состоянию здоровья я крайне нуждаюсь в отпуске по болезни, на что и испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и разрешения». Конечно, такое разрешение было получено, но легче не становилось. В одном из разговоров с келейницей Т. С. Смирновой батюшка потом скупно признался: «За несколько дней до пострига я прикоснулся к таинству смерти: очевидно, обмирало что-то отжитое, чтобы начался новый этап жизни — монашеский».

Старец Серафим сразу увидел, что о. Иоанн еле стоит на ногах. Что именно он сказал гостю по поводу его болезни, мы не знаем. Но сохранились письма старца духовным чадам, где он делился наставлениями о том, как нужно воспринимать любую болезнь: «Болезнь часто посылается нам за грехи наши. Ведь в скорбях мы всегда делаемся ближе к Богу. Главное — никогда не отчаивайся в болезни. Господь посылает их по безграничной любви Своей к нам, грешным и недостойным. <...> Сверх сил болезнь не даётся: Его святой воле известно, в какой мере мы можем понести её, а от нас требуется только беспрекословное подчинение Его святой воле. В такой болезненной скорби святые отцы советуют всегда призывать на помощь милосердного Господа, Матерь Божию и святых угодников. Кроме того, с полным смирением, кротостью, многотерпением переносить тяжкую свою болезнь, видя в ней великую милость Божию, полезную нашему спасению». Может быть, об этом старец и сказал касимовскому гостю. Оба сидели друг против друга — сутулый, седобородый, с глубоко запавшими глазами, внешне суровый о. Серафим и измождённый болезнью, прерывисто дышащий о. Иоанн...

И вот уже после длительного разговора 81-летний схиигумен внезапно произнёс, словно отвечая на какие-то свои мысли:

— Сами себя, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим. — А потом добавил, уже глядя на гостя: — Отче, не торопитесь умирать в своём произволении. Предадим вас и срок вашего земного странствия постригом в волю Божию.

(Т. С. Смирновой о. Иоанн позднее передал ещё одну фразу старца Серафима: «Ну, я тебя постригу, хоть умрёшь монахом»).

Трудно передать, какие чувства охватили ещё слабого после болезни священника. О чём он думал тогда, глядя в испытующие глаза старца Серафима?.. О серьёзном ответе «Я — монах», который он совсем ещё малышом давал на шутливые предложения взрослых найти себе невесту?.. Об отчаянном «Я хочу быть монахом», с которым двенадцатилетний Ваня Крестьянкин обратился в 1922-м к епископу Николаю?.. О четырёх месяцах 1946-го, которые он провёл в Троице-Сергиевой лавре, зная даже своё будущее имя в монашестве — Сергей?.. О двух неделях 1955-го в Псково-Печерском монастыре?.. О том, что старец Серафим уже несколько раз откладывал разговор о его постриге, видимо, понимая, что время ещё не настало?.. Или же вспоминал совсем недавний свой сон, в котором он увидел незнакомую келию и ангела, ласково сказавшего непонятное: «Всю жизнь будешь мотаться»?.. И каждый раз после этого Промысл Божий вёл его дальше, в мир, к людям. Лагерь, потом годы служения на Рязанщине... Скольких людей он согрел за это время своим светом, скольким помог, скольких спас... И вот теперь монашеский удел сам нашёл его, встретил, согрел — в жарком летнем Сухуми, где воздух был пропитан запахом шашлыков, шумом моря, беззаботным смехом отдыхающих. Но он тогда думал не об отдыхе — о близкой кончине. После тяжелейшего сердечного приступа, купированного с большим трудом, врачи откровенно сказали ему: будете продолжать трудиться в таком же темпе — готовьте себе место на кладбище...

...В одном из писем о. Иоанн так писал о сроке человеческой жизни: «У Бога нет для человека предопределения — но человек непременно является сотворцом Господу своей жизни. И Господь, назирая жизнь нашу, видит, полезно ли нам продление жизни, во благо ли мы иждиваем дни свои, есть ли ещё надежда на покаяние? В жизни нет произвола. И состояние нашей души влияет на сроки нашей земной жизни».

В 1966 году шёл 57-й год земной жизни о. Иоанна. И если судить человеческой меркой, к нему он подошёл уже на пределе сил. Тюрьма и непрестанная, без сна и отдыха деятельность подорвали его и без того слабое от природы здоровье окончательно. К сильнейшей близорукости, граничившей со слепотой, и искалеченной в тюрьме левой руке прибавились туберкулёз и фурункулёз, а теперь вот ещё и стенокардия. Он не жаловался, не ныл, напротив — делал столько, сколько и здоровому было бы не под силу, помня, что «все пути Господни милость и истина» (Пс. 24: 10). Но Господь словно нарочно подвёл его к самому краю, показал: духовные силы твои неистощимы, но физические — безграничны. Однажды он уже пошатнулся во время Литургии, понял,

что не может пересилить жжение в груди, и слава Богу, что у кого-то из прихожанок нашёлся тогда нитроглицерин. И вот теперь новым, куда более могучим лекарем, чем земные врачи, явился для него старец Серафим, сам предложивший ему постриг — то, к чему явно и неявно стремился о. Иоанн всю свою жизнь...

Возможно, тем жарким июльским днём он вспомнил слова «отца русского старчества», преподобного Паисия (Величковского): «Когда болеем, получаем раны, или к смерти приближаемся и умираем, или терпим недостаток в необходимых потребностях и никого не имеем, кто бы помиловал нас; и если при этом скажем: “Как Бог хочет, так да сотворит с нами”, — то этим одним посрамлён и побеждён будет диавол, враг наш».

А может быть, пришли на память слова его любимого земляка, святителя Феофана Затворника: «Что препятствует человеку-грешнику оставить грех и обратиться к Богу — на путь правды? Упорство и развращение своей воли. Как потому должно быть благодетельно истреблять, или, по крайней мере, умягчать в нас сие зло — свою волю, сокрушать сию *выю железную* (Ис. 48: 4)! Но чем и как удобнее можно это произвести? Ничем более, как повиновением, отречением от своей воли, преданием себя воле другого...»

И многие годы спустя, уже видя свою жизнь во всей её полноте, маститый старец о. Иоанн Крестьянкин напишет своему духовному чаду: «Господь знает наше сокровенное, а по вере нашей и стремлению к истине правит нашу жизнь, часто врачует и исправляет то, что по неведению и непониманию может препятствовать исполнению воли Божией в нашей жизни... Со временем и опытно ты поймёшь, что *благо полное для нас только в том, что совершается по воле Божией*».

Стоя на краю, еле дыша от радости, волнения и боли в сердце, он отрекался от своей воли и всецело предавал себя Господу. Всё от него — благо, и жизнь, и беды, и болезни, и сама смерть — лишь мостик в жизнь вечную. И снова, как тогда, в 12 лет, в переполненном орловском храме, твёрдо повторил, глядя в проницательные, глубоко запавшие глаза сухумского старца:

— Я хочу быть монахом.

Схиигумен Серафим совершал над ним предсмертный постриг. Но после этого дня о. Иоанну было суждено прожить ещё почти сорок лет.

...Матушек-келейниц, монахинь Елисавету и Евфимию, под каким-то предлогом попросили удалиться. Старец и священник остались в доме на улице Казбеги одни. 10 июля 1966 года, в день Сампсона Странноприимца, в келии старца Серафима его мантия покрыла духовного сына. Прозвучали

монашеские обеты. И о. Иоанн впервые услышал от старца Серафима своё имя в монашестве — такое же, как и прежде. Иоанн, в честь Иоанна Богослова, память которого отмечается в Соборе 12-ти Апостолов 13 июля. Может быть, он вспомнил в тот момент, что символ апостола любви — орёл, и улыбнулся этому совпадению с названием его родины. А может, подумал о том, что именно молитва перед образом Иоанна Богослова спасла его от убийц пять лет назад...

Принимая имя в память того или иного святого, монах как бы связывается с ним незримой нитью, стремится к тому, чтобы стать «малым подобием» своего покровителя. Житие апостола Иоанна, конечно, было отлично известно о. Иоанну Крестьянкину. «Внешних» переключек в их судьбах как будто бы не найти, а вот «внутренние», потаённые — встречаются. Будущий апостол был, как и его старший брат Иаков, рыбаком, и от Иисуса Христа получил прозвание «Боанергес» — с арамейского это слово переводится как «Сын грома», вероятно, характер у Иоанна был неукротимый, энергичный. Таким же характером обладал и батюшка. Апостол, как и о. Иоанн, смело проповедовал свою веру, за что подвергался гонениям — сначала пыткам в Риме, затем долгой ссылкой на греческий остров Патмос. О. Иоанна тоже пытали во время московских допросов, а затем на пять лет отправили в лагерь... Апостол Иоанн жил долго и умер, в отличие от других апостолов, своей смертью, в возрасте более ста лет; своей смертью в глубокой старости, немногим не дожив до века, почитет и о. Иоанн. Но главное, что сближало батюшку с его небесным покровителем, — проповедь любви. «Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас» (1 Ин. 4: 12) — эти слова из 1-го Послания апостола Иоанна могли бы быть эпиграфом к жизни батюшки...

На прощание старец Серафим посоветовал новоиспечённому иеромонаху Иоанну после выздоровления ехать в Москву и просить Патриарха об определении в монастырь (какой именно, сомнений не было — Псково-Печерский). И добавил поучение, которое адресовал каждому уходящему в обитель:

— В монастыре соблюдай особенно два слова — «Благословите» и «Простите». Что говорят — слушай и что дают — кушай, по своей воле не поступай, а что благословляют делать — без ропота исполняй. И за всё благодари Господа и Царицу Небесную...

Ещё старец составил особое письмо Патриарху, где испрашивал у него прощения за самочинный постриг — ради смертного случая. И уже в Ту-104, набравшем высоту над Сухуми, о. Иоанн почувствовал, что на

сердце стало легче — в прямом и переносном смысле. Молитвы о. Серафима помогали и будут помогать ему ещё долго...

О постриге о. Иоанна не знали даже самые близкие. О. Владимир Правдолюбов рассказал автору этих строк, что уже после водворения о. Иоанна в монастырь с изумлением узнал о том, что его там, оказывается, не постригали. А от кого именно о. Иоанн принял постриг, он вообще узнал из какой-то книги или статьи о батюшке. И это учитывая то, что и со старцем Серафимом, и с о. Иоанном о. Владимир общался очень тесно!

Единственное исключение батюшка сделал для о. Виктора Шиповальникова: с ним он советовался, принимать постриг или же нет. Прочим если и сообщал о том, что произошло, то лишь иносказательно. Так, Сусанне Валовой, заговорившей о том, что близится день его Ангела, коротко ответил:

— А того отца Иоанна уже нет.

Понемногу его физическое состояние улучшилось. Когда о. Иоанн почувствовал, что силы окрепли, он письмом попросил у старца Серафима благословения на уход в монастырь — Псково-Печерский, где как раз открылась вакансия. Это письмо повёз в Сухуми о. Владимир Правдолюбов и вскоре вернулся с ответом — благословением. Как рассказал автору этих строк о. Владимир, старец Серафим высказал своё мнение по обыкновению коротко и определённо, без экивоков:

— Это его давнишняя мечта. Пусть поступает.

Вера Сергеевна Правдолюбова стала свидетельницей особенно горячей молитвы о. Иоанна в день получения этого ответа: «Однажды во время обычного акафиста пред чудотворным Казанским образом Божией Матери оказалась недалеко от отца Иоанна. Меня поразила необыкновенность его молитвы — так батюшка горячо молился, что пронзил всю мою душу <...> В тот день отец Владимир привёз ответ. Именно этот ответ и вызвал такой поток молитвы».

30 января 1967 года о. Иоанн составил прошение на имя Патриарха Алексия. В нём говорилось: «Жизненные обстоятельства не позволяли мне много лет исполнить мой обет, данный Богу, служить Ему в чине монашеском. Моё здоровье слабое, и я чувствую, как моя жизнь сокращается, и Господь напоминает мне об этом. В 1966 году 21-го мая во время служения Божественной Литургии со мной произошёл приступ стенокардии; врачи предполагали критический исход, а Господь судил иначе. Во время болезни около меня оказался известный Вашему Святейшеству Глинской пустыни схиигумен Серафим. Момент был серьёзный, медлить было невозможно, и он совершил надо мною чин

пострижения в монашество, оставив имя Иоанн, только покровитель мой стал св. апостол Иоанн Богослов. Здоровье моё постепенно стало улучшаться, и как только я встал на ноги, первой моей мыслью и желанием было обратиться к Вашему Святейшеству, дабы Вы утвердили и благословили это совершение, а также моё желание остаток моих, может быть, коротких дней дожить в святой семье в доме Пречистой Богородицы, что в Печорах».

Прошение и письмо старца Серафима о. Иоанн передал Патриарху во время личной встречи в Москве. Как он сам говорил потом Лидии Правдолюбовой, ездил он без всякого плана, полностью положившись на волю Божию. И всё сложилось успешно — резолюция на прошении появилась 1 февраля 1967-го: «Божие благословение иеромонаху Иоанну на его иноческий путь. П. Алексей». В Касимов о. Иоанн возвращался, уже имея на руках указ, определявший его новое местожительство. Всё было определено, всё расписано на небесах — ему назначался Псково-Печерский монастырь; обитель, к благодати которой он прикасался уже дважды, ждала его...

Сразу же по возвращении в Касимов последовал вызов в Рязань, на улицу Ленина, 12, — к уполномоченному Совета по делам религий Павлу Савельевичу Малиеву. Тот без особых церемоний сразу же вручил батюшке бумагу — назначение на новый приход, в храм Святого великомученика и Победоносца Георгия села Городище, что недалеко от Рязани (и, кстати, от Летова). В ответ о. Иоанн протянул патриаршую резолюцию об уходе в монастырь. Малиев сразу же сменил тон, стал любезным и предупредительным. И можно понять почему, ведь батюшка все эти годы был для него настоящей «головной болью»...

Для православного Касимова, для всей Рязанщины уход о. Иоанна с прихода стал тяжкой духовной раной. И хотя о. Владимир Правдолюбов, знавший о постриге батюшки, старался подготовить свой приход к прощанию с о. Иоанном заранее, говоря в проповедях о скорбях, которые нужно переносить стойко, весть всё же оказалась неожиданной. Для самых близких батюшка подбирал «утешительные» листочки на молитвенную память, внизу каждого такого листочка было написано: «Отходя от вас телесно, я не разлучаюсь с вами духовно».

Последние дни служения в Касимове были печальными и ещё по одной причине — отошёл ко Господу заштатный о. протоиерей Иаков Цветков. 13 февраля были похороны старого священника, о. Иакова провожало в последний путь шестеро сослужителей. Вечером попрощались с Правдолюбовыми — собралась вся семья, соборовались. После Таинства

в последний раз встретились за столом. Лидии Дмитриевне Правдолюбовой, матери о. Анатолия и о. Владимира, о. Иоанн сказал:

— Меня много раз переводили с места на место. Много я переезжал. Но отовсюду легко, потому что был один. А здесь нашёл семью — и маму, и братьев, и сестёр. Столько теперь у меня родных, и таких любимых, что трудно прощаться и уезжать...

Все вспомнили, что иногда о. Иоанн действительно называл Лидию Дмитриевну мамой, а себя — её третьим сыном.

Софья Сергеевна Правдолюбова так описывала последнюю службу о. Иоанна в городе: «Последнюю литургию отец Иоанн служил в Касимове на Сретение. Храм был переполнен. Отец Владимир вышел на правый клирос петь концерт и говорит мне: “Посмотри, храм плачет”. И у самого слёзы на глазах». Лидия Анатольевна Правдолюбова дополняет: «Народа собралось в Николе великое множество. Все хотели проститься. Отец Иоанн отслужил последнюю литургию, молебен с водосвятием, кропил каждого... Меня легонько постучал кропилом по лбу: святая вода ручьём лилась вниз по лицу, смешиваясь со слезами. Потом прощался. Приложил всех ко кресту, всех выслушал. Мужчины, подходя, обнимали и целовали его. А мы смотрели и смотрели на него в последний раз, пытаюсь запечатлеть его образ. Потом отец Иоанн благословил всех общим благословением и ушёл в алтарь. А люди стояли, полный храм, и не хотели расходиться, и не хотели его отпускать».

В яркий солнечный день 16 февраля в доме Лидии Дмитриевны Правдолюбовой батюшка в последний раз исповедовал своих друзей. Генеральная исповедь длилась долго, о. Анатолий пробыл у о. Иоанна три часа. После исповеди прощались уже окончательно. Трижды облобызались по-священнически и поклонились друг другу в ноги. «После этого тётя Соня помогла отцу Иоанну одеться, — вспоминала Лидия Правдолюбова. — Благословил он нас и ушёл. Так мы видели его в Касимове в последний раз».

16 февраля 1967 года о. Иоанн простился с гостеприимным городом на Оке, проведя в нём чуть меньше года. Но из его жизни Касимов, как и все предыдущие места его служения, не ушёл. «Я вам дорожку протопчу в Псково-Печерский монастырь», — обещал батюшка касимовцам на прощанье и обещание своё сдержал...

В последний день на Рязанщине, словно на контрасте, было и смешное. В Рязань из Касимова летели на «кукурузнике» вместе с о. Владимиром Правдолюбовым, которого назначали новым настоятелем Никольского храма, и его матушкой Ниной Ивановной. О. Иоанн

чувствовал себя хорошо, молитвами о. Серафима сердце его почти не беспокоило, он был бодр и разговорчив. Но в полёте Ан-2, как обычно, неимоверно болтало, и о. Владимир принял от укачивания таблетку пипольфена. Не прерывая беседы, попросил у него такую таблетку и о. Иоанн, а потом ещё одну. И вскоре бодрая речь батюшки стала тише, спокойнее, умиротворённое. А потом он и вовсе мирно уснул, положив голову на плечо собрата. Когда приземлились в Рязани, о. Иоанн еле волочил ноги, будучи ещё под воздействием снотворного. И вот, идя чуть позади встречавших, о. Владимир услышал, как рязанцы сокрушённо цокают языками:

— До чего же отца Иоанна в Касимове довели! Совсем одряхлел, бедный, идти не может...

С духовными чадами в Москве прощались на квартире у Ветвицких. В «хрущёвке» на улице Пудовкина собрались все, кому о. Иоанн был близок и дорог. Батюшка объявил, что уходит в монастырь, и добавил:

— У меня по всей жизни прошли рядом, как два брата, две ветви делания — пастырская и монашеская. И благодарю Господа за служение на деревенских приходах, и прошу благословения на монашеское служение.

— Батюшка, а что преимущественнее — монашество или брак? — задал вопрос кто-то из женщин.

— На монашество нужно собственное осмысленное решение. И жениться хорошо, но только чтобы взгляд на это был как подвиг, а не так: монашества не выдержу — лучше женюсь. Супружество в жизни человека — это великая тайна — единение супругов, деторождение. Как всё премудро устроено! «Господи, как дивно Ты меня устроил! Господи, Ты видел меня в зародыше, видел, как ткалась плоть моя...» А ведь и то, и другое одинаково хорошо, но и одинаково трудно.

Началось прощание. Каждому духовному чаду батюшка говорил несколько единственно нужных слов. Конечно, не обошлось без слёз. Последней о. Иоанн обратился к Сусанне Валовой:

— Я становлюсь монахом, который должен находиться в келии, поэтому такого близкого общения, как на приходе, у нас теперь не будет. Но вам, Сусанна, как батарее отопления, нужен источник тепла, чтобы электростанция была рядом. Вам нужен «карманный батюшка», чуть что — вынула из кармана, спросила и успокоилась.

Сдерживая слёзы, Сусанна попыталась было возразить, но батюшка быстро пресёк попытки отговорить его от ухода в монастырь. Всё было решено окончательно и бесповоротно. И люди, горя от того, что о. Иоанна теперь не будет на приходах, одновременно радовались за него: ведь все

понимали, что монашество для него абсолютно естественно и желанно...

Из Москвы псковский поезд провожала целая «делегация» духовных чад. Снова одновременно и огорчались, и радовались. Огорчались тому, что батюшка будет далеко, радовались — что «теперь с братией вместе, уж не посадят». Пелагея Васильевна Козина сказала:

— Вот, батюшка, теперь отдохнёте: ремонтов и разрушенных храмов больше нет.

— Как в монастыре отдохнёшь? — улыбнулся о. Иоанн. — Ты знаешь, что такое монастырь?

— Нет, не знаю. Никогда не бывала.

— Ну вот можешь приехать в монастырь, а меня не увидишь. Не отчаивайся и не плачь, значит, так Богу угодно.

Последние благословения, слёзы, пожелания счастливого пути... Поплыл мимо перрон Ленинградского вокзала. Впереди были Печоры — монашество, цель всей жизни.

Глава 8

ОБИТЕЛЬ

Согласно правилам, человек, желающий вступить в число братий Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, подаёт прошение на имя наместника, к которому прилагает автобиографию. Автобиография о. Иоанна была написана рукой секретаря Духовного Собора о. Нафанаила. Завершалась она словами: «Поскольку моё искреннее намерение с детства было жить в святой обители, а теперь я уже и принёс Богу иноческие обеты, то я и обращаюсь с просьбой принять меня в число братии Святой Псково-Печорской обители». Кроме автобиографии, в личное дело нового насельника легли другие необходимые документы — метрическая выпись о рождении и крещении и копия свидетельства о смерти матери; уже в августе 1969-го добавилась справка о рукоположении в сан священника, подписанная митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием, впоследствии Патриархом Алексием II.

Было 5 марта 1967 года, воскресенье. Днём на солнце уже плюс два, но к вечеру снова подморозило до минус девяти. От станции Печоры-Псковские до монастыря о. Иоанн, приехавший, как и двенадцать лет назад, вместе со своим другом по академии, епископом Волоколамским Питиримом (Нечаевым), шёл пешком. Над монастырём и городом стоял праздничный трезвон — обитель отмечала день памяти своего основателя, преподобномученика Корнилия. Отстояв Божественную литургию в Успенском соборе, о. Иоанн первым делом приложился к мощам преподобномученика и в молитве испросил благословения на жительство в монастыре.

Затем иеромонах направился к наместнику, архимандриту Алипию. После приветствий тот повёл о. Иоанна через Успенскую площадь в двухэтажный братский корпус.

Миновали трапезную, поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и прошли в самый конец коридора, к угловой келии с номером 18 на двери. Послушник отпер дверь, и наместник ввёл о. Иоанна в небольшую прихожую, а затем в маленькую узкую комнатку. Переступив её порог, иеромонах застыл в изумлении: он уже видел эту комнатку, видел окно, иконы на стенах, скромный зелёный диванчик у левой стены... Это в

ней ему явился недавно ангел, который загадочно сказал: «Всю жизнь будешь мотаться». Между тем архимандрит суровым голосом произнёс:

— Отсюда тебя и выносить будут.

И снова о. Иоанн почувствовал себя странно. Ведь примерно такие же слова («Вот тебе келия, в ней и умрёшь») в 1927 году произнёс наместник, поселяя в келии великого старца Симеона, отошедшего ко Господу семь лет назад, — того самого, что назвал о. Иоанна земным ангелом и небесным человеком.

В первый же день в монастырь поступила просьба из сельского прихода — отпеть человека. Наместник о. Алипий сказал: «Пошлём отца Иоанна, он любит служить». И новичок, не успевший ещё разместить немногочисленные пожитки в келии, отбыл на послушание. Когда добрался до села, обнаружилось, что тело покойного лежит в сарае уже не меньше недели... Сотворив положенную службу, о. Иоанн вернулся в монастырь и доложил о выполненном наместнику. Тот испытующе смотрел на новичка: в каком состоянии вернулся он после отпевания?.. И встретил прямой, светлый взгляд человека, готового к новым послушаниям, к службе во имя Господа.

Так начиналось его служение в Псково-Печерском монастыре.

...В России есть места, где необходимо побывать — по возможности, конечно, — каждому. Это Красная площадь в Москве, Дворцовая — в Петербурге, волгоградский Мамаев курган, Куликово и Бородинское поля, берег Байкала, севастопольская Графская пристань, колокольня затопленного Никольского собора в Калязине, Троице-Сергиева лавра. И, конечно, Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, который многие тоже называют лаврой, хотя формально это и неверно. Но по духу правильно: ведь лавра — название особо почитаемого, многозначного в истории Церкви и государства монастыря.

Первыми поселенцами на землях будущего монастыря были жители Старого Изборска. Охотясь в 1370-х годах в изрезанном многочисленными оврагами лесу, они слышали доносящееся из-под земли пение, которое сочли ангельским. В итоге участок приобрели у Пскова. Как гласит предание, в 1392 году крестьянин Иван Дементьев рубил росшие на этой земле деревья; одно из них, рухнув, корнями увлекло за собой другие, и в склоне оврага открылся нерукотворный вход, над которой виднелась надпись «Богом зданная пещера». Вскоре в чудесно явленной пещере поселились монахи из Киево-Печерской лавры. Один из них, преподобный Марк, любил молиться на большом камне, который и сейчас находится на Святой Горке монастыря — самой высокой его части, вплотную

примыкающей к крепостной стене и занятой обширным фруктовым садом.

Первый храм в монастыре, названный в честь Успения Божией Матери, основал в 1473 году священник из Дерпта (ныне эстонский Тарту) Иоанн Шестник, в монашестве Иона. Его супруга Мария перед смертью приняла монашество с именем Васса. Когда её погребли в пещерах, гроб дважды чудесным образом возносился из могилы наверх. Тогда иноки оставили его на поверхности. Подобным образом насельников обители хоронят и по сей день. Со временем пещеры превратились в огромное кладбище, где погребено около 14 тысяч иноков и людей, имевших отношение к монастырю. Раньше гробы ставились прямо на пол, теперь они замуровываются в небольшие углубления естественного происхождения в стенах. В пещерах всегда прохладно. Вентиляция там отсутствует, но дышится легко, не чувствуется ни малейшего запаха тления. А цветы, которые люди приносят к могилам, очень долго остаются свежими. Это неизменно поражает маловеров, начинающих искать какие-то естественные объяснения этим фактам.

В легенду вошёл рассказ о посещении пещер Борисом Ельциным в 1994 году. Он тоже не мог понять, почему в подземном кладбище, где древние гробы стоят прямо на земле, отсутствует запах тления, и во время экскурсии допытывался у архимандрита Нафанаила:

— Нет, ну скажите — вы ведь, наверное, их какими-то благовониями мажете?

Отец Нафанаил уже собирался было терпеливо объяснить, что даже при всём желании постоянно мазать благовониями четырнадцать тысяч гробов нереально, но ответил иначе:

— А вот в вашем окружении, Борис Николаевич, есть люди, от которых плохо пахнет?

Президент недоумённо оглянулся на покрасневшую свиту:

— Да вроде нет.

— Так почему же вы думаете, что кто-то может плохо пахнуть в окружении Царя Небесного?..

...На протяжении XV—XVI столетий небольшая обитель не раз подвергалась нападениям лифляндцев, но всякий раз возрождалась. Её расцвет начался с приходом на должность игумена Корнилия (1501—1570). Сын псковских бояр, он стал игуменом уже в 28 лет. О. Иоанн в одной из своих проповедей так говорил о нём: «Это был человек, обладавший необыкновенным, данным ему от Бога, личным обаянием. Высокий, стройный, мягкий и спокойный в обращении, с необыкновенно пронизательным взглядом синих глаз. Его любили. Он был известен далеко

за пределами монастыря».

Именно при Корнилии монастырь приобрёл облик, который в целом сохранился до наших дней. Были возведены в камне главные храмы — Успенский, надвратный Святителя Николая Чудотворца, Благовещения Пресвятой Богородицы. В 1558—1565 годах вокруг обители зодчим Павлом Петровичем Заболоцким, в монашестве Пафнутием, была построена мощная каменная стена с девятью башнями, превратившая монастырь в своеобразный кремль. Именно эта стена и стала причиной трагической гибели Корнилия. Когда 20 февраля 1570 года к обители прибыл царь Иван IV, он увидел крепостные стены — и решил, что игумен хочет «отложиться», обособиться от Российского государства. Когда Корнилий с братией вышел встречать царя, тот в гневе отсек ему голову (по другой версии — убил жезлом). Увидев, что натворил, царь тут же раскаялся в своём преступлении и на руках отнёс тело игумена к Успенскому храму. На дорогу, по которой царь нёс тело преподобномученика, капала кровь убиенного, и потому она с тех пор называется Кровавой. Булыжник, которым вымощена Кровавая дорога, многие считают старинным, но на самом деле это работа мастера Павла Петровича Русакова, сделанная в 1962 году. Задача была сложной — предыдущие мостовые быстро размывались дождями, и только Русаков догадался вместе с песком класть под булыжник мох, благодаря которому камни до сих пор на своих местах...

Уже при Корнилии Псково-Печерский монастырь был широко известен по всей России. Главными святынями обители были образа Успения Божией Матери, написанный в 1521 году псковским иконописцем Алексием Малым, и Умиления Божией Матери. Шестьдесят лет спустя эти иконы спасли от осады войск польского короля Стефана Батория Псков. Осада продолжалась пять месяцев, но поляки так и не взяли город. Нападению подвергся и сам монастырь, и этот штурм также был отбит. В следующий раз Псково-Печерской обители пришлось воевать во время Смуты, отражая нападения поляков, шведов и отечественных «Лжедмитриев». А в последний раз монастырь принял бой 13 февраля 1703 года, когда в ходе Северной войны его осадил шведский отряд. Но и тогда гарнизон успешно отразил нападение, а царь Пётр I в знак заслуг монастыря велел водрузить над Святыми вратами двуглавого орла (в 1917-м его сбили очередью из пулемёта солдаты-дезертиры). На Святой Горке для царя монахи построили специальную беседку на холме, вплотную примыкавшем к стене. Сделано это было для того, чтобы табачный дым от трубки, которую любил курить Пётр, уносило ветром за пределы монастыря.

В 1812 году во время Отечественной войны чудотворная икона Успения Божией Матери ещё раз явила свою спасительную силу. 7 октября с ней был совершён крестный ход в Пскове, и в тот же день русские войска под командованием генерала П. Х. Витгенштейна в ходе тяжелейшего боя освободили от французов Полоцк, после чего окончательно отпала угроза для столицы России Петербурга. В честь этого события в июне 1827 года в монастыре был освящён храм в честь Архангела Михаила. А три года спустя после молебна перед иконой Успения на Псковщине прекратилась эпидемия холеры.

На протяжении нескольких столетий монастырь неоднократно посещали правители России. Звонницу Успенского собора украсили колокола, поднесённые монастырю Иваном IV, Борисом Годуновым и Петром I. Другие дары царей хранились в ризнице — золотая плащаница, вручную вышитая первой женой Ивана IV царицей Анастасией Романовной, её же золотой перстень с камнями и яхонтовые серьги, золотые кубки, золотой с драгоценными камнями крест 1590 года, Евангелие 1644 года в массивном серебряном окладе, Евангелие 1667 года в золотом окладе и многое другое.

В 1732 году в монастыре побывала императрица Анна Иоанновна. Причём приехала она в дорожной коляске, а уезжала уже в санях, так как выпал обильный снег и дорога стала непроезжей. Коляску же государыня подарила обители (сегодня её можно видеть в специальном застеклённом павильоне, на холме справа от Кровавой дороги). В 1744 году монастырь посетила императрица Елизавета Петровна, подарившая Успенскому собору прекрасный резной иконостас. Дважды, в сентябре 1819-го и мае 1822 года, посещал обитель Александр I. В июле 1878-го — братья Александра III, великие князья Сергей и Павел Александровичи, и великие князья Константин и Дмитрий Константиновичи. 5 августа 1903 года в монастыре побывал император Николай II, к приезду которого была выстроена специальная беседка рядом с домом наместника; позже она была разрушена, но ныне восстановлена на прежнем месте. Ширилось и паломничество в монастырь простого народа. Добраться до Печор стало просто с 1899 года, когда открылась железнодорожная станция Печоры-Псковские.

В конце XVIII века в монастыре подвизался первый в его истории великий старец — преподобный иеросхимонах Лазарь (1733—1824). Сын дьячка, он был священником в Опочке, а в возрасте пятидесяти двух лет принял монашеский постриг. Маленький, сгорбленный, очень худой и бледный, о. Лазарь постоянно носил на теле власяницу и 17-фунтовые (7,7

килограмма) вериги, был крайне воздержан в еде и питье, постоянно пребывал в молитве. Помимо этого, он работал — шил ризы, а вырученные за работу деньги раздавал паломникам. Спал на досках, подкладывая под голову камень, а в келии его стоял гроб.

В один из дней старца Лазаря нашли в его келии мёртвым. Прошло трое суток, и его уже собирались хоронить, когда он неожиданно очнулся от смертного забытья. После этого случая старец начал носить ещё более тяжёлые вериги — 25-фунтовые (11 килограммов), — почти всё время молчал, а на попытки его расспросить об увиденном во время смертного обморока отвечал словами Псалтири: «Люта смерть грешника».

29 мая 1822 года старца посетил в его келии Александр I. Они проговорили полчаса. На вопрос императора: «Какая молитва доступнее к Богу?» — о. Лазарь ответил:

— Тебе, Государь, это известно — молитва Господня есть образец молитв; а на требование Твоё от моего убожества наставления — признаю делание правды светилом для Царя пред Отцом Небесным. Жизнь Царя должна служить примером для подданных. Помни, Государь, что нам остаётся недолго жить на земле.

На прощание старец пал государю в ноги, а тот ответил земным поклоном. Когда Александр I уходил от старца, на глазах императора были слёзы. И не пример ли о. Лазаря сподвиг его на уход из мира три года спустя, когда властелин огромной страны стал скромным старцем Фёдором Кузьмичом и скрылся на просторах Сибири?..

...Минул век. С огромным трудом монастырь пережил лихолетье 1917—1920 годов. Вовремя Первой мировой войны в обители действовал госпиталь. В феврале-ноябре 1918-го Печоры были оккупированы германцами, в ноябре 1918 — феврале 1919 года заняты Красной армией, в феврале-марте 1919-го — эстонскими войсками, 11—29 марта — снова красными. С 29 марта 1919 года в Печорах прочно закрепились эстонцы. 19 мая была провозглашена Эстонская Республика, которая 2 февраля 1920-го заключила мирный договор с РСФСР. Согласно этому договору Печоры передавались Эстонии, где были переименованы в Петсери.

К этому времени в монастыре оставался 21 человек братии, включая послушников (при преподобном Корнилии число насельников достигало двухсот). Здания пришли в упадок и нуждались в ремонте, хозяйство монастыря было разорено, монашеские келии и имущество разграблены. Когда грабители пытались вскрыть гроб с мощами преподобной Вассы, оттуда вспыхнуло пламя и кощунники в ужасе бежали. Следы этого пламени можно видеть на гробе и сейчас. В хрущёвские времена гроб

специально обследовала учёная комиссия, тщетно пытавшаяся найти какое-либо внятное объяснение возгоранию.

В 1920—1940 годах делами обители управляла Печерская епархия Эстонской Православной Церкви. Монастырь в эти годы был своеобразным островком старой России; его посещали многие русские, оказавшиеся в эмиграции, в частности, знаменитые писатели И. А. Бунин и И. С. Шмелёв. Княгиня Зинаида Шаховская, вспоминая посещение монастыря в начале 1930-х, писала: «Три дня провела в Печорах — в России — не скрою: почувствовала себя там больше на родине, чем в Москве в 1956 году». В 1920-х были капитально отремонтированы храмы и корпуса монастыря, в 1925-м, согласно положениям земельной реформы, монастырь лишился большинства своих земельных владений. С 1935 года в монастыре работала духовная семинария, сделавшая три выпуска. В 1936 году Эстонская Православная Церковь перешла под управление Константинопольского Патриархата, но продолжалось это недолго — летом 1940-го Эстония вошла в состав СССР, а в мае 1941-го Эстонская Церковь присоединилась к Московскому Патриархату.

С установлением в Печорах советской власти земли монастыря были реквизированы, а саму обитель ожидала ликвидация — вместо неё должен был появиться музей. Ризница, где хранились бесценные предметы церковной старины, 21 сентября 1940-го была опечатана, книги из библиотеки вывезли в Тартуский университет, Михайловский и Успенский соборы действовали как обычные приходские храмы. Дошло до того, что насельники монастыря вынуждены были платить за проживание в келиях, а сама обитель переименована в «Печерскую христианскую Успенскую мужскую трудовую общину». Но за год дело до музеефикации так и не дошло — как писала заместитель городского головы Печор А. А. Пяллинг, «уж очень много было работы по раскулачиванию и национализации земли».

10 июля 1941-го Печоры были без боя заняты вермахтом. Три с лишним года монастырь оставался на территории, где хозяйничали фашисты. Наместник, игумен о. Павел (Горшков), всеми силами старался сохранить быт и дух древней обители нетронутым, но в сложившихся условиях это была невероятно трудная задача. Монастырь неоднократно подвергался бомбардировке с воздуха, некоторые насельники при этом были убиты и ранены. 18 марта 1944 года оккупанты вывезли из обители четыре огромных ящика с древними сокровищами монастырской ризницы. А в августе 1944-го, когда фронт подошёл вплотную к городу, в монастырь пришёл представитель немецкой военной комендатуры и потребовал у

монастырского начальства письменного согласия братии на её эвакуацию в Германию. Возглавлявший переговоры с оккупантом архимандрит Никон (Мико, 1874—1952) сослался на плохое знание немецкого языка и попросил прийти снова — уже утром, с переводчиком. Когда немец ушёл, вся братия во главе с иеросхимонахом Симеоном (Желниным) встала на молитву в Успенском соборе, перед ракой с мощами преподобного Корнилия и чудотворным образом Успения Божией Матери. Некоторые считали, что нужно покинуть монастырь и отступать вместе с немцами в Эстонию, другие — что следует предаться воле Божией и остаться в обители, чтобы разделить её участь. Последнее мнение победило. Иеродиакон Иона сказал тогда:

— Мы никогда не уйдём отсюда, несмотря даже на близкое пришествие «красных»; мы прежде всего монахи русского православного монастыря и хотя и погибнем, но не уйдём отсюда, не предадим своей обители.

Наутро офицер вермахта пришёл в монастырь снова, уже с переводчиком. Но переговоры завершились для визитёров безуспешно. Три присланных немцами грузовика несколько часов простояли у стен обители и уехали порожними. Выполнить приказ командования — в случае сопротивления эвакуировать монахов силой, а здания монастыря взорвать — немец не рискнул... «Столь неописуемые минуты можно понять только тому, кто был смертником, и потом его вдруг помиловали, — вспоминал иеродиакон Иона, — нас спасла любовь к обители и непобедимая помощь Неба, ибо Бог не в силе, а в правде».

11 августа 1944-го Печоры снова стали советскими. На следующий день фронтовая газета «Вперёд за Родину» писала: «В Псково-Печерском монастыре звонят колокола в честь Красной Армии. Духовенство служит молебн. Настоятель дарит нашим бойцам цветы». А ещё через одиннадцать дней город был передан из состава Эстонии в РСФСР.

О том, как выглядел монастырь сразу после окончания военных действий, вспоминал о. протоиерей Евгений Пелешев: «Никольская колокольня разбита снарядом, ограда с колоннами перед Михайловским собором разрушена бомбами. <...> В трапезной все окна были тогда забиты досками, в 1944-м бомба упала совсем рядом. <...> Братский корпус обители был изрешечен осколками; крыльцо Успенского собора разбито снарядом. На скотном дворе будто кто-то нарочно нарыл ям — это остались воронки от бомб».

В первое время сохранялась надежда на то, что монастырь не будет затронут репрессиями. Игумен Павел участвовал в митинге по поводу

освобождения Печор 24 августа, через четыре дня, на Успение Божией Матери, монастырь посетил первый секретарь уездного комитета партии Овсянников. В Ленинградскую епархию было послано прошение о принятии монастыря в каноническое общение с Московской Патриархией. Всё закончилось 23 октября 1944 года, когда 77-летний игумен Павел был арестован сразу по трём пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса. На допросах он частично признал свою вину, получил 10 лет заключения и умер в кемеровских лагерях в июле 1950 года. После ходатайства епископа Зарайского Павла (Пономарёва, ныне Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Заславский) и президента Российского благотворительного фонда международной помощи жертвам политических репрессий Н. В. Нумерова игумен Павел был реабилитирован 14 марта 1997 года.

После войны Псково-Печерский монастырь не был ликвидирован, как это планировалось в 1940-м. Возможно, тому способствовали пришедшийся как раз на это время краткосрочный «роман» советской власти с Церковью и тот факт, что в 1944—1946 годах монастырь был вообще единственной действующей обителью на территории РСФСР. Затем возродили Троице-Сергиеву лавру, на которую возлагались «представительские» функции — туда возили туристов, официальные иностранные делегации и т. п. А Псково-Печерскому монастырю была уготована участь труднодоступной провинциальной обители. На деле же всё вышло не так, как задумывалось.

Сразу после войны наместниками монастыря были архимандриты Агафон (Бубиц; 1944—1946), Нектарий (Григорьев; 1946—1947), Владимир (Кобец; 1947—1949); в 1950-х годах — Пимен (Извеков; 1949—1954, в 1971—1990 — Патриарх Московский и всея Руси), Сергей (Гаврилов; 1954—1956), Августин (Судоплатов; 1956—1959). В обители кипела работа по восстановлению разрушенного. Немногочисленная (на 1949 год — 45 человек, на 1952-й — 47) братия трудилась, по свидетельству архимандрита Нафанаила, «с 7 часов утра до 7 часов вечера. Каждый час после 50 минут работы десять минут — отдых. Питание было скудное». По воспоминаниям протоиерея о. Евгения Пелешева, «в монастыре не было даже общей трапезной. Обед и ужин брали по келиям, про утренний чай для трудников и послушников никто и не слышал. Хлеба выдавали нам по шестьсот граммов на день. Раза два или три в неделю давали по три картофелины, сваренные “в мундире”. А уж суп с картошечкой бывал только по воскресеньям да по праздничным дням».

При наместнике архимандрите Пимене (Извекове) в монастыре

начались реставрационные работы, наладилась хозяйственная сторона жизни обители — в частности, был приобретён грузовик, обзавелись автономной дизель-электростанцией, выручавшей, когда власти Печор нарочно отключали в городе электричество в Пасхальную ночь. Но в течение 1950-х годов монастырь так и не удалось полностью поднять из руин. Древние башни и корпуса по-прежнему были полуразрушенными, в крепостных стенах зияли дыры, в которые могли свободно проходить коровы... Всё изменилось с назначением 28 июля 1959 года на должность наместника игумена Алипия (Воронова). На его личности стоит остановиться подробнее, так как с ним связана целая эпоха в жизни обители.

Крестьянин по происхождению, Иван Михайлович Воронов родился 28 июля 1914 года в подмосковной деревне Тарчиха и до войны жил обычной жизнью — окончил школу, работал в колхозе, прокладывал московское метро и трудился там же кассиром и помощником дежурного по станции, позже работал на заводе, в 1936—1938 годах служил в армии. Тогда же проявил незаурядный талант художника. В феврале 1942-го — мае 1945 года участвовал в Великой Отечественной войне, которую гвардии рядовой 16-й гвардейской механизированной бригады 4-й танковой армии Иван Воронов закончил кавалером ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги» (уже после войны он получил медали «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги»), В 1946—1950 годах работал художником в Москве. Тогда же произошло событие, изменившее его жизнь: «В 1948 году, работая на пленэре в Троице-Сергиевой Лавре под Москвой, я был покори́н красотой и своеобразием этого места, сначала как художник, а затем и как насельник Лавры, и решил посвятить себя служению Лавре навсегда».

Закончилась мирская биография Ивана Михайловича 12 марта 1950 года, когда он поступил послушником в Троице-Сергиеву лавру. Послушанием ему были определены реставрационные и иконописные работы. В августе того же года он принял монашество с именем Алипий. Такое же имя носил самый первый русский иконописец — живший в XI веке преподобный Алипий Печерский, которому, по преданию, помогали в написании икон ангелы.

Осенью 1950-го о. Алипий был рукоположен в иеродиакон и иеромонахи, после чего занял ту же должность, которую в 1946-м какое-то время занимал о. Иоанн, — стал ризничим Троице-Сергиевой лавры. В апреле 1953 года был возведён в сан игумена. В конце 1950-х о. Алипий продолжал оставаться «главным реставратором» Русской Православной

Церкви, восстанавливал многочисленные храмы и лично занимался написанием икон. Но его истинным призванием, как выяснилось, было всё же руководство людьми. Недаром период его наместничества в монастыре по сей день считается легендарным и окружён почитанием, а глава о нём в «Несвятых святых» митрополита Тихона (Шевкунова) называется «Великий Наместник».

Игумен (с февраля 1960 года архимандрит) Алипий возглавил монастырь в тяжелейшие годы хрущёвских гонений на Церковь. Его назначение сразу же вызвало резкие возражения со стороны псковского уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви А. И. Лузина. Он уже через неделю после вступления игумена в должность, 18 августа 1959 года, направил на имя своего начальства встревоженное письмо, где высказывался против кандидатуры о. Алипия: «По имеющимся у меня данным по линии патриархии наместником настоятеля намечается игумен Троице-Сергиевской Лавры Олипий (так в документе. — В. Б.), в прошлом художник-реставратор, который является чрезмерно религиозным человеком и, конечно, будет возглавлять реакционную часть монашествующих». На Патриарха Алексея было оказано сильнейшее давление, и 3 сентября игумена освободили от должности. Это был первый подобный случай в истории обители, и причина была очевидной, — по меткому замечанию историка Андрея Пономарёва, «нужен был наместник, через которого монастырь можно было закрыть».

Но произошло чудо — братия отстояла своего наместника. 14 сентября 1959-го Духовный совет старцев и прочие насельники монастыря обратились на имя Патриарха с рапортом, где писали: «Мы увидели в о. Алипии попечительного отца, мудрого советника в ведении монастырских дел, заботливого труженика о восстановлении монастырских храмов. <...> Мы припадаем к вашим стопам с искренней покорнейшей просьбой — оставьте нам наместника игумена Алипия, который являет нам отеческую любовь, в котором мы увидели мудрого доброго кормчего и который за короткое время пребывания у нас стяжал любовь и уважение всей братии». И 9 октября игумен вернулся в монастырь. Это была убедительная и, как выяснилось впоследствии, Промыслительная победа...

Псковско-Печерский монастырь сразу же оказался на прицеле властей. На Троице-Сергиеву лавру они не покушались — это, как говорилось выше, был монастырь «представительский», «для иностранцев». А вот далёкая от Москвы небольшая обитель выглядела беззащитной. И вполне вероятно, что участь монастыря действительно была бы решена, если бы не мужество и принципиальность о. Алипия. В этом мужестве его укрепляла

фраза, которую адресовал ему незадолго до своей смерти прозорливец иеросхимонах Симеон: «Действуй смело, тебе ничего не будет».

Атаки на монастырь были разнообразны — то «по мелочам», то масштабные. И на каждую у о. Алипия находился остроумный, а главное — действенный ответ. Так, когда у монастыря решением Печорского райсовета отобрали все хозяйственные угодья и пастбища тридцать монастырских коров стало негде, он выпустил скотину прямо на Успенскую площадь, на прекрасные клумбы с цветущими розами. Находившаяся тогда в монастыре делегация представителей иностранных компартий ошалело наблюдала за тем, как коровы, мыча, топчут дивный розарий. Представители Псковского обкома, задыхаясь от негодования, бросились к наместнику, но тот лишь пожал плечами:

— А что делать? Пастбища у нас отобрали, а коров пастбища ведь где-то надо.

Так пастбища вернулись к монастырю.

В другой раз из города пришли отбирать ключи от Богом зданных пещер — в них запрещалось служить панихиды. Архимандрит повернулся к своему келейнику и без тени юмора приказал:

— Корнилий, давай сюда топор — головы рубить будем.

Комиссия в смятении ретировалась (мало ли — вдруг не шутит?..), но потом всё же вернулась. Ведь на руках у о. Алипия был указ его прямого начальства — архиепископа Псковского и Порховского Иоанна: панихид в пещерах не служить, ключи передать.

— Получили вы этот указ?

— Получил.

— Почему не выполняете?!

— Потому что указ составлен под давлением и в минуту слабости духа. А я слабых духом не слушаю, я слушаю только сильных духом.

Писателем Валентином Курбатовым описан и такой эпизод: «К приезду очередной государственной комиссии по закрытию монастыря архимандрит Алипий вывесил на Святых вратах извещение, что в монастыре чума и в силу этого он не может пустить комиссию на территорию монастыря. Во главе комиссии была председатель областного комитета по культуре Анна Ивановна Медведева. Именно к ней и обратился отец Алипий:

— Мне своих-то монахов, дураков, извините, не жалко. Потому что они всё равно в Царствии Небесном прописаны. А вас, Анна Ивановна, и ваших начальников пустить не могу. Я ведь за вас на Страшном Суде и слов-то не найду, как отвечать. Так что простите, я вам врата не открою».

Как-то на Пасху отец наместник стоял у Святых ворот, христосуясь с паломниками. В их толпу затесался и псковский уполномоченный Совета по делам Церкви. Его о. Алипий, как и всех, приветствовал звучным «Христос воскресе!», но ответа не услышал. Наместник грозно нахмурился:

— Вы почему не отвечаете?

— Я — уполномоченный, — пробурчал чиновник от религии.

— А что, для уполномоченного Христос не воскрес, что ли?.. А ну вон за ворота!

Ошалевшего чиновника быстренько выпроводили, и вошёл он в монастырь только через несколько минут, пришибленно ответив на приветствие наместника «Воистину воскресе»...

Другой визит в монастырь светского начальства сам о. Алипий описал в рапорте на имя архиепископа Псковского и Порховского Иоанна:

«Во вторник 14 мая сего 1963 года эконом игумен Ириней организовал, как и во все прошлые годы монастырской жизни, поливку и опрыскивание монастырского сада дождевой и снеговой водой, которую мы собираем благодаря нами сделанной запруде около беседки за крепостной стеной. Когда наши люди работали, к ним подошли шесть мужчин, а потом ещё двое; у одного из них в руках была мерка, которой они разделяли бывшую монастырскую огородную землю. Он стал ругаться на работающих и запрещать качать воду, говорил, что это вода не ваша, приказывал прекратить качать. Наши люди пытались продолжить работать, но он подбежал к ним, схватил шланг и стал его вырывать, другой — с фотоаппаратом — стал фотографировать наших людей...

Эконом сказал этим неизвестным людям, что пришёл наместник, идите и объясните всё ему. Подошёл один из них. Остальные стояли поодаль, фотографируя нас; их осталось трое.

— Кто вы и что от нас требуете? — спросил у них я.

Этот человек в шляпе не назвал своего имени и чина, а сказал мне, что мы не имеем права на эту воду и на эту землю, на которой стоим. Я добавил:

— Не смеее дышать воздухом и не смеее греться на солнце, потому что солнце и воздух и вода — всё и вся ваше, а где же наше? — И переспросил его:

— Кто ты и зачем пришёл?

Он не сказал своего имени. Я ему сказал:

— Я, Воронов Иван Михайлович, гражданин Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, и мои товарищи, которые живут

за этой стеною, ветераны и инвалиды Отечественной войны, многие — потерявшие руки и ноги, получившие тяжёлые ранения и контузии, поливали эту землю своей кровью, очищали этот воздух от фашистской нечисти; а также мои товарищи, живущие здесь, труженики заводов, фабрик и полей, старые инвалиды и пенсионеры, старые отцы, потерявшие своих сыновей в боях за освобождение этой земли и этой воды, и все мы, проливавшие свою кровь и отдававшие свои жизни, не имеем права пользоваться своей землёй, водой, воздухом и солнцем — всем тем, что вырвали у фашистов для себя, для своего народа? Кто вы? — снова спросил я. — И от чьего имени вы действуете?

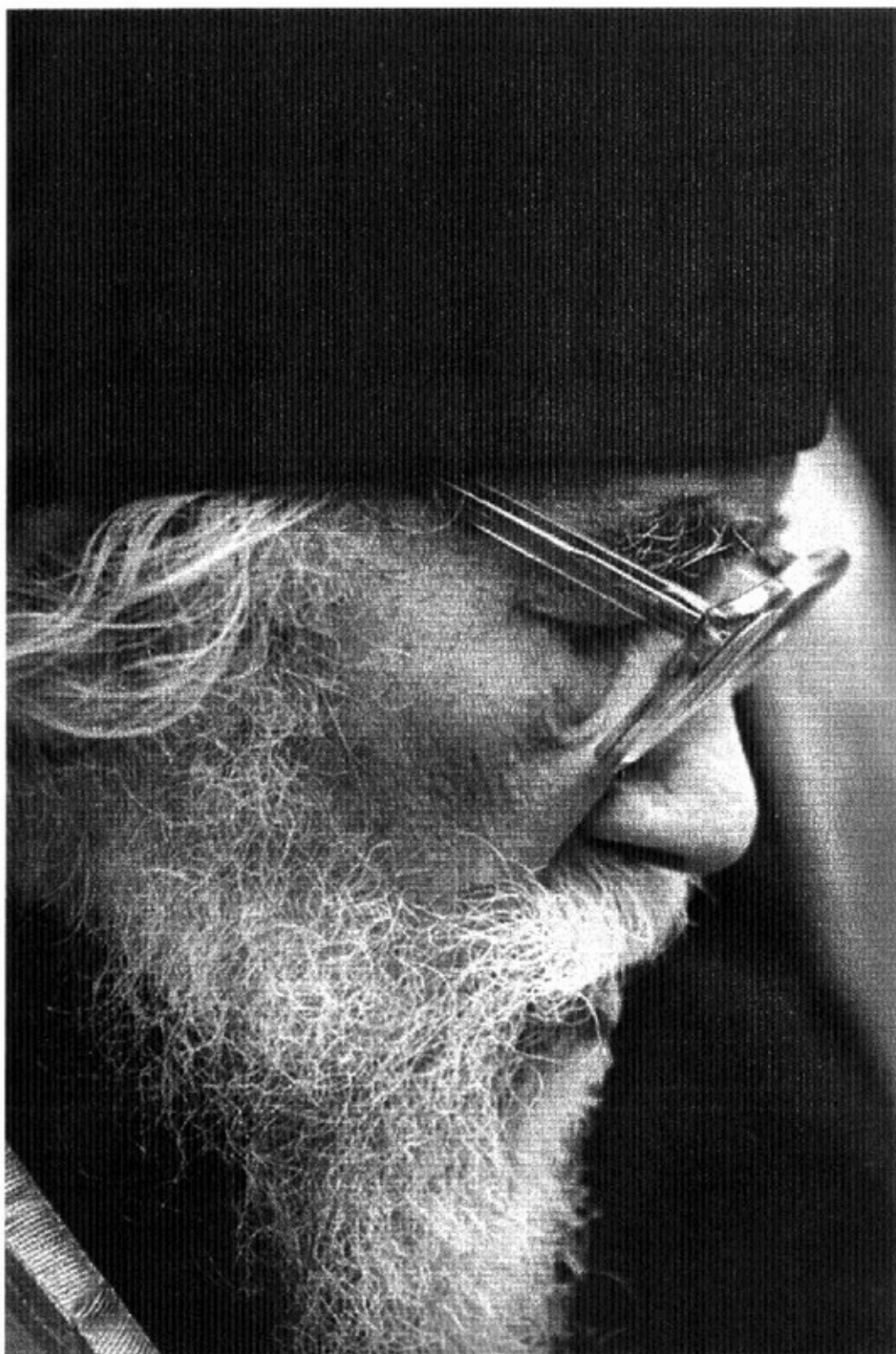
Они стали лепетать, называя райкомы, обкомы и т. д.

Уходя от нас боком, человек в шляпе сказал: “Эх... батюшка!”

Я ответил, что батюшка я — для вон тех людей, а для вас я — русский Иван, который ещё имеет силу давить клопов, блох, фашистов и вообще всякую нечисть».

В другой раз, разговаривая с визитёрами, о. Алипий объяснил им, почему не сдаст монастырь без боя, доступно, по-военному:

— У меня половина братии — фронтовики. Мы вооружены, будем сражаться до последнего патрона. Посмотрите на монастырь — какая здесь дислокация. Танки не пройдут. Вы сможете нас взять только с неба, авиацией. Но едва лишь первый самолёт появится над монастырём, через несколько минут об этом будет рассказано всему миру по «Голосу Америки». Так что думайте сами!

Молитвенные думы

Храм Святителя Николая Чудотворца в городе Касимове,
где о. Иоанн служил в 1966—1967 годах. *Фото автора*

О. Анатолий Правдолюбов с сыном Сергеем

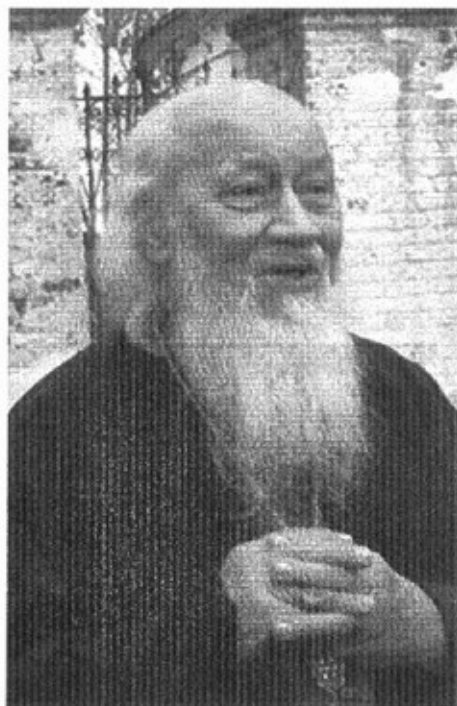

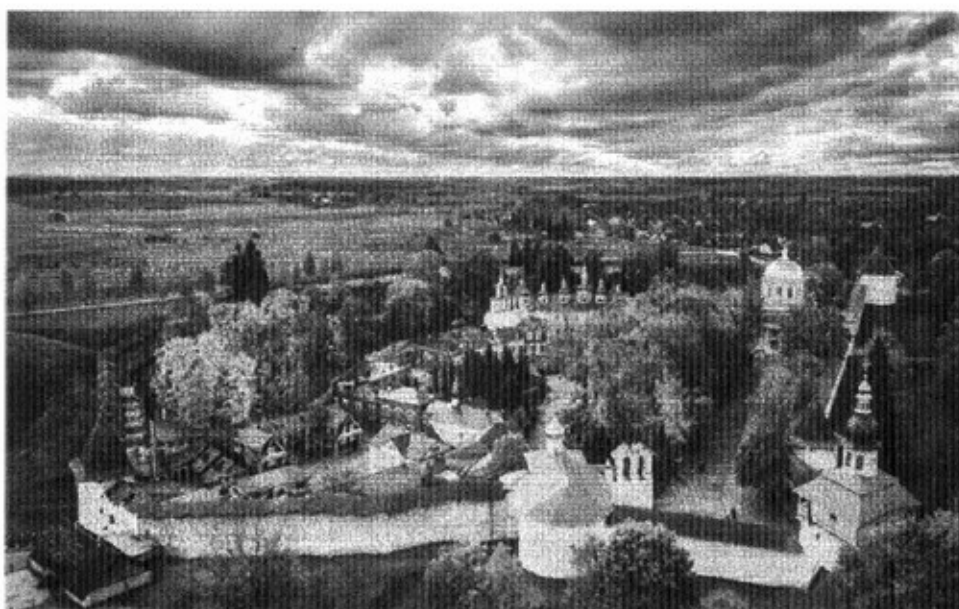
Схиигумен Серафим
(Романцов)
в своей келии.
Сухуми, конец
1960-х гг.

О. Владимир
Правдолюбов

На именинах
о. Анатолия
Правдолюбова.
Снимок сделан
через шесть дней
после пострига
о. Иоанна
в монашество.
Сынтул,
16 июля 1966 г.
Фото о. Сергия
Правдолюбова.
Публикуется впервые

Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь с высоты птичьего полета

Архимандрит Алипий (Воронов),
наместник Псково-Печерского
монастыря в 1959—1975 годах

Иеросхимонах Симеон
(Желнин)

Псково-
Печерский
монастырь.
Панорама
Успенской
площади.
В крайнем
слева здании
на втором
этаже —
окно келии
о. Иоанна.
Фото автора

На Успенской
площади.
1970-е гг.

Беседа с духовными чадами. Справа — М. Г. Ветвицкая,
в центре — Г. В. Черепанова. 22 мая 1972 г.

Светлая Суббота. Шествие с Пасхальным артосом.
20 апреля 1974 г.

Архимандрит Гавриил
(Стеблоченко), наместник
Псково-Печерского монастыря
в 1975—1988 годах

Архимандрит Павел (Пономарев),
наместник Псково-Печерского
монастыря в 1988—1992 годах

Псково-Печерский монастырь. «Кровавая дорога». *Фото автора*

Келия о. Иоанна
в Псково-
Печерском
монастыре.
Фото автора

О. Иоанн диктует
Т. С. Смирновой
ответ на письмо

Проповедь в соборе Архангела Михаила. «Нельзя, чтобы нас все любили, но нам любить всех очень можно и обязательно!»

Псково-Печерский монастырь. Собор Архангела Михаила. *Фото автора*

С верным
другом Нопи.
1999 г., Вярска,
Эстония

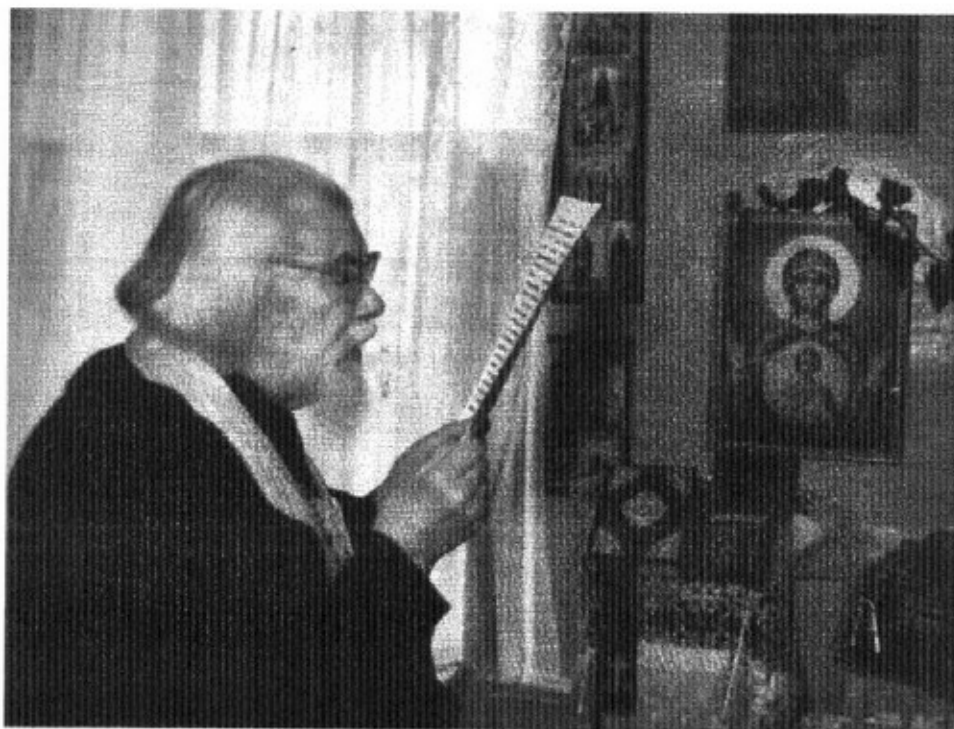
На отдыхе.
2001 г., Вярска,
Эстония

О. Иоанн и архимандрит Тихон (Шевкунов),
ныне митрополит Псковский и Порховский

С заместителем Псково-Печерского монастыря в 1995—2018 годах
архимандритом Тихоном (Секретаревым)

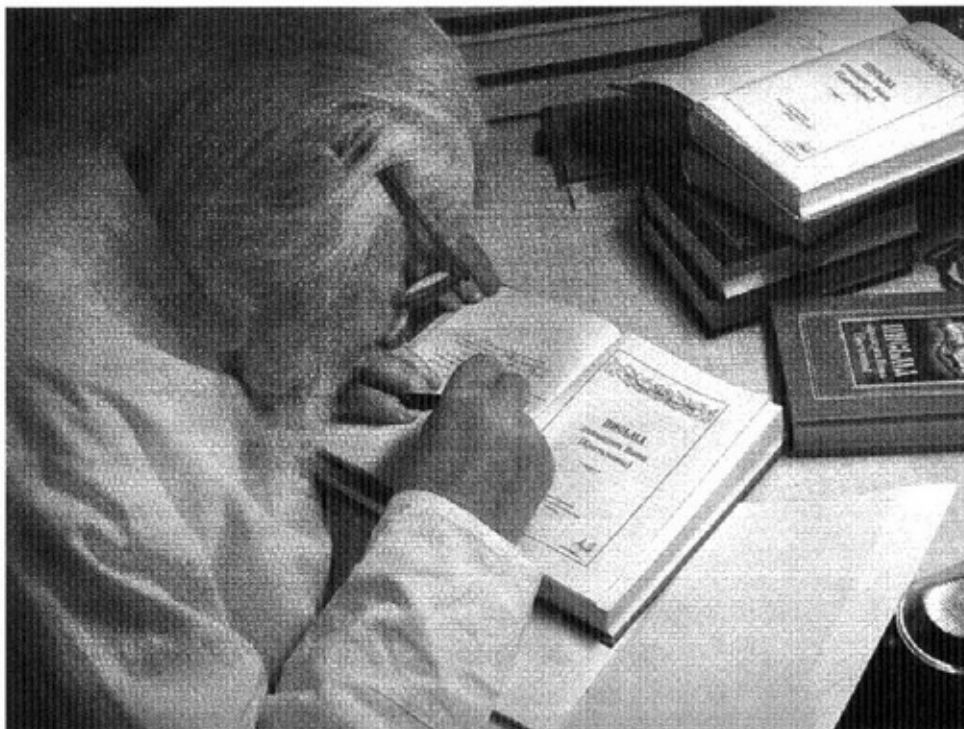

Молитва в день 90-летия. 11 апреля 2000 г.

Президент России В. В. Путин в гостях у о. Иоанна.
2 августа 2000 г.

Автограф на книге писем для Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

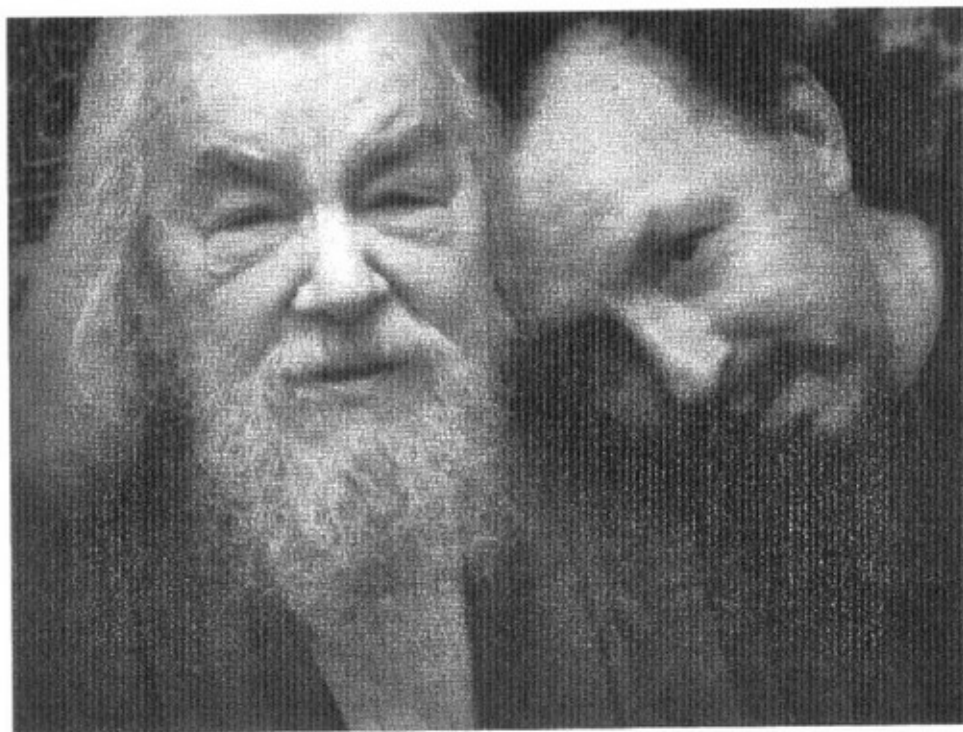
С архиепископом Псковским и Великолукским Евсевием (Саввиным)
и архимандритом Тихоном (Секретаревым) в день 94-летия,
совпавший с Пасхой. *11 апреля 2004 г.*

С келейницей Татьяной Сергеевной Смирновой в Вярске. 2004 г.

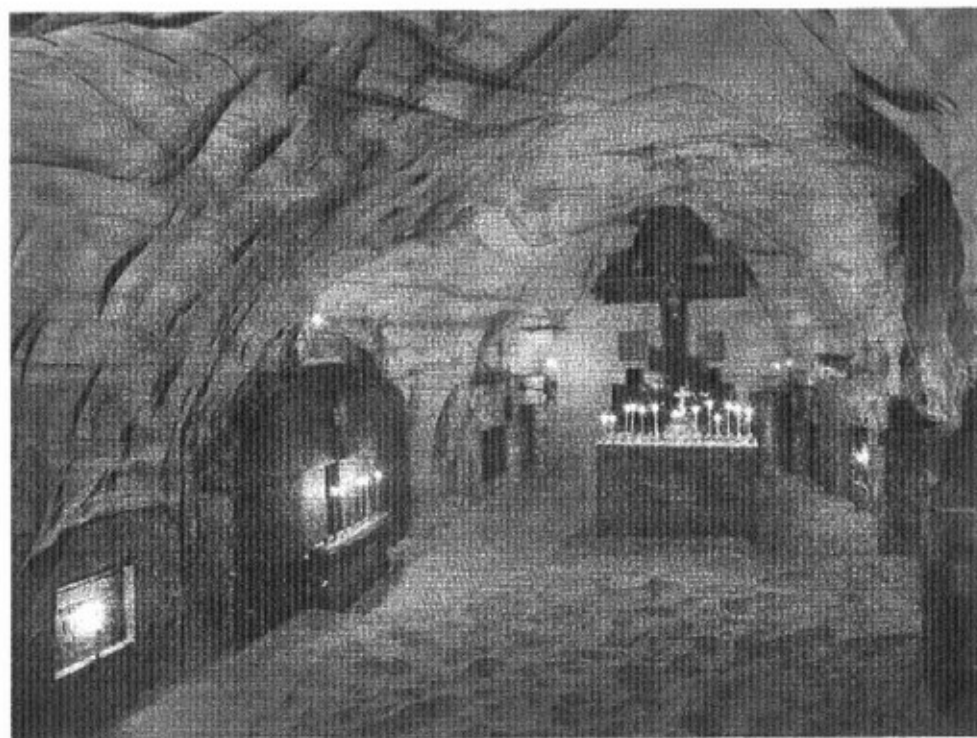
С верным помощником — игуменом Филаретом (Кольцовым). 2005 г.

В последний путь. 7 февраля 2006 г.

Место погребения о. Иоанна в Богом зданных пещерах

Удивительное, что происходит сейчас от
каждого из нас, - это в мире тьмы нести
лучик света. Зажечь свою маленькую
свечку во тьме бездомной, и она станет
тут же маленьким светом. Хотя, может быть,
этого никто, кроме Бога, не заметит.

И всё же приказ о ликвидации монастыря был подготовлен. Согласно бытующей в Печорах легенде, сам Хрущёв, посетив монастырь летом 1964 года, на прощанье якобы сказал наместнику: «Извини, отец, придётся твою лавочку закрывать. Спасибо за приём. Жди бумаги из Москвы». Бумага с приказом «монастырь закрыть, имущество передать городским властям, а самим идти на все четыре стороны» пришла 8 октября. Но о. Алипий в присутствии братии сжёг документ на свече, а в ответ на ужас присутствующих коротко ответил: «Сам он сгорит». На следующий день в газетах появилось сообщение о снятии Хрущёва с должности... Но это всё же хоть и красивый, но апокриф. Архимандрит Нафанаил был свидетелем другого события — прихода высокой делегации в кабинет наместника. О. Алипий, ознакомившись с приказом о закрытии монастыря, некоторое время молчал, а потом негромко произнёс:

— Лучше я буду вторым Корнилием, но монастырь не закрою. — И бросил постановление Совета министров СССР в горящий камин...

Присутствующие остолбенели. Закрыт монастырь не был.

Ещё о. Алипий славился своим юмором — когда надо, мягким, когда надо — резким и язвительным. Так, когда экскурсанты расспрашивали его об ужасной жизни монахов, о тех страданиях, которые они испытывают, наместник отвечал: «Слышите, из храма доносится пение, монахи поют? Ну вот, если бы плохо жили — так не пели бы». А на ехидный вопрос какого-то финского коммуниста, почему космонавты во время полётов не видели Бога, заметил: «Так вы ведь тоже в Хельсинки сколько раз бывали, а президента небось ни разу не видели».

Юмор наместника распространялся и на высоких советских чинов. Однажды в монастырь нагрянула финансовая проверка. Но комиссию о. Алипий развернул с порога словами:

— У меня только один начальник — архиепископ Псковский и Порховский владыка Иоанн. Езжайте к нему за разрешением. Без него — никаких финансовых проверок.

Через несколько часов из Пскова позвонил владыка Иоанн с приказом пустить комиссию в монастырь. О. Алипий ответил:

— Звонок к делу не пришьёшь, владыко. Пришлите мне телеграмму.

Телеграмма пришла, а следом вернулась и торжествующая комиссия. Но о. Алипий тут же поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, а вы коммунисты?

— Да, в основном коммунисты.

— Значит, коммунисты? И получили благословение у Псковского архиепископа?.. Да-а... А пошлю-ка я эту телеграмму, пожалуй, в обком

партии, чтобы там разобрались с вашим моральным обликом...

Комиссию словно ветром сдуло. Но через некоторое время она опять вернулась — проверку-то надо произвести.

— Кто вас уполномочил? — поинтересовался на этот раз наместник.

— Народ, — бодро ответил один финансист.

— Тогда мы на службе попросим вас выйти к амвону и спросим у народа, правда ли, что он вас на что-то уполномочил.

— Нас уполномочила партия, — быстро поправился другой финансист. Но и на это у о. Алипия нашёлся достойный ответ:

— А сколько в вашей партии человек?

— Двадцать миллионов.

— А в нашей Церкви — пятьдесят миллионов. Меньшинство большинству диктовать не может. Всего хорошего...

В другой раз, во время визита в монастырь союзного министра культуры Екатерины Фурцевой, о. Алипий стоял на балконе настоятельского корпуса. Зная о презрительном отношении министра к Церкви, архимандрит подчёркнуто не встречал визитёршу и не общался с ней. Видимо, уязвлённая этим, она с Успенской площади прилюдно обратилась к наместнику с вопросом:

— Иван Михайлович, разрешите узнать, как вы, художник, образованный человек, оказались здесь, в компании мракобесов?

— Вы, наверное, знаете, что я на фронте артиллеристом был и до Берлина дошёл? — вопросом на вопрос ответил с балкона наместник.

— Допустим, знаю. Но тем более удивительно, что вы, советский человек, орденосец, фронтовик...

— Так вот, — перебил министра в юбке о. Алипий, — дело в том, что мне под Берлином ... оторвало. Так что ничего не оставалось кроме как уйти в монастырь.

В ответ Фурцева негодуяще развернулась и чуть ли не бегом бросилась по Кривой дороге вверх. За ней поспешила багровая от румянца свита. А о. Алипия немедленно затребовали в Москву для объяснений. Но тот заявил, что ему задали конкретный вопрос — почему он оказался в монастыре. Вот он и объяснил — на понятном для гостей языке. Удивительно, но и этот случай своему наместнику сошёл с рук!..

А настоящую причину своего ухода в монастырь о. Алипий как-то объяснил Савелию Ямщикову: «Война была такой чудовищной, такой страшной, что я дал слово Богу: если в этой страшной битве выживу, то обязательно уйду в монастырь. Представьте себе: идёт жестокий бой, на

нашу передовую лезут, сминая всё на своём пути, немецкие танки, и вот в этом кромешном аду я вдруг вижу, как наш батальонный комиссар сорвал с головы каску, рухнул на колени и стал... молиться. Да-да, плача, он бормотал полузабытые с детства слова молитвы, прося у Всевышнего, Которого он ещё вчера третировал, пощады и спасения. И понял я тогда: у каждого человека в душе Бог, к Которому он когда-нибудь да придёт...»

Память о войне для отца наместника была свята. Однажды за завтраком он заговорил о гонителях православия:

— Они говорят — вы, мол, христиане все непротивленцы и психология у вас, рабов Божиих, рабская: всё, мол, щёки подставляете, и толку от вас никакого! Так я им в нос одну штуку сунул!

Он вышел из комнаты, но тут же вернулся с небольшим пакетом и вынул из него пробитое пулей и обгарённое кровью Евангелие:

— Я им говорю — вот наше христианство!.. Это мне из Сибири привезли — как великую святыню последней войны. Говорят, под Сталинградом человек погиб. Евангелие у сердца носил. Вот она — кровь, за ближнего пролитая... Такое Евангелие надо в алтаре хранить.

Непримиримый воитель во имя веры, строгий и внимательный в практических делах («глазастый, зубастый и когтястый», как сказал о нём старец Симеон), о. Алипий мог быть и другим — безгранично добрым, внимательным, участливым. В 2004 году были обнаружены многочисленные письма, поступавшие на его имя с просьбами о помощи — не только духовной, но и материальной. Писали со всех концов СССР и даже из-за границы. И на каждое такое письмо был дан ответ. На многих конвертах сохранились пометки монастырского казначея архимандрита Нафанаила — какая именно сумма выслана нуждающемуся. «Сколько Вы добра делаете людям, за что никогда нельзя Вас забыть» — под этими бесхитростными словами благодарности о. Алипию могли бы подписаться очень и очень многие.

Во время своего наместничества о. Алипий усердно заботился о монастыре. Именно при нём обитель, ещё в конце 1950-х выглядевшая, по слову Савелия Ямщикова, «как романтическая руина», приобрела тот цветущий ухоженный вид, который сохраняет по сей день. Во многих работах наместник и сам принимал участие — ведь он был опытным реставратором. Продолжал о. Алипий заниматься и иконописью. А ещё он собрал прекрасную коллекцию живописи, «русскую» часть которой в 1974-м подарил ленинградскому Русскому музею, а «европейская» уже после его смерти была передана в Псковский музей-заповедник.

В 1967 году, когда в монастырь поступил о. Иоанн Крестьянкин,

наместнику было 53 года. Тяжёлая пора первой половины десятилетия не прошла для бывшего артиллериста даром — он перенёс уже два инфаркта.

Число братии в конце 1960-х годов составляло 58 человек — 4 архимандрита, 2 схиархимандрита, 5 игуменов, 1 иеросхимонах, 15 иеромонахов, 1 архидиакон, 10 иеродиаконов, 3 диакона, 1 схимонах, 6 монахов, 2 инока и 8 послушников. В самых почтенных летах находился столетний схимонах Варсонофий (Середа, род. 1868), участник Русско-японской и Первой мировой войн, а затем насельник Глинской пустыни; самым молодым был двадцатилетний диакон Иоанн (Сологуб, род. 1949). Кроме наместника, монастырь в конце 1960-х годов населяло множество легендарных подвижников благочестия. Среди них были и маститые старцы, помнившие ещё дореволюционные времена, и относительно молодые тогда, но уже успевшие всякого повидать люди. Многие из братии были участниками Великой Отечественной войны, пришедшими в монастырь в 1940—1950-х годах по обету. Так, архимандрит Иероним (1905—1979), схиархимандрит Паисий (1924—2000) и монах Дионисий (1918—1998) на фронте были тяжело ранены, иеродиакон Анатолий (1905—1986) в бою потерял кисть левой руки. Некоторые монахи закончили военную службу в высоких званиях: игумен Савва (1909—1984) встретил Победу полковником, а инок Константин (род. 1917) — подполковником. У некоторых на войне погибли дети (у иеромонаха Никона — оба сына-офицера). Многие прошли и через лагеря — схиархимандрит Агапий (1881—1979), иеродиакон Ксенофонт (1900—1982), архимандрит Феофан (1913—2001). Схиигумен Онисифор (1885—1980) и иеромонах Питирим (род. 1879) арестовывались дважды. Архиепископ Андрей (Сухенко, 1900—1973) побывал в заключении в 1937—1946 годах и совсем недавно, в 1961—1964, при Хрущёве, ему дали срок за сопротивление закрытию храмов в Черниговской и Сумской епархиях.

Наряду с людьми относительно простых судеб были среди монахов и те, чей путь в обитель был долгим и непрямым. Так, иеромонах Филарет стал трудником в Глинской пустыни в тринадцатилетнем возрасте, в 1896-м. Затем участвовал в Первой мировой войне, в 1918—1920 годах воевал на стороне белых, эвакуировался из Крыма в составе Русской армии П. Н. Врангеля. Жил в Турции, Сирии, Египте, Тунисе, Франции; в Советский Союз переехал в 1947 году и через два года стал послушником в Псково-Печерском монастыре, где в 1954-м принял постриг. В эмиграции долгое время находился и епископ Сан-Францисский и Калифорнийский Феодор (Текучёв, 1908—1985), вернувшийся на Родину в 1956-м, а в монастыре подвизавшийся шесть лет спустя. Игумен Софроний в 1917—1960 годах

жил с родителями в Китае, по прибытии откуда сразу же поступил в монастырь. Схимонах Афанасий в миру был капитаном торгового флота, архимандрит Сергей — сначала машинистом паровоза, а затем стеклодувом.

Были среди братии такие, которые безусловно почитались всеми как духовные столпы, на которых держалась обитель. Ризничий и библиотекарь монастыря архимандрит Серафим (в миру Аркадий Иванович Розенберг, 1909—1994), по происхождению наполовину латыш, наполовину русский, поступил в монастырь в 1932-м и провёл там 62 года. Его келия находилась в отдалении от братского корпуса, через стенку с келией старца Симеона (Желнина), поэтому с прочей братией о. Серафим соприкасался нечасто. Всегда сосредоточенный, замкнутый, молчаливый, он ежедневно вставал в четыре часа утра и, слегка прихрамывая, совершал обход монастыря — смотрел, всё ли в порядке. Только после этого шёл топить печь, которую из-за сырости в келии приходилось поддерживать постоянно. Осенью его можно было видеть сметающим листья с крыши братского корпуса, зимой — за пилкой дров или уборкой снега. В своём дневнике он записывал: «Ничего не могу без Бога — ни шагу ступить. Не имею ничего своего, всё — Божие. Я — Его создание, Им одним храним, питаем, спасаем. Тёмен я, нечист, всех хуже — пред Богом и Святыми. Подвигов не имею, добрых дел не имею, заповеди постоянно попираю, Бога не помню. Смерть внезапная приближается, грядут Суд и вечная мука. Покаяния не имею, даже и не начинал его совершать». Таково было его смирение. А на вопрос, что главное в монастырской жизни, о. Серафим не задумываясь отвечал: «Слушаться начальство!»

Глубоко уважали все и архимандрита Нафанаила (в миру Кронид Николаевич Поспелов, 1920—2002), который пришёл в обитель в 1947-м, демобилизовавшись из армии. О. Нафанаил выполнял самые разные послушания — был секретарём Духовного Собора, уставщиком, экскурсоводом, а с 1956-го — бессменным казначеем. Он славился своей вездесущностью, хозяйственностью и бережливостью. Преподобный старец Симеон, бывший духовником архимандрита Нафанаила, говорил о нём: «Отец Нафанаил имеет ревность о Боге Илиину, а премудрость — Соломонову». Облик «вредного» о. Нафанаила прекрасно запечатлён митрополитом Тихоном (Шевкуновым) в его «Несвятых святых», к соответствующей главе которых мы и отсылаем всех интересующихся.

Уже в 1970-х начал почитаться как старец игумен (с 1973 года схиигумен) Савва (в миру Николай Михайлович Остапенко, 1898—1980), находившийся в монастыре с 1955 года и руководивший чтением

Неусыпаемой Псалтири в Лазаревском храме. Участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1930—1940-х он работал инженером-строителем в Москве, а постриг принял в 1948-м. У о. Саввы было около семи тысяч (!) духовных чад, и в монастыре он постоянно был окружён паломниками, которым давал краткие, но ёмкие и глубокие по содержанию наставления: «Быть во всём справедливым и беспристрастным до мелочей», «Никогда, даже шутя, никого не обманывать», «Быть бескорыстным даже в мелочах», «Искать случая, где только можно, быть кому-нибудь полезным», и т. д. На бытовые вопросы он не отвечал, долгих разговоров не вёл: «Разговор хорошо, а молитва лучше». Любимым чтением старца Саввы было Евангелие от Иоанна, которое он знал наизусть, но перечитывал каждую свободную минутку. Впоследствии о. Савва негласно считался в монастыре старцем «простых» людей, а о. Иоанн Крестьянкин — интеллигенции.

В 1967 году, как и на протяжении всего десятилетия, Псково-Печерская обитель переживала период перманентной реставрации. Восстанавливалась в первоначальном виде Никольская башня, ремонтировались и красились изнутри Лазаревский храм и дом настоятеля, перекладывались печи. В башне над Святыми воротами была устроена специальная комната для иконописного класса. Была полностью отреставрирована башня Нижних решёток, выложено камнем русло ручья Каменец, ещё десять лет назад протекавшего по территории обители. Ночами на территории братия и паломники вместе копали траншеи для электрических кабелей — по приказу о. Алипия, с тем, чтобы ни одного провода в обители не было видно, чтобы всё выглядело, как в старину. И одновременно прилагалась масса усилий к тому, чтобы придать монастырю цветущий, праздничный вид. В кронах деревьев пели птицы, на клумбах благоухали цветы, по дорожкам прыгали многочисленные белки... И недаром о. Иоанн, вспоминая первые впечатления от монастыря, говорил, что это был настоящий рай на земле.

В конце августа 1967-го о. Иоанн Крестьянкин впервые принял участие в самом торжественном и красивом празднике, который отмечался в монастыре, — Успении Божией Матери. 27 августа на Успенской площади у иконы Успения Божией Матери был торжественно отслужен акафист «Радуйся, Невесто Неневестная». Потом совершилась вечерня, и крестный ход с чудотворной иконой неторопливо двинулся по Кровавой дороге вверх, к Михайловскому собору, где началась утренняя с акафистом Успению Божией Матери. Многократно звучало строгое и одновременно торжественное: «Радуйся, Обрадованная, во Успении своём нас не оставляющая...» Путь, по которому шла братия, был искусно выложен

цветами и травами, так что икону несли по благоухающему разноцветному ковру. Цветы, по которым ступала процессия, мгновенно разобрали на память бесчисленные паломники и жители Печор (так происходит и поныне). 28 августа были отслужены три Божественные литургии — в Сретенском, Успенском и Михайловском храмах, — и совершён крестный ход с иконой Успения Божией Матери. С 1959 года крестный ход вокруг стен монастыря был запрещён властями и совершался внутри обители. Вновь вокруг древних стен он пройдёт тридцать один год спустя, и о. Иоанн станет его участником... А 29 августа совершилась самая любимая батюшкина служба — чин Погребения Божией Матери. В монастыре эта служба впервые прошла в 1949 году, причём народу присутствовало очень мало, так как этого чина люди просто не знали. Но со временем чин Погребения Божией Матери стал необходимой составляющей Успения.

Таким был Псково-Печерский монастырь и такими были его насельники в год, когда туда поступил 56-летний иеромонах Иоанн Крестьянкин.

Как любой новосёл, о. Иоанн какое-то время привыкал к новому месту жительства. Вещи в келии поначалу стояли самые простые, чтобы не сказать убогие: у печки — покоробленный огнём книжный шкаф, три кособоких этажерки, кровать с панцирной сеткой, поверх которой лёг деревянный щит, платяной шкаф. У окна, выходявшего на Успенскую площадь, встал выдавший виды кухонный стол. На полу — старый, потёртый, в нескольких местах зашитый ковёр. Со временем обстановка поменялась (под потолком, к примеру, появилась люстра Чижевского), но ненамного. Да и не в ней, конечно же, было дело: не место красило человека, а Человек — место. Центральным предметом обстановки как-то сам собой стал небольшой — на троих человек средней комплекции, — зелёный диванчик, притулившийся у левой стены. Именно на нём впоследствии будут проходить знаменитые «собеседования» у батюшки.

Стены келии украсили чёрный коврик с вышитыми на нём жёлтыми подсолнухами (он висел над кроватью) и иконы. Их количество со временем менялось, и постепенно иконы заняли всё пространство стен от пола до потолка. Здесь были и доски старинного письма, и характерные для эпохи фотоиконки. О каждой о. Иоанн мог что-либо рассказать — при каких обстоятельствах появилась, кем подарена и т. п.

Так, разместившуюся в центре икону «Спаситель с Чашей» о. Иоанн получил в дар от её автора — умирающей монахини. Древней иконой апостола Иоанна Богослова его благословил во время пострига схиигумен Серафим, икона Божией Матери «Знамение» когда-то висела на стене

родного дома в Орле (в 1986-м о. Иоанн передал обе иконы в Корнилиевский храм монастыря). Две иконы — Моление на камне преподобного Серафима Саровского и Мать Божия «Умиление», написанная сёстрами Серафимо-Дивеевской обители, — были спасены во время служения в 1960-х на Рязанщине и в конце 1980-х вернулись в родную обитель. Пожалуй, самыми ценными реликвиями в келии были полумантия преподобного Амвросия Оптинского и епитрахиль и поручи Патриарха Сергия (в начале 1990-х батюшка передал их о. Сергию Правдолюбову).

Среди икон размещались и фотографии людей, много значивших в жизни насельника. Это снимок, подаренный ему архиепископом Орловским Серафимом, фотографии о. Георгия Коссова и о. Александра Воскресенского, изображения преподобного Серафима Саровского, ещё не прославленных в то время Амвросия Оптинского, Иоанна Кронштадтского, Патриарха Тихона и многих других. Схиигумен Серафим (Романцов) был запечатлён фотографом во время встречи с епископом Зиновием (Мажутой) во дворе своего сухумского дома. Нашёл своё место и небольшой снимок императора Николая II, которого батюшка очень почитал.

В шкафу выстроились собранные о. Иоанном духовные книги — от старинных до современных, подшивки «Журнала Московской Патриархии» и толстые тетради, где неторопливым обстоятельным почерком батюшки были сделаны понравившиеся ему выписки. Там же хранились спасённые на Рязанщине напрестольные кресты, плащаницы, копия для проскомидии. Некоторые из этих предметов батюшка потом дарил. Например, в храме Санкт-Петербургской духовной академии проскомидия и сейчас совершается с использованием копий, подаренных о. Иоанном. А Никольскому храму монастыря батюшка передал запрестольный крест XVI века.

Жизнь о. Иоанна отныне была целиком подчинена строгому монастырскому распорядку. Подъём ежедневно в пять часов утра. (Из-за северного расположения Печор в это время осенью и зимой на улице непроглядная темень, а летом уже светло из-за белых ночей). Через час — Братский молебен, который служится в Успенском соборе. На нём присутствует вся монастырская братия.

Валерий Николаевич Сергеев так вспоминал своё посещение утренней службы в Псково-Печерской обители поздней осенью 1972 года: «Каждое раннее утро, когда было ещё темно, шли мимо приходской Рождественской церкви, расположенной недалеко от входа в монастырь (помню осеннее золото листвы окружавших её берёз, ярко вспыхивавшее в тусклом свете

одинокого фонаря). Мы подходили к Святым вратам обители, и заспанный монах-привратник открывал нам боковую калитку. В монастыре уже царило утреннее оживление. В неярко освещённом пространстве обители двигались монахи, спешившие из келлий на службу. Литургию служит вместе с наместником незнакомый мне архиерей. Вскоре выяснилось, что это был проживавший здесь на покое бывший Черниговский архиепископ Андрей (Сухенко). В идеально спокойном выражении его красивого, благообразного лица ничто не выдавало пережитой им трагедии — потрясённый массовым закрытием церквей его епархии, владыка Андрей сошёл с ума. Его болезнь поначалу была тихой и мало заметной для окружающих. Он временами просто заговаривался... На этих торжественных богослужениях в ряду выстроившихся перед архиерейской кафедрой монахов ничем не выделялся маленький, поблескивающий стёклами дешёвых старомодных очков о. Иоанн (Крестьянкин). Его фигура окажется в центре внимания, когда придёт ему черёд произносить проповедь, как всегда, ясную, сердечную и бездонно глубокую по смыслу. В его обращении к слушателям — никаких католических “Дорогие братья и сёстры”, но сердечное, русское: “Друзи мои”...»

Братский молебен — одна из самых волнующих и сокровенных монастырских служб. Рано утром в полутёмном Успенском храме братия молится перед иконой Успения Божией Матери. Звучит канон основателю обители — преподобномученику Корнилию, рака с чьими мощами находится тут же: «Святый преподобномучениче Корнилие, моли Бога о нас». Благоговейные паломники толпятся за шнуром, который ограждает небольшое пространство храма. После окончания молебна шнур снимается, можно приложиться к иконе, к мощам великого наместника-основателя.

В половине восьмого утра у наместника собираются все должностные лица монастыря — казначей, эконом, келарь и т. п., и одновременно начинается завтрак для братии (по желанию). В восемь — молитва и распределение хозяйственных послушаний. Кто-то из братии отправляется трудиться в коровник, кто-то ведёт экскурсию, трудится во фруктовом саду на Святой Горке, в трапезной, кто-то складывает дрова в гигантские поленицы-«костры», кто-то работает в гараже (в 1960-х, когда в монастырь пришёл о. Иоанн, монастырь располагал двумя ЗИМами, «победой» и грузовиком ГАЗ-51). Выполнение послушаний — с 8.15. до 12.45. В час дня — обед, чтение житий святых, объявления. Присутствие всей братии на обеде обязательно.

Монастырский обед также запомнился В. Н. Сергееву: «Обедаем после

литургии в столовой для паломников — простая вкусная еда: грибные щи, гречневая каша с топлёным маслом, чудесный, озорно бьющий в нос монастырский квас. Мы уже как-то слышали разговор трапезующих с весёлым старичком-монахом, готовящим тут еду: “Батюшка, — спросили его, — почему в столовой ту же гречку есть противно, а у вас так вкусно?” И тот с мелким смешком ответил: “Дак у меня готовка с молитовкой, а у них — с матерком”».

День продолжается. В 14.00. — молитвенное монашеское правило в Сретенском храме. В 14.35. — 17.15. — продолжение выполнения послушаний. В 17.30. — подведение итогов рабочего дня. С шести до девяти — вечернее Богослужение в Михайловском соборе. В 21.15. — ужин (по желанию) и вечернее молитвенное правило. С десяти до одиннадцати — личное время. В 23.00. — отбой для всех, за исключением дежурных и привратников. Конечно, в большие праздники расписание меняется, но в будни оно именно такое. И так год за годом, десятилетие за десятилетием.

Послушанием о. Иоанна стала черед седмичного священника. Так называется очерёдность служения, когда один иеромонах служит утренние и вечерние службы, другой совершает отпевания, панихиды и молебны, третий — исповедует, и т. п. Неделя служб, потом неделя исповедей, неделя молебнов, неделя панихид... Н. Самойлова, впервые увидевшая о. Иоанна летом 1968 года, вспоминает: «Батюшка очень ревностно относился к богослужению. Даже если не служил, всё равно находился в храме. Только болезнь заставляла его изменить это правило. Вспоминаю, как отец Иоанн читал каноны на вечернем богослужении. Голос его звучал громко и отчётливо, батюшка в каждое слово вкладывал свою душу и сердце». А наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря в 1995—2018 годах архимандрит Тихон (Секретарёв) писал: «Старец отец Иоанн очень любил священнодействовать Божественную литургию, которую служил, пока были силы. <...> Он проникался Духом Святым при службе, чувствовал стихию души в Богослужении подобно святому праведному Иоанну Кронштадтскому. В чём это проявлялось? Много старцев служило Литургию, и мы, молодые священноиноки, им сослужили. До пяти пар было в Успенском соборе на ранней Божественной литургии, и мы видели, как служат отец Серафим, отец Иероним, схиигумен Савва, отец Александр и многие другие, возглавляя Литургию. Но среди всех перечисленных старцев отец Иоанн выделялся необыкновенной собранностью во время Литургии». И одновременно, по свидетельству митрополита Тихона (Шевкунова), «необыкновенная собранность» о. Иоанна сочеталась с

живостью: «На “часах” перед Литургией он мог ещё “пошептаться” с приезжим священником, давая ему советы, какое-то письмо или исповедь прочитать».

О. протоиерей Олег Тэор так вспоминает общую исповедь о. Иоанна на первой неделе Великого поста 1968 года: «Исповедников было немного, не больше десяти человек. Отец Иоанн исповедовал общей исповедью с объяснением каждого греха против десяти Заповедей и заповедей блаженств. Это было в Сретенском храме. Общая исповедь прерывалась благоговейным участием в богослужении — коленопреклонениями во время молитвы преподобного Ефрема Сирина и внимательным чтением Евангелия. Отец Иоанн говорил очень долго, но его хотелось слушать и слушать, душа оживала, становились понятными причины греха». Жительница села Троица, навещавшая о. Иоанна в обители в 1970-х, вспоминает, что на исповеди «он всех будил, встряхивал: “Кайтесь! Я вот называю грехи, а вы в душе говорите, если согрешили: Господи, прости, это во мне есть!”».

Все насельники монастыря быстро отметили внимательное отношение батюшки к облачению. Седмичному священнику бережливый монастырский ризничий о. Серафим выдавал уже поношенные одеяния, и о. Иоанна это огорчало. Желая его порадовать, молодые инок тайком подменяли старое облачение на новое. Однажды в отсутствие о. Серафима о. Иоанн лично замерил портновским сантиметром ветхое облачение на престоле Антониевского придела Успенского собора, сделал заказ печорским портнихам, и они сшили новое облачение, которым опять-таки тайно заменили старое.

Службы требовалось совершать далеко не только в самом монастыре. Под покровительством Псково-Печерской обители находилось множество сельских приходов Псковской епархии, многие из которых были «умирающими». Так что в некотором смысле о. Иоанну пришлось сразу же после поступления в монастырь вернуться к привычной круговерти сельского батюшки. Так, только в течение одного 1976 года его командировали на соборное служение в Варваринский храм в Печорах, Дмитриевский и Варлаамовский храмы Пскова, Никольский собор Старого Изборска, Никольские храмы сел Виделебье, Щемерицы и Финева Гора, Георгиевский храм села Палицы, Успенский храм села Аксёнова Гора, Ильинский храм села Даличино. Так что не раз и не два он вспоминал слова ангела из своего сонного видения: «Всю жизнь будешь мотаться».

Каждый такой выезд на приход превращался в целое приключение. Всё нужное для службы о. Иоанн брал с собой, покупал цветы к

праздничной иконе и подарки певчим. А потом трясся разбитыми псковскими дорогами — если повезёт, на попутном ГАЗе-51 или ЗИЛе-130, а нет, так на телеге или санях, а нет, так и пешком, увязая в грязи или снегу. Однажды с прихода его вывезли под видом... мешка картошки. Ливень лил такой, что никакой транспорт по превратившейся в кисель дороге не прошёл бы. Единственным вариантом был трактор, но сельский тракторист-комсомолец боялся, что ему может нагореть за «пособничество попам». Наконец, нашли выход: нахлобучили на о. Иоанна мешок из-под картошки, в котором проделали отверстия для глаз и носа, и поехали. Так, конспиративно, и выбрались из села.

Видимо, по контрасту с этим хлопотливым послушанием в первое время батюшка стремился вести в монастыре уединённую, по возможности закрытую от внешнего жизнь. Он наконец-то почувствовал себя дома — по-настоящему дома — и наслаждался тем, что было вокруг. Вспоминая затем свой первый монастырский год, о. Иоанн признавался, что в это время не всегда понимал, где заканчивается грань между земным и небесным, прошлым и настоящим, тленным и вечным. Он всей душой впитывал счастье молитвы перед древними образами в храмах, которые никогда не закрывались, дышал воздухом вечности в Богом зданных пещерах... Подобное ощущение испытывает любой человек, попадающий в Псково-Печерский монастырь впервые: ему кажется, что здесь, на этом маленьком (всю обитель можно обойти минут за 20) пятачке земли существует не Время, но Вечность, а праведники, жившие тут когда-то, продолжают нести служение рука об руку с теми, кто пришёл им на смену.

Это ощущение причастности к Вечности было таким мощным, что о. Иоанн старался отрешиться от всего, что составляло его жизнь до обители. У него хотели получить совет, но он никого не принимал. Ему писали его духовные чада из прошлых мест его служения, но ответов не получали. Единственной ниточкой, связывавшей его с прошлым, были его келейницы — инокиня Мария и послушница Нина Топчий. До 1961 года обе были насельницами Браиловского монастыря, а после его упразднения перебрались в Летово, где были певчими. Затем последовали за о. Иоанном в Некрасовку, приезжали в Касимов, а в 1968-м переехали в Печоры, где купили полдома на улице Мира, 20, — минутах в десяти ходьбы от монастыря. Работали обе в аптеке, а отработав смену, шли к батюшке. Фамилия Марии в миру была Владыка, и батюшка часто шутил на эту тему в духе «Да я-то что, я всего лишь иеромонах, вы вот у Владыки спросите». Из-за болезни матушка Мария была медлительной, и о. Иоанн говорил: «У нас с Мариюшкой скорости разные». А вот Нина, позже принявшая

постриг с именем Рахиль, была, напротив, невероятно энергичной и очень говорливой — не умолкала ни на минутку.

Поначалу батюшку вполне устраивало такое уединение. Ведь и само слово «монах» происходит от греческого «монос» — одиночный. Но однажды в келию иеромонаха пришёл сам отец наместник с письмом в руках. Грозно глядя на о. Иоанна из-под густых бровей, о. Алипий произнёс:

— Что это за письма тут нам приходят? Пишет отец Виктор Шиповальников из Рязани... — Он укоризненно потряс вскрытым конвертом. — Вот: «Куда вы дели вашего Ванечку?» Волнуются, думают, что ты уже помер. А ты им даже не отвечаешь...

С благословения наместника письменное общение с миром было восстановлено. Сначала это была переписка с лично знакомыми духовными чадами, но со временем поток писем расширился — о. Иоанну начали писать и люди, которые никогда не видели его. Отвечать на все письма лично он не успевал физически, тем более что каждое письмо писал не скорописью, а своеобразным, мгновенно узнаваемым почерком, требовавшим много времени на каждую букву. Батюшке понадобилась помощница, и ею стала Ольга Бочкарёва, с которой о. Иоанн познакомился в январе 1972-го. С её приходом процесс ответов на письма усовершенствовался: «На каждом письме делалась его ответная резолюция, а дома я переписывала его ответ начисто и отправляла по нужному адресу из Пскова. Из Печор ничего по почте не отправляли. А письмо подписывалось так — “Ваши родные”. Такая у нас была конспирация по благословению батюшки, так как за ним тогда зорко следили соответствующие органы». Ещё одна помощница, Валентина Заколюкина, работавшая в той же аптеке, что мать Мария и Нина Топчий, делала выписки из духовных книг, которые предназначались для паломников. Она же подбирала для батюшки лечебные травы, когда его одолевали бронхит или другие болячки.

А вскоре восстановилось и личное общение. Этому предшествовали тяжёлая болезнь и второе посещение наместника. Стенокардия, которая по молитвам о. Серафима вроде бы отпустила батюшку, снова начала его мучить; к ней присоединилась болезнь печени. Приступы настигали всё чаще, заставляя беспокоиться за жизнь иеромонаха. О. Иоанна ежедневно соборовали и Причащали, но лучше ему не становилось. И тогда на пороге его келии снова появился о. Алипий с посохом в руках.

— Ты что, отец Иоанн, только появился у нас и уже умирать собрался? — сурово осведомился архимандрит. — Нет, дорогой, ты нам ещё нужен.

Нет, нет, не умрёшь. Поживёшь, потрудишься...

А вечером того же дня раздался стук в дверь келии и обычное в монастыре: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас». Батюшка еле слышно отозвался: «Аминь. Войдите, ключ лежит на полочке». И после паузы в дверном проёме появилась... Царица Небесная. Троиц человек, нёсших огромную икону, видно не было, только сам образ. От потрясения о. Иоанн не мог произнести ни слова. Уже потом ему объяснили, что икону Божией Матери «Взыскание погибших» ему передали духовные чада из Касимова. Её завещала ему монахиня, прихожанка Никольского храма, которая спасла икону из разорённого монастыря и перед смертью завещала передать её батюшке. Ныне эта икона находится в Сретенском храме, рядом с мощами преподобного Симеона Псково-Печерского.

После этого дела у больного пошли на поправку — визит наместника и чудесное явление касимовской иконы сделали своё дело. А вскоре сам собой закончился и духовный «затвор», который о. Иоанн определил сам для себя. (Слово «затвор» мы ставим в кавычки, потому что настоящий монашеский затвор — это особый вид подвига, когда келия воспринимается как могила, а сам затворник полностью «умирает» для мира, посвящая себя исключительно молитве. Здесь же имеется в виду именно ограничение в общении).

Сам о. Иоанн так рассказал об этом о. Тихону (Шевкунову):

— Когда я приехал в монастырь, то сказал себе, что я буду заниматься только своею душою, как монах. Принёс в келью веник, ведро, чтобы делать самому уборку. Вдруг приходит какая-то женщина с вопросом. Я ей отказал и закрыл дверь. А в окно вижу, как она идёт такая понурая по Кривой дорожке к Святым воротам. Мне стало её жаль, и я решил для себя: «Нет, так дело не пойдёт. Надо людей выслушивать как прежде, согласно пастырским обязанностям»».

И с этого дня дверь келии отца Иоанна раскрылась для посетителей.

Понятно, что первым делом к нему зачастили те, кто уже хорошо знал батюшку по его служению на приходах, — москвичи, псковичи, жители Троицы, Летова, Борца, Некрасовки, Касимова. Последних было так много, что в монастыре вскоре стала популярной шутка: «Где этот Касимов находится? Может, его к нам на Святую Горку перенести?» Приезжали и земляки батюшки — орловцы, которых он всегда принимал особенно тепло. Мало-помалу в Печорах начала образовываться целая «колония» тех, кто не мыслил своей жизни без о. Иоанна — кто-то снимал в городе комнату на неделю, две, на время отпуска, кто-то селился на полгода, на

год, а уж потом начали переезжать и насовсем. Одним из самых преданных помощников батюшки был Лев Михайлович Рыжов (1935—2002) — автор прекрасной православной лирики и талантливых живописных полотен (его «Богородицу на ромашковом поле» Патриарх Алексий просил повторить трижды). Образец интеллигента-бессребреника, Лев Михайлович делал высококачественные фотокопии разных икон и буквально чемоданами привозил их в Печоры, где о. Иоанн освящал их и раздавал паломникам. Впервые увидев батюшку в Лето́ве, Рыжов не представлял жизни без него и как-то спросил у о. Иоанна: «Вас не будет, как же я без Вас тогда?» И услышал в ответ: «Я провожу тебя, Лёвушка». Так и вышло — в 2002 году о. Иоанн проводил преданного ему и Церкви друга в последний путь.

Очень быстро слава о. Иоанна Крестьянкина вышагнула за тесный круг тех, кто считал его «своим батюшкой» ещё в 1940—1960-х. Из уст в уста побывавшие в Псково-Печерском монастыре паломники и просто туристы передавали весть о том, что в обители живёт необыкновенный монах, советы которого могут изменить всю твою жизнь. Московские верующие начали называть его между собой «доктор Айболит» (понятно почему — в те годы о. Иоанн внешне напоминал доброго доктора из недавно вышедшего на экраны фильма «Айболит-66») или «крестьянский сын». В Ленинграде, по свидетельству О. Б. Сокуровой, «о Батюшке знали не столь многие, но о нём ходили разговоры как о необыкновенном, прозорливом “старце из старцев”, всё существо которого — “сама любовь”. Увидеть его, а уж тем более побеседовать с ним мечтали как о величайшем счастье». Начали появляться и зарубежные паломники. А сам о. Иоанн пошучивал: «Живём на улице Международной, вот и стали международными» (официальный адрес монастыря — Международная, 5).

Уже в 1968—1969 годах обычной для монастыря стала картина, которую запечатлели десятки мемуаристов: после службы о. Иоанн выходил из храма в плотном кольце паломников, на ходу пытавшихся получить у него благословение либо ответ на волнующий их вопрос. С кем-то он вступал в диалог, кому-то давал краткий, но ёмкий ответ, кому-то вручал заранее приготовленный письменный ответ или просфорку, с кем-то мягко шутил — но так, что человек в этой шутке слышал подсказку и выход из тяготившей его ситуации. При этом иеромонах потихоньку двигался по направлению к братскому корпусу. Обычно эта дорога от Успенского и Сретенского храмов занимает минуты три, а если спускаться по лестнице от Михайловского собора — минут пять. У о. же Иоанна она занимала не меньше получаса, а то и часа — паломники одолевали его и у трапезной, и на лестнице, ведущей на второй этаж, и у самой келии.

Многие уже тогда пытались фотографировать его на память, чего батюшка, как мы помним, не любил. К. Белавская, посетившая монастырь в мае 1971-го, вспоминала, что «он не запрещал, но весьма ловко уклонялся, быстро отворачиваясь или чуть отклоняясь. Так и не удалось нам сделать приличное фото батюшки».

В итоге батюшка появлялся в келии совершенно мокрый от пота. Из воспоминаний Ольги Бочкарёвой: «Прибегал к себе в келию за 10 минут до обеда весь мокрый и в изнеможении падал на диванчик. Матушка Мария быстро подавала ему стакан чая или лимонного морса, а также приготовленное уже чистое сухое бельё для переодевания. За эти 10 минут надо было всё успеть: и выпить чая, и переодеться, и вовремя прилететь в трапезную до прихода туда наместника. После обеда из трапезной батюшка выходил последним и очень долго шёл к себе в келию, так как в коридоре его «ловили» люди, нуждающиеся в его молитвенной помощи и добром совете».

Сначала такое количество посетителей очень смущало о. Иоанна. Выразительные следы этого смущения сохранил его письменный диалог с духовником, о. Серафимом (Романцовым), датированный 1970 годом. Он свидетельствует о том, что в начале монашеского служения батюшка проходил через серьёзные искушения:

«Нынешний год — это знаменательный для меня год: моё шестидесятилетие, двадцатипятилетие служения в священном сане и трёхлетие пребывания моего в монастыре. Желание-то моё осуществилось, я живу в обители, но, батюшка, вынужден каяться перед Господом и Вами — монашество моё замерло, ничего не вычитывается, пятисотница забыта. Сам себе перестал принадлежать — увы! — не могу, по причине своего слабого характера, отказать тем, кто обращается ко мне со своими душевными скорбями.

Всё, по неразумию своему, пытаюсь строить чужие избы, а своя душевная храмина остаётся в небрежении. Каждый день собираюсь начать исполнение положенных монашеских обязанностей, но каждый день Господь посылает на моём пути столько унывающих, болящих и скорбящих, что пройти мимо них я не могу, всех жаль, хотя отлично понимаю, что поступаю крайне неразумно. Помолитесь, дорогой батюшка, чтобы Господь за молитвы Ваши простил моё неразумие и небрежение к своему монашеству.

Здоровье моё, как говорят, ни шатко ни валко, но годы и страшная нагрузка (не за послушание, а по своеволию моему) физическая дают себя знать: то там потянет, то здесь поноет, только некогда мне думать об этом

всё по той же причине — по моему слабому характеру по отношению к тем, кто докучает мне своими болячками душевными и телесными».

О. Серафим отвечал на это так:

«Вот мой совет — предлагаю Вам всё терпеть — укоризны, оскорбления, болезни, и нести их с благодарностью. Вот прекраснейший богоприятный духовный крест. Свой крест несите, блажени будете. У Вас очень пылкое и беспокойное воображение, удерживайте его богомыслием и успокойтесь. Не давайте воли своим мыслям и рассуждениям. Вспомните то, что сказал апостол Павел: не высокоумствуйте, а в смирении пребывайте. Самое лучшее — размышляйте о грехах. Тяжело всё, конечно, это переносить, но помните, что за терпение и скорби, особенно кто с благодарением их терпит, им уготована великая награда от Господа.

Отец Иоанн, согласно Оптинских старцев и Глинских, они народ принимали и правила монашеского не оставляли. У Вас может быть так получаться.

Те же самые люди сегодня и завтра будут Вас беспокоить. На всё надо время — на молитву и на духовные беседы. Вы положите и распределите время, чтобы Вам можно было молиться, и определите время на беседы. Вы человек. Вам и требуется отдых. Не доводите себя до изнеможения, чтобы Вам, приходя домой, падать и засыпать без Иисусовой молитвы. По силе возможностей людей наставляй и утешай — и себя спасай. Можно много с ними проводить время в беседах, а самому пустым быть. Во всём имей рассуждение».

Но сомнения продолжали одолевать. В мае 1971-го, беседуя с одним немолодым священником, о. Иоанн признался: «Я ведь не старец, а ко мне идут и идут люди с вопросами и бедами, а отгонять их жалко». Собеседник тогда мудро заметил, что всё происходящее есть Промысл Божий, а значит, не нужно и смущаться. Но о. Иоанн до конца своих дней так и не смог полностью осознать, что для тысяч людей его имя стало символом добра, света, любви, веры. Смущался, когда заходил разговор об этом, обращал всё в шутку. А ещё — сокрушался о том, что люди видят в нём некоего «кудесника», кумира, который затмевает для них и смысл веры, и самого Господа. И встревоженно допытывался у своей келейницы: «Скажи, ну правда я ведь — как все?»

Сохранилась дословная запись беседы с о. Иоанном, сделанная в 1980 году на Успенской площади:

— Старцев сейчас нет. Все умерли, все там (кивок в сторону Богом зданных пещер). К ним и обратиться надо, они и помогут. Не надо путать старца и старика. И старички есть разные, кому 80 лет, кому 70, как мне,

кому 60, есть старики и молодые. Но старцы — это Божие благословение людям. И у нас нет старцев больше. Бегают по монастырю старик, а мы за ним. И время ныне такое: «Двуногих тварей миллионы, мы все глядим в Наполеоны». А нам надо усвоить, что все мы есть существенная ненужность и никому, кроме Бога, не нужны. Он пришёл и страдал за нас, за меня, за тебя. А мы ищем виноватых: евреи виноваты, правительство виновато, наместник виноват. *Примите, идите, сие есть Тело Моё* — из-за меня Он был распят. *Пийте* — *сия есть Кровь Моя* — из-за меня Он её пролил. И я во всём участник. Зовёт, зовёт нас Господь к покаянию, восчувствовать меру своей вины в нестроениях жизни.

А в одном из писем о. Иоанн так разъяснял заочному собеседнику свою позицию: «Я — не то, что Вы предполагаете этим своим письмом. Думаю, что тех старцев, которых ищите Вы, нынче нет. И знаете ли, почему отобрал Господь у мира такую великую помощь и утешение? А потому, что нет послушников, но только одни совопросники. И я это говорю Вам из опыта жизни — духовник отступает, когда не принимают Божьего с первого раза, а дальше замолкает». (В 1990-х о. Иоанн несколько изменил свою позицию по этому поводу и признавал «единственным, по-настоящему, прозорливым старцем на территории бывшего СССР» протоиерея о. Николая Гурьянова, подвизавшегося на острове Талабск).

Но не только пришлые в монастырь люди, наслышанные об о. Иоанне и жаждущие услышать хоть слово от него, но и братия, те, кто видел о. Иоанна ежедневно в разных обстоятельствах, в том числе и люди, значительно старше его по возрасту и духовному опыту, признавали его старцем. Так, келарь архимандрит Иероним (1905—1979) говорил: «Отец Иоанн — настоящий старец». А духовник монастыря о. Таврион вспоминал: «Мы видели и сознавали, что отец Иоанн — человек необыкновенный, самобытный — “не от мира сего”. Он явно жил не по стихиям мира, а по Духу, жил по святому Евангелию. И это в нём было так органично, что нам казалось естественным и стало привычным».

Конечно, такое отношение о. Иоанна к собственному старчеству было обусловлено его смирением. Гению всегда непросто осознавать, что он гений, — он предпочтёт скорее посмеяться над собой, нежели всерьёз признать себя великим. А монаху и в голову не придёт считать себя «великим» — ни всерьёз, ни в шутку. Подвиг старчества сам о. Иоанн признавал наиболее сложным и высоким среди всех монашеских деяний. Об этом он с полной определённой писал ещё в работе «Преподобный Серафим Саровский чудотворец...», характеризуя старчество как «подвиг ежедневного соприкосновения с самыми глубинами различных

человеческих сердец, нередко погрязших в ужаснейших пороках, постоянный отказ от привычной сладости созерцательной духовной жизни, подвиг, абсолютно невозможный без постоянной, непрекращающейся ни на миг помощи Божественной благодати». И неудивительно, что о. Иоанн вовсе не был склонен признавать себя самого человеком, способным на подобный подвиг.

...Не будет преувеличением утверждение, что во многом именно благодаря о. Иоанну с конца 1960-х Псково-Печерский монастырь приобрёл в СССР огромную известность, которая ширилась и укреплялась с каждым годом.

Конечно, оказывали влияние на эту известность и другие факторы. Во-первых, Печоры, в отличие от Троице-Сергиевой лавры, находились далеко от Москвы, и, соответственно, здесь было меньше «официальщины» и любопытствующих иностранцев. В монастыре мгновенно чувствовалось, что духовная жизнь там не прерывалась ни на день, время словно застыло, и не в плохом, а в Настоящем, «вечном» смысле слова. Уже одно это ощущение тянуло туда людей, словно магнитом.

Во-вторых, огромную роль играла неординарная личность настоятеля о. Алипия — художника, реставратора, ценителя прекрасного. Недаром завсегдатаями монастыря были его коллеги по художественному цеху, в том числе и модные в начале 1970-х Михаил Шемякин (он два года провёл в обители как послушник), Владимир Овчинников, Валентин Афанасьев, Анатолий Васильев, Александр Исаев, Евгений Орлов. Группа молодых ленинградских художников-нонконформистов (Вик, Сергей Сергеев, Виктор Трофимов, Алёна, Владимир Скроденис, Александр Александров) в 1974-м даже взяла себе название «Алипий».

И в-третьих, именно конец 1960-х — начало 1970-х в Советском Союзе ознаменовалось началом моды на православие среди интеллигенции и тех, кто причислял себя к ней. Непременной принадлежностью уважающего себя дома стала икона, желательно — старинная, и не одна. Здесь, пожалуй, уместно вновь вспомнить «Бриллиантовую руку» (1968): угол комнаты, где живёт контрабандист Геша Козодоев, стилизован под деревенскую избу, и там стоят икона Богородицы с лампадкой и распятие (а рядом с иконой — семь фарфоровых слоников). Или стихотворение Евгения Евтушенко «Дитя-злодей» (1974), описывающее представителя московской «золотой молодёжи»: «В его квартире фотофрески среди икон...» Наличие икон — это и есть типичный атрибут «стильного» человека той эпохи.

Недоброжелатели обвиняли в появлении такого «стиля» прекрасного

прозаика и поэта Владимира Солоухина, чья книга «Чёрные доски» для многих действительно стала первым соприкосновением с гигантским миром русской иконописи. Но «Чёрные доски» были впервые опубликованы в 1969-м, то есть появились уже на волне общего интереса к древнерусской старине. Кроме того, обвинить Солоухина в эксплуатации этой темы, её опошлении мог только тот, кто не читал произведений писателя и не знал его лично. «Чёрные доски» и по сей день остаются одним из самых горестных и возвышенных литературных произведений, посвящённых русской иконе. А тремя годами раньше, в «Письмах из Русского музея», именно Солоухин впервые привёл потрясший читателей горестный список варварски снесённых московских храмов. Впрочем, последний из таких сносов — взрыв в ночь на 18 июня 1964-го храма Преображения Господня — был ещё свеж в памяти... А другой был ещё впереди — в 1972-м, к приезду американского президента Никсона, взорвали храм Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот, в котором уже давно действовал кинотеатр «Авангард»...

Но вернёмся к моде конца 1960-х. Её едко высмеял Юрий Трифонов в своей повести «Предварительные итоги» (1970): «То они в Загорск, то в Суздаль, то на Святые Горы. И всё поближе к монахам, к старине. <...> Нет, конечно, никакой верой в настоящем смысле тут и не пахло, а вот так: томление духа и катастрофическое безделье. И даже, пожалуй, мода. Все эти книжонки, монастыри, путешествия по “святым местам” на собственных “Волгах” сделались модой и оттого пошлостью. Раньше все скопом на Рижское взморье валили, а нынче — по монастырям. Ах, иконостас! Ах, какой нам дед встретился в одной деревеньке! А самовары? Иконы? Как придёшь к какому-нибудь провизору или художнику, зарабатывающему на хлеб рисованием агитплакатиков, обязательно у них иконы торчат и чай пьют из самовара, настоящего тульского, отысканного за большие деньги в комиссионке». В творчестве другого яркого прозаика эпохи, Юрия Нагибина, две повести — «Дорожное происшествие» и «Поездка на острова» — посвящены как раз таким путешествиям, где возвышенность и намоленность мест, которые посещают «паломники», резко контрастируют с их духовным убожеством, пошлостью, непониманием того, зачем, собственно, они приехали туда.

Впрочем, среди таких путешественников, конечно, были не только те, кто посещал монастыри на собственной «Волге» или «Вольво» в промежутках между болгарской Албеной и высокогорной Тебердой. Под монастырские врата, неумело осеняя себя крестным знамением, входили и те, кто искренне пытался разобраться в себе самом и происходящем, искал

спасения от проблем, пытался вырваться из-под пресса давящей реальности. Как правило, это были люди, родившиеся после войны, студенты или молодые специалисты, образованные, начитанные, часто очень неплохо по советским меркам устроенные в жизни. Все они прошли через атеистическое воспитание в семьях и школах, все сдавали в вузах истмат, диамат и историю КПСС. Но всем им при этом не хватало чего-то главного, пусть даже они и не могли сказать себе, чего именно. И они пробовали, пробовали разное. В поисках смысла люди проходили через алкоголь и наркотики, «Битлз» и рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда», йогу и буддизм, собирательство икон и торговлю старыми книгами, «Мастера и Маргариту» и стихи Есенина, «хиппование» и реставрацию храмов... И приходили к православию. Святой Дух веял, где хотел.

Вспоминает правозащитник Татьяна Михайловна Горичева: «Я пришла к христианству через йогу. Ещё до моего обращения я слышала от друзей-йогов о великих “гуру”, так называли они старцев, среди них отца Иоанна (Крестьянкина). <...> Подруга много мне рассказывала о старце Иоанне. Она была актрисой и, так же как все мы, ищущая молодёжь 1970-х, неожиданно стала христианкой. Мы все тогда стремились в монастыри, и она поехала в Печоры. Там встретила с отцом Иоанном. Он благословил её писать иконы, и она успешно стала выполнять это послушание. <...> Теперь она живёт в монастыре, приняла постриг с именем Иоанна».

Встречу с другим таким неопитом описала Татьяна Зотова. «Человек я ищущий, и меня всегда интересовал смысл жизни, — поделился с ней в поезде «Печоры—Москва» интеллигентный мужчина лет двадцати семи. — Я встретился с одним гуру, который поразил меня своей осведомлённостью обо мне: я спросил у гуру однажды какой-то вопрос, он ответил. При этом обнаружилось, что он обо мне что-то знает. Я подумал, что вот она — истина, и стал к нему ходить. Сейчас я был в отпуске в Москве, рассказал всё это моим друзьям, они посоветовали мне съездить к отцу Иоанну. Мне стало интересно, и я поехал. Отец Иоанн просто поразил меня: он не просто повторил мне в точности слова гуру, сказанные несколько лет назад при нашем знакомстве с ним, но сказал ещё то, что я при этом подумал. Чего же ещё искать?»

Моду на веру принято осуждать, и справедливо — ведь мода представляет собой что-то временное, поверхностное, сегодня она одна, а завтра другая, и с Церковью в принципе несовместима. Но есть и другая сторона дела, о которой прекрасно сказал главный редактор журнала «Фома» Владимир Легойда: «Даже в таком поверхностном толковании

(увлечение внешней стороной веры) мода на Православие всё-таки лучше, чем мода, скажем, на любовные романы, мыльные оперы или, простите за нарочитое полемическое снижение, пиво. И не только потому, что в церковь ходить лучше, чем в ночной клуб... Кстати, а почему лучше? Ведь если человек ходит в храм из-за моды, значит, он ничего особенно в вере не понимает, не чувствует и т. д. Так, может быть, пусть лучше ходит в клуб? Честнее, по крайней мере. Но в том-то и дело, что *мы никогда наверное не знаем, в какой момент и каким образом человек слышит призыв Бога и меняет свою жизнь*. Именно потому, что Православие — это то, что серьёзно и глубоко, обращение к нему даже на уровне моды может человека, что называется, “зацепить” и изменить серьёзнее, чем это предполагал он сам или окружающие. Поэтому мы и не можем точно предсказать, чем закончится “увлечение” Православием. Просто потому, что здесь кончается сфера компетенции человека. *Здесь действует Бог. И мы должны научиться Ему доверять*. <...> Говоря с недовольством о моде на Православие, не упускаем ли мы из виду одну очень важную вещь — свободу Бога? Свободу от всех наших суждений, предположений и логических благочестивых выкладок. Христианская вера — это всегда личностные взаимоотношения двоих: Бога и человека. Предположения о том, как и на чём основываются эти взаимоотношения, мы строим, исходя из нашей, человеческой, земной логики. Однако недаром ещё в Ветхом Завете прозвучало отрезвляющее: *Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь* (Ис. 55: 8). Иными словами, не может человек ограничить свободу Бога. Недаром на вопрос о том, как тот или иной человек пришёл к вере, часто следует ответ: “Бог привёл. Господь позвал”. Бог может *любого* человека в любой ситуации привести к Себе — при единственном условии, что *сам человек не противится этому* долго и сознательно. Но ведь “модная” ситуация и не предполагает сопротивления, правда? Вот поэтому мне и хочется ещё раз сказать, что мы не можем, не имеем права, а главное — никогда не сумеем ограничить свободу действий Бога. Господь всегда Сам решит, кто настоящий, а кто нет. Кто за модой, кто за славой, а кто за Крестом к нему пришёл. И помощники Ему в этом деле не нужны. Нужно лишь наше доверие».

Сам о. Иоанн в одной из проповедей назвал массовый интерес к православию в 1970-х настоящим чудом: «То, что современный человек, выросший и воспитанный без Бога, приходит в Церковь, где Господь встречает его словами: *Сегодня надобно Мне быть у тебя... ныне... спасение дому сему* (Лк. 19: 5, 9), — вот это не мнимое, а действительное чудо». И действительно, многие из таких «искателей» 1970-х (а позже и

1980-х, и 1990-х годов), которые надели нательные крестики лишь потому, что это «стильно», а в храмы заходили полюбоваться древней росписью и поумиляться пению хора, в конце концов воцерковились, многие приняли сан. Внешне «случайные» люди в Церкви, своими судьбами они доказывали: ничего случайного в жизни нет, и слово это вообще не от Бога. Есть только Промысл, который ведёт человека по жизни туда, куда нужно.

Один такой человек появился в Псково-Печерском монастыре в воскресенье 9 мая 1969 года. Это была пятикурсница Строгановского училища, 28-летняя жительница Ярославля Татьяна Смирнова. Переворот в её жизни произошёл в 1965-м, когда она приехала навестить могилу своего деда, протодиакона Евлампия, много лет служившего в Никольском храме Касимова. (Уже в этом можно видеть знак — ведь именно в этом храме год спустя стал настоятелем о. Иоанн). За ночь, под аккомпанемент чудовищной грозы, девушка прочла все четыре Евангелия, и это изменило её навсегда. Но продолжались и сомнения в правильности выбранного пути, мучила неуверенность. С этим Татьяна и отправилась в Псково-Печерский монастырь.

В первый день радость от пребывания в обители ещё мешалась с раздражением на архиерея, который «в розовом, кисельного цвета облачении, усеянном блестками, напоминал большой бисквитный торт», на многократно повторяемые слова проповеди. На следующий день, 10 мая, студентка увидела, как от толпы, вышедшей из Успенского храма после богослужения, отделился монах и лёгкой скользящей походкой направился прямо к ней. Подойдя вплотную и глядя на Татьяну в упор, он доброжелательно произнёс:

— А я ведь тоже Христова невеста!

— Ну, вы-то Христова невеста, а мне-то какое дело! — от неожиданности резко ответила девушка.

Но о. Иоанн, не обратив на это никакого внимания, начал расспрашивать её. Выяснив, что Татьяна — художница, он пригласил её прийти к нему в келию около пяти вечера. Своей очереди ждали другие посетители, и разговор получился кратким:

— В миру художников много, а Церкви они нужнее. Хорошо бы тебе стать реставратором. Реставрация — это ведь оказание помощи пленным иконам...

Татьяна резонно заметила, что распределить её могут куда угодно, на что о. Иоанн ответил:

— Будем проситься в реставрацию, а пожить надо бы дома, с родными.

Посетительница не спорила и не соглашалась — она была слишком ошеломлена доброжелательной манерой незнакомого монаха. Он помазал её елеем, вручил просфору («Смотри — точёная, тут и ты, и все твои близкие уже есть») и распрощался.

И с этого дня жизнь Татьяны Смирновой начала складываться так, как это было необходимо. В одну из встреч батюшка подарил Татьяне копию старинной рождественской открытки, изображавшую мальчика, ведущего за руку девочку и освещавшего путь фонариком. «Смотри, это Ваня и Таня, — объяснил о. Иоанн. — Ваня фонариком освещает путь Тане». «Началась жизнь под руководством, — вспоминает Т. С. Смирнова. — Но сколько раз потом хотелось разорвать эти узы — то по собственной воле, а то и по наущению вражьему. Сколько раз доверие подвергалось ревизии, червь сомнения мучил, подтачивая слабую веру, пока, наконец, сама жизнь не оправдала и не защитила реальную правду слов отца Иоанна».

В 1981 году Татьяна Сергеевна переехала в Печоры и, начав выполнять в монастыре послушания реставратора икон и письмоводительницы старца, постепенно стала его доверенным лицом. «Ваня и Таня» были рядом на протяжении четверти века.

Другим примером обращения к вере стала история художника Геннадия Усачёва, в монашестве Михаила:

«Мы познакомились с отцом Иоанном в 1970 году. Ни о Боге, ни о том, что Он — источник жизни, мы с друзьями не задумывались. Всеми страстями одержимые молодые художники, и было нам в ту пору чуть больше тридцати. Единственное, до чего смогли “дотянуться” в этом возрасте — до “духовной науки” Штейнера, которой мы и руководствовались. Мой друг Алексей Чухин (позднее он станет священником) повстречал в Ярославле Татьяну Сергеевну Смирнову. Выслушав его рассуждения о “духовности” Штейнера, она предложила ему поговорить на эту тему с отцом Владимиром Правдолюбовым, который жил в Касимове: “Хороший батюшка, не пожалеешь!”

В свои 34 года я был уверен, что священники — народ недалёкий, выдумали себе какую-то идею и на этом зарабатывают деньги. Такого же мнения придерживался и Алексей. Только ради любопытства пошёл он к отцу Владимиру. А тот в первом же разговоре разнёс любимого нами Штейнера в пух и прах. Математик по образованию, отец Владимир рассуждал о штейнерианстве без запальчивости и очень убедительно. Нас это удивило. Появилось желание видаться со священником почаще. И мы стали ходить к нему в храм, где и узнали, что совсем недавно служил в Касимове замечательный священник, звали его отец Иоанн (Крестьянкин).

Поведала нам о нём бабушка Христина. Кто она была такая? Да просто бабушка. Всё в её жизни было подчинено Богу и Церкви. Она-то и рассказала нам, как все полюбили отца Иоанна, да так, что и отпускать не хотели. При нём много народа стало ходить в церковь. Словом, она нам посоветовала: “Поезжайте в Печоры к отцу Иоанну”.

Мы послушались. Приехали в город, о котором ничего не знали, смотрим: народ куда-то идёт, мы — за ним. Пришли в церковь, отец Иоанн как раз служил молебен. Молящихся толпа. В то время молодёжь редко в церковь заходила. И нас сразу заметили. По окончании службы и отец Иоанн обратился к нам с вопросом:

— А это кто к нам приехал? Такие молодые да симпатичные!

И так весело, радостно спросил:

— Кто вы такие? И зачем сюда приехали?

Мы подошли ближе, отвечаем:

— Приехали из Питера. А мы в Касимове были. Нас прямо оттуда к Вам и направили.

Отец Иоанн:

— Да-а? Это хорошо! Касимов — град святой, и люди там Божии!

И начал вспоминать отца Владимира, отца Анатолия, касимовских прихожан. Люди кругом стоят, слушают. Потом спрашивает:

— Где вы остановились?

— Нигде, мы только что приехали.

Он сразу закричал:

— Кто возьмёт их, кто?

И с улыбкой на всех смотрит. Раздались крики: “Мы возьмём!” Тут подходит бабуля, Анна её звали, она трудилась в овощном складе в пещерах. Ревностная подвижница. “Я забираю!” — говорит. А оказалось, что у неё и дома-то нет. Её саму местные прихожане, Володя с женой Евгенией, взяли к себе пожить на какое-то время. А она ещё и нас с собой приводит, хозяин дома глаза вылупил! А что поделаешь? Они с женой тоже были особой закваски. Каждое утро бежали на раннюю литургию, вера была стержнем их жизни. Они приехали в Печоры из Белоруссии, купили избушку — сплошные щели. Ноябрь, холодина жуткая в доме. Хозяева нам отдали свою кровать односпальную, а сами спали на плите: печь протопят и ложатся. Мы ежедневно стали ходить в монастырь, и всему, что видели и слышали, поражались. Таких людей, как отец Иоанн, в своей жизни мы ещё не встречали — прямо фонтаном из человека бьёт любовь к людям, он себя как бы забывает совсем.

Батюшка уделял нам много внимания. После службы подолгу

разговаривал в келье, помазывал маслицем, кропил святой водой. А мы-то что? Замученные питерской жизнью, затырканные суетой мрачные люди. Постепенно мрак этот стал отходить, уступая место радости и надежде.

Отец Иоанн расспрашивает:

— Кто мы, как живём, к чему стремимся?

Узнав, что мы художники, просиял.

— Как хорошо-то. Из художников многие приходят к Богу. У нас наместник отец Алипий — художник-иконописец. Иконы его видели? Не видели? Сейчас же пойдите и посмотрите. Вы иконы пишете?

Такой разговор состоялся при первой нашей беседе.

— Да нет, пока не пробовали, — мямлили мы в ответ.

— Надо учиться иконы писать, служить Церкви. Хватит на всякие лозунги время тратить. — Руками замахал: — Всё, всё, всё! Господь Сам вас привёл сюда, это же чудо! Вы понимаете ли, что это чудо?!

А что мы там понимали... Нам говорили, что отец Иоанн святой человек, но мы и представить себе не могли такой любви, такой непосредственности и свободы. Батюшка сразу вошёл в нашу жизнь. Уехали из Печор в восторге и по приезде в Питер заявили нашему штейнерианскому “гуру”: “Мы были в Печорах и поняли: Штейнер — полная туфта, а вот Православие-то — это да!” И, естественно, наши пути разошлись навсегда».

Это лишь одна история человека, чью жизнь православная вера и о. Иоанн изменили бесповоротно. А сколько было ещё таких историй!

Конечно, были и такие, на кого о. Иоанн, что называется, «не действовал». Такие люди приезжали посмотреть на него просто как на диковину, модного среди столичной интеллигенции «святого», и при встрече недоверчиво и снисходительно прощупывали его вопросами о самом главном. Но и для откровенно неверующих о. Иоанн находил время, открывая им «и путь и истину и жизнь» (Ин. 14: 6). И оставался в душе надолго, если не навсегда. Так, цитировавшийся выше знаменитый писатель Юрий Трифонов (1925—1981), относившийся к вере, насколько это можно понять из его книг, со свойственным для его поколения немалым скепсисом, в 1975-м специально приехал в Печоры и провёл за беседой с о. Иоанном полтора часа, а запись «ОТЕЦ ИОАНН КРЕСТЬЯНКИН» в его дневнике сделана именно так — заглавными буквами.

...В 1970 году тяжёлая болезнь постигла 89-летнего архимандрита Афиногена — братского духовника обители, исполнявшего свои обязанности с 1960-го, с момента кончины старца Серафима. Наместник о. Алипий повелел исполнять обязанности духовника о. Иоанну. И тут

произошло то, чего никто не ожидал, — иеромонах категорически отказался принять послушание. На о. Иоанна это не было похоже, тем более что он считал подчинение монастырскому начальству первейшей обязанностью монаха. Когда недоумевающий наместник потребовал у него объяснений, о. Иоанн смиренно проговорил:

— Не могу, отец наместник. Духовник наш, слава Богу, жив и настолько опытен, что мне при нём живом заступать на его место никуда не годится.

Спорить о. Алипий не стал, а по-военному коротко приказал, повернувшись к своему келейнику:

— Отца Иоанна ничем не нагружать. Освободить его вообще от всех послушаний. Пусть только в трапезную ходит...

Наказание, что и говорить, суровое. Поневоле почувствуешь себя изгоем, непричастным к жизни монастыря. Но паломники-то не знали о распоряжении о. Алипия, и людской поток, желавший повидать о. Иоанна Крестьянкина, не иссякал. Он принимал гостей в келии, а потом начал выходить и на Успенскую площадь, ибо всех желающих келия вместить не могла. От зоркого глаза наместника такой непорядок, конечно, не укрылся. И как-то на всю площадь прозвучал грозный голос о. Алипия, увидевшего из окна общение батюшки с народом:

— А куда это отец Иоанн пошёл?!

Пришлось тут же вернуться в келию. Но в следующий раз тот же вопрос прозвучал уже менее грозно, а в третий раз — почти ласково. О. Иоанн понял, что прощён. Тем более что и духовник старец Афиноген постепенно оправился от болезни и вновь приступил к своим обязанностям, которые исполнял до самой смерти в 1979-м. Батюшка безмерно уважал этого старца, и даже тех священников, кого благословили принести генеральную исповедь ему самому, отправлял к о. Афиногену — как к более старшему, опытному.

Отношения отцов Алипия и Иоанна знавшие их обоих описывают как дружбу, и в начале 1970-х это действительно было так. Именно о. Иоанну вручил наместник список своих однополчан, погибших на фронте, и попросил поминать их, что батюшка и делал до самой смерти. О. Иоанн ценил в наместнике непреклонную волю, характер, любовь к своей обители, обилие талантов, называл его редким самородком, чудом Божиим. А о. Алипий, безусловно, понимал, что о. Иоанн — не простой иеромонах, а «земной ангел и небесный человек», говорил о нём: «Да у меня таких, как он, и трёх-то монахов не наберётся». Что не мешало ему подтрунивать над ним, добродушно называть «Ванька — бабий духовник» (намёк на то, что

большинство духовных чад о. Иоанна были женщинами: так было всегда — ещё в Пскове в 1955-м его звали «дамским батюшкой»). А время от времени отец архимандрит распекал его, как и прочую братию. Так, 28 мая 1972-го, на Святую Троицу, о. Иоанн произнёс в переполненном храме проповедь, где были такие слова:

— Други наши, не скорбите, велика сила Духа Божия! Придёт время, и многих из тех, кто сейчас гонит нашу Церковь, нашу веру, Он, всемогущий, наставит на путь Истины. И они придут, и будут защищать Её, и будут молиться.

В 1970-х во всеуслышание сказать о гонениях на Церковь — такая смелость могла обойтись очень дорого. И о. Алипий после службы сурово спросил проповедника:

— Отец Иоанн, ты про каких гонителей сегодня упоминал?

— Это я сказал по наитию, — прозвучал краткий ответ.

Что такое наитие Святого Духа, знали и наместник, и иеромонах, и ситуация, казавшаяся взрывоопасной, была исчерпана. А пророчество о. Иоанна сбылось в точности — многие из тех, кто в 1970-х были гонителями Церкви, через двадцать лет пришли в неё...

13 апреля 1970 года, на Святую Пасху, состоялась хиротесия о. Иоанна в сан игумена (практика присвоения этого сана в качестве награды сохранялась в Русской Православной Церкви до 2011 года). Указ, подписанный архиепископом Псковским и Порховским Иоанном, подчёркивал, что саном он награждён «в связи с его славным 60-ти летним юбилеем, за усердно-ревностное 25-ти летнее безукоризненно честное и трезвое пастырское служение Христовой Церкви». Но сам о. Иоанн со свойственным ему самокритичным юмором наверняка припомнил в тот день свою любимую приговорку: «Игумен, да неумён; не игумён, а умён». Отвечая на поздравления братии, новоиспечённый игумен смущённо говорил:

— Нет, нет, не истолкла меня ещё жизнь, чтобы мне достойно золотой крест на персях носить.

А в благодарственном слове сказал серьёзно:

— Испросите мне у Христа Господа милость, да даст мне разум благоугодить Ему мыслью, и желанием, и намерением, и делом, да верен Ему обрящуся даже до последнего моего издыхания. Чтобы последние годы моей жизни и смерть моя явились если и не прославлением имени Божия, то и не бесчестьем святой Божией Церкви, монашества и святой обители сей.

Ещё больше смущался батюшка три года спустя, когда 8 апреля 1973-

го «за 30-летнее усердно-ревностное примерное высокопастырское служение Святой Обители и Церкви Христовой» (и к 63-му дню рождения) он был возведён в сан архимандрита с возложением и правом ношения митры за всеми богослужениями. Сокрушённо разглядывая митру, он проговорил:

— Дали-то не по заслугам, а выходить кому-то надо, вот и нужен я стал как архимандрит. И надели на меня митру, как на болванку, а ведь положено только через сорок лет, и то по особым заслугам.

В устах иного это могло бы звучать как кокетство, но братия уже знала — о. Иоанн абсолютно искренен. Он и в самом деле считал себя не заслуживающим сана и ещё долго сокрушался по поводу «незаслуженного» возвышения. Ещё бы, ведь его духовный учитель, совершивший над ним постриг о. Серафим, стал архимандритом только через два года, в 1975-м!.. Кстати, митру, которую изготовили для о. Иоанна, он назвал «слишком роскошной», а вот другие монастырские архимандриты оценили её совсем иначе — «простовата»...

Весна 1973-го была ознаменована в монастыре ещё одним радостным событием. Удалось вернуть из Германии те самые ценности, которые были вывезены фашистами из обители 29 лет назад. Их активные поиски начались после того, как в октябре 1968 года газета «Советская культура» разместила статью о. Алипия «Где сокровища Печорского монастыря?», в которой говорилось: «Русские цари (и не только цари) одаривали „пребогато" монастырь. В ризнице хранились некоторые вещи, принадлежавшие Ивану Грозному, Борису Годунову, Петру Первому — массивная золотая цепь, большой золотой крест, несколько золотых кубков, искусно шитая золотая плащаница ручной работы царицы Анастасии Романовны, её же золотой перстень с камнями и серьги из яхонтов, произведения из золота и серебра многих безвестных русских умельцев...»

Публикация получила большой резонанс, в том числе и в ФРГ. И вскоре немецкий фермер, а на досуге — детектив-любитель Георг Штайн установил местонахождение сокровищ монастыря. Как оказалось, с 1945 года они находились в американской оккупационной зоне, а в 1956-м попали в запасники музея икон города Реклингхаузен (там хранится крупнейшее собрание икон вне России и иных православных стран), причём на обозрение никогда не выставлялись.

24 мая 1973 года консул ФРГ в Ленинграде Дитер Боден, ризничий о. Серафим и казначей о. Нафанаил вскрыли доставленные морем из Германии ящики. Их было 12, и в них находилось 504 предмета. В тот же день о. Серафим разместил их на тех же самых местах, откуда они были

увезены в 1944 году. К сожалению, судьба ещё 62 бесценных предметов осталась неизвестна — они бесследно исчезли.

Возвращение святынь из вражеского плена знаменательно совпало с пятисотлетним юбилеем Псково-Печерского монастыря, отмечавшимся 28 августа 1973-го, на Успение. О. Иоанн по этому поводу произнёс большую проповедь, в которой, в частности, сказал:

— По неизреченной милости Божией мы с вами сподобились дожить до славного праздника пятисотлетнего юбилея Псково-Печерской обители, который мы радостно отмечаем сегодня — в великий день Успения Пресвятой Богородицы.

Именно в этот день, ровно пятьсот лет назад, в 1473 году, был освящён на склоне горы пещерный храм во имя Успения Божией Матери.

Что же хотелось бы сказать вам в этот знаменательный день? На протяжении половины тысячелетия Псково-Печерская обитель была и остаётся духовной святыней, куда стекались и стекаются паломники со всех концов России, где каждая верующая душа находила и находит путь к покаянию и утешению. <...>

Пусть из уст в уста передают верующие люди друг другу весть о существующем на Псковской земле острове благодати, незыблемо возвышающемся среди бурного моря мирского зла.

Пусть ещё много и много лет стекаются сюда болящие, кающиеся, надеющиеся и до земли" склоняются перед нашими святынями в безмолвной, горячей мольбе.

Пусть каждый верующий приходит в монастырь за обновлением, проверяет самого себя, пересматривает свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями православной нравственности и восполняет свои пробелы и потери.

Пусть звонят в Печерской обители колокола!

Пусть не меркнут над нашими храмами сияющие золотом кресты!

Пусть высятся они к небу и напоминают о нём!

Пусть неустанно здесь возносится молитва!

Пусть, как солнце среди туч, сияет обитель подвигом духовным!

Пусть эта обитель борется за спасение нашего мира от грозного приговора, за которым некогда последовал потоп. Сей Божий приговор гласил: не может Дух Мой жить среди этих людей, ибо они стали плотью.

Как некогда Иоанн Предтеча, да станут святые обители на людном, шумном и суетном пути многоговорливой плотской жизни и напомнят суетящимся людям об истинной и достойной человеческой, а не животной жизни, напомнят вечную заповедь: Духа не угашайте!

Радуйся, святая обитель, во все времена, ибо ты служишь для нас постоянным источником неувядаемой радости. Да оградит тебя Господь от всякой напасти, как ты ограждаешь нас от лжи и зла. Стойте, могучие башни, пока живёт ветхая и грешная земля. Не допускайте, чтобы ложь вошла через ворота обители. Здесь есть место только для истины.

...Середина 1970-х была снова омрачена атаками на наместника монастыря о. Алипия, уже не явными, как в начале 60-х, а скрытыми. 30 декабря 1974 года по инициативе самого архимандрита в монастыре прошли перевыборы наместника. Рассматривалась на них и кандидатура о. Иоанна. И хотя большинство братии высказались за то, чтобы о. Алипий остался на своём посту, сам факт этих выборов говорит о том, насколько сложной была в то время обстановка в обители. Недоброжелатели Великого Наместника не знали, что ему осталось недолго — эпоха о. Алипия завершилась с его смертью 12 марта 1975-го. Он скончался после острого третьего инфаркта, не дожив до своего 61-летия...

Даже если не знать о его заслугах перед монастырём, они видимы невооружённым глазом по сей день. Именно при о. Алипии в обители были выложены каменные мостовые (1966), полностью отреставрированы крепостные стены (1968), приобрели современный цвет Успенский, Покровский и Никольский храмы, фасад Богом зданных пещер (1968—1969), построена и расписана самим наместником часовня на Святой Горке (1974), полностью отреставрирован и расписан главный собор монастыря — Михайловский (1974)... Незадолго до смерти о. Алипий сказал: «Вот позолочу купола Михайловского собора, и помирать можно». Так оно и случилось. А за шесть часов до кончины отец наместник сподобился видения Божией Матери и поторопил келейника:

— Божия Мать явилась! Какая она красивая... Давай мне этюдник, давай краски, рисовать будем!

Новым наместником 7 апреля 1975 года был назначен игумен Гавриил (1940—2016), в миру Юрий Григорьевич Стеблюченко. До монастыря он успел послужить в Выборге, Иерусалиме, а с января 1972-го был настоятелем Свято-Троицкого кафедрального собора в Пскове.

Очень скоро братия почувствовала, что стиль руководства 35-летнего наместника резко отличается от того, что был принят о. Алипием. Игумен Гавриил обладал сложным, взрывным характером, человеком был резким и нетерпимым. Дошло до того, что в 1978 году в монастыре разразился настоящий кризис: сразу десять молодых монахов написали на имя Патриарха Пимена письмо с требованием удалить наместника из обители ввиду его деспотизма. Патриарх отстранил архимандрита от должности, но

прибывший из Москвы заместитель председателя Совета по делам религий В. Г. Фуров своей властью восстановил о. Гавриила на посту... По слухам, которые передавались шёпотом, — потому что новый наместник якобы был в звании полковника КГБ.

Вспоминая ту ситуацию, один из монахов, покинувший всё-таки в 1978-м обитель и ставший затем наместником другого монастыря, так обращался к своей братии: «Нет на вас наместника Гавриила! Надо бы вам Гавриила хотя бы на месяц! Вы бы узнали, что такое монастырь. Владыка Гавриил — не жадный, добрейший человек, любил дарить подарки, принимать гостей, но характер у него жёсткий. И ещё: владыка Гавриил — человек глубоко верующий. Я вспоминаю, как он молился: службы были всегда насыщенные, торжественные, продолжительные. А характер у него был, конечно, не мёд. Впрочем, я считаю, что, если бы я попал в его шкуру, я поступал бы так же, как и он. Потому что по-другому нельзя было тогда поступать».

В книге «Несвятые святые» митрополит Тихон (Шевкунов) так пишет об о. Гаврииле: «Для отца Гавриила, выбравшего монашеский путь в шестнадцать лет, храм и вообще Церковь были самым что ни на есть родным домом. И он абсолютно естественно ощущал себя в монастыре безраздельным хозяином и всевластным домоправителем, поставленным на послушание наместника Самой Царицей Небесной, Покровительницей обители. Он очень по-своему, но остро и живо чувствовал ответственность перед Господом за монастырь и за вверенную ему братию. А что думают о нём другие, его совершенно не интересовало. За тринадцать лет наместничества он ни разу не брал ни дня отпуска или выходных и держал всех в суровой узде. Хотя сегодня многие в Печорах вспоминают, что за этой его жёсткостью и даже грубостью скрывалось по-настоящему отзывчивое сердце. Отец Гавриил, как впоследствии выяснилось, тайно помогал многим людям, без преувеличения, сотням печерян. Это теперь мы, тогдашние послушники, понимаем, что наместнику не было никакого интереса да и времени зловредно придирайтесь к нам, как тогда казалось. Попросту отец Гавриил не терпел расхлябанности, а ещё больше — безответственности и небрежности в Божьем деле. Но всё-таки характер у него и правда был, мягко говоря, не сахар».

Одним из главных нововведений о. Гавриила на посту наместника стал запрет на посещения о. Иоанна паломниками. Митрополит Тихон (Шевкунов): «Очередь к батюшке у братского корпуса выстраивалась с раннего утра до позднего вечера. Это не могло не встревожить соответствующие органы, надзиравшие за монастырём. Давление на

наместника, по всей видимости, было оказано нешуточное.

Однажды к мирно стоящей у братского корпуса толпе паломников вдруг подлетел отец Гавриил. Он наорал на несчастных, перепуганных людей и как коршун разогнал всех. Да ещё вызвал плотника и велел заколотить дверь в комнату, где отец Иоанн принимал народ.

Несколько дней в Печорах только и говорили о том, что наместник заодно с властями не пускает народ Божий к старцам. Лишь сам отец Иоанн (которому от наместника досталось больше всех) был безмятежен. Да ещё и нас успокаивал:

— Ничего, ничего! Я делаю своё дело, а отец наместник — своё.

И действительно, дня через три тот же монах-плотник, который по приказу наместника заколачивал дверь, вновь явился со своим ящиком, аккуратно выдернул гвозди, и отец Иоанн продолжил принимать народ, как и прежде».

Наместник, будучи младше отца Иоанна на тридцать лет, безусловно, понимал, что собой представляет уже ставший легендой старец. Но внешне никак не проявлял особенного к нему отношения. Напротив, любил смирять архимандрита. Например, просил его совершить каждение огромным кадилом, которое о. Иоанн с трудом мог поднять двумя руками. Поклонившись наместнику, батюшка усердно выполнял послушание, а когда кто-то выражал ему сочувствие по поводу усталости, удивлённо отвечал:

— Что вы так возмущаетесь? Кому же меня смирять, как не отцу наместнику?

Или повторял слова апостолов Петра и Иоанна:

— «Судите, справедливо ли пред Богом слушать человека более, нежели Бога». Видно, так надо.

Ко. Гавриилу о. Иоанн, по свидетельству О. Б. Сокуровой, относился «с почтительной предупредительностью и в то же время спокойным достоинством — как старший умудрённый человек к ещё “не перебродившему”, не устоявшемуся человеку, трудному не только для окружающих, но и для самого себя, однако, как и всякий человек, достойному уважения». Старался понять, сглаживал как мог острые ситуации и не одну из них предотвратил. Ни в коем случае не роптал — это вообще не было свойственно батюшке. «Пора привыкнуть, что ты в монастыре, а не на светской работе, — объяснял он в письме молодой монахине, — и что демократия для монастыря не годится, а значит: любого начальствующего, нравится он или нет — безразлично, надо принять как Богом дарованного. Вот и учись этому, а духу времени не поддавайся,

держи себя крепко. А то какой же смысл нашего подвига». Это была настоящая школа смирения.

Формы смирения были разные. О. Иоанна могли оборвать на полуслове во время общения с людьми, сказать «Хватит», не спрашивая ни мнения его, ни желания, просто увести. Ограничивали и людей в общении с ним. О. протоиерей Олег Тэор вспоминал: «Сначала к батюшке в келью за советом люди могли прийти как к себе домой, а потом это стали пресекать, к батюшке могли попасть только священники, да и то не все. Было такое время, когда священников вообще не впускали в монастырь — нужно было взять специальную справку-разрешение от архиепископа Псковского, чтобы пройти исповедь в монастыре. Я как-то шёл по Печорам, и мне был строго задан вопрос: “Зачем ты приехал в Печоры?” Я ещё в монастырь не успел войти, а меня уже остановили». Доходило до того, что паломников батюшка принимал в проходной братского корпуса, в темноте, и говорили при этом полушёпотом.

Духовные чада о. Иоанна с 1970-х годов Глафира Павловна Коновалова и Ольга Борисовна Сокурова рассказали автору этих строк о том, какие препятствия тогда приходилось преодолевать, чтобы попасть к батюшке. У входа в братский корпус тогда, как и сейчас, дежурил послушник, и к о. Иоанну буквально прошмыгивали, дожидаясь, когда дежурный отвлечётся на что-то. Пробирались со стороны хозяйственного двора, через трапезную. Добраться до лестницы, ведущей на второй этаж, — уже удача, перехватить батюшку на бегу — счастье...

О. Б. Сокурова: «Надо было и мимо будки стремительно проскользнуть, опасаясь строгого оклика дежурного, и на первом этаже делать вид, что тебе что-то понадобилось на кухне, и, взлетая по лестнице, молиться, чтобы не попасться на глаза начальству, и только возле дверей Батюшкиной кельи можно было наконец перевести дух (здесь ты находился словно под охраной), постучаться тихонько с положенными словами “Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Дверь тут же открывалась, и келейница или принимала письмо и говорила, когда прийти (тогда весь тернистый путь приходилось проделывать с самого начала), или быстренько запускала внутрь, где начиналось ни с чем не сравнимое счастье». А если попался на глаза наместника — быть беде.

О. Гавриил даже к Татьяне Смирновой, необходимой помощнице о. Иоанна, отнёсся жёстко. Вскоре после её переезда в Печоры, в 1981-м, отец наместник заявил ей:

— Знай, если я увижу тебя у Ивана, я выкину тебя из монастыря не через ворота, в которые ты вошла, а через монастырскую ограду.

О. Иоанн, узнав об этом, только покачал головой:

— Так, так, полюблю — шубу сошью, не полюблю — шкуру спущу. Деточка, шубу-то из твоей шкуры попытаются шить, но нам твоя шкура нужна, и мне, и тебе, давай её беречь.

И берегли, как умели — Татьяна Сергеевна, официально бывшая в монастыре реставратором икон, исполняла послушание батюшкиной письмоводительницы подпольно. Два раза едва не попалась. В первый раз, когда измученный батюшка задремал, присев на диванчик, а в келию постучал наместник с вопросом, что он делает. К счастью, на перепуганный ответ келейницы о. Иоанна Марии Владыки, что батюшка спит, о. Гавриил неожиданно миролюбиво ответил: «Ну, не буди его, пусть поспит» — и ушёл. В другой раз — когда Татьяна Сергеевна засиделась за письмами, а в келию вошли о. Иоанн с наместником и Марией. Письмоводительница только в последнюю минуту успела втиснуться в узкую щель между вешалкой и шкафом, и то её чуть было не выдал предательски загремевший под ногами таз...

Однажды о. Гавриил предписал о. Иоанну... покинуть монастырь и отправляться на приход. Батюшка стал деликатно ссылаться на возраст и немощи, но наместник настаивал на своём. И только после третьего или четвёртого его приказа о. Иоанн показал ему бумагу Патриарха Пимена, предписывавшую до конца жизни оставить его на покое в монастыре. Наместник отступился. А вот другому печорскому старцу, схиигумену Савве, пришлось-таки отправиться на приход.

Понятно, что такие шаги отец наместник предпринимал не по собственной инициативе, а под серьёзным давлением «сверху». Популярность о. Иоанна не могла не бросаться в глаза, и какое-то время власти вполне серьёзно рассматривали возможность его перевода (точнее, ссылки) на... Афон, который в 1970-х расценивался как церковное «захолустье». Лишь твёрдая позиция постоянных членов Священного Синода, категорически указавших на неприемлемое для такого перевода состояние здоровья батюшки, помешала осуществлению этого плана. Об этом Г. П. Коноваловой рассказывал митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников), старый друг о. Иоанна по академии.

Впрочем, временные поездки за пределы монастыря в жизни о. Иоанна по-прежнему были — командировки на приходы Псковской епархии. Одна из них запомнилась особенно — в марте 1978 года, в первую неделю Великого поста. Тогда о. Иоанн получил благословение на поездку в Пюхтицкий монастырь на постриг о. Александра Муртазова, впоследствии архимандрита Гермогена. Ещё в Печорах батюшка почувствовал, что

простудился, а приехав в Пюхтицы, расхворался окончательно. Но времени болеть не было — нужно исповедовать священника обители, потом готовящихся к постригу послушниц, провести с ними беседу о сути монашеского подвига. Только прилёг отдохнуть — в дверь келии постучала игуменья Варвара с просьбой исповедать монахинь, готовящихся к причастию. И было уже далеко за полночь, когда на исповедь к батюшке пришёл митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (в 1990—2008 годах — Патриарх Московский и всея Руси); беседа с ним затянулась до утра... Вернувшись в Печоры, о. Иоанн слёг надолго. «Он беспрекословно и безропотно, с готовностью исполнял послушание, а потом чуть не умирал, — вспоминала О. Б. Сокурова. — Так что он жизнью своей подтверждал всё, чему учил».

Среди приходов, где о. Иоанн особенно любил бывать, выделялся деревянный храм Святого Илии Пророка в селе Даличино, где с 1954 года служил его добрый друг, в годы войны — партизан и пулемётчик, а после о. архимандрит Паисий (Семенов, 1924—2000). Добираться до Даличина прихожанам было очень сложно — нужно было вставать в пять утра, трястись на автобусе, потом пересаживаться на другой, а потом ещё идти пешком. И тем не менее вся округа, прознав, что в Даличине будет служить о. Иоанн, собиралась там, приезжали и паломники издалека, в том числе из Москвы. Для батюшки, как для архиерея, выкладывали дорожку из цветов, украшали храм цветами, сестра о. Паисия, Мария, готовила праздничную трапезу. Завидев монастырскую машину, собравшиеся радостно кричали «Едет, едет!», а Мария восклицала так:

— Едет наша роза благоуханная!

Подъехавшую «Волгу» мгновенно обступали десятки желавших получить благословение. Именно в Даличине произошёл смешной и трогательный эпизод: в толпу окруживших батюшку людей затесалась кошка, о. Иоанн нечаянно наступил ей на лапу — и тут же прилюдно попросил у кошки прощения...

Среди других послушаний была и подготовка будущих священников к рукоположению. Вспоминает о. протоиерей Олег Тэор: «Отец Иоанн в монастыре проводил что-то вроде катехизации: он давал советы из богослужебной практики, рассказывал об уставе, задавал вопросы. Батюшка очень много рассказывал из своей приходской жизни, учил, например, как общаться с уполномоченными. <...> Потом была комиссия: в келье отца Иоанна собралось несколько священников, и они спрашивали меня по уставу и утвердили меня как ставленника. <...> Отец Иоанн заботился о том, чтобы ставленник был обеспечен всем необходимым для

рукоположения. В то время не было пошивочных мастерских, и самому нужно было заботиться о том, чтобы у тебя были ряса, подрясник и облачение. Так я получил подрясник, рясу, священнический крест, служебник. А впоследствии он подарил мне старинную богослужебную чашу — потир».

Своих «крестников» о. Иоанн не забывал и потом, во время службы на приходах. О. Олег Тэор вспоминает: «Из Печор к нам добираться было трудно, с пересадками, но батюшка всё равно приехал. Это было незабываемое посещение, батюшка так радостно служил, а потом очень долго говорил проповедь, и народ очень внимательно слушал. В этот храм о. Иоанн присылал мне иконы, покровцы, комплект вышитых воздухов (оказалось, что они принадлежали схиигумену Луке, он их привёз с Валаама). Особенно запомнилась большая икона Свв. Кирилла и Мефодия, в которой дробь застряла — в неё стреляли». Когда священник пытался дать о. Иоанну денег для возвращения домой, тот только махал руками: «Как я могу! Бог всё видит!»

Последняя в жизни о. Иоанна поездка на приход состоялась в 1985 году, когда ему было 75. Ехать предстояло в Порховский район, село Горомулино, где находится храм Вознесения Господня. Те два дня, которые батюшка служил в Горомулине, лил сплошной дождь, превративший дорогу в раскисшее месиво, которое не одолела бы ни одна машина. С трудом отыскивали какой-то допотопный тарантас, на котором и отправились на поиски ближайшего асфальта. Когда наконец добрались до проезжей дороги, где ждала машина, возница и священник были насквозь мокры и заляпаны грязью с головы до ног.

Несмотря на запреты и жёсткий контроль со стороны наместника, популярность о. Иоанна в народе не только не уменьшалась, но увеличивалась. Архимандрит Тихон (Секретарёв) так вспоминает рубеж 1970/80-х годов: «Во время Наместника архимандрита Гавриила я был Благодичным, устраивал паломников. И у меня создалось такое впечатление, что вся обитель, если можно так выразиться по-современному, “работает” на отца Иоанна, то есть все едут к отцу Иоанну, даже высокопоставленные лица, а всё священноначалие монастыря помогает отцу Иоанну в духовном окормлении паломников. Паломники приезжают посетить обитель и поклониться святыням, а потом в обязательном порядке желали побывать у отца Иоанна. Даже официальные гости встречались с отцом наместником, а потом шли к отцу Иоанну».

...Конец 1970-х — начало 1980-х годов ознаменовалось в монастыре явно видимой сменой поколений. Начали уходить монахи, пришедшие в

обитель до войны либо сразу после неё. В 1976 году отошёл ко Господу схиархимандрит Пимен, в 1979-м — схиархимандрит Агапий и архимандрит Иероним, в 1980-м — схиигумен Савва и схиигумен Онисифор, в 1982-м — схимонах Феоктист и иеродиакон Ксенофонт, в 1984-м — иеродиакон Корнилий, в 1985-м — епископ Феодор и схиеродиакон Лазарь, в 1986-м — иеродиакон Анатолий... На смену им шло новое поколение монашествующих. Многие из них несли в монастырь неизжитые в миру страсти, скорби, своеволие, на всё смотрели критическим оком, по всякому поводу разочаровывались, терзая и себя, и других. Некоторые дерзали приходить к о. Иоанну и делать ему замечания: дескать, батюшка, вот там-то и там-то вы были неправы, надо бы вот так и вот этак. В ответ о. Иоанн только смиренно улыбался:

— Не шуми, лес зелёный, прости, так уж я научен.

А письменно о таких людях говорил: «Вот теперь много молодёжи ринулось в Церковь... Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что даёт Господь в Церкви. <...> Но нет! Великий “ухажёр” — диавол — похищает у них сознание того, кто он и зачем сюда пришёл. И человек не входит, а “вваливается” в Церковь со всем тем, что есть было в нём от прожитой жизни, и в таком состоянии начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора».

В другом письме о. Иоанн так отзывался о новом поколении: «Они входят в Церковь, но больше умом, а вера — это нечто другое, в чём участвует весь человек и в первую очередь сердце. Я вырос в иной среде, вокруг жили верой все люди. Теперь труднее — живой веры даже у священнослужителей не вдруг увидишь. Но что делать?» И наставлял одного из молодых духовных чад: «С тобой происходит сейчас то же, что и с большей частью молодёжи, ввалившейся сейчас в Церковь. Вы оказываетесь не способны ни к какому послушанию, вы не хотите слышать и слушать. Тебе уже всё сказано, но что ты из всего этого делаешь?» А двум молодым монахам батюшка как-то в сердцах сказал:

— Да какие вы монахи?! Вы — просто хорошие ребята.

Во многом такое восприятие Церкви, монашества было характерно для поколения 1970—1980-х. Вспоминает Ольга Сокурова: «Процесс воцерковления был для нас очень непростым. Сказывался существовавший во многих семьях болезненный обрыв православных церковных традиций. Далеко не все из тех, кто пришёл в 1970-е годы к вере, сумел её сохранить. Для кого-то обращение к христианству было, прежде всего, актом вызова

существовавшей тогда политической системе, бунтом против насилия. Но и в Церковь такие люди нередко приносили семена бунта. Некоторые из них впоследствии покинули Церковь, пребывая на поверхности своих самоуверенных представлений о том, “как всё должно быть”, и категорически отвергая то, что этим представлениям не соответствовало. Другие, оставшись в Церкви, затеяли разрушительную “реформаторскую” деятельность, ушли в гибельный раскол». Сам о. Иоанн писал о таких неофитах: «Сколько молодёжи пришло сейчас в Церковь от распутий жизни, пройдя через оккультизм, индийскую философию, йогу! Эти бесовские познания они принесли с собой и в Церковь. Не имея ни сил, ни времени, а часто и желания освободиться от страшного ведения зла, они начинают на христианской почве изобретать свою новую, невиданную веру, где в равном достоинстве уживаются и истина, и ложь». Очень строго относился он и к людям, которые до принятия сана увлекались рок-музыкой: «Опыт показывает, что пришедшие к Престолу от рок-музыки служить во спасение не могут. Некоторые вообще не могут стоять у Престола, а некоторые опускаются на дно ада беззакониями такими, которых они и до принятия сана не делали».

О том, что монашество тех лет во многом было «побегом», эскапизмом, пишет и митрополит Тихон (Шевкунов) в «Несвятых святых»: «Вообще-то в монастырь мы в начале восьмидесятых годов в конце концов не уходили, а сбегали. Думаю, нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко. За нами приезжали несчастные родители, безутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились. За одним монахом (а он сбежал, уже выйдя на пенсию и вырастив до совершеннолетия последнего из своих детей) приезжали сыновья и дочери. Они орали на весь монастырь, что сейчас же увезут папочку домой. Мы прятали его за огромными корзинами в старом каретном сарае. Дети уверяли, что их отец, заслуженный шахтёр, выжил из ума. А он просто на протяжении тридцати лет день и ночь мечтал, когда сможет начать подвизаться в монастыре.

Мы его прекрасно понимали. Потому что и сами бежали из ставшего бессмысленным мира — искать вдруг открывшегося нам Бога, почти так же, как мальчишки убегали юнгами на корабли и устремлялись в далёкое плавание. Только зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его мы не могли. Точнее, безошибочно чувствовали, что если не откликнемся на этот зов, не оставим всего и не пойдём за Ним, то безвозвратно потеряем себя. И даже если получим весь остальной мир со всеми его радостями и утехами — он нам будет не нужен и не мил».

Когда после таких страстных «побегов в монастырь» о. Иоанну приходилось сталкиваться с не менее страстными побегами обратно в мир, он глубоко скорбел. Одному из таких «возвращенцев» он писал: «Вот и ты шесть лет топтал эту землю, политую слезами и освящённую молитвами праведников и кровью преподобномученика Корнилия. Всего ты достиг и никакой благодарности ни Матери Божией, ни праведникам, ни архиерею, который тебя рукополагал, ни другим. Пришёл ты через Царские врата, а уходишь через хозяйственный двор. Зачем?.. А ведь ты мне был вручён».

Пристальный, часто недоброжелательный взгляд наместника, душевная смута, одолевавшая многих из братий (о таких о. Иоанн говорил: «Они из Шаталовой пустыни»), тягостный, сумрачный фон мирской жизни, который видел о. Иоанн во время поездок на приходы, — всё это налегало на душу немалой тяжестью. Некоторое разнообразие в ход монастырской жизни вносил ежегодный отпуск, который, конечно, менее всего походил на отпуск в привычном смысле этого слова — скорее это был один из самых напряжённых месяцев в году, который, тем не менее, подзаряжал энергией и придавал бодрости.

Главным центром жизни батюшки вне Печор оставалась Москва, а «штабом» в Москве была гостеприимная квартира Ветвицких — сначала на улице Пудовкина, а после 1971 года на Молдавской, в пяти минутах ходьбы от станции метро «Кунцевская». В этой внешне ничем не примечательной светло-серой девятиэтажке Ветвицкие живут и сейчас. В трёхкомнатной квартире на пятом этаже батюшке отводили небольшую скромно обставленную комнатку — кровать, простой платяной шкаф, кресло и большой иконостас на стене. В этой комнатке с низким подоконником и видом на обычный кунцевский двор и соседний корпус батюшка принимал духовных чад, молился, отдыхал после встреч.

По приезду к Ветвицким батюшка, как правило, сутки отсыпался, а потом вместе с Галиной Викторовной Черепановой составлял список людей, которых нужно пригласить в гости, — обычно не менее тридцати человек; и начинался телефонный обзвон. Сигналом для понимающих служила кодовая фраза: «Тётя Лиза приехала». Каждого приезжавшего Галина Викторовна предупреждала — времени немного, желающих пообщаться с «тётей Лизой» масса. И москвичи — и простые старушки, и почтенные университетские профессора, знаменитые музыканты и врачи, — терпеливо ждали своей очереди. Галина Викторовна и Матрона Георгиевна хлопотали на кухне, и вечером общий разговор шёл за чайным столом, украшением которого были постные пирожки и торт «Наполеон». Стол стоял в центре большой гостиной, и батюшка сидел напротив окна,

лицом к многочисленным иконам, занимавшим собой, как и сейчас, почти всю стену комнаты.

Заезжал он в гости и к другим особо близким людям. Так, непременно навещал дочь о. Анатолия Правдолюбова Ксению, вышедшую замуж за о. Геннадия Нефёдова. «Стремительно проходил в нашу комнату (мы жили в коммуналке на двенадцати метрах), надевая на ходу епитрахиль, вставал перед иконами и, помолившись, помазывал нас елеем и кропил святою водой, — вспоминала К. А. Нефёдова. — Когда он услышал о том, что мы очень бедствуем с нашей соседкой, он пошёл по всей квартире, окропляя её святой водой, и, подойдя к соседней с нами двери, большим крестом ознаменовал её святой водой. Простившись с нами, быстро уехал. Когда наша соседка вернулась домой, мы поразились переменам в ней. Долгое время потом она была спокойна и совсем нам не досаждала».

Помимо встреч с живыми, батюшка навещал в Москве все дорогие ему могилы — о. Александра Воскресенского на Введенском кладбище, о. Виктора Жукова и о. Порфирия Бараева, в схиме Серафима, на Преображенском, Ивана Александровича Соколова на Армянском. Ездил в Троице-Сергиеву лавру, где служил молебен у мощей преподобного Сергия Радонежского, молился у могил своих «крестных» — Патриарха Алексия и митрополита Крутицкого и Коломенского Николая. К сожалению, не было уже в живых старых друзей о. Иоанна, свидетелей его орловского детства братьев Москвитиных — архимандрита о. Афанасия (умер в апреле 1971-го, похоронен в Солнечногорске) и схимонаха о. Василия (умер в апреле 1976-го, похоронен на Введенском кладбище). Незадолго до смерти о. Василий передал о. Иоанну десницу святой мученицы Татианы Римской, которую его брат хранил у себя с 1949 года; в январе 1977-го о. Иоанн, в свою очередь, передал десницу в Михайловский собор своего монастыря, где она и находится по сей день. А кого-то из друзей пришлось провожать в последний путь. В 1978-м батюшка был на похоронах Маргариты Васильевны Серебренниковой, супруги его друга по академии о. Василия Серебренникова. Годом раньше навещал давнего друга и помощника по приходским храмам Алексея Степановича Козина. Он тяжело болел после инфаркта; в последнее время ему было немного лучше, и семья не думала о том, что конец близок. Но о. Иоанн, повидавшись с Алексеем Степановичем, с грустью сказал близким, что он умрёт через день, так оно и произошло. А в 1987-м в храме Воскресения Христова в Сокольниках он отпел последнего своего земляка и друга — среднего из братьев Москвитиных и единственного из них, кто не принял постриг, 78-летнего Павла Ивановича. Во время похорон на Введенском кладбище, по

воспоминаниям протоиерея о. Сергия Правдолюбова, о. Иоанн «встал около ограды, положил на неё руки и много-много раз повторял:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Потом сказал, глядя на отверстую могилу:

— Как бы я хотел сам туда лечь!»

Не прекращалась связь и с духовным братом батюшки, о. Анатолием Правдолюбовым. Он сильно болел перед смертью; о. Иоанн постоянно молился о нём, присылал в Сынтул тёплые весточки, иконы. В своём дневнике о. Анатолий записывал: «В моей крайне тяжёлой болезни всех ободрял и говорил, что я ещё поживу, что не всё ещё, что надо, мной сделано... Молитвами отца нашего Иоанна, Господи Иисусе Христе, помилуй нас». И, несмотря на страшные боли, сам венчал своего младшего сына Серафима — в точном соответствии с предсказанием о. Иоанна, который сказал, что о. Анатолий повенчает всех своих сыновей. 18 февраля 1981-го, в день похорон о. Анатолия, Правдолюбовы получили в Сынтуле телеграмму из Печор: «С глубокой скорбью воспринял полученную весть о кончине дорогого батюшки протоиерея Анатолия. Выражаю вам соболезнование, разделяю вашу общую скорбь, молюсь с вами о почившем».

...Другие отпускные маршруты лежали вне пределов Москвы. Дважды батюшка бывал в Рязани у старых друзей Шиповальниковых, а в 1975-м они сами приезжали к нему в Печоры. С 1973-го о. Виктор Шиповальников служил в Подмосковье, сначала в Удельной, потом в селе Заозерье. Непременно на сутки-двое батюшка летал в Сухуми — поклониться своему духовному наставнику и проводнику в монашество схиархимандриту Серафиму (Романцову). Иногда о. Серафим сам просил о. Иоанна приехать к нему: «Здоровье моё слабеет, одышка сильная, слабость. Очень желал бы Вас видеть. Если будете иметь возможность, просим приехать к нам хотя бы на один день». Навещавший его в скромном домике на улице Казбеги о. Рафаил (Карелин) вспоминал: «Когда я посетил отца Серафима, он лежал уже в постели не вставая. Странное было впечатление: он казался мне новорождённым младенцем, который смотрел на мир какими-то чистыми, слегка удивлёнными глазами, даже цвет лица был у него розовый, как у маленького ребёнка. Он сказал мне всего несколько слов. Было видно, что ему не хотелось говорить. Я чувствовал, что теперь его ответ — это молитва».

Незадолго до смерти глинский старец произнёс:

— О чём я молился всю жизнь и искал, то открылось сейчас в моём сердце: моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу её даже

вместить. Теперь я буду умирать.

Днём 1 января 1976 года схиархимандрит Серафим скончался в Сухуми в возрасте 90 лет. Это была одна из главных потерь в жизни о. Иоанна. Но смерть страшна только грешникам, для праведников она — начало жизни вечной. 25 марта 2009 года Синодом Украинской Православной Церкви великий старец Серафим был причислен к лику преподобных, ныне его мощи покоятся в Глинской пустыни.

Дней десять из отпуска о. Иоанн обычно проводил на подмосковной даче, принадлежавшей иподиакону одного из храмов. Там жили кот, собака и попугай, с которыми о. Иоанн с удовольствием возился. Но и там поток посетителей к батюшке не прекращался, причём приезжали как миряне, так и церковные иерархи.

Неоднократно встречался о. Иоанн и с Патриархом Московским и всея Руси Пименом. Отношения между ними, как мы помним, были тёплыми, дружескими. Патриарх высоко ценил своего ровесника, называл его «замечательным батюшкой», «единственным духовником на всю Россию». Знакомы они были, скорее всего, ещё с довоенных времён, когда иеродиакон (с 1932 года иеромонах) Пимен нёс послушание регента Богоявленского собора в Елохове — храма, где неоднократно бывал Иван Крестьянкин. Возможно, виделись они и на тайных службах «непоминающих» (Пимен до 1945 года воздерживался от служения в «сергианских» храмах). В Псково-Печерском монастыре они разминулись всего на год: будущий Патриарх ушёл с поста наместника в 1954-м, за год до первого прибытия в обитель о. Иоанна. У обоих был и тяжёлый опыт заключения. Встречались и совпадения в датах: 15 января 1945-го о. Иоанн впервые служил в Измайлове как диакон, а Пимена в этот день приговорили к десяти годам лагерей... Во время бесед Патриарх всегда живо расспрашивал батюшку о монастыре, который продолжал считать «своим», вспоминал рязанский Борисо-Глебский собор, дружеские вечера, проведённые вместе с о. Виктором Шиповальниковым. Признавался, что грустит по монашеской жизни и мечтал бы быть простым привратником в Печорах...

Последняя такая беседа состоялась в Патриаршем подворье в Переделкине в 1984 году. Может быть, Патриарх знал о том, что больше они с о. Иоанном не увидятся, потому что неожиданно заговорил о том, на каких основах должна зиждиться Церковь. Эта беседа показалась о. Иоанну настолько важной, что по её окончании он дословно записал разговор:

«1. Русская Православная Церковь неукоснительно должна сохранять старый стиль — юлианский календарь, по которому она преемственно

молится уже тысячелетие.

2. Россия, как зеницу ока, призвана хранить завещанное нам нашими святыми предками Православие во всей чистоте. Христос — наш путь, истина и жизнь. Без Христа не будет России.

3. Свято хранить церковнославянский язык молитвенного обращения к Богу.

4. Церковь зиждется на семи столпах — семи Вселенских Соборах. Грядущий восьмой Собор страшит многих, но да не смущаемся этим, а только несомненно веруем Богу. И если будет на новом соборе что-либо несогласное с семью предшествующими Вселенскими Соборами, мы вправе его постановления не принять».

К этому «завещанию» Патриарха батюшка затем не раз возвращался в своих проповедях.

В Переделкине о. Иоанн любил уединяться с книгой в саду, где его старались не беспокоить. А за трапезой собирались вместе с келейником Патриарха, иеромонахом (с 1974 года — игуменом) Иоасафом (Балаевым, 1924—2009), иконописцем Марией Николаевной Соколовой и дочерью о. Анатолия Правдолюбова Еленой (1941—2016). Именно Елена осенью 1974-го сделала в саду Патриаршего подворья в Переделкине самую известную, «классическую» фотографию о. Иоанна, размещённую на обложке этой книги. Причём это был тот редкий случай, когда батюшка сам попросил сфотографировать себя.

Накануне возвращения в монастырь о. Иоанн снова объезжал «небесную Москву» — посещал Издательский отдел Московской Патриархии, в 1963—1994 годах возглавлявшийся его младшим другом епископом (с 1971 года — архиепископом, с 1986-го — митрополитом) Волоколамским Питиримом, получал миро для Псковской епархии, совершал богослужения в московских храмах — Илии Пророка Обыденного во 2-м Обыденском переулке, Воскресения Христова в Сокольниках, Воскресения Словущего на Арбате (там был настоятелем о. Василий Серебренников), Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках и, конечно, родном для него измайловском. О «своём» храме в Москве батюшка не забывал никогда и в октябре 1998-го передал ему в дар список иконы Божией Матери «Иерусалимская».

И в самый последний день, уже перед поездом, к нему приезжали священники для встречи. На всех у о. Иоанна находилась минутка, а то и полчаса, и час. И даже в поезде «Москва — Псков» ему было не до отдыха. К нему в купе покупали билеты две сестры священника, который погиб в заключении. Обе были большими начальницами в Куйбышеве и могли

пообщаться с о. Иоанном только в дороге. Так в разговорах с ними и проходила ночь в поезде...

Но отпуск — вернее, духовная командировка в мир — заканчивался, и о. Иоанн вновь возвращался в привычную монастырскую обстановку. Он знал: его ждут, в нём нуждаются, к нему стремятся со всей страны. И торопился к тем, кто видел в нём учителя и наставника.

Глава 9

ДУХОВНАЯ АПТЕКА ОТЦА ИОАННА

Эта глава построена необычно. В ней автор постарался составить фрагменты из воспоминаний тех людей, которые общались с о. Иоанном в монастырской среде, в такой последовательности, чтобы перед нами как бы прошёл его день — рядовой, ничем не примечательный день Псково-Печерской обители, допустим, начала или середины 1980-х годов. Мы постараемся увидеть о. Иоанна таким, каким его видели паломники — любимые духовные чада или те, кто приехал в Печоры только потому, что знакомые знакомых посоветовали обратиться к «дивному старцу»...

Итак, раннее утро, пять часов. Пробуждение. И без труда можно представить, как именно начинал свой день батюшка. Это начало записано в каждом молитвослове:

«Восстав от сна, прежде всякого другого дела стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом, и, совершая крестное знамение, произнеси:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Здесь немного подожди, пока все чувства твои не придут в тишину и мысли твои не оставят всё земное, и тогда, сотворив три поклона, произноси следующие молитвы, без поспешности и со вниманием сердечным...»

Молитва мытаря, предначинательная, Святому Духу, Трисвятое, ко Пресвятой Троице, Господня, тропари... Утреннее правило. Таким было начало любого дня о. Иоанна. А дальше — по монастырскому расписанию. В шесть — Братский молебен, и так далее. И главное послушание — общение с паломниками.

Давайте послушаем их голоса:

«Мои знакомые собирались в Печоры и предложили мне присоединиться к ним. Особого желания ехать у меня не было, в монастырях я никогда не бывала и о святынях мало знала. Но мне сказали: “Поехали, там такой замечательный батюшка, сама увидишь”, и я согласилась. Мне очень захотелось увидеть замечательного батюшку. Мы добрались до Печор и сразу же пошли в монастырь в надежде встретиться с отцом Иоанном после службы, когда он выходил из храма, как обычно

окружённый народом, и шёл в свою келью, на ходу благословляя всех и отвечая на вопросы.

Но когда мы пришли в монастырь, оказалось, что служба уже закончилась, храм закрыт. На площади перед древней Успенской церковью не было ни батюшки, ни народа.

Мои знакомые не стали сразу же уходить из монастыря — стояли и сокрушались, что опоздали и не смогли встретиться с батюшкой. Вдруг из двери, которая ведёт в пещеры, выходит отец Иоанн и быстрой походкой идёт прямо к нам. Радостный, улыбающийся, весь излучающий сияние. Это было так неожиданно! Все обрадовались, оживились: “Ой, батюшка здесь, не ушёл!” Отец Иоанн подошёл к нам, благословил, с необыкновенной любовью заговорил со всеми. На меня батюшка сразу же произвёл очень сильное впечатление. Я почувствовала, что это не просто “хороший батюшка”, что это нечто большее. Я почувствовала в нём духовную красоту и высоту, каких никогда в жизни не встречала. И неожиданно, впервые с такой силой, почувствовала в себе самой противоположные качества — свою падшую, греховную сущность на фоне этой красоты, и горько заплакала.

Батюшка, со свойственной ему проницательностью, понял причину моих слёз, подошёл ко мне, благословил, крепко сжал мне руки и сказал: “Не плачь, больше других получишь”. Для меня это были очень утешительные слова, душа сразу потянулась к нему» (Г. П. Коновалова).

«Попробую передать свои первые наблюдения. В движениях, жестах отца Иоанна, поворотах его высоко поднятой головы с седыми волнистыми волосами всё было торжественно, благообразно, гармонично. Если человек постоянно ходит перед Лицом Божиим, то только так, наверное, и должен он себя вести. Благородная красота поведения ещё не раз внутренне отмечалась мною при последующих встречах с батюшкой.

А в ту первую встречу, уже после службы, я увидела, как он движется — не идёт, а как будто радостно летит. Развеваются крылья мантии, а за ним так же радостно бежит, поспевает народ. И вот уже кто-то забежал вперёд, сообщая на ходу о своём неотложном деле. Батюшка останавливается, его со всех сторон обступают, берут в кольцо и уже никуда, кажется, и никогда в жизни не отпустят. Вот он прижимает к себе чью-то счастливую голову, а по чьей-то, не менее счастливой, вразумляюще постукивает рукой. Вот он отвечает на вопросы, и люди старательно вытягивают шеи, чтобы не упустить ни одного драгоценного словечка: то, что обращено к другому, может прямо и тебя касаться — все мы родные друг другу, все похожи и в бедах, и в падениях, и в недоумениях своих. Вот

батюшка пошутил — и все по-детски, светло смеются, и словно горы скатываются с плеч. Да, именно так несли к нему горы тяжких, неразрешимых проблем, а глядь — вместо твоей горы-то осталась махонькая точка, с которой управиться с Божией помощью можно просто, бодро и легко. И снова батюшка, на ходу извиняясь и благословляя, летит вперёд, а народ радостно поспешает за ним, покуда это возможно...» (О. Б. Сокурова).

«В один из сумрачных и морозных дней той далёкой зимы я увидел на дворе Псково-Печерского монастыря толпу людей, преимущественно женщин, одетых в тёплые пальто и шерстяные платки. Выражение их лиц, сумрачное и озабоченное, вполне соответствовало погоде. Вдруг я заметил, как из дверей братского корпуса вышел пожилой монах невысокого роста, в чёрной рясе и скуфье, с распущенными серебряными волосами. Как только он появился, толпа ринулась к нему навстречу: люди бежали, обгоняя друг друга, спеша получить его благословение. Лицо старца сияло, подобно весеннему солнцу, и на лицах людей засветилась радость» (епископ Иларион (Алфеев)).

«Я впервые увидел архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в 1982 году, когда приехал в Псково-Печерский монастырь. Тогда, кажется, он не произвёл на меня особого впечатления: такой очень добрый старичок, весьма крепкий (в ту пору ему было только семьдесят два года), вечно куда-то спешащий, даже суетливый, неизменно окружённый толпой паломников. Другие насельники монастыря выглядели гораздо строго-аскетичнее и даже солиднее.

Обычно перед началом вечерней службы из братского корпуса Псково-Печерского монастыря вылетала странная процессия. Молодой монастырский эконоом отец Филарет, подхватив под руку отца Иоанна, почти бегом тащил его за собой, так что тот еле поспевал за своим келейником. Вслед за ними немедленно устремлялась толпа паломников, поджидавших батюшку на улице. Так, все вместе, они неслись через монастырский двор. Монашеские мантии и клобуки развевались, батюшка то и дело спотыкался, задыхался от бега, впопыхах всё же пытаясь благословить кого-то из паломников и чуть ли не ответить на какие-то вопросы. Отец Филарет на это страшно сердился, кричал своим пронзительным фальцетом то на батюшку, то на паломников, иногда даже отгонял их зонтиком. Наконец он проталкивал отца Иоанна в храм и побыстрее утаскивал его в алтарь.

Надо сказать, что делал это эконоом совсем не по зловредности, а потому, что в холодное время года отец Иоанн быстро простужался на

улице. Когда же было тепло, батюшка рисковал вообще не дойти до храма: люди не отпускали его буквально часами» (митрополит Тихон (Шевкунов)).

«Сама я никогда не пыталась быть внутри этой толпы — это было невозможно, каждый ценил свою близость к батюшке и ни за что не уступил бы своего места. Мне же оставалось быть рядом за этой толпой, слушать отрывки батюшкиных наставлений. Но мне хотелось их слушать и не хотелось уходить» (В. Ключина).

«Я вместе с другими паломниками после окончания литургии ждал выхода батюшки Иоанна из Михайловского собора. Ожидавших было довольно много, люди были все страждущие: у кого муж в тюрьме, кто разводится, кто пьёт, у кого больные дети. Все были удручены своим горем, находились в печали, унынии и друг с другом не разговаривали. Помню, что и у меня в душе было уныние, тоска и какое-то болезненное состояние. Внезапно появился отец Иоанн. Он всегда ходил очень быстро, почти летал. Его ряса часто развевалась по ветру, как крылья. Внешне батюшка отец Иоанн был невысокого роста, лицом и манерами напоминал профессора дореволюционного времени, глубоко интеллигентного и тактичного. Общаясь с ним, каждый чувствовал любовь и уважение к себе и даже некое равенство. <...> Хорошо помню, что люди, обступившие его со своим горем, стали вдруг как-то оживляться, радоваться, а некоторые даже начинали смеяться от радости. И я тоже почувствовал, как с появлением батюшки моё внутреннее состояние изменилось. Уныние, тоска в душе исчезли, и вместо них появилась бодрость и одухотворённость» (Н. К. Симаков).

«Вот он выходит через боковую дверь Михайловского собора, где его уже ждёт солидная группа людей. Они такие разные — мужчины, женщины, старушки, девицы, дети и юноши. Кто-то знает, с кем ждёт встречи, кто-то просто слышал об отце Иоанне. В их среде то и дело слышится шёпот: “Он же святой... Прозорливец... Он мне всю жизнь изменил...” Мгновение — и батюшка уже спустился с высоких ступеней собора, люди обступают его плотным кольцом, тянут к нему руки, хотят только прикоснуться — “Святой”. А он просто, с улыбкой, но очень убедительно громко говорит:

— Ну что вы! Что вы! Вон святой пошёл — великой жизни! — И рукой показывает на совсем ещё юного иеромонаха.

— Все скорее к нему!

И народ наш, “жадный до святыни”, слушая его веление, мчался осаждать иеромонаха, рукоположенного несколько дней назад, а около батюшки оставалась небольшая группка людей, которых он обнимал,

благословлял, целовал в голову и снова благословлял. Они ждали именно его и с ним удалялись от собора, провожали до кельи, иногда ждали около неё, а иногда на Святой Горке. С ними он говорил, ими он руководил, им открывал волю Божию, но не как Моисей, сходящий с Синая, а как один из них самих — знающий досконально их жизнь и нужды. А если быть точным, то говорил не он, а его любовь к тем, кто в нём нуждался. Он жил для них и ими» (епископ Зарайский Меркурий (Иванов)).

«Помню, как зимним морозным днём на улице у алтаря Михайловского собора стояло много людей, съёжившихся от холода, — они уже очень долго ждали появления батюшки. Наконец открылась дверь, вышел отец Иоанн, увидел толпу народа, улыбнулся и весело пошутил: “Ой, какой май на дворе!” Все тоже заулыбались, обрадовались, стали тесниться к нему. Действительно, тепло стало, как будто май на дворе. Батюшка стал всех благословлять и тут же отвечать на вопросы, сам спрашивать. Увидев унылое лицо, обратился к этому человеку со словами: “Почему у тебя такой вид? Ты болен? Нет, нет, так нельзя. Вот и я болею, а никто не видит”. Лицо этого унылого человека сразу изменилось, стало радостным» (Г. П. Коновалова).

«Вот спрашивает одна паломница: “Батюшка, как научиться вере?”

— Как вере научиться? — переспросил батюшка. — Вере невозможно научиться. Ею надо жить. Помнишь слова Господа: “Просите, и дано будет вам?” Вот молись и проси: “Господи, дай мне истинную, живую веру”. Истинная вера свидетельствуется упованием на Бога и подтверждается безропотным несением своего жизненного креста.

— Батюшка, а я сильно болею, — сказал кто-то.

— Нужно тщательно поисповедоваться, пособороваться и причащаться Святых Христовых Таин, — ответил старец.

А кто-то попросил благословения в монастырь.

— Какой тебе монастырь! Кто нас там с тобой ждёт?! Ты ведь живёшь с мамочкой. Н келья у тебя есть. А мамочка — твоя игуменья» (игумен Александр (Самойлов)).

Ещё один пример такого диалога «на бегу», дословно записанный в 1983 году. Женщина пожаловалась о. Иоанну, что её внук болеет так сильно, что его не берут даже в ясли.

— Так, так, почему такое — не берут? Надо разобраться. Сколько ему лет? А родители верующие?

— На свечку иногда дают.

— Нет, что на свечку дают — это ещё ничего не значит. Вон у нас и экскурсанты приезжают, на свечки дают — а уезжают такими же, какими

приехали. Это ничего не значит. А венчаны они?

— Нет.

— А крещёные?

— Да.

— А ребёнок крещён?

— Да.

— Ну вот, ты им скажи: «Эту болезнь вам Господь посылает, чтобы вы обратились к Нему». И ещё скажи — вот бывает посевная кампания и уборочная. В газетах большими буквами пишут, видела? Вот ты им скажи, какая у них была посевная кампания и какая уборочная. Пусть подумают. И ты думай...

«За старцем Иоанном, светящимся любовью, шла огромная толпа народа. Люди ощущали его благодатность совсем конкретно, старались хотя бы к одежде его прикоснуться. Хотя старец, конечно, вёл борьбу с таким обожествлением. Потому что главная черта старчества — смирение.

Как только я увидела батюшку, я была поражена прежде всего его взглядом. У него были очки с толстыми стёклами, которые очень увеличивали глаза. И на тебя смотрела такая обжигающая любовь! Я сразу про себя подумала: “Как преподобный Серафим Саровский!”» (Т. С. Горичева).

«Несмотря на окружавших его и рвущихся к нему людей, батюшка мог “прорваться” и подойти к какой-то скромно стоящей в стороне фигуре, видимо, и не помышляющей поговорить с ним. Если отец Иоанн видел человека впервые, он обязательно расспрашивал обо всех обстоятельствах его жизни, чтобы “войти в его жизнь” и лучше его понять. Иногда он тихо и долго (до получаса и более) беседовал с этим “несчастливым”, прозревая своими духовными очами особую нужду в этом» (К. и А. Белавские).

«Батюшку мы видели всегда куда-то спешащим, парящим, я бы сказала. Быстрой, живой, летящей походкой, с развевающимися одеждами, перемещался он по монастырю. Как-то, пробираясь сквозь толпу, он весело сообщил о себе: “Посторонитесь, посторонитесь, скорый поезд идёт!”» (Г. П. Коновалова).

В беседе с автором этих строк петербурженка Глафира Павловна Коновалова добавила интересную подробность — батюшка ходил не только быстро, но ещё и очень прямо, «развёрнуто», держа поистине офицерскую осанку. Это было связано, видимо, как с его личными особенностями, так и с тем, что ещё наместник о. Алипий строго запретил монахам ходить сутулившись — только гордо и прямо, высоко неся свой сан.

«Народ окружал старца плотным кольцом и иногда теснил. Однажды

мы с моим другом-семинаристом в алтаре подошли к нему на беседу, а он в конце нам сказал: “Деточки! Вы мне доброе дело должны сделать. Сейчас всенощная кончится, и надо будет меня провести в келью”. Мы подумали: “Ну что тут такого, ничего проще нет!” И вот выходим мы с чёрного хода, с крыльца, и видим море людей — и все они стоят и ждут благословения батюшки. Мы просто опешили: как мы сможем через это море батюшку провести, нас просто замнут! Народ, когда увидел отца Иоанна, радостно вздохнул общей грудью, я навсегда запомнил этот общий вздох духовного восторга, радости. Одна женщина закричала: “Батюшка! — а в руке у неё была громадная пачка писем. — Это всё вам!” Старец сказал: “Пощадите, пощадите пожилого человека!” И мы ринулись через эту огромную толпу, батюшка поджал ножки, и мы просто понесли его по воздуху, но постоянно боялись, молились, как бы нам не рухнуть, особенно когда с лестницы спускались» (игумен Николай (Парамонов)).

Выше уже говорилось о том, какие препятствия на своём пути приходилось преодолевать паломникам 1970—1980-х годов на пути к о. Иоанну. Просто так к нему было не попасть, приходилось проявлять чудеса изобретательности. Если примечали на Успенской площади плотную, осанистую и чаще всего грозно насупленную фигуру отца наместника с жезлом в руках — разбегались кто куда, как мыши, недаром про него ходила присказка: «Наш наместник Гавриил — архилютый крокодил». Пользовались любой возможностью, чтобы поймать батюшку по пути от келии и в келию — у дверей в трапезную, в коридоре, на деревянной лестнице, которая вела на второй этаж братского корпуса, и в самом коридоре корпуса. Конечно, заветным желанием любого было попасть в саму келию и удостоиться от старца хотя бы небольшой беседы. И многим, несмотря на все препятствия, это удавалось.

Как правило, о. Иоанн сразу узнавал у человека, когда именно и по какой причине он приехал в обитель. Сам он полушутливо-полусерьёзно говорил:

— У меня целая диспетчерская, как нигде. Приходят прямо с билетами. Приехал тогда-то, уезжаю тогда-то — в 14.30., в 14.50., в 15.05.

Узнав «график» приезжего, он благословлял его на жизнь в монастыре, исповедь и причастие, а принимал в день отъезда, когда, как он говорил, «нам остаётся только поставить печать на принятое сердцем решение».

К приёму паломников батюшка по возможности готовился — не только внутренне, но и внешне. Всегда тщательно причёсывался, а когда уже не мог сам, просил его причесать, с улыбкой говоря: «Ко мне же дамы придут!» Не терпел, когда в его одеянии был какой-то изъян: всегда

тщательно проверял, к примеру, не остались ли на рукавах следы воска от свечек.

«В келье, где батюшка принимал своих многочисленных посетителей, он появлялся всегда очень шумно. Отец Иоанн влетал — да-да, именно влетал — и когда ему было семьдесят лет, и восемьдесят, и даже девяносто. Немного покачиваясь от старческой слабости, он бежал к иконе и на минуту, не обращая ни на кого внимания, замирал перед ней, весь погружаясь в молитву за пришедших к нему людей» (митрополит Тихон (Шевкунов)).

«Первое, что он делал, это вставал перед иконами и читал молитвы: “Царю Небесный”, “Егда снизошед, языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призРа; и согласно славим Всесвятаго Духа”, “Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати, недостойнии...”, и мы всегда понимали, что это не просто беседы, а общение, в котором услышим такие наставления, которые должны исполнить, что ответы на наши вопросы, которые мы зададим отцу Иоанну, будут проявлением воли Божией в нашей жизни» (протоиерей Михаил Правдолюбов).

«“Помолимся”, — и отец Иоанн встал перед иконами своего переднего угла. Поднял ввысь обрамленное серебристой сединой лицо и начал читать молитву. Лучше сказать, не читать, а говорить, произносить, священнодействовать. Потому что в словах молитвы он будто уходил от того, что вокруг него, уходил в удивительную область духовного бытия. Слова его молитвы становились весомыми, живыми, сильными, беспредельными. Они были наполнены слышанием и наполнены слушанием. Он говорил и слышал одновременно. Эти слова были таинственным образом — диалог. В этих словах присутствовал Бог. Молящийся отец Иоанн пребывал в безвремье вечности» (Л. А. Правдолюбова).

«Закончив это главное дело, он поворачивался к гостям. Охватывал всех радостным взглядом. И тут же спешил благословить каждого. Кому-то что-то шептал. Волновался, объяснял. Утешал, сетовал, подбадривал. Охал и ахал. Всплёскивал руками. В общем, больше всего в эти моменты он напоминал наседку, суемящуюся над многочисленным выводком. И только совершив всё это, он почти падал на старый диванчик и усаживал рядом с собой первого посетителя. У каждого были свои проблемы» (митрополит Тихон (Шевкунов)).

«Заходит группа людей, а он, выходя к народу, радостно восклицает: “Деточки, деточки, идите скорей сюда!” А “деточкам” от пятидесяти до

восемидесяти! Тут батюшка мне напомнил доброго доктора Айболита, потому что он к каждому подставлял правое ушко, а руку складывал трубочкой — как будто прослушивал, что там за болезни у человека, и всё время повторял: “Так-так-так. Пьёт, говорите? Так-так, болеете...” и прочее» (игумен Николай (Парамонов)).

«Мы благоговели перед самой кельей отца Иоанна. Я был свидетелем разных бесед отца Иоанна и всегда поражался: с людьми плотского духа он говорил о духовном, но на их языке, так, что они понимали его и уходили приподнятые над собственной жизнью. Он сразу видел, с кем говорил. Помню, приехал я к нему, сидим в келье, и вдруг его наместник вызывает. Закрыв меня батюшка, и долго его не было. Вернулся, только начали разговор — опять стук в дверь; перед кельей его почти всегда стояла очередь: священники, паломники... Его постоянно отвлекали. Выскочит, там поговорит с кем-то, возвращается, и всякий раз улавливаешь его настрой именно на беседу с тобой. Огромная редкость такой дар — жить жизнью того человека, с которым разговариваешь. Батюшка обладал им в полной мере» (монах Михаил (Усачёв)).

«Как-то беседуя одновременно с несколькими посетителями, он говорил, обратившись не ко мне, а к другому человеку, и я подумала, что то, что он говорит, меня не касается. И решила не слушать, чтобы не любопытствовать. Я стала отвлекать себя от “подслушивания” рассматриванием икон в келье. Батюшка это сразу же почувствовал и, не глядя на меня, взял за руку и привлёк к внимательному слушанию. Каждое слово в общих беседах старца было важно для всех. Иногда было непонятно, о чём батюшка мне говорил, но через некоторое время смысл его слов открывался» (Г. П. Коновалова).

«Он принял меня как старого приятеля. Держал за руку и ласково смотрел сквозь толстые стёкла очков. Я не мог оторвать глаз от его взгляда. Это были не очки, а фантастический микроскоп, сквозь который он видел мою запачканную грехом душу. Я чувствовал, что проваливаюсь в какое-то Зазеркалье. Состояние было близким к обмороку. Я плохо понимал, о чём он говорит, но чувствовал, что он не просто говорит, а молится обо мне, помогает увидеть завалившиеся в закромах памяти старые грехи. В какой-то момент мне показалось, что сам Господь смотрит на меня глазами отца Иоанна» (А. Богатырёв).

«Глаза сквозь увеличительные линзы кажутся огромными, всезнающими. Смотрят глубоко-глубоко и всё в тебе видят. И страшно, и совестно, и радостно. Вообще благоговейный страх — очень характерное состояние грешной души рядом со святым человеком. Я испытывала такой

страх вместе с чувством стыда и недостойнства своего рядом с батюшкой постоянно» (О. Б. Сокурова).

«Около батюшки мы чувствовали себя совершенно свободно, воспринимали его как обычного человека, а о том, что он старец, святой, не думали. Сядет рядом на диване, обнимет тебя, прижмёт твою голову и говорит целый час, слышишь, как у него сердце стучит. Он, видимо, специально так делал, чтобы дух мирской нас оставил, страсти покинули... Тогда я этого не понимал, а сейчас знаю, что он в это время о нас молился: “Господи, дай Духа Твоего, дай благодати этим безблагодатным людям, чтобы увидели они положение своё и начали каяться”. Он настраивал нас на то, что пора жить трезвенно, бороться со своими страстями. Это и есть покаяние, это и есть постоянная молитва. А ещё в беседах он нас спрашивал:

— Вот даны тебе творения Святых Отцов, книги даны. И ум дан. Дан тебе ум? — И по голове так выразительно постучит.

— Не знаю, батюшка.

— Как не знаешь? Ведь голова-то не для того только, чтобы шапку носить. Мы же не можем жить одним плотским умом, для спасения нужен разум духовный. Для этого-то вы и читаете!

Сидим с открытыми ртами — какой там “духовный разум”? Долго не понимали, что это такое. После бесед с отцом Иоанном у нас всё пошло иначе: началась борьба с грехом и со страстями. С теми, которые мы сами в себе за долгие годы взрастили, которым позволяли поработать себя. И стыдно сказать, даже не понимали и значение этого слова — “страсти”» (монах Михаил (Усачёв)).

«Бывало, идёшь к отцу Иоанну, на душе кошки скребут и хочется куда-то бежать или скрыться от скорбей и неудач, душа в смятении от разных помыслов и непонятных решений, в которых сам “тангалашка” ногу сломает, и вообще их никто не распутает и не даст никакого решения, потому что решений и вариантов тьма, а какой из них верный, неизвестно, и приходишь побитый, опустошённый и озлобленный. Всё, приплыл, дальше уже плыть некуда, крышка...

Но... по мере приближения ко входу в келью отца Иоанна помыслы и страхования начинают рассеиваться, вопросы сами собой исчезают, проблемы, до сих пор неразрешимые, вдруг решаются и всё приходит в покой и мир. А уж когда придёшь к нему на приём, вообще всё пропадает и в душе водворяется умиротворение. Бывало, просто посмотришь на него, и все сомнения и прежде бывшие недоумения сами пропадают, улечиваются куда-то, и ловить себя на мысли: “Ну вот! Зачем припёрся к

старцу?! Опять какую-нибудь ерунду будешь спрашивать? Да и что тебе спрашивать-то? Вон, смотри, как он живёт, и делай то же самое — и спасёшься. Всё же ясно!”» (иеромонах Никон (Горохов)).

«На одной из встреч мы с моим знакомым священником сидели у ног отца Иоанна (Крестьянкина). Мой знакомый — по правую сторону, а я — по левую. И у меня было ощущение — мир в душе, радость. Никаких помыслов тревожных, ни беспокойства, ни заботы о будущем. Я теперь понимаю апостолов, которые хотели остаться там, на Фаворе, рядом с Господом. Я чувствовал то же самое рядом с отцом Иоанном. Это был мой духовный Фавор» (игумен Савватий (Рудаков)).

Многие отмечали, что с отцом Иоанном можно было даже и не общаться. Главным было его присутствие, ощущение, что он рядом.

«Я просто смотрел на него и слушал, зачастую не слыша. Да можно было и не слушать. Просто постоять невдалеке от него было большой радостью. Эта радость исходила от него и передавалась людям» (А. Богатырёв).

«Все завидовали одному рабочему, который часто бывал рядом с отцом Иоанном. Мы ему говорили:

— Ты, наверное, все вопросы свои выспросил у батюшки.

В ответ на это он от души смеялся и говорил:

— Верите, иду рядом с ним, и все вопросы куда-то исчезают! Мне просто хорошо рядом с ним и спокойно. Ничего и не нужно, когда я рядом с ним!» (В. Каюдина).

А можно было и просто побывать в келии о. Иоанна. «Сама келия с многочисленными иконами и святынями вызывала благоговейное чувство.
<...>

Батюшка спрашивает:

— Ну, что у тебя ещё?

— Когда я здесь, никаких проблем будто бы и нет, а когда выйду, сразу всё начинает вспоминаться.

— Вот и все так говорят» (Г. П. Коновалова).

«Случилось, что я приехал, а батюшки нет. Нетрудно представить моё состояние — приехал насладиться, накормиться, напиться живой воды, а кормильца и колодца нет. С унынием я подошёл к батюшкиной келье и встретился с его послушницей, матушкой Марией (у неё была интересная фамилия — Владыко). И она посоветовала: “Вот такая печаль, батюшки нет. Но ты, отче, хотя бы в келью войди, ведь духом он здесь. Помолись, поговори с отцом”. Я зашёл в келью, как всегда, сделал три поклона у святого угла и присел на диванчик, на котором в протяжении многих лет

беседовал с батюшкой. Трудно представить, что произошло со мной в эти минуты. Никогда я не уезжал из монастыря с такой радостью и с таким богатством, как в тот год. Я удивлялся: “Чему ты радуешься? Ведь ты не встретился с батюшкой”. Но радость переполняла всю мою душу, потому что я хоть и не виделся с батюшкой, но чувствовал его, когда сидел на этом диванчике» (архимандрит Антоний (Гулиашвили)).

Это свойство келия отца Иоанна сохраняет по сей день. Его нет, но есть его иконы, его диванчик, и каждого, кто находится в этой маленькой комнатке, и сейчас охватывает неизъяснимое чувство радости, умиления, лёгкости. Люди оттуда всегда выходят со счастливыми улыбками на лицах.

Конечно, посетители бывали разные. «Запомнилось, что к батюшке привели бесноватую женщину. Она кричала на него, ругалась, обзывала совершенно жуткими словами. И мы увидели его великое смирение. Старец сказал: “Ну ты что, миленькая, да ну что ты, ну перестань, не надо. Вот я тебя благословлю. Всё слава Богу. Вы её ведите сейчас, пускай помолится, и домой. А потом ко мне придёшь”. И всё. Было видно, как этим смирением, этой любовью он усмирил ярость, которая в ней присутствовала» (протоиерей Михаил Михайлов).

В другой раз к о. Иоанну приехали какие-то высокие милицейские чины, не привыкшие к отказам. Грубо отстранив келейницу, они вошли к батюшке в келию прямо во время его отдыха и начали бесцеремонно будить. О. Иоанн говорил потом, что, проснувшись, будто оказался в лагерном прошлом — вокруг милиционеры, следовательно... «Что вы делаете? Вы же убиваете батюшку!» — напустилась на «гостей» келейница. А сам о. Иоанн после такого «свидания» с прошлым целую неделю болел. Не жаловал он и визитёров-журналистов, о которых говорил так:

— Скажешь «а», они потом сами добавляют все остальные буквы алфавита и напишут — отец Иоанн так сказал.

Основной мотив воспоминаний об о. Иоанне — это ощущение невероятной любви, исходившей от него. Наблюдая за ним, даже опытные в духовных исканиях люди порой начинали сомневаться: как можно *так* любить всех?..

«Этот дар проявлялся у него таким образом, что всякий думал: “Он любит меня больше всех”. И ещё: “Никто никогда меня так не любил”. И ещё: “Батюшка любит меня больше, чем я сам себя люблю”.

А потом открывалось, что он и других, и всех так же любит. От этого возникало недоумение и даже подчас ревность. Но потом становилось ясно, что его дар любви подобен материнскому. Для матери все дети — родные, любимые, каждого жалко, за каждого сердце болит» (протоиерей Владимир

Цветков).

«Когда видишь идущего к отцу Иоанну человека, сознаешь, что он любит этого человека больше всех. В полном смысле слов: Больше Всех! И что странно, ревности не возникает. Ты всем существом своим осознаешь, что вот сейчас он обернется к тебе и будет любить тебя точно так же Больше Всех! И он не обманывает ни тебя, ни старушку, которая раньше тебя подошла. Мы оба пребываем в полноте любви, на земле невозможной» (протоиерей Сергей Правдолюбов).

«Это была даже не просто любовь, а материнская нежность, ласка. Он всегда беспокоился: “Когда приехала? Где остановилась? Почему ты босая?” <...> В разговоре казалось, что он преклоняется перед каждой былинкой. Он не говорил “яблоко”, а “яблочко”, не “скамейка”, а “скамеечка”, не “половик”, а “половичок”» (Т. Горичева).

«От батюшки вообще никто не уходил неутешенным. Поразительно было видеть, какие перемены происходили с людьми. Входил человек к батюшке унылым, печальным, мрачным, а выходил в радости. Наблюдая необычайные проявления батюшкиной любви каждый день на протяжении двух недель, я стал задавать себе вопрос: “Как же так, как батюшка изо дня в день может на такое количество людей изливать столько радости и любви? По-человечески это невозможно. Человеческие резервы любви имеют пределы”. А потом я получил послушание на клиросе и увидел, как батюшка служил Божественную литургию, и получил ответ на свой вопрос. Всё его служение было настоящим богообщением, живым, творческим. Я запомнил батюшкины необычные интонации при возгласах и услышал всё ту же радость, которую заметил при его общении с людьми. “Вот он — настоящий источник любви и радости”, — понял я» (игумен Николай (Парамонов)).

«Прищурились глаза в поисках тёмных пятен на этом “солнце”. “Не может человек так любить всех, любовь отца Иоанна — видимость и обычное теперешнее лицемерие и лицедейство”. <...> Батюшка всё видел, но не сразу протянул мне руку помощи. <...> Он терпеливо ждал и был всё тем же, понимающим и сочувствующим. Эта мука, болезнь души длилась с месяц. Неприметным образом мрак рассеялся» (Т. С. Смирнова). Впоследствии келейница старца Татьяна Смирнова ещё не раз задавала ему этот вопрос: «Батюшка, вот нас такая разношёрстная толпа людей, как вы нас всех любить можете?» — и слышала в ответ:

— Да вас ведь жалко. Я-то вырос в православной среде, и меня за руку вели отцы святые. А вы?..

С безмерной любовью к людям сочеталось ещё одно качество —

ненавязчивость. Батюшка меньше всего походил на сурового старца, указывавшего паломнику поступать так-то и так-то.

«Отец Иоанн никогда не диктовал и не навязывал свою волю. Он бесконечно ценил человеческую свободу и относился к ней с каким-то особым благоговением. Батюшка готов был уговаривать, увещевать, готов был даже умолять об исполнении того, что, как он знал, необходимо для обратившегося к нему человека. Но если тот упорно настаивал на своём, батюшка обычно вздыхал и говорил:

— Ну что ж, попробуйте. Делайте как знаете...

И всегда, насколько мне известно, те, кто не исполнял советов отца Иоанна, в конце концов горько в этом раскаивались. Как правило, в следующий раз они приходили к батюшке уже с твёрдым намерением исполнить то, что он скажет. А тот с неизменным сочувствием и с любовью принимал этих людей, не жалел для них времени и сил, всячески старался исправить их ошибки» (митрополит Тихон (Шевкунов)).

«Это вообще был “стиль” батюшки — не навязывать ничего, не ломать человека. Тихо, смиренно, с любовью помогать человеку искать ключ к открытию Промысла Божия, воли Божией. Конкретно о каждом человеке, без обобщений» (протоиерей Владимир Цветков).

«Иногда, провидя духовные и душевные возможности посетителя, отец Иоанн просто уклонялся от ответов на заданный вопрос. Скажет: “Дай просворочку и конфеток”. Я же, зная огорчение человека, пыталась прекословить, выпрашивая ответ, на что отец Иоанн категорически прерывал меня: “Я не могу ответить на этот вопрос как должно, ведь выполнять никто ничего не будет, а ответственность на человека ляжет большая. Уж пусть он живёт как может, как сам понимает, Господь снизойдёт к его немощам и строго не осудит, а за ослушание и презорство слова Божия будет уж иной суд. Зачем же нам усложнять ему жизнь и меру ответственности? Я помолюсь о нём, а ты дай ему конфетку”» (Т. С. Смирнова).

Никого не «ломая», сам батюшка являл собой образец смирения. Беспрекословно слушая монастырское начальство, к другим был снисходительным. «Он не делал замечания во время совершения богослужения. Я сам был свидетелем того, как пономарь забыл принести аналой. Батюшка сам пошёл через весь храм и принёс аналой. Однажды я видел, как он сам аккуратно сметал крошки с жертвенника, приговаривая: “Исполняю пономарское послушание”. И опять-таки никаких замечаний» (протоиерей Владимир Цветков).

«Вспоминаю такой случай: сижу в келье, вдруг стук в дверь, и орёт

кто-то басом. Думаю: “Ничего себе!” Дверь открывается, и на пороге священник, собой всю келью заполняет, меня не видит, кричит: “Батюшка, у меня к Вам три вопроса!” В ответ слышен спокойный ласковый голос отца Иоанна: “Смирение, покаяние, терпение, страх Божий”. Тот успокаивается, на лице появляется умиротворённая улыбка» (монах Михаил (Усачёв)).

«О смирении батюшки говорит такой факт. Как-то я привёл к нему моего маленького сына — ему было тогда около четырёх лет. И вот он увидел отца Иоанна в белом, нарядном подряснике, напугался и расплакался, подумав, что это доктор и его станут лечить. А к тому времени сын уже знал, что лечение не всегда бывает приятным. Какова же реакция батюшки, который тогда уже был довольно немощен и больше сидел, чем ходил? Он решает немедленно переодеться в другой, серый подрясник. Сын сразу успокоился, стал бегать по келье и играть, а батюшка этому искренне радовался» (П. Коротков).

Одной из ярких черт характера о. Иоанна был мягкий юмор. «Он любил и пошутить, как и старец Николай (Гурьянов), рассказывал смешные истории. Но проявлял присущую ему во всём деликатность: если человек начинал смущаться, не относится ли рассказанная история к нему, старец начинал оправдываться и говорил: “Да вы это на свой счёт не принимайте!”» (протоиерей Владимир Цветков). Шутки о. Иоанна всегда были добродушные и мягкие, без малейшего яда. Так, видя, что молодой послушник не поспевает за ним по монастырю, он говорил: «Я ведь уже дедушка. Тоже устаю». А вот какому-то иеромонаху, навязчиво рассказывавшему о том, что сподобился видения Богородицы, батюшка коротко сказал:

— Вы — православный иеромонах. И, простите меня, такую чушь порете.

Подшучивал и над собой. Когда его проповедь слишком затягивалась, под его ногами начинали незаметно подёргивать в сторону алтаря ковёр. «Чувствую, что ковёр поехал», — с юмором говорил батюшка. Значит, пора «закруглять» проповедь.

В другой раз он спросил у старушки с большой свечой в руках:

— А ты, милая, чего тут?

— Да вот, на отчитку пришла.

(Отчитка — это особый молебен о недужных и страждущих от нечистых сил, проще говоря — изгнание бесов).

— А что же это с тобой?

— Да голова, батюшка, сильно болит.

— А у меня-то знаешь, как иногда голова болит! Ну, тогда и меня надо отчитывать.

На многие вопросы о. Иоанн отвечал притчами, чаще полушутливыми. Благодаря им разрешались многие вполне серьёзные вопросы, связанные как с мирским, так и с духовным бытием.

«Я однажды застала такой разговор: какая-то женщина стала ему жаловаться, что у неё соседка колдунья и вредит её жизни. А старец сказал ей: “Знаешь что, вот я живу на свете уже почти семьдесят лет и ни разу не видел плохого человека. Кроме себя самого”» (Т. Горичева).

«Такой вопрос я задал однажды отцу Иоанну: “Батюшка, скажите, как сочетать своё послушание: без конца с утра до вечера попечение о стройке, о восстановлении монастыря — суета сует в течение всего дня?” Я думаю, что такой же вопрос мог бы задать любой человек, с утра до ночи работающий в заботах о прокормлении своей собственной семьи. И в общем-то, для молитвы, для духовной жизни выкраиваются какие-то минуты — или субботний и воскресный день.

И на это отец Иоанн ответил следующее: “Вы знаете, батюшка, наша жизнь должна быть похожа на торт ‘Наполеон’ — тесто, крем, тесто, крем, а сверху пудра. Если наш торт будет состоять только из одного теста, то он будет невкусный. Если он будет состоять только из одного крема, то он будет слишком приторный. А если тесто будет слоями перемежаться с кремом — тесто-крем, тесто-крем, тесто-крем, а сверху пудра — тогда такой пирог будет сладкий. Тесто — это наши труды, это наши мирские попечения. Если вся наша жизнь будет состоять только из них, то такая жизнь будет несладкой. Если у нас будет только один крем, то есть только одна молитва с утра до ночи, что в нашей жизни фактически невозможно, то это тоже будет неправильно, да и не получится. А у нас всё должно быть гармонично и размеренно — наши труды должны переплетаться с молитвами. Причём не обязательно с продолжительными — можно с совсем краткими: ‘Господи, благослови. Господи, помоги. Господи, благодарю’. ‘Отче наш’. Молитва Иисусова. И так наши труды, перемежаясь и переплетаясь с молитвами — это и будет сладкий пирог для Христа”. Я спросил: “А что же такое пудра?” — “А пудра — это смирение. Потому что если труды и молитва будут без смирения, тогда, как говорили оптинские старцы, есть смирение — всё есть, а нет смирения — ничего нет”» (игумен Мелхиседек (Артюхин)).

Тому же игумену Мелхиседеку батюшка однажды рассказал притчу, основанную на своём детском воспоминании:

— Вы знаете, однажды в России до революции был такой аттракцион:

на ярмарку часто приезжал цирк, и в этом цирке были разные представления. И вот одно представление, один аттракцион назывался следующим образом: “Живой Пётр I за 20 копеек”. Была устроена палатка, в палатке была устроена огромная подзорная труба, заходил человек, и он начинал смотреть в эту подзорную трубу, чтобы увидеть живого Петра I. Обслуживающий персонал говорил: “Ну, настраивайте”. Он настраивал. “Ещё сильнее настраивайте”. Он ещё сильнее настраивал. И тогда, когда уже ничего не получалось, у него спрашивали: “Ну, что? Видишь?” — “Нет, ничего не вижу”. И тогда ему говорили: “Ну, надо же! Чего захотел — живого Петра I увидеть за 20 копеек!” И вот на этом заканчивался аттракцион.

Вот так и мы в нашей жизни — порой за 20 рублей или 20 копеек хотим увидеть живого Христа. Нет. Надо подвизаться, надо трудиться, надо жить напряжённой духовной жизнью, потому что человек что посеет, то и пожнёт: сеющий скудно — скудно и пожнёт, сеющий щедро — щедро и пожнёт».

Приходилось батюшке решать и вполне серьёзные церковные проблемы. О. протоиерей Павел Недосекин оставил воспоминания о том, как его и ещё четверых священников-посетителей о. Иоанн привлёк к решению вопроса, как поступить со священником, во время Божественной литургии по неосторожности выплеснувшим часть Святой Крови на антиминс. Характерно, что правящий епархией митрополит, которому священник принёс покаяние, сказал ему: «Вот что, брат, вина твоя велика. Поступим так: ты пока не служи, а езжай к отцу Иоанну Крестьянкину в Печоры. Как он решит с тобой, так и будем делать». И суд батюшки был милостивым, но и притом справедливым.

Множество мемуаристов утверждают, что батюшку вообще невозможно было увидеть рассерженным или строгим. Однако это далеко не так. Когда нужно, отец Иоанн мог быть суровым и даже грозным. Мог прямо спросить человека: «Зачем Вы приезжаете ко мне, если не исполняете моего благословения?»

«Ласковость отца Иоанна одновременно была чужда сентиментальности, слащавости, потому что она сочеталась со строгостью. Потом я поняла, что это вообще особенность старческого поведения. Старец прямо и строго говорил мне о моих недостатках, но я всё равно уходила от него утешенная» (Т. Горичева).

«Когда батюшка обличал в чём-нибудь, чувствовалось, с какой болью он переживает за душу того, кого приходится обличать. Один раз я его видела очень грозным, тогда он на проповеди обличал монахов. Слова

обличения произносились с такой силой, что меня охватило сильное волнение» (Г. П. Коновалова).

«Батюшка, между прочим, был очень строгим — он делал замечания, если кто-то разговаривал во время богослужения; но помню, как однажды молодые монахи в ответ на его замечания стали шутить, и батюшка, расстроенный, встал в уголок и усердно молился <...> Но потом те же монахи стали относиться к нему как к старцу, стали ходить за советом. <...> Вообще батюшка был чтец канонов, считал, что каноны написаны Духом Святым. Он, например, строго придерживался убеждения, что священство имеет право принимать только те, кто не имеет канонических запрещений. <...> Строго относился к благословению на супружество. Считал, что люди должны быть женихом и невестой не менее трёх лет, чтобы хорошо узнать друг друга перед тем, как венчаться. Так же считал, что разница в возрасте не должна превышать пяти лет, в ту и другую сторону (старше — младше). При благословении на монашеский путь считал обязательным получение материнского благословения» (протоиерей Олег Тёор).

«В нужные моменты откуда-то являлась в нём и целительная строгость. Он мог показать согрешившему со всей определённой конечный результат его поступка. И в обычной для него атмосфере доброжелательности это предупреждение звучало устрашающим громом, обещавшим скорую беду. Он мог сказать: “Ты сделал шаг в ад”, если человек уже устремился в том направлении» (монах Алексий).

«Он всегда учил именно церковному пониманию канонически утверждённой дисциплины в Церкви. И если я тогда, по неопитскому легкомыслию (а крестился я и начал воцерковляться только на 25-м году жизни), порой позволял себе вполне, так сказать, ещё “по-мирски” и весьма иногда злопыхательски критиковать вынужденный в то советское время известный сервилизм церковной власти по отношению к сильным мира сего, он мягко, но самым строгим и определённым образом пресекал мои диссидентские настроения, уча тому, что без дисциплины и духовно осмысленного почитания церковной иерархии может наступить только всеобщее разорение Церкви. При этом он особенно настаивал на том, что, как бы мы критически порой ни относились к действиям отдельных носителей этой власти, подчиняться им всё равно остаётся нашим неперемённым духовным долгом. И если такое здоровое, без ненужных страстей, отношение к церковной власти мы сохраним, то Господь Сам в конце концов всё выправит и приведёт церковный корабль, несмотря даже на все немощи кормчих, в гавань Своего Царства. В противном же случае

пределов нашему критиканству не будет, а в итоге будет только сплошной грех своеволия и полный развал церковной жизни.

И в этом отношении он всегда был очень строг, и, если я порой в беседе с ним по наивности своей ненароком увлекался излишним критиканством, он просто затворял мне рот ладонью, и на этом я иссякал. Вообще он часто говорил: “Осуждать других гораздо проще, чем самого себя. Смотрите на себя и следите только за собой — это гораздо важнее. И если бы мы все это поняли и все это делали, то у нас бы уже почти рай наступил и критиковать-то было бы уже и некого. Всегда осуждайте только себя, только себя, а поводов у нас для этого — несть числа, несть числа”» (диакон Георгий Малков).

Строгим о. Иоанн был и в отношении любых проявлений расхлябанности, небрежности, несоответствия нормам и канонам. Он любил, чтобы всё было красиво и гармонично — и в храме, и вне его. Женщине, на которой было светло-синее пальто и коричневый платок, мог сказать:

— Вот и пальто у тебя хорошее, тёплое, и ко времени, и красивое. Только вот платочек-то... Холодно? Да я знаю, что холодно. Но уж надо, чтобы всё одно к одному подходило, чтобы красиво было. У Бога всё должно быть красиво. Это я тебе точно говорю, это не кокетство никакое, так должно быть.

Свидетели записали и такой диалог батюшки с приезжим священником, одетым в гражданскую одежду:

— Батюшка? Я помню. А что же Вы не в своём виде?

— Да у меня подрясник только один, служебный.

— Ну, сшейте из штапеля, копейки будет стоить — а чтоб быть в своём виде. А когда вижу священника не в своей одежде — мне кажется, это такое унижение достоинства Церкви.

— И сшить-то негде. Да к тому же это у вас тут, в монастыре, хорошо, а у нас в мире такие бури, такие ветры.

— Да я не верю в эти ветры... Только всё должно быть в своём виде: девушка как девушка, юноша как юноша, священник как священник. А я вот знаете, как делал? Полы-то можно закинуть вот так, на плечи, сверху пальто, а пришёл куда надо — и в две минуты в своём виде.

Но в абсолютном большинстве случаев батюшка всё же понимал и прощал человеческие слабости. «За двадцать пять лет моего пребывания рядом с отцом Иоанном только пять раз видела я, как неумолимо отстранился он от продолжения своего общения с человеком. Запомнила я те случаи только потому, что это было так необычно для отца Иоанна. Он

всегда и всё прощал, снисходя к человеческой немощи, понимал и снисходил и к глупости, и к вознёсшейся гордыне, предавая и то и другое Господу: за одних умолая о вразумлении, на других подавая жалобу всё Тому же Богу. Даже предательство по отношению к себе умудрялся понять и оправдать» (Т. С. Смирнова).

Митрополит Тихон (Шевкунов) тоже свидетельствует, что к людям, не понимавшим или не любившим его (а такие были!), о. Иоанн никогда не терял искренней христианской любви. Однажды рукоположенный им молодой священник вернул батюшке епитрахиль, так как, по его словам, разочаровался в о. Иоанне. «С тяжёлым сердцем я передавал епитрахиль отцу Иоанну, — вспоминает владыка Тихон. — Реакция его меня поразила. Он перекрестился, с благоговением принял и поцеловал священное облачение. И произнёс: “С любовью отдавал — с любовью принимаю”».

Конечно, главными качествами о. Иоанна, благодаря которым он и снискал огромную известность, были дары рассуждения и прозорливости. Тем, кто был знаком с батюшкой поверхностно, могло казаться, что он — просто очень мудрый и опытный, много повидавший в жизни старый человек, дающий советы на тему «Как жить?» (это один из самых популярных вопросов, которые ему задавали). Но затем становилось ясно, что для него не существует границ прошлого и будущего, а тайные мысли так же открыты, как явные. И люди ехали к нему вовсе не за добрым советом (хотя и за этим тоже), а за тем, чтобы узнать волю Божию о себе, чтобы выбрать единственно верный путь. При этом многие визитёры даже не осознавали, что о. Иоанн действовал подобно преподобному Серафиму Саровскому, говорившему о себе: «Как железо ковачу, я предал себя и свою волю Господу Богу; как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Своим даром, как уже не раз было сказано выше, батюшка вовсе не склонен был гордиться и тем более щеголять им. Оттого большинство зафиксированных мемуаристами примеров его прозорливости произошли в самой обыденной обстановке, часто буквально на бегу и между делом, касались бытовых вещей и на первый взгляд вообще могли показаться совпадениями.

«Как-то раз мы с Татьяной Сергеевной, прочитав в одном журнале чьё-то мнение о батюшке, что он просто “доктор Айболит”, очень возмутились и начали по-человечески автора между собой ругать. Батюшка в это время отдыхал, а когда он проснулся, мы вдвоём подсели к его кровати и почти в один голос спросили его: “Батюшка, на кого вы похожи?” Каково же было наше удивление, когда мы услышали в ответ: “Да на кого же я могу быть

похожим? Только на доктора Айболита”» (О. Бочкарёва).

«Отец Иоанн как-то заговорил о монашестве. Он обращался при этом к моим тётям — Вере Сергеевне и Софии Сергеевне, как бы наталкивая их на мысль о принятии ими монашеского пострига. Отец Иоанн до поступления в Псково-Печерский монастырь не был монахом, и Вера Сергеевна подумала: “А сам-то отец Иоанн какой? Серенький? Ведь не монах же он!” Вдруг отец Иоанн повернулся к Вере Сергеевне и сказал с улыбкой: “Серенький я, серенький! Ну и вы оставайтесь пока серенькими”» (протоиерей Михаил Правдолюбов).

«Он принял нас в комнатке над трапезной и стал говорить о том, как мы должны друг друга любить. А я во время разговора думал: “Это всё я знаю, семинарию закончил” и постоянно напоминал себе мысленно о том, как бы мне не забыть передать ему гомеопатическое лекарство. И вдруг старец посмотрел на меня, улыбается и говорит: “Мы должны так стараться любить друг друга каждый день, чтобы этой любви было хотя бы на одну гомеопатическую крупинку больше, чем накануне”. Я так и ахнул! Батюшка опять проник в мои мысли, дав понять, что он меня насквозь видит, и обличил мою невнимательность» (протоиерей Александр Григорьев).

«Мы с сестрой сидим в келье у батюшки. Он отвечает на наши вопросы. Время — половина десятого вечера. Остаётся пятнадцать минут до отправления последнего автобуса на железнодорожный вокзал. Билетов на поезд у нас нет. Вдруг заходит келейница Татьяна Сергеевна и говорит: “Батюшка, заканчивайте беседу. Они опоздают на автобус”. Батюшка спокойно отвечает: “Их довезут”. А сам продолжает беседу. Посматривая на часы, я стал смущаться и волноваться. Но наконец, победив в себе чувства, подумал: “Такая возможность! Быть может, такой беседы более и не представится. Ну что же? Поедем завтра на Псковском поезде или ночью уедем в Петербург, а оттуда утром в Москву”. В десять часов мы вышли из кельи батюшки. Центральный вход в монастырь был уже закрыт. Нас выпустили через хозяйственные ворота. Когда мы выходили из них, подъехала монастырская машина, и шофёр, увидев нас, сам предложил довезти нас до вокзала. Мы с сестрой, переглянувшись, согласились, вспомнив дорогого старца» (игумен Александр (Самойлов)).

«А мы-то волнуемся: автобус-то должен уходить. До станции идти пешком. Далековато. Да и потом поезд же уйдёт. Как нам быть? А он как бы и не отпускает нас. И сказать “Батюшка, простите, нам идти надо — у нас автобус, поезд...” неудобно. А он всё что-то говорит нам, наставляет, поучает молитве, поучает жизни. И причём слова все очень простые.

Казалось бы, ничего старец не говорил особенного. Просто: “Не забываете о молитве, не забываете о том, что Отец наш Небесный в молитве беседует с вами. Помните об этом всегда. Блюдайте себя. Мир тяжёл. В миру жить подчас даже тяжелее, чем в монастыре. И радость у человека ещё больше, когда он, живя в миру, побеждает все эти страсти”. Всё говорилось просто, доступно и было так для нас важно.

Мы всё волнуемся. Автобус-то уйдёт скоро. Уже по времени должен уйти. Да и по морозу чуть ли не двадцатиградусному идти тяжело. И тут-то о. Иоанн говорит: “А вам, наверно, уже надо ехать? Но не переживайте. Вы везде успеете. И на автобус сейчас успеете, не надо волноваться. А я вас сейчас благословлю на дорогу”. И выливает на каждого из нас по целому ковшику святой воды — за ворот и, распахивая рубашку, на грудь. Из моря или из озера и то более сухим вылезаете.

Батюшка говорит: “А теперь вот идите с миром. Всё будет у вас хорошо”. И мы выходим на мороз, облитые водой. Рубашки, свитера — насквозь. Но мы не чувствуем этого холода. Святая вода нас согревает. О. Иоанн вслед за нами: “Ой, я что-то правда с вами заговорился, а у меня служба. Вы-то не торопитесь. У вас всё в порядке будет. А у меня же служба”. И мы вдруг видим, как он по этим ступенькам бегом, бегом вверх по крутой лестнице в Михайловский собор. Как-то особенно впечатлил нас этот подъём. Он взобрался легко, будто по Лестнице. А мы-то с каким трудом поднимались. Даже остановились на одной площадочке отдохнуть.

И какова духовная сила этого старца, что он по этой лестнице будто возносится. Не обращает ни на что внимания и скрывается в храме. Мы выходим из монастыря — и очередное чудо: автобус стоит, несмотря на то, что по расписанию должен был уйти. Он опоздал, и мы совершенно спокойно успели на поезд, приехали в Москву. По молитвам старца у нас так путь сложился» (протоиерей Михаил Михайлов).

(Интересно, кстати, что изумительную лёгкость, с которой о. Иоанн преодолевал крутой и длинный подъём по лестнице к Михайловскому собору, запомнили многие. Жительница села Троица, приезжавшая в Печоры в 1970-х, вспоминает: «Мы стоим у Михайловского храма, и тут о. Иоанн взлетел по лестнице наверх. И мы не увидели, чтобы он тяжело дышал, как мы, пока поднимались по лестнице»).

Келейница о. Иоанна Т. С. Смирнова описала случай, когда в монастырь за компанию с подругой приехала вполне равнодушная к вере женщина-врач, которая собиралась осмотреть древнюю обитель, и только. По дороге она мимоходом пожаловалась спутнице на то, что не может найти заварочный чайник для зелёного чая, который очень любит. В

монастыре батюшка пообщался с подругой врача, сама она от разговора уклонилась. И каково же было её изумление, когда на прощание о. Иоанн неожиданно подарил ей заварочный чайник — тот самый, который она искала! После этого портрет батюшки висел в её кабинете, а на каждую операцию она мысленно просила у него благословения. А с Евстолией Ивановной Лещевой батюшка подолгу говорил о необходимости охраны воды от загрязнения — это была тема её докторской диссертации, хотя сама она ни словечком не обмолвилась ему о том, над чем именно работает. Одна из жительниц села Троица, навещавших о. Иоанна в 1970-е годы, вспоминает, как по дороге в Печоры паломница по имени Мария сказала: «Поедем, посмотрим, как отец Иоанн там живёт». Когда женщины вошли в келию, батюшка сидел у окна, спиной к ним, и, не видя, кто именно вошёл, произнёс: «Ну что, Мария, посмотрела, как я тут живу?»

Сохранилось и множество свидетельств о «серьёзных» пророчествах о. Иоанна. Так, весной 1986 года он сказал архимандриту (ныне митрополиту Ловчанскому) Гавриилу (Диневу), что тот станет представителем Болгарской Православной Церкви в СССР — так оно и произошло в сентябре того же года, хотя никаких внешних предпосылок для этого вроде бы не было. В книге «Несвятые святые» митрополита Тихона (Шевкунова) описано несколько случаев, когда о. Иоанн не давал человеку благословения на какой-то серьёзный поступок, и в случае послушания последствия всегда были самыми печальными. Так, одна влиятельная москвичка в 1993 году просила у о. Иоанна благословение на несложную операцию на глазах и, не получив его, всё же легла в больницу; на операционном столе с ней случился тяжелейший инсульт с параличом, и вскоре она умерла. Батюшка, узнав об этом, чуть не плакал: «Почему вы не делаете так, как я говорю? Ведь если я что-то говорю, то знаю, зачем!» Там же упомянут диалог о. Иоанна с женой Булата Окуджавы, которая жаловалась, что муж не крещён и равнодушен к вере: «Ты сама его окрестишь и назовёшь Иоанном». Так и случилось: в 1997-м, перед смертью, Окуджава принял крещение от собственной жены (в чрезвычайных обстоятельствах такое возможно) с именем Иоанн.

Вместе с тем о. Иоанн очень строго относился к тем, кто обращался к нему просто как к прорицателю. «А ведь Вы обращаетесь ко мне как к гадалке, — укорял он таких. — Мне знать, что с Вами будет завтра, не дано... Помолиться не откажусь, а вещать Вам о будущем не могу». Но иногда такие простодушные вопросы его веселили. Так, на серьёзную просьбу одного паломника «сказать мне мою жизнь», о. Иоанн со смехом ответил цитатой из пушкинской «Песни о вещем Олеге»:

— Миленький, да что ж я — «кудесник, любимец богов»?

Так же строго батюшка вразумлял и тех, кто пытался переложить на него всю ответственность за свои личные и семейные неурядицы. Но в любом случае обещал молиться за вопрошающих. А силе молитвы о. Иоанна дивились многие свидетели. Митрополит Тихон (Шевкунов) приводит пример, когда игумен Псково-Печерского монастыря Михаил (Цебенко, 1915—1995), выходя из монастырской столярной мастерской, «почувствовал себя столь плохо, что, как рассказывают очевидцы, там же упал и — умер. На взволнованные крики свидетелей несчастья прибежали несколько монахов, среди которых был и отец Иоанн (Крестьянкин). Отец Михаил не подавал никаких признаков жизни уже столь долго, что все собравшиеся в печали склонились над, как они были всецело уверены, новопреставленным. И вдруг отец Иоанн сказал:

— Нет, это не покойник. Он ещё поживёт!

И стал молиться. И по свершении той молитвы недвижимо лежавший открыл глаза... ожил». В дальнейшем он принял схиму с именем Мелхиседек и дожил до восьмидесяти лет.

Прощаясь с посетителями, о. Иоанн всегда помазывал их маслом, окроплял святой водой, причём очень обильно — некоторых буквально обливал с ног до головы, наливал и за шиворот. И непременно вручал им какой-нибудь гостинец. Чаще всего это были конфеты — шоколадные или обычные карамельки, просфорки, иногда эстонские шоколадки, монастырский хлеб. Мог дать яблоки, гранаты, сунуть банку варенья. Дарил он и маленькие фотоиконочки. Такие гостинцы от о. Иоанна до сих пор бережно хранятся в тысячах домов в России и за её рубежами. «Помажет, бывало, на прощание святым маслом, покропит святой водой, благословит, получишь от него подарочки, конфеты и везёшь домой, как сокровище, — это того самого отца Иоанна! И живёшь светлой памятью о нём и надеждой на его молитвенную память о тебе» (Г. П. Коновалова).

Особо ценными подарками были книги. Причём не обязательно духовного содержания. К примеру, одной монахине о. Иоанн вручил... «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина. И пояснил свой подарок так:

— Вот для тебя первое Добротолюбие. Мы с тобой путь в монашество начнём с этой книги, будем учиться благодарности Богу за всё и терпению. Этого пока тебе и достаточно.

Любил ли о. Иоанн постоянное многолюдье вокруг него, радовался ли ему?.. Вряд ли. В одном из писем он замечал: «Богомыслием заниматься обстановка не позволяет. Но все стенания разбиваются о недвижимый камень веры: “так надо”, тако Богу изволися. Живи не как хочется, но как

Бог велит» (это вариация на тему святителя Игнатия (Брянчанинова): «Монастырь наш шумен; но нечего делать: живёшь не так и не там, как и где бы хотелось, а где и как приводит непостижимый Промысл Божий»). А паломнице батюшка как-то с грустью признался, что ему почти не приходится побыть в келии одному. В утешении людей было его послушание, и он нёс его усердно, иногда в ущерб собственному здоровью. Возможно, он руководствовался словами святого Иоанна Кронштадтского: «Служитель Христов должен вести себя так, чтобы за ним, как за Христом, народ ходил толпами, то есть священник должен привлекать к себе прихожан словом и жизнью». А ещё наверняка помнил завет, который дал ему старец Симеон (Желнин): «Живи для всех, и спасёшься. Будь у всех под ногами». Иногда о. Иоанн действительно называл себя «половичком у всех под ногами». И полугрустно-полувесело просил у братии помолиться за него во время службы:

— Моя функция — суесться, а ваша — Богу молиться.

Но иногда, накануне торжественных служб на Великие праздники, батюшка всё же устраивал себе своеобразный «затвор». Он забирался на стремянку у своего книжного шкафа и молча, ни с кем не общаясь, просиживал на верхотуре большую часть дня. Потом спускался, отдыхал часок и шёл в храм. Это была необходимая часть подготовки к службе, которую нельзя было отправлять кое-как, «на бегу», с головой и сердцем, переполненными чужими проблемами и горестями.

...На общение с паломниками уходила большая часть дня о. Иоанна. Принимал он их и тогда, когда этого не одобряло монастырское начальство (если шла проверка, паломников прятали в келии соседа, схимонаха Дамиана). Принимал и будучи больным. Г. П. Коновалова запомнила, как из келии батюшки вышла врач и строго сказала: «На месте отца Иоанна я бы вас не принимала», но вскоре приём возобновился. И даже когда болезнь сваливала батюшку с ног, он сокрушался в письме о том, что не может принимать людей: «Уж очень трудная нынче погода. Шарахается от -20 до +2 в один день. Где же нам выдержать такие скорости. Вот и полёживаем. На меня, верно, скоро в суд подадут — народ едет, деньги и силы тратит, а у меня всё дверь закрыта».

Но постоянное общение с паломниками не значило, что батюшка не участвовал в монастырской жизни. Напротив, он неопустительно присутствовал на братском молебне, дневном монашеском правиле, вечернем богослужении. «Однажды я была свидетельницей того, как, отпустив последнего посетителя, усталый батюшка, торопясь на вечернее богослужение, быстро подошёл к раковине, открыл кран и подставил

голову под струю холодной воды. “Надо немного освежиться перед службой”, — сказал он при этом» (Г. П. Коновалова). А если опаздывал из-за паломников, долго извинялся перед братией:

— Услышу звон к службе, надо собираться в храм, а в келье ещё люди. Пока проводишь, бежишь, а по пути кто-то ещё остановит: «Батюшка, минуточку». На ходу благословляю: «Ни минуточки, ни минуточки, простите, опаздываю». Пробегаю мимо. Сделаю шаг, другой, а совесть-то и заголосит: «Куда бежишь? Молить и просить Бога? А сам не хочешь остановиться и выслушать!» По инерции сделаю два-три шага к храму, потом разворачиваюсь: «Милая, ну что там у нас?» Вот и опоздание — простите великодушно! Горе! И опаздывать грех, и отмахнуться, пройти мимо — беда!

О силе молитвы о. Иоанна уже говорилось выше. Видевшие его на службах неоднократно подчёркивали — он выделялся даже на фоне всех прочих подвижников благочестия, населявших обитель. Казалось, что он служит не в земном храме, а прямо перед Престолом Господа. Игумен Савватий (Рудаков): «На этой службе поминали всех ветхозаветных праотцев: Авраама и Исаака, Иакова и Иосифа... Затем вышли на литию. Службу возглавлял отец Иоанн. И вот когда он поминал всех ветхозаветных праотцев, называя их по именам, то возникло чувство: батюшка говорит так, как будто он их всех видит. Вот они проходят перед ним вереницей. А он крестится и кланяется каждому из них. И они его благословляют. Было немного страшно и как бы тесно в храме: будто церковь наполнилась ветхозаветными отцами и они совсем рядом.

Может, так чувствовали себя те, кто присутствовал при отдании поклонов друг другу преподобного Сергия Радонежского и святителя Стефана Пермского на расстоянии в десяток вёрст? Или те, кто присутствовал на службах святого и праведного Иоанна Кронштадтского, молящегося с таким дерзновением, как будто он стоит перед Владыкой и Господом нашим и просит Его милости?

И я почувствовал, что отец Иоанн уже духом общается с праотцами. Придя в келью, засомневался: может, это всё мне почудилось? Прелесть? Но когда я поговорил с другими отцами монастыря, они подтвердили, что испытывали то же самое».

Особенно торжественными были Пасхальные богослужения с участием о. Иоанна. Вспоминает иеромонах Иоасаф (Швецов): «Пасху просто невозможно описать. Он весь ликовал, и светился, и торжествовал; это постепенно и незаметно передавалось другим служащим. Наверное, самый большой и неизъяснимо сильный всплеск радости охватывал всех,

когда батюшка выходил на амвон для приветствия народа радостным «Христос воскрес!»». Недаром многие называли о. Иоанна «пасхальным батюшкой».

Благоговейное отношение о. Иоанна к службе отмечали все, кто его знал. Он не мог, не умел служить «быстренько», «кратенько», «по привычке». Готовясь к службе, неторопливо надевал митру, прикладывался к каждому образку на ней. Когда шёл по монастырю, непременно с молитвой, благоговейно останавливаясь, кланялся каждой уличной иконе.

Самая служба о. Иоанна была необычайно осмысленной, наполненной до краёв. Он никогда не проговаривал скороговоркой «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» — каждое слово было весомым, выпуклым, нагруженным смыслом. Таким же было чтение Евангелия — казалось, что он всякий раз впервые переживает описываемые в Книге Книг события, присутствует при них. Его молитва влекла за собой, переворачивала душу, в каком бы состоянии человек ни пришёл в храм. Описаны случаи, когда со служб о. Иоанна выходили с мокрыми глазами люди, совершенно до того равнодушные к вере. А те, кто не знал его в лицо и видел впервые в храме, среди других монахов, сразу же узнавали его, причём сами не могли толком объяснить, как именно.

Да и сам он, бывало, служил со слезами. «Как молитвенно проходили пассии! — вспоминала Т. П. Зотова. — С каким сердечным сокрушением, когда их возглавлял отец Иоанн! В какую-нибудь пассию он обязательно говорил проповедь. Храм был так набит молящимися, что невозможно было поднять руку, чтобы перекреститься. Вот акафист прочитан, батюшка встал у Распятия. И едва только он начинал говорить, как слёзы текли по его лицу, и невозможно было при этом остаться равнодушным, и весь храм заливался слезами вместе с ним».

Очень серьёзно о. Иоанн относился к клиросному пению. «Регент должен быть как солнышко, навстречу которому раскрываются все цветочки», — наставлял он руководителя церковного хора. К идее возрождения в полном объёме старинного знаменного пения он относился скептически, говорил, что в храме должны звучать только те песнопения, которые знакомы и понятны всем прихожанам. «Сам отец Иоанн пел очень хорошо, — вспоминал о. Владимир Правдолюбов. — Воодушевлённо, энергично, с чувством. Мы с ним и вместе пели — он первым голосом пел, а я вторым».

...Другим послушанием, занимавшим массу времени, была переписка. После 1981-го письмоводительницей старца была поселившаяся в Печорах Татьяна Сергеевна Смирнова, и основная тяжесть переписки ложилась на

её плечи. Приходили на имя батюшки и письма, и телеграммы, и посылки, и денежные переводы. Иеромонах Никон (Горохов): «Я могу засвидетельствовать: будучи почтальоном, я приносил батюшке почту и денежные переводы; и не было случая, чтобы хоть один перевод он забрал себе — он всё отдавал монастырю и ничего не оставлял для себя». Кстати, монастырю о. Иоанн отдавал и свою пенсию. А тем, кто передавал ему письма, всегда ласково говорил: «Ну, почталиону (он произносил именно так, через «и») — честь по закону», и непременно давал какой-нибудь гостинец.

Письма сортировались по степени срочности и жанрам: кому-то нужно было ответить как можно скорее, кому-то — не очень, кого-то поблагодарить или поздравить открыткой. Быстрее всего батюшка реагировал на письма из раздела «Скорая помощь» — это значило, что ответ о. Иоанна жизненно важен немедленно. Был и раздел «Капризы». На протяжении почти всех 1980-х переписка эта шла, как мы помним, полулегально, так как настоятель о. Гавриил не одобрял паломничества к о. Иоанну.

Процесс ответов на письма выглядел обычно так: Татьяна Сергеевна усаживалась напротив о. Иоанна на низенький стульчик (его и сегодня можно видеть в келии), а батюшка, сидя на знаменитом зелёном диванчике, читал полученное письмо и отвечал вслух. Келейница записывала ответ на конверте письма (чтобы не перепутать адресата), а уже дома перебеливала ответ. Конверт с черновиком оставался у батюшки.

Два раза в год, на Рождество и Пасху, для письмоводительницы наступала особо горячая пора — батюшка отправлял тысячи открыток с поздравлениями. И самым трудным было даже не надписывание адресов по ночам, а... поиск подходящих по тематике открыток: ведь в СССР их попросту не было. Но на жалобы и протесты батюшка неумолимо отвечал:

— Не срамите мою седую голову! Нужны открытки, соответствующие духу праздника. Всё должно быть со смыслом, а не наобум и как попало.

Приходилось делать открытки самим — рисовали, делали фотокопии и фотоколлажи. Каждую такую открытку батюшка подписывал собственноручно; сколько это отнимало у него времени и сил — Бог весть.

Письма батюшки — очень разные. Это ни в коем случае не формальные отписки, а всякий раз глубокие, обстоятельные ответы на обращённые к нему вопросы. Люди спрашивают о разном — можно ли молиться за самоубийцу, как заставить мужа бросить пить, каким образом общаться с неверующими родственниками, стоит ли уходить в монастырь... И на каждый такой вопрос батюшка не просто отвечает, а как бы беседует

на бумаге с недоумевающим человеком. Читая его письма, будто слышишь его голос — неторопливый, вдумчивый, полный заботы и сочувствия к тем, кто пишет. А общее мнение всех его адресатов лучше всех выразила минчанка Галина Терентьевна Сытенко: «За все к тому времени почти 50 лет жизни я не получила столько любви, отеческой нежности, столько внимания к моей судьбе, к моим трудностям, проблемам, заботам, сколько вложил отец Иоанн в каждую фразу своего письма».

Часто между о. Иоанном и незнакомым ему человеком начиналось длительное письменное общение, продолжавшееся годами. Так, однажды в монастырь пришло письмо из Ленинграда от человека по имени Евгений. Он сокрушался о том, что в Александро-Невской лавре заброшен и разрушается надгробный памятник на могиле композитора Н. А. Римского-Корсакова. Наверняка автор письма хотел получить от батюшки совет о том, как лучше увековечить память композитора, но ответ был на совершенно иную тему: «Евгений, дорогой Евгений, что такое разрушенный памятник известному композитору, когда наша собственная душа разрушена до основания и искалечена по нашей вине, а не по нерадению кого-то?» Так началась переписка, перешедшая в глубокие и серьёзные духовнические отношения. Евгений и о. Иоанн так никогда и не встретились в реальности, но письма от Евгения продолжают приходить в Псково-Печерский монастырь и сейчас, после смерти батюшки. И в них — благодарность за указанный когда-то истинный путь...

К счастью, письма о. Иоанна многократно издавались, и сейчас не только у непосредственного адресата, но и у всех желающих есть возможность «услышать» голос печерского старца, запечатлённый на бумаге.

«Дорогая Н.!

Волю Божию можно и нужно выполнять в любом деле и при любых занятиях и на любом месте. Дело не в том, чем мы занимаемся, но как относимся к делу и что для нас главное. Так что не сетуйте на творчество, это занятие ничем не хуже всякого другого. Если ты не забываешь, во Имя Кого и во имя чего ты творишь, то и отношение будет разное: одно дело — во славу Божию проповедовать творчеством и жизнью своей идеи, которые принёс Спаситель, другое дело — во славу свою блеснуть, отличиться. Разбирайся, детка!»

«Дорогая О.!

Не Господь наказывает нас, нет! Наказываем мы себя сами — тем, что живём без Бога. И какие бы хорошие ни были мы по человеческим меркам, там, где нет Бога, нет жизни живой, созидающей, нет радости жизни. Где

нет Бога, там хозяйничает враг Божий.

И “наказание” или жизненная туга — это его проделки. А когда человек после долгого вражьего водительства обращается к Богу, то и тут начинается на какое-то время усиленная месть врага, и нужно много терпения и несомненной веры, что враг силён, но всемогущ лишь Господь, и Он не оставит усердно прибегающего к Божией помощи».

«Дорогая о Господе Е.!

Письмо Ваше получил. О Вас и болящих, страждущих сыновьях Ваших молимся, но очень трудно помочь Вам, ведь ни тот, ни другой не признают единственного источника здоровья — Бога. Молитесь о них усердно Вашей материнской молитвой, но, конечно же, насильно в церковь не тащите — без веры все Таинства для человека не действительны. Почитайте о Саше канон о болящем хоть раз в неделю, и молитесь такой молитвой: “Боже! Ты знаешь всё, и любовь Твоя совершенна, возьми же жизнь моих болящих, страждущих чад А. и В. в Свою руку и сделай то, что я жажду сделать, но не могу. Аминь”. И мы помолимся, но наша молитва только в помощь Вашей, материнской.

Укрепи Вас Господь в терпении».

«Дорогая Т.!

Молюсь о тебе всегда, да не оскудеют в тебе дары Господни, не омрачит житейская суета чистоту сердца и души твоей. А крылышки наши иногда повисают, и нет сил взмыть в небо, это ничего, это наука из наук, которую мы проходим, лишь бы желание видеть небо над головой, небо чистое, звёздное — небо Божие, не исчезло. А слёзы, труд, болезнь сердца на нашем пути неизбежны. Не исчезай, чадце. О мамочке будем молиться».

Тут и там по письмам батюшки разбросаны бесценные советы духовным чадам — как укрепиться в вере, как сделать так, чтобы она постоянно присутствовала в жизни, как противостоять греху. Эти советы давались во время, когда у людей не было зачастую ничего, кроме неумелого, но искреннего желания пойти в храм. Невозможно было достать ни книги духовного содержания, ни текст простейшей молитвы, ни икону, ни нательный крестик. Но и сейчас, когда всего этого в избытке, советы батюшки звучат вполне актуально, ведь ныне человек испытывается не отсутствием или наличием в доме икон, а другими, куда более принципиальными вещами...

«В церковь очень часто не подавайте, по памятным датам хорошо служить Литургию, а в остальное время молитесь сами. Да и не выстаивая пред иконами целый день, а памятью Божией в обычном своём делании житейских попечений. Кратенько, легко и даже весело, обращаясь к

Господу: “Господи, помилуй!”, “Господи, прости!”».

«Чаще молитесь краткими молитвами: “Господи! Благослови!”, “Господи! Помоги!” — приучаясь всё в жизни делать с Божьего благословения и с Божьей помощью. А ещё примите к сердцу такую молитву: “Господи! Тебе всё ведомо, сотвори со мной, как изволишь. Аминь”».

«Ежедневно читай одну главу Евангелия и две главы Апостола, а также кратенькое утреннее и вечернее правило».

«Если хочешь узнать, что такое истинная любовь, прочитай Святое Евангелие, а в первую очередь 1-ое послание к Коринфянам, главу 13-ю».

«Я бы только предостерёг Вас от показного проявления появившихся в Вас христианских взглядов — это будет расхищение того, чего ещё Вы не приобрели в свою собственность. И другим говорить о Боге, когда у них ещё нет склонности слышать о Нём, не надо. Вы провоцируете их на богохульство. А Вы не спешите, молитесь о том, кому хотели бы помочь, и предавайте их Богу. У Него сила и власть — реальные, а наши — кажущиеся».

«Молитесь Господу о даровании Вам духовника. Но не спешите первого встречного священника назвать духовным отцом. Ходите в церковь, исповедуйтесь, спрашивайте о волнующих Вас вопросах у многих, и только когда поймёте, что из многих — один самый близкий душе Вашей, будете обращаться только к нему».

«Почитайте во утешение себе и вразумление святителя Феофана Затворника. Другого указать не могу. У него всё чисто по любви сердечной к людям — чадам Божиим — и истинно и свято канонически». Творения глубоко почитаемого им святителя Феофана о. Иоанн советовал изучать внимательно: «Очень тебя прошу, полюби святителя Феофана Затворника. В его писаниях вот уж где живая вера потоком изливается на любившего его»; «Для начала начните руководствоваться книгами святителя Феофана Затворника Вышенского. Это надёжнее»; «Помощником вам, если захотите, сейчас мог бы быть Святой святитель Феофан Затворник. Для начала почитайте его книгу “Что такое духовная жизнь и как на неё настроиться”. Да почаще причащайтесь Святых Христовых Таин. Так и будем проходить курс обучения жизни в Боге, начиная с первого класса, а не с институтской скамьи»; «Вам на все Ваши недоумения, вопросы и заблуждения — ответит и поведёт по жизни истинный старец и православный архиерей — Святой святитель Феофан, Затворник Вышенский. Другого я указать Вам не могу. У святителя Феофана всё кристально чисто, и по любви сердечной к людям — чадам Божиим, и всё истинно, свято и безукоризненно канонически. Он

на данном этапе Вам поможет больше, чем кто-либо другой».

Свои наставления батюшка всегда давал очень деликатно. В финале одного из писем он извиняется перед адресаткой: «Вы меня, Христа ради, простите. Я ведь не пустые слова пишу Вам, а говорю от сердца и от своего большого жизненного опыта, я говорю Вам со своего жизненного креста (и потихоньку, только для Вас одной скажу, что он — крест-то — у меня тоже немалый, и слава Богу за всё)».

Если же о. Иоанн сталкивался с тем, что явно расходилось с нормами христианской жизни, тон его письма мог быть совсем иным. Ведь обращались к нему и люди, которые делали самые первые шаги к вере (и даже слово «Бог» ещё писали со строчной буквы), и те, которых интересовала главным образом не вера, а они сами, и просто любопытствующие. Таким о. Иоанн твёрдо советовал сначала разобраться в себе, сделать труд узнать хотя бы элементарные вещи, а потом уже писать ему. Если человек не понимал обращённых к нему наставлений с первого раза, батюшка отвечал кратко: всё в предыдущих письмах, повторяться не буду. А вот письмо женщине, соблазнившей священника:

«Раба Божия М.!

Как-то даже трудно именовать Вас этим именем, ведь сейчас Вы вполне раба вражия.

И всё-то понимаете, но душа споткнулась о сластолюбие, а враг удовлетворён, что уловил священника и отнял его у Бога. Ведь всё, что сейчас этот священник совершает у престола, падёт на его голову горящими угольями, а Вас враг уведёт и из Церкви равнодушием к своему спасению.

Бог поругаем не бывает, а вы оба именно это и делаете.

Падать людям свойственно, но, упав, надо тут же вставать. У вас же не просто падение — вы попрали Божию благодать, данную человеку при рукоположении.

Грехи ваши надо исповедовать Архиерею, иерей их разрешить не может. Грехи легко совершать, а на восстание от греха надо много усилий и труда. Но жизнь так коротка, а впереди — вечность. Сейчас свидетельствую, что ад ждёт вас обоих. Идите к Владыке оба, если хотите спасения себе и священнику».

А вот — явный разрыв отношений:

«С. с семейством!

Бог да простит вас.

Я не в первый раз сталкиваюсь с ситуацией, когда моим именем мнимые “доброжелатели” творят свои личные, корыстные дела. Так что

ваши поступки меня не удивили. Но зато стало совершенно очевидно и для меня, и думаю, что и для вас, что духовнических отношений нет, не было и быть не может. Всё это показало, что не я вами руководил, а вы активно пытались управлять мной.

Да не будет! Так что за всё происшедшее благодарю Бога. Призываю на вас Божие благословение, и да умирит ваше покаяние вашу совесть. Писем же брать от тех, кто не верит ни письменным моим ответам, ни устным, я не буду и впредь».

Многим адресатам о. Иоанн посылал вместе с письмами выписки из творений Святых отцов. В те годы раздобыть какую-либо духовную книгу в СССР было возможно разве что по большому «блату», а имена святителей Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника говорили что-то только богословам. Поэтому цитаты из них воспринимались как настоящие откровения. А учитывая умение батюшки подбирать выписки, как нельзя подходившие к каждому конкретному случаю, это была настоящая духовная аптека. Так своё собрание цитат называл и сам о. Иоанн.

Кроме ответов на письма, была ещё одна важная работа — составление проповедей. В отличие от множества легендарных «златоустов» русской Церкви, чьи проповеди лились словно песня, о. Иоанн в старости не был, что называется, записным проповедником. До лагеря он мог говорить с амвона экспромтом часами, но под конец жизни проповеди произносил уже не «от себя», а читал по-написанному. Такая практика завелась в 1962-м на Рязанщине, где председатель сельсовета в Борце требовал предоставлять ему текст каждой произнесённой в храме проповеди в письменном виде. О. Иоанн начал записывать свои проповеди в тетради, которых со временем накопилась целая гора. Благодаря этому надзору тексты почти всех его проповедей сохранились. И хотя встречались среди прихожан те, кто был недоволен длиной батюшкиных проповедей или находил их не особенно оригинальными и яркими, большинство людей, слышавших их, утверждали: слово о. Иоанна заставляло прихожан буквально трепетать. Сейчас у всех желающих есть возможность и услышать аудиозапись батюшкиных проповедей, и увидеть их съёмку — она издана на многочисленных дисках, выложена в свободном доступе на YouTube. На данный момент, по подсчётам историка Церкви о. Алексия Пикова, известны 202 проповеди о. Иоанна, 93 из них изданы и ещё 90 доступны в аудиоформате.

С 1981 года Татьяна Сергеевна Смирнова понемногу записывала и воспоминания батюшки. Вернее, это были эпизодические отрывки, призванные проиллюстрировать ту или иную жизненную ситуацию для

посетителей. Со временем из них слагались главы книги, которую сам о. Иоанн назвал «Память сердца». Ему эта удивительная память была присуща всегда — он помнил всех, кто бывал у него со своими горестями; бывало так, что писавшие ему путали его имя (!), а о. Иоанн в ответе перечислял все жизненные ситуации, с которыми к нему обращался человек ранее, спрашивал о судьбе его родных, точно называя их по именам.

Именно так, из сугубо практических бесед, складывалась и другая, пожалуй, самая знаменитая книга о. Иоанна Крестьянкина — «Опыт построения исповеди». Сталкиваясь с огромным количеством людей, бывавших в монастыре у исповеди, батюшка наблюдал, что зачастую они не знают, как именно нужно исповедаться, что делать, что говорить и самое главное — попросту не осознают свою греховность. Сама по себе возникла потребность в своеобразной «азбуке исповеди». Для воспитанной в духе атеизма страны это был бесценный духовный учебник. Доходчивым и простым языком батюшка разъяснял в нём на примерах десяти заповедей и заповедей блаженства, из чего именно складывается грех, как он зарождается и почему покаяние необходимо для спасения. В основу книги были положены беседы, которые батюшка проводил на первой седмице Великого поста, после чтения покаянного канона Андрея Критского. «Опыт построения исповеди» в машинописных копиях широко распространялся в СССР, затем неоднократно переиздавался и, без преувеличения, является одной из наиболее популярных и доступных духовных книг на русском языке вообще.

С другими насельниками монастыря о. Иоанна связывали тёплые и душевные отношения. Он всегда стремился как-то утешить и ободрить монастырского казначея архимандрита Нафанаила, сочувственно говорил о его послушании: «Бухгалтерия — это сушка мозгов». Дружеские отношения связывали его с благочинным, игуменом Александром (Васильевым). О. Иоанн снабжал его крестами для постригов, передавал аккуратно перепечатанные духовные наставления для послушников, иноков, монахов и схимников. С трогательным вниманием батюшка относился к именинникам среди братии — в день именин он непременно дарил виновнику торжества пакет с гостинцами, где были духовное наставление, иконка, сладости. А когда наставало время провожать насельника в последний путь, торжественно и возвышенно готовил усопшего к погребению.

За ежедневной круговертью (а на самом деле — большой и тяжёлой битвой за людские сердца и души) у о. Иоанна практически не оставалось

времени на что-то «своё», «личное». Читать приходилось урывками, и преимущественно это были духовные авторы; из светских батюшка любил Гоголя, мог цитировать его наизусть целыми страницами. Очень почитал также великого русского поэта XIX столетия Василия Андреевича Жуковского, говорил, что он был святым человеком, неоднократно цитировал его в проповедях. Толстому он предпочитал Достоевского и настоял, чтобы келейница приобрела для себя полное собрание сочинений Фёдора Михайловича в тридцати томах, которое начало выходить в 1972-м.

Потребности о. Иоанна в еде и питье были крайне скромными. Конечно, паломники передавали ему весьма дефицитные в то время вкусные вещи, но долго они у него не задерживались — «уходили» в качестве подарков очередным гостям. Хотя батюшка и признавался, что любит шоколадные конфеты, но любовь эта с некоторых пор была «платонической» из-за диабета, так что конфетами он одаривал визитёров (причём после того, как одна из коробок оказалась с белым налётом, тщательно проверял, чтобы сладости были качественными). Бывали и просто смешные случаи. Так, одна женщина на Успенской площади дала ему апельсин, но о. Иоанн буквально через пять шагов подарил его какому-то мальчику. Дарительница возмутилась:

— Батюшка, но это я же вам отдала!

— Но ведь насовсем отдала?..

В праздники, на чей-нибудь день рождения батюшка мог символически пригубить стаканчик вина (на вопрос, можно ли в монастыре употреблять алкоголь, о. Иоанн отвечал: «Можно. У нас здесь сухого закона нет, но нечасто и понемногу»). Очень любил русскую баню. «Посещал её чинно и основательно, — вспоминал иеромонах Никон (Горохов). — Приходил он не один, а в сопровождении помощника, который пособлял ему раздеться, одеться и помыться. Помощником у него в последнее время был Лёша-чукча, как мы его звали, потому что он много лет провёл на Севере среди чукчей и много нам рассказывал интересных историй. Он любил батюшку сыновней любовью и ухаживал за ним, как сыночек, хотя сам имел уже и внуков. Помню, помает он батюшку, и отец Иоанн ему говорит: “Ну, Лёшенька, теперь моя очередь тебе спинку потереть”. И так натрёт Лёшкину спину, что бедный Лёша аж пищит, а батюшка только приговаривает: “Это ничего, Лёшенька, это мы твои грешочки оттираем”. А грешочки у дяди Лёши были немалые, но вот ведь пришёл на покаяние, да так и остался при обители».

...Отбой в обители — в 23.00. Но сосед о. Иоанна, благочинный монастыря о. Александр (Васильев), ещё далеко за полночь слышал голоса

из его келии: посетители приходили и ночью. Потом вечернее правило. И так же, как легко представить первые слова каждого дня батюшки, легко понять, какие слова он произносил последними: «В руце Твои, Господи Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой: Ты же мя благослови, Ты мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь».

Сколько и когда о. Иоанн спал — оставалось загадкой даже для самых близких ему людей. Сам он рекомендовал другим спать семь часов (во время болезни — восемь), но правилу этому явно не следовал: задолго до рассвета — снова подъём. Нет сомнения, что другой человек изнемог бы от такого режима и физически, и духовно, причём очень быстро. А батюшка, которому в апреле 1985-го исполнилось 75, жил на такой высокой ноте из месяца в месяц, из года в год.

Глава 10

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

О. Иоанн стал насельником Псково-Печерского монастыря в 1967 году — во время, которое ныне принято называть «началом застойного периода». Формально «застой» продолжался до смерти генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, последовавшей 10 ноября 1982-го, а фактически продлился ещё несколько лет.

После смерти Патриарха Алексия Русскую Православную Церковь с 3 июня 1971 года возглавлял Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков). На протяжении года он оставался Патриаршим местоблюстителем, так как власти не разрешили провести Поместный Собор в год столетия Ленина.

Несмотря на то, что на фоне хрущёвских гонений брежневское время было для Церкви относительно спокойным, в 1970-х число приходов в СССР продолжало сокращаться. Если в 1971 году в стране насчитывалось 7274 прихода, то пять лет спустя — 7038. В основном тогда закрывались небольшие сельские храмы — из-за массового перемещения жителей сел и деревень в города (численность городского и сельского населения в стране сравнилась в 1961-м, а в дальнейшем городское преобладало над сельским). В конце 70-х процесс закрытия храмов замедлился, и к 1981-му в СССР насчитывалось 7007 приходов. Одной из самых серьёзных проблем Церкви тех лет была кадровая. Сказался сильнейший удар, нанесённый Хрущёвым в начале 1960-х по семинариям: с 1971 по 1975 год число священников и диаконов в стране сократилось (соответственно с 6234 до 5994 и с 618 до 594; для сравнения — на 1914 год в России было 3603 протоиерея, 49 631 иерей и 15 694 диакона). Почти у половины священнослужителей не было даже общего среднего образования, более половины из них были старше 60 лет, многие окормляли по два-три прихода.

В среднем посещаемость храмов по стране снижалась, так как абсолютное большинство населения СССР составляли люди, выросшие вне Церкви, — атеисты, равнодушные к вере либо сознательно отказавшиеся от неё после переезда в город из деревни в погоне за всем «передовым». Сокращалось число отпеваний, венчались лишь 2-3 процента людей, вступающих в брак. К тому же «мирное сосуществование» советской власти

и Церкви во многом было только внешним. Валерий Николаевич Сергеев вспоминал: «Безобразия продолжались и при Брежневе, лично симпатизировавшем православию. Нередки были случаи покушений на духовенство с помощью устраивавшихся КГБ катастроф. Из близких моих знакомых пострадали известный московский священник-правозащитник о. Димитрий Дудко (с переломом обеих ног) и старообрядческий протоиерей, отец десяти детей Евгений Бобков (погиб)». Публично отстаивать свои «религиозные убеждения» по-прежнему значило вычеркнуть себя из политической и общественной жизни, отказаться от карьеры в какой бы то ни было области; посещение храма, как и раньше, было связано с немалыми трудностями, на праздники людей моложе сорока лет в церкви просто не пропускали комсомольские патрули. Сложно было попасть даже на похороны уважаемого священника (так, после смерти в Белгородской области почитаемого народом архимандрита Серафима (Тяпочкина, 1894—1982) на поезда, уходившие из Москвы в Крым и на Кавказ, не продавали билетов до Белгорода). На фоне закрывавшихся десятками храмов регистрация каждого нового прихода, постройка новой церкви становились событием. Так, в 1978 году регистрация семи приходов и возведение четырёх храмов (это на весь СССР!) были упомянуты Патриархом как немалые достижения.

Но парадоксальным образом именно в это время, как уже говорилось выше, в среде интеллигенции возникает мода на православие, увеличивается число людей, принимающих крещение, особенно в городах. Автор этих строк, принимая крещение шестилетним ребёнком в 1980-м, запомнил, что атмосферы секретности вокруг этого события не было, хотя, вероятно, для отца, старшего офицера Советской армии, и мамы, работника школьной библиотеки, последствия в случае чего могли быть неприятными. Но особой тайны из происходящего уже не делалось, хотя, конечно, никто ничего и не афишировал.

Об истоках такого поворота писал Д. Е. Фурман: «Если в конце 50-х — в 60-е годы хрущёвская либерализация в какой-то мере оживила веру в идеалы революции, то 70-е годы стали годами крайнего разочарования интеллигенции в официальных лозунгах, когда какие-либо надежды на перемены к лучшему были утрачены. Между тем церковь — фактически единственная легальная организация с неофициальной и более того — противоположной официальной идеологией, которая относительно безопасна (тем более что её совершенно не обязательно демонстрировать). В этой ситуации движение к церкви и религии становилось совершенно естественным — так же, как до революции было совершенно естественным

движение к атеизму. В интеллигентских кругах распространялись самые разные религии. Но поскольку в основе этого движения всё же лежало отталкивание от настоящего и романтизация национального прошлого, наиболее выигрывало от него православие, куда переходило множество видных представителей интеллигенции (так же, как в республиках с иной национальной религиозной традицией наиболее выигрывали эти национальные религии). Атеизм же в определённых интеллигентских кругах становился просто чем-то неприличным — как до революции в передовых интеллигентских кругах “неприличной” была религиозность. И если до революции у нас в интеллигенции было мощное атеистическое крыло, а в народе господствовало формальное православие, то теперь ситуация становилась противоположной». «Быть верующим и ходить в храм Божий — это было страшно революционно», — подтверждал в одном из своих интервью лидер группы «ДДТ» Юрий Шевчук, пришедший к вере в конце 1970-х.

Из советского кинематографа и литературы ушли прямые нападки на православие (последним откровенно антирелигиозным советским фильмом стал «Ищу мою судьбу» 1974 года). Правда, образы священников и монахов по-прежнему никак не вписывались в категорию «положительных», но герои фильмов и романов всё чаще, пусть даже мельком или в качестве экскурсантов, заходили в храмы, задумчиво рассуждая о красоте старинных фресок и обрядов, сетуя по поводу бесповоротно разрушенного и утраченного наследия. И если в 1960-м вышедшая в серии «ЖЗЛ» биография Андрея Рублёва авторства В. С. Прибыткова содержала многочисленные проклятия в адрес «невежественных церковников», замалчивавших творения великого мастера, и ряд других дичайших пассажей («История церкви вообще есть история издевательства над народными ценностями», «Христианские проповеди Рублёва, его вера в бога, объясняемые эпохой художника, — всё это чуждо нам и не может быть принято», и т. п.), то изданная в 1981-м в той же серии безупречная книга В. Н. Сергеева была выдержана полностью в православной традиции. Автору и издательству, конечно, потом досталось от рецензентов, но, во-первых, гораздо больше было рецензий положительных, а во-вторых, репрессиям за такое инакомыслие уже не подвергали. Минул всего-то 21 год, но эпоха была уже совершенно иной.

На торжественном заседании 25 мая 1978 года, посвящённом 60-летию восстановления Патриаршества, Патриарх Пимен говорил: «Сколько же верующих объединяет Святая Церковь? Паства наша многомиллионная. Ввиду разнообразия активности их духовной жизни и при отсутствии

традиции нашей Церкви вести статистический учёт верующих, назвать конкретные цифры невозможно. Наша Церковь радуется умножению своих чад и скорбит при их утрате». По приблизительным данным, в конце 1970-х годов в СССР насчитывалось около 30-40 миллионов воцерковлённых людей, а крещённых по православному обряду было более 100 миллионов (при общем населении 262,4 миллиона человек). Для сравнения — в КПСС в конце 1970-х состояло 15,3 миллиона человек.

Государство продолжало регулировать деятельность Церкви при помощи отдельного органа — созданного в декабре 1965 года Совета по делам религий при Совете министров СССР. Он объединил в себе функции Совета по делам Русской Православной Церкви (1943—1965) и Совета по делам религиозных культов (1944—1965). По сравнению со сталинскими и хрущёвскими годами статус Совета был значительно повышен — его уполномоченные приравнивались к начальникам главков при Совминах союзных республик. Как и прежде, Церковь в СССР «курировали» чины КГБ. Совет по делам религий возглавлял генерал-лейтенант В. А. Куроедов; кроме того, в структуре КГБ в июле 1967 года был создан 4-й отдел 5-го управления, занимавшийся «работой по линии религиозных организаций». Начиная со второй половины 1970-х на должностях уполномоченных по делам религий начали появляться выходцы из партийных и комсомольских структур. Причём иногда уполномоченные брежневских времён втайне сочувствовали и даже помогали своим «подопечным». Меняли взгляды и уполномоченные «старой закалки». Так, о. Владимир Правдолюбов вспоминал, что рязанский уполномоченный, отставной офицер КГБ П. С. Малиев в 1970-х говорил ему:

— Вы имейте в виду, что в церкви находятся люди, которые проверяют Ваши проповеди на предмет того, чтобы Вас на чём-то поймать. И люди некомпетентные. Поэтому будьте предельно чётким и ясным в Вашей проповеди и не задевайте запретных тем. Чтобы не было двусмысленности, не было к чему прицепиться.

Да что там уполномоченные, если сам глава государства Л. И. Брежнев за три дня до смерти, 7 ноября 1982-го, на кремлёвском приёме обратился к Патриарху Пимену с просьбой заочно отпеть его после кончины!.. В устах любого предшественника Брежнева такой пассаж был бы просто непредставим. Просьба генерального секретаря была выполнена...

«Застойные» годы ознаменовались и началом того, что можно обозначить как церковное диссидентство. Первой «ласточкой» стало открытое письмо священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина Патриарху Алексию (ноябрь 1965-го); текст этого письма написал

обновленец со стажем А. Э. Краснов-Левитин, «сосиделец» о. Иоанна по Гавриловой Поляне. В июле 1966-го по Би-би-си прозвучало «Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Церкви», написанное кировским пенсионером Борисом Талантовым и подписанное двенадцатью верующими. В итоге Талантов был арестован, получил два года тюрьмы и умер в заключении (в 1981 году он был канонизирован как мученик Русской Православной Церковью за границей). На протяжении 1960-х не раз обращался к Патриарху с полными критики письмами уволенный на покой в Жировицкий монастырь архиепископ Гермоген (Голубев). В конце десятилетия в «тамиздате», то есть за рубежом, начали выходить быстро набравшие популярность книги о. Александра Меня.

Широкую известность в 1972 году приобрело так называемое «Великопостное письмо» А. И. Солженицына Патриарху Пимену. В нём известный писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе фактически призывал русскую Церковь встать на путь бескомпромиссной борьбы с советской властью. Патриарх, прочитав письмо, заметил:

— Побывать бы ему в моих башмаках только пару дней... Но пусть пишет!

В 1976 году был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР во главе с Глебом Якуниным. Три года спустя глава комитета был арестован, он находился в заключении и ссылке на протяжении девяти лет. Тогда же КГБ были ликвидированы религиозно-философские семинары в Москве, Ленинграде и Смоленске, а о. Дмитрия Дудко вынудили выступить по телевидению с «признанием» в том, что он действовал по заданию ЦРУ и впредь будет воздерживаться от политической деятельности.

В целом же православное диссидентство «застойных» времён во многом граничило с расколом и было своеобразным кривым зеркалом обновленчества. Ведь если обновленчество изначально задумывалось как некая «советская» церковь, то диссиденты 1960—1970-х ратовали за церковь «антисоветскую», то есть не запятнанную сотрудничеством с властью и партией и к тому же сильно модернизированную в экуменическом духе. Поэтому неудивительно, что Глеб Якунин пришёл в конце концов к созданию собственной так называемой «Апостольской православной церкви», а отзывы православных иерархов о творчестве о. Александра Меня крайне разноречивы (о. Иоанн Крестьянкин, не осуждая его лично, говорил: «Общаться с ним не надо, книгами его пользоваться не надо»).

Сейчас принято считать, что бесповоротные перемены в жизни СССР

начались сразу же после прихода к власти М. С. Горбачёва, ставшего генеральным секретарём ЦК КПСС 11 марта 1985 года, ровно за месяц до 75-летия о. Иоанна. Якобы именно с этого момента резко завершился брежневско-андроповско-черненко́вский «застой» и сразу же началась перестройка — грандиозное обновление во всех сферах жизни страны, в итоге приведшее к распаду СССР.

На самом деле такая картина является до предела упрощённой. Ни о какой перестройке речи поначалу не шло — 20 апреля 1985-го был выдвинут лозунг «Ускорение», закреплённый на XXVII съезде КПСС в феврале-марте 1986-го. О «Перестройке» же как о государственной политике речь зашла только в январе 1987-го на очередном Пленуме ЦК КПСС. Хотя и до этого в жизни страны наметился какой-то нездоровый сдвиг. Словами это было не выразить, скорее это было то, что называется «духом времени». Антиалкогольная кампания (май 1985-го), катастрофа на Чернобыльской АЭС (апрель 1986-го), трагедия пассажирского парохода «Адмирал Нахимов» (август 1986-го) и беспорядки в Алма-Ате (декабрь 1986-го) были восприняты как буревестники надвигающихся испытаний. А в 1987-м на страну действительно рухнул девятый вал новаций буквально во всех сферах жизни — от СМИ, начавших захлёб публиковать и показывать разоблачительные материалы о прошлом, до первых «кооператоров» и выхода на публичные сцены советских рок-групп.

Но при этом как-то забывается одна особенность перестройки: вплоть до 1988 года СССР оставался не просто атеистическим, а прямо антирелигиозным государством. Так, 24 ноября 1986-го во время выступления в Ташкенте Горбачёв заявил, что с «проявлениями религиозности» нужно вести решительную борьбу, а Глеб Якунин находился в ссылке до марта 1987-го. Продолжались и новые аресты — так, члена православной группы рижского поэта Владимира Френкеля арестовали в 1985-м. «В СССР и других социалистических странах пропаганда атеизма — часть коммунистического воспитания», — утверждали энциклопедические словари в конце десятилетия. И в общем-то ничего удивительного в этом не было. От коммунистической идеологии советское государство не отказывалось до последних месяцев своего существования, а борьба с религией всегда была одной из важнейших составляющих этой идеологии. Тем более что поначалу Горбачёв носился именно с идеей возвращения к «ленинским нормам», воспринимая перестройку как некую реинкарнацию революции, а значит, верующие могли ждать от государства чего угодно — вплоть до повторения хрущёвского безумия начала 1960-х.

Но Советский Союз конца 1980-х уже не был страной, которая могла позволить себе никак не реагировать на вызовы остального мира. В 1986-м случились не только Чернобыль и «Нахимов» — резко обрушились мировые цены на нефть, а благополучие Советского Союза во многом держалось именно на них. Срочно нужно было встраиваться в новую реальность, налаживать те связи, которые, казалось, были разорваны окончательно. А для этого требовалось проявить те качества, которые ценил западный мир — толерантность, терпимость, широту взглядов. К чему это привело, мы хорошо знаем, но тогда, в середине 1980-х, в Кремле надеялись, что внешняя «смена картинки», такая вторая версия НЭПа, широкая либерализация позволят стране выйти на новый уровень. Председатель Совета по делам религий в 1984—1989 годах К. М. Харчев свидетельствовал: «СССР к тому времени нужна была помощь Запада, так как у страны возникли проблемы с экономикой, начали всё больше и больше брать за рубежом деньги в долг. У руководства государства сформировалось мнение, что с точки зрения внешнеполитических задач и укрепления позиций КПСС внутри государства надо изменять политику в отношении Церкви». И в 1988-м с целью «освежения имиджа» СССР на мировой арене было принято решение широко отметить 1000-летие Крещения Руси. Впоследствии К. М. Харчев утверждал, что именно он «был инициатором идеи отпраздновать 1000-летие Крещения Руси как всероссийский праздник, как праздник не только Церкви, но и национальной культуры, празднование которого помогло бы единению верующих и неверующих, преодолению отчуждения между ними, но в ЦК КПСС были против, а М. С. Горбачёв поддержал». Собственно, именно с этого момента в государстве и начала меняться политика в отношении религии.

Изначально великий юбилей собиралась отмечать только Церковь. Создание юбилейной комиссии в 1980-м сопровождалось целым «залпом» издевательских статей в советской прессе под заголовками «А что будет праздновать русская церковь?», «А было ли “крещение Руси”?» и т. п. Но в раннегорбачёвское время подобное отношение уже не соответствовало внешнеполитическим задачам советской власти. И в июле 1986-го в Киеве, в мае 1987-го в Москве и в феврале 1988-го в Ленинграде прошли три международные конференции, посвящённые истории Русской Церкви; в августе 1987-го большой резонанс вызвала статья академика Б. В. Раушенбаха о значении Крещения Руси. С огромным интересом была воспринята премьера в Центральном доме художника картины Валерия Балабанова «Пловец», изображавшей отражающийся в воде бассейна

«Москва» храм Христа Спасителя, некогда стоявший на месте бассейна.

Именно в преддверии юбилея, 17 мая 1983 года, Церкви был передан московский Свято-Данилов монастырь, где разместились отдел внешних церковных сношений и Синодальная библиотека (изначально планировалось передать Церкви Донской монастырь; этим планам помешала смерть Брежнева). Верующие восприняли новость с энтузиазмом — ведь это был первый за долгие годы прецедент возвращения монастырских зданий. Вместе с тем монашескую общину в монастыре создавать не разрешалось. А четырьмя годами позднее власти запретили установку памятника преподобному Сергию Радонежскому, который должен был быть открыт 20 сентября 1987-го в подмосковном селе Городок. Программа «Время» 18 сентября гневно обрушилась на «безответственных религиозных экстремистов», «черносотенцев» и «обскурантов», желающих установить памятник «церковному мракобесу Сергию Радонежскому». Такую же информацию дали ведущие газеты. Только «Московская правда» от 18 сентября опубликовала доброжелательную статью о предстоящем событии, но уже на следующий день напечатала опровержение и покаялась в «идеологической диверсии»... Машину с памятником задержали на Ярославском шоссе офицеры милиции и КГБ в званиях не ниже капитана; автора памятника, скульптора Вячеслава Клыкова арестовали.

Но это были последние рецидивы антирелигиозного рвения. В ноябре того же года уже Генеральная ассамблея ЮНЕСКО настоятельно порекомендовала отметить 1000-летие Крещения Руси как «крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре». И уже 17 ноября 1987-го Церкви была передана закрытая в 1918-м Оптиная пустынь, месяц спустя появился первый в РСФСР женский монастырь, Введенский Толгский. Воздух времени менялся буквально на глазах.

С 28 по 31 марта 1988 года в Новодевичьем монастыре заседало Предсоборное Архиерейское Собрание. На нём были рассмотрены программа юбилейного Поместного Собора и проекты его документов. А 29 апреля 1988-го в Кремле состоялась встреча Горбачёва с Патриархом Пименом, на которой лидер СССР назвал 1000-летие Крещения Руси «знаменательной вехой на многовековом пути развития отечественной истории, культуры и русской государственности» и подчеркнул, что благодаря перестройке стало возможным более активное участие религиозных деятелей в жизни общества. Ровно через месяц, 29 мая, был открыт памятник Сергию Радонежскому — тому самому, которого ещё восемь месяцев назад власти называли «церковным мракобесом» (если

вдуматься — абсолютно бредовое сочетание слов!)...

Сами юбилейные торжества продолжались с 5 по 12 июня. На празднование 1000-летия Крещения Руси в Москву съехались члены Поместного Собора и 517 почётных гостей, среди которых были Патриархи Антиохийский Игнатий IV, Иерусалимский Диодор 1, Грузинский Илия II, Болгарский Максим, главы Кипрской Церкви — архиепископ Хризостом, Польской — митрополит Василий, Чехословацкой — митрополит Дорофей, Православной Церкви в Америке — митрополит Феодосий, и высокие инославные гости — кардиналы Агостино Казароли, Йозеф Глемп, архиепископ Кентерберийский Роберт Ранси, генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей Эмилио Кастро, Патриарх и Католикос всех армян Вазген I, митрополит Делийский Павел Мар Григорий, глава Коптской Церкви Патриарх Александрийский Шенуде III. В торжествах участвовали главы и представители нехристианских религиозных общин, общественные и политические деятели со всего мира. На Поместном Соборе, открывшемся в Троице-Сергиевой лавре 6 июня 1988 года, были прославлены в лике святых благоверный великий князь Московский Димитрий Донской, преподобный Андрей Рублёв, преподобный Максим Грек, святитель Макарий Московский, преподобный Паисий Величковский, блаженная Ксения Петербургская, святитель Игнатий Брянчанинов, преподобный Амвросий Оптинский, святитель Феофан Затворник...

1988—1991 годы принесли в жизнь верующих столько новшеств, сколько не приносили их все предыдущие годы, вместе взятые, начиная с 1917-го. Поэтому имеет смысл вспомнить каждый из этих перестроечных годов отдельно — ведь каждый из них так или иначе отражался на жизни насельников Псково-Печерской обители, и в частности о. Иоанна.

1988 год. Совет по делам религий при Совете министров СССР отменил положение о том, что молитвенные здания являются государственной собственностью. В СССР открыты более тысячи новых приходов. Увеличен приём абитуриентов в духовные семинарии. В Смоленске открыто первое межепархиальное духовное училище, затем такие училища созданы в Кишинёве, Чернигове, Ставрополе, Минске и Новосибирске. Создана инициативная группа по восстановлению храма Христа Спасителя.

1989 год. Утверждены рекомендации по взаимодействию мест лишения свободы с религиозными организациями и служителями культа. Открыты Киевская, Минская и Тобольская духовные семинарии. Начинают работу первые воскресные школы. Священнослужители впервые появляются на советском телевидении и радио, их приглашают выступить в

школах и вузах. Разрешается избирать их народными депутатами. 9—11 октября в Москве торжественно отмечено 400-летие учреждение Патриаршества на Руси. Создан «Фонд восстановления храма Христа Спасителя».

1990 год. По инициативе народного депутата Виктора Аксёвича (в начале десятилетия исключённого из аспирантуры МГУ за «религиозные убеждения») в РСФСР выходит Закон «О свободе вероисповеданий», разрешающий факультативное изучение религии в школах и запрещающий создавать органы госконтроля за религиозными организациями. Принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Он прекращал государственную поддержку атеизма, предоставлял религиозным организациям статус юридических лиц и разрешал им международные контакты без посредничества государства. Этот закон был принят уже при новом Патриархе — 3 мая на восьмидесятом году жизни ушёл из жизни владыка Пимен, преемником которого стал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

1991. Рождество Христово объявлено в СССР выходным днём; 4 сентября ликвидирован 4-й («церковный») отдел Управления по защите советского конституционного строя КГБ; 14 ноября упразднён Совет по делам религий при Совете министров СССР.

Это были впечатляющие шаги, говорившие о том, что жизнь страны изменилась безвозвратно. Впрочем, это понятно только сейчас, а тогда, в конце 1980-х, многие вполне серьёзно спрашивали у о. Иоанна, стоит ли реставрировать монастырские здания и храмы — ведь их в любой момент могут снова закрыть и отобрать назад?!. И это говорилось в 1989 году, уже после 1000-летия Крещения Руси, в разгар перестройки. Такова была инерция страха и недоверия, за десятилетия травли ввевшихся под кожу, как пороховая копоть.

Логика в такой недоверчивости была — наученные горьким опытом верующие понимали, что если советская власть предпринимает какие-то шаги, то делает это с конкретными и вполне прагматичными целями. И это действительно было так. Подоплёку резкого «потепления» государства по отношению к вере очень точно определил в интервью тот же К. М. Харчев: «В 80-х партия, наконец, осознала, что на подавлении религии будущего не построишь. Но если советскому государству не надо было прибегать к моральному авторитету церкви, так как его авторитет и так был непререкаемым среди трудящихся масс, то у нового государства, которое строил Горбачёв, ситуация оказалась противоположной. С крушением советского строя все старые ценности полетели к чёртовой бабушке.

Морального авторитета у государства не стало, оно оказалось вынужденным идти и занимать его, где только можно — в первую очередь у церкви — благо ценности там вечные». Многочисленные реверансы советской власти в сторону Церкви были просто судорожными попытками хоть как-то спасти безудержно сползающую в пропасть страну.

А самое главное — в вышеперечисленных актах речь ведь шла далеко не только о Русской Православной Церкви, но о «религиозных организациях» вообще. На практике это означало, что Церковь фактически ставилась в равные условия с представителями других конфессий, всевозможными сектами, проповедниками и раскольниками всех мастей. А это привело к тому, что на рубеже десятилетий множество людей оказалось погружено в подлинную духовную смуту, граничащую с хаосом.

...Для о. Иоанна 1000-летие Крещения Руси, как и для всей Церкви, началось задолго до 1988 года. И началось необычным образом. С весны 1984-го, возвращаясь с ранней литургии из Никольского храма, он начал явственно видеть траурное шествие царя Ивана IV с телом убитого им преподобномученика Корнилия. И не просто видеть, а участвовать в этом шествии. «Вот иду по “кровавой дорожке” и, прикрыв глаза, присоединяюсь к траурному шествию XVI века за царём Иоанном Грозным, несущим на своих руках обезглавленный труп Игумена нашего монастыря Корнилия. Ужас, скорбь, недоумение в сердце каждого, идущего в этом прискорбном шествии» — так описывал он свои чувства в письме. Позже видение начало повторяться и когда батюшка находился у так называемого Корнилиевского валуна. К чему бы всё это?.. Ответ пришёл после молитвы, в которой о. Иоанн попросил вразумления: в монастыре до сих пор нет храма, посвящённого игумену Корнилию. Мысль о его создании была одобрена на соборе старцев, обсуждавших, как именно будет отмечено в монастыре 1000-летие Крещения Руси. И 6 мая 1986-го Корнилиевский храм в Никольской башне был освящён. Так у о. Иоанна появилась в Псково-Печерском монастыре «своя» церковь. «Преподобномученик Корнилий, игумен нашей обители и её неусыпный страж у Престола Божия, учит нас не только своей жизнью, но и самой своей смертью и зовёт нас усердно трудиться над делом своего спасения, всегда украшать, всегда созидать, а не уничтожать то, что дано нам Богом. Не искать для себя ни славы земной, ни мученичества, а только идти по пути твёрдо и верно вслед Христа. Особой жизнью живёт Церковь в мире. Над славой Божией не властно ни время земное, ни вражьи силы. Труды и поты, и кровь, пролитые в XVI веке, проросли в XX веке церковью

Божией», — сказал о. Иоанн в своей проповеди на освящении храма.

Тогда же, в 1986-м, свидетели зафиксировали первые отзывы о. Иоанна на происходившие в стране перемены. Их было ещё совсем немного, ведь внешне почти всё сохранялось, как прежде. Но чуткому слуху и острому зрению старца смысл происходящего был, конечно, доступен. Так, на встрече с сёстрами Любавскими в апреле 1986-го он «вдруг похлопал нас по плечу и сказал сожалеюще: “До основанья, а затем...” Эту не совсем понятную тогда фразу он повторил ещё несколько раз. Лишь со временем я поняла, что она в тот день значила: отец Иоанн предсказывал грядущую ломку нашего государства». А во время посещения прихода в Даличине батюшка ответил на вопрос одного священника, можно ли считать Чернобыльскую катастрофу апокалипсической:

— Я бы не стал так прямо называть эту аварию на атомной станции прямым исполнением Апокалипсиса. Нужно очень осторожно относиться к толкованию Апокалипсиса, и не случайно Церковь не принимает очень многих его толкований. Есть толкования Апокалипсиса святого Андрея Кесарийского — вот это толкование Церковью принимается, его можно читать. Остальные — очень сомнительные!

С большим скепсисом воспринял о. Иоанн попытки некоторых священников возобновить практику индивидуальных исповедей (в советское время исповеди были общими). Открытие в СССР новых приходов — в 1986-м появилось около тридцати храмов, в основном на Дальнем Востоке и в Калининградской области, — радовало его, но одновременно внушало и опасение. Диякону о. Владимиру Василику батюшка сказал по этому поводу:

— В 1945 году, после победы, была эйфория: внешний враг разгромлен, внутренний с Церковью примирился. А потом, когда меня в 1950 году арестовали и показывали доносы и то, что прослушивали, стало ясно: напрасно радовались. Поэтому и сейчас осторожно надо. Осторожно, потихоньку, полегоньку...

Осенью 1986 года в разговоре с приезжими москвичами неожиданно всплыло имя Сталина. И столь же неожиданно батюшка попросил: «Не осуждайте его, Бог ему судья. А вы не будьте судьями». «Мне в тот момент было совершенно непонятно, почему Старец Иоанн обратил на это наше внимание, — вспоминал журналист и историк Л. Е. Болотин. — Мы ведь и не могли предполагать тогда, какая волна оголтелого антисталинизма в качестве уже официальной политики генерального секретаря ЦК КПСС начнёт подниматься в 1987—1989 годах, когда от “ускорения” перешли к

“перестройке”. Тем более этот духовный совет был удивителен в устах репрессированного, сидевшего». Конечно, такой ответ свидетельствовал не о каких-то симпатиях о. Иоанна к Сталину, а о следовании им евангельскому завету любить врагов своих и не судить, дабы не быть судимым. Напомним, что он и за своего следователя, ломавшего ему пальцы на руках, молился до последнего дня.

Лето 1988 года прошло в монастыре под знаком великих торжеств 1000-летия Крещения Руси. Состоялись торжественный крестный ход вокруг Михайловского собора и молебен по особому чинопоследованию, которое прислал из Москвы новый архиепископ Псковский и Порховский Владимир (Котляров). 12 июня о. Иоанн произнёс по поводу юбилея прочувствованное слово, где охарактеризовал церковную историю России, разделив её на семь периодов:

— Шестой период — от Первой мировой войны и донине. Этот период соответствует Тайне Причащения. Никогда русский народ, малое стадо, так искренне не соединялся с возлюбленным ему Христом как теперь, когда неверующие попирают святыни, когда князем мира сего попущено до времени опять явить свою силу и власть. И мрачный злой дух напрягается, но народ русский очищается и особенно омывается страданием подвигов жизни крестной, ещё яснее соединяющей его с Христом.

И даст Господь в седьмой период восполнить сосуды веры христианской и Сам освятит русский народ Своею благодатию, которая даёт силы во имя Сына Божия снова и снова свободно избирать людям Царство Божие — Царство Небесное — целью жизни на земле. И будет соответствовать этот период Святой Тайне Рукоположения. И станет русский народ священным народом, утренней звездой между народами.

...19 июля 1988 года произошли крупные перемены и во внутренней жизни обители. Определением Священного Синода наместник архимандрит Гавриил был назначен епископом Хабаровским и Владивостокским. Как и в случае с о. Алипием, закончилась целая эпоха в жизни монастыря — «гаврииловская».

На положении о. Иоанна перемены сказались немедленно — уже через неделю, 26 июля 1988 года, он был назначен братским духовником обители, сменив архимандрита Феофана (Молявко). В этой должности батюшка находился до апреля 1993-го. А в середине августа 1988-го на смену о. Гавриилу прибыл 36-летний архимандрит Павел (Пономарёв, род. 1952), до этого занимавший пост начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Вспоминает Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Заславский Павел: «Мне выделили келью в братском корпусе. В соседней келье проживал архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

В первый же день моего прибытия я познакомился с отцом Иоанном. Первое моё впечатление об отце Иоанне, как и обо всей братии, было самое доброе. Ровное, доброе, спокойное отношение успокоило меня. Не скрою, что волнение ощущал всю дорогу. Ведь это было моё первое посещение обители, да к тому же я постриженник другого монастыря.

Первое, что в обители произвело на меня впечатление, — простота. В отличие от Троице-Сергиевой Лавры, где я начинал своё служение в Церкви, мне бросилось в глаза то, что здесь братия приходит на обед не по полной форме, как в Лавре, а в подрясниках. В общении между собой всё гораздо проще, чем в Лавре. На территории обители гораздо меньше туристов.

Архимандрит Иоанн меня встретил радушно. Показал келью. Рассказал, где и когда совершаются службы, и высказал пожелание, чтобы я по возможности везде послужил. Первую Божественную Литургию я совершал в Никольском надвратном храме. Храм небольшой. Печеряне любят ходить в храм и молиться. И в этот раз храм был заполнен, хотя это был простой будничный день. К этому богослужению я не готовил проповедь, потому что, согласно расписанию, после запричастного стиха проповедовал очередной иеромонах.

После отпуста на Литургии произошёл очень важный для меня момент, который повлиял на дальнейшее моё служение. Я сделал отпуст, но народ стоял как вкопанный и никто не подходил к кресту. Я увидел у людей вопрошающие глаза. Они ожидали, что я им что-то скажу, но я не готовился к проповеди, поэтому обратился с простым приветствием и кратким наставлением. В это время я увидел жаждущие слова Божия лица людей. Они ловили каждое моё слово. Такого отношения к проповеди я не встречал на Западе ни до того, ни после. Увидев такую жажду слова Божиего, я сделал для себя вывод: не должно проходить ни одного богослужения без проповеди или хотя бы краткого приветствия и наставления.

Архимандрит Иоанн поблагодарил меня за проповедь и подтвердил мою мысль: люди ждут живого слова. Так началось моё знакомство и общение с отцом Иоанном. Его келья, его сердце были открыты для меня в любое время. Он выслушивал меня, давал советы, которые мне были очень важны. 27 августа, утром, состоялось заседание собора старцев, которое возглавлял архиепископ Псковский и Великолукский Владимир,

священноархимандрит Псково-Печерского монастыря. На этом соборе старцы избрали меня наместником монастыря. И с этого дня началась моя жизнь в обители в новом качестве.

Дел в обители было много. Вопросов и проблем было много. Поэтому я часто обращался к отцу Иоанну за советами. При этом я заметил, что отец Иоанн обладает особым качеством. Он не прерывает собеседника. Я ему говорю, говорю, а он всё молчит, молчит. Вначале я подумал, что он меня не слышит, или не хочет слышать, или считает, что я говорю не по делу. Но как только я заканчиваю говорить, он начинает отвечать, начиная с первого вопроса и до последнего. Причём он даже не нарушал последовательности вопросов. Как будто всё записывал на плёнку, а потом перематывал её, отвечая по порядку на все вопросы. Думаю, что это особый дар Божий.

Первая служба наместником начиналась для меня с большим волнением. Служили маститые старцы, архимандриты Иоанн, Александр, Нафанаил, Антипа, также другие иеромонахи. Стоя у Престола в алтаре, я предложил отцу Иоанну возглавить Литургию, но он взял мои руки своими, остановил и говорит: “Что вы, что вы! Вы теперь отец наместник. Вставайте и не волнуйтесь служите”. Поставил он меня перед Престолом, а сам встал справа».

В личной беседе с автором этих строк владыка Павел уточнил: эти фразы о. Иоанн произнёс твёрдо, сурово, даже жёстко. В принципиальных для него вопросах батюшка умел быть и таким. Первенство наместника для него было неоспоримо и естественно.

Продолжим цитировать воспоминания Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Минского и Заславского Павла: «В лице архимандрита Иоанна я видел искреннего молитвенника. В этот период жизни у него были проблемы со слухом. Не всегда работал слуховой аппарат. На всенощном бдении он стоял перед аналоем в алтаре или на слее и сам по книгам следил, что поют и читают в храме.

Отец Иоанн оказывал мне не только молитвенную и духовную поддержку, но и административную. Мы все видели в нём духоносного старца. Он был для всех высоким авторитетом, а я молодой и неопытный наместник, хотя тоже архимандрит.

В монастыре существовала практика — всё делать по благословению наместника, а если он в отъезде, то старшего архимандрита. Таким был архимандрит Иоанн. Были случаи, когда молодые иеромонахи и послушники, зная, что я новый человек в обители, обращались к отцу Иоанну за благословением на какое-то дело или поездку. Отец Иоанн их спрашивал: “А наместник вас благословил?” Они ему говорят: “Да что там

наместник, вы старец, вы наш духовник, вы и благословите”. Отец Иоанн очень твёрдо им всем говорил: “Вначале идите к наместнику. Если он благословит, приходите ко мне, и я вас благословлю. Но если наместник не благословит, я вас тоже не смогу благословить”.

Для меня такая позиция отца Иоанна была чрезвычайно важна и полезна. Таким образом он укреплял позицию наместника, поддерживал дисциплину в монастыре и правильно воспитывал насельников и трудников».

Новый наместник сразу же пришёлся по душе братии. Будучи полной противоположностью жёсткому архимандриту Гавриилу, архимандрит Павел привлекал к себе ровным, доброжелательным характером, мудрой взвешенностью суждений и поступков. Он сразу же отменил наложенный его предшественником запрет на посещения о. Иоанна. Одновременно была освобождена от послушания реставратора Татьяна Смирнова, отныне её единственной заботой был уход за о. Иоанном. Также к батюшке был приставлен ещё один помощник — монастырский эконо́м, тридцатилетний в ту пору о. Филарет (Кольцов, род. 1958). В обитель он пришёл в 1976-м, нёс послушание в трапезной, иподиако́нствовал у о. Гавриила, потом служил в армии, откуда уволился сержантом. Лёгкий на подъём, темпераментный, с чувством юмора, о. Филарет импонировал батюшке, который и сам был таким же. На о. Филарета была возложена «хозяйственная» сторона жизни батюшки, а также помощь при передвижении по монастырю, причём нередко ему приходилось выполнять функцию настоящего телохранителя.

С конца 1980-х людской поток в келии батюшки не иссякал уже вполне легально. Ушли в прошлое времена, когда он вынужден был принимать людей втихомолку, под лестницей братского корпуса. Именно с этого времени о. Иоанн Крестьянкин стал в глазах верующих не просто мудрым старцем — его воспринимали как одного из главных людей в Церкви, он заслужил негласный статус морального авторитета для всей взбаламученной страны. И нет ничего удивительного в том, что простодушные паломники, подходя к Святым вратам Печорской обители, спрашивали у привратника: «Здесь живёт святой Иоанн Кронштадтский?» Конечно, эта тут же разъяснявшаяся путаница была глубоко символичной и закономерной. В книге «Христов пастырь» архимандрит Тихон (Секретарёв) очень убедительно показал, что о. Иоанн Крестьянкин был прямым духовным наследником святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Ниже хотелось бы развить аналогию и показать преемственность

служения о. Иоанна со служением его любимого святого — преподобного Серафима Саровского. Начать можно хотя бы с того, что именно ему о. Иоанн посвятил свою дипломную работу в академии, именно в день преставления преподобного Серафима произнёс первую проповедь в храме, именно преподобный старец явился о. Иоанну в лагере и предрёк скорое освобождение. Большой портрет преподобного Серафима стоял на столике в келии о. Иоанна. На своём жизненном пути о. Иоанн встретился и близко подружился с двумя людьми, хранившими у себя связанные с преподобным Серафимом реликвии, — о. Сергием Орловым и о. Виктором Шиповальниковым; глубоко почитал преподобного Серафима и старец Серафим (Романцов), совершивший в 1966-м постриг батюшки. Но число подобных «совпадений» (ставим это слово в кавычки, поскольку у Бога совпадений не бывает) значительно больше. О нападении на о. Иоанна трёх разбойников в 1961-м, как и на о. Серафима в 1804-м, уже говорилось выше, а вот и другие факты. Оба великих подвижника рано лишились отцов (о. Иоанн — когда ему было два года, о. Серафим — шесть лет). Оба были необычайно смиренными и простыми на вид людьми. В келиях обоих на видном месте стоял гроб (как писал преподобный Исаак Сирий, «если помышление о смерти укоренится в человеке, то ум его не остаётся уже более в стране обольщения»). Обоих на входе в келию ожидала толпа людей, мечтавших если не обмолвиться словом, то хотя бы получить благословение. Всех приходящих к ним оба старца встречали с необычайной радостью и лаской, с возгласом «Христос воскрес» («Вот какая была у него любовь к людям! — вспоминал побывавший у Серафима Саровского офицер. — Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге»; то же самое мог сказать любой, побывавший у о. Иоанна). Гостей оба старца одаривали съедобными гостинцами (преподобный Серафим — сухариками, о. Иоанн — конфетами). Преподобного Серафима его биографы называли земным ангелом и небесным человеком; затем это определение, изначально относившееся к преподобному Сергию Радонежскому, вполне законно перешло к о. Иоанну. И наконец, обоих посещал в келии глава государства...

А вот что писал в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» священномученик митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов, 1856—1937): «Можно сказать без преувеличения, что вся Россия в то время знала и чтит о. Серафима; по крайней мере слух о великом подвижнике ходил повсюду. Известные подвижники, одновременно с ним жившие, по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другим делали отзывы о нём самые возвышенные, ибо все смотрели на

него, “яко на град, вверху горы стоящий”. Священники и архиереи Православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику». В этой цитате вполне можно заменить имя о. Серафима на о. Иоанна, а слово «Саровский» на «Печерский» — и больше не менять ни одной запятой.

...В смутные годы резко увеличилось и число писем, которые получал о. Иоанн, — с 1988 года они приходили в Печоры вполне официально, по городской почте, а не с оказиями. И в большинстве писем — вопросы растерянных, потерявших себя в хаосе конца 1980-х людей: что делать? Как жить? Как спастись?.. Те же вопросы задавали и при личном общении. Другие, напротив, не задавали никаких вопросов, а сами пытались рассказать батюшке о неизбежном скором конце света, пришествии Антихриста, о том, что именно его «церковь» (секта, группа) — самая правильная. В письмах о. Иоанн с тревогой отмечал: «В последнее время к нам стало обращаться много людей с откровенными признаками беснования».

Ещё в самом начале перестройки батюшке время от времени приходилось давать отповеди попыткам ревизии основ Церкви. Так, 27 мая 1985 года он написал большое письмо А. В. Ведерникову с разбором книги П. К. Иванова «Тайна святых, или Введение в Апокалипсис», первое издание которой вышло в Париже в 1949-м. «Вы-то знаете, какое трудное время переживает Церковь, сколько измышлений и сектантства родилось на свет, — писал батюшка своему давнему другу и преподавателю. — Но *созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют Её. И кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает*. А мы с Вами призваны собирать, и от души жаль увлечённых в соблазн свободомыслия и непослушания Истине. Жаль тех, в ком посеются этой книгой семена сомнения и разврата, ведь при отсутствии должного живого религиозного опыта и жизни во Христе и в Церкви — это так легко может произойти.

Вот Вам пример сразу из живого религиозного опыта и живого попечения о чадах Своих Господа и Его святых. Перед тем, как получить от Вас вопрос об этой книге, приходит юноша и подаёт мне эту книгу и спрашивает, можно ли ему её читать? Откуда у него это чувство? Он ещё только у врат Церкви. Но дал ему Дух благий и правый мысль благу и чувство опасности близ него. А у скольких людей возникнет это чувство, но не у кого будет спросить, и они выпьют чашу до дна и яд начнёт свою разрушительную работу». К сожалению, с началом перестройки подобная литература хлынула на прилавки валом. И смущённые, запутавшиеся люди

зачастую начинали знакомство с Церковью именно с таких книг — доступных, дешёвых, популярно «объяснявших» сложные вещи... А потом осаждали батюшку с, казалось бы, элементарными вопросами.

Впрочем, в то время даже на самые привычные и понятные вещи смотреть приходилось «новыми» глазами, оттого и спрашивали люди обо всём. Вот сделанная Ниной Павловой зарисовка общения о. Иоанна с паломниками осенью 1988 года — первого, когда ему было официально разрешено это общение:

«Тепло, небо синее, а клёны светятся таким золотым сиянием, будто это не кроны, а нимбы над храмами. Монастырское начальство вызвали в Москву, и архимандрит Иоанн (Крестьянкин) говорит, выйдя из храма:

— Ну вот, начальство от нас уехало. Остались только мы, чёрные головешки.

Батюшку, как всегда, окружает народ, и короткая дорога до кельи превращается в двухчасовую беседу. Кто-то ему приносит стул, мы рассаживаемся у его ног на траве. И вопросы идут за вопросами:

— Батюшка, что такое перестройка?

— Перестройка? Перепалка-перестрелка.

— Батюшка, благословите нас с мамой переехать в Эстонию. Мы в Тапу хороший обмен нашли.

— Как в Эстонию? Вы что, за границей хотите жить?

Слушаю и недоумеваю: ну, какая же Эстония за граница? А перестройка — это... Это же время митингов, восторга и опьянения свободой. Но каким же горьким было похмелье, когда обнищала и распалась великая держава. Эстония стала за границей». Кстати, о том, что Эстония вскоре станет независимой, о. Иоанн говорил в 1988 году неоднократно. Так, когда открывали подворье Пюхтицкого монастыря в Ленинграде, он высказывал желание, чтобы дело делалось побыстрее: «Скоро Эстония отколетя, так в России у монастыря хотя бы уголок будет»...

Происходящее в целом в стране о. Иоанн оценивал по-разному, учитывая и минусы, и плюсы. Насельнику Оптиной пустыни иеромонаху Мелхиседеку (Артюхину), посетовавшему на дух пессимизма и смуты в людских умах, он ответил так:

— У нас в настоящее время такая обстановка в церковной жизни, которой не было никогда за всё время существования Русской Православной Церкви. Такая свобода в Церкви, сам только отдавайся Богу. Ни при Священном Синоде, ни после него не было ещё такой обстановки. Открываются семинарии, академии, издаётся столько духовной

литературы. Можно сказать, купаемся в благодати.

— А многие говорят, что Москва стала каким-то Вавилоном, — возразил иеромонах.

— Ну какой же это Вавилон! Москву издавна называли сорок сороков, и сейчас, когда в Москве столько храмов, столько открытых монастырей, столько святынь, мощей и чудотворных икон, разве можно Москву с её святынями назвать вторым Вавилоном? Нет, по духу, можно сказать, это второй Иерусалим.

Для неуверенного в себе и других брата о. Иоанн нашёл точные, придавшие ему бодрости слова, чётко разграничив, как в юности, Москву земную и Москву небесную. Но, видя все положительные стороны времени, в то же время он скорбел о духовной пустыне, по которой скиталось множество народу. «70 лет плена не могли не наложить отпечатка на людей, — писал он. — Плен-то миновал, да новая беда на пороге — свобода и вседозволенность всякому злу». Одной из своих корреспонденток, деливших с ним печалью, он отвечал: «Ая бы поведал тебе ещё больше известий о “новшествах” современной церковной и гражданской жизни. И знаю я это не из мутных потоков средств массовой информации, а из первоисточников — изболевших, исстрадавшихся сердец. Какие кресты несут люди, на какой невообразимый Крест взошла Россия! А жить надо, и живым в гроб не ляжешь, и с Богом не поспоришь и Ему не предъявишь обвинительный акт в попущении на земле беззаконий, беспредела». А другой женщине советовал в письме: «Жизнь сейчас трудная, шквал устрашающей информации расшатывает и без того хрупкое равновесие. Чтобы на эти от врага возбуждаемые бури мы не реагировали так болезненно, надо твёрдо верить, что миром правит только Бог, и стараться, елико возможно, жить по заповедям Божиим». «Храмы открываются, а души закрываются; и кто откроет их?» — на этот печальный вопрос, заданный батюшкой в 1988-м, ответа не было даже у него — прозорливца...

Особенно беспокоили батюшку те «извращение истинного христианства и подмена его ложным», которые с пугающей быстротой начали овладевать людьми, — он считал это «самым страшным способом богоборчества и уничтожения Православной Церкви». «Евангелие, которое ныне известно всем, становится объектом личного переосмысления, перетолковывания, всяческих измышлений на основе слова Божия, — писал он. — Присваивая себе имя христиан, обрушиваются на Церковь еретичествовавшие служители сатаны. Они возвещают вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа. <...> Теперь наступают

такие дни, что имя христианское слышится повсюду, храмов открывается даже больше, чем можно найти молящихся. Но не будем спешить радоваться. Ведь как часто это только видимость, ибо внутри уже нет духа христианского, духа любви, Духа Божия». С душевной скорбью свидетельствовал о. Иоанн и о том, что «духи-обольстители и учения бесовские уже явно проникли в церковную среду. Священнослужители, народ церковный, попуская себе ходить в жизни в похотях сердец своих, одновременно молясь Богу и работая греху, получают за это должное воздаяние. Бог их не слышит, а диавол, не связанный силой Божией, творит через обольщённых свои непотребные дела».

Бесценную запись в конце 1980-х годов сделала ленинградка Ольга Борисовна Сокурова, кандидат искусствоведения, впервые увидевшая батюшку в 1976-м. Она дословно записала беседу о. Иоанна с паломниками — беседу, которая и сейчас звучит актуально и может быть воспринята как своего рода духовное завещание батюшки. Несмотря на обширность этой записи, приведём её здесь полностью:

— Мир идёт к концу, разрушается. В нём действуют тайные силы — фермент этого разрушения, идущего от сатаны. Они существуют уже тысячи и тысячи лет. Но — Господь попустил, и допрашивать Его о Его планах мы не можем. Сегодня во всех точках планеты полыхает огромный костёр зла. Хорошо, если мы не подбрасываем в этот костёр собственных вязанок. Единственное, что требуется от каждого из нас, — в мире тьмы хранить и нести лучик света. Важно утверждать положительные ценности, это и есть главный вклад в защиту нашей православной культуры.

Нельзя идти на напрасные жертвы, если Господь не призвал. Главная опасность: за своевольным мужеством может скрываться утончённая гордость. В таких случаях борьба всегда кончается поражением, несёт вред и сопровождается тяжкими духовными и телесными падениями.

Берегите величайший дар жизни. Не кладите голову в пасть Веельзевула. «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (а не как симпатичные морские свинки, которые сами устремляются к удаву в пасть). Всё надо делать с пользой и рассуждением, во всём ясно видеть позитивную цель.

Не надо шуметь. Не надо вести себя вызывающе, а то получится как в басне: «Ай, моська, знать она сильна, коль лает на слона». Не надо рассчитывать только на свои личные силы. Господь призовет — тогда иди на подвиг исповедания.

Помните.

Рассуждение важнее всего.

Терпение нужнее всего.

Молчание хорошо.

Многоречие хуже всего. Лучше быть обидимым, чем обидчиком. Святой Амвросий Оптинский часто повторял: «Надо жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем моё почтение».

С нас спросят прежде всего не за то, что мы писали или чему учили, но — как мы жили, что делали, и будут засчитывать нам дела добрые, чистоту совести. Конечно, своей совестью нельзя торговать ни при каких обстоятельствах и внешних условиях.

Писатель А. Франс: «Мир гибнет потому, что Веельзевул внушил людям, что его нет». Это меткое замечание. Современные люди весьма беспечны и попадают в сети лукавого.

Сейчас мы находимся в плену — худшем, чем татарское иго. Видимые власти — только исполнители, а над ними градусы и степени. Повсюду царит язычество — гораздо худшее, чем в древние времена. Ибо старое язычество было полно веры — только в ложных богов. Новое язычество — циничное неверие, нигилизм, идолопоклонство самим себе.

Нас унижают и в чём только не обвиняют. Что же, оправдываться, доказывать, что это не так? Сейчас главное — выдержка. «Терпением вашим спасайте души ваши». Не путайте, это не малодушие, не трусость. Быть может, это высшее, самое трудное и самое твёрдое мужество.

Один прозорливый старец (Нил Мироточивый) предсказывал: «Настанет время, когда год будет как месяц, месяц как неделя, неделя как день, а день как минута».

Колесо жизни вращается всё быстрее. На каждой спице колеса — живой человек. Чуть ослабеет — сорвётся с колеса, а перенапряжёт силы — разорвётся его сердце. Учитесь не ослабевать и не перенапрягаться.

Страшно предстать перед Господом с немирной душой.

Выдержка, выдержка и ещё раз выдержка.

Итак: терпение и хранение уст. Буду усиленно молиться.

А в одном из писем батюшка прозорливо замечал: «Время, в которое привёл нас жить Господь, наисмутнейшее, — смущение, смятение и неразбериха колеблют непоколебимое, но это ещё не конец. Впереди ещё более сложные времена. А Церковь по обетованию Спасителя будет жить и совершать своё служение великое и спасительное до последнего дня жизни мира...»

...Несмотря на то что после юбилея Крещения Руси отношение к Церкви у государства изменилось, перемены эти были во многом

внешними. В «перестроечном» 1988 году в СССР насчитывалось 6893 прихода и 6674 священника — то есть меньше, чем в 1963-м, в разгар хрущёвских гонений, не говоря уж о послевоенных годах. Коммунистическая идеология никуда не делась, и уполномоченные Совета по делам религий продолжали бдить за тем, чтобы степень свободы служителей Церкви не превышала установленного в Кремле лимита. Поэтому когда ясным, солнечным декабрьским днём 1988-го в Псково-Печерский монастырь внезапно нагрянула нежданная делегация из Москвы, наместник сразу понял: быть беде. Дело в том, что на Святой Горке как раз начали строить часовню в честь Собора Псково-Печерских святых. Поскольку строили из дерева, разрешения в ВООПиКе (Всесоюзном обществе охраны памятников истории и культуры) на это не брали. Но формально любое строительство или ремонт на территории историко-культурного объекта, каковым числился древний монастырь, могли начинаться только с санкции этого органа. Отсутствие такой санкции могло послужить прекрасным поводом для каких угодно взысканий.

Монаху-экскурсоводу отец наместник дал распоряжение подольше показывать гостям Богом зданные пещеры — авось на Святую Г орку просто не хватит сил и времени. Но глава делегации сразу же заявил, что пещеры уже видел, а вот Святая Горка и библиотека его очень интересуют. Стало окончательно ясно, что комиссия приехала по чьей-то «наводке» — библиотеку тоже ремонтировали, и тоже без санкции ВООПиКа.

Наместник распорядился показывать и рассказывать обо всём, что пожелают члены делегации, а потом вести их на обед. А сам, не мешкая, бросился в келию о. Иоанна:

— Батюшка, кто-то на нас донёс! Приехала комиссия из Москвы. Их сопровождает уполномоченный. Они пошли в библиотеку и на Святую Г орку. Батюшка, помолитесь, а я пойду к эконому и скажу, чтобы рабочих убрал с объекта.

О. Иоанн без лишних слов надел епитрахиль и тут же встал на молитву. А архимандрит Павел приказал монастырскому эконому о. Филарету убрать со строительства часовни рабочих. Это заняло буквально пару минут. Вышел из братского корпуса на Успенскую площадь... и увидел, что солнечный тихий денёк сменился настоящей снежной бурей. По площади мела метель, а снег валил такой, что в десяти метрах ничего не было видно.

Вспоминает Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Заславский Павел: «Входят члены делегации. Все в снегу. Ругают погоду на чём свет стоит и, конечно, псковский климат. Сели за стол. После

закусок подали первое, и все обратили внимание, что за окном просветлело. Снег прекратился, и через несколько минут засияло солнце. Опять все стали говорить о причудах псковского климата.

Я предложил им вновь пойти на Святую Горку, потому что, с их слов, они толком ничего не успели там рассмотреть, так как снег забивал им глаза, но они категорично отказались. За столом было теплее».

Год 1989-й ознаменовался тем, что 5 февраля о. Иоанн подал заявление о своей реабилитации — он ведь так и оставался «досрочно освобождённым», с которого не сняли вины. Поскольку «реабилитанс» горбачёвской поры носил массовый характер, уже 15 июня того же года батюшка был реабилитирован. Но — характерная деталь эпохи — самому о. Иоанну об этом так и не удосужились сообщить!.. В итоге он пребывал в убеждении, что его прошение то ли затерялось, то ли просто не было удостоено ответом. Лишь в 2005-м, когда по настоянию наместника монастыря ходатайство было возобновлено, обнаружилось, что о. Иоанн давным-давно реабилитирован, о чём ему прислали соответствующую бумагу...

24 апреля 1989-го батюшка был награждён вторым наперсным крестом с украшением. В аттестации на награду наместник архимандрит Павел указывал: «Пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди братии обители, духовенства и верующих людей. С особым благоговением совершает богослужение. Является прекрасным проповедником слова Божия и учителем благочестия. Своей высоконравственной и трезвой жизнью руководит и ведёт ко спасению всех приходящих и обращающихся к нему людей».

А за стенами обители между тем ширился поток преобразований, безвозвратно менявших страну и общество. Одним из самых модных понятий стала «гласность», под которой чаще всего подразумевалась свобода публикации в СМИ всяческой «чернухи», клеветы и откровенной лжи. О. Иоанн с недоумением и огорчением узнал, что и его имя используют в корыстных целях нечистые на руку люди. Так, в одном из московских ротапринтных журналов он обнаружил статью «Письмо священнику», подписанную его собственным именем. Пришлось составлять специальное письмо на имя Псковского владыки Владимира, где о. Иоанн объяснял, что не имеет к публикации ни малейшего отношения.

Весной о. Иоанну предложили совершить паломничество в Иерусалим. Но здоровье 79-летнего человека уже не позволяло предпринимать такие поездки, и 9 мая 1989-го батюшка послал на имя главы Отдела внешних церковных сношений митрополита Минского и

Слуцкого Филарета (Вахромеева) письмо, где с грустью разъяснял причины своего отказа: «Нынешнее моё физическое состояние подрезает крылышки душе, дерзнувшей осуществить желаемое. Простите, вряд ли возможно для меня сейчас столь дальнее путешествие-паломничество, и тем более в это время года. Пережитые дни Страстной и Светлой седмиц так явственно заявили, что силы мои убывают, а восстанавливаются только в довольно длительном отдыхе». Да и более близкие путешествия были уже тяжелы. Даже на просьбу старого друга епископа Волоколамского Питирима посетить освящение нового храма в Иосифо-Волоколамском монастыре батюшка вынужден был отвечать отказом. «Получил, и порадовался, и погрустил, — писал он владыке Питириму. — Порадовался, что ещё открываются Божии храмы, а погрустил, что не могу принять участие в столь великом торжестве. Курс лечения, который я прохожу сейчас, уже начат, а общее состояние моё требует, чтобы я прошёл его до конца. Круглосуточное многолюдие каждого года начинает сказываться всё ощутимее и верно ещё усугубляется бременем лет, ведь мне идёт 80-й год, и теперь без месячного затвора-отдыха, и лечения, и уединения в лоне природы не хватает моих сил, чтобы совершать благословенное мне дело — служение людям».

Месячный затвор-отдых, о котором шла речь в этом письме, — это единственный возможный для батюшки недлинный вояж в эстонское село Вярска (по-русски оно когда-то называлось Верхоустье), в тридцати километрах от Печор. Там он начал бывать ежегодно с лета 1985-го. Вярска находится на западном берегу Псковского озера, в непосредственной близости от границы с Россией. Место очень живописное и, главное, тихое: в то время там почти не было туристов. В Вярске о. Иоанн селился в маленьком одноэтажном домике по адресу улица Силла (Silla), 1. Там жил диакон местного храма о. Михаил, очень любивший и почитавший батюшку; его семья занимала половину дома, а вторую предоставляли о. Иоанну.

Просыпаясь в Вярске по утрам, о. Иоанн первым делом уходил в предрассветный, окутанный туманом лес, чтобы встретить восход солнца на поле, за чтением акафиста «Слава Богу за всё». «Слава Тебе, показавшему нам свет!» — слышали его спутники... Возвращались после молитв уже через оживший лес, под перекличку птиц. Днём старец обычно уединялся на опушке леса с книгой, а келейницы поодаль собирали грибы или ягоды. Однажды к о. Иоанну подошла отделившаяся от стада овечка и дважды ласково лизнула его в лицо, а он в ответ так же ласково поцеловал её в лобик. И рассказал, как в детстве, в Орле, во время детской игры к

нему точно так же приблизился барашек с позолоченными, как ему показалось, рожками и «поцеловал» в щёку. Родные тогда восприняли это за знак того, что Ваня станет священником, что и произошло.

Вообще животные, как и люди, тянулись к о. Иоанну словно сами собой, неосознанно, а он их обожал ещё с детства. В Летове любил брать в руки новорождённых гусят, обязательно спросив при этом разрешения у гусыни. Завидев телёнка, шёл к нему, гладил, долго говорил ему что-то. В монастыре с удовольствием кормил лошадей. А в Вярске у него был любимый пёс, курчавый и лохматый настолько, что не было видно глаз, — Нопи. Батюшка подолгу играл с ним, разговаривал, и было полное ощущение того, что Нопи понимает обращённые к нему слова.

— Я ведь горожанин, и как мне радостно видеть всё это живое, ведь этого я в жизни мало видел, — объяснял о. Иоанн.

Конечно, были и беседы с местными жителями. Вспоминает Т. С. Смирнова: «На опушке леса в эстонском посёлке ждали встречи с девяностолетним старцем отцом Иоанном мужики, потерявшие в жизни ориентиры, — пьяницы и изгои общества. Они поджидали выхода батюшки на вечерние прогулки по лесу. Когда он появлялся, один из них отделялся от этой жалкой компании и устремлялся навстречу.

Батюшка движением руки отсылал нас вперёд. Отойдя на почтительное расстояние, оглядываясь, мы видели трогательную сцену. Отец Иоанн, склонившись, целовал голову стоящего перед ним на коленях бедолаги, и между ними начиналась неслышная длительная беседа».

На отдых обычно везли с собой множество духовных книг, и читал батюшка почти непрерывно. Время от времени он подзывал близких, чтобы прочесть какой-то особенно впечатливший фрагмент вместе. «За отпуск прочитывались все каноны Матери Божией, которые в течение года читаются на повечерии, — вспоминает Т. С. Смирнова. — Все праздничные службы он совершал и в отпуске, только литургию заменял обедней. Причащались по праздникам взятыми из монастыря запасными Дарами».

Однажды среди бела дня отдыхающих застал в лесу проливной дождь. Стена воды была такой, что вблизи не разглядеть очертаний предметов. О. Иоанн со спутниками укрылись под каким-то навесом.

— Господь показывает нам, как начинался Всемирный потоп, — раздался голос старца.

Ливень прекратился так же внезапно, как кончился. Едва успели добраться до дома, как с неба посыпались градины величиной с вишню. Через несколько минут, когда град кончился и выглянуло солнце, все вышли наружу и замерли от восторга: лес и земля были словно пропитаны

золотом изнутри, искрились и сияли, как бриллиантовые.

— Так будет перед вторым и славным пришествием Господним, — произнёс о. Иоанн.

Вярска стала постоянным летним «домом отдыха» для батюшки на протяжении восемнадцати лет. Обычно он проводил там два месяца, с середины июня по середину августа. 13 июля в посёлке отмечался День Ангела о. Иоанна, в это время его навещали многочисленные гости.

...Осенью 1989 года во время всенощного бдения в Михайловском соборе к батюшке тихонько подошёл отец наместник архимандрит Павел.

— Батюшка, у меня есть предложение и вопрос. К нам в монастырь приходит много детей. А что, если нам открыть в обители воскресную школу и учить детей Закону Божьему?

О. Иоанн задумался.

— А вы не боитесь? Вас за это могут взгреть, а могут и выгнать.

Наместник коротко изложил свои доводы в пользу нововведения, но заметил, что со стороны псковского уполномоченного Совета по делам религий действительно могут быть возражения. Старец сказал, что нужно всё серьёзно взвесить и хорошо подумать. А после полиелея сам подошёл к наместнику:

— Отец наместник, ваше предложение очень хорошее, но опасное. Давайте сделаем так: вы и я сегодня ночью помолимся. Завтра мы послужим Божественную Литургию, причастимся Святых Христовых Таин, а потом я вам скажу своё мнение.

Так и сделали. На следующий день просветлённый, радостный батюшка подошёл к наместнику:

— Знаете, отец наместник, открытие воскресной школы для детей — очень важное дело. На это есть благословение Божие. Всё у нас будет хорошо.

Архимандрит Павел переговорил с уполномоченным — и не встретил никаких препятствий. Уже спустя неделю в Сретенском храме монастыря прошло первое занятие воскресной школы.

3 мая 1990 года в Москве скончался Патриарх Пимен. О. Иоанн глубоко скорбел, получив горестное известие. Он хорошо знал Святейшего владыку лично, любил его, называл «последним православным патриархом». На Поместный Собор, который должен был избрать нового Патриарха, уезжал наместник монастыря. Перед поездкой он зашёл к батюшке для благословения и напутствия. И тогда старец усадил архимандрита Павла на свой диванчик и рассказал о том, что произошло с ним два дня назад.

— Я отслужил Литургию. Пришёл в келию. Немного, думаю, отдохну. И, не снимая мантии, сел на диван. Облокотился на спинку, вдруг, как в каком-то лёгком сне, вижу, что на месте кровати стоит Святейший Патриарх Тихон. Рядом с ним стоит митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер).

У Патриарха Тихона от пола и до потолка большой тяжёлый жезл. Он его держит и, обращаясь к мне, говорит: «Вот видишь, какой тяжёлый патриарший жезл, — и при этом сделал попытку поднять его. — Никто из архиереев не сможет поднять его, кроме митрополита Алексия», — и передаёт ему жезл.

Как только митрополит Алексей взял жезл, он у него сразу же стал раскручиваться, раскручиваться. От него начали отвинчиваться какие-то мелкие детали, и он становился всё меньше и меньше. На этом видение прошло.

В беседе с автором этих строк владыка Павел добавил: ни малейшего сомнения в том, что о. Иоанн говорит о том, что *действительно было*, у него не возникло.

Смысл видения стал понятен, когда новым Патриархом Московским и всея Руси был избран именно Алексей II (Ридигер, 1929—2008). «Бог даровал нам ещё одного православного Патриарха», — радовался тогда о. Иоанн. А почему от его жезла отсоединились маленькие детали, сам батюшка пояснил два года спустя: «Автономные церкви, которые при Патриархе Алексии II получили статус самостоятельности: Украина, Беларусь, Молдова и Прибалтика».

Представители одной такой церкви ввалились в келию о. Иоанна втроём — рослые, сытые, нестеснительные. Зажав батюшку с обеих сторон на диванчике, они с украинским акцентом повели громкоголосый разговор о том, что нужно спастись от грядущей «печати Антихриста» и реалий современной жизни, вредной для духовного человека, а спастись-де нужно непременно в глухих лесах. О. Иоанн какое-то время слушал, не перебивая, а потом начал задавать вопросы:

— Как в леса-то поедem? Тоже, как и к нам, на машинах?

Священники, приехавшие в Россию на дорогах иномарках, неуверенно кивнули.

— Придётся в лесах-то дороги строить. А кого планируете взять в леса? Таню, Маню и Параню? Таня будет на клиросе пиццать, Маня кашу варить, а Параня порты стирать? А остальных вверенных нам Богом прихожан кому оставим?

Священники переглянулись. Но о. Иоанн не отступал:

— Дорогие, а телевизор-то смотрим?

— Ну как же не смотреть, ведь надо знать, что в мире делается.

— Ну вот, придётся в лесах и телевизионную вышку ставить. А во время службы-то на часики посматриваете, чтобы успеть домой к хоккею, футболу, фигурному катанию или сериалу?

— Посматриваем, — покраснев, сознались гости.

— А программки после двенадцати посматриваете? — очень тихо спросил батюшка после паузы.

И без того красные священники стали просто пунцовыми и чуть слышно выдавили из себя «Да».

— Отцы, вам не надо бежать в леса и страшиться будущей печати. У меня этой печати ещё нет, я пока жизнью своей делаю выбор, а у вас она уже стоит. И выбор её вы подтверждаете ежедневно с желанием и любовью. Ничто божественное уже не войдёт в души ваши сквозь то, чем заняты ваши сердца сейчас. Они накрепко запечатываются вашим отношением к жизни и служению.

Украинские священники встали и, еле слышно попросив молитв, вышли. И на этот раз не было ни окропления святой водой, ни помазывания маслицем, ни сладких гостинцев в дорогу, «чтобы подсластить жизнь»...

«Расколы противны единству во Христе, — говорил в одной из проповедей этих лет о. Иоанн. — А на месте, освящённом многомученической кровию православных за веру, воздвигают новые престолы — и Русская зарубежная церковь, и Автокефальная украинская церковь. Они зовут на борьбу с Православием унию и католичество. И ересь Богородичного центра заявляет свои права на владение истиной». В другой проповеди батюшка указывал на большое количество «новых верующих», которые массово кинулись в Церковь и почти «затоптали» верующих «старых»: «И если прежде во все времена еретики обнаруживали себя явно, то ныне Церковь наполнена еретиками скрытыми. Это все те, кто приходят в Церковь, но неправо мыслят о ней, о вере, о Боге».

Отсоединялись не только церкви — сам Советский Союз трещал по швам. 1990 год ознаменовался так называемым «парадом суверенитетов», когда одна за другой объявляли о своей самостоятельности республики СССР. В связи с этим многие события, которым раньше не придали бы значения, приобретали поистине промыслительный оттенок. Так получилось, к примеру, с возвращением из Эстонии в Печоры вывезенной во время войны из обители бесценной библиотеки. В беседе с автором этих строк Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и

Заславский Павел рассказал, что произошло это спонтанно: просто попробовали вернуть и... получилось. Забирали библиотеку из Тарту 22 марта 1991 года. Событие широко освещалось прессой, стало радостной и важной вехой в истории монастыря — ещё бы, ведь на родину возвращались ценнейшие богослужебные книги и рукописи времён преподобномученика Корнилия. А уже год спустя такое вряд ли было бы возможно.

По мере того как терпела крах пресловутая перестройка, а фигура Горбачёва, к тому времени уже Президента СССР, начинала вызывать в людях не надежду на перемены, а в лучшем случае насмешки, в худшем — злобу, снижался и без того невысокий уровень жизни в стране. К примеру, в Печорах, где и раньше в магазинах не было ничего, кроме плохо выпеченного хлеба и перловки, теперь пропало вообще всё. В октябре 1990-го на продукты были введены талоны, но и по ним купить было нечего. Зато в изобилии появился на полках дешёвый спирт. Одно за другим прекращали работу местные предприятия, и выброшенные на улицу люди становились лёгкой добычей алкоголя. В январе 1991-го состоялась так называемая «павловская реформа» (по имени премьер-министра В. С. Павлова) — обмен 50-рублёвых и 100-рублёвых купюр, а в апреле того же года втрое выросли цены на транспорт и товары широкого потребления. Но инфляцию это сдержать уже не могло...

Мутные волны тяжёлой, развращённой жизни перехлёстывали и через стены Псково-Печерской обители. Уже и туда проникали и телевидение, по которому шли «Прожектор перестройки», «Взгляд» и «600 секунд», и «видик» с ранее запретными западными фильмами, и разнузданная перестроечная пресса, на чтение которой иные священнослужители тратили времени больше, чем на Евангелие. Батюшку это временами приводило в ужас; сохранились свидетельства о том, что он плакал при виде того, что происходит, повторял слова святителя Поликарпа Смирнского: «Господи, как Ты допустил меня дожить до такого времени?» И тем не менее монастырь, этот бастион православия, видевший на своём веку всякое, продолжал жить. Работала воскресная школа, открылся детский хор, стараниями архимандрита Павла была основана служба милосердия, обслуживавшая на дому инвалидов и немощных; на территории обители был построен двухэтажный лазарет... Кстати, его городские власти в одном из последних приступов богоборчества приказали снести — всё под тем же предлогом: любые новые постройки на территории памятника культуры и истории запрещены. И отец наместник согласился, но заметил, что без молитвы в монастыре ничего не делается, а

потому он созовёт верующих со всех Печор, и снос корпуса пойдёт под пение акафиста. Тут уж власти включили задний ход, испугавшись массовых протестов.

14 ноября 1989 года в московском Центральном доме архитектора прошёл вечер «Неугасимая лампада», посвящённый истории Псково-Печерского монастыря, а 23 августа 1990-го в присутствии Патриарха Алексия II открылась одноимённая выставка. Это были первые и последние мероприятия всесоюзного масштаба, посвящённые Псково-Печерской обители. Все другие будут проходить уже в Российской Федерации... А 28 августа 1990 года состоялось очень значительное в жизни монастыря событие — после 31-летнего перерыва был возобновлён крестный ход вокруг стен обители с иконой Успения Божией Матери. Когда чудотворный образ вынесли на площадь перед Святыми вратами, у всех возникло чувство, будто икона вырвалась из заточения и наконец-то может светить всем, кто желает её видеть...

В 1991 году совпали Светлое Христово Воскресение и Благовещение. Кириопасху (вторую в жизни о. Иоанна, первая была в 1912-м) многие восприняли как Промыслительный знак, намёк на грядущие грандиозные события. Но всё же никто и предполагать не мог, что Советский Союз доживает свои последние месяцы. На референдуме 17 марта абсолютное большинство жителей страны — 113,5 миллиона человек — высказались за сохранение Союза. На 20 августа 1991 года было запланировано подписание обновлённого союзного договора, согласно которому аббревиатура СССР должна была расшифровываться как Союз Советских Суверенных Республик. Но новой версии Союза появиться на свет не было суждено. После путча ГКЧП центробежные силы стали непреодолимыми, 8 декабря в Беловежской пуще лидеры России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о роспуске СССР и создании СНГ, к которому 11 декабря в Алма-Ате присоединились другие постсоветские страны (кроме прибалтийских и Грузии). 25 декабря в 19.30. над Кремлем был спущен красный флаг, место которого занял российский триколор.

Печоры снова стали приграничным городом — независимость Эстонии СССР признал ещё 6 сентября 1991 года. И если бы не изменение границы в 1944-м, то монастырь, как и после Гражданской войны, оказался бы за рубежом.

...Архимандрит Павел, по Божиему соизволению ставший «последним советским» и «первым российским» наместником монастыря, покинул его в марте 1992 года, оставив по себе добрую и долгую память. Его сменил архимандрит Роман (Жеребцов, 1929—2012), бывший насельником обители

с 1990 года, а до того всю жизнь служивший в Новосибирской епархии.

28 мая 1992-го Псково-Печерский монастырь посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. До этого он бывал там трижды — вместе с родителями в 1953-м, 9 декабря 1968-го и 22 августа 1974-го. Вместе с митрополитом Псковским и Великолукским Владимиром и епископом Истринским Арсением он совершил Божественную литургию в Михайловском соборе, молился перед чудотворными иконами Пресвятой Богоматери и святыми мощами основателей монастыря. В книге почётных гостей Патриарх особо отметил, что «имел сердечную беседу с духовником и старцем обители — архимандритом Иоанном». Они были знакомы давно и относились друг к другу с искренней теплотой.

Осенью 1993 года произошёл случай, раскрывший о. Иоанна с неожиданной стороны для человека, который давно знал и любил его, — о. Тихона (Шевкунова, род. 1958), ныне митрополита Псковского и Порховского. Он поступил в Псково-Печерскую обитель послушником в 1982-м, затем работал в Издательском отделе Московского Патриархата под руководством владыки Питирима, в июле 1991-го принял монашеский постриг с именем Тихон. В обитель иеромонах Тихон прибыл в смятении — испортились его отношения с наместником Донского монастыря; как правильно поступить, он не знал. О. Иоанн долго говорил со своим воспитанником в келии, потом отправил его на всенощную и сказал, что скоро подойдёт и сам.

Вспоминает митрополит Тихон (Шевкунов): «Вместе с молодыми монастырскими иеромонахами мы, уже облачившись, ждали акафист в древнем пещерном алтаре Успенского собора. Вдруг к нам подошёл отец Иоанн. Мы расстались с ним полчаса назад, но тут он сразу показался мне каким-то необычным — сосредоточенно-строгим. Не говоря ни слова, батюшка взял меня за руку и подвёл в центр алтаря, к престолу. Здесь он сделал три глубоких поклона, с благоговением приложился к Святой Трапезе и велел мне сделать то же. Потом, обратившись ко мне, он произнёс:

— А теперь слушай волю Божию...

Никогда до этого я не слышал от отца Иоанна подобных слов.

— Ты вернёшься в Москву и сразу пойдёшь к Святейшему Патриарху, — объявил мне отец Иоанн. — Проси у него, чтобы он благословил тебя перейти из Донского в братию Псково-Печерского монастыря. Проси Святейшего, чтобы он благословил создание подворья Псково-Печерского монастыря в Москве, и ты будешь строить это подворье.

Я не знал, что и сказать!.. С одной стороны, было отчётливо ясно, что

вот сейчас, в эту самую минуту, меняется моя жизнь. И в то же время умом я понимал, что сказанное батюшкой осуществить совершенно нереально.

— Батюшка, — проговорил я, — но это невозможно!.. Святейший совсем недавно объявил, что в Москве не будет открыто ни одного подворья епархиальных монастырей. И настрого запретил даже обращаться к нему с подобными просьбами.

Здесь необходимо небольшое пояснение. К тому времени в Русской Церкви было возрождено уже триста шестьдесят монастырей, и с каждым месяцем их число увеличивалось. Немало из этих провинциальных обителей хотели иметь свои подворья в столице и так донимали патриарха, что Святейший на одном из собраний духовенства очень твёрдо предупредил, чтобы с подобными просьбами к нему впредь не обращались. Поскольку если начать раздавать московские храмы монастырям, то приходских церквей в столице вообще не останется.

Всё это я объяснил отцу Иоанну. Но тот даже бровью не повёл.

— Ничего не бойся! — сказал он. — Иди к Святейшему и передай то, что я тебе сказал. Святейший всё благословит. А затем, — тут батюшка продолжил уже совсем по-деловому, горячо и увлечённо, — тебе предложат на выбор несколько храмов. Первый не бери! А из остальных выбирай, какой тебе приглянется, но только не гонись за большими и знаменитыми.

Пора было выходить на акафист.

— После службы жду тебя в келье! — велел батюшка.

Весь акафист и дальнейшую службу я только и переживал слова, сказанные отцом Иоанном, а после всенощной сразу примчался к нему. Батюшка ещё несколько раз повторил мне то, что я услышал от него в алтаре, успокоил, ободрил и велел, не сомневаясь, поступать в точности так, как он говорит.

Отец Иоанн никогда не бросался великими и страшными словами, такими как “я скажу тебе волю Божию”. Ни раньше, ни потом я таких слов от него не слышал. Поэтому воспринял сказанное мне более чем серьёзно и, преодолевая страх, решил исполнить всё точно, как сказал старец».

Каково же было изумление иеромонаха, когда Патриарх нашёл мысль о создании Псково-Печерского подворья в Москве очень своевременной. Это было связано с тем, что в Печорах как раз вводился особый приграничный режим, и для паломников могли возникнуть трудности с посещением монастыря. Помня о наставлении о. Иоанна, о. Тихон отказался от первого предложенного ему монастыря, Покровского, а собор Пресвятой Богородицы в Измайлове отверг как слишком обширный и роскошный. А вот третий вариант — Сретенский монастырь — оказался тем, что надо. О.

Иоанн по телефону одобрил выбор и пристально следил за возрождением упразднённой в 1925 году древней обители, воздвигнутой на том месте, где москвичи встречали когда-то икону Владимирской Божией Матери, сохранившей столицу от нашествия Тамерлана.

...23 ноября 1994 года в Псково-Печерский монастырь приехал первый Президент России Борис Ельцин. В книге почётных гостей он сделал следующую запись: «Через 80 лет глава государства побывал в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре (на самом же деле император Николай II посетил обитель в 1903 году, то есть 91 год назад. — В. Б.). Это чудо во всей России, с 5-вековой историей, пережившим все бури истории, отбивающим многие нападки врагов. Монастырь, неся волю Божью, внедрял Православие, нёс духовность, образование и культуру нашему народу, воспитывал умных образованных руководителей государства и церкви. Я восхищен архитектурой и высокими знаниями его служителей. Спасибо за гостеприимство. Б. Н. Ельцин». С о. Иоанном Ельцин не встречался.

К сожалению, начало 1990-х осталось в истории России временем не менее, а может, и более смутным, чем конец 1980-х. Словосочетание «лихие девяностые», вошедшее в оборот двадцать лет спустя, звучит с ностальгическим оттенком (слово «лихой» в русском языке вызывает скорее положительные ассоциации, чем отрицательные), и ни в коей мере не отражает ужас и непонимание происходящего, царившие в то время в обществе. Мгновенный крах внешне несокрушимого государства, на строительство которого были положены десятилетия, вызвал шок у старшего поколения. На улице оказались миллионы людей среднего возраста — лишившись работы и перспектив, они не понимали, куда приложить силы, как выжить, как кормить семьи. Растерянно оглядывалась во все стороны сбита с толку молодёжь, не знавшая, кому и во что верить, к чему стремиться в жизни. Какие прямые и косвенные людские потери тогда понесла Россия и постсоветские страны, сколько людей погибло в бандитских стычках, спилось, стало наркоманами, покончило с собой от безысходности, эмигрировало, умерло от болезней, вызванных колоссальным стрессом и перенапряжением, сколько беременностей было прервано, сколько браков не заключено — не скажет, наверное, никто. Так что девяностые были отнюдь не «лихими» — они были страшными, и последствия этого десятилетия ощущаются до сих пор.

Чудовищная нищета и отсутствие перспектив для одних сочетались с разнузданной наглостью хозяев жизни — так называемых «новых русских». Они принесли в жизнь свой блатной жаргон, веру в то, что

деньги решают всё, принесли жестокость, пошлость и равнодушие ко всему, кроме себя и «зелёных» (долларов). Шестисотый «мерседес», малиновый пиджак, слова «баксы», «разборка» и «беспредел» стали символами эпохи. Часто всё это сочеталось с показной набожностью, с щедрым жертвованием на Церковь, хотя ни в каких богов и чертей «братки», понятное дело, не верили. О. Иоанн, с грустью говоря о том, что перестройка плавно перешла в перестрелку, а потом в переключку, подмечал и другую страшную особенность эпохи — храмы были заполнены людьми, внешне вполне религиозными, но в душе принадлежавшими отнюдь не Богу: «Духом же Божиим живут единицы даже и в Церкви, даже и те, кто служат у Престола, даже и монашествующие».

На протяжении первой половины 1990-х продолжало расти количество православных приходов в России. Если в декабре 1994 года в стране насчитывалось 15 985 храмов, то через три года — 18 тысяч. И хотя внешне мощный рывок вперёд, который Русская Православная Церковь совершила на рубеже 1980/90-х годов, выглядел ошеломительным, даже по количеству православных приходов и монастырей современной России было далеко до России ушедшей. Если в 1914 году в Российской империи насчитывалось 1025 монастырей (из них в границах современной России — 950), то в конце 2000 года в Российской Федерации насчитывалось 347 монашеских обителей (на Украине — 116, в Беларуси — 14, Молдове — 33, других странах СНГ и Балтии — 24). Храмов также было меньше, чем столетие назад: если в 1914-м насчитывалось 54 174 храма, то век спустя, в 2013-м, — 33 489. Та же картина с духовными учебными заведениями: если в 1914 году в России было 185 духовных училищ, 57 семинарий и 4 академии, то век спустя — 37 училищ, 47 семинарий, 5 академий, 2 православных университета. И если в 1915-м в России было 3246 протоиереев и 47 859 священников, то в 2017-м — 34 774 священника. Конечно, на фоне почти полного разгрома Церкви накануне Великой Отечественной войны это выглядит более чем впечатляюще — но только если не знать дореволюционной картины. Последствия чудовищного удара 1917 года не преодолены и век спустя...

Этот страшный разлом, прошедший через новую Россию, контраст между изобилием и скудостью, внешним количеством новых храмов и качеством стремившихся в них паствы о. Иоанн предвидел уже давно. Ещё в конце 1970-х, будучи в гостях у о. Геннадия Нефёдова, мужа одной из дочерей о. Анатолия Правдолюбова Ксении, он сидел за хорошо, по меркам «застойного времени», накрытым столом. Шёл общий разговор, как вдруг

о. Иоанн, изменившись в лице, всмотрелся куда-то вдаль и произнёс:

— Будьте внимательны и осмотрительны к себе... — Он показал на стол, ломившийся от блюд: — Этого будет много, даже слишком много. Скудость останется в редких домах, у доживающих свой век и оставшихся произволением в старом времени. А новое захлебнётся изобилием материальных благ. Так будет происходить, потому что древний змий почувствует приближение конца и начнёт бить хвостом. Брызги от его агонии и дадут этот очередной соблазн, «чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Но расплата за эти вражьи дары очень дорогая. Люди будут кружиться в нескончаемом водовороте, суете и погоне за приманками и растеряют душевное тепло и любовь. Искреннее сердечное общение будет большой редкостью. Духовное оскудение изгонит Дух Божий из жизни.

Собеседники тогда не поняли ничего. А речь шла о тех временах, когда действительно материальными благами, иномарками, «фирменными» дисками и одеждой никого удивить уже было нельзя, а вот пищи духовной алкали очень немногие.

В своих проповедях о. Иоанн твёрдо и безоговорочно осуждал пороки современного мира: «Полк сатанинских сект, оккультных ересей, каббалистика, теософия, астрология, гипноз, кодирование, медитация, экстрасенсорные воздействия на человека, парапсихологические методы «лечения» — калечения людей, которые церковным вероучением определяются как чародейство и колдовство, — нашли сейчас на Родине нашей высоких покровителей. И все средства массовой информации отданы враждебным Православию разрушительным силам». Увлечение телевидением особенно осуждалось о. Иоанном: «Разбойник-телевизор впился в душу и держит её своей мёртвой хваткой до полного её опустошения». А вот о компьютерах он отзывался спокойно: «Это такое же изобретение, как и все прочие. А в Писании сказано: “Всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною” (1 Кор. 6: 12). Если на компьютере человек делает дело Божие и во славу Божию, например, набирает богослужебные книги или святоотеческую литературу, то человек этим спасается. А если использует технику для разного безобразия и бесчинных игр, то он явно погибает. Вот и решайте».

Увы, не обошли печальные события середины 1990-х и Псково-Печерскую обитель. 3 июля 1995 года в Богом зданных пещерах с невероятной помпой был погребён убитый во время «разборки» петербургский криминальный авторитет Николай Гавриленков. В последний путь его провожал чуть ли не весь бандитский Петербург. О. Иоанн при этом, к счастью, не присутствовал — с 15 июня по 15 августа

1995-го он находился в отпуске в эстонской Вярске.

После этого события архимандрит Роман был отрешён Патриархом Алексием 11 от должности наместника. 17 августа 1995 года новым наместником был назначен архимандрит Тихон (Секретарёв, род. 1955), бывший насельником обители с 1976 года.

Новый наместник был накрепко связан с монастырём ещё с детских лет. Правнук монаха, внук двух репрессированных священников, впервые он приехал в обитель с матерью в тринадцатилетнем возрасте, а его отец-священник был знаком с архимандритом Алипием. С 1976 по 1995 год иеромонах Тихон исполнял в монастыре послушания помощника келаря, помощника благочинного и благочинного. С 1992 года был катехизатором и преподавателем Псковского духовного училища. О. Тихон на протяжении многих лет собирал и систематизировал сведения по истории монастыря, написал множество книг о нём, в 2005-м получил в Санкт-Петербургской духовной академии степень кандидата богословия за работу «Церковно-исторический очерк о Псково-Печерском Свято-Успенском монастыре в XX веке». Пост наместника о. Тихон занимал до 21 мая 2018 года, и эти без малого 23 года по праву могут быть названы целой эпохой в истории обители...

Но это было впереди. А пока, через месяц после вступления в должность, 18 сентября 1995-го, архимандрит Тихон обратился к старцам обители с рядом вопросов, на которые попросил ответить в письменном виде. Они касались дальнейшего развития монастыря и монастырской жизни. О. Иоанн, в частности, ответил 29 сентября следующее:

«Что Вы считаете самым главным в духовной жизни монастыря и что необходимо для этого сделать?

— Самое главное в духовной жизни монастыря есть чёткое и предельно ясное знание, куда мы пришли и зачем пришли.

Только ответственное отношение к делу своего спасения каждого насельника и паломника может создать здоровый монастырский климат в обители.

Совершенство в христианской жизни есть главное дело всякого монашества.

Из этого основного требования следует, что Священноначалие монастыря должно очень внимательно производить приём и паломников, и послушников в стены монастыря, непременно предваряя приём внимательным ознакомлением с документами и личным собеседованием с каждым приходящим.

Лиц, побывавших в местах заключения, не спешить одевать в

подрясники и зачислять в братство, но иметь их в поле зрения долго время, наблюдая за их стараниями в духовной жизни.

Непременно надо осуществлять более явный и постоянный контроль монастырской жизни Благодичным и Духовником монастыря, а также и всех ответственных за послушания лиц.

Необходимо пресекать проявления самолюбия, самоугодия, лени, своеволия, а также бесконтрольные без благословения выходы за стены монастыря...»

Новый наместник относился к о. Иоанну с глубоким благоговением. Монашеский постриг 23 августа 1976 года он принимал из его рук. «Можно твёрдо сказать: всё лучшее в жизни, что у меня было, связано, бесспорно, с батюшкой, — вспоминает архимандрит Тихон. — С его наставлениями, его вразумлениями и с его поддержкой. Потому что он мог любую ситуацию выправить, всё поставить на своё место, разложить “по полочкам” и дать ясный духовный ориентир и утешение на дальнейшую жизнь». Именно о. Иоанн дал будущему архимандриту благословение на поступление в монастырь и одновременную учёбу в семинарии. И хотя их келии в братском корпусе 17 лет находились по соседству, иеромонаху Тихону приходилось видеть батюшку «дома» совсем нечасто — он никогда не сидел на месте, постоянно был в хлопотах.

Ноябрь 1995-го был ознаменован важной датой в судьбе о. Иоанна — 50-летием его священства. 14 ноября в монастырь пришло письмо на официальном бланке Патриарха Московского и всея Руси Алексия II:

«Ваше Высокопреподобие,
Дорогой отец Архимандрит!

Пользуюсь оказией, чтобы передать Вам это письмо.

От души хочу поздравить Вас со славным полувековым юбилеем Вашего священнослужения. Пятьдесят лет предстояния у Святого Престола — это и подвиг и, вместе с тем, огромная духовная радость.

Молитвенно, с любовью помню Вас и желаю крепости душевных и телесных сил. <...> Да умножит Господь, по молитвам Царицы Небесной, дни и лета Вашей жизни и многопользного пастырского служения, проповеди и душепопечительства.

Прошу Ваших святых молитв перед Святынями Обители.

Милость Божия да хранит Вас!

С любовью,

Алексий,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ.

14.XI.1995».

К сожалению, 85-й год жизни батюшки был омрачён рядом писем-пасквилей, направленных на имя Патриарха людьми, которые считали себя духовными чадами о. Иоанна и на этом основании претендовали на постоянное общение с ним. Забывая о более чем почтенных годах отца старца, они караулили его на выходе из храма, на Святой Горке, у келии, добрались даже в его летнее эстонское укромье — Вярску. На службах демонстративно становились впереди с магнитофоном и записывали каждое слово батюшки, записывали его и вне храма. После службы создавали вокруг него кольцо, стараясь не подпускать посторонних... Эти «почитатели» иногда почти доводили батюшку до отчаяния, и однажды невольные свидетели услышали, как он отчитывал назойливых посетительниц:

— Когда вы меня оставите в покое? Мне уже восемьдесят лет! Когда же вы меня оставите в покое?!

Но «иоаннитки» (позволительно назвать их именно так, по аналогии с поклонницами святого праведного Иоанна Кронштадтского) не унимались. Их главными требованиями было немедленное удаление от батюшки его келейницы Татьяны Смирновой и помощника игумена Филарета (Кольцова). Почему — понятно: и о. Филарет, и Татьяна Сергеевна делали всё, чтобы уберечь старца от назойливого внимания толпы, сопровождавшего его днём и ночью. «На меня люди жаловались: они хотели к нему приходить, а я не допускал, потому что ему было тяжело, — вспоминает о. Филарет. — Он никогда никому не мог отказать, а я как цепной пёс был. <...> Потому что если всех допустить, они бы его раздавили, размазали и всё — ничего бы от него не осталось. То же самое сегодня — у любого старца. Я его приводил в келью, а он меня целовал, наверное, раз пятьдесят. “Спаси тебя, Господи, спаси тебя, Господи”. Сам не мог отказать, действительно, у него дух не такой».

О. Иоанн вынужден был даже написать специальный рапорт на имя архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия (Саввина, возглавлял епархию в 1993—2018 годах), в котором разъяснял ситуацию: «Письма — это дело той же группы лиц, которые не дают мне прохода и покоя не только в монастыре, но и во время моего отпуска и уже на протяжении длительного времени блокируя возможность моего общения с людьми, не принадлежащими этой группе. <...> Татьяна Сергеевна, которая подверглась особенно пристальному и пристрастному разбирательству в жалобах, находится в послушании у меня по Божьему благословию и по моему желанию. И она не несёт ответственности за то, что я благословляю ей говорить, когда передаю ответ через неё устно, а тем более письменно,

когда диктую ответ сам. В отношении отца Филарета — это повторное требование удалить его от меня, на которое уже был мой ответ. И теперь только остаётся подтвердить его: без помощи о. Филарета я не могу выйти ни в храм, ни на редкие прогулки. Ибо не все вокруг трезвые и мыслящие люди, которые могут понять, что я нуждаюсь, как весьма пожилой человек, и в отдыхе, и в помощи. И именно такими помощниками для меня являются и игумен Филарет, и Т. С. Смирнова, бывший реставратор монастыря, оставившая своё занятие по благословению бывшего Наместника — Владыки Павла, когда мне потребовалась её помощь. Прошу простить меня великодушно и учесть мою просьбу и желание — ничего не менять в моём окружении. Я благодарю Бога, что в моём преклонном возрасте ещё имею возможность продолжать дело, благословлённое мне Богом, но сознаю, что это потому, что Господь даровал мне помощников, а не помеху в ближайшем окружении».

Да, земные годы шли, и далеко не все, видя по-прежнему напряжённый график о. Иоанна, понимали, как много ему лет. Седым он был ещё с конца 1960-х, но теперь из движений батюшки ушла свойственная ему всегда лёгкость, «летучесть»: он передвигался, опираясь на руку игумена Филарета. К старым болезням добавились проблемы со слухом, начальная стадия сахарного диабета, требовались уколы инсулина. Катастрофически ухудшилось и всегда бывшее плохим зрение. В 1998 году в эстонском Тарту о. Иоанну заменили хрусталик одного глаза, а в 1999-м — и второго. Операции прошли успешно, хотя после второй, в январе 1999-го, батюшка какое-то время вынужден был находиться в тартуской клинике и месяц выдерживать строгий режим — не читать, не наклоняться, лежать на одном боку. «И так мне хочется видеть, что все предписания врачей выполняю с тщанием», — говорил он. С этого времени старец мог читать и писать без очков.

«Отец Иоанн долго сопротивлялся надвигающейся немощи, — вспоминает Татьяна Сергеевна Смирнова. — Вплоть до 1999 года распорядок его мало чем отличался от уставной монастырской жизни. Он молился в храме, служил на праздники Литургию, принимал посетителей, по послушанию говорил проповеди, отвечал на письма. <...> Видя эту внешнюю сторону жизни батюшки, мы забывали о том, что ему 89 лет, и то, что он делает, уже выше человеческих возможностей. В 1999 году последний раз вдохновенно прозвучало в церкви на Пасху огласительное слово Иоанна Златоуста, прочитанное батюшкой, и его ликующее неземной радостью “Христос Воскресе!”». После этого врачи категорически рекомендовали о. Иоанну ограничить активность. «Благодарим Господа, мы

теперь келиоты», — смиренно отреагировал на это батюшка. Начинался последний период его земного бытия.

Глава 11

СВЕТЕ ТИХИЙ

11 апреля 2000 года о. Иоанну Крестьянкину исполнилось 90 лет. Возможно, сам батюшка в этот день дивился тому, сколько же ему, немощному и слабому здоровьем, через столько прошедшему, отпущено Господом земного времени. Сокрушался — про себя, чтобы не расстраивать пришедших его поздравить, — размаху праздника («Монашеский юбилей — это день кончины, а всё, что ранее, — это будни монашеской жизни: скорбь, поношение и крест... Мы стоим пред Господом, а труды жизни — это только послушание»), А ещё дивился, сколько в его скромной келии цветов, писем, открыток со всего мира. И, конечно, подарков. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил батюшку орденом Святого благоверного князя Даниила Московского 2-й степени. В письме от Святейшего Патриарха было сказано:

«Ваше Высокопреподобие,
Дорогой отец Архимандрит!

Сердечно поздравляю Вас с днём Вашего знаменательного, славного юбилея — 90-летия. От души желаю вам, дорогой Батюшка, крепости сил, здоровья и долгоденствия. Помните, что Вы нужны очень и очень многим, которые приходят к Вам за духовной поддержкой на своём жизненном пути, и этой поддержкой живут, переносят трудности и испытания. <...> В день Вашего славного жизненного юбилея молитвенно, с любовью вспоминаю Вас».

От лица братии и паломников наместник обители архимандрит Тихон преподнёс батюшке образ Божией Матери «Знамение» и поздравительный адрес; архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий — Архиерейскую грамоту. На протяжении дня поступали поздравления от Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Минского и Слуцкого Филарета, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, архиепископа Таллинского и всея Эстонии Корнилия, архиепископа Вере́йского Евгения, архиепископа Венского и Австрийского Павла, архиепископа Бронницкого Тихона, многих других друзей, учеников, духовных чад, внуков и правнуков батюшки — очных и заочных. Программа «Время» вечером 11 апреля показала отдельный сюжет о 90-летию отца Иоанна.

Но показательнее всего было небольшое письмо на бланке с государственным гербом и короткой надписью «Президент Российской Федерации»:

«Насельнику Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

Архимандриту Иоанну

Многоуважаемый отец Иоанн!

Сердечно поздравляю Вас со знаменательным юбилеем — 90-летием со Дня рождения!

Ваша жизнь — пример подлинного подвижничества и истинного служения Русской Православной Церкви, стремления к укреплению веры и духа нашего народа. Вас знает и любит вся православная Русь. Ведь во многом благодаря таким Наставникам, как Вы, Россия возвращается сегодня к своим духовным и нравственным корням.

Вы прошли и пережили многое — приходское служение, тяготы репрессий, подвиг старчества в древнейшей обители России. И всегда Вы оставались верны своему высочайшему призванию, своему долгу перед Богом и людьми.

От всей души желаю Вам, многоуважаемый отец Иоанн, крепкого здоровья, бодрости и долголетия.

Исполняющий обязанности

Президента Российской Федерации В. Путин

11 апреля 2000 г.».

На всю страну имя Путина прозвучало днём 31 декабря 1999-го — именно тогда, в полдень, телеканалы передали новогоднее обращение Ельцина, где он сообщал о передаче дел преемнику. До этого, в августе—декабре, Путин был премьер-министром, но на этой должности громко заявить о себе не успел. 26 марта 2000-го в стране прошли президентские выборы, на которых Путин одержал убедительную победу в первом туре. Инаугурация была назначена на 7 мая. Так что поздравление о. Иоанну пришлось на тот недолгий «промежуточный» период, когда Путин уже был Президентом, но официально в должность ещё не вступил.

Письмо бережно передавали из рук в руки. В истории монастыря это был первый случай, когда глава государства письменно поздравил одного из насельников с днём рождения. Более того — такое произошло вообще впервые в истории России!.. Гадали, кто подал Путину мысль написать письмо, и изумлялись самому факту его написания. Но ещё больше пришлось удивляться, когда 29 июля 2000 года в 17 часов в кабинете наместника архимандрита Тихона раздался телефонный звонок, и Патриарх Московский и всея Руси Алексей II сообщил ему, что вскоре Президент

лично прибудет в монастырь с визитом и что он хотел бы встретиться с о. Иоанном Крестьянкиным.

День 2 августа 2000-го для Путина был эмоционально нелёгким — в Пскове он общался с родственниками десантников 6-й роты Псковской дивизии ВДВ, почти полностью погибшей в Чечне. Все, кто встречал главу государства у ворот обители, — архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий, архимандрит Тихон, старожил монастыря архимандрит Нафанаил, глава администрации Печорского района А. А. Рогов и многие другие, — обратили внимание на то, каким утомлённым выглядел Президент.

Сначала отец наместник рассказал высокому гостю историю монастыря, пригласил в Успенский собор, Богом зданные пещеры, монастырский сад на Святой Горке. Цветущий вид обители впечатлил Президента:

— Как красиво! Я видел фотографии, но не ожидал такой красоты!

А затем Путин направился к братскому корпусу, где его уже поджидал заранее предупреждённый о визите о. Иоанн. У входа в келию гостя встречали сам старец и его келейница Татьяна Сергеевна. Беседа батюшки с Президентом продолжалась с глазу на глаз около часу. О чём они говорили тогда?.. Вряд ли стоит о том гадать. Вспомним лишь, что для старца не было секретов ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем человека.

В завершение визита о. Иоанн, как и каждого зашедшего к нему в келию, окропил Президента святой водой. Фотографы сделали положенные снимки. Когда Путин уходил от о. Иоанна по коридору, было слышно, как он произнёс: «Не ожидал, ну никак не ожидал!» Изменился, по свидетельству архимандрита Тихона, и его внешний вид: «Перед встречей с отцом Иоанном Владимир Владимирович выглядел очень усталым. А из кельи вышел обновлённым, с просветлённым лицом». А о. Иоанн, остановившись в дверях келии и глядя вслед гостю, негромко произнёс одну из своих любимых присказок:

— Дай Бог нашему теляти да волка съести.

После посещения о. Иоанна Путин выглядел и вёл себя заметно бодрее. Он с интересом прошёлся по саду Святой Горки, расспросил схииеродиакона Андроника и иеромонаха Харлампия — садовника и агронома обители. Выяснилось, что о. Андроник служил на Дальнем Востоке в погранвойсках, а о. Харлампий окончил Высшее училище погранвойск. Имея в виду то, что Печоры находятся в пограничной зоне, Путин пошутил:

— У вас тут все по специальности работают...

Прощаясь с монастырём, глава государства оставил в книге почётных гостей следующую запись: «Возрождение России, рост её могущества немыслимы без усиления нравственных основ общества. Роль и значение Русской Православной Церкви огромны. Храни Вас Господь. В. В. Путин. 2.08.2000».

Когда Президент уже подходил к ждавшей его у Святых врат машине, на ходу расписываясь по просьбе спецназовцев ВДВ в их военных билетах, из толпы кто-то окликнул его:

— Владимир Владимирович, поддержите Православие!

— Зачем же я сюда приехал? — улыбнулся в ответ Путин...

Был и второй визит Президента в монастырь, уже неофициальный. Он состоялся сразу после гибели атомной подводной лодки «Курск», затонувшей в Северном море 12 августа 2000 года. Путин, находившийся тогда в отпуске, прилетел в Псков и направился в монастырь. О. Иоанна в то время там не было, он отдыхал в Вярске, и Президент несколько дней ждал его возвращения из Эстонии. После второй беседы со старцем Путин провёл встречу с родственниками погибших на «Курске» моряков.

Этот визит не афишировался прессой. Но его следы можно найти в телеграмме, которую Путин прислал в монастырь после смерти батюшки. В ней сказано, что «беседы с отцом Иоанном <...> оставили след в моей памяти», то есть подтверждён факт как минимум двух таких бесед.

...На рубеже 1990-х и 2000-х православные верующие прошли через серьёзное искушение, которое чуть было не вылилось в раскол. Речь идёт о так называемой «проблеме ИНН», которая на протяжении нескольких лет была чуть ли не самым обсуждаемым вопросом в церковных и околоцерковных кругах. Поскольку с прошествием лет страсти улеглись, стоит напомнить о сути проблемы. Идентификационные номера налогоплательщика (сокращённо ИНН) начали вводить в России в 1999 году. У множества верующих сам факт того, что им присваивается некий номер, по которому фактически можно будет отследить всю их жизнь, вызвал возмущение. Дополнительного масла в огонь подлило утверждение, что в номере ИНН закодировано-де «число зверя» из Апокалипсиса.

Десятки, а затем сотни и тысячи человек с надеждой обратились к о. Иоанну за разъяснениями. Он сразу же вспомнил, что нечто подобное было в январе 1990-го, когда в Советском Союзе прошла пенсионная реформа. Тогда нужно было заполнить анкету, где проставлялся определённый номер. Смущённые люди приступали к батюшке уже тогда, и он говорил им:

— Никаких номеров бояться не нужно. Цифры — всюду: на часах

стоят цифры, на документах, на страницах книг, где только их нет! Так что же теперь их бояться? Бояться нужно не цифр, чисел и номеров, а нужно бояться греха, который мы совершаем, особенно соблазнов последнего времени. Если мы с лёгкостью поддаёмся этим соблазнам, если с лёгкостью грешим, то дух антихристов действует в нас, незаметно для нас самих печать антихриста, которой так все боятся, может уже на нас стоять!

Но мало-помалу становилось ясно — истерия вокруг ИНН куда серьёзнее, чем показалось сразу. Несколько письменных ответов о. Иоанна частным лицам попали в Интернет, что вызвало новый всплеск толков. Даже один из столпов Псково-Печерской обители, архимандрит Нафанаил, заявил: «Пусть меня даже будут убивать — не приму этот номер»... Наместник монастыря попросил высказать о. Иоанна свой взгляд на ИНН официально, но батюшка не согласился на это, указав, что не имеет благословения Патриарха:

— Кто я такой, чтобы без благословения высказывать своё мнение на всю Церковь?

Свидетельствует митрополит Тихон (Шевкунов): «В начале января (2001 года. — В. Б.) мне позвонил мой духовник, отец Иоанн (Крестьянкин). Он был крайне встревожен той ситуацией, которая складывается сегодня вокруг вопроса об ИНН. Каждый день к нему приходят десятки, а то и сотни (!) писем с криками боли о том, что же делать православным христианам, запуганным листовками и брошюрами, где утверждается, будто ИНН — печать антихриста или, как минимум, невозвратный шаг к принятию этой печати.

Отец Иоанн благословил меня приехать после праздника Крещения в Псково-Печерский монастырь, а также благословил на то, чего я лично от него никогда не слышал. Батюшка благословил взять видеокамеру, снять его прямо в келье, когда он будет рассказывать о той духовной ситуации, которая складывается сейчас в России, и о своём отношении к тому, что происходит вокруг споров о принятии ИНН. Это действительно было совершенно необычно, потому что, кажется, только в 85 году мне удалось немного поснимать его в келье. А потом, когда мы просили его ответить на вопросы перед видеокамерой или даже перед магнитофоном, он категорически возражал. А тут он сам сказал: возьми благословение у Святейшего, приезжай с видеокамерой, и засними всё, что я скажу, это очень важно».

21 января 2005 года такое благословение было получено. В письме Патриарх Московский и всея Руси Алексей II писал:

«Антицерковные силы предпринимают попытку расколоть Церковь,

пользуясь слухами о том, что в ИНН, якобы, содержится число 666. Это является неправдой. ИНН — обычный номер, не является апокалиптическим предзнаменованием и уже тем более не печатью антихриста.

Между тем, антицерковными силами, по вражескому наущению, нагнетается настоящая паника, связанная с принятием и непринятием ИНН. Ваше письмо, опубликованное во многих газетах и зачитанное с амвонов храмов, во многом умиротворило ситуацию, но сразу появились люди, утверждающие, что это — письмо подложное. Уже есть случаи ухода людей с работы и с насиженных мест, призывы неподчинения священноначалию Церкви, призывы к расколу и уходу чуть ли не в леса. Всё это напоминает ситуацию с расколами в 17 веке и с послереволюционными событиями.

Дорогой отец Архимандрит! Прошу Вас для успокоения народа Божьего высказать своё мнение по всем этим вопросам. Прошу Ваши слова записать на видеокамеру для того, чтобы лишить клеветников повода сказать, что Ваше мнение поддельно».

К этому послушанию о. Иоанн готовился очень серьёзно. Несколько раз келейница слышала от него вполголоса произнесённое «Ну, дай Бог нашему теляти да волка съесть». За день до приезда о. Тихона батюшка, перекрестившись, сел за письменный стол и начал с закрытыми глазами диктовать келейнице текст видеообращения. Татьяна Сергеевна Смирнова вспоминает: «Он диктовал своё послание, с начала до самого конца, не открывая глаз. Было впечатление, что он читает незримый для меня текст. Окончив, встал, перекрестился и произнёс: “Я устал и теперь полежу, а ты проверь цитаты, чтобы не вкралось ошибок”. После краткого отдыха попросил почитать, чтобы воспринять написанное на слух, и не внёс в текст ни единой поправки, а только произнёс: “Роды были тяжёлые, но ребёнок родился здоровым. Слава Богу!”».

«Дорогие мои, как мы поддались панике — потерять своё христианское имя, заменив его номером? — говорил батюшка. — Но разве это может случиться в очах Божиих. Разве у Чаши жизни кто-то забудет себя и своего небесного покровителя, данного в момент крещения?

И не вспомним ли мы всех тех священнослужителей, мирян-христиан, которые на долгий период жизни должны были забыть свои имена, фамилии, их заменил номер, и многие так и ушли в вечность с номером.

А Бог принял их в Свои Отеческие объятия как священномучеников и мучеников, и белые победные ризы скрыли под собой арестантские бушлаты. Не было имени, но Бог был рядом. <...>

У Бога нет понятия о человеке как о номере, номер нужен только современной вычислительной технике, для Господа же нет ничего дороже живой человеческой души, ради которой Он послал Сына Своего Единородного Христа-Спасителя. И Спаситель вошёл в мир с переписью населения.

А что сказать о контроле и тотальной слежке, которыми так пугают простодушных людей?

Когда и в каком государстве не было тайной канцелярии? Всё было... и всё есть... и будет... но ничто не мешает спасаться верующему человеку».

В письмах о. Иоанн ещё не раз возвращался к этой теме, подчёркивая главное — бояться стоит не каких-то цифр, а греха. «Запомни и уясни для себя волю Божию: *даждь Ми, сыне, твоё сердце* (Притч. 23: 26) — Не паспорт, не пенсионное удостоверение, не налоговую карточку, но сердце». «Если человек забыл Бога и живёт наживой несправедливой, молитву и церковь из жизни даже и у священнослужителей вытеснил телевизор и всякие безобразные видики, то поверь мне, С., печать уже стоит у многих, даже и при документах старого образца. Ведь через то безобразие, чем напичкивает себя современный человек, причём сам, добровольно, с любовью и желанием, уже ничто Божественное пройти и войти в человека не может. Наше сопротивление грядущему страху одно-единственное — наша вера в Бога, наша жизнь по вере. А все те смущения, смятения и неразбериха для того так властно и входят в жизнь и потому входят, что нет живой веры, нет доверия Богу». И в другом письме: «Нам бы всем не от компьютеров бежать надо (это техника), а от собственных грехов. Но ведь нет, их мы холим, раскармливаем до безобразия и живём, ими услаждаясь. И Писание предупреждает людей, что наступят времена тяжкие, потому что люди будут горды, надменны, сребролюбивы более, чем боголюбивы. А об опасности от техники там ничего не сказано».

Минули годы, и «вопрос ИНН» перестал будоражить людей с такой остротой, как прежде. Конечно, на каждый роток не накинешь платок, но в целом понятно, что «проблема ИНН» оказалась надуманной и мастерски раздутой попыткой внести в церковную жизнь разлад и раскол. О. Иоанн со свойственной ему прозорливостью понял это сразу, и занятая им позиция во многом и помогла разрешить эту проблему. Кстати, о. Нафанаил после его разъяснений переменял взгляд на ИНН и перестал его опасаться.

До сих пор встречаются люди, которые думают, что о. Иоанна «заставили», «принудили» высказаться по теме ИНН «в нужном ключе», а сам он-де думал совсем по-другому. На это можно сказать лишь одно: человека, прошедшего через допросы и лагеря, ни к чему «принудить»

было невозможно. Производивший на всех впечатление «доброго дедушки», в принципиальных для него вопросах батюшка был твёрже кремня. И хотя из него не раз пытались «выбить» нужное, он одобрял только то, что по-настоящему одобрял, и никакие авторитеты для него в таких случаях значения не имели.

...Келейная жизнь о. Иоанна отличалась от той, которую он вёл до 1999-го, но ненамного. «Посещение служб сократилось до минимума, — делился он в письме. — Даже и на большие праздники я уже часто не имею возможности бывать в храме, молюсь дома. Приём людей прекратился вообще, отвечаю на вопросы письменно, не входя в личные контакты. Но я не скажу, что жизнь моя опустела. Молитва и моления в уединении обретают новые качества». И в другом письме добавлял: «Сил на активное житие теперь у меня уже нет, но зато появилась тишина келии. И очень это дорого. А то я ведь всю жизнь и до монастыря, и в монастыре жил на “ярмарке” человеческой, а вот сейчас Господь даёт возможность иного делания, иного настроения».

Под «новыми качествами», «иным деланием» батюшка наверняка имел в виду два видения, которых он сподобился два дня подряд, 22 и 23 декабря 1999-го. С кем именно он общался, осталось тайной, но сказанное ему тогда о. Иоанн тщательно записал, пометив день и час произошедшего: «Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезапной кончины людей. Виновных не ищите, виновных не ищите! Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всём осторожны». Записи в точности повторяли друг друга, совпадало даже время видения — 11.45., разлились только дни — 22 и 23 декабря.

Начиная с 2000-го келейница старца Татьяна Сергеевна Смирнова вела для себя краткие заметки, фиксируя сделанные батюшкой высказывания и его поступки. Это было связано с тем, что у о. Иоанна появилась жизнь не только дневная, но и ночная — небесная. Если днём он пребывал на покое в келии, то ночью, во сне, находился в иных мирах, неся послушание седмичного священника. Ночь за ночью Татьяна Смирнова слышала, как старец исповедует, служит литургию, принимает людей...

Утром 29 декабря 2000 года он рассказал келейнице, что ночью служил Пасхальную службу и был свидетелем неземной благодати, когда ликовало всё: небо, земля, все, кто присутствовал на этой службе.

— Радость-то какая, радость-то! Христос Воскресе! — восклицал батюшка, и лицо его светилось от счастья.

И с этого дня первыми словами, которые он произносил после пробуждения, были «Христос Воскресе!».

В половине четвёртого утра 11 июня 2004-го келейница услышала, как о. Иоанн во сне беседует с каким-то священником, называя его отцом Михаилом. Разговаривал он бодрым голосом, звучавшим так, как десять лет назад. Когда разговор закончился, Татьяна Сергеевна подошла к постели старца. Проснувшись, он взволнованно произнёс: «А матушка-то, матушка где? Позови её». Пришлось сказать, что матушка уже ушла с отцом Михаилом. «А я ей даже полслова не сказал», — огорчился старец.

В час ночи 25 ноября 2004-го о. Иоанн во весь голос запел в келии Пасхальную стихирю «Воскресение Твоё, Христе Спасе, ангели поют на небесех...». Татьяна Сергеевна, осторожно подойдя к его постели, увидела, что поёт он во сне: «Он начинал пение высоким мальчишеским фальцетом, но не выдерживал до конца и “творяй чудеса” пел уже со старческой хрипотцой, кончая слово “Един” шёпотом. Замолкал на время, во что-то вслушиваясь, и снова начинал своё соло высоко и вдохновенно, пока силы не покидали его. Заканчивал же пение полностью шепотком».

3 апреля 2005-го рано утром Татьяна Сергеевна увидела, что лицо спящего батюшки бледнее обычного. Она, забеспокоившись, взяла шприц с лекарством и тихонько спросила:

— Благословите, могу ли я уколоть вас?

— Нет, подожди, подожди, потом, — быстро ответил он с закрытыми глазами, словно не спал.

— Где вы?

— В церкви.

— У вас пассия?

— Нет, нет, литургия. И я возглавляю.

Иногда после таких небесных служб он некоторое время не мог прийти в себя, вернуться на Землю. Недоумённо смотрел на келейницу и спрашивал:

— Где мы?

— Я в келии отца Иоанна, а вы где? — с улыбкой отвечала вопросом на вопрос Татьяна Сергеевна.

— А я в Царстве Небесном.

«Вид батюшки в такие моменты не допускал сомнений в истинности его слов», — вспоминает Т. С. Смирнова.

Иногда во время ночных видений о. Иоанну явно открывались истины, касаемые всего мира. 26 августа 2003 года ночью он трижды громко воскликнул: «Мир гибнет! Мир гибнет! Мир гибнет!», а затем добавил: «В Мирах Ликийских гибель, и Греция погибла». А 6 сентября того же года в три часа ночи окликнул келейницу и, когда та подошла, сильным голосом

произнёс:

— Благословение Господа над Россией, над Святой Православной нашей Церковью, над народом Божиим и над нами. — И благословил на все четыре стороны. А когда утром келейница спросила, какую службу он служил ночью, батюшка бегло ответил «Служил, служил...» и завёл речь о другом.

18 июня 2004-го, когда Татьяна Сергеевна начала будить старца, чтобы начать утреннее молитвенное правило, он устало проговорил:

— Ну что ты, дай мне отдохнуть, я ведь только со службы пришёл. Ночью служил Божественную литургию.

Иногда сознание влекло батюшку в давно минувшее. Так, 18 декабря 2004-го он внезапно обратился к келейнице:

— А мне никуда не надо являться?

— А куда?

— Да в органы, — спокойно пояснил старец. — Как-то Иван Михайлович там поживает?

— Кто такой Иван Михайлович?

— Да Жулидов же, первый следователь, который вёл моё дело.

И батюшка начал рассказывать о своём ровеснике — капитане МТБ, ломавшем ему на допросах пальцы и бившем молотком по голове. А потом неожиданно спросил сам себя:

— Да жив ли он? — И сам же ответил: — Жив, жив, только очень уж старенький.

В эти годы, общаясь с людьми, о. Иоанн иногда неожиданно преображался внешне. Он буквально на глазах становился строгим, торжественным и, передавая ответ вопрошавшему, подчёркнуто твёрдо говорил келейнице: «Иди, скажи: Учитель сказал!» Конечно же, посетители понимали, что под Учителем скромный, никогда не считавший себя старцем батюшка имел в виду никак не себя. В эти моменты ему открывалась Истина, проводником которой в мир выступал он.

Другим ближайшим к батюшке человеком был его помощник игумен (ныне архимандрит) Филарет (Кольцов). Их отношения были похожи на отношения обожавших друг друга отца и сына. О. Филарет мог шутя ущипнуть батюшку, пощекотать его, а о. Иоанн ласково звал помощника «деточкой». Были и другие шутливые прозвища — «Граф» (или «Графчик», «Граф Пупкин»), «Кот в сапогах». Как и в 80-х, и в 90-х, о. Филарет обеспечивал хозяйственную сторону жизни батюшки, помогал во всём, своей энергичностью и чувством юмора придавал старцу сил.

Немногочисленными вопрошавшими, стремившимися в эти годы в

келию батюшки, были насельники монастыря — от отца наместника до послушников и трудников. Если раньше, когда его осаждали толпы приезжих, братия могла месяцами видеть о. Иоанна разве что на службе — ведь в первую очередь нужно было помочь приезжим, а «свои зайти ещё успеют», — то теперь иноки навёрстывали упущенное. Заходили в келию № 18 по разным поводам — то занести благословенный хлеб, то взять дароносицу, а то и просто без повода: взглянуть на любимого человека, просто посидеть с ним рядом, ни о чём не спрашивая. Многие из братии говорили потом, что о. Иоанн отвечал даже на те невысказанные вопросы и сомнения, которые накопились в душе находившегося рядом.

Очень редко, но отвечал батюшка и на письма, которые продолжали приходить в монастырь на его имя. Ответы эти ценны тем, что доносят до нас живой голос о. Иоанна тех лет, когда его круг общения был ограничен лишь самыми близкими:

«Вот дожили мы с Вами до блаженной поры, когда нива жизни нашей побелела и полновесный колос её уже клонится к земле. И сердце страшится, но сердце и радуется. Господь близ. <...> Так будем продолжать жить, радуясь за прожитое и пережитое; за то, что жизнь ещё продолжается; и за то, что Заря Вечности уже стучится в неё».

«Стал безнадёжно стар. И сам удивляюсь своей старости и немощи. Всё хочется на погоду посетовать, но сам-то знаю, что моей старости уже ни мороз, ни солнце не помогут».

«Насчёт аудиенции нет ни приглашения, ни отказа от меня, ибо своё время и состояние я планирую уже не сам. Сейчас хожу, а через пять минут лежу и когда встану — не ведаю».

«Мои старческие немощи стали сильнее моего бодрого духа, и в этом тоже немало печали. Я люблю радоваться и радовать, а теперь чаще получается первое».

«Мне вот уже 90, а и с меня всё ещё безжалостно требуют, чтобы и я был опорой».

«В молитве никому не отказываю, ну а в духовные отцы не гожусь. Старый, слабый, а теперь вот ещё и больной совсем. То ли даст Господь ещё пожить на земле, то ли пришла пора домой собираться? Бог весть. Всею радуюсь и за всё благодарю».

«Мне 91 год, и я теперь свидетельствую и себе, и другим, что Господь знает наше сокровенное, а по вере нашей и стремлению к истине правит нашу жизнь, часто врачует и исправляет то, что по неведению и непониманию может препятствовать исполнению воли Божией в нашей жизни».

«Я, всю жизнь прожив в народной молве, сейчас благодарю Бога, что хоть в последний час жизни Он даровал мне сладость уединения и молитвы неразвлекательной».

На некоторые письма батюшка отвечал уже современным способом, по электронной почте. И даже утешал корреспондентов, печалившихся о том, что дух времени безвозвратно изменился и «всё уже не то»: «Вот и Вы не свиток, запечатанный сургучом, мне прислали, да и адрес свой пишете электронный, и я спешу ответить Вам быстрее по монастырской электронной почте. Я в этом ничего не понимаю, но, слава Богу, есть люди, которые мне в этом помогают. А ведь и это всё дух времени». А некоторых корреспондентов о. Иоанн откровенно просил: «Меня простите великодушно, и писем мне больше не пишите. Я стар и немощен, и мне уже не по силам расплести казуистику современных противоречий в людях». Или: «Как и куда вам лучше вложить ваши капиталы и приобретения, меня не спрашивай. Я в нынешней неразберихе ничего не понимаю».

Своеобразной заменой письмам стали многочисленные книги о. Иоанна, которые выходили в издательствах Псково-Печерского монастыря и московского Сретенского монастыря. На смену перепечатанным от руки и распространяемым подпольно проповедям пришли хорошо оформленные, удобные для чтения издания. Так, в 1993-м был впервые издан в России «Опыт построения исповеди», в 1995-м — «Проповеди Архимандрита Иоанна», в 1998-м была подготовлена к печати «Настольная книга для монашествующих и мирян», куда вошли очерки по истории монашества, заветы инокам и две работы особенно ценимого о. Иоанном духовного писателя, святителя Феофана Затворника — «Последние заветы» и «Старчество». В 1998-м вышли сборник Рождественских и Пасхальных поздравлений «Мир Вам и благоволение Божие» и переиздание «Опыта построения исповеди»; в 1999-м тиражом 7000 экземпляров вышла книга «Размышления о бессмертной душе», издан сборник Пасхальных и Рождественских проповедей «Мир вам и благоволение Божие», а «Опыт построения исповеди» переиздан в количестве 50 000 экземпляров. Такой гигантский тираж, сопоставимый с самыми громкими бестселлерами, свидетельствовал об одном — книги о. Иоанна Крестьянкина были необходимой духовной пищей для множества людей по всему миру. И неудивительно, что уже в начале следующего столетия переводы трудов старца начали выходить по всему миру, от Болгарии до Китая. А отклики благодарных читателей не переставали иссякать:

«Ваши письма дали ответы на многие мои вопросы и недоумения, но не только содержание этих писем, само чтение этой неожиданной книги

что-то сделало с моей душой, но я не сумею это объяснить».

«Большое спасибо святой обители, издавшей письма отца Иоанна. Берегите, радуйте драгоценное сокровище вашего святого монастыря — отца Иоанна. Подвиг его молитвенного труда и письменного общения с людьми поразителен. Каждое его письмо — это спасательный круг, брошенный ко всем нам, почти уже совсем погибшим в море смут и бед».

«Дорогой батюшка, за книгу Ваших писем большое спасибо! Она всегда со мной. И каждый раз, когда мне надо разобраться в чём-то, кого-то понять, я ищу в ней ответ. Только почему-то без слёз читать не могу, съедает мою душу чувство горячего стыда за жизнь свою непутёвую».

В 2004 году тиражом 7000 экземпляров увидел свет биографический альбом «Видевше свет вечерний», содержащий множество уникальных фотоматериалов о жизни о. Иоанна. Самым близким батюшка посылал экземпляры с дарственными надписями. Например, Алексею и Марине Ветвицким, которых он венчал летом 1962-го, написал так: «Дорогие мои Алексей и Марина. К концу преклонился день моей жизни. И благодарю Господа за дар жизни и бесценный дар Веры, ибо ею только и переплыл я бурное житейское море, ею и стою сейчас при вратах Вечности, радуясь и утешаясь надеждой на Милость Божию и Его отеческую любовь. И Вам, моим родным и близким, завещаю жить Верой и ничего в жизни не бояться, кроме греха. А альбом сей дарю Вам на молитвенную память о нашем духовном общении и обо мне. 30/13 июля 2004 г.».

Если раньше голос батюшки могли слышать только те, кто общался с ним напрямую, то теперь он зазвучал и в отдалённых от Псково-Печерской обители местах. Стараниями духовных чад были собраны и изданы и ранние, тайно записанные на катушечные магнитофоны проповеди 1960—1970-х, и более поздние. В 1990-х они выпускались на магнитофонных кассетах, с 2000-х — на компакт-дисках, затем на DVD-дисках. Начиная с 2000-х было снято несколько документальных фильмов об о. Иоанне, и нет сомнения, что их количество со временем будет только возрастать.

...В последние годы о. Иоанн уже не мог полноценно участвовать в жизни монастыря. В 1999-м он в последний раз прошёл с о. Филаретом крестным ходом на праздник Успения Божией Матери, — отдельно, чтобы не сдерживать своей немощью общий крестный ход, — а последнюю самостоятельную службу отслужил на Пасху 15 апреля 2001 года в Благовещенском храме монастыря. По благословению наместника служба шла за закрытыми дверями, сослужил о. Филарет, певчими были двое братьев, присутствовали также несколько духовных чад. «Он посещал все пасхальные службы, — вспоминал тот год о. Григорий Секретарёв. —

Конец Пасхальной седмицы, и все уже устали, а он и утром придёт, и вечером придёт. А шёл ему уже 92-й год. Вот в какой-то момент, полностью обессилев, батюшка скатился по лестнице, повредив ногу. И тогда сказал он слова апостола Иоанна Богослова: «Егда же состареешися, то ин тя пояшет и ведёт, аможе не хочещи». В таком напряжении всех сил и воли кончилось предстояние отца Иоанна у престола Божия».

Но молитвенная жизнь в келии продолжалась — по выражению о. Серафима (Романцова), батюшка погружался в молитву, как рыба в воду, в ней было для него и утешение, и лекарство, и сила. Причём дополнительно к обычному молитвенному правилу о. Иоанн установил ещё и собственное. По мере чтения духовной литературы он выписывал понравившиеся ему молитвы в особый блокнотик, который сам называл келейной книжицей. Таким образом за четверть века в нём накопилось 27 молитв, записанных на 82 страницах. В 2005 году старец подарил этот блокнотик Т. С. Смирновой, и два года спустя он был издан — сперва небольшим тиражом, а в 2009-м — уже широким. Причём издание точно воспроизводило все особенности оригинала, вплоть до чернильных клякс на страничках.

На вопрос, как именно молился о. Иоанн, Татьяна Сергеевна Смирнова отвечала так:

— Это один Господь и знает, как он молился, когда оставался один, больше никто. Могу только сказать, у него в келье не был заведён большой свет. Он молился в полумраке. На столике стояли два ночника, перед иконами горели лампы. Один он оставался только ночью. Всё остальное время с раннего утра до самого вечера занимали посетители и послушания. Но батюшка умел молиться и без особых условий, он молился постоянно, несмотря на суету вокруг, и молитва его была очень действенная. Сколько раз я на себе это проверяла! Бывало, прибежишь к нему с какой-то бедой, он прочитает один только тропарь перед Казанской иконой, и всё налаживается! А нас он учил: «Каждый день обязательно садись в креслице или на диванчик и посиди, и подумай — просто под Богом посиди». Не спешить в углу, читать быстро, а думать о своём, а помолчать, подумать, “перед Богом побыть”». Но при этом батюшка говорил, что правило всё-таки всегда остаётся правилом и оставлять его нельзя: «Неужели ты лучше выдумаешь, чем Василий Великий или Иоанн Златоуст?», — говорил о. Иоанн.

Продолжало входить неземной радостью в земную жизнь старца Светлое Христово Воскресение (в 1999-м и 2004-м оно совпало с его днём рождения, 11 апреля). В Великий Четверг он сам читал двенадцать Евангелий, и только в 2005-м его сменил в роли чтеца игумен Филарет. К

Пасхе келия о. Иоанна приобретала торжественный, праздничный вид, а сам он в полном облачении садился у окна, глядя на купола Успенского собора. Когда в полночь на его ступеньках виднелся фонарь, предвестник крестного хода, батюшка чуть слышно начинал петь стихирю «Воскресение Твоё, Христе Спасе, ангели поют на небесех...». Всю службу батюшка уже не мог отслужить — засыпал в изнеможении. Но непременно просыпался, когда у Михайловского собора звучал Пасхальный тропарь, и пел вместе с братией. Так же торжественно отмечались в его келии и другие великие праздники. На Троицу вся она зеленела берёзовыми ветками, на Рождество Христово устраивался вертеп из еловых ветвей.

Здоровье старца между тем медленно, но верно ухудшалось. После падения с лестницы вне келии он передвигался уже в инвалидном кресле — в нём о. Филарет вывозил его в сад Святой Горки, где обычно делал три круга по дорожке, на монастырский двор, в Вярску (последняя поездка в Эстонию состоялась летом 2004-го). 1 февраля 2002 года с батюшкой случился инсульт, и на протяжении пяти часов он не мог произнести ни слова. Но когда в келию вошёл врач, о. Иоанн неожиданно для всех проговорил: «А что это у нас за переполох?» Лечение растянулось во времени, и батюшка иногда с еле различимой скорбной интонацией произносил: «Где ж моя былая удаль?» Да ещё начал часто вздыхать.

— Батюшка, вам тяжело? — беспокоилась келейница.

— Нет.

— А что ж тогда вздыхаете?

— Легче мне так...

А о. Филарет время от времени заводил с о. Иоанном шутливый диалог:

— Ну что, батюшка, будем умирать?

— Нет-нет, — также, с улыбкой реагировал батюшка.

Всё чаще и чаще он задумывался о смерти. Вернее, правильнее будет сказать, что о ней о. Иоанн никогда не забывал — и, конечно, не страшился её, как и положено христианину. По слову святого Иоанна Лествичника, «как хлеб нужнее всякой другой пищи, так размышление о смерти нужнее всех деланий <...> Невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днём нашей жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий». Ещё в 1978-м, вернувшись с каких-то похорон, батюшка неожиданно сказал Татьяне Сергеевне:

— А я сегодня себя отпевал.

— Не рано ли?

— Когда меня-то хоронить будут, заспешат все, — глядя куда-то вдаль, ответил батюшка. — А тут уже как хорошо-то. Неспешно, ничего не упуская, под благоговейное пение старушек. Тихо, скромно и очень молитвенно.

В дальнейшем о. Иоанн попросил записать себе на магнитофонную кассету канон на исход души и во время болезни просил присоединить его к вечерним молитвам. А потом в его келии появился гроб — как напоминание о бренности всего сущего. Однажды во время прогулки на Святой Горке о. Иоанн неожиданно попросил о. Филарета похоронить его в колоде — выдолбленном стволе дерева, как делали с монахами в старину. Но этот вариант он потом сам отверг. Гроб ему изготовил друг-столяр из Белоруссии, а освятил его сам батюшка. Всего таких подарков было три: первый получился великоватым, второй батюшка подарил келейнице, а третий, лично опробовав (улёгся в него в келии о. Филарета минут на пять), одобрил. Гроб этот стоял на шкафу и постоянно был в поле зрения батюшки. Но так вышло, что ещё до смерти о. Иоанна этому гробу было суждено сыграть важную роль в истории обители. 10 февраля 2003 года проходило освидетельствование мощей старца Симеона (Желнина) — того самого, который когда-то назвал о. Иоанна «земным ангелом и небесным человеком». По просьбе наместника батюшка согласился предоставить гроб для мощей, а после канонизации преподобного Симеона Псково-Печерского, когда гроб вернулся в келию, попросил не менять внутри обивку, только застелить её белой пеленой. А в келии старца появилась икона преподобного.

Вечность подступала к нему всё ближе и ближе. Сам старец уже не раз говорил, что у него двойное гражданство — земное и небесное. 2 февраля 2004-го ночью он подозвал келейницу и попросил помолиться вместе с ним: «Трудно тебе будет пережить, если ты найдёшь меня утром уже отошедшего». «А что, Вы уже получили о том извещение?» — спросила Татьяна Сергеевна. «Я реку своей жизни уже переплыл и сегодня это увидел», — ответил о. Иоанн и попросил, чтобы его сегодня же причастили. Вскоре после этого дня он пригласил в келию отца наместника и в присутствии Татьяны Сергеевны сделал распоряжения о своём погребении: назвал храм, где нужно его отпеть (Сретенский), место, где хотел бы покоемся. Сначала он пожелал, чтобы его «соседом» в Богом зданных пещерах был епископ Феодор (Текучев), но отец наместник заметил, что после прославления в лике преподобных старца Симеона (Желнина) освободилось его место. О. Иоанн на это скромно промолчал. Потом рассказал, какие иконы из его келии должны быть переданы в

монастырские храмы, попросил, чтобы сорок дней после его кончины келия была бы закрыта, а потом при необходимости её можно передать кому-нибудь из братии.

5 февраля 2005 года, окончив утреннее правило, он неожиданно побледнел, лицо покрылось крупными каплями пота, промок от пота и подрясник на спине. Келейница, скрывая замешательство и страх шуткой, воскликнула:

— Что же вы, умирать собрались?

— Нет-нет, ещё немного поживу, — чуть слышно отозвался батюшка. Вскоре ему полегчало.

11 апреля 2005-го в монастыре отметили очередной круглый юбилей о. Иоанна — 95-летие. Ко дню рождения и 60-летию принятия священнического сана батюшка был удостоен ордена преподобного Серафима Саровского 1-й степени, который ему вручил архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий. Наверняка о. Иоанну было приятно получить эту учреждённую в 2004 году награду, посвящённую одному из его любимых святых. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II прислал юбиляру письмо — как всегда, не официальное, а очень тёплое: «Молитвенно, не только в этот благословенный день, но каждодневно на утреннем и вечернем молитвенном правиле, прошу Господа, да укрепляет Он Вас, дарует силы телесные переносить немощи и болезни сопутствующие годам жизни и щедро умножит дни и лета Вашей жизни на радость и утешение всем нам, любящим Вас и уповающим на Ваши Святые молитвы».

Пасха в том году пришлась на 1 мая. Как всегда, от имени о. Иоанна рассылалось множество поздравлений по сотням адресов. Его последнее пасхальное обращение звучало так:

«Воистину Воскресе Христос и живёт вовеки!

Христос Воскресе!

Дорогие мои, родные и близкие!

Поздравляю вас с Праздником праздников — Воскресением Христовым!

И опять мы зрим Живого, Воскресшего Господа, и опять Он рядом, и весёлая благодать Пасхи радостью исполняет сердца наши.

Девяносто пять лет я встречаю уже этот Великий день. И вот теперь, когда вождеденный край лазури Вечности близок, я хочу порадовать сердца ваши и своим личным свидетельством.

Воскресения День Спасительный за мою долгую жизнь приходил всегда, принося с собой Силу и Любовь возлюбившего меня Христа,

претворяя мою веру в знание неоспоримое.

Он освящал меня чистой, ликующей радостью в детстве. Он укреплял меня, изнемогающего в трудах и болезнях. Он приходил и во мрак неволи, свидетельствуя о свободе во Христе и обещая свободу узнику.

Дорогие мои, чадца Божии!

Живите же и вы радостью Святой Пасхи, питайтесь Её обетованиями. Приносите возлюбившему вас Спасителю и свою любовь к Нему, и живую веру в то, что Истина и Милость путей Господних ведёт нас в радость Вечной Пасхи.

Воистину, воистину Воскресе Христос!»

В ночь на 9 июля 2005 года о. Иоанн не мог уснуть — томился, вздыхал, взывал в молитве к Спасителю и Матери Божией. В самые тяжкие для него минуты просил кропить его святой водой и помазывать елеем. Под утро ему стало лучше, лицо разгладилось. Было слышно, как он шепчет:

— Слава Богу, удостоил Господь меня поболеть и в келии посидеть. Час призыва в вечность мне не ведом, но близ при дверех есть.

29 ноября в два часа дня батюшка вдруг слабым, но радостным голосом запел тропарь «Исайе ликуй, Дева име во чреве и роди Сына Эммануила...» и пропел его несколько раз. Монастырская медсестра Любовь Глазырина, которая находилась в тот момент в келии, запела вместе с ним. Её поразило торжественное и счастливое выражение лица старца. Отрешённым голосом он еле слышно проговорил:

— Приходила.

— Кто приходил? — в один голос спросили келейница и медсестра.

— Царица Небесная приходила.

После этого он молчал целый день, а потом обратился к келейнице:

— Танечка, я уже устал, мне тяжело быть здесь. Отпусти меня. — И после паузы добавил: — Всё. Подлечиваться прекратили. Не делаем ни-че-го.

Ольга Борисовна Сокурова посетила о. Иоанна в августе 2005 года, когда к нему уже никого не пускали. Она вспоминает: «Слов уже не нужно было. Я молча стояла на коленях в его келье, а батюшка много раз молча, внимательно вглядываясь, крестил и благословлял меня. Было отчётливое ощущение, что он общается уже “оттуда”». Крайне утомлённым и слабым, по воспоминаниям о. Владимира Правдолюбова, батюшка выглядел и месяц спустя, когда в гости к нему приехали старые друзья Правдолюбовы.

С 18 декабря 2005-го о. Иоанн ежедневно причащался. Он почти постоянно молчал, будучи полностью погружен в молитву. Когда 28 декабря в келию принесли показать новый компакт-диск с записями, по

странному совпадению это оказалась подборка проповедей «Блажени мертвии, умирающие о Господе». Более того, кто-то из работников склада фломастером написал на коробках: «Поминальный набор». Взглянув на диск, батюшка тихо сказал:

— Спрячьте пока, скоро он вам пригодится.

Близился новый 2006 год. В ночь с 30 на 31 декабря, в половине четвёртого утра, о. Иоанн твёрдо произнёс три раза подряд: «Я умираю». Находившийся рядом врач, осмотрев больного, подтвердил келейнице — кончина близка. Над старцем начали читать отходную. Скорбная весть распространилась по монастырю, и скоро келия наполнилась братией, пришедшей прощаться со своим духовным отцом.

Помощник батюшки о. Филарет был в то время в Москве, на сессии в Сретенской духовной семинарии. Как он рассказал автору этих строк, телефонный звонок Татьяны Сергеевны Смирновой его не расстроил, а рассердил:

— Как это он умирает?! Он же мне сказал: «Когда я буду умирать, ты меня причешишь перед смертью!» А меня сейчас в монастыре нет. Так что умереть без меня он не может!

Конечно, о. Филарет бросил все дела в Москве и помчался к старцу.

Прощание затянулось до середины дня 31 декабря. Звучал канон на исход души. О. Иоанн лежал мертвенно бледный, неподвижный, не отвечая ни на вопросы, ни на прикосновения. Кто-то подал мысль о том, что любимый праздник батюшки — Пасха, и монахи запели у его ложа пасхальный канон. Пел и отец наместник, архимандрит Тихон. И тут на глазах у многих людей произошло настоящее чудо. Когда закончилось пение пасхальных стихир, о. Филарет наклонился и произнёс на ухо о. Иоанну:

— Батюшка, вот отец наместник пришёл вас поздравить с Пасхой. Христос воскрес!

И столпившиеся вокруг ложа батюшки вдруг слышали прерывающийся шёпот умирающего:

— Во-ис-ти-ну вос-кре-се...

Все застыли, поражённые. О. Иоанн пытался поднять руку, чтобы осенить себя крестным знамением, но не мог.

— Христос воскрес!! — раздалось в келие вторично.

— Воистину воскрес, — уже отчётливее произнёс о. Иоанн, тяжело приподнял руку и сделал попытку перекреститься. Восковой цвет его лица на глазах менялся, становился розовым.

— Христос Воскресе!!!

На третий раз о. Иоанн произнёс уже со своей обычной радостной интонацией, трижды:

— Воистину воскрес! Воистину воскрес! Воистину воскрес!.. — и твёрдой рукой осенил себя крестным знамением.

Новый 2006 год в Псково-Печерской обители был и радостным, и грустным. Из уст в уста передавали весть о чудесном возвращении о. Иоанна к жизни. И одновременно всем было понятно: долго батюшка не задержится. Небесная Родина уже звала его, а все дела на Родине земной были закончены.

Его по-прежнему причащали ежедневно. Келия наполнилась народом. Днём вслух читали Евангелие. А каждый вечер после окончания уставных служб к батюшке приходила братия. Тесная комнатка не могла вместить всех, поэтому садились в изголовье постели о. Иоанна, на диванчике, прямо на полу. Горели свечи, читалась вслух Псалтирь. Все понимали, что присутствуют при Последних днях жизни старца... 5 января о. Иоанн, изменившись в лице и глядя куда-то поверх голов присутствующих, попросил: «Господи, возьми меня скорее отсюда». На следующий день снова попросил: «Разреши меня скорее, Господи». Никаких лекарств он больше не принимал — ему не ставили капельницу, не делали уколов.

Татьяна Сергеевна спросила у него, какие ещё праздники они встретят вместе. Батюшка, не задумываясь, ответил:

— Рождество, Крещение, а потом... — И умолк.

Прошло Рождество Христово. Состояние батюшки внешне улучшилось, он даже начал подниматься к трапезному столу. Миновало Крещение Господне. 25 января, как бы ни к кому не обращаясь, батюшка произнёс: «Ещё одну недельку потерпим...» Но срок пришёл не через неделю, а чуть позже.

День 4 февраля ничем не отличался от прочих, разве что о. Иоанн несколько раз спрашивал у близких, который час. Утром во время причастия он сам прочёл «Ныне отпускаеши...». Вечером в келии служили всенощное бдение святым Новомученикам и Исповедникам Российским. Последним батюшку посетил инок Варух (Буш), о котором у о. Иоанна было особое попечение: он всегда приветствовал его ласковым возгласом «Варушонок пришёл». Зашёл и иеродиакон Прохор (Андрейчук), но батюшка уже отдыхал, беспокоить его не хотелось; гость поцеловал его руку и вышел.

Утром 5 февраля, в воскресенье, в день Собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских, о. Иоанна облачили в белый подрясник и праздничную епитрахиль. Было видно, что старец крайне

утомлён. Татьяна Сергеевна померила ему давление, но оно оказалось нормальным. Прозвучал канон Святой Троицы восьмого гласа воскресной полунощницы. Келейница спросила:

— Будем ли причащаться?

В ответ старец молча кивнул. После причастия о. Филарет прочёл «Ныне отпускаеши...». Некоторое время он сомневался, идти ли на позднюю Литургию или нет. Но, посоветовавшись с келейницей, всё же решил идти.

Вспоминает Т. С. Смирнова: «Батюшка прикрыл глаза и слегка повернулся направо. Половина десятого. Через пятнадцать минут ударил колокол к службе, праздничный звон наполнил келию. И в этот момент я поняла, увидела, что батюшка не откроет больше глаз. Он ушёл. Таинство смерти свершилось. В божественной тихости, под благовест, закончил отец Иоанн своё земное поприще. Посидела, ещё не веря случившемуся. Протянула руку к пульсу, и он подтвердил то, чему не хотелось верить. Батюшка перешёл порог земной жизни тихо, неприметно».

Новость мгновенно облетела сначала монастырь, затем Печоры. Одновременно узнавали её люди по всей стране. Звонки с мобильных телефонов и скорбные эсэмэски опережали официальные сообщения...

Почта приносила протокольные соболезнования, в выверенных словах которых, тем не менее, сквозила живая боль, потому что люди, посылавшие их, знали и любили о. Иоанна.

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

Москва. 361001 11107/02 00.21.

Президент Российской Федерации уведомление телеграфом Печоры
Псковской Псково-Печерский монастырь

Архиепископу Псковскому и Великолукскому Евсевию, наместнику
Псково-Печерского монастыря архимандриту Тихону с братией

С глубокой скорбью узнал о кончине архимандрита Иоанна — одного из самых почитаемых в России старцев, истинного подвижника веры, ставшего духовным пастырем для многих людей. Он сполна разделил тяжкое время, выпавшее на судьбу его поколения, на судьбу служителей Русской Православной Церкви, и, несмотря на все испытания, сохранил любовь к ближнему. С достоинством нёс свою миссию, проповедуя добро и милосердие.

Беседы с отцом Иоанном — неординарным, светлым и праведным человеком — оставили неизгладимый след в моей душе, в сердцах всех, кому посчастливилось с ним встретиться.

Вечная ему память.

В. Путин»

«6 февраля 2006 г.

№ 622.

199034 Москва, Чистый пёр., 5

Его Высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему ЕВСЕВИЮ
Архиепископу Псковскому и Великолукскому

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка!

Весть о кончине старейшего насельника Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, горячо любимого и почитаемого старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) болью отозвалась в моём сердце.

Вознося молитвы ко Господу о упокоении его души в селениях небесных, выражаю искреннее соболезнование Вам, дорогой Владыка, о. наместнику и братии монастыря, родным, близким и всем многочисленным духовным чадам покойного дорогого батюшки.

В праздник Собора новомучеников и исповедников Российских Пастыреначальник Христос Господь призвал к Себе верного и усердного служителя, через всю свою продолжительную и нелёгкую жизнь пронёсшего неугасшим огонь веры Христовой, сохранившим целым и невредимым даже до последнего своего издыхания залог Церкви, преподанный ему более шести десятилетий тому назад в таинстве священства. Он, как и многие его современники, немало пострадал за Святую Церковь и воистину стал живым свидетелем обетования Христова: “Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют её”.

Горячая вера, постоянный молитвенный настрой, жертвенная любовь к Церкви и пастве, ревность к славе Божией снискали о. Иоанну общеправославную известность и глубокое почитание. Всё, что он делал, было посвящено единому на потребу — живой проповеди о Христе Распятом и Воскресшем. Теплотой и заботой о спасении были наполнены его пастырские слова, обращённые как к приходящим к нему, так и к людям, живущим далеко от обители.

Бывая в его монастырской келии и беседуя с ним о многих насущных вопросах церковной и общественной жизни, я видел, насколько взвешены в русле святоотеческих традиций духовного трезвения были его суждения. К его провидческому голосу прислушивались не только люди Церкви — он был знаем и почитаем многими светскими людьми. Он стал истинно народным печальником и молитвенником. Вот почему скорбят ныне тысячи его духовных чад. Но вместе с тем торжествует Правда Божия, столь убедительно открывшаяся православному миру в жизни и пастырских трудах о. Иоанна.

Мысленно даю последнее целование почившему и выражаю надежду, что по слову Спасителя он услышит желанный глас: “В малом ты был верен, над многими тебя поставлю, пойди в радость Господа своего”.

Да сотворит Господь новопреставленному о. Иоанну вечную память!

С любовью во Христе,

Алексий,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ».

Свои соболезнования в монастырь прислали митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров), Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев), митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев; ныне Патриарх Московский и всея Руси), митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор (Кубанский), митрополит Черновицкий и Буковинский Онуфрий (Березовский), митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий (Якобс), митрополит Ловчанский Гавриил (Динев). Среди светских лиц, приславших соболезнования, были генеральный прокурор Российской Федерации В. В. Устинов, Полномочный представитель Президента России в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко, 1-й заместитель председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Л. К. Слиска, многие другие.

Первую заупокойную литию в келии старца совершил наместник обители архимандрит Тихон с братией. 6 февраля в 14.30. в обитель приехал архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий. Снова была совершена заупокойная лития, после которой гроб с покойным под звон всех колоколов монастыря с крестным ходом под пение «Святы́й Боже...» перенесли в Сретенский храм. После третьей заупокойной литии владыка Евсевий произнёс прощальное слово. Началось чтение Евангелия. В 17 часов архимандрит Тихон совершил парастас, после чего чтение Евангелия продолжилось.

На следующий день, 6 февраля, в Сретенском храме наместник монастыря совершил соборную панихиду. На протяжении дня над гробом покойного читали Евангелие, служились панихиды и заупокойные литии, в 17 часов парастас совершил епископ Зарайский Меркурий. А в Святые врата монастыря продолжали и продолжали входить приехавшие проститься с о. Иоанном люди. Казалось, население Печор в эти дни увеличилось в несколько раз. Из автобусов и машин с российскими, белорусскими, эстонскими, латвийскими номерами выходили люди, объединённые общей скорбью — знавшие и не знавшие друг друга, но единые в любви и благодарности к о. Иоанну...

6 февраля новость о кончине батюшки облетела весь православный мир. О ней говорили с амвонов священники после проповедей, её с плачем передавали из уст в уста в храмах, телефонными звонками, эсэмэсками, по электронной почте, письменно. Проводники поездов, уходящих из Москвы и Петербурга в Пеков, изумлённо рассматривали пассажиров — почти все они были священнослужителями разных рангов. С привокзальной площади Пскова многочисленные заказные автобусы и такси также уходили по одному маршруту — в Псково-Печерский монастырь.

Ольга Борисовна Сокурова успела на поезд Петербург — Псков в последний момент: «Успеть нереально. Но отступить, вернуться домой и согласиться с тем, что не попрощаюсь с духовным отцом, тоже совершенно немыслимо. Остаётся одно: двигаться вперёд как можно быстрее, положившись на милость Божию и батюшкину помощь, сделать со своей стороны всё возможное и невозможное, а там уж как Бог даст. <...> Вот я уже на вокзале, подбегаю к кассе. Вторым в очереди стоит мой знакомый. Это замечательный врач, очень отзывчивый человек, прежде часто бывавший у батюшки. Он говорит мне: “Ольга Борисовна, становитесь в очередь вместо меня. Я забыл дома паспорт. Звонил сыну в надежде, что он подвезёт, но телефон всё время занят, должно быть, сын увяз в Интернете. Значит, мне не суждено. Поезжайте, помолитесь о нас у гроба отца Иоанна”. Горячо поблагодарив, беру билет».

Утро 7 февраля выдалось ярко-солнечным и очень морозным — ниже минус тридцати. По Кровавой дороге струился нескончаемый поток людей. Казалось, что весь православный мир пришёл проститься с батюшкой. В Сретенский храм уже невозможно было протиснуться — всю Успенскую площадь запрудили паломники. Позднюю Божественную литургию возглавил архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий (Саввин), сослужили ему архиепископ Рязанский и Касимовский Павел (Пономарёв, в 1988—1992 годах настоятель обители), архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл (Наконечный), архиепископ Новгородский и Старорусский Лев (Церпицкий), епископ Зарайский Меркурий (Иванов), наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрит Тихон (Секретарёв), наместник Московского Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов), представитель Американской Православной Церкви при Патриархе архимандрит Закхей (Вуд), о. митрофорный протоиерей Димитрий Смирнов, ректор Свято-Тихоновского гуманитарного университета о. протоиерей Владимир Воробьёв, представители Грузинской и Эстонской Православных Церквей, более ста

двадцати священнослужителей Псковской и многих других епархий.

После Литургии слово взял владыка Евсей:

— Угас светильник нашей обители, угас светильник на нашей земле русского Отечества. Перестало биться беспокойное сердце отца Иоанна. В своей жизни он любил Господа, любил Пречистую Деву Марию, любил святую обитель, и, наверное, каждого из нас он ласкал своим сердцем. Исполняя заповедь о любви к Богу и людям, он непрестанно возносил славу и благодарение Богу. Где бы он ни находился: в храме, в келье, в заточении — он всегда ревновал о Славе Божией. И эту Славу Божию он выражал в своём служении и в своей проповеди... А теперь прошу всех вознести усердные молитвы нашему Господу и Пречистой Деве Марии, потому что сегодня мы почитаем образ Преподобной Девы Марии «Утоли моя печали». Это тоже знаменательно: батюшка ушёл в воскресный день из этой жизни к воскресению для жизни вечной, в день почитания Новомучеников и Исповедников Российских, потому что он сам в этой жизни был и мучеником, и исповедником Правды Божией. А сегодня в день его погребения мы почитаем и чтим Пречистую Деву Марию, которую он всем сердцем любил, а Она — «Утоли моя печали» — да утолит печаль нашу, и да будет Она покровом и путеводительницей в жизнь вечную нашему дорогому усопшему новопреставленному отцу Иоанну. Помолимся о его душе.

На отпевании, которое проходило по монашескому чину, в храме присутствовали полторы тысячи человек. Перед пением «Со святыми упокой» надгробное слово произнёс архиепископ Рязанский и Касимовский Павел:

— Господь сподобил его увидеть и пережить многое. Он видел Святейшего Патриарха Тихона, он пережил лагеря и тюрьмы, он пережил голод и войны, он сподобился увидеть расцвет Русской Православной Церкви. Все мы с вами, которые сегодня пришли попрощаться и отдать своё последнее целование старцу Иоанну (Крестьянкину), архимандриту и насельнику Псково-Печерского монастыря, так или иначе мы с ним были связаны в своей жизни. В его сердце находилось место для каждого из нас. Мы приходили к нему и приносили свои радости и скорби. Мы просили помолиться его не только за себя, но и за своих близких — за детей, за стариков, за родителей. Мы просили его о том, чтобы он помолился о наших проблемах, о наших скорбях, о наших трудностях, чтобы он воздал Богу благодарение за наши радости. И старец Иоанн находил для всех место. Он утешал, и наставлял, и назидал детей, он наставлял и находил слова утешения взрослым и престарелым людям. И поэтому мы сегодня с

особой благодарностью пришли воздать ему последнее целование...

Иеромонах Иоасаф (Швецов) огласил написанное 25 июня 2005 года о. Иоанном предисловие к его запискам, которое теперь воспринималось как завещание:

— Дорогие мои, родные и близкие!

К закату преклонился день моей жизни. И я уже дважды получил о том извещение. В первый раз десять лет тому назад, но чьи-то молитвы преклонили Господа на милость и продлили моё пребывание в земной жизни.

А вот теперь, 2 декабря 2004 года, я зримо увидел, что уже переплыл реку моей жизни и стою в преддверии вечности.

И в благодарность Богу и святой Матери Церкви, а главное во свидетельство о том, что Промысл Божий ведёт нас по жизненному пути, оставляю краткие записи, как зеркало, отражающее эту очевидную истину. Мои разрозненные эпизодические повествования записывались с 1981 года, и это не были рассказы обо мне, но иллюстрации некоторых жизненных ситуаций. Теперь же, когда это лоскутное одеяло сложилось, и я переписал, перелистал, возвращаясь в прошлое, я сам умилился, узрев богатство милости Божией ко мне, убогому и грешному человеку. И на пороге новой жизни стою с замиранием сердца в ожидании встречи с Господом моим, встречи, к которой стремилась душа моя всю жизнь. А вам, как просьбу о молитвенной памяти обо мне, оставляю эти записи о жизни в Боге, и, проверенное самой моей жизнью завещание.

Дорогие мои, чадца Божии, верьте Богу, доверяйтесь Ему! Примите всё в жизни: и радость, и безотрадность, и благоденствие и злоденствие, как милость и истину путей Господних, и ничего не бойтесь в жизни, кроме греха. Только он лишает нас Божьего благоволения и отдаёт во власть вражьего произвола и тирании. Любите Бога, любите Любовь и друг друга до самоотвержения. Знает Господь, как спасти любящих Его.

Наверняка в этот миг многие из присутствующих вспомнили слова из проповеди батюшки, посвящённой Иоанну Богослову — апостолу, по имени которого был наречён в монашестве сам о. Иоанн:

— Ослабевший столетний старец, труженик Христов, говорит последнюю проповедь: «Дети, любите друг друга! Это заповедь Господня, если соблюдёте её, то и довольны»...

Стройно звучал прощальный хор. Слёз никто не стеснялся. Плакали седые владыки и молодые монахи, плакали духовные чада и те, кто знал о. Иоанна только по книгам и аудиозаписям его проповедей... И тут же звучало: «У Бога смерти нет, у Него все живы. Отец Иоанн уже молится за

нас у Престола Господня». Людской поток к гробу не иссякал несколько часов.

После прощания духовных чад гроб с телом почившего старца под пение ирмосов «Помощник и Покровитель...» пронесли по Успенской площади в Богом зданные пещеры. Но люди не расходились ещё очень долго. Вспоминает О. Б. Сокурова: «На площади перед Успенским собором после погребения щедро раздавали народу пирожки, конфеты, разливали горячий чай. Потом вынесли пачки фотографий отца Иоанна. Их брали с бою, толкаясь, волнуясь, что не достанется, со всех сторон умоляюще протягивая руки и счастливо прижимая к сердцу и устам дорогую “добычу”. Всё это выглядело, конечно, совсем не чинно, но как-то по-детски непосредственно. Я тоже впала в совершенное детство и вела себя ничуть не лучше остальных. Наверное, батюшка в это время смотрел на нас сверху и улыбался: “Други мои, чадца Божии! Да благословит вас всех Господь!”».

Местом последнего упокоения о. Иоанна стала пещера, где сорок три года стоял гроб с телом преподобного Симеона (Желнина). На протяжении следующих сорока дней не иссякал поток прощавшихся с батюшкой. Многие обращали внимание на то, что дни поминовения сопровождались празднествами в честь Божией Матери: в день похорон чтили икону «Утоли моя печали», на двадцатый день — Иверскую, 15 марта — Державную. В Богом зданных пещерах стоял острый, тонкий запах свежих цветов, трепетали копьеца свечей. Можно было сотворить молитву, приложиться к гробу, обнять его. И гладкое дерево под руками оказывалось неожиданно тёплым.

Множество народу приехало в монастырь и на сороковины, 16 марта. Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий с сонмом псковского духовенства, архимандритом Тихоном и братией совершил панихиду в Богом зданных пещерах у могилы о. Иоанна. Ольга Сокурова так вспоминает об этом: «И снова был необычайно красивый день: белый снег, синее-пресинее небо, ослепительное солнце. Но на этот раз оно уже ощутимо пригревало. Чувствовалось приближение весны. Боль растаяла, исчезла. На её место пришла пасхальная светлая радость. Батюшку торжественно проводили в Жизнь Вечную».

Долгая жизнь земная закончилась. Началась жизнь небесная — вечная.

Но удивительное дело отец Иоанн будто и не уходил никуда. Недаром паломники, посещающие сегодня Свято-Успенскую Псково-Печерскую обитель, первым (или, как минимум, вторым) делом просят показать им окна келии старца Иоанна Крестьян кина. И с благоговением посещают

саму келию, которая сохраняется в точно таком же виде, как при батюшке. Это не застывший музей, это живая святыня. Те же иконы, у которых он молился, те же фотографии знакомых ему людей, прославленных как святых — Патриарха Тихона, архиепископа Серафима (Остроумова), о. Георгия Коссова, старцев Симеона (Желнина) и Серафима (Романцова), — тот же вид из окна на Успенскую площадь, тот же вошедший в легенду потёртый зелёный диванчик, конфетки, которыми батюшка так любил одаривать гостей. И особенный, ни с чем не сравнимый и непередаваемый словами дух, который царит в этой крошечной намоленной комнатке. Когда находишься там, так и кажется, что вот-вот быстрыми шажками вбежит запыхавшийся после службы убелённый сединами отец Иоанн и первым делом устремится к келейному иконостасу — читать молитву. А уж потом повернётся к посетителям, благословит каждого и радостно, с улыбкой скажет своё всегдашнее:

— Чадца мои! Сядем рядком, поговорим ладком...

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) пока не канонизирован Русской Православной Церковью, и забегать вперёд в этом вопросе не следует. Напомним, что сам о. Иоанн очень строго подходил к подобного рода вещам, неизменно напоминая о том, что «нужно ждать слова Русской Церкви. Вот когда Церковь скажет, когда прославит, тогда и мы будем прославлять». Но влияние, оказанное батюшкой на духовную жизнь России и многих других стран, таково, что не приходится сомневаться — рано или поздно мы затеали свечу перед образом преподобноисповедника Иоанна Псково-Печерского. Кроме того, канонизация — это ведь не «возведение в святые», это свидетельство о святости. А как сказал сам о. Иоанн в своей работе о преподобном Серафиме Саровском, «значение святых не только в том, что они оставили нам примеры для подражания, но и в том, что они являются вечно живыми членами Церкви, оказывающими нам реальную, живую помощь». Точно заметил однажды настоятель Псково-Печерской обители архимандрит Тихон:

— Если отец Иоанн не святой, то кто же святой?..

Ну а лучшим завершением этой книги станут, пожалуй, две цитаты из отца Иоанна. Одна — это совет, который он дал священнику, бывавшему у него только наездами. Гость спросил у старца:

— Батюшка, не всегда бывает возможность личного общения с Вами, с кем благословите советоваться в тяжёлых жизненных духовных ситуациях?

Отец Иоанн ответил так:

— Советуйтесь с тремя: с Вашим умом, с Вашей душой и с Вашей совестью. Когда они все будут в полном согласии, так по их единодушному

определению и поступайте. Конечно, перед этим помолитесь и благословитесь у Господа. Веру надо иметь, веру, и тогда Бог будет за нас и с нами.

А вторая цитата — выдержка из проповеди, которую о. Иоанн произнёс 15 января 1991 года, в день памяти преподобного Серафима Саровского:

— Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей Родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привёл к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

События XX века показали, что мир стоит перед лицом гибели. Дай Господь вам всем мужество очнуться, чтобы понять, что заблудились люди во мраке обольщения. Вот тогда-то миру и понадобится неугасимая лампада — Святая Русь, ибо без неё не выбраться из трясины.

Россия! Будь такою, какою ты нужна Христу!..

Молитвами отца Иоанна, Господи, спаси и помилуй нас.

Аминь.

Октябрь 2017 — июль 2018

Минск — Орёл — Москва — Рязань — с. Троица —

с. Летово — с. Борец — Касимов — Печоры

БИБЛИОГРАФИЯ

Избранные труды о. Иоанна (Крестьянкина)

Духовное наследие старца Иоанна Псково-Печерского. Кн. 1—6. М., 2016 (включает книги «Размышления о бессмертной душе», «Опыт построения исповеди», «Рассуждение с советом. Собрание писем», «По следам Евангельской истории. Проповеди на праздники двенадцатые и от Пасхи до Троицы», «Проповеди Великого Поста», «Проповеди 1986—1995 гг.», «Заветы инокам»).

Настольная книга для монашествующих и мирян. М., 2016.

Неведомому чаду. К 100-летию со дня рождения архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Деятельные и созерцательные слова (обретённые в переписке). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2009.

От сердца к сердцу. Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Т. 1—2. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2015.

Электронные ресурсы

www.ioann.oii, www.pskovo-pechersky-monastery.ru, www.pravoslavie.ru, <https://sretenie.com>, www.stoletie.ru, www.sedmitza.ru, www.pravmir.ru, krotov.info, www.orel-eparhia.ru, www.optina.ru

Литература

Амиргулова В. Жить нам предстоит вечно... Об орловских истоках жизни отца Иоанна Крестьянкина. Орёл, 2009.

- Видевше свет вечерний. Встреча со старцем. М., 2004.
- Живое предание. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Жизнеописание и воспоминания. СПб., 2009.
- Зотова-Печёрская Т. С рождения посвящённый. Псков, 2012.
- Евсин И. В. Они служили в Лето... Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), архиепископ Глеб (Смирнов), протоиерей Виктор Шиповальников. М., 2009.
- Мелхиседек (Артюхин), архимандрит. Всероссийский духовник. Воспоминания об архимандрите Иоанне (Крестьянкине). Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ясенево, 2016.
- На пути к вечности. Воспоминания духовных чад о периоде жизни отца Иоанна Крестьянкина после заключения, с 1955 по 2006 г. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2017.
- Орловский венок незабвенному старцу о. Иоанну Крестьянкину. Орёл, 2006.
- Пастырь добрый. Воспоминания об архимандрите Иоанне (Крестьянкине) его духовных детей. М., 2016.
- Полюбите Любовь. Воспоминания о духовном отце — архимандрите Иоанне (Крестьянкине). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2015.
- Правдолюбовы. «Из тайников сердечных». Воспоминания об архимандрите Иоанне (Крестьянкине). М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2014.
- Светлый старец. Отец Иоанн Крестьянкин. Жизнеописание, воспоминания о батюшке, письма к духовным детям. М., 2007.
- Смирнова Т. С. Божий инок. К 100-летию со дня рождения архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2008 (с приложением: «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени» — курсовое сочинение студента 3-го курса Московской Духовной академии о. Иоанна Крестьянкина).
- Смирнова Т. С. Записки письмоводителя старца. М., 2016.
- Смирнова Т. С. Память сердца: материалы к биографии архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2016.
- Тихон (Секретарёв), архимандрит. Божья Матерь — чудо Вселенной. Паломничество по Свято-Успенскому Псково-Печерскому монастырю. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2017.
- Тихон (Секретарёв), архимандрит. Будьте совершенны. Свято-

Успенский Псково-Печерский монастырь, 2008.

Тихон (Секретарёв), архимандрит. Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2016.

Тихон (Секретарёв), архимандрит. Доброделание ради Христа Бога. Новейшая история Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря 1976—2017. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2017.

Тихон (Секретарёв), архимандрит. Земной Ангел и Небесный человек. Жизнь и труды старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007.

Тихон (Секретарёв), архимандрит. Христов пастырь. Жизнь и труды старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) по материалам архива Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2014.

Тихон (Шевкунов), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2017.

У «пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М., 2003.

Школа молитвы. К 100-летию со дня рождения архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2009.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИМАНДРИТА ИОАННА (КРЕСТЬЯНКИНА) [\[7\]](#)

1910, 11 апреля — в г. Орле в семье мещан Михаила Дмитриевича (1862—1912) и Елизаветы Илларионовны (1875—1936) Крестьянкиных родился восьмой ребёнок — сын Иван.

1912, июнь — смерть отца.

1916 — начало пономарского послушания в храме Св. Илии Пророка в Орле.

1917, июнь — знакомство с епископом Орловским и Севским Серафимом (Остроумовым).

1917—1926 (с перерывами) — иподиакон епископа Орловского и Севского Серафима.

1921—1929 (с перерывами) — учёба в средней школе № 8 в Орле.

1929—1932 — бухгалтер в Орловском райкоопсоюзе.

1932 — переезд из Орла в Москву. Снимал угол в коммунальной квартире № 1 в Большом Козихинском переулке, 26 (дом не сохранился). Работал счетоводом в Московском областном союзе потребительских обществ.

1934—1944 — бухгалтер, помощник главного бухгалтера в системе московской промкооперации. Общение и дружба с о. Александром Воскресенским.

1936, август — смерть матери.

1944, 20 июля — уволился с последнего места работы. Служил псаломщиком храма Рождества Христова в Измайлове.

1945, 14 января — митрополитом Крутицким Николаем (Ярушевичем) рукоположен во диакона.

7 октября — экстерном сдал экзамены за курс духовной семинарии.

25 октября — Патриархом Московским и всея Руси Алексием (Симанским) рукоположен во иерея, назначен священником храма Рождества Христова в Измайлове.

1946, март—август — ризничий Троице-Сергиевой лавры.

Апрель — награждён камилавкой.

26 июля — сопровождал из Москвы в Вильнюс мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

1947—1950 — заочно обучался в Московской Духовной академии (окончил три полных курса). Написал дипломную работу о преподобном Серафиме Саровском (впервые опубликована в 2008-м). Знакомство и общение с М. Г. Ветвицкой, Г. В. Черепановой, семьёй Козиных, И. А. Соколовым, о. Виктором Шиповальниковым, о. Сергием Орловым.

1950, 29 апреля — арестован по обвинению в антисоветской агитации.

6 сентября — постановлением Особого совещания МГБ СССР осуждён по статье 58-10, ч. 1 УК РСФСР и приговорён к семи годам исправительно-трудовых лагерей.

8 октября — этапирован из Москвы в Каргопольлаг.

3 декабря — начал отбывать срок в отдельном лагерном пункте № 16 Каргопольлага.

1953, 12 сентября — переведён в инвалидный лагерь Гаврилова Поляна Куйбышевской области.

21 октября — прибыл в Гаврилову Поляну.

1955, 15 февраля — досрочно освобождён из заключения. Определён в число братии Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

9 апреля — впервые приехал в Печоры. Знакомство со старцем о. Симеоном (Желниным).

1955, 14 мая — 1956, 14 марта — второй священник Свято-Троицкого кафедрального собора Пскова.

1956, март—июнь — из-за угрозы ареста покинул Псков, жил в посёлке городского типа Листвянка Иркутской области.

30 апреля — награждён иерейским наперсным крестом. Сентябрь — второй священник храма Живоначальной Троицы в с. Троица Спасского района Рязанской области.

1957—1961 — паломничества в Глинскую пустынь. Знакомство со старцем о. Серафимом (Романцовым).

1959, сентябрь — второй священник храма Свв. Космы и Дамиана в с. Летово Рыбновского района Рязанской области.

1960 — совершил паломничество в Пюхтицкий монастырь.

1961, 9 апреля — возведён в сан протоиерея.

Июнь — совершил паломничество на Валаам.

Ночь с 29 на 30 декабря — стал жертвой нападения на храм бандитов.

1962, июль — настоятель храма Рождества Христова в с. Борец Сараевского района Рязанской области.

1964, июнь — настоятель храма Св. Николая Чудотворца в с.

Некрасовка Ермишского района Рязанской области.

1965, *апрель* — награждён палицей.

1966, *февраль* — настоятель храма Св. Николая Чудотворца в г. Касимове Рязанской области. Тесное общение с семьёй Правдолюбых.

10 июля — в Сухуми от схиигумена Серафима (Романцова) принял постриг в малую схиму с именем Иоанн.

1967, 1 *февраля* — получил благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия на переход в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

1 *марта* — зачислен в число братии.

5 *марта* — прибыл в монастырь.

1969, 10 *мая* — знакомство с Т. С. Смирновой, впоследствии письмоводительницей и келейницей.

1970, 13 *апреля* — возведён в сан игумена с возложением наперсного креста с украшениями.

1973, 8 *апреля* — возведён в сан архимандрита.

1978, 12 *апреля* — награждён орденом Русской Православной Церкви Святого Владимира 3-й степени.

1980, 31 *марта* — награждён орденом Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского 3-й степени.

11 *апреля* — отметил 70-летие.

1985, *июнь—август* — первая поездка на лечение и отдых в посёлок Вярска (Эстония).

1988, 26 *июля* — 1993, 1 *апреля* — братский духовник Псково-Печерского монастыря.

1989, 24 *апреля* — награждён вторым крестом с украшениями.

1989, 15 *июня* — реабилитирован (документ о реабилитации получен в 2005 году).

1990, 11 *апреля* — отметил 80-летие.

1993 — издана книга «Опыт построения исповеди».

1995 — издана книга «Проповеди архимандрита Иоанна».

1998 — издана «Настольная книга для монашествующих и мирян».

1999, 29 *августа* — последнее участие в крестном ходе на Успение Божией Матери. Издана книга «Размышления о бессмертной душе».

2000, 11 *апреля* — отметил 90-летие.

2 *августа* — принял у себя в келии Президента России В. В. Путина.

Середина августа — вторая встреча с В. В. Путиным.

11 *октября* — награждён орденом Русской Православной Церкви благоверного князя Даниила Московского 2-й степени.

Издана книга «Письма архимандрита Иоанна».

2001, 15 апреля — в последний раз служил Пасхальную службу.

2002, 1 февраля — перенёс инсульт.

2004, июнь—август — последняя поездка в Вярску. Издан альбом «Видевше свет вечерний. Встреча со старцем».

2005, 11 апреля — отметил 95-летие. Награждён орденом Русской Православной Церкви преподобного Серафима Саровского 1-й степени.

2006, 5 февраля — скончался в 9 часов 50 минут в возрасте 95 лет от атеросклероза сердца.

7 февраля — погребён в Богом зданных пещерах Псково-Печерского монастыря.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

Агиасма — освящённая вода.

Акафист — хвалебно-благодарственное пение, посвящённое Господу Богу, Богородице, ангелу или тому или иному святому.

Алтарь — восточная, главная часть храма. В алтаре находятся престол, жертвенник, епископская или священническая кафедра. Пространство за престолом называется горним местом.

Амвон — полукруглый выступ в центре храма напротив Царских врат. Служит для произнесения проповедей, ектений, чтения Евангелия и т. п.

Аналой — высокая подставка с покатым верхом, на которую кладутся богослужебные книги или иконы.

Антиминс — четырёхугольный плат с вшитой в него частицей мощей, находится на престоле в алтаре. Без антиминса невозможно совершение литургии.

Апостол — ученик Иисуса Христа, избранный и посланный Им на проповедь. Название иногда применяется и в отношении других святых, распространявших христианство среди язычников: например, Св. Григорий Просветитель, апостол Армении, Св. Стефан, апостол Перми, и др. В богослужебной литературе такие святые называются равноапостольными.

Апостольник — облачение монахини, головной платок с вырезом для лица, равномерно покрывающий грудь и спину.

Артос — квасной (дрожжевой) хлеб, освящаемый на Пасху. Артос раздаётся мирянам в субботу Светлой седмицы (Пасхальной недели).

Архиепископ — первоначально архиерей, глава крупной церковной области, объединяющей несколько епархий. Впоследствии архиепископами стали называться архиереи, управляющие крупными епархиями.

Архиерей — священнослужитель, относящийся к третьей, высшей степени священства. Имеет благодать совершать все таинства и руководить церковной жизнью. Каждый архиерей (кроме викариев) управляет епархией. В древности архиереи делились по объёму административной власти на епископов, архиепископов и митрополитов, в настоящее время эти звания сохраняются как почётные титулы. Из числа архиереев

поместный собор избирает Патриарха (пожизненно), который осуществляет руководство церковной жизнью поместной церкви (некоторые поместные церкви возглавляются митрополитами или архиепископами). К архиерею принято обращаться: к епископу «Ваше Преосвященство», к архиепископу или митрополиту — «Ваше Высокопреосвященство», к Патриарху — «Ваше Святейшество». Неофициальное обращение к архиерею — «владыко». Другое название — иерарх.

Архимандрит — монашеский чин. В настоящее время даётся как высшая награда монашествующему духовенству; соответствует митрофорному протоиерею в белом духовенстве. Чин архимандрита появился в Восточной Церкви в V в. — так именовались избранные архиереем из игуменов лица для надзора над монастырями епархии. Впоследствии наименование «архимандрит» перешло к начальникам важнейших монастырей и затем к монашествующим лицам, занимающим церковно-административные должности. Архимандрит носит чёрную мантию с красными скрижалями, а в том случае, если является наместником монастыря, — жезл-посох.

Бессребреник — святой, раздавший своё имущество и живший, не принимая денег. Например, свв. бессребреники Косма и Дамиан.

Благоверный — царь или князь, много способствовавший укреплению православия и причисленный церковью к лику святых; например, св. благоверный князь Александр Невский.

Благочинный — священник, назначенный епархиальным архиереем для наблюдения за церковно-приходской жизнью храмов одной из частей епархии — благочиния. В монастыре благочинный — ближайший помощник наместника.

Великие праздники — важнейшие праздники Русской Православной Церкви. К великим праздникам принадлежат (в скобках указывается новый стиль): Пасха, двенадесятые праздники, Обрезание Господне 1(14) января; Рождество Иоанна Предтечи 24 июня (7 июля), день памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня (12 июля), Усекновение главы Иоанна Предтечи 29 августа (11 сентября), Покров Пресвятой Богородицы 1 (14) октября.

Великий вход — торжественное перенесение Святых Даров в ходе литургии с жертвенника на престол. Символически представляет собой шествие Иисуса Христа на казнь.

Великий пост — главный пост в Русской Православной Церкви, призванный подготовить христианина к Светлому Христову Воскресению. Длится 48 суток.

Великомученик — древний, особо почитаемый мученик, претерпевший великие страдания за веру.

Вечерня — общественное богослужение, совершаемое вечером. Разделяется на всedневную, малую и великую. Всedневная вечерня совершается в будние дни, малая вечерня перед всенощным бдением, великая вечерня — под праздники и воскресенья. Соединение великой вечерни, утрени и первого часа называется всенощным бдением.

Воздух — большой плат (покров), которым покрываются потир (чаша для вина — Крови Христовой) и дискос (блюдо для хлеба — Тела Христова).

Всенощное бдение — общественное богослужение, совершаемое вечером под праздники и воскресенья. Состоит из соединения Великой вечерни, праздничной утрени и первого часа.

Дароносица — переносная дарохранительница, используемая священником для причащения дарами (например, в больнице и т. п.).

Диакон — священнослужитель, относящийся к первой, низшей степени духовенства. Диакон имеет благодать непосредственно участвовать в совершении священником или архиереем таинств, но не может совершать их самостоятельно (кроме крещения, которое могут при необходимости совершать и миряне). Во время богослужения диакон готовит священные сосуды, возглашает ектению и т. п. Поставление в диаконы совершается архиереем через рукоположение (хиротонию).

Духовенство — священнослужители. Различается белое (немонашествующее) и чёрное (монашествующее) духовенство.

Духовник — священник, принимающий исповедь у кого-либо. В более широком смысле — священник, руководящий своими духовными чадами.

Духовное чадо — человек, который находится на послушании у своего духовного отца — опытного священника, чаще всего старца.

Ектения — одна из главных составных частей богослужения, входит в состав большей части богослужений в Русской Православной Церкви и содержит молитвенные прошения. Ектению читает диакон, стоя на амвоне лицом к алтарю. Хор отвечает диакону так называемыми аккламациями («Господи, помилуй», «Поддай, Господи», «Тебе, Господи» и «Аминь»).

Елей — освящённое оливковое масло, используемое в церковном

обиходе.

Елеосвяще́ние — Таинство, заключающееся в помазании тела освящённым елеем, служащее духовным врачеванием телесных недугов, а также дарующее больному оставление грехов, в которых он не успел раскаяться. Другое название — соборование.

Епа́рхия — церковно-административная единица, управляется архиереем. Епархии разделены на благочиния, состоящие из нескольких приходов. Границы епархий, как правило, совпадают с административным делением страны.

Епископ — священнослужитель третьей, высшей степени священства, иначе архиерей. Первоначально слово «епископ» обозначало архиерейство как таковое, вне зависимости от церковноадминистративного положения, впоследствии, когда архиереи стали различаться на епископов, архиепископов, митрополитов и патриархов, слово «епископ» стало означать первую категорию из вышеперечисленных и в первоначальном смысле было заменено словом «архиерей».

Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения священника и архиерея — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь, спереди сшита или скреплена пуговицами, надевается поверх подризника или рясы. Символизирует благодатные дарования священника как священнослужителя. Без епитрахили священник и архиерей не могут священнодействовать.

Затворник — монах, совершающий подвиги своего спасения в полном уединении — в затворе.

Знаменное пение — древнерусское богослужебное пение, практиковавшееся в разных формах с IX по конец XVII в., затем было вытеснено партесным пением.

Игу́мен — первоначально — начальник мужского монастыря. В древности игумен не обязательно был священником, впоследствии установилась практика избирать игуменов из числа иеромонахов. До 2011 г. в Русской Православной Церкви игуменство давалось в награждение монашествующему священству (соответствует протоиерею в белом духовенстве), с 2011 г. в игумены могут становиться архимандриты и даже архиереи, если они вступают в управление монастырём.

Иерарх — см. Архиерей.

Иерей — священник. Другое название — пресвитер.

Иеродиакон — диакон, принявший монашество.

Иеромона́х — священник, принявший монашество.

Иеросхимона́х — священник-монах, принявший схиму.

Иисусова молитва — краткая молитва «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Иконостас — преграда, разделяющая алтарь и среднюю часть храма. Состоит из икон, расположенных ярусами.

И́кос — церковное песнопение, прославляющее чествуемого святого и церковное событие.

И́нок — русское наименование монаха, буквальный перевод с греческого. Монахиня — инокия. В современном православии — первая ступень монашества, после пострига иноку разрешается носить рясу, камилавку и чётки (другое название — рясофор).

Интрони́зация — торжественное богослужение, во время которого совершается возведение новоизбранного Патриарха на патриаршую кафедру. Интронизация совершается во время литургии с облачением новоизбранного Патриарха в патриаршие одежды и вручением ему патриаршего посоха.

Иподиа́кон — церковнослужитель, прислуживающий архиерею во время богослужения.

Ирмос — первая строфа в каждой из девяти песен канона, в которой прославляются священные события или лица.

Исповедник — человек, открыто исповедовавший веру во время гонений на неё.

И́споведь — Таинство Русской Православной Церкви, иначе называемое Таинством покаяния. Во время исповеди человек, исповедующий свои грехи с искренним раскаянием, получает разрешение и оставление грехов. Принимает исповедь священник или архиерей.

Кади́ло — металлический священный сосуд, в котором на горящих углях воскуривается ладан. Каждение совершается священнослужителями в наиболее торжественных местах богослужения.

Камила́вка — головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра, обтянутого материей. Фиолетовая богослужебная камилавка даётся в качестве награды архидиаконам, протодиаконам и священникам. Чёрная камилавка — принадлежность облачения рясофорного монаха, а также богослужебного облачения иеродиакона.

Кано́н — сложное многострофное произведение, посвящённое, например, прославлению какого-либо праздника или святого. Входит в состав богослужений утрени, повечерия, воскресной полунощницы,

отпевания, панихиды, соборования и некоторых других. Также канон читается на молебнах, по усопшим, за болящих и в келейной (домашней) молитве.

Канона́рх — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поёт хор.

Канониза́ция — причисление к лику святых. Основаниями для канонизации являются: мученическая смерть за исповедание христианства; исцеления и чудотворения, совершенные прославляемым при жизни и посмертно; достойная и святая жизнь; заслуги в распространении христианства; народное признание святости прославляемого; нетленность мощей. Канонизация местных святых совершается епархиальным архиереем, а общецерковных святых — собором. В Русской Православной Церкви нет особого чина канонизации, на основании соборного решения в избранный день совершается торжественная служба святому и таким образом устанавливается его почитание.

Кафедральный собор — главный храм епархии, где находится архиерейская кафедра.

Ке́ларь — заведующий монастырской продуктовой кладовой.

Келе́йник, келейница — лицо, прислуживающее сановным лицам монашеского звания и монахам-старцам.

Келе́йное правило — см. Молитвенное правило.

Ке́лия — отдельная жилая комната монаха в братском корпусе или отдельный дом монаха.

Кио́т, киво́т — небольшой застеклённый ящик или специальный застеклённый шкаф, в который ставятся иконы.

Кли́р — священнослужители и церковнослужители. Каждый храм имеет свой клир, то есть совокупность людей, совершающих в нём богослужение.

Кли́рос — место в храме, предназначенное для хора.

Кло́бук — 1. Принадлежность облачения монаха малой схимы — головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра с тремя широкими лентами, спускающимися на спину, чёрного цвета. 2. Принадлежность внебогослужебного облачения архиерея — архиерейский клобук, по форме подобен монашескому. Митрополиты носят клобук белого цвета с нашитым крестом, архиепископы — чёрного с нашитым крестом, епископы — чёрного. 3. Принадлежность внебогослужебного облачения Патриарха — патриарший клобук или куколь — полусферической формы, чёрного или белого цвета, с крестом на навершии, с вышитыми изображениями серафимов или крестов, одна лента, более широкая, спускается на спину и

две на грудь.

Кондак — стихотворная повествовательная проповедь, посвящённая тому или иному церковному празднику. Также кондаком называется меньшая по сравнению с икосом строфа акафиста.

Копи́е — обоюдоострый нож с коротким треугольным лезвием, который используется на проскомидии для изъятия частиц из просфор и для вырезания и раздробления агнца. Символически изображает копьё, которым были прободены рёбра Иисуса Христа на Кресте (см. Ин. 18: 34).

Крёстный ход — торжественное шествие вокруг храма духовенства и народа с иконами, крестами, хоругвями и др. Совершается в праздничные дни.

Ку́коль — верхнее облачение монаха великой схимы (см. «Схимонах») в виде остроконечного капюшона с двумя длинными, закрывающими спину и грудь полосами материи; чёрного цвета, с изображением на нём крестов, серафимов и текста трисвятого. Надевается поверх мантии. Куколь носит и Патриарх, см. «Клобук».

Ла́вра — название некоторых важнейших и наиболее крупных мужских монастырей. В Русской Православной Церкви пять лавр — Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская Почаевско-Успенская и Свято-Успенская Святогорская.

Ла́дан — ароматическая смола, используемая в каждении.

Лампа́да — масляный светильник, зажигаемый перед иконами, на престоле и семисвечнике.

Лити́я — вид богослужения, совершаемого в притворе храма — часть всенощного бдения на великой вечерне или великом повечерии; заупокойная служба, более краткая, чем панихида; шествие с молебном во время общественных бедствий.

Литурги́я — главное из общественных богослужений, во время которого совершается Таинство Причащения. Совершаются литургии трёх чинопоследований: литургия Иоанна Златоуста, литургия Василия Великого и литургия Преждеосвященных Даров. Общее построение литургий одинаково, различия касаются преимущественно молитв евхаристического канона, литургия Василия Великого более продолжительна. Чин литургии состоит из трёх частей — проскомидии (подготовительной), литургии оглашённых (на которой разрешается присутствовать оглашённым) и литургии верных (на которой им не разрешается присутствовать).

Мантия — длинный плащ без рукавов, застёгивается в двух местах — у ворота и у подола, надевается поверх подрясника или рясы. 1. Принадлежность облачения архиерея — мантия лилового цвета с тремя белыми с красным полосами (т.н. источниками) и с нашитыми скрижалями. У архимандрита мантия чёрная с четырёхугольными платами с изображениями креста или серафимов. Скрижали рассматриваются как символическое изображение Ветхого и Нового Заветов. Архиерей и архимандрит надевают мантию во время торжественной церемонии входа в храм. 2. Верхнее облачение монахов малой и великой схимы, иначе называемое паллием, — чёрного цвета.

Миро — благовонное масло, содержащее большое количество ароматических веществ, освящённое специальным чином в Великий Четверг на литургии. Освящение мира в Русской Православной Церкви совершает Патриарх.

Миряне — часть церковного народа, которая принимает молитвенное участие в совершении богослужения. Миряне могут также читать все последования, приведённые в часослове и, в крайнем случае, совершать Крещение самым кратким мирским чином.

Митра — принадлежность богослужебного облачения архиереев, архимандритов, а также протоиереев, которым право ношения митры даётся в качестве награды; головной убор формы, близкой к сферической. На митре по бокам помещаются четыре иконы — Иисуса Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи и какого-либо святого или праздника; одна икона (Троицы или серафима) размещается наверху. Архиерейская митра вместо верхней иконы увенчивается крестом.

Митрополит — первоначально архиерей, глава митрополии — крупной церковной области, объединяющей несколько епархий. Архиереи, управляющие епархиями, были подчинены митрополиту. Впоследствии митрополитами стали называться архиереи, управляющие крупными епархиями. В настоящее время в Русской Православной Церкви титул «митрополит» является званием, следующим после титула «архиепископ». Отличительной частью облачения митрополита является белый клобук.

Молебен — богослужение, в котором верующие благодарят или просят о чём-либо Господа Нашего Иисуса Христа, Богородицу или какого-либо святого. Совершается по просьбе верующих или в бедственных случаях (война, засуха и т. п.). Совершение молебна может происходить в храме, в доме, при освящении посевов — на поле и т.д. Может соединяться с водоосвящением.

Молитва Господня — молитва «Отче наш, иже еси на небесех...» (Мф.

6: 9—13), которую Иисус Христос дал Своим ученикам.

Молитвенное правило — утренние и вечерние молитвы, читаемые верующими каждый день. Содержится в молитвослове и часослове. Другое название — келейное правило.

Монастырь — община монахов, имеющих единый устав. В церковно-административном отношении монастырь подчиняется священноархимандриту — архиерею, в чьей епархии он находится, или непосредственно Патриарху (такие монастыри называются ставропигиальными). Управление монастырём осуществляет наместник в чине архимандрита или игумена. Наиболее крупные и значимые монастыри называются лаврами. Около монастырей на некотором расстоянии в более пустынном месте устраивались скиты для монахов, стремящихся к уединению. На Руси первый монастырь, Киево-Печерский, появился в XI в.

Монах — человек, посвятивший себя Богу через принятие обетов. Принятие обетов сопровождается постригом волос в знак служения Богу. Монашество делится на три последовательные степени в соответствии с принятыми обетами: рясофорный монах (рясофор, инок) — подготовительная степень к принятию малой схимы; монах малой схимы — принимает обет целомудрия, нестяжательства и послушания; монах великой схимы или ангельского образа (схимонах) — принимает обет отречения от мира и всего мирского. Монашество возникло в III в. в Египте и в Палестине. Первоначально это были удалившиеся в пустыню отшельники. В IV в. Святым Пахомием Великим были организованы первые общежительные монастыри, и затем общежительное монашество распространилось по всему христианскому миру. Основателями русского монашества считаются преподобные Антоний и Феодосий Печерские, создавшие в XI в. Киево-Печерский монастырь.

Мо́щи — останки тел святых. Мо́щи некоторых святых сохраняются нетленными.

Му́ченик — человек, принявший мучения и смерть за исповедание веры в Иисуса Христа.

Наместник — духовное лицо (игумен или архимандрит), поставленное архиереем для управления подчинённым ему монастырём.

Настоятель — старшее по административной власти духовное лицо в монастыре или храме. Настоятелем мужского монастыря является архиерей, в чьей епархии расположен монастырь, или Патриарх, если монастырь ставропигиальный. Настоятельницей женского монастыря является игуменья.

Обѣдня — простонародное название литургии.

Окормлѣние — пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве.

Омофор — широкая лента с изображением креста, которую надевают поверх других одеяний, элемент облачения епископов.

Орарь — длинная узкая лента из парчовой ткани, элемент облачения иподиаконов и диаконов.

Отпуст — благословение молящихся на выход из храма после окончания службы.

Панагія — 1. Просфора, из которой на литургии изъята частица в память Богородицы. 2. Небольшое изображение Богородицы, носимое архиереем на груди поверх облачения.

Паникадило — главный светильник в храме.

Панихида — служба по умершему в день похорон, на 3-й, 9-й и 40-й день после смерти. Другое название — парастас.

Паперть — внешняя часть притвора — крыльцо храма.

Параклисис — молебный канон, посвящённый Богородице, который поётся и читается верующими в случае душевной скорби.

Парастас — см. Панихида.

Пассия — особое богослужение, совершаемое в Великий пост в воскресные дни вечером. На пассии читаются тексты Евангелия, посвящённые страданиям Иисуса Христа.

Патриарх — в некоторых православных церквях — титул главы поместной церкви. Патриарх избирается поместным собором. Титул установлен Четвёртым Вселенским собором 451 г. (г. Халкидон, Малая Азия). На Руси патриаршество было учреждено в 1589 г., в 1721 г. упразднено и заменено на коллегиальный орган — Синод, в 1917 г. восстановлено.

Плащаница — большой плат с вышитым изображением Иисуса Христа или Богородицы.

Подворье — монашеская община, расположенная за пределами самого монастыря.

Подрясник — нижнее облачение духовенства — длинная одежда до пят, в талию, с узкими рукавами.

Полиелей — торжественное песнопение, состоящее из стихов 134—135 псалмов. Поётся в воскресенья и праздники во время богослужения утрени.

Пономарь — церковнослужитель, упоминаемый в уставе. Другие названия — паразккlesiарх, алтарник, дьячок.

Послушание — вид какой-либо работы, обязательно исполняемой каждым насельником монастыря. Послушания бывают постоянными (например, эконо́м, ризничий, казначей) и временными. Могут накладываться и в виде епитимьи, то есть как наказание.

Послушник — человек, готовящийся к постригу в монахи и проходящий испытание послушанием в монастыре.

Постриг — богослужение, совершаемое при принятии монашества (см. Монах). Соответственно трём степеням монашества существуют постриг в рясофоры, постриг в малую схиму и постриг в великую схиму. Постриг не клириков совершается монашествующим священником (иеромонахом, игуменом или архимандритом), клириков — архиереем. Чинопоследование пострига в рясофоры состоит из благословения, начала обычного, тропарей, иерейской молитвы, крестовидного пострижения и облачения новопостриженного в рясу и камилавку. Пострижение в малую схиму совершается на литургии после входа с Евангелием. Перед литургией постригаемый ставится на паперти. При пении тропарей его вводят в храм и ставят перед воротами царскими. Совершающий постриг спрашивает об искренности, добровольности и т. п. пришедшего и затем совершает постриг и наречение нового имени, после чего новопостриженного облачают в хитон, параман, пояс, рясу, мантию, клобук, сандалии и дают чётки. Пострижение в великую схиму совершается торжественнее и дольше, облачают постриженного в те же одежды, кроме парамана и клобука, заменяемых аналавом и куколем.

Потир — священный сосуд в виде чаши, в котором во время евхаристического канона освящается и пресуществляется вино с водой в Пречистую Кровь Христову. Потир изображает собой чашу Тайной Вечери (см. Лк. 22, 17). Из потира совершается причащение священнослужителей и мирян.

Праведный — святой, который, будучи мирянином и живя в миру, вёл святую и праведную жизнь.

Прелесть — «обманчивая святость», сопровождающаяся высшей формой лести самому себе, самообманом, мечтательностью, гордыней, мнением о своём достоинстве и совершенстве. В состоянии прелести человеку кажется, что он достиг больших духовных высот вплоть до личной святости, общается с ангелами или святыми, удостоился видений, способен творить чудеса и т. п.

Преподобноисповедник — исповедник из числа монашествующих.

Преподобномученик — монах, принявший мучения и смерть за исповедание веры в Иисуса Христа.

Преподобный — святой, достигший высоты монашеского делания и являющийся образцом монашеской жизни.

Престол — стол, находящийся в середине алтаря, освящённый архиереем для совершения на нём литургии. Являет собой место таинственного присутствия Иисуса Христа. Приступать к престолу разрешается исключительно священнослужителям.

Придёл — дополнительный алтарь с престолом. Приделы устраиваются для того, чтобы в один день (например, в крупные праздники или в воскресения) в одном храме можно было совершать несколько литургий (по количеству приделов), так как в Православной Церкви принято совершать не более одной литургии в один день на одном престоле (так же, как и священник не может совершать более одной литургии в день).

Притвор — западная часть храма. С одной стороны притвора располагается паперть, с другой — проход в среднюю часть храма. В притворе по уставу совершаются некоторые богослужения — обручения, лития, чин оглашения и др.

Приход — низшая церковно-административная единица, содержащая храм и общину верующих с клиром.

Причащение — таинство Православной Церкви. При причащении человек под видом хлеба и вина принимает Плоть и Кровь Иисуса Христа (см. Ин. 6: 53—58), становится таким образом причастным ко Христу. Таинство причащения совершается архиереем или священником во время литургии. В некоторых случаях причастие совершается запасными дарами. В Православной Церкви причастие совершается Хлебом и Вином. Для удобства раздробленный Хлеб полагают в потир вместе с Вином. К причастию принято приступать натощак и после исповеди. Другое название — Евхаристия.

Причт — церковнослужители какого-либо храма, то есть все, кроме священника и диакона: пономарь, псаломщик, чтец, звонарь и др.

Проскомидия — первая часть литургии, во время которой происходит приготовление хлеба и вина для совершения Таинства Евхаристии. Совершается священником или архиереем в алтаре на жертвеннике во время чтения часов. Хлеб, употребляется дрожжевой пшеничный, вино — красное виноградное, разбавленное водой. Для проскомидии используются пять служебных просфор (из первой вырезается агнец, из второй — частица в память Богородицы, из третьей — девять частиц соответственно

в память Иоанна Предтечи, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников, равноапостольных, последняя частица вынимается в память составителя литургии — Иоанна Златоуста или Василия Великого, из четвёртой просфоры вынимаются частицы в память живых, из пятой — в память умерших) и неограниченное число простых просфор, из которых вынимаются частицы в поминовение живых и усопших. Простые просфоры подаются верующими со списками имён тех, о ком они желают помолиться во время литургии.

Просфора — богослужебный литургический хлеб, употребляемый для таинства Евхаристии и для поминовения во время проскомидии живых и мёртвых. Готовится из квасного (то есть дрожжевого) теста, состоящего из пшеничной муки, воды и соли. На просфоре помещаются изображения (для этого тесто отливается в специальные формы) креста с надписью ИС ХС НИКА (Иисус Христос — победа) или образ какого-либо святого. Просфоры делаются двухсоставными (то есть из двух половинок) — в ознаменование двух естеств Иисуса Христа, божественного и человеческого.

Протодиакон — старший диакон в белом духовенстве. Звание протодиакона даётся в качестве награды. В чёрном духовенстве соответствует архидакону.

Протоиерей — старший священник в белом духовенстве. Звание протоиерея даётся в качестве награды. В чёрном духовенстве соответствует игумену. Если протоиерей удостоен ношения митры, он называется митрофорным протоиереем и в чёрном духовенстве соответствует архимандриту.

Протопресвітер — высший сан в белом духовенстве. До 1917 г. присваивался духовнику императора, протоиереям некоторых крупнейших соборов, старшим священникам придворного и военного ведомств. После 1917 г. исключительно редко присваивается в качестве награды за особые заслуги перед Церковью. Протопресвитер имеет право служить литургию с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш», носит митру и три креста — два с украшениями слева и справа и Патриарший крест по центру.

Псаломщик — церковнослужитель, поющий на клиросе, читающий богослужебные книги и т. п. Другое название — дьячок.

Пустынь — монастырь или скит, находящийся в отдалённом пустынном месте.

Пятисотница — молитвенное правило, включающее 500 молитв: 300 Спасителю, 100 Богородице, 50 Ангелу-хранителю и 50 всем святым. Входит в ежедневное монашеское правило.

Равноапостольный святой, который много способствовал распространению христианства в какой-либо области или стране. Например, Св. равноапостольный князь Владимир.

Разрешительная молитва — 1. Тайносовершительная молитва исповеди. При чтении разрешительной молитвы священник или архиерей данной ему властью (см. Мф. 18: 18) отпускает кающемуся исповеданные грехи. 2. Молитва, читаемая священником или архиереем в конце отпевания.

Ре́гент — руководитель церковного хора.

Ри́за — верхнее облачение священника при богослужении. Также ризами называются оклады на иконах и покрывала на престоле, аналое, жертвеннике. Другое название — фелонь.

Ризница — отдельное помещение в храме или место в алтаре, где хранятся облачения и священные сосуды.

Рукоположе́ние — богослужение, во время которого совершается Таинство священства — поставление в священнослужители; другие названия — хиротония, священство. Рукоположение совершается в диаконы (из иподиаконов), в священники (из диаконов) и в архиереи (из монашествующих священников). Соответственно существуют три чина рукоположения. В диаконы и священники рукоположение совершать может один архиерей; в архиереи рукоположение совершается собором архиереев. Рукоположение в диаконы совершается на литургии после евхаристического канона. Посвящаемый вводится в алтарь через царские врата, троекратно при пении тропарей обводится вокруг престола и затем встаёт на одно колено перед престолом. Архиерей возлагает край омофора на голову посвящаемого, сверху полагает руку и читает тайносовершительную молитву. После молитвы архиерей снимает крестовидно надетый орарь с посвящённого и возлагает орарь ему на левое плечо с возгласом «аксиос» («достойн»). Рукоположение в священники совершается на литургии после великого входа подобным образом — полагаемый становится на оба колена перед престолом, читается иная тайносовершительная молитва, рукоположенный облачается в священнические одежды. Рукоположение в архиереи совершается на литургии после пения трисвятого перед чтением Апостола. Рукополагаемый вводится в алтарь через царские врата, делает три поклона перед престолом и, встав на оба колена, полагает сложенные крестом руки на престол. Архиереи, совершающие рукоположение, держат над его головой открытое Евангелие, первенствующий из них читает

тайносовершительную молитву. Затем возглашается ектения, после которой Евангелие полагается на престол, а новорукоположенного облачают с возгласом «аксиос» в архиерейское облачение.

Ряса — верхнее облачение духовенства и монашества — длинная, просторная, с широкими рукавами одежда чёрного цвета.

Святитель — архиерей, прославленный в лике святых.

Святые Дары — хлеб и вино, освящённые и пресуществлённые в Плоть и Кровь Христовы во время совершения Евхаристии. Преждеосвященными, или запасными, Дарами называются освящённые Дары, оставленные для совершения литургии Преждеосвященных Даров, а также для совершения причастия вне храма — больных, умирающих и т. д.

Священник — священнослужитель, относящийся ко второй, средней степени священства. Имеет благодать совершать все Таинства, кроме Таинства Рукоположения. Другие названия — иерей, пресвитер. Поставление в священники совершается архиереем через рукоположение (хиротонию). К священнику и иеромонаху принято обращаться «Ваше преподобие», к протоиерею, игумену и архимандриту — «Ваше высокопреподобие». Ранее бытовавшие обращения к священнику «Ваше благословение» и к протоиерею «Ваше высокоблагословение» ныне практически вышли из употребления.

Священноархимандрит — глава монастыря — правящий архиерей епархии или (если монастырь ставропигиальный) Патриарх.

Священноисповедник — исповедник из числа священнослужителей и епископов.

Священномученик — священник или архиерей, принявший мучения и смерть за исповедание веры в Иисуса Христа.

Священнослужители — лица, имеющие благодать совершать Таинства (архиереи и священники) или непосредственно участвовать в их совершении (диаконы). Делятся на три последовательные степени: диаконы, священники и архиереи; поставляются через рукоположение (хиротонию).

Семисвечник — подсвечник из семи лампад или свечей, стоящий в алтаре за престолом.

Скит — келии монахов в отдалении от монастыря в пустынном месте. В церковно-административном отношении скит подчиняется настоятелю монастыря.

Скуфья — принадлежность облачения — головной убор в виде небольшой пирамидальной шапочки чёрного или фиолетового цвета.

Монахи и архиереи носят скуфью во внебогослужебное время, священникам из белого духовенства богослужебная фиолетовая скуфья даётся в качестве награды.

Собор — главный храм в городе или монастыре, рассчитанный на богослужение архиерея с большим числом духовенства.

Соборование — см. Елеосвящение.

Ста́рчество — вид монашеской деятельности, связанной с духовным руководством. Как правило, старец — опытный иеромонах (игумен, архимандрит), окормляющий братию монастыря и паломников-мирян, имеющий дары прозорливости и рассуждения.

Стиха́рь — богослужебное облачение священной церковнослужителей. Различаются стихари диакона (и церковнослужителя), священника и архиерея.

Стихи́ра — текст строфической формы, приуроченный к стиху псалма.

Схиархимандри́т — архимандрит, принявший схиму.

Схиигу́мен — игумен, принявший схиму.

Схи́ма — совокупность одежд монаха, монашеское облачение. Схи́ма соответственно степеням монашества бывает малая и великая.

Схимона́х — монах, принявший великую схиму, иначе — великий ангельский образ. При постриге в великую схиму монах даёт обет отречения от мира и всего мирского. Схимонах-священник (иеросхимонах) сохраняет право священнодействовать, схиигумен и схиархимандрит должны устраниться от монастырской власти, схиепископ должен устраниться от епископской власти и не имеет права совершать литургию.

Таи́нство — священнодействие, в котором христианам сообщается благодать Бога. В Русской Православной Церкви существуют семь Таинств: крещение, миропомазание, покаяние (исповедь), Евхаристия (причащение), венчание, рукоположение (хиротония, священство), елеосвящение (соборование).

Та́йная молитва — молитва, произносимая вполголоса, шёпотом или про себя.

Теплота — горячая вода, которой разбавляется вино после пресуществления в Кровь Христову.

Тра́пезная — здание в монастыре, в которое монашествующие собираются для принятия пищи. Трапезная обычно расположена в специальном храме.

Тре́бы — священнодействия, совершаемые по просьбе одного или

нескольких христиан в особых обстоятельствах их жизни. К ним относятся все Таинства (кроме хиротонии), причащение тяжелобольных на дому, панихиды, молебны, отпевания, освящения домов и пр.

Трезвон — праздничный радостный звон во все колокола с короткими перерывами. Совершается в праздничные дни, в торжественные места богослужения, во время крестного хода и др.

Тропарь — краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается сущность праздника, прославляется и призывается на помощь священное лицо. Тропарь в каноне — строфа, следующая за ирмосом.

Трудник — человек, живущий и работающий в монастыре на добровольной и бескорыстной основе, без намерения в дальнейшем стать послушником и монахом.

Утренья — общественное богослужение, совершаемое утром или вечером. Утренья бывает вседневной, праздничной и пасхальной.

Фелонь — см. Риза.

Хиротесия — посвящение в чин церковнослужителей (чтеца, священосца, иподиакона) или в какой-либо отдельный сан (протоиерея, игумена, архимандрита и т. п.). В отличие от хиротонии хиротесия проводится вне алтаря, в центре храма, обычно перед литургией.

Хиротония — см. Рукоположение.

Хитон — облачение схимонаха, грубая власяница, носимая под рясой.

Царские врата — главные врата иконостаса — двустворчатые двери напротив престола. Предназначены исключительно для входа священнослужителей во время богослужения. Обычно на Царских вратах помещаются иконы Благовещения и четырёх евангелистов.

Церковнослужители — вспомогательные лица, участвующие в общественном богослужении — алтарники, чтецы, певцы, канонархи и т.п.

Часовня — небольшое здание, предназначенное для общественной молитвы — преимущественно богослужений суточного богослужебного круга, в том числе часов, откуда происходит название. В отличие от храма, в часовне нет алтаря.

Часы — общественные богослужения, совершаемые четыре раза в сутки: первый час — вечером, третий и шестой часы — утром, девятый час днём. Первый и третий часы посвящены воспоминанию суда над Иисусом Христом, шестой час — воспоминанию крестного пути и распятия Иисуса

Христа, девятый час — воспоминанию крестного страдания и смерти Иисуса Христа. Часы бывают вседневные, великопостные, царские и пасхальные.

Чинопослёдование — последовательное сочетание молитв, песнопений и действий для той или иной службы.

Чудотворец — святой, прославившийся даром чудотворения и заступничества в ответ на обращённую к ним молитву.

Юродивый — человек, взявший на себя подвиг изображения внешнего безумия с целью достижения внутреннего смирения (см. 1 Кор. 3: 19). Другое название — блаженный.

notes

Примечания

Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. 101. Оп.
1. Ед. хр. 3330. Л. 163об. — 164.

Там же. Л. 149 об. — 150.

ΓΑΟΟ. Φ. 760. Οπ. 1. Εδ. χρ. 879. Λ. 641.

ΓΑΟΟ. Φ. 760. Οπ. 1. Εδ. χρ. 864. Λ. 138.

В заявлении на реабилитацию, поданном 5 февраля 1989 года, о. Иоанн указал в качестве домашнего адреса Большой Козихинский переулок, дом 29. Однако в справке на Крестьянкина И. М., полученной автором из Центрального архива ФСБ России и составленной по материалам следственного дела № Р-34900, указано: «На момент ареста <...> проживал по адресу: г. Москва, Большой Козихинский переулок, 26, кв. 1».

Легенда связывает этот случай с именем Г. М. Кржижановского. Однако у него не было братьев. Родственно связанный с семьей Кржижановских Д. Г. Подвойский в письме автору этих строк уверенно утверждает, что подобный эпизод был невозможен и по идейным соображениям. Так что кого именно отпевал о. Иоанн, пока остается тайной.

Даты даны по новому стилю.